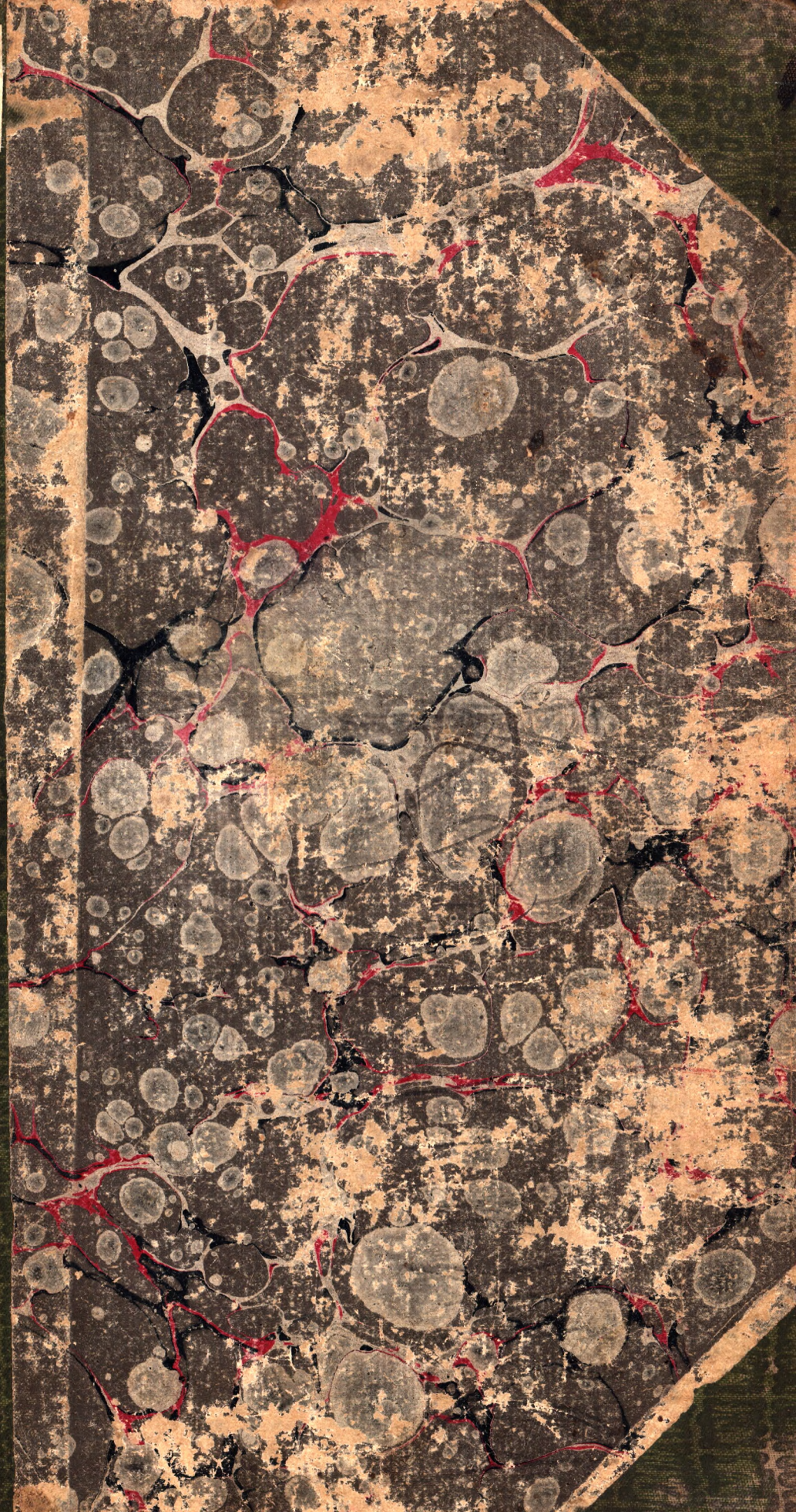

5461

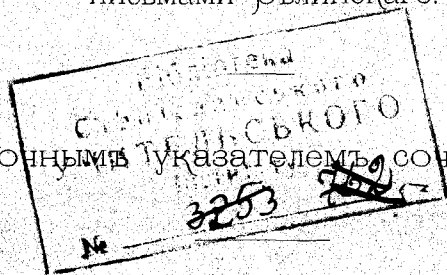

СОЧИНЕНІЯ В. Г. БѢЛИНСКАГО.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора со снимка В. Васнецова и избранными
письмами БѢлинскаго.

Со справочнымъ указателемъ соч. БѢлинскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ

1840—1842.

4 ДЕК 1941

НБ ПНУС

5461

Южно-Русское Книгоиздательство,
Ф. А. ЮГАНСОНА.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 3 сентября 1901 года.

К І Е В Ъ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуллевская улица, домъ № 22-й.

1901.

I. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Двѣ статьи о Лермонтовѣ.

I.

Герой нашего времени. Соч. Лермонтова. Спб. 1840. Двѣ части.

Отличительный характеръ нашей литературы состоитъ въ рѣзкой противоположности ея явленій. Возьмите любую европейскую литературу, и вы увидите, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ скачковъ отъ величайшихъ созданий до самыхъ пошлыхъ: тѣ и другія связаны лѣстницею со множествомъ ступеней, въ нисходящемъ или восходящемъ порядкѣ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотреть. Подѣвъ гениальнаго художественнаго созданія вы увидите множество созданий, принадлежащихъ сильнымъ художническимъ талантамъ; за ними безконечный рядъ превосходныхъ, примѣчательныхъ, порядочныхъ и т. д. беллетрическихъ произведеній, такъ что доходите до порожденій джизинной посредственности не вдругъ, а постепенно и незамѣтно. Самыя посредственныя произведенія иностранной беллетристики носятъ на себѣ отпечатокъ большей или меньшей образованности, знанія общества, или по крайней мѣрѣ грамотности авторовъ. И потому-то всѣ европейскія литературы такъ плодотворны и богаты, что ни на мигъ не оставляютъ своихъ читателей безъ достаточнаго запаса умственнаго наслажденія. Самая французская литература, бѣдная и ничтожная художественными созданиями, едва ли еще не богаче другихъ беллетрическими произведеніями, благодаря которымъ она и удерживаетъ свое исключительное владычество надъ европейскою читающею публикою. Напротивъ того, наша молодая литература по справедливости можетъ гор-

диться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданий, и до ничтожества бѣдна хорошими беллетрическими произведеніями, которые естественно должны бы далеко превосходить первыя въ количествѣ. Въ вѣкъ Екатерины литература наша имѣла Державина—и никого, кто бы хотя нѣсколько приближался къ нему; полузабытый нынѣ Фонвизинъ и забытые Хемницеръ и Богдановичъ были единственными примѣчательными беллетристами того времени. Крыловъ, Жуковский и Батюшковъ были поэтическими корифеями вѣка Александра I; Капнистъ, Карамзинъ (говоримъ о немъ не какъ объ историкѣ) Дмитріевъ, Озеровъ и еще немногіе блестящимъ образомъ поддерживали беллетристику того времени. Съ двадцатыхъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка литература наша оживилась: еще далеко не кончили своего поэтического поприща Крыловъ и Жуковский, какъ явился Пушкинъ, первый великій народный русскій поэтъ, вполнѣ художникъ, сопровождаемый и окруженный толпою болѣе или менѣе примѣчательныхъ талантовъ, которыхъ неоспоримымъ достоинствомъ мѣшаетъ только невѣжда быть современниками Пушкина. Но зато пушкинскій періодъ необыкновенно (сравнительно съ предшествовавшими и послѣдующими) былъ богатъ блестящими беллетрическими талантами, изъ которыхъ нѣкоторые въ своихъ произведеніяхъ возмѣшались до новизны, и хотя другіе теперь уже и не читаются, но въ свое время пользовались большимъ вниманіемъ публики и сдѣла-

занимали ее своими произведеніями, большую частью мелкими, помѣщавшимися въ журналахъ и альманахахъ. Начало четвертаго десятилѣтія ознаменовалось романическимъ и драматическимъ движеніемъ и—несбытими яркими надеждами: «Юрій Милославскій» подалъ большія надежды, «Торквато Тассо» тоже подалъ большія надежды... и многіе подавали большія надежды, только теперь оказались совершенно безнадежными... Но и въ этомъ періодѣ надеждъ и безнадежностей блеститъ яркая звѣзда великаго творческаго таланта.—мы говоримъ о Гоголѣ, который, къ сожалѣнію, послѣ смерти Пушкина ничего не печатаетъ, и котораго послѣднія произведенія русская публика прочла въ «Современникѣ» за 1836 годъ, хотя слухи о новыхъ его произведеніяхъ и не умолкаютъ... Тридцатый годъ былъ роковымъ для нашей литературы: журналы начали прекращаться одинъ за другимъ, альманахи наскучили публикѣ и прекратились, и въ 1834 году «Библиотека для Чтенія» соединила въ себѣ труды почти всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ограниченность ихъ дѣятельности и бѣдность русской литературы... Но обо всемъ этомъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ; на этотъ разъ прямо выскажемъ нашу главную мысль, что отличительный характеръ русской литературы—внезапные проблески сильныхъ и даже великихъ художественскихъ талантовъ и, за немногими исключениями, вѣчная поговорка читателей: «книгъ много, а читать нечего»... Къ числу такихъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, неожиданно являющихся среди окружающей ихъ пустоты, принадлежитъ талантъ Лермонтова.

Въ «Библиотеку для Чтенія» на 1835 годъ напечатано было нѣсколько (очень немного) стихотвореній Пушкина и Жуковскаго; послѣ того русская поэзія нашла свое убѣжище въ «Современникѣ», гдѣ, кромѣ стихотвореній самого издателя, появились нерѣдко и стихотворенія Жуковскаго и немногихъ другихъ, и гдѣ помѣщены: «Капитанская дочка» Пушкина, «Носъ», «Коляска» и «Утро дѣловаго человѣка», сцена изъ комедіи, Гоголя, не говоря уже о нѣсколькихъ замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ и критическихъ статьяхъ. Хотя этотъ полу-журналъ и полу-альманахъ только годъ издавался Пушкинымъ, но какъ въ немъ долго печатались посмертныя произведенія его основателя, то «Современникъ» и долго еще былъ единственнымъ убѣжищемъ поэзіи, скрывшейся изъ періодическихъ изданій съ началомъ «Библиотеки для Чтенія». Въ 1835 году вышла маленькая книжка стихотвореній

Кольцова, послѣ того постоянно печатающаго свои лирическія произведенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ до сего времени. Кольцовъ обратилъ на себя общее вниманіе, но не столько достоинствомъ и сущностью своихъ созданій, сколько своимъ качествомъ поэта-самоучки, поэта-прасола. Онъ и доселѣ не понять, не оцѣнить, какъ поэтъ, въ его личныхъ обстоятельствахъ, и только немногіе сознаютъ всю глубину, обширность и богатырскую мощь его таланта, и видятъ въ немъ не эфемерное, хотя и примѣчательное явленіе періодической литературы, а истиннаго жреца высокаго искусства. Почти въ одно время съ изданіемъ первыхъ стихотвореній Кольцова явился съ своими стихотвореніями и Бенедиктовъ. Но его музыка гораздо больше произвела въ публикѣ толковъ и восклицаній, нежели обогатила нашу литературу. Стихотворенія Бенедиктова—явленіе примѣчательное, интересное и глубоко поучительное: они отрицательно поясняютъ тайну искусства и въ то же время подтверждаютъ собою ту истину, что всякій вышній талантъ, ослѣпляющій глаза вѣзлнею стороною искусства и выходящій не изъ вдохновенія, а изъ легко воспламеняющейся природы, такъ же тихо и незамѣтно сходить съ арены, какъ шумно и блистательно является на нее. Благодаря странной случайности, вѣлѣдствіе которой въ «Библиотеку для Чтенія» попали стихи Красова и явились въ ней съ именемъ Бернега, Красовъ, до того времени печатавшій свои произведенія только въ московскихъ изданіяхъ, получилъ общую извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, его лирическія произведенія часто отличаются пламеннымъ, хотя и неглубокимъ чувствомъ, а иногда и художественною формою. Послѣ Красова заслуживаютъ вниманіе стихотворенія подъ фирмою—o—; они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо нихъ безъ душевнаго участія; находящіеся въ томъ же самомъ состояніи духа естественно преувеличаютъ ихъ достоинства; люди же, или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностью. Во всякомъ случаѣ стихотворенія—o—принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ литературы, и ихъ истори-

ческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію.

Можетъ быть, многимъ покажется странно, что мы ничего не говоримъ о Кукольниковѣ, поэтѣ, столь превознесенномъ «Библиотекою для Чтенія». Мы вполнѣ признаемъ его достоинство, который не подверженъ никакому сомнѣнію, но о которыхъ мнѣ всего нечего сказать. Поэтическія мѣста не выкупаютъ ничтожности цѣлаго созданія, точно такъ же, какъ два, три счастливые монолога не составляютъ драмы. Пусть въ драмѣ, состоящей изъ 3000 стиховъ, наберется до тридцати или, если хотите, и до пятидесяти хорошихъ лирическихъ стиховъ, но драма отъ того не менѣе скучна и утомительна, если въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни истины. Многочисленность написанныхъ къ-либо драмъ также не составляетъ еще достоинства и заслуги, особенно, если всѣ драмы похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. О талантѣ ни слова, пусть онъ будетъ; но степень таланта—вотъ вопросъ! Если талантъ не имѣетъ въ себѣ достаточной силы стать въ уровень съ своими стремленіями и предпріятіями, онъ производитъ только пустоцвѣтъ, когда вы ждете отъ него плодовъ.—Чтобы насъ не подозрѣвали въ пристрастіи, мы, пожалуй, упомянемъ еще и о Бернетѣ, во многихъ стихотвореніяхъ котораго иногда проблескивали яркія искорки поэзіи; но ни одно изъ нихъ, какъ изъ большихъ, такъ и изъ маленькихъ, не представляло собою ничего цѣлаго и оконченнаго. Къ тому же талантъ Бернета идетъ сверху внизъ, и послѣднія его стихотворенія послѣдовательно слабѣе первыхъ, такъ что теперь уже перестаютъ говорить и о первыхъ. Можетъ быть, мы пропустили еще нѣсколько стихотворцевъ съ проблескомъ таланта; но стоитъ ли останавливаться надъ однолѣтними растеніями, которые такъ не рѣдки, такъ обыкновенны, и цвѣтутъ одню мгновеніемъ! Стоитъ ли останавливаться надъ ними, хотѣли они и цвѣты, а не сухая трава? Нѣтъ!

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И потому обратимся къ живымъ. Но изъ нихъ только одинъ Кольцевъ общаетъ жизнь, которая не боится смерти, ибо его поэзія есть не современно-важное, но безотносительно примѣчательное явленіе. Никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя вставить съ нимъ наряду, и долго стоялъ онъ въ просторномъ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ, какъ вдругъ на горизонтѣ нашей поэзіи взошло новое яркое свѣтило и тотчасъ оказалось звѣздой первой величины. Мы говоримъ о Лермонтовѣ, который, безъ имени, явился въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Иллюстрату» 1838 года

съ поэмою «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», а съ 1839 года постоянно продолжаетъ являться въ «Отечественныхъ Запискахъ». Поэма его, несмотря на ея великое художественное достоинство, совершенно оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими; но каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Всѣ видѣли въ нихъ что-то совершенно новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко оцутительное присутствие мысли въ художественной формѣ. Пока, оставляя въ сторонѣ сравненія, мы замѣтимъ теперь только то, что, при всей глубинѣ мыслей, энергіи выраженія, разнообразіи содержанія, по которымъ Кольцову едва ли можно бояться чьего-либо соперничества, форма его стихотвореній, несмотря на свою художественность, всегда однообразна, всегда одинаково безыскусственна. Кольцовъ не есть только народный поэтъ; нѣтъ, онъ стоитъ выше, ибо если его пѣсни понятны всякому простолюдину, то его думы недоступны никому; но въ то же время онъ не можетъ назваться и поэтомъ національнымъ, ибо его могучій талантъ не можетъ выйти изъ магическаго круга народной непосредственности. Это гениальный простолюдинъ, въ душѣ котораго возникаютъ вопросы, свойственные только людямъ, развитымъ наукою и образованіемъ, и который высказываетъ эти глубокіе вопросы въ формѣ народной поэзіи. Поэтому онъ непереводимъ ни на какой языкъ, и понятенъ только у себя дома, только своимъ соотечественникамъ. «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» показываетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредственной русской жизни воспроизводить въ народно-поэтической формѣ, единственно свойственной имъ, тогда какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, являются въ той обще-мировой формѣ, которая свойственна поэзіи, перешедшей изъ естественной въ художественную, и которая, не переставая быть национальною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны.

Въ то время какъ какія-нибудь два стихотворенія, помѣщенные въ первыхъ двухъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года, возбуждали къ Лермонтову столько интереса со стороны публики, утвердили за нимъ имя поэта съ большими надеждами, Лермонтовъ вдругъ является съ повѣстью «Бѣда», написанною въ прозѣ. Это тѣмъ пріятнѣе удивило всѣхъ, что еще болѣе об-

наружило силу молодого таланта и показало его разнообразіе и многосторонность. Въ повѣсти Лермонтовъ явился такимъ жетворцомъ, какъ и въ своихъ стихотвореніяхъ. Съ перваго раза можно было замѣтить, что эта повѣсть вышла не изъ желанія замечтательно рисовать публику исключительно любимымъ ей родомъ литературы, не изъ слабого подражанія дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, но изъ того же источника, изъ котораго вышли его стихотворенія—изъ глубокой творческой натуры, чуждой всякихъ побужденій, кромѣ вдохновенія. Лирическая поэзія и повѣсть современной жизни соединились въ одномъ талантѣ. Такое соединеніе, повидимому, столь противоположныхъ родовъ поэзіи не рѣдкость въ наше время. Шиллеръ и Гёте были лириками, романистами и драматургами, хотя лирической элементъ всегда оставался въ нихъ господствующимъ и преобладающимъ. Самъ «Фаустъ» есть лирическое произведеніе въ драматической формѣ. Поэзія нашего времени по преимуществу—романъ и драма; но лиризмъ все-таки остается общимъ элементомъ поэзіи, потому что онъ есть общій элементъ человѣческаго духа. Съ лиризма начинается почти каждый поэтъ, такъ же, какъ съ него начинается каждый народъ. Самъ Вальтеръ Скоттъ перешелъ къ роману отъ лирическихъ поэмъ. Только литература Сѣверо-американскихъ штатовъ началась романомъ Купера, и это явленіе такъ же странно, какъ и общество, въ которомъ оно произошло. Можетъ быть, это оттого, что сѣверо-американская литература есть продолженіе англійской. Наша литература представляетъ тоже совершенно особенное явленіе; мы вдругъ переживаемъ всѣ моменты европейской жизни, которые на Западѣ развивались послѣдовательно. Только до Пушкина наша поэзія была по преимуществу лирическою. Пушкинъ недолго ограничился лиризмомъ и скоро перешелъ къ поэмѣ, а отъ нея—къ драмѣ. Какъ полный представитель духа своего времени, онъ также покушался на романъ: въ «Современникѣ» 1838 года помѣщено шесть главъ (съ началомъ седьмой) изъ неоконченнаго романа его подъ названіемъ «Аранъ Петра Великаго», изъ которыхъ четвертая глава была первоначально помѣщена въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1829 года. Повѣсти Пушкинъ началъ писать уже въ послѣдніе годы своей недоконченной жизни. Однако жъ очевидно, что настоящимъ его родомъ былъ лиризмъ, стихотворная повѣсть (поэма) и драма, ибо его прозаическіе опыты далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть «Кавказская Дочка», при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами.

Это не больше, какъ превосходное беллетристическое произведеніе съ поэтическими и даже художественными частностями. Другія его повѣсти, особенно «Повѣсти Бѣлкина», принадлежать исключительно къ области беллетристики. Можетъ быть, въ этомъ заключается причина того, что и романъ, такъ давно начатый, не былъ конченъ. Лермонтовъ и въ прозѣ является равнымъ себѣ, какъ и въ стихахъ, и мы увѣрены, что съ большимъ развитіемъ его художественной дѣятельности онъ непременно дойдетъ до драмы. Наше предположеніе не произвольно: оно основывается сколько на полнотѣ драматическаго движенія, замѣтнаго въ повѣстяхъ Лермонтова, столько же и на духѣ настоящаго времени, особенно благоприятнаго соединенію въ одномъ лицѣ всѣхъ формъ поэзіи. Послѣднее обстоятельство очень важно, ибо и у искусства всякаго народа есть свое историческое развитіе, вслѣдствіе котораго опредѣляется характеръ и родъ дѣятельности поэта. Можетъ быть, и Пушкинъ былъ бы такимъ же великимъ романистомъ, какъ лирикомъ и драматургомъ, если бы явился позже и имѣлъ подобнаго себѣ предшественника.

«Бѣла», заключая въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ изъ большаго сочиненія, равно какъ и «Фаталистъ», и «Таманъ», впоследствии напечатанные въ «Отечественныхъ же Запискахъ». Теперешніе являютсѣ вмѣстѣ съ другими, съ «Максимомъ Максимычемъ», «Предисловіемъ къ журналу Печорина» и «Княжной Мери», подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Героя нашего времени». Это общее названіе—не прихоть автора; равнымъ образомъ по названію не должно заключать, чтобы содержащаяся въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были рассказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ навязалъ роль рассказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ рассказовъ. Въ «Бѣлѣ» онъ является какимъ-то таинственнымъ лицомъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой какъ будто бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ-за отношеній его къ Бѣлѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, который рассказалъ ему повѣсть о Бѣлѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Бѣлѣ все еще остается для васъ загадкою. Наконецъ, въ рукахъ автора журналъ Печорина, въ предисловіи къ которому ав-

торъ дѣлаетъ намекъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе познакомиться съ героями романа. Въ высшей степени поэтическомъ разсказѣ «Таманъ» герой романа является автобиографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ «Княжнѣ Мери», и туманъ разсвѣтаетъ, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое чувство, мгновенно овладѣвшее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаётъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете, наконецъ, «Фаталиста», и хотя въ этомъ разсказѣ Печоринъ является не героемъ, а только рассказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ «Героя нашего времени», но—странное дѣло!—вы еще болѣе понимаете его, болѣе думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе... Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само по себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ группу, которой средоточіе есть это одно лицо,—вмѣстѣ съ вами смотрятъ на него, кто съ любовью, кто съ ненавистью—какая причина этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и етъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность частей съ цѣлымъ, это строго соразмѣрное распредѣленіе ролей для всѣхъ лицъ, наконецъ, эта оконченность, полнота и замкнутость цѣлага.

Сущность всякаго художественнаго произведенія состоитъ въ органическомъ процессѣ его явленія изъ возможности бытія въ дѣйствительность бытія. Какъ невидимое зерно, западаетъ въ душу художника мысль

изъ этой благодатной и плодородной почвы развертывается и развивается въ опредѣленную форму, въ образы, полные красоты и жизни, и, наконецъ, является совершенно особымъ, цѣльнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ міромъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны цѣлому, и каждая, существуя сама по себѣ и сама собою, составляя замкнутый въ самомъ себѣ образъ, въ то же время существуетъ для цѣлага, какъ его необходимая часть, и способствуетъ впечатлѣнію цѣлага. Такъ точно живой человѣкъ представляетъ собой также особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ: его организмъ сложенъ изъ безчисленнаго множества органовъ, и каждый изъ этихъ органовъ, представляя собою удивительную цѣлость,

оконченность и особность, есть живая часть живого организма, и всѣ органы образуютъ единый организмъ, единое недѣлимое существо—индивидуумъ. Какъ во всякомъ произведеніи природы, отъ ея низшей организаціи—минерала, до ея высшей организаціи—человѣка, нѣтъ ничего ни недостающаго, ни лишняго; но всякій органъ, всякая жилка, даже недоступная невооруженному глазу, необходима и находится на своемъ мѣстѣ. такъ и въ созданіяхъ искусства не должно быть ничего ни недооконченнаго, ни недостающаго, ни излишняго, но всякая черта, всякій образъ и необходимъ, и на своемъ мѣстѣ. Въ природѣ есть произведенія неполныя, уродливыя, вслѣдствіе несовершенства организаціи; если они, несмотря на то, живутъ—значитъ, что получившіе ненормальное образованіе органы не составляютъ важнѣйшихъ частей организма, или что ненормальность ихъ не важна для цѣлага организма. Такъ и въ художественныхъ созданіяхъ могутъ быть недостатки, причина которыхъ заключается не въ совершенно правильномъ ходѣ процесса ихъ явленія, т. е. въ большемъ или меньшемъ участіи личной воли и разсудка художника, или въ томъ, что онъ недостаточно выносилъ въ своей душѣ идею созданія, не далъ ей вполне сформироваться въ опредѣленные и окончательные образы. И такіе произведенія не лишаются чрезъ подобныя недостатки своей художественной сущности и цѣнности. Но, какъ въ произведеніяхъ природы слишкомъ неправильное развитіе органовъ производитъ уродовъ, которые, родясь, тотчасъ и умираютъ, такъ и въ сферѣ искусства есть произведенія, неперезживающія минуты своего рожденія. Вотъ такіе-то произведенія искусства могутъ быть и передѣлываемы, и приноравляемы къ случаю и къ обстоятельствамъ, и о такихъ-то произведеніяхъ говорится, что въ нихъ есть и красоты, и недостатки. Но истинно-художественныя произведенія не имѣютъ ни красоты, ни недостатковъ: для кого доступна ихъ цѣлость, тому видится одна красота. Только близорукость эстетическаго чувства и вкуса, неспособная обнять цѣлое художественнаго произведенія и теряющаяся въ его частяхъ, можетъ въ немъ видѣть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность.

Все, что имъ есть въ дѣйствительности, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ явленіи. Всякая организація есть свидѣтельство присутствія духа: гдѣ организація, тамъ и жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и духъ. И потому, какъ всякое произведеніе природы, отъ минерала и былинки до человѣка, есть обособленіе общаго духа жизни

въ частномъ жизни, такъ и всякое созданіе искусства есть обособленіе общей міровой идеи въ частный образъ, въ самомъ себѣ замкнутой. Организация есть сущность того процесса, чрезъ который является все живое и нерукотворное, слѣдовательно, и всё произведенія природы и искусства. И потому-то тѣ и другія такъ цѣлостны, такъ полны, окончены, — словомъ, замкнуты въ самихъ себѣ.

Но что же такое эта «замкнутость»? спросить насъ, наконецъ. Отвѣчаемъ: это вещь столько же простая, сколько и мудреная, — и удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ столько же легко, сколько и трудно. Что такое духъ? Что такое истина? Что такое жизнь? Какъ часто предлагаются такіе вопросы, и какъ часто дѣлаются на нихъ отвѣты! Вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ подобные вопросы, стремящіеся къ разрѣшенію. И что же? — для многихъ ли рѣшена загадка и найдено слово? Отчего же такъ? Да оттого, что всё вопросы и предлагаются, и рѣшаются словомъ, а слово есть или мысль, или пустой звукъ; кто въ самой натурѣ своей, внутри самого себя, въ таинственномъ святилищѣ духа своего носить возможность рѣшенія такихъ вопросовъ, — возможность, которая называется предположеніемъ, предчувствіемъ, чувствомъ, внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины, врожденными идеями, и проч., — для того слово есть мысль, и услышавъ его, онъ принимаетъ въ себя значеніе, заключенное въ этомъ словѣ. Причина такой понятливости заключается въ сродствѣ или, лучше сказать, въ тождествѣ познающаго съ познаваемымъ. Но и самое это тождество требуетъ большого развитія: иначе понятливость тупѣетъ, и вопросы остаются безотвѣтны. Но у кого имѣть этого тождества съ предметами его познанія, для того слово — пустой звукъ: ухо его услышитъ слово, но разумъ останется глухъ для него. Вотъ почему вопросы, о которыхъ мы говоримъ, столько же просты, сколько и мудрены, и отвѣчать на нихъ столько же легко, сколько и трудно. Однако жъ мы попытаемся здѣсь навести читателей на идею того, что мы называемъ, въ природѣ и искусствѣ, замкнутостью. Посмотрите на цвѣтущее растеніе: вы видите, что оно имѣетъ свою опредѣленную форму, которою отличается оно не только отъ существъ въ другихъ царствахъ природы, но даже и отъ растеній разнаго съ нимъ рода и вида; его листики расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостью, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣланъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей...

Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жлчочекъ, отгѣнковъ; какая нѣжная и яркая пыль.. И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!.. Но все ли тутъ? О, нѣтъ! Это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изънутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Тамъ, внутри его ствола, цѣлый новый міръ: тамъ самодѣтельная лабораторія жизненности, тамъ, по тончайшимъ сосудцамъ дивно правильной отдѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... Гдѣ же начало и причина этого явленія? Въ немъ самомъ: оно было уже, когда еще не было растенія, когда было только зерно. Уже въ этомъ зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ! Видите ли, въ этомъ цвѣткѣ все, что ему нужно: и жизнь, и источникъ жизни, и явленіе, и причина явленія, и растительность, и всё орудія, органы и сосуды растительности; а между тѣмъ гдѣ вы усмотрите начало или конецъ всего этого? Вы видите, что это растеніе полно и совершенно само въ себѣ, не имѣетъ ничего недостающаго ему и ничего лишняго, что оно живо и индивидуально; но гдѣ же пружина его жизни, исходный пунктъ его индивидуальности? гдѣ? Они замкнуты въ немъ, и потому оно есть совершенно-цѣлое, оконченное — словомъ, замкнутое въ самомъ себѣ органическое существо. Но растеніе связано съ землею, въ которой первоначально развивается и изъ которой получаетъ питаніе, дающее ему матеріалъ для развитія и поддержанія его бытія; посмотрите на животное: оно одарено способностью произвольнаго движенія, оно всегда носитъ себя съ самимъ собою: оно есть и растеніе, которое растетъ изъ почвы и на почвѣ, оно есть и почва, изъ которой и на которой растетъ. Смотря на него извнѣ, мы видимъ явленіе; вскрывъ его организмъ, мы видимъ источникъ явленія: тамъ кости связаны сухими жлчками, стобы членовъ смазаны пѣсокомъ, которая готовится въ особыхъ железахъ, мускулы протканы нервами... Но и тутъ вы еще не все видите; возьмите микроскопъ, увеличивающій въ миллионъ разъ, — и васъ поразитъ благоговѣйнымъ изумленіемъ эта безконечность организаціи; вы увидите, что и тысячи вашихъ жизней недостаточно, чтобы только перечислить эти тончайшія нити, полныя первосущныхъ силъ природы, — и каждая ниточка, каждая фибра необходима для цѣлага, и не можетъ быть ни исключена, ни замѣнена безъ искаженія цѣлой формы; между малѣйшими органами имѣтъ и такого пустого пространства, гдѣ бы могъ улетѣть

невидимый для простого глаза атомъ; все внутреннее такъ тѣсно и неразрывно слито въ внешнюю форму, что одно замыкаетъ въ себѣ другое, а цѣлое есть замкнутое въ самомъ себѣ существо... Человѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно высшее и поразительнѣйшее зрѣлище: сообщенный и слитый со всею природою и тайною жизни природы,—онъ во всемъ, внѣ себя, видитъ осуществившіеся законы собственного разума, и великое *все* нашло въ немъ свой органъ, отдѣлившись въ немъ отъ самого себя, чтобы взглянуть на себя и сознать себя. Общее и безразличное стало въ немъ частнымъ и особнымъ, чтобы чрезъ эту частность и особность снова возвратиться къ своей общности, сознавъ ее. Законъ обособленія и замкнутости въ частномъ явленіи общаго есть основной законъ мировой жизни!.. И въ искусствѣ онъ открывается съ такимъ же полновластіемъ, какъ и въ природѣ: въ уразумѣннѣ тайны закона обособленія заключается разгадка тѣйны искусства. Творческая мысль, запавъ въ душу художника, организуется въ полное, цѣлостное, оконченное, особое и замкнутое въ себѣ художественное произведеніе. Обратите все ваше вниманіе на слово «организуется»: только органическое развивается изъ самого себя, только развивающееся изъ самого себя является цѣлостнымъ и особнымъ, съ частями пропорционально и живо сочлененными и подчиненными одному общему. Вотъ почему, напр., романъ Вальтеръ Скотта, наполненный такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, нисколько непохожихъ одно на другое, представляющій такое сцѣпленіе разнообразныхъ происшествій, столкновеній и случаевъ, поражаетъ васъ однимъ общимъ впечатлѣніемъ, даетъ вамъ созерцаніе чего-то единого—вмѣсто того чтобы спутать и сбить васъ этимъ калейдоскопическимъ множествомъ характеровъ и событій. По той же причинѣ и каждое лицо въ романѣ существуетъ для васъ само по себѣ; вы видите его передъ собою во весь ростъ, во всей его характеристической особенности и никогда уже не забудете его, а если и забудете, то, перечитывая романъ вновь, хотя бы чрезъ двадцать лѣтъ, тотчасъ увидите, что это лицо вамъ знакомо, что вы гдѣ-то уже видѣли его. Но цѣлое романа—его колоритъ, его индивидуальная особенность, его «нѣчто», для выраженія котораго нѣтъ слова,—еще памятиѣ вамъ, нежели каждое слово въ особенности: уже и лица въбѣхъ романовъ, и содержаніе ихъ излагалось изъ вашей памяти, но съ словами: «Ламмермурская невѣста». «Ивангое», «Шотландскіе Пуритане» и пр., никогда

не перестанутъ для васъ соединяться совершенно различныя понятія... Какъ какое-то неясное видѣніе, какъ аккордъ, внезапно въ вышинѣ раздавшійся, какъ благоуханіе, мимо васъ мгновенно пронесшееся, будетъ вамъ, какъ въ туманѣ, представляться индивидуальная общность каждаго романа.

Все сказанное нами очень нетрудно приложить къ роману Лермонтова. Для этого мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли. Романъ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Кайшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное—они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его телѣжку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкой двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шель ея хозяинъ, кура изъ маленькой труппы. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые несоответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, путивъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шута, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказъ?

— Съ годъ,—отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! ужасные бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-те ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что жъ съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драсть съ проезжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ."

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа—съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленного въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія наминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характе-

1935

1262

ровъ въ романахъ Вальтеръ Скотта и Купера, но который, по своей новосте, самобытности и чисто русскому духу, не походить ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данная природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыхъ поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отделились въ особую форму, которая такъ и говоритъ намъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ нежъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ «чортъ возьми», и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ «тысяча бомбъ», безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака,—а во взглядѣ на вещи, приобритенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимыми результатамъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него «жить» — значитъ «служить», и служить на Кавказѣ; «азіаты» — его природные враги; онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большие плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ невичка и еще выманять у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ,—о нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозреваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты «азіаты» обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или по крайней мѣрѣ о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ: познакомьтесь съ нимъ получше,—и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ, какимъ-то истиннымъ, понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанию, душа его жаждетъ любви и сочувствія,—и вы отъ души полюбите простого, доброго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабъ-капитанъ не ошибся:

осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ грозно прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. «Вѣдь этакой народъ», сказалъ онъ: «и хлѣба по-русски назвать не умѣютъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!»... Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть неплеще...»

Вотъ, наконецъ, путешественники наши добрались до станціи и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое — людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно вталкиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолкѣ. Наши путники закурили трубки, внимая пріятливому шипѣнію чайника.

— Жалкіе люди! — сказалъ я штабъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то ослѣпленіи. — Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянные бабки, а у этихъ и въ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ и не увидишь. Ужъ поделно осетини!

— А вы долго были въ Чечкѣ?

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротей, у Каменнаго Врода, знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головерѣзы; имъче, слава Богу, смирише, а бывало, на сто шаговъ отойдешъ за валы, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зашѣвелся, того и гляди — либо арканъ на шею, либо пуля въ затылокъ. А молодцы...

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? — сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался.

И вотъ, Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ, три черты — и передъ вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... «Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался»: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физиономіи Максима Максимыча, какъ много обнимаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!.. Принявъ поданный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отлебузнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «да, бываетъ!»

Но мы еще должны несколько поговорить словами самого автора:

— Не хотите ли подбавить рома?—сказалъ я моему собесѣднику,—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса: теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятіе. Когда былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтомъ на-веселѣ; да ужъ и досталось намъ, когда Алексій Петровичъ узналъ: не дай Господи какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропаздій человекъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы,—продолжалъ онъ, какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на-силу ноги унесъ, а еще у мѣртва князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?—

Вотъ начало поэтической исторіи «Бѣлы». Максимъ Максимычъ рассказывалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключаются безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ рассказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и рассказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?—

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Теремомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали. Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ; славный былъ малый, смѣлъ васъ утѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ взявшабухъ, устануть, а ему ничего. А другой разъ сидѣть у себя въ комнатѣ: вѣтеръ нахнетъ—увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ задремываетъ и nobleднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ: бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добнешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ рассказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями и, должно быть, богатыи человекъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещей?...

— А долго ли онъ съ вами жилъ?—спросилъ я о немъ.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ; не тѣмъ будь поманутъ! Вѣдь есть, право, этия люди, у которыхъ на роду написано, что

съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя!—воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чай.

— А вотъ я вамъ расскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Годоворъзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ панку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. «Эй, Азаматъ,—говорилъ ему Максимъ Максимычъ,—не сносишь тебѣ головы: ямажъ будетъ твоя башка!» Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и повалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, представшія отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. «Погодите, сказалъ я, усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ.»

Изъ этого мѣста рассказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяйина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и проѣхала ему...

— Какъ бы сказать?... въ родѣ complimenta.

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескаты*, каки молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русский офицеръ стройнѣе ихъ и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ея его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ коихнему. «Какова!» шепнулъ онъ Печорину.— «Прелестъ! А какъ ее зовутъ?»—«Бѣлою».

«И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, толенькая, глаза черные, какъ у горной серы, такъ и заглядывали намъ въ душу.» Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ черкесъ Казбичъ. Онъ былъ и мирнымъ, и кемирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хоть онъ не былъ замѣченъ ни въ какой палатѣ. Но мы почитаемъ необходимымъ вполне обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. «Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него

была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А ужь ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бенметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его ставилась въ цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣзники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная, какъ смоль, ноги—струнки, глаза не хуже, чѣмъ у Волы, а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужь выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойническая лошадь!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это не даромъ. Такъ какъ въ саклѣ было душно, онъ вышелъ освѣжиться и вздумалъ кстати провѣдать лошадей. Тутъ за заборомъ онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадь Казбича, на которую давно зарился; а Казбичъ, подстрекуемый этимъ, рассказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполне знакомитъ читателя съ черкесами, какъ съ племенемъ, и въ немъ могучею художническою кистью обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. «Если бъ у меня была табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего Карагѣза», сказала Азаматъ.—*Иокъ*, не хочу,—равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ лѣстить ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или пашку, которая, только приложи руку къ левью, сама впиается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышетъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе—медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата—ничто. Онъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ увидѣлъ Карагѣза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздвывая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостыгло... Можно подумать, что онъ рассказывалъ о любви или ревности,—чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. «На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ

Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ является вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ по крайней мѣрѣ показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преприемаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. «Послушай!—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ,—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоитъ Бала твоего скакуна?...

Казбичъ долго молчалъ и, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія черкеса:

„Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купить четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ и замѣнитъ, онъ же обманетъ.“

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, лѣстилъ ему. «Пооди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!» «Меня!» крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. «Будетъ потѣха!» подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздаль коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говори, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы, и ускользнулъ.

— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, прѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый! а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? расскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать, началъ рассказывать, такъ надо продолжать.“

Дня черезъ четыре прѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхвали-

вать лошадь Казбича. У татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; Максимъ Максимычъ заговорить о другомъ, а Печоринъ сведеть разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азаматъ видимо блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жадность къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (название, которымъ всѣ дѣти очень оскорбляются!), а Карагѣзъ такая чудная лошадь!.. И вотъ однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меда; Максимъ Максимычъ велѣлъ привезти на другой день. «Азаматъ!—сказалъ Печоринъ,—завтра Карагѣзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бала не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня.» «Хорошо!» сказалъ Азаматъ, поскандалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго, поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой), лежала женщина съ связанными ногами и руками, съ головою, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпость съ своимъ товаромъ; Максимъ Максимычъ попотчивалъ его чаемъ, потому что (говорилъ онъ), хотя разбойникъ онъ, «а все-таки былъ моимъ кунакомъ». Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: «моя лошадь! лошадь!» выбѣжалъ вонъ, перескочивъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азаматъ; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что даль промахъ, завязжалъ, въ дребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которые велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азаматъ, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бала въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери, ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Въдѣ у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки! пожалуйста вашу шпагу!

— Митка, шпагу!

Митка принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, пошелъ къ нему на кровать и сказалъ:—Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо?

— Что не хорошо?

— Да то, что ты увезъ Балу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?

— Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ вступикъ. Однако жъ, послѣ цѣлотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.

— Вовсе не надо.

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ вступикъ.

— Послушайте, Максимъ Максимычъ.—сказалъ Печоринъ, приподнявшись,—вѣдь вы добрый человекъ, а если отгадамъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охоту портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее,—сказалъ я.

— Она за этою дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говорить и не смотреть: пуглива, какъ дикая серна. Я наваялъ нашу духанцицу, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня,—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непременно должно согласиться.

Нѣтъ ничего тяжеле и неприятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью—прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать инныя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ рассказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобноисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частныхъ, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать въ слова до слова весь рассказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубоко-знаменательно, дышетъ такую поэтическою жизнью, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать по-своему, сколько возможно держась выражений подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бала на подарки, которые каждый день приносили ей Печоринъ, и гордо отгадывая ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ онъ

учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изрядка и посматривать на него, но все исподлобья, искоса, и все грустила, наиввала свои пѣсни вполголоса, «такъ что (говорилъ Максимъ Максимычъ), бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты.» Уговаривая ее полюбить себя, Печоринъ спросилъ ее, не любить ли она какого-нибудь чеченка, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпуститъ ее домой. Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой... «Или я тебѣ совершенно ненавистен?» Она вздохнула. «Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?» она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей сказалъ, что Аллахъ одинъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволилъ полюбить ее, то почему же запретить ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ ея глазахъ выразилось желаніе убѣдиться. «Если ты будешь грустить, говорилъ онъ ей, я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?» Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: *«поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!»* Какая граціозная и въ то же время какая вѣрная натуръ черта характера! Природа нигдѣ не противорѣчитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшего тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое, простодушное *«поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!»* вы видите передъ собою эту очаровательную чернооую Валу, полудикую дочь вольныхъ ушелей, и васъ такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?.. Онъ сталъ настаивать, она задрожала и заплакала. «Я твоя плѣнница, твоя раба,—говорила она,—конечно, ты можешь меня принудить»—и опять слезы. «Дьяволъ, а не женщина!»—сказалъ онъ Максиму Максимычу;—только я даю вамъ честное слово, что она будетъ моя...»

Однажды онъ вошелъ къ ней одѣтый по-черкесски и вооруженный и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ быть, подъ пулю...

„Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель рассмотреть ея лицо; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта. Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шути. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только онъ едва коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость!..“

Штабсъ-капитанъ замолчалъ...

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, тербя усы, мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.“

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бала полюбила его съ перваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя любятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому, ни самимъ себѣ.. Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря много, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастье въ жизни?.. Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бала!..

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Балы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи Карагѣза. Отъ Балы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня плакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Валу, что забылъ для нея охоту и не выходилъ за крѣпостной вѣтъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки на спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. «Не хорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ): вѣрно, между ними пробѣжала черная кошка!» Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ и увидѣлъ Валу такую блѣдненькою, такую печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

„— А нынче мнѣ уже кажется, что онъ меня не любитъ.“

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, а княжеская дочь!..“

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскутитъ Печорину.

— Правда, правда, — отвѣчала она: я буду весела! И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительнo, она упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думаль, думаль, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренебрежнoе положенье-съ.

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ чернаго, который вдругъ выскочилъ изъ лѣса и саженьяхъ во ста отъ нихъ, началъ какъ бѣшенный кружиться: Бала узнала въ немъ Казбича.

Наконецъ, Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлаждения къ Балѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Балѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины свсего охлаждения, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщалъ. Можетъ быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору, и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!... Но тѣмъ не менѣе мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ, столько же общемъ, сколько и грустномъ феноменѣ человѣческаго сердца, который особенно частъ и подозрителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скорого охлаждения Печорина къ Балѣ не было ни причиныю его и то, что для безсознательнаго, чисто естественнаго, хотя и глубокаго чувства черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія, тогда какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа? Къ тому же вѣдь одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, а что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? что оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня: любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственннхъ натур въ чувство безконечнаго. Въ любви Балы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ глаза на глаза съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать

его ласки, предугадывать и ловить его желанія, мѣять отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ — вотъ все, чего требовала душа Балы; при такой жизни и вѣчнось показала бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, какъ на четыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Балѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ, на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Балы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра, часовъ съ десяти, напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ угваривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной, ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. «Таковъ ужъ былъ человекъ: что задумаетъ, подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ.» Однако жъ послѣ полудня они безъ ничего подвѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью рассказали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стрелглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, дохитившій неосторожную Балу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Белою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разбѣялся — на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бала, а Казбичъ, какъ кошка, карабкался на утесъ и скоро скрылся. Они къ Балѣ — она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

— И Бала умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то-есть, по-нашему, душечка), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. — Я умру! сказала она. — Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылечить непременно, — она покачала головою и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязанныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... По-

томъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разные названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.“

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: «воды! воды!»

„Онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню какую... Да, бабюшка, выдалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія; только все это не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ: кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ... И въ правду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

— Только что она испила воды, какъ ей стало легче, а минутой черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!.. Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно! Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ, онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ подвѣлъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

— На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ, было, поставить крестъ, да, знаете, не ловко: все-таки она была не христіанка...“

Просимъ извиненія за множество выписокъ и у автора, и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ всегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ «Балы»; она напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще въ прошедшемъ году, да и самый романъ давно уже вышелъ въ свѣтъ. Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается; напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь почувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ болѣею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе по-

вѣсти? Русскій офицеръ похитилъ черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ червесь увезъ, было, ее, но, видя себя почти пойманнымъ, бросилъ ее, нанесши ей рану, отъ которой она умерла! вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтическаго, ни особеннаго, ни занимательнаго, и все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтическаго, на примѣръ, и въ содержаніи Шекспирова «Отелло»? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ и это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ—мужъ или любовникъ, убивающій изъ ревности невинную жену или любовницу? Но изъ всей этой тысячи только одного «Отелло» знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ стѣпленій случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо—словомъ, въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть вполнѣ готово въ душѣ художника прежде, нежели онъ возьмется за перо: написать для него—уже второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не расчисляетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, рассуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т. е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразными съ сочиненною цѣлью роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критики, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя «Бѣда»: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ

быстрый ручей, которого ропотъ, вмѣстѣ съ шестомъ вѣтра въ листьяхъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднѣе и тяжелѣе чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простые и трогательныя слова доброго Максима Максимыча: «Нѣтъ, она хорошо едѣлала, что умерла! ну, что бы съ ней стало, если бы Григорій Александровичъ ее покнутъ? А это бы случилось рано или поздно!...»

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисовать граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ пагобы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозреваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любитъся Балою, какъ прекраснымъ дитятемъ, любить ее, какъ милую дочь, — и за что? — спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: «не то, чтобы любилъ, а такъ — глупость!» Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бѣля Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертью, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совѣтъ справедливое требованіе... Останавливаются ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечною? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобы тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорчатость и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуру во весь ростъ, съ національною физиономіею и въ національномъ костюмѣ!.

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно

текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горѣхъ съ другимъ офицеромъ; одиночество дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ — тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дынной и гадкой савелѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ савелѣ; товарищъ этотъ — пожилой офицеръ, много лѣтъ проведенный на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговариваясь объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: «А что, много съ вами бывало приключеній?» такъ же естественно, какъ и отвѣтъ пожилого: «Какъ не бывало! бывало...» Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельство, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиваться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: «почему?» молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкой, какъ отклики человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случай, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ едѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живя — тревоги нѣтъ, «да какъ тутъ еще вода — пропадшия человѣкъ», отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ она обращается къ черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начинаютъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ бы не кочетъ навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрять его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: «какъ же это случилось?» — «Вотъ изволите видѣть» — и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея — страстное желаніе мальчишка-черкеса имѣть лихого коня и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ — человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. И такъ, все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще

повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу ея, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило и потребность сообщить его другому возобднлась, какъ въговоря съ самимъ собою, прибавилъ: «Никогда себѣ не прошу одного; чортъ дернуть меня, прибавивъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ пошвылся,—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.» Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ расчета и соображенія: онъ—плоды вдохновенія.

Итакъ, исторія Балы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть пѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Во Владикавказѣ авторъ опять сѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала цегольская коляска, за которою шелъ человекъ. Несмотря на грубость этого человѣка, «балованнаго слуги дѣяваго барина», Максимъ Максимычъ допродился у него, что коляска принадлежит Печорину. «Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!.. Да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?» Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. «Служилъ, кажется, да я уникъ недавно,» отвѣчалъ слуга. «Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ? Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ баринкомъ были пріатели,» прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...— «Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете,»—сказалъ тотъ, нахмурившись. «Экой ты, братецъ!.. Да знаешь ли? Мы съ твоимъ баринкомъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ!.. Да гдѣ жъ онъ самъ остался?» Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и почевать у полковника Н***. «Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?» сказалъ Максимъ Максимычъ; «или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку...» Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. «Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!..» сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ, «пойду за ворота дожидаться!.. Эхъ жалко, что я не знакомъ съ Н***!»

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чай и,

наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его снать; онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью пошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, ковырять въ печи, наконецъ, легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался... «Не клопы ли васъ кусаютъ?» спросилъ его новый пріатель.— «Да, клопы...» отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. «Мнѣ надо сходить къ коменданту, —сказалъ онъ,—такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной.» Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, и результатомъ его внимательнаго наблюденія была подробный портретъ, въ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

«Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугой, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубы Кавказа, и, кажется, вовсе не горючилъ въ дорожку. Я подошелъ къ нему: „если вы захотите еще немного подождать“, сказалъ я, „то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріателемъ“.

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вѣра говорила,—но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи!.. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырвались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали!.. онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ пріятливой улыбкой протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолебѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками; онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— А ты... а ты?.. пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ:—сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?..

— Вду въ Персію—и дальше.

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!.. Неужто сейчасъ разстанемся!.. Сколько времени не выдался!..

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ ска-

заять... столько разспросить... Ну, что? въ отставку? какъ... что подбывали?

— Скуцаль!—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь...

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?.. Ставная страна для охотниковъ!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Вѣла!..

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся..

— Да, помню!—сказалъ онъ почти тотчасъ, придужаясь вѣннуть. Максимъ Максимычъ сталъ его упрасивать остаться съ нимъ еще часа два.

— Мы славно пообщаемся, говорилъ онъ, у меня есть два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумеется; не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ расскажете про свое житье въ Петербургъ... А?..

— Право, мнѣ нечего рассказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я слышу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это.— Забыли!—проворчалъ онъ,—я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами!.. Не такъ я думалъ съ вами встрѣтятся..

— Ну, полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески;—неужели я не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!.. Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

— Постой!—постой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски, —совсѣмъ, было, забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ.. я ихъ такъ скажу съ собою... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?..

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте!

— Такъ вы въ Персею?... а когда вернетесь?.. кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ...

Коляска была уже далеко... Давно уже не слышно было ни звонка колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ,—а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости...

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который говорилъ огорченный старикъ; стараюсь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ ужъ весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не знали лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

— Максимъ Максимычъ, —сказалъ я, подоспѣвши къ нему,—а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки.

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? я вѣлю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же

участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское, что стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онъ всѣ,—сказалъ онъ,—подравляю васъ съ нахудою...

— И я могу дѣлать съ нами все, что хочу!

— Хотя въ газеткахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ окной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ и не жилъ?.."

Схватя и унеся поскорѣ бумаги изъ онасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу; онъ уже надѣлъ панталы, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля ваша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то есть не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово... Что дѣлать? есть такіе люди, съ которыми, развѣ познакомились, вѣкъ бы не разстались...

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не идете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще комендантъ не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи.

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ заминясь,—да его дома не было... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для собственной надобности, говоря языкомъ бумажнымъ.—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до ерока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. вы молодежь съѣзская, гордая; еще покажете подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь такъ стыдятся и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говоря; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги."

За сими они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно, не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свѣдѣлись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите подъ грубой наружностью, подъ короемъ зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни—горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью—теплоту души, то, вѣрно, скажете: «это Максимъ Максимычъ»?.. И дай Богъ вамъ побольше встрѣтись на пути вашей жизни Максимъ Максимычей!..

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа—«Вѣлу» и «Максима Максимыча»: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное, изысканное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжествен-

нѣтъ нѣтъ положеній ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая—повѣсть; вторая—эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести во внѣ все внутреннее, крившееся въ ней какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романческаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ—весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онегинскими, Ленскими, Загорьскими, Иванами Ивановичами, Иванами Никитичами, Афанасіями Ивановичами, Чапками, Фамусовыми, и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ «Валѣ» и больше уже не увидимся. Но въ обихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ однако жъ незнакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей: онъ—герой романа, котораго эти двѣ повѣсти только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ и не чрезъ поэта, который хотѣлъ и одинъ виновать въ немъ, но умѣваетъ въ немъ руки; а чрезъ него же самого: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ «запискамъ».

Первое отдѣленіе называется «Тамань» и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попрежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпного мальчика лѣтъ 14-ти и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди—контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкой и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во

всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запаса пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку—онъ, было, поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хватъ за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними странная борьба: наконецъ, мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени она удалась съ Янко, какъ видно, съ своимъ любовникомъ и однимъ изъ главныхъ действующихъ контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропасть, укрывъ у Печорина шкатулку, пашку съ серебряной оправой и дагестанскій княжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ; это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ на рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица—какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить, и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно-хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, закрывъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа—онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя тѣмъ нибудь и наполнить

бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностью безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и «Княжна Мери». Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своихъ содержаниемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея или очерки, или силуэты, и только развѣ одинъ — портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснить нашу мысль.

Начинаемъ съ седьмой страницы. Печоринъ въ Пятигорскѣ, у Елисаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ — юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполнению, это лицо стоитъ Максима Максимыча; подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, ния нарицательное. Грушницкій — идеальный молодой человекъ, который щеголяетъ идеальностью, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а «львы» — ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгиевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ; онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще «производитъ эффектъ» — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами, — словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романтическихъ и романтически провинциальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, «не трогаетъ просто-прекрасное, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія.» «Въ ихъ душѣ, — прибавляетъ онъ, — часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзій. Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: «подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пѣвцами, — иногда тѣмъ и другимъ.» Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько-нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполнѣ знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень недолголюбиваетъ Печорина за то, что тотъ его похваля. Печоринъ тоже не любитъ Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не одобривать.

Они встрѣтились какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій нападъ на общество, събѣжавшее въ этотъ годъ на

воды. «Ныдѣшній годъ, — говорилъ онъ, — изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня.» Въ это время прошли мимо ихъ къ колоду двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что «этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстою шинелью!» Звонкою фразою, громно сказанною не-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: «эта княгиня Мери прехорошенькая. У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую приносить это выраженіе, говори о ея глазахъ; — нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя глядятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу!» — «Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади,» сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ равенъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходатъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ — Печоринъ надъ нимъ дѣпшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видятъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчю, говоря, что присутствіе энтузіазма обдастъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчя понятно во всякомъ человекѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя на ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человекѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы

вепохожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходить на сцену новое лицо — медикъ Вернеръ. Въ беллетрическомъ смыслѣ, это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели что онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ: это образецъ граціозной шутливости и вмѣстѣ полнаго мысля остроумія (стр. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное — о Лиговскихъ. «Что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?» — спросилъ Печоринъ. — «Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?» — «Совершенно убѣжденъ» — «Почему?» — «Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ.» — «У васъ большой даръ соображенія,» — отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. «Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ приятномъ заблужденіи?» — «Разумѣется.» — «Завязка есть!» — закричалъ Печоринъ въ восторгѣ, — «объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно.» Далѣе Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая — этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ прилетала и свои, а дочка слушала со вниманіемъ; — въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княгинѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ, и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину — блондинку, съ恰好нымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти, видимо, взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ онъ проситъ Вернера не говорить

ей о немъ, а если она спроситъ — отнестись о немъ дурно. «Пожалуй!» отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставившись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая беспокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и пронія — больше свѣтская привычка, нежели черта характера. «Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говорить онъ), надъ которымъ бы прошедшее приобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глухо созданъ! ничего не забываю — ничего!»

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сопешился съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ рассказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захода солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо него съ матерью, — и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и за глаза извѣли они друга друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе обсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любить; Грушницкій конфузится, говоритъ: «какой вздоръ!» и самодовольно улыбается. «Другъ мой, Печоринъ, — говорилъ онъ, — я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жалъ! потому что Мери очень мила!» — «Да, она не дурна! — сказалъ съ важностью Печоринъ, — только берегитесь, Грушницкій!» — Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ будетъ ей скучно двѣ минуты сряду — онъ погибъ; что, набокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь уroda, изъ покорности къ мамзелькѣ, а послѣ и станетъ увѣрять себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то есть Грушницкаго, но что не-

бо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. «Я внутренно хохоталъ (слова Печорина) и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще доврѣчивѣе прешаго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я статью его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытiе; я не хотчу вынуждать у него признанiя; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ своемъ вѣрѣнныи, — и тутъ-то я буду наслаждаться!»

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкой, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самою. Но здѣсь мы должны выпискою дать понятiе объ ихъ отношенiяхъ.

— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла. — Я знала, что вы здѣсь, — сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милого голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами, — въ нихъ выражалась недоврѣчивость и что-то пожее на упрекъ.

— Мы давно не видалсь, — сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало быть, ужъ ты меня не любишь?..

— Я замужемъ!.. сказала она.

— Онять? Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можеть быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчанiе.

— Что жъ! онъ молодой, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаянiе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, наконецъ, — прешагала она, — тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ кромѣ страданiя!.. Въ голосѣ задрожало, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— Можеть быть, — подумалъ я, — ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда!..»

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальнiй родственникъ Лиговской, и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгиней.

Такъ какъ «Записки» Печорина есть его автобиографiя, то и невозможно дать пол-

наго понятiя о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши большей части повѣсти. Посему мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ и слѣдить только за развитiемъ дѣйствiя.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ — приближается кавалькада: впереди ѣдетъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шапка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженiя та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрять нападенiю черкесовъ.

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? — говорила княжна.

— Что для меня Россiя? отвѣчалъ ея кавальеръ, — страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смѣрять на меня съ презрѣнiемъ, тогда какъ здѣсь, — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами!..

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ...

Въ это время они поравнялись со мною; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu, un Circassien!.. — вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка поклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis plus dangereux que votre cavalier."

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

— Откуда? — Отъ княгини Лиговской, — сказалъ онъ очень важно. — Какъ Мери поетъ! — Знаешь ли что? — сказалъ я ему, я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный.

— Быть можеть! Какое мнѣ дѣло!.. сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ! Она нашла, что это несмысленная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣренiя ее оскорбить; она говорить, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самомъ высококаго мнѣи.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жалъ, что я не имѣю еще этого права... Ого! думалъ я, у него, видно, есть уже надежда...

— Впроемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій, — теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жалъ! это одинъ изъ самыхъ приятныхъ домовъ, какiе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся. — Самый приятный домъ для меня теперь мой, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы идти.

— Однако признайся, ты расказываешься?

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ.

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствiе, скажу волочиться за княжнѣю!..

На балѣ, въ ресторации, Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжкою, бранила ее за гордость и изъязвленнаго желаніе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскій капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что «за этимъ дѣло не станетъ». Печоринъ попросилъ княжну не вальсъ, — и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервали этотъ разговоръ, — Печоринъ обернулся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ, и среди нихъ драгунскій капитанъ потиралъ отъ удовольствія руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усамъ и красной рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ и, заложивъ руки на спину, оставила на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, и говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: «Пермете... ну, да что тутъ!.. просто ангажирую васъ на мазурку...» Матери княжны не было вблизи; положеніе княжны было ужасно, она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ къ пьяному господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцевать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствіемъ этой исторіи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Въ продолженіе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжкою и нашелъ, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остръ, безъ притязанія на остроу, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программой той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій непременно продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ упорѣ или намекѣ должна была умолкать, попоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тиранически употреблялъ надъ нею. Но что же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну? — нѣтъ. Стало быть, онъ хочетъ обольстить ее? — нѣтъ. Можетъ быть, жениться? — нѣтъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: «Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молодой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любить больше, чѣмъ княжна

Мери будетъ любить когда-нибудь; если бѣ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицею, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностью предпріятія... Изъ чего же я хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣднажка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ умножать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрять: Мой другъ, со мной было то же самое, и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!»

Потомъ онъ продолжаетъ. — и тутъ особенно разкрывается его характеръ:

„А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ ту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствие подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? насыщенная гордость. Если бѣ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бѣ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ действительности; идея — созданія органическаго, — сказалъ кто-то, ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого гений, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.“

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!... Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельности ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка? «Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!»... хоромъ закричать, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ

чего хлопотете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣди за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападите на него съ такою западничвою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всё прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они черны и позорны, — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всёмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ, и не дѣйствуетъ... И зато ваше инквизиторское аутодафѣ готово для всякаго, кто имѣетъ благодарную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ расчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознание, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадка и горячка, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ бесплодно страдаете... Пусть онъ клеветаетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенную гордость; пусть онъ клеветаетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клеветаетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣ-

пивая юность съ возмужающею, — пусть... Настанетъ горжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!.. Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницю всё предыдущее: такъ глубока его натура, такъ врожденна ему разумность, такъ сидятъ у него истинныя истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

„Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онъ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится самого моря. *Но это спокойствіе часто такъ велико, что и скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ обильныхъ порывовъ:* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее иссушитъ, она проникается своей собственной жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человека можетъ открыться правосудіе Божіе.*“

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія — если ему назначено дойти до него, — онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, вставать и падать, и вставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія; чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крикъ, совершить длинный обходъ, воротаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ онъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того — благородный металлъ; кто сгорѣлъ или не очистился, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчій была разумность и чело-вѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли, — а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть.

ибо, какова бы она ни была, эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но, скажутъ, можетъ быть, резонеры,—зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце и поучать умъ?—Старая пѣсня, господа, такъ же старая, какъ и «Выйду ль я на рѣченьку, посмотрю на быстрю!»... Литература восемнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques; однако жъ эти нравственные и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчаютъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащія, не враждебныя другъ другу, но родственныя или, лучше сказать, тождественныя элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или откязано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, беспорядочною жизнью,—тогда его разумокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разумокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разумокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка,—искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій—земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица—люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти рыцари, герои, наперстки и вѣтники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? говорилъ ли кто-нибудь отъ

созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?.. Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости; онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старикахъ нашего времени еще находить своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мупкахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилицевъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овецъ, и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всѣческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемерствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не причаетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понимаетъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости... Для него полза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина—въ сущемъ, т. е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства—не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благотно и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокомы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка—въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себѣ диссонансы, производимыя въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія,—черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается, или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а слѣдовательно, и искусства. Вотъ другое дѣло,

если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей,—оно будетъ безразлично, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства,—и какъ крайности сходятся, то оно, вмѣстѣ съ моральными произведеніями, составитъ одинъ общій рядъ поэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и въ основаніи своемъ глубоко нравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтъ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея о его производствѣ.

— Скажи мнѣ, однако, какъ твои дѣла съ нею? Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любить ли она тебя?..

— Любить ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и, вѣроятно, по-твоему порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

— Эхъ, братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она...—отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улынувшись,—мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжѣ, и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась—и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасться подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычокъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко-тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

„Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скромень—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—я сталъ зло-

памятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти были веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже; я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понималъ, и я выучился ненавидѣть. Моя безвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили; я началъ обманывать; улавывъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилась отчаяніе, не то отчаяніе, которое дѣлать дуломъ пистолета,—но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой; я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, умерла, а ее отрывали и бросили, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочтѣ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что подъ ними покоится Вирочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна—пожалуйста, смѣйтесь—предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.“

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся?—Трудно рѣшить опредѣлительно: кажется, что тутъ было и то, и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самими собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попало имъ на глаза, все служить имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія,—они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать—они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ—они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ—вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго,—будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе,—и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однихъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокой и сильный,—не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазейка изъ этой западни: «я дуренъ, но вѣдь и всѣ таковы». А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерти не

страшна,—и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурнымъ, но если и лучший изъ людей не лучше васъ, ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ,—имъ все равно, и желчная горестъ ихъ равно искренна и непритворна. Мало того; начиная лгать съ сознаниемъ или начиная шутить—они продолжаютъ и окончиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ—воплъ души или когда они—фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и бодѣнью души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе; отчего родилось у него отчаяніе?—Видите ли: онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! восклицаете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клеветаетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человека: въ то время, какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ, и за княжной, и вотъ что замѣтилъ за последнею:

„Въ эту минуту я встрѣтилъ ее глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль меня!—Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была расбѣяна, ни съ кѣмъ не кокетничала,—а это великій признакъ...“

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою расчитанною точностью ведетъ ее злой духъ по пути гибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ее; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была расбѣянна, грустна. «Любили ли вы?» спросилъ ее Печоринъ; она пристально на него посмотрѣла, покачала головой и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала, съ чего начать; грудь ея волновалась.—«Не правда ли, я была сегодня очень любезна?»—сказала она, при расставаньи, съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто ея, отвѣтилъ самому

себѣ: «Она недовольна собою, она себя обвиняетъ въ худости... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаграждать меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно!»—Бѣдная Мери!..

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью и мучила ея Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ—княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провель у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ, Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. «Я,—говоритъ онъ,—такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мою безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною.»

На другой день балъ въ рестораціи. За полчаса до бала къ Печорину явилась Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира.—«Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за мою княжною?»—сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. «Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!» отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій спросилъ у него духовъ; несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадой, налилъ полстаклянки за галстукъ, въ носовой платокъ и на рукава и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: «А ты звалъ ее на мазурку?» онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ее у подъезда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень расбѣянна его слушала и отвѣчала насмѣшками на его траги-комическія выходки. «Нѣтъ,—говорилъ онъ,—лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ»...—«Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу.»—отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. «Я съ вами несогласенъ,—отвѣчалъ Печоринъ,—въ мундирѣ онъ еще молодежавѣе.» Этотъ злой намекъ на дѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, возбѣдилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцевалъ или съ нею, или

vis à vis, вздыхалъ и надѣдалъ ей мольбы и упреки. Послѣ третьей кадрили онъ ужь его неавидѣлъ.

— Я этого не ожидать отъ тебя, — сказала онъ, подойдя ко мнѣ и вставъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? — спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ.

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвочки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шпатель или на свои эполеы, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся?

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отомеялъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за радость бѣснѣ добраго, пустого малаго, и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума, или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

„Я шель медленно; мнѣ было грустно... Неужели, — думать я, — мое единственное назначеніе — разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ разлѣлкѣ чужихъ дракъ, ~~каждо~~ ~~бѣдѣ~~ ~~меня~~ ~~никто~~ ~~не~~ ~~могъ~~ ~~бы~~ ~~ни~~ ~~уберечь~~, ~~ни~~ ~~прійти~~ ~~въ~~ ~~отчаяніе~~! Я былъ необходимѣе лицо пятаго акта; невольнo я разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, наприкладъ, для „Библиотеки для Чтенія“?.. Почему знать? Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончать ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными советниками.“

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствіе перваго и разсуждаетъ о нихъ или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубиной природы и малостью дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка, вполне развѣннаго и опредѣлѣннаго: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?.. Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ низокъ, зачѣмъ толпа

пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть такіе тычки и сильные души, которые въ эту эпоху своей жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы вмѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе, онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни — результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ идти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя то съ радостью, то съ грустною улыбкою: «и все то благо, все добро!» Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!.. Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что это знаетъ.

Позабавившись надъ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княземъ, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

„Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.“

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непременно поцѣловать ея руку.

Стали развѣзжаться. Сакая княжну въ карету, а быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою.“

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходитъ въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ — теперь настаетъ время пожнать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій, наконецъ, понялъ, что онъ одурченъ, но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего несора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина — и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности... «Очень радъ;

я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на-стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притвориться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью!»—Ошибочное названіе!—вселицаете вы,—и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечемъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винить ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. «Авось—говоритъ онъ—ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.»—Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не выдалъ княжны—она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то недостаетъ. «Я не выдалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самую дѣлѣ?.. Какой вздоръ!»—Видите ли: какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекая другихъ, увлечешься и самому?.. Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, отъ нечего дѣлать, однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но вѣдь трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ... На другой день онъ засталъ ее одну. Она была блѣдна и закумчива. «Вы на меня сердитесь?» Она заплакала и закрыла лицо руками. «Что съ вами?»—«Вы меня не уважаете!»—отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тиеславной загадки насчетъ своего характера—и вышелъ; но, уходя, слышалъ, какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо.. Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ...

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавальиада отправилась смотрѣть Кольцо—скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду.—«Мнѣ дурно!»—проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ...

«Что вы со мной дѣлаете? Боже мой!»—говорила она; но онъ не обращалъ вниманія на ея слова—и губы его коснулись ея щеки... Выбѣжавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріестановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она, наконецъ, сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

«Или вы меня презираете, или очень любите! Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ плохо, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности:—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, чтобы исказило уваженіе? Вашъ дерзкій постоупокъ... я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся: къ счастью, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

—Вы молчите?—продолжала она:—вы, можетъ быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?..

Я молчалъ.

—Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

—Зачѣмъ?—отвѣчалъ я, некаясь плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княжна внутренне радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необыкновенное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вальмира!.. а еще слышу добрыхъ мальчугановъ и добивалась этого названія.*

Что такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное претиворѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою,—словомъ, намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впадалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшнаго... И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе претиворѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ большую или меньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ услышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать. Говорили о немъ.

ноя ночной тревоги были не черкесы, а одинъ человекъ, имя котораго онъ долженъ угадать, и который былъ у княжны. «Какова княжна?—заключилъ онъ,—а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить! только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.» Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости рассказаннаго имъ и, наконецъ, даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

— Скажи, скажи, кто жъ онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ,—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе изъавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскопчилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза, въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ ресторации мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называлъ его благороднѣйшимъ человекомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъявлялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!...

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, разсказавъ ему все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. «Противъ васъ точно есть заговоръ,» сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье, верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго—на счетъ черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что

они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастья, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. «Что жъ, — думалъ онъ, — умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я—какъ человекъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!...» Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. «Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни!...»

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человека, который завтра готовится быть или убитымъ, или убійцею!... Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умысленныхъ софизмовъ блескитъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безразличность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ нравоченія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ совѣтовъ; отупленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что жъ тутъ дѣлать? разумѣется, идти впередъ, а чтобы виканіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна. Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ передъ собою или по крайней мѣрѣ не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотреть, какъ

зрители на актеровъ, то аплодируя, то шипя..

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя ваяться за романъ Вальтеръ-Скотта «Шотландскіе Пуритане», но еще и увлечся волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. «Я, говорилъ онъ, остался доволенъ собою.» Кучанье въ Нарзанѣ слѣдало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ кучанья, онъ напелъ у себя Вернера. Они съѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе?—вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отщипутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прощаніе?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, докторъ,—отвѣчалъ я ему,—чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, проносяся имя своей любезной и завѣщая другу крошечекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, введутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небыллицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему,—Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я завѣщаю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслить и судить его; первый, можетъ быть, чрезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй.. второй?..»

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразы, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ видѣлъ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романтическаго взгляда на жизнь; онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщая другу локошъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго,

за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много переживалъ, много любилъ и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни, и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшится и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность*—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судить о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптический обманъ, то бессмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это—переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и «хандрою», и «ипохондриею», и «мнительностью», и «сомнѣніемъ», и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексією*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, нѣтъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судить о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самый врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ,—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ бесконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, поднятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ...

Такъ робками всегда творитъ насъ совѣсть.
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнью тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Имень дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтический апофеозъ рефлексіи. Ужасное со-

стояние! Даже въ осязатяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренний голосъ, чтобы заставить человѣка думать, и вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

... въ такое время,
Когда не думаетъ никто.

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя степень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство бессмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвъ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ чело-вѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересамъ духа, и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексій, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя природы, которыя съ глуби-ною соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія природы, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религиозный или философскій вопросъ. «Фаустъ» Гёте есть поэтический апофеозъ рефлексій нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе чело-вѣчества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная «Сцена Фау-

ста» Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ—апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа въ его чудно-поэтической «Думѣ», исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного «господина-сочинителя»:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злѣбъ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!...

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергичное воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтический интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильною неотразимо-грустнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безцѣстныхъ намеренія своихъ враговъ, возбуждивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, сажень въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. «Каждый изъ насъ (говоритъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначали шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непременно внизъ, разобьется въ дребезги: пулю докторъ вынетъ. И тогда можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоростную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы брѣснемъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясню

вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться...» Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе — лицо его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою ранюю, нанесенною противнику или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлога замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: «пожалуй!», и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его синеватыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: «ты дуракъ! ничего не понимаешь!»

Вошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки, спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій—Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться вромаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человека безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтовать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ, было, хотѣлъ это сдѣлать. «Ни за что на свѣтѣ, докторъ!...—отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку,—вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитымъ...» — «О! это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...»—отвѣчалъ Верверъ, посматрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнулъ ему что-то, а другой — Печорину. Печоринъ выдался впередъ, опершись рукою о колено, чтобы, въ случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими коленями, сталъ наводить пистолетъ, мѣта въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, неспособнаго ни къ положительному добру, ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: «не могу» — «Трусъ!» отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался—пуля легко опарашала колено Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣ-

литься отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой природы, въ которой ни порывы самолюбія, ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!...

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостью смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его какъ собаку... Какъ бы для очистки своей совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: «Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова, — и хорошенько!» Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. «Дуракъ же ты, братецъ,» — сказалъ капитанъ, плонувъ и тонувъ ногою, — «пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха!...» Печоринъ снова предложилъ Грушницкому — признаться въ своей клеветѣ, обѣщая этимъ и кончить дѣло, и даже напоминая ему о ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстояло автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей приличныхъ эффектовъ; но глубоко-художнической инстинктъ истины, бессознательно открывающей поэту самыя сокровенныя тайнства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ, — сцену, которая поражаетъ своею ужасною, беспощадною истинностью и своею потрясающею эффектною, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. «Стрѣляйте!»—отвѣчалъ онъ, — «я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...»

Да, это гениальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художественной кисти!... Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ: онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру, ни къ дѣйствительному злу; но торжествен-

ное трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе вбѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію чрезъ признаніе. Этотъ человѣкъ — апотеозъ мелочнаго самолюбія и слабости характера: отсюда всё его поступки, — и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе — великій рычагъ въ душѣ человѣка; оно родитъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые, не блѣдя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между расщелинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустил поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки — одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что, благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ рассказываетъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ, — и это такъ поразило и взволновало ее, что она не понимала, что отвѣчала ему, и только догадывалась, что то было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину, — и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

„Мы расстаемся навѣки; однако жъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всё свои

сокровища, свои слезы и надежды. Любимая разѣ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не общаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты; потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.“

Письмо заключается изъясненіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. «Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастья! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ее дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходится на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всё похоже вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Вась безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышетъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Есентуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ еще переѣхать на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ итти пѣшкомъ, но, изнуренный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи — все исчезло и умолило; уже не стало человѣка, волнующаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій, — передъ вами бѣдное, бессильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержатъ слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ, душа обезсилѣла, рассудокъ замолкъ; и если бы въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.“

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй не много

бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжелѣе,—и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ, онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрно явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведения въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами, и, наконецъ, заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

„Прошло пять минутъ; сердце мое билось, но мысли были спокойны, голова холодна, какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея, — а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскопчилъ, подаль ей руку и довелъ ее до кресель.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, наполненные неизъяснимой грустью, казались, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея дѣянныя руки, сложенные на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ея.

— Княжна, — сказалъ я, — вы знаете, что я падъ вами смѣялся!... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: — слѣдственно вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, — сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкой, — вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ ее легко разуверитъ. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль,

и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали. — Я васъ ненавижу!... сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ блѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апофеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истинною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?... Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакать онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто него, два вора сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, и часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этого долеко! Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа слилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мави его тѣнистая роща, какъ ни свѣтъ ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волкъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей сиюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющийся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ обгомомъ приближающийся къ пустынной пристани...“

Такою лирическою выходкою, полною безконечной поэзій и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, заканчивается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани, — теперь оно все передъ нами во весь ростъ своей. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя «Княжну Мери», мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разсказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа, ни дѣлать изъ

него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватить со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпать на полку пороха, приставить пистолетъ ко лбу, спустилъ курокъ—осѣчка!.. Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку,—и когда дымъ рассеялся, всѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!.. Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлекательный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя—такъ видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталистическая смѣлость при взятіи вѣзвѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ углубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица.—Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпота случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ—явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ?—Здѣсь мы должны обратиться, къ «Предисловію», написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

„Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно,

не могу питать къ нему той неизяснимой ненависти, которая, таея подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ головою громомъ упрековъ, совѣтовъ и сожалѣній.“

Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки,—самая же желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣтомъ, употительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по приредѣ своей, враждебна другой, и сдается пересоздать ее по-своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ объ друга оглаживаются и измѣняются, замѣстивъ одна отъ другой то, чего имъ не достаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть раздражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности, или какой-нибудь внѣшней связи,—истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы—и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ видимо находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумнѣй всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи—удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ «Предисловія» еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

„Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги.—Да это злая иронія! скажутъ они.—Не знаю.“

Итакъ, «Герой нашего времени»—вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почтяться злою иронією, потому что большая часть читателей навѣрно воскликнетъ: «Хорошъ же герой!»—А чѣмъ же онъ дурекъ?—смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагоклонно Вы отзываетесь о немъ?

За то ль, что мы неумоимо хлопочемъ, судимъ обо всемъ, что пылкихъ думъ неосторожность Себялюбивую ничтожность Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ, Что умъ, любя просторъ, гѣснитъ.

Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вадоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не страшна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять ничего за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И при томъ развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрью? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ дѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не настала часъ его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменная почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь,—и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что всѣ его не любятъ,—и кто же эти «всѣ»?—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, «когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому,—человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности; мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихкихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее общаетъ

прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жорновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значить ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказание только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: «Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сияли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго «воображенія: то было блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронзительный и тяжелый, оставлялъ по себѣ неприятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно спокоенъ.»—Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобъ такъ жестоко быть наказану за зло!.. Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями..

А между тѣмъ этотъ романъ совсѣмъ не злоя иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которомъ отразился вѣкъ.
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безвѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

«Хорошъ же современный человѣкъ!» воскликнулъ одинъ правописательный «сочинитель», разбирая или, лучше сказать, ругая седьмую главу «Евгенія Онегина». Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дурень, не можетъ быть дурень, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человечества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онегинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада или небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣстъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ платьѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ,—
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онегинъ не подражаніе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтического романа. Оближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ,—и Пушкинъ гениальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онегина. Но Онегинъ для насъ уже прошедшее, и прошедшее невозвратное.

Если онъ явился въ наше время, вы могли бы право спросить вмѣстѣ съ по-

Все тотъ же ль онъ, или усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится?—Мельмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнѣе иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ ты да я, какъ дѣльный свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучший отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это Онегинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онегию и Печорою. Иногда въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ быть, и невидимая самимъ поэтомъ.

Со стороны художественнаго выполненія нечего и сравнивать Онегина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онегинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онегина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онегинъ?—Лучшею характеристикой и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: „Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de superiorité, peut-être imaginaire“. Мы думаемъ, что это превосходство въ Онегинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ «вчужь чувства уважалъ» и что въ «его сердцѣ была и гордость, и прямая честь». Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось, и котораго вся жизнь состояла въ томъ:

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ галъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ее повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онегинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злостъ, ни любви,
И царствуемъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

«Герой нашего времени»—это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которую такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще, и изъ которой мы взяли эти четыре стиха...

Но со стороны формы изображеніе Печорина не совсемъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объективировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ Лермонтова автобиографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобиографія. Шиллеръ не былъ

разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Муррѣ и выразилъ свой идеалъ человека. Прекрасно выразился Фарнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вулфа и Вальта у Жана-Поля Рихтера, т. е. какъ на разложение самой природы поэта, и что онъ, можетъ быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ оупущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли, и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго оупущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ «Вертерѣ» Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ; это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе...

Это же единство оупущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ «Онѣгинѣ» всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить, ни замѣнить. «Герой нашего времени» представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но такъ какъ онъ только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо, вмѣ-

сто приключенія въ крѣпости съ Билою или въ Тамани, могли бѣ быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что «Бѣла», «Максимъ Максимычъ» и «Тамань», отдѣльно взятая, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица — Бѣлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но «Княжна Мери», и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ другихъ художественна. Изъ лицъ, одиѣ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неудовимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею интересоваться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ героическому самоотверженію; то видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно оупутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззавѣтно, но которыя едва ли когда допустить истинно глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно, по расчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглухая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеальное, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и орой солдатской шинели. Печорину очень

легко было обольстить ее: стѣило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ, и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія,—и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаешь ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ почувствительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти—то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпавшійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслить и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ «Предисловіи» къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я помѣстивъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ рассказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.“

Благодаримъ автора за пріятное общаніе, но сомнѣваемся, чтобы онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что написавъ «Вертера», быв-

шаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы твореніе... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ быть, она покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но, вѣрно, ужъ не въ утѣшеніе, а въ पुшее огорченіе моралистовъ; можетъ быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ быть, и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ гениемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершенно черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на блѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни, въ достоинство женщины...

II.

Стихотворенія М. Лермонтова. Санктпетербургъ, 1840.

Теперь гонись за жизнью дивной,
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отъливной пѣсней отвѣчай!

Великитиновъ.

Все говорятъ о поэзіи, все требуютъ поэзіи. Повидимому, это слово для всехъ имѣетъ такое ясное и опредѣленное значеніе, какъ,

напримѣръ, слово «хлѣбъ», или еще болѣе—слово «деньги». Но когда только двое начнутъ объяснять одинъ другому, что каждый

изъ нихъ разумѣть подъ словомъ «поэзія», то и выходитъ на повѣрку, что одинъ называетъ поэзію воду, другой—огонь. Что жъ, если бы всё-то такъ-называемые любители поэзіи заговорили о предметъ своей любви? Это была бы настоящая картина вавилонскаго смѣшенія языковъ! И очень естественно: если трудно опредѣлить поэзію ученымъ образомъ, то еще труднѣе намекнуть на ея значеніе повседневнымъ языкомъ общества, всёму и каждому равно понятнымъ. Если бъ вамъ и удалось это, вы все-таки удовлетворите только людей, которые съ вами симпатизируютъ, которые одинаково съ вами настроены. Въ самомъ дѣлѣ, если я подъ словомъ «поэзія» разумю разбѣренныя и зариѣменные строчки, заключающія въ себѣ правила добронравія и добродѣтели, то какъ вы убѣдите меня, что поэзія есть воспроизведеніе, живопись явленій жизни?—Если я подъ словомъ «идеализированіе» разумю представленіе дѣйствительности со-всѣмъ не такъ, какъ она есть,—ходули мыслей, дыбы чувства, то какъ убѣдите вы меня, что «идеализированіе» дѣйствительности есть только подчиненіе взятыхъ изъ нея матеріаловъ извѣстной цѣли, извлеченіе изъ нея, такъ сказать, ея сущности, и сочлененіе въ живое и органическое цѣлое разнородныхъ, повидимому, частей?—Если я подъ словомъ «вдохновеніе» разумю нравственное опыненіе, какъ бы отъ приѣма опіума или дѣйствія виннаго змеи, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ неприваннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе,—то какъ вразумите вы меня, что «вдохновеніе» есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно какъ бы магическимъ жезломъ вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною и гармоническою?... Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не одиѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемыя не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ «разумъ». Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ-называемыхъ «точныхъ» наукъ, не требующихъ ничего, кромѣ разсудка, и развѣ еще воображенія. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и не пони-

мать поэзіи, считать ее за вздоръ, за побрякушку риемъ, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не сознать въ себѣ возможности постичь значеніе, напр., математики и не сдѣлать въ ней, при усилеиномъ трудѣ, большіе или меньшіе успѣхи. Можно быть умнымъ, даже очень умнымъ человѣкомъ, и не понимать, что хорошаго въ «Илиадѣ», «Макбетѣ», или лирическомъ стихотвореніи Пушкина; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не понимать, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, или что двѣ параллельныя линіи никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были въ бесконечность. Ясно, что подъ словомъ «точныхъ» истины разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности не можетъ не признать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не лишенный здраваго смысла, прежде всего отличающаго людей отъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи наука, въ высшемъ ея значеніи, т. е. философіи и поэзіи—повторяемъ—тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что имѣетъ хотя видъ «точности». Но въ хаотической борьбѣ и противоположности понятій, убѣжденій и вкусовъ насчетъ произведеній искусства внимательный взоръ открываетъ, какъ и во всѣхъ великихъ явленіяхъ жизни, торжество единства, которое тѣмъ выше и поразительнѣе торжества «точности», чѣмъ, повидимому, неопредѣленнѣе и неудовимѣе для разсудка сущность искусства. Океанъ времени, смывшій съ лица земли греческія республики, вынесъ имена: Гомера, Гезіода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона,—и теперь всѣ, считающіе себя причастниками даровъ вдохновенія, охотно или по неволѣ, все-таки дивятся этимъ именамъ. Удачно сдѣланная копія съ Аполлона Бельведерскаго возбуждаетъ всеобщій восторгъ, а оригиналамъ, состоящимъ изъ двухъ кусковъ мрамора, нѣтъ цѣны. Невѣжды, зѣвующіе отъ драмъ Шекспира и втайнѣ предпочитающіе имъ мыльные пузыри водевилей, вслухъ хвалятъ Шекспира и оскорбляются, если съ нимъ сравниваютъ кого бы то ни было. Но это работа времени: въ пестротѣ современности торжество единства мнѣнія еще поразительнѣе, ибо оно есть вмѣстѣ и торжество разумности надъ близорукою ограниченностью, надъ борьбою мелкихъ страстей. Пушкинъ явился у насъ во времена классической неподвижности, и потому какъ благосклонно и привѣтливо встрѣтило его молодое поколѣніе, такъ непріязненно и сурово приняло его старое поколѣніе, и въ особености записные поэты, литераторы и словесники того времени. Но истинна взола свое, — и, несмотря на смѣшанные крики и ожесточенные споры, общее

миѣніе тотчасъ же превознесло имя молодого поэта превыше всѣхъ поэтическихъ лауреатовъ, прежде его и при немъ бывшихъ.

Но это торжество единства надъ разнообразіемъ и противорѣчіемъ во мнѣніяхъ о такомъ неопредѣленномъ и неточномъ предметѣ, каково искусство, выходитъ не изъ множества, не изъ толпы, но отъ немногихъ и избранныхъ переходитъ въ толпу. Не всѣ могутъ и не всѣ должны понимать изящное; его понимаютъ только немногіе, избранные. Кто, по натурѣ своей, есть духъ отъ духа, — тотъ по праву рожденія причастенъ всѣхъ даровъ духа, недоступныхъ плоти и ея души — разсудку. Разсудокъ становится чело-вѣка выше всѣхъ животныхъ; но только разумъ дѣлаетъ его чело-вѣкомъ по, превосходству. Разсудокъ не шагаетъ далѣе «точныхъ» наукъ и не понимаетъ ничего, выходящаго изъ тѣснаго круга «полезнаго» и «насуш-наго»; разумъ же объемлетъ безконечную сферу сверхъ-опытнаго и сверхъ-чувственнаго, дѣлаетъ яснымъ непостижимое, очевиднымъ — неопредѣленное, опредѣленнымъ — «неточное». Искусство принадлежитъ къ этой сферѣ бытія, доступной только разуму — и потому понимать поэзію нельзя выучиться такъ же, какъ нельзя выучиться писать стихи. Восприимлемость впечатлѣній изящнаго есть своего рода талантъ: она не приобретается ни наукою, ни образованіемъ, ни упражненіемъ, но дается природою. Постигненіе поэзіи есть откровеніе духа, а таинство откровенія сокрывается въ натурѣ чело-вѣка; между тѣмъ извѣстно, что природы людей разнообразны до безконечности и представляютъ собою безконечную лѣстницу съ безконечными ступенями — снизу вверхъ и сверху внизъ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть на нее. Поэзія первоначально воспринимается сердцемъ, и уже имъ передается голо-вѣ. Потому, чье сердце жестоко и черство отъ природы для воспріянія впечатлѣній изящнаго, — окружите его съ малолѣтства произведеніями искусства, толкуйте ему цѣ-лую жизнь о поэзіи, — онъ приобрететъ только навѣкъ къ ея формамъ и приучится судить о ихъ вѣншей отдѣлкѣ; но сущность творчества навсегда останется для него тайною, которой онъ и подозрѣвать не будетъ. И такихъ людей, чуждыхъ поэзіи по натурѣ своей; несравненно больше, чѣмъ людей, одаренныхъ инстинктомъ изящнаго. Почему же это? — Потому же, почему число художниковъ относится къ толпѣ, какъ единица къ миллиону. — А почему же существуетъ это отношеніе? На такой вопросъ даетъ превосходный отвѣтъ Моцартъ Пушкина, говоря Сальери:

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но вѣтъ: тогда бъ не могъ
И мѣръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предалися бы вольному искусству.
Насъ мало избранныхъ — счастливецъ прайд-
ныхъ,

Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.

Обыкновенно толпа такъ же холодна и равнодушна къ искусству, какъ привержена и предана пользѣ; — и поэтъ имѣетъ полное право, въ порывѣ благороднаго негодованія, отвѣчать на ея бессмысленные крики:

Молчи, бессмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мѣръ твой ропотъ деракій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все — на вѣсь
Кумиръ ты цѣпишь Зельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же!
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь...

Но чѣмъ равнодушнѣе и холоднѣе толпа къ дѣлу искусства, тѣмъ выше и поразительнѣе торжество искусства надъ толпою: невольно подчиняясь влиянію избранниковъ природы, она признаетъ его автономію, *) несмотря на его «неточность», и тѣмъ самымъ дѣлаетъ явнымъ единодержавіе разума. И поэтъ, существо, называющее поль-зу — этотъ идолъ толпы — презрѣнною, поэтъ возбуждаетъ къ себѣ суевѣрное удивленіе толпы, собираетъ дань ея рукоплесканій, возбуждаетъ въ ней восторгъ своимъ появленіемъ. Это такое явленіе, передъ которымъ поневолѣ задумается самый жаркій поклонникъ «полезнаго», постигшій всю глубину точной премудрости.

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ всѣхъ враговъ изящнаго; забудемъ о равнодушіи толпы къ дѣлу искусства и не будемъ бояться, что одни насъ не поймутъ, другіе съ нами не согласятся, а третьи будутъ надъ нами смѣяться — и возвратимся къ вопросу, которымъ мы начали статью: что такое поэзія? Только во дни кипучей и неискушенной опытами жизни юности чело-вѣку сродно питать благородное, но не обыточное желаніе — увѣрить весь свѣтъ въ истинѣ своихъ убѣжденій, одинаковымъ языкомъ и съ одинаковымъ жаромъ говорить со всѣми о томъ, что доступно только нѣкоторымъ, и огорчаться, что нѣкоторые не понимаютъ того, чего и не дано, и не нужно имъ понимать... Будемъ говорить для всѣхъ и всѣмъ, но будемъ надѣяться только на

*) Автономія есть право предмета, основанное не на вѣншихъ уваженіяхъ, какъ-то польза, преданія (traditio), или мостороннемъ авторитетѣ, но на сущности самаго предмета.

отзывъ немногихъ... И что жъ—развѣ не великое счастье—пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ? развѣ не великое счастье—родить къ себѣ сочувствіе въ сердцѣ, котораго мы никогда не знали и не узнаемъ, которое живетъ, можетъ быть, въ далекомъ отъ насъ уголку этого міра, но которое отъ нашихъ строкъ забьется въ ладъ съ нашимъ сердцемъ и, въ общемъ человѣческомъ интересѣ, сознаетъ свое родство съ нами по духу, въ ознаменованіе торжества духа надъ условіями пространства и времени!..

Что же такое поэзія?—спрашиваете вы, желая услышать рѣшеніе интереснаго для васъ вопроса, или, можетъ быть, лукаво желая привести насъ въ смущеніе отъ сознанія нашего безсилія рѣшить столь важный и трудный вопросъ... То или другое—все равно; но прежде, чѣмъ мы вамъ отвѣтимъ, сдѣлаемъ вопросъ и вамъ, въ свою очередь. Скажите: какъ назвать то, чѣмъ отличается лицо человѣка отъ восковой фигуры, которая, чѣмъ съ большимъ искусствомъ сдѣлана, чѣмъ похоже на лицо живого человѣка,—тѣмъ большее возбуждаетъ въ насъ отвращеніе? Скажите: чѣмъ отличается лицо живого человѣка отъ лица покойника?—Вѣдь форма одинаково правильна въ томъ и другомъ, тѣ же части и та же соотвѣтственность и стройность въ частяхъ? Отчего эти глаза такъ свѣтлы, такъ полны смысла и разумности, что вы читаете въ нихъ какую-то мысль, что они какъ будто хотятъ сказать вамъ что-то задушевное и любовное; а тѣ—такъ тусклы, стеклянны!... Дѣло ясное: въ первыхъ есть жизнь, а во вторыхъ ея нѣтъ. Но что же такое эта «жизнь»? Мы знаемъ процессы человѣческаго тѣла, знаемъ, что жизнь человѣка въ его организмѣ, что она продолжается вмѣстѣ съ обращеніемъ крови въ его жилахъ и прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ кровообращенія; но мы знаемъ также, что нашъ организмъ не машина, которая заводится или останавливается подобно часамъ, черезъ известное колесо или известный органъ. И чѣмъ дальше углубимся мы въ таинство организма, чѣмъ, повидимому, ближе будемъ къ тайнѣ жизни,—тѣмъ на самомъ дѣлѣ будемъ дальше отъ нея, тѣмъ неудовимѣе будетъ она для насъ. Но мертвые бываютъ и между живыми, такъ же, какъ и живые между мертвыми, ибо что жизнь для животнаго, то смерть для человѣка; что жизнь для провеза, то смерть для европейца; что жизнь для раба житейскихъ нуждъ и пользы, который ничего не видитъ дальше удовлетворенія потребностямъ голода и кармана или мелкаго тщеславія,—то смерть для человѣка мыслящаго и чувствующаго. И что

существуетъ въ идеѣ, то выражается въ формахъ: посмотрите, какое животное лицо у этого человѣка, съ сонными и мутными глазами, съ апатическимъ выраженіемъ,—толстаго, одержимаго одышкой, сейчасъ только плотно покушавшаго,—и посмотрите, какимъ огнемъ сверкаютъ черные глаза этого худощаваго, блѣднолицаго человѣка, какая подвизанность въ его физиономіи, сколько страсти въ его голосѣ! Не правда ли, первый—мертвецъ; другой—полонъ жизни? Но жизнь безконечно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Тигръ полонъ жизни въ сравненіи съ черепахою, но жизнь его все-таки чисто органическая, животная; ея источникъ—горячая кровь, обильные электричествомъ нервы. Такъ и въ иномъ человѣкѣ много жизни, но эта жизнь не покоряетъ васъ себѣ неотразимымъ обаяніемъ, и вы готовы сказать ей:

Въ ней признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣ жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей оравленный напитокъ!

Безконечное разстояніе раздѣляетъ человѣка страсти отъ человѣка чувства; но еще большее разстояніе раздѣляетъ человѣка, оставшагося при одномъ непосредственномъ чувствѣ, отъ человѣка, въ которомъ рабскій инстинктъ, хотя бы даже и благородныхъ наклонностей, перешелъ въ свободное сознаніе, котораго чувство просвѣтлено мыслью. Нигдѣ жизнь не является столько жизнью, какъ въ сферѣ духовныхъ интересовъ и разумнаго сознанія, которые движутъ волюю человѣка и поддерживаютъ ея неистощимую дѣятельность: это самый пышный цвѣтъ жизни, ея высшее развитіе, ея высшая ступень, это жизнь по превосходству; въ сравненіи съ нею всякая другая, низшая степень жизни есть настоящая смерть. Но жизнь всегда жизнь, въ чемъ бы ни проявлялась она, на какой бы степени развитія ни стояла. Неизмѣримо разстояніе, раздѣляющее духовную жизнь гения отъ безсознательныхъ явленій природы, но и въ природѣ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ея развитія, жизнь является святымъ и великимъ таинствомъ. Духъ человѣческой съ безграничнымъ упоеніемъ прислушивается къ прозябанію дольной лозы, къ подводному ходу морского гада, къ шесту листьевъ, колеблемыхъ въ знойный полдень лѣтнимъ вѣтеркомъ: онъ сознаетъ съ ними свое родство; онъ чуетъ въ нихъ вѣніе того же бессмертнаго духа жизни, который, подобно огню Прометееву, живетъ и его собственное существованіе. Для живого человѣка природа всюду является одушевленной: онъ слышитъ ея голосъ и въ безмолв-

номъ образованіи металловъ, въ таинственной лабораторіи нѣдръ земныхъ, и въ завываніи вѣтра,—тамъ, у полюсовъ, въ царствѣ вѣчной зимы и смерти, на звонкихъ льдахъ воздымающаго пушистыя вьюги; въ приливѣ и отливѣ водъ онъ видитъ какъ бы тяжелое, напряженное дыханіе исполненной груди сѣдого старца океана... Положъ таинственной думы для души нашей чернѣющей вдали лѣсъ, и когда подходимъ мы къ нему, нами невольно овладѣваетъ какая-то дѣтская робость, какой-то мистическій, но полный обаянія ужасъ,—и мы повторяемъ съ поэтомъ:

О чемъ шумить сосновый лѣсъ?
Какия въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Вылхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ,
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни.
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да, въ темной грусти,
Ночь безразсвѣтная лежитъ...
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ чувство
И тайны новыя рождаетъ въ немъ?...
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ бессознательно живетъ,
Что въ царствѣ безотрадной смерти
Свое величье сознаетъ...

Нѣтъ, не бессознательность, но чувство своего сродства, своей общности, своего тождества со всѣмъ великимъ царствомъ жизни заставляетъ нашъ духъ видѣть свое отраженіе въ таинственныхъ явленіяхъ природы!.. Повидимому, отторгнутый отъ общаго своею индивидуальностью, ставши въ человѣкѣ личностью—духъ нашъ тѣмъ живѣе и глубже чувствуетъ свое таинственное единство съ бессознательною природою, которая не чувствуетъ своего единства съ нимъ... Въ природѣ нѣтъ нашего духа, но въ насъ есть духъ природы, ибо законъ бытія таковъ, что высшее необходимо заключаетъ въ себѣ низшее. Да, у духа нашего есть общее съ природою,—и это общее есть жизнь, и потому-то она говоритъ ему такимъ понятнымъ и родственнымъ языкомъ, и все въ ней влечетъ его къ себѣ, все—

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стовзвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненыя ночи.
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки жарко-молодой...

Неисчислимы и разнообразны предметы міра, но въ нихъ есть единство, и всѣ они—частныя явленія общаго. Вотъ почему

философія говоритъ, что существуетъ одно общее. Вздохи дышащей груди жизни—ея частныя явленія—рождаются и умираютъ, приходятъ и переходятъ, а жизнь никогда не умираетъ, никогда не переходитъ: такъ въ океанѣ рождаются волны, и волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну,—а океанъ все такъ же великъ и глубокъ, такъ же живетъ и движется на своемъ бездонномъ, необъятномъ ложѣ; а въ его кристаллѣ все такъ же торжественно отражается лучезарное солнце, и все такъ же колыхнется и трепещетъ ночное небо, усыпанное мириадами звѣздъ. Каждый человѣкъ есть отдѣльный и особенный міръ страстей, чувствъ, желаній, сознанія; но эти страсти, это чувство, это желаніе, это сознаніе принадлежатъ не одному какому-нибудь человѣку, но составляютъ достояніе человеческой природы, общее всѣхъ людей. И потому, въ комъ больше общаго, тотъ больше и живетъ; въ комъ нѣтъ общаго—тотъ живой мертвецъ. Чѣмъ же выражается причастность человѣку общему?—Въ доступности всему, что сродно человеческой натурѣ, что составляетъ ея сущность и характеръ; въ правѣ сказать о себѣ: «я человѣкъ—и ничто человеческое не чуждо мнѣ.» Кто причастенъ общему, для того личныя выгоды и потребности житейскія—интересы второстепенныя, а природа и человечество—главнѣйшіе интересы. Чья личность есть выраженіе общаго, тотъ жаждетъ сочувствія ближнихъ, трепетнаго упоенія любви, кроткаго счастья дружбы, жаждетъ волненихъ чувства, бурь и непогодъ жизни, борьбы съ препятствіями; тотъ все понимаетъ, на все откликается: и въ раззолоченныхъ налатахъ, среди богатства и роскоши, онъ слышитъ стоны нищеты и бѣдствія, и сердце его содрогается, но не отвращается отъ ихъ произвительныхъ диссонансовъ; окруженный всѣмъ, что горячо любить онъ, что зоветъ роднымъ и милымъ,—онъ откликается на вопль и слезы вѣчной разлуки и невозвратимой утраты и плачетъ о чужомъ горѣ, котораго самъ не испыталъ; пылкій юноша—онъ умѣряетъ рѣзкость своихъ движеній, смягчаетъ силу своихъ порывовъ и благоговѣнно, стыдливо, дѣвственно опускаетъ пламенные взоры въ присутствіи старца, на лицѣ котораго сияетъ кроткій свѣтъ чувства, дрожащій голосъ котораго льется свѣтлою волною любви; согбенный лѣтми старецъ—онъ съ умилениемъ смотритъ на рѣзвое дитя, которое по зеленому лугу гонится за пестрою бабочкою, онъ радуется его дѣтской радости, принимаетъ участіе въ его младенческой печали; онъ прощаетъ заблужденіе пламенной юности, снисходителенъ къ кипѣнію ея порывистыхъ

страстей, онъ понимаетъ мгновенный пламень и внезапную блѣдность на ланитахъ молодой дѣвушки, ея тоскующій взоръ и нѣмую горестъ, волненіе ея молодой груди, и печаль безъ горя, и страхъ безъ бѣды, и радость безъ причины... Съ благословеніемъ на устахъ, съ умиленіемъ во взорѣ, смотритъ онъ на пылкую юность, которая кружится въ вихрѣ жизни и, полная надеждъ и отваги, гордая сознаниемъ своей силы, спѣшитъ безъ оглядки навстрѣчу будущему, обольщаемая его заманчивою далью, не зная и не желая знать его предательскихъ обмановъ,—и передъ нимъ воскресаетъ прошедшее его собственной жизни, встаютъ милые призраки и знакомые образы резонерскихъ поученій и докучнаго ворчанія, онъ повторяетъ про себя съ грустно-радостною улыбкой:

... Такъ было прежде
Во время оно и со мною!

Да, жить не значитъ столько-то лѣтъ ѣсть и пить, биться изъ чиновъ и денегъ, а въ свободное время бить хлопнушкою мухъ, звать и играть въ карты: такая жизнь хуже всякой смерти, и такой человекъ ниже всякаго животнаго, ибо животное, повинуюсь своему инстинкту, вполне пользуется всѣми средствами, данными ему отъ природы для жизни, и неуклонно выполняетъ свое назначеніе. Жить значитъ—чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь—смерть. И чѣмъ больше содержанія объемлетъ собою наше чувство и мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ мы больше живемъ: мгновеніе *такой* жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатической дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтожныхъ цѣдяхъ. Способность страданія условливаетъ въ насъ способность блаженства, и незнающіе страданія не знаютъ и блаженства, не плакавшіе не возрадуются. Когда Мефистофель предлагаетъ Фаусту всѣ блага, всѣ наслажденія, столь высокоцѣнимыя толпою, Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Не думалъ я о наслажденяхъ.

Я кинулся въ бурный чадъ страстей,

Улысь восторгамъ мученій;

Я ненавижу любви, ограду огорченій

Смычу въ печальной жизни сей.

Святая истина отъ глазъ моихъ сокрыта.

Высокой мудрости ему не суждено.

Всѣмъ горестямъ отныня грудь открыта,

И всѣмъ, что человечеству дано,

Въ самомъ себѣ хочу я насладиться

И въ адъ, и въ небо погрузиться,

И грусь людей, и радость ихъ испить,

Съ ихъ бытіемъ свое совокупить

И съ ними, наконецъ, въ уничтоженіи слиться.

Да, все постичь духомъ, все обнять чув-

ствомъ, всѣмъ возобладать и ничему исключительно не покориться—вотъ жизнь! Но эта жизнь есть достояніе тѣхъ немногихъ, которые стоятъ во главѣ человечества, играютъ роль его представителей. Вотъ одна изъ нихъ:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,

Искусствъ вдохновенныхъ созданья,

Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,

Цвѣтущихъ временъ упованья.

Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ

И въ низшую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природою одною онъ жизнью дышалъ.

Ручья разумѣлъ лепетанье,

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье;

Была ему звѣздная книга ясна,

И съ нимъ говорила морская волна.

Въ этихъ двѣнадцати стихахъ Баратынскаго о Гёте заключается высшій идеалъ человеческой жизни и все, что можно сказать о жизни внутренняго человека.

Но кромѣ природы и личнаго человека, есть еще общество и человечество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она во внѣ и какими бы волнами ни лилась черезъ край,—она неполна, если не усвоитъ въ свое содержаніе интересовъ высшаго ей міра, общества и человечества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежатъ на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковыя кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человекъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастьемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только бережетъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстные моменты его жизни, но не покоря его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человека, ни человекъ гражданина: въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человечеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ—пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человечества и по мѣрѣ силъ своихъ способствовать этому. Въ противномъ случаѣ, патриотизмъ будетъ китаиз-

момъ, который любить свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. Романъ англичанина Моръера «Хаджи-Баба» есть превосходная и вѣрная картина подобнаго къвасного (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патриотизма. Человѣческой натурѣ средно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное: но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно, любовь человѣка должна быть выше. Это превосходство любви человѣческой передъ животною состоитъ въ разумности, которая тѣлесное и чувственное просвѣтляетъ духомъ, а этотъ духъ есть общее. Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ сыиѣ, что лучше чужой, да хорошій, чѣмъ свой, да негодный,—лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно, изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснить частнымъ общее. Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человѣкъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было; только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ—любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человѣчеству.

И вотъ мы сказали о жизни все, что хотѣли сказать о ней, и хотя, повидимому, отдалились черезъ это отъ нашего вопроса, но въ сущности только приблизились къ его рѣшенію.

Поэзія есть выраженіе жизни или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью, нежели въ самой дѣйствительности. Отсюда вытекаетъ новый вопросъ, рѣшеніе котораго и будетъ рѣшеніемъ вопроса о поэзіи,—вопросъ: если сама жизнь заключаетъ въ себѣ столько поэзіи, такъ, что въ сущности своей жизнь и поэзія тождественны,—то зачѣмъ же еще другая поэзія, и какую необходимость можетъ носить въ себѣ искусство, и какое самостоятельное значеніе можетъ имѣть оно?

Много прекраснаго въ живой дѣйствительности или, лучше сказать, все прекрасное заключается только въ живой дѣйствительности; но чтобъ насладиться этою дѣйствительностію, мы сперва должны овладѣть ею въ нашемъ разумѣннѣи, а это возможно только при двухъ условіяхъ: мы должны обнимать ее въ цѣлости и при томъ предметно, такъ, чтобъ наша личность, наши отношенія не заслоняли ее отъ насъ. И мы этимъ пользуемся, но только въ рѣдкія минуты восторга; въ нежданныя мгновенія

какого-то внезапнаго внутренняго откровенія; по большей части мы теряемся во множествѣ частныхъ и, не видя за ними цѣлаго, ничего въ нихъ не понимаемъ. Даже собственные наши чувства только тогда бывають предметомъ нашего наслажденія, когда мы ововоуждаемся отъ ихъ томительной тяжести или отъ ихъ трепетнаго волненія, въ которомъ занимается дыханіе, теряется сознаніе, и когда мы возобновляемъ ихъ въ воспоминаніи. Настоящее никогда не наше, ибо оно поглощаетъ насъ собою, и самая радость въ настоящемъ тяжела для насъ, какъ и горе, ибо не мы ею, но она нами преобладаетъ. Чтобъ насладиться ею, мы должны отойти отъ нея на извѣстное разстояніе, какъ отъ картины, по требованіямъ освѣщенія,—должны взглянуть на нее, свободные отъ нея, какъ на нѣчто виѣ насъ находящееся, предметное. Вотъ отчего мы облегчаемся отъ томительной тяжести горя, какъ скоро сообщимъ его другому или изольемъ его на бумагѣ для самихъ же себя: мы видимъ его отдѣленнымъ отъ нашей личности, наша личность не заслоняетъ его отъ насъ,—и тогда намъ мило наше горе, мы любимъ вспоминать о немъ, любимъ говорить о немъ, какъ воинъ о своихъ походахъ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Все прошедшее получаетъ для насъ новый колоритъ, является какъ бы преображеннымъ: счастье кажется лучшимъ, нежели тогда, какъ мы имъ наслаждались; въ самомъ несчастіи видимъ мы одну поэтическую сторону. Причина этому та, что отдаленность скрадываетъ отъ нашихъ глазъ всѣ неровности, случайности, нечистыя пятна, которыя вблизи первыя бросаются въ глаза. Въ дѣйствительности все покорно законамъ пространства и времени, естественнымъ требованіямъ: и герои ѣдятъ, пьютъ, чувствуютъ холодъ и голодъ, какъ и обыкновенные люди. Вы видите въ природѣ прекрасный ландшафтъ, но какъ?—непрерѣнно вдалекѣ, и при томъ съ извѣстной точки зрѣнія: отдаленность придаетъ ему живописную прелесть, точка зрѣнія придаетъ ему цѣлость. Сдѣлайте шагъ, переѣните точку зрѣнія—и ландшафтъ исчезъ: передъ вами что-то нестройное, разбросанное, безъ начала, безъ конца и середины, безъ всякой общности, безъ всякой фізіономіи. Подойдите вблизи къ очаровавшему васъ ландшафту—и вы очугитесь у какой-нибудь негодной избушки, дрянной мельницы, ничтожнаго ручья, обыкновенной рощи, гдѣ на каждомъ шагу спотыкаетесь отъ неровностей или попадаете въ лужу. А издалека все было такъ чисто, опрятно, красиво, цѣлостно, обрамлено,—настоящая картина! Итакъ, картина лучше дѣйствительности?

Да, ландшафтъ, созданный на полотнѣ талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ. Отчего же? — Оттого, что въ немъ нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всё части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное. Дѣйствительность прекрасна сама по себѣ, но прекрасна по своей сущности, по своимъ элементамъ, по своему содержанию, а не по формѣ. Въ этомъ отношеніи дѣйствительность есть чистое золото, но неочищенное, въ кучѣ руды и земли: наука и искусство очищаютъ золото дѣйствительности, перетопляютъ его въ изящныя формы. Слѣдовательно, наука и искусство не выдумываютъ новой и небывалой дѣйствительности, но у той, которая была, есть и будетъ, берутъ готовые материалы, готовые элементы, словомъ—готовое содержаніе; даютъ имъ приличную форму, съ соразмѣрными частями и доступнымъ для нашего взора объемомъ со всѣхъ сторонъ. Что Петръ Великій создалъ въ Россіи армию и флотъ—это фактъ исторической дѣйствительности; но исторія, излагая это дѣло, беретъ изъ него только главные характеристическія черты, выпуская подробности: не ея дѣло описывать, какъ набирали солдатъ и матросовъ, какъ учили каждаго изъ нихъ, и прочее. Шекспиръ въ ограниченномъ объемѣ драмы сосредоточиваетъ всю жизнь историческаго лица, напримѣръ, какого-нибудь Ричарда II, или важнѣйшее событіе изъ жизни героя, которое въ дѣйствительности могло совершиться только въ нѣсколько лѣтъ. Онъ включаетъ въ свою драму только тѣ черты изъ жизни ея героя, только тѣ факты изъ событія, избраннаго для драматической картины, которые имѣютъ прямое отношеніе къ идеѣ его созданія, а все прочее, хотя бы само по себѣ и интересно, но не относящееся къ основной идеѣ его произведенія, онъ исключаетъ, какъ ненужное. Хотя рамы романа и несравненно обширнѣе стѣнныхъ рамъ драмы, хотя романистъ пользуется и несравненно большею противъ драматурга свободою, но любой романъ Вальтера-Скотта или Купера не отниметъ у насъ больше для непрерывнаго чтенія, а подробное описаніе, въ родѣ мемуаровъ, года жизни каждаго человѣка наполнило бы собою десятеро большее число томовъ, нежели цѣлая жизнь героя или важнѣйшее событіе изъ нея въ романѣ, состоящемъ изъ четырехъ небольшихъ книжекъ. Поэтъ не обязанъ описывать, какъ герой его романа обѣдалъ каждый разъ; но поэтъ можетъ изобразить одинъ изъ его обѣдовъ, если этотъ обѣдъ имѣлъ влияние на его жизнь, или если въ этомъ обѣдѣ

можно представить характеристическія черты обѣдовъ извѣстнаго народа въ извѣстную эпоху. Если герой романа рыцарь, то поэту не для чего описывать всё его поединки и сраженія, которыя у каждаго рыцаря были такъ часты и обыкновенны, какъ у русскаго купца питье чая; но поэтъ можетъ описать важнѣйшіе поединки и сраженія своего героя, или даже и одинъ поединокъ, если только въ немъ духъ рыцарства выразился столь характеристически, что новое описаніе въ этомъ родѣ ничего не дополнить, или если характеръ героя въ немъ обозначился такъ полно и рѣзко, что мы по одному его поединку знаемъ уже, какъ бы онъ сталъ сражаться въ тысячѣ другихъ. Для поэта не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ, и которые, при всей своей индивидуальности и особенности, заключаютъ въ себѣ всё общія, родовыя примѣты цѣлаго рода явленій въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода, и потому-то мы говоримъ: этотъ человѣкъ—настоящій Отелло, эта дѣвушка—совершенная Офелія. Такія имена, какъ Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Ольга, Загорѣцкій, Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Репетиловъ, Хлестова, Сквозникъ-Дмухановскій, Бобчинскій, Добчинскій, Держиморда и прочіе,—суть какъ бы не собственныя, а нарицательныя имена, общія характеристическія названія извѣстныхъ явленій дѣйствительности. И потому-то въ наукѣ и искусствѣ дѣйствительность больше похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности,—и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были, а историческій романъ Вальтера-Скотта, въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны въ извѣстную эпоху, достовѣрнѣе всякой исторіи. Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, замѣтвая у дѣйствительности материалы, возводитъ ихъ до общаго, родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое. Какъ, повидимому, ни нелѣпа мысль французскихъ эстетиковъ прошлаго вѣка, что искусство должно украшать природу, но въ ней есть своя часть истины; только они не поняли самихъ себя и по разсудочному противорѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, приняли подражаніе природѣ, хотя и украшенной. И если ихъ подражанія были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше ихъ ушли и эти quasi-романтическія

описыванія съ натуры, въ которыхъ красуются мужицкія побранки и поговорки во всей ихъ неопрытанной естественности. Можно очень натурально изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человѣка, упавшаго въ нетрезвомъ видѣ въ помойную яму, но всё эти изображенія будутъ возмутительны для души, неизящны и безсмысленны, ибо въ нихъ не будетъ никакой разумной мысли, никакой разумной цѣли. Но когда живописецъ представитъ вамъ естественно истязаніе человѣка за истину, и въ лицѣ его выразитъ побѣду душевной твердости надъ физическимъ страданіемъ,—то чѣмъ больше въ картинѣ будетъ естественности, тѣмъ картина будетъ изящнѣе и художественнѣе, ибо въ ней будетъ видна разумная цѣль и разумная мысль. Чтѣ дѣйствительно, то разумно, и чтѣ разумно, то и дѣйствительно: это великая истина; но не все то дѣйствительно, чтѣ есть въ дѣйствительности, а для художника должна существовать только разумная дѣйствительность. Но и въ отношеніи къ ней онъ не рабъ ея, а творецъ, и не она водитъ его рукой, но онъ вноситъ въ нее свои идеалы и по нимъ преобразуетъ ее.

Итакъ, поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эфиръ, триплъ-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни. Поэзія не описываетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. Поэзія—это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ, его звонкій смѣхъ и живая радость. Поэзія—это стыдливый румянецъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей, или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея марморнымъ плечамъ, волненіе ея нѣжной груди, гармонія ея серебрянаго голоса, музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, граціозность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній... Поэзія—это огненный взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ; это его отвага и дерзость, его жажда желаній, неудержимые порывы его стремленія—сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо, и землю, разомъ осушить до дна неистощимую чашу жизни... Поэзія—это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполне созрѣвшаго для жизни, искушеннаго ея опытами, съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ, готоваго на битву и на подвигъ...

Поэзія—это тихій блескъ безцвѣтныхъ глазъ старца, кроткое, какъ ласка, глубокое, какъ дума, выраженіе сіяющаго блескомъ нежданный жизни морщиноватаго лица его, спокойный и полный души звукъ его дрожащаго и прерывающагося голоса, его тихая и важная рѣчь, любящая и величавая улыбка его мудрыхъ устъ... Поэзія—это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, нежданно посѣщающія насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепетъ, мѣлкіе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ, полнота любви, восторгъ наслажденія, сладость грусти, блаженство страданія, ненасытная жажда слезъ; это страстное, томительное, то-скливое порываніе куда-то, въ какую-то всегда обольстительную и никогда недостигаемую сторону,—это вѣчная и никогда неудовлетворимая жажда все обнять и со всемъ слиться; это тотъ божественный паеосъ, въ которомъ сердце наше бьется въ одинъ ладъ со вселенною, передъ упоеннымъ взоромъ летаютъ безъ покрова безплотныя видѣнія вышшаго бытія, а очарованному слуху слышится гармонія сферъ и міровъ,—тотъ божественный паеосъ, въ которомъ земное сіяетъ небеснымъ, а небесное сочетается съ земнымъ, и вся природа является въ брачномъ блескѣ, разгаданнымъ іероглифомъ помиривающагося съ нею духа... Весь міръ, всё цвѣты, краски и звуки всѣ формы природы и жизни могутъ быть явленіемъ поэзіи; но сущность ея—то, чтѣ скрывается въ этихъ явленіяхъ, живить ихъ бытіе, очаровываетъ въ нихъ игрою жизни. Поэзія—это біеніе пульса мировой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце.

Поэтъ—благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, золова арфа чувствъ и ощущеній, органъ мировой жизни. Еще дитя, онъ уже сильнѣе другихъ сознаетъ свое родство со вселенной, свою кровную связь съ нею; юноша—онъ уже переводитъ на понятный языкъ ея нѣмую рѣчь, ея таинственный лепетъ. Но слушаемъ лучше самого поэта: свѣдѣтельство, которому нельзя не повѣрять. Онъ говоритъ:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Мои ми играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ разнѣры стройные стекала
Моя послушная слова,
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Вылъ шумъ лѣсовъ, или выхоръ бурный

Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопоть рѣчки тихоструйной.

Еще есть другіе стихи Пушкина, болѣе чудные, болѣе глубокіе, и по тому самому незнаемые толпою и извѣстные только немногимъ истиннымъ поклонникамъ и жрецамъ изящнаго; въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апофеоза художника. Поэтъ обращается къ эху:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—

На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—

И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отъыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что живетъ въ мірѣ,—находить отъывъ во всеобъемлющей груди поэта; и ни одно существо на землѣ не имѣетъ бѣльшаго права примѣнить къ себѣ слова Фауста:

Всевышній духъ! Ты все, ты все мнѣ даль,
О чемъ тебя я умолялъ;

Не даромъ зрѣлся мнѣ
Твой ликъ сияющій въ огнѣ.

Ты даль природу мѣ, какъ царство, во владѣнье,
Ты даль душѣ моей

Даръ чувствовать ее, даль силу наслаждаться.
Иной едва скользаетъ по ней

Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть.

Но кто же онъ, самъ поэтъ, въ отношеніи къ прочимъ людямъ?—Это организація воспримчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая, при малѣйшемъ прикосновеніи, даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, жарѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, сильнѣе ненавидитъ: словомъ,—глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа—и пассивная, и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма, поэтъ больше, чѣмъ кто-нибудь, способенъ впасть въ крайности, и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что у другихъ людей: оно слѣдствие ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти, за одинъ мигъ полноты чувства онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всей остальной жизнью. У него—по выраженію Гезіода—«дѣсь всегда на умѣ, а въ груди сердце беззаботное.» Когда онъ чувствуетъ прибли-

женіе бога и обдумываетъ зарождающееся новое созданіе, тогда—

Пройдя безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья.

Когда онъ творить—онъ царь, онъ властелинъ вселенной, повѣренный тайнъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣчеваго, только ему одному открыты; но гдѣ онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи—онъ *человѣкъ*, но *человѣкъ*, который можетъ быть ничтожнымъ, и никогда не можетъ быть *низкимъ*, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ же быстро возстаетъ, какъ падаетъ,—который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины—неба. Но послушаемъ его собственной исповѣди:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.
Вѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смѣтевъ полнь,
На берега пустынныхъ волнь,
Въ широкошумныя дубровы...

Какая цѣль поэзии?—вопросъ, который для людей обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, такъ же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Не все ли намъ равно—знать или не знать, что не относится къ нашей жизни или нашимъ выгодамъ, что и высоко, и далеко отъ насъ, какъ это небо, котораго и безконечно малой частицы никогда не припомнимъ мы къ себѣ всѣми телескопами? Однако жъ астрономъ посвящаетъ всю жизнь свою этому небу,—и открытіе новой звѣзды, которая не прибавитъ ни полтины къ его годовому доходу, дѣлаетъ его счастливымъ и блаженнымъ. Развѣ потому должны мы любить добро, что насъ за него хвалятъ или награждаютъ? Развѣ мы должны отрекаться отъ него и сворачивать на широкую дорогу зла, какъ скоро увидимъ, что добро не только не приноситъ намъ никакихъ процентовъ, но еще подвергаетъ насъ гоненіямъ

и несчастіямъ? Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властью своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на душу людей. Вотъ въ ярко освѣщенную, великолѣпную залу входитъ красавица,—и трепещетъ пылкая юность, разглаживаются морщины на челѣ старости, улыбка радости проясняетъ сонныя отъ пустоты и скуки лица; кажется, царства мало за одинъ взглядъ ея; лавровый вѣнокъ героя, лучезарный ореолъ поэта готовы пасть къ ногамъ ея, лишь бы только захотѣла она замѣтить ихъ... А между тѣмъ вы въ лицѣ ея тщетно отыскиваете выраженіе какой-нибудь опредѣленной идеи, отгѣнка какого-нибудь опредѣленного чувства: ничего, ничего, кромѣ безбрежнаго моря красоты и граціи, въ которомъ тонуть ваши очарованные взоры, исчезаетъ все существо ваше... Объясните мнѣ: для чего такая красота, какая цѣль ея,—и я объясню вамъ со всевозможною ясностью и даже «точностью», для чего существуютъ поэзія, какая цѣль ея... И если бы нашлись люди, надъ которыми красота не имѣетъ никакой власти, не будемъ спорить съ ними! Хладные скопцы (по выраженію Пушкина), лишенные огня Прометеева,—стоятъ ли они словъ, и имъ ли можно растолковать, почему диллетантъ такъ благоговѣнно и цѣломудренно любитъся обнаженною красотою Венеры Медицейской, и за обломокъ древней вапители, барельефа или камею готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ своимъ, съ безумной горячностью любовника, которому и жизни не жаль за одну улыбку возлюбленной?..

Вотъ какъ понималъ красоту «божественный Платонъ», и какъ во все вѣка будутъ понимать ее умы благородные и возвышенные:

„Наслажденіе красотою въ этомъ земномъ мірѣ возможно въ человѣкѣ только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа напоминаетъ себѣ въ первоначальной ея родинѣ. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, способствуетъ тому, чтобъ окрылять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты.

Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи, другіе же за другими богами; мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ, приобщались ему всецѣлые, не причастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ постигли; погрузились въ видѣнія совершенныя, простые, не страшныя, но радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и не заняты тѣмъ, что мы нынѣ, влача съ собою, называемъ тѣломъ, мы, заключенные въ него, какъ въ раковину.

Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлою и достойною любви. Не воплотѣ

посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ не взирая на то, что носить ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а, подобно четвероногому, ищетъ одного чувственнаго наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, жсображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назвать его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому...“

Какъ красота, такъ и поэзія—выразительница лица и жрица красоты—сама себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настраиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ—это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта. Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть «полное славы творенье»—міръ со всей безконечностью и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами,—и ея образы суть выраженіе той вѣчной красоты, первообразъ которой блещетъ въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной наготѣ, но самія отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль сквозитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски и всему даетъ форму и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное—да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта все явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью лелѣетъ ихъ на своей груди такъ, какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности. Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ отрываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопей не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди и прошедшее, міровое и вѣчное забывать на минуту для современности и общества; но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое свободное вдохновеніе разнымъ «текущимъ потребностямъ». Свободный, какъ вѣтеръ, онъ повинуется только внутреннему своему призванію, таинственному голосу движущаго имъ бога, а на крики тупой черни, которая бы стала приставать къ нему, въ своей дикой слѣпотѣ:

Нѣтъ, если ты небесъ избравникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляя:
Сердца собратьевъ исправляя.
Мы малодушны, мы коварны,
Везстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные спонцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣдятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя,—

онъ можетъ и долженъ отвѣчать, если только стоитъ она отвѣта:

Пойдите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживить васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волеенья,
Не для жорысты, не для битвы:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвы!

Поэтъ не подражаетъ природѣ, но соперничеству съ нею,—и его созданія исходятъ изъ того же источника и тѣмъ же самымъ процессомъ, какъ и всѣ явленія природы, съ той только разницей, что на сторонѣ процесса его творчества есть еще и сознание, котораго лишена природа и ея дѣятельность! Вся природа со всеми ея явлениями есть плодъ вдохновеннаго порыва духа—изъ идеальной области возможнаго перейти въ реальную область дѣйствительнаго, стать фактомъ, чтобъ потомъ въ разумѣннѣмъ своемъ явленіи—человѣкѣ—взглянуть на себя, какъ на нѣчто особое, осознать себя. И всякое произведеніе искусства есть плодъ вдохновеннаго усилія художника—вывести наружу, осуществить во внѣ внутренній міръ своихъ безплотныхъ идеаловъ. Итакъ, вдохновеніе есть источникъ всякаго творчества; но искусство выше природы настолько, насколько всякое сознательное и свободное дѣйствіе выше безсознательнаго и невольнаго. Не сознание при актѣ творчества, есть не дѣятель, а только какъ бы свидѣтель, дабы творчество было художнику въ наслажденіе и награду. Конечно, всякое дѣйствіе есть уже необходимо и сознание; но подъ сознаниемъ въ творествѣ не должно разумѣть дѣятельность разсудка, трудъ соображенія, расчета и механическую работу: вдохновеніе, которое Платонъ называетъ маніей, — вотъ единственный дѣятель творчества, а разсудокъ враждебенъ творчеству и мертвъ его. «Кто—

говорить Платонъ—безъ маніи, внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, убежденный въ томъ, что искусствомъ (εὐχάριτος) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія благоразумнаго, будетъ отличаться отъ поэзіи безумствующихъ.»

Вообще понятіе Платона о вдохновеніи такъ глубоко вѣрно, и такъ поэтически, вдохновенно выражено, что, сообщивъ его, мы скажемъ о вдохновеніи все, что только можно сказать:

... Не искусствомъ (*техникой*), но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ, великіе эпические поэты сочиняютъ свои прекрасныя произведенія. Славные лирики также, подобно людямъ, волнующимъ безуміемъ корибантовъ, пляшущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изящныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и рима, то преисполняются безуміемъ, объемяются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя въ минуту упоенія черпаютъ въ рѣкахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что, подобно пчеламъ, летаютъ они по садамъ и долинамъ музъ и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. Они говорятъ правду. Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое; онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его объемяетъ, когда онъ выйдетъ изъ себя, и разсудокъ покинетъ его. Но покаместъ онъ съ нимъ, человекъ не способенъ творить все и проносить пророчества.

Итакъ, если не искусствомъ, а божественнымъ вдохновеніемъ творятъ поэты, — то каждый изъ нихъ, по жребію Божію, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ. Одинъ превосходитъ въ дѣириамбѣ, другой въ похвальной одѣ, третій—въ плясовой пѣснѣ, четвертый—въ эпосѣ, пятый—въ ямбахъ, и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Если бы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой Богъ, отънявъ у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ служителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадалками, есть тотъ, чтобъ мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ Богъ чрезъ нихъ къ намъ глаголетъ.»

Этотъ взглядъ на вдохновеніе, такъ просто и душевно, въ духѣ младенческой древности выраженный, удивителенъ по своей глубинѣ. Ясно, что Платонъ «благоразуміемъ» называетъ разсудочное, обыкновенное, будничное, такъ сказать, состояніе нашего духа; а подъ «безуміемъ» разумѣетъ тотъ божественный пафосъ, то состояніе вдохновеннаго ясновидѣнія, когда разумъ человека созерцаетъ таинство высшаго міра, а воля его движетъ горами. Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ наслажденія, иступленіе радости, упоеніе страданія, тоска разлуки, трепетъ свиданія, обаяніе любви, отвага самаго жер-

твования, готовность пострадать за правое дело и истину, сладострастие вдохновения—что все это, если не безумие?... Но это безумие разумное, безумие божественное, которое возносит человека выше премудрых мира сего и равняет его с богами... А мертвое равнодушие, заткнутое в формы приличия, расчеты мелкаго самолюбія и эгоизма, разбренные шаги къ ничтожной цѣли, отреченіе отъ истиннаго назначенія человѣческаго для достиженія ея—что все это, если не благоразуміе?... Но не будемъ говорить о благоразуміи: оно врагъ поэзіи, а предметъ нашей статьи—поэзія...

Все, сказанное нами о поэзіи вообще, легко приложить къ поэзіи Лермонтова. Гдѣ вдохновеніе неподдѣльно, тамъ есть и поэзія, и чьей натурѣ сродно вдохновеніе, тотъ поэтъ; но и вдохновеніе имѣетъ свои степени и въ каждомъ поэтѣ отличается особеннымъ характеромъ: въ одномъ оно искрится и шипитъ пѣною, какъ шампанское, и подобно шампанскому тотчасъ же оживляетъ легкимъ, но и скоропреходящимъ похмельемъ; въ другомъ оно льется свѣтлой, прозрачной рѣчкой, съ смѣющимися зелеными берегами; въ третьемъ оно бьетъ и стремится бурными волнами, съ громомъ, пѣною и брызгами, подобно Ниагарскому водопаду; въ четвертомъ оно подобно океану безъ береговъ и дна, стражающему въ себѣ и небесный куполъ съ его солнцемъ, луною и міриадами звѣздъ, и страшныя тучи, съ ихъ мракомъ и молніями,—океану, который равно величественъ и торжественъ и въ тишинѣ, и въ бурю, который носитъ на своихъ могучихъ волнахъ и утлый челнокъ рыбака, и огромныя флоты, и который въ необъятныхъ таинственныхъ нѣдрахъ своихъ заключаетъ цѣлыя міры живыхъ существъ, и великихъ, и малыхъ, и горы раковинъ, и дѣса коралловъ... Жизнь одна и та же во всѣхъ своихъ явленіяхъ, но одно изъ нихъ объемлетъ собою только извѣстную часть ея, другое же заключаетъ въ себѣ бесконечно великое содержаніе жизни. Таковъ же и отношеніе между поэтами: въ отношеніи къ акту творчества, къ процессу вдохновенія пѣсня Беранже совершенно равна любой драмѣ Шекспира, но въ отношеніи къ содержанію жизни, которое объемлетъ собою те и другое изъ упомянутыхъ произведеній, между ними бесконечная разница въ важности, цѣнности и достоинствѣ. И эта разница существуетъ не только въ пьесахъ разнаго рода, какъ, напримѣръ, застольная пѣснька и высокая драма: она можетъ существовать и между двумя застольными пѣснями, написанными на одинъ и тотъ же предметъ, но только разными поэтами. И вотъ здѣсь-то можно видѣть превосходство

одного поэта передъ другимъ: пѣсня одного читается съ наслажденіемъ, но рѣдко вспоминается и скоро забывается; другого—чѣмъ больше читается, тѣмъ больше наслажденія доставляетъ, и даже прочитанная разъ, навсегда остается въ памяти—если не словами своими, то своимъ колоритомъ, тѣмъ «нѣчто», для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Сравните «Поэта» Языкова съ «Поэтомъ» Пушкина, котораго мы выписали выше, въ нашей статьѣ, и съ его же стихотвореніемъ «Поэту»: сначала вамъ можетъ показаться, что пьеса Языкова выше обѣихъ Пушкинскихъ; но вы скоро, если въ васъ есть эстетическое чувство, замѣтите въ первой, при всемъ ея блескѣ, нѣкоторую напряженность, съ какой она составлена,—и благородную простоту, естественность, неизмѣримую глубину двухъ послѣднихъ и ихъ безконечное превосходство надъ первой... Причина этой разности есть разность сколько въ талантѣ, столько и въ натурахъ обѣихъ поэтовъ: одинъ смотритъ на природу вещей извнѣ, видитъ только ея наружность; другой проникъ въ ея сущность и обратилъ ее въ свое достоинствѣ, по праву законнаго властелина...

Немного поэтовъ, къ разбору произведеній которыхъ было бы не странно приступить съ такимъ длиннымъ предисловіемъ, съ предвзвѣреннымъ взглядомъ на сущность поэзіи: Лермонтовъ принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ... Подробное разсмотрѣніе небольшой книжки его стихотвореній покажетъ, что въ ней кроется всѣ стихіи поэзіи, что она заключаетъ въ себѣ возможность въ будущемъ нѣсколькихъ и при томъ большихъ книгъ... Мы увидимъ, что свѣжесть благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная яркость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія—суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго великаго развитія.

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое неврѣще «Русланомъ и Людмилею» — сочиненіемъ, котораго идея отзывается слишкомъ ранней молодостью, но которое кипитъ чувствомъ, блистаетъ всеми красками, благоухаетъ всеми цвѣтами природы, сознаниемъ неистопимо веселымъ, игривымъ... Это была надежда генія послѣ первой опорожненной имъ чашки на свѣтломъ пиру жизни... Лермон-

товъ началъ исторической поэмой, мрачной по содержанію, суровой и важной по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ Пушкинъ явился провозвѣстникомъ челоѳичности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется, тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства челоѳическія, при жадѣ жизни и избыткѣ чувства... Нигдѣ нѣтъ Пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, ледеятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія—совсѣмъ новое звено въ цѣпи историческаго развитія нашего общества. *)

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ «Современникѣ» 1837 года, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется «Бородино». Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго слугу:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина.

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тринадцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москву!

Эта мысль—жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта «тоска по жизни» внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до «Бородина»—это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо-простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ

*) Замѣтимъ для большей ясности и точности, что, говоря объ «обществѣ», мы разумѣемъ только чувствующихъ и мыслящихъ людей новаго поколѣнія.

и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлаютъ осязаемо-оупутительной основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не могло еще показать, чего отъ его автора должна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 г. въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду» была напечатана его поэма «Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подлиннаго этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэтъ? кто такой Лермонтовъ? писалъ ли онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? Но, несмотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра неудовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошлое, подслушалъ біеніе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ отбѣнками, какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ,—и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно послушаться: какъ маниемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошедшее—и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобы оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Иоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазій народа... Что за явленіе въ нашей исторіи была этотъ «мужъ кровей», какъ называютъ его Курбскій? Былъ ли онъ Лудовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?... Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи; замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазиатскаго быта и внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность,—то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказился и

нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорбѣ сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ быть, это былъ своего рода великій человекъ, но только не во-время, слишкомъ рано явившійся Россіи,—пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее, и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его—молнія, звукъ рѣчей его—громъ небесный, порывъ гнѣва его—смерть и пытка; но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, пророблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиной царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками.

И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ—«И всѣ пили, царя славили». Липъ только одинъ изъ опричниковъ «въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усомъ» и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянувъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго,—«да не подымай глазъ молодой боець».

Царь ступнулъ объ полъ своею палкою, съ желѣзнымъ наконечникомъ; палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ же дрогнулъ добрый молодець;

Вотъ промолвилъ царь слово грозное.

И очнулся тогда добрый молодець.

„Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаялъ нечестивую?

Али славъ нашей завидуешь?

Али служба тебѣ честная прискучила?

Когда входить мѣсяцъ—звѣзды радуются,

Что свѣтлѣ имъ гулять по поднебесью;

А которая въ тучку прячется,

Та стремглавъ на землю падаетъ...

Не прилично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушаться;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малюткиной!..“

Низко кланяясь, опричникъ проситъ у царя извиненія, говоря:

„Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготитъ она плечи богатырскія,
И сама къ сырой землѣ она клонится.“

Царь спрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы—перлы народной нашей поэзіи, полѣтѣе выраженіе духа и формы русской жизни того времени. Таковъ же и отвѣтъ или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Кирибѣевича дышетъ такой полнотою чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечестъ его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалого бойца—молодушка, которая закрывается фатою, когда на нее любятъ красныя дѣвушки:

„На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвить слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Вожіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ вижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки смѣлыя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастанъ?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казакское.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлять по себѣ злы татаровья
Коя добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется.“

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть—лава, ея горестъ тяжела и трудна; это удалое, разгудное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигъ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ сло-

вахъ этого опричника, какая глубокая грусть дышетъ въ нихъ, — это грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, это грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье; велитъ сперва поклониться «смышленной» свахѣ, а потомъ послать къ своей Алѣнѣ Дмитриевнѣ дары драгоценныя:

«Какъ полюбилъся—празднуй свадьбу,
Не полюбилъся—не прогнѣвайся.
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣчана.
Перевѣчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...»

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника, — и тщетно испуганный слухъ ждетъ, что скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ замкнѣвъ на эту его трагически недоконченную картину, такъ странно прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это наяву, что все это — только рассказъ пѣсенниковъ...

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшите вы добраго боярина
И боярину его бѣлолицу!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливыя прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ; сердце ваше сжимается болѣзненной тоской: оно чувствуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ трагической катастрофой, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирильевича — не шуточное дѣло, не простое влеченіе, но страсть природы сильной, души нестучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ онеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не приобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны. И при всемъ этомъ онъ имѣетъ опору въ грѣсномъ царѣ, который никого не наказываетъ и не наказанъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя это этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Замкнѣвъ поднять — и передъ нами новая картина: молодой купецъ статный молодецъ,

Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкомъ,

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато-серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени; на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему то вы чувствуете, что это единъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ, — одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ, и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце — чувствуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что «молодому купцу, статному молодцу» задался не добрый день:

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ...
Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ зоря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо, —
Гонитъ ихъ метелица распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью, «да нѣмецкимъ замкомъ со пружиной», привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался? — Или думалъ человѣкъ чувствуетъ шестеть шаговъ незримослѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрѣкла его въ свои жертвы?...

Пришедъ въ свой «высокій» домъ, Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молода жена, ни малыя дѣтунки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью и свѣчка передъ образомъ еле-теплится. Кличетъ онъ старуху Еремьевну и спрашиваетъ, куда въ такой кощій часъ «дѣвалась, затаилася» Алѣна Дмитриевна, и не замгались ли его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышитъ въ отвѣтъ:

«... Къ вечерѣ пошла Алѣна Дмитриевна;
Вотъ ужъ ночь крошечъ съ молодой понадеи,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать. —
А по сию пору твоя хозяйшкя
Изъ приходской церкви не вернулась.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ всѣ, не унимаются.»

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Парамоновичъ крѣкою думовъ.

И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаешь слѣдъ человѣческой.
Вотъ онъ слышитъ, въ снѣгахъ дверью
хлопнули,

Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядь—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молодая жена,
Сама блѣдная, простолобая,
Косы русыя расплетены
Снѣгомъ-низемъ пересыпаны;
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ
не гуляла ли, не шрвала ли съ дѣтymi
бойскими, что волосы ея такъ растрепаны
и одежда изорвана.

„Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобою, жена, обручались,
Золотыми кольцами мѣнялись!“

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь
окованную, за желѣзный замокъ, чтобъ она
и снѣгу Божьего не видѣла, его имени чест-
наго не порочила.

Какъ осиновый листъ затряслася Алѣна
Дмитриевна, упала мужу въ ноги, прося его
выслушать ее и говоря, что она «не боится
смерти лютыя, а боится его немилости»: въ
дѣвѣдцати стихахъ молная картина супру-
жескихъ отношеній варварскаго времени!
Жена рассказываетъ мужу, что, идя отъ
вечерни домой, услышала за собою чь-то
шаги, «оглянулась—человѣкъ бѣжитъ»; этотъ
человѣкъ схватилъ ее за руки, говоря ей,
что онъ слуга царя грознаго, прозывается
Кирибѣвичемъ, а изъ славныя семьи изъ
Малютиной...

„Искупалась я пуце прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А цѣлуя, все приговаривалъ:
— „Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, алы жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, алы цвѣтной парчи?
Какъ царю я наряду тебя,
Стадутъ всѣ тебѣ завидовать,
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!“
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живыми пламенемъ разливаются
Пощади его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушка,
Смѣялись, на насъ пальцемъ показывали...“

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у
него свою фату бухарскую и узорный пла-
токъ,—подарочекъ мужа. Заключение ея раз-
сказа состоитъ въ жалобахъ на свой несоръ
и въ просьбѣ мужу—не дать ее, свою
вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульни-
камъ. Тогда Степанъ Парамозовичъ посы-
ляетъ за своими двумя меньшими братьями

и рассказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему
злымъ опричникомъ царскимъ,

„А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому!“

говоритъ имъ о своемъ намѣреніи—биться
на смерть съ опричникомъ на кулачномъ бою,
который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при
самомъ царѣ, и проситъ ихъ постоять за
правду, если самъ будетъ побить.

И въ отвѣтъ ему братья мѣлвили:

„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесья,
Туда мчатся тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветь ширѣ шировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, родамаго, не выдадимъ.“

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калаш-
никовыхъ хоть и не славилась столько, какъ
Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла
съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ
въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и про-
стоту родственныхъ отношеній нашихъ пред-
ковъ, гдѣ право первородства было и пра-
вомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ
мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано
имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ,
въ самомъ разгарѣ въ высшей степени дра-
матическаго дѣйствія. Этой сценой семей-
наго совѣщанія оканчивается вторая часть
драматическаго поэмы: дѣйствующія лица и
завязка дѣйствія уже рѣзко обозначились,—
и сердце наше замираетъ отъ предчувствія
горестной развязки...

Надъ Москвою великою, златоглавою,
Надъ стѣною кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала худри золотистыя,
Умывается снѣгами рассыпчатыми,
Въ небо чистое смотреть, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася!

На Москву-рѣку сходились удалые молодцы
«разгуляться для праздника, потѣшиться».
Самъ царь крѣпчалъ со дружиною, боярами
и опричниками и велѣлъ сдѣлать серебря-
ною цѣпью мѣсто въ 25 сажень «для охот-
ничкаго бою одиночнаго». Потомъ царъ ве-
лѣлъ вызвать охотниковъ:

Кто полюбъетъ кого, того царъ награждать,
А кто будетъ побить, тому Богъ проститъ!

Выходитъ Кирибѣвичъ и съ похваляею
вызываетъ супротивниковъ, обвиняясь «лишь
потѣшить царя-бѣлошку, но для праздника
отпустить живого». Вдругъ раздалась толпа
—и выходитъ Степанъ Парамозовичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквямъ,
А потомъ всему народу русскому.

Горять его очи соколиныя,
 На опричника смотреть пристально.
 Супротивъ него онъ становится,
 Боевыя рукавицы натягиваетъ,
 Могутныя плечи распрямливаетъ
 Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвалы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, «чтобъ знать, по комъ панихиду служить, чтобъ было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
 „А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
 А родился я отъ честнова отца,
 И жилъ я по закону Господнему:
 Не позорилъ я чужой жены,
 Не разбойничалъ ночью темною,
 Не таился отъ свѣта небеснаго...
 И промолвилъ ты правду истинную:
 По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
 И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
 И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
 Съ удалыми друзьями пируючи...
 Не шутку шутить, не людей смѣшить
 Къ тебѣ вышелъ я теперъ, бусурманскій сынъ,
 Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
 И услышавъ то, Кирибѣевичъ
 Побѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній свѣтъ;
 Войки очи его затуманились,
 Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
 На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно—ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ пороки!.. Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому что она сама—свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!..

Начался бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила.

И опричникъ молодой застоялъ слегка,
 Закачался, упалъ за-мертво,
 Ивалился онъ на холодный свѣтъ,
 На холодный свѣтъ, будто сосенка,
 Будто сосенка, во сыромъ бору
 Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жалъ удалого, хотя и преступнаго бойца? съ невыразимой тоской повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которой выразилъ онъ его паденіе?.. А между тѣмъ вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?.. Таково обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу:—мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ поцѣдуемъ прощанія и прощанія въ холодныя, посинѣлыя уста ихъ запечатлѣваемъ торжество восстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили, было, онѣ своей виной...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ и спрашиваетъ Калашникова: вольною волею или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца? Вѣроятно, Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ страшно потрясенной—и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавой мезью врагу, невозвратившей ему прежняго блаженства,—для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимой для уврачеванія ея неиспѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ—даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ—все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ однако причину своего мщенія:

„А за что, про что—не скажу тебѣ!

Скажу только Богу единому!“

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь и лишь просить царя «не оставить своей милостью малыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его.» Въ отвѣтъ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величіи выказывается колоссальный образъ Грознаго:

„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
 Удалой боецъ, сынъ купеческій,
 Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
 Молодую жену и сиротъ твоихъ
 Изъ казны моей я пожалую,
 Твоимъ братьямъ вѣло отъ сего же дня
 По всему царству русскому широкому
 Торговать безданно, безошливно,
 А ты самъ ступай, дѣтинушка,
 На высокое мѣсто лобное.
 Сложи свою буйную головушку.
 Я топоръ вѣло наточить-наострить,
 Палача вѣло одѣть-нарядить,
 Чтобы знали всѣ люди московскіе,
 Что и ты не оставленъ моей милостью...“

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробѣ! А между тѣмъ въ согласіи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и величія царственной природы и какъ бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!.. Какая страшная трагедія! сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!.. И едва ли во всей исторіи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ бдѣльшимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!..

На площади собирается народъ; гудить-
всоевъ заунывный колоколь; по высокому-
добному мѣсту весело похаживаетъ палець,
руки голыя потираючи:

Удалова бойца дожидается;
А лихой боець, молодой купецъ,—
Съ молодыми братьями прощается.

Онъ велитъ имъ поклониться отъ него
Алѣнѣ Дмитріевнѣ да за казатъ ей меньше
печалиться, а дѣтушкамъ про него не велитъ
сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ, промежь трехъ дорогъ:
Промежь Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бурожъ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ-шумятъ вѣтры буйныя
Надъ его безыменной могилкою.

И вотъ, занавѣсъ опустился, трагедія кон-
чилась, колоссальные образы ея героевъ
исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее ста-
ло опять прошедшимъ—

И что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Что?—могила, жилище тлѣнія и смерти; но
надъ этой могилой вѣетъ жизнь, царитъ
воспоминаніе, нѣмой рѣчью говорить пре-
даніе:

И проходить мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человекъ—перекрестится,
Пройдетъ молодець—пріосанится,
Продетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гуслары—спуютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатыя жерт-
вы приносятся этой могилѣ живыми! И она
стоитъ ихъ, ибо не живые въ ней, мерт-
вой,—но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ
живыхъ, заставляетъ ихъ и креститься, и
пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть
пѣсни!... Васъ огорчаетъ, и заставляетъ стра-
дать горестная и страшная участь благо-
роднаго Калашникова; вы жалбете даже и
о преступномъ oprичникѣ:—понятное, чело-
вѣческое чувство! Но безъ этой трагиче-
ской развязки, которая такъ печалитъ ваше
сердце, не было бы и этой могилы, столь
краснорѣчивой, столь живой, столь полной
глубокаго значенія, и не было бы великаго
подвига, который такъ возвысилъ вашу ду-
шу, и не было бы чудной пѣсни поэта, ко-
торая такъ очаровала васъ... И потому да
перебьнитеся печаль ваша на радость, и
да будетъ эта радость свѣтлымъ торже-
ствомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ,
общаго надъ частнымъ! Благословимъ не-
предложныя законы бытія и міродержавныхъ
судебъ и повторимъ за поэтомъ музыкаль-

ный финаль, которымъ, по старинному и
достохвальному русскому обычаю, заста-
вляеть онъ гусларовъ заключить свою по-
этическую пѣсню:

Гей вы, ребята удалые,
Гуслары молодые,
Голоса заливыные!

Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честію воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ боярынь слава!

И всему народу христіанскому слава!

Изагая содержаніе этой поэмы, уже извѣст-
ной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть
на богатство ея содержанія, на полноту
жизни и глубину идеи, которыми она
запечатлѣна; что же до поэзіи образовъ,
роскоши красокъ, прелести стиха, избытка
чувства, охватывающаго душу огненными
волнами, свѣжести колорита, силы выра-
женія, трепетнаго, полнаго страсти одуше-
вленія, — эти вещи не толкуются и не
объясняются... Мы выписали цѣлую часть
поэмы—пусть читаютъ и судятъ сами: кто
не увидитъ въ этихъ стихахъ того, что мы
видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и
едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ
имъ...

Содержаніе поэмы, въ смыслѣ разсказа
происшествія, само по себѣ полно поэзіи;
если бы оно было историческимъ фактомъ,
въ немъ жизнь являлась бы поэзіей, а поэзія
жизнью. Но тѣмъ не менѣе онъ не суще-
ствовалъ бы для насъ, нашли бы мы его въ
простодушной хроникѣ старыхъ временъ,
или, по какому-нибудь чуду, сами были его
свидѣтелемъ—оно было бы для насъ мерт-
вымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ
могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ
него все случайное, произвольное, и пред-
ставивъ его въ гармоническомъ цѣломъ,
поставленномъ и освѣщенномъ сообразно
съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И
въ этомъ отношеніи нельзя довольно нади-
виться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ,
гениальнымъ архитекторомъ, который умѣ-
етъ такъ согласить между собою части
зданія, что ни одна подробность въ укра-
шеніяхъ не кажется лишней, но пред-
ставляется необходимой и равно важной съ са-
мыми существенными частями зданія, хотя
вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы
легко, вмѣсто нея, сдѣлать и другую. Какъ
ни пристально будете вы вглядываться въ
поэму Мертонтова, не найдете ни одного
лишняго или недостающаго слова, черты,
стиха, образа, ни одного слабого мѣста: все
въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ
отношеніи ее никакъ нельзя сравнить съ
народными легендами, носящими на себѣ
имя ихъ собирателя—Кириши Данилова: го-
дѣтскій лепетъ, часто поэтический, но часто

и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же; поэма Лермонтова — созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное. Безыменные творцы этихъ безыскусственныхъ и простодушныхъ произведеній составляли одно съ вѣющимъ въ нихъ духомъ народности: они не могли отъ нея отдѣлиться, она заслоняла въ нихъ саму же себя; но нашъ поэтъ вошелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ же присуще его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ въ этой поэміи является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ, — и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колоритъ ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она — художественное произведение, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресившее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэміи Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

По внутреннему плану нашей статьи мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человекомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взглядъ на чисто-художественныя стихотворенія его заключить нашу статью. И если мы остановились на «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», которую сами признаемъ художественной, то потому, что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой «Пѣснѣ» онъ поддѣлывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гуслировъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта «Пѣсня» представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его та-

ланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуесть о состояніи духа поэта, невольнаго современной дѣйствительностью и перенесшагося отъ нея въ далекое прошлое, чтобы тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошлое не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразие его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ биеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлиться ему отъ него! Оно вибрировало въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтленія, утѣшенія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ, только онъ можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, другой властитель нашихъ думъ! Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія — сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни, какъ мы говорили объ этомъ выше въ нашей статьѣ. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти простодушныя слова изъ «Гимна Музамъ» древняго старца Гезіода: «Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ съ своей горькой думой, а пѣвецъ, слугитель музъ, запоетъ о славіи первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ, — въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его.» Но это сила поэзіи вообще, сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственные страданія, еще чуднѣе оказывается на нашихъ же собственныхъ страданіяхъ; увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтленными общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ — вѣкъ по преимуществу историческій. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность вырастаетъ изъ исторической почвы и на историческій почвѣ. Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какой когда-либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленій, «рефлексій». Вопросъ — вотъ альфа и омега нашего времени. Ошутимъ ли мы въ себѣ чувство любви

къ женщинѣ,—вмѣсто того, чтобъ роскошно ушпиваться его полнотой, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытной жадной желанія, съ тяжелой тоской, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какой видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца,—и многие изъ людей нашего времени могутъ прийтти къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленья
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленья—скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Фаустъ.

Говори. Ну, что?

Мефистофель.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна
Тоской и скукой ненавистой?
На жертву приходи моей
Глажу ушпившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ,
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарывавъ ищаго въ лѣсу,
Вранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытась ею торопливо,
Развратъ коснется боязливо...

Ужасно!.. Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое въ своей молодости такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ бессознательно наслаждалось жизнью. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жадной желаній, сокрушительной тоской порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе, лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полногу всякой нашей радости, должно быть впоследствии источникомъ высшаго чѣмъ когда-либо блаженства, вышшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами — вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни: общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни — благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!..

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ «Манфредѣ», «Кайнѣ» и другихъ произведеніяхъ; Гёте особенно въ «Фаустѣ»; вся поэзія Шиллера по преимуществу рефлектирующая, размышляющая. Въ наше время едва ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, сохраняющая явленія жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная), и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи талантъ не лежитъ соверзательность древнихъ и способность воспроизводить явленіе жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ.

Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностью, какъ она есть. Это и было причиной, почему менѣе Гётевской художественная, но болѣе человѣчественная, гуманная поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ челоуѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читаа ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ,
На что намъ знать твой сомнѣнья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобою играючи идетъ
Толпа дорогою привычной.
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ
заботъ,
Слезы не встрѣтишь непримлжной,—
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пыткой не изматый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья, иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачь и
твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого направленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ заблужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ я, говоритъ объ общемъ— о челоуѣчествѣ, ибо въ его натурѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ челоуѣчество. И потому

въ его грусти всякій узнаеть свою грусть,
 въ его душѣ всякій узнаеть свою, и видитъ
 въ немъ не только поэта, но и человѣка,
 брата своего по человечеству. Признавая
 его существомъ несравненно высшимъ себя,
 всякій въ то же время сознаеть свое род-
 ство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить осо-
 бенное вниманіе на субъективныя стихотво-
 ренія Лермонтова и даже порадоваться, что
 ихъ больше, чѣмъ чисто-художественныхъ.
 По этому признаку мы узнаемъ въ немъ по-
 эта русскаго, народнаго, въ вышемъ и
 благороднѣйшемъ значеніи этого слова, —
 поэта, въ которомъ выразился историческій
 моментъ русскаго общества. И всѣ такія его
 стихотворенія глубоки и многозначительны;
 въ нихъ выражается богатая дарами духа
 природа, благородная человѣчественная лич-
 ность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія «Пѣсни
 про царя Ивана Васильевича, молодого
 опричника и удалого купца Калашникова»
 Лермонтовъ снова вышелъ на арену лите-
 ратуры съ стихотвореніемъ «Дума», изумив-
 шимъ всѣхъ алмазною крѣпостью стиха,
 громовой силой бурнаго одушевленія, испо-
 линской энергіею благороднаго негодованія
 и глубокой грусти. Съ тѣхъ поръ стихотво-
 ренія Лермонтова стали являться одни за
 другими безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что
 онъ смотритъ на него съ печалью, что его
 будущее «иль пусто, иль темно», что оно
 должно состарѣться подъ бременемъ по-
 знанія и сомнѣнья; укоряетъ его, что оно
 засушило умъ безплодной наукой. Въ
 этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: со-
 мнѣнье — такъ; но излишества познанія и
 науки, хотя бы и «безплодной», мы не видимъ;
 напротивъ, недостатокъ познанія и науки
 принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поко-
 лѣнія:

Мы всѣ учились понемногу
 Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, если бѣ, взамѣнъ утра-
 ченной жизни, мы насладились хоть знаіемъ:
 былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но
 сильное движеніе общественности сдѣлало
 насъ обладателями знанія безъ труда и уче-
 нія — и этотъ плодъ безъ корня, надо при-
 знаться, пришелся намъ горекъ: онъ только
 пресытилъ насъ, а не напиталъ, притупилъ
 нашъ вкусъ, но не уладилъ его. Это обы-
 новенное и необходимое явленіе во всѣхъ
 обществахъ, вдругъ вступающихъ изъ есте-
 ственной непосредственности въ сознатель-
 ную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую
 и созрѣвшую, а пересаженную отъ разви-
 вшихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи —
 безъ вины виноваты!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
 Ошибками отцовъ и позднеиъ ихъ умомъ,
 И жизньъ ужъ насъ томить, какъ ровный путь
 безъ цѣли,
 Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ!

Какая вѣрная картина! Какая точность
 и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ
 отцовъ нашихъ для насъ — поздній умъ: ве-
 ликая истина!

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
 Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
 И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
 Когда огонь кинитъ въ крови!
 И предвои скучны намъ роскошныя забавы,
 Ихъ легкомысленный, ребяческой развратъ;
 И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ
 славы,

Глядя насмѣшливо назадъ.
 Толпой угрюмою и скоро позабытой
 Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
 Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной,
 Ни гевіемъ начатаго труда.
 И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и граж-
 данина,

Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
 Насмѣшкой горькою обманутаго сына
 Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ
 глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это
 стоиъ человѣка, для котораго отсутствіе
 внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ
 ужаснѣйшее физической смерти!... И кто же
 изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ
 немъ разгадки собственнаго унынія, душев-
 ной апатіи, пустоты внутренней и не отклик-
 нется на него своимъ воплемъ, своимъ
 стономъ?... Если подъ «сатирою» должно
 разумѣть не невинное зубоскальство весе-
 ленькихъ остроумцевъ, а громы негодова-
 нія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ
 общества, — то «Дума» Лермонтова есть са-
 тира, и сатира есть законный родъ поэзіи.
 Если сатиры Ювенала дышать такой же
 бурей чувства, такимъ же могуществомъ
 огненнаго слова, то Ювеналь дѣйствительно
 великій поэтъ!...

Другая сторона того же вопроса выра-
 жена въ стихотвореніи «Поэтъ». Обдѣлан-
 ный въ золото галантерейной игрушкой кин-
 жаль наводитъ поэта на мысль о роли, ко-
 торую это орудіе смерти и мщенія играло
 прежде... А теперь?... Увы!

Никто привычною, заботливой рукой
 Его не чиститъ, не ласкаетъ
 И надписи его, молясь передъ зарей,
 Никто съ усердьемъ не читаетъ...
 Въ нашъ вѣкъ извѣщенный не такъ ли ты,
 поэтъ,

Свое утратилъ назначенье,
 На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
 Внималъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ?
 Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
 Воспламенялъ бойца для битвы;
 Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для широкъ,
 Какъ еміамъ въ часы молитвы!
 Твой стихъ какъ Божій духъ носился надъ
 толпой,

И отзвъвъ мыслей благородныхъ
Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ въчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блески и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ ищенья,
Иль золотыхъ ножей невырвешь своей клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?..

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гегель называетъ въ Шиллерѣ паэссомъ!.. Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и при томъ такими же... А мысль?.. Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта, — и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Но есть ли это характеристика поэта — характеристика благороднаго Шиллера?..

«Не вѣрь себѣ» есть стихотвореніе, составляющее триумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и кажется, удивительно какъ сильно и громко, но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!..

Со времени появленія Пушкина въ нашей литературѣ показывались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово «разочарованіе», которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ, и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ

Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литература въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполне выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина — «Демонъ». Это демонъ сомнѣній, это духъ размысленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Страшное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе — врагъ жизни! «Демонъ» Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злой, насмѣшливой улыбкой показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого:

Соч. Балнскога. Т. II.

онъ привезъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго, высказавшагося въ стихотвореніи Лермонтова:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?..
А годы проходятъ — всѣ лучше годы:
Любить... но кого же?.. На время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ
и слѣда:

И радость, и муки, и все тамъ ничтожно!..
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ

Исчезнетъ при словѣ разсудка,
И жизнь — какъ посмотришь съ холднымъ вниманьемъ вокругъ —
Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшной муки, этотъ потрясающій душу реквиѣмъ ввѣхъ надеждъ, ввѣхъ чувствъ человѣческихъ, ввѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями, и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута духовной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это — похоронная пѣсня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ, — тѣ, конечно, увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣну; дастъ ей почетное мѣсто между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ Эвмениды, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накипѣвшихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните «Героя Нашего Времени», вспомните Печорина — этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее, и самого себя, не вѣритъ ни въ нее, ни въ самого себя, носить въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой — гонится за жизнью, жадно ловитъ ее впечатлѣнія, безумно упирается въ обаяніями: вспомните его любовь къ Валь.

къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери, и потомъ поимте эти стихи:

Любить... по кого же?... на время не стоитъ труда:
А вѣчно любить невозможно!

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность? Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ казалась бы даже бессмысленной, а теперь для многихъ слишкомъ много-знаменательна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: мнѣ суждено судьбою
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя; большой моей душою
Я никого не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда, въ волшебный мигъ,
Я сердце праздно и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у мальчихъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя;
И, какъ безумный, я и плачу, и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя!..

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ быть, прежде этому не предавали большой важности: пока любилось—любили; разлюбилось—не тужили; даже соединяясь какъ бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшались участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того, чтобъ придти въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались дѣтской прищипкѣ, свыкались и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни!.. Видѣ у всякой эпохи свой характеръ!.. Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ многого требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаянію фантазіи, такъ что послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтной, блѣдной, холодной и пустой?.. Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ серьезно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?.. Можетъ быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совсѣмъ не жить, нежели жить какъ живется?.. Можетъ быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя витузистами, и ни друзей, ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?.. Можетъ быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей и, общавъ дру-

тому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непременно должны дать ему и то, и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и отчаянію?.. Или, можетъ быть, лишеные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ подьзу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа, и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?.. Можетъ быть—чего не можетъ быть!..

«И скучно, и грустно» изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особую неприязнь стараго поколѣнія. Странные люди! имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣнить побрякушками, а не гремѣть правдою! Имъ все кажется, что люди—дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшать сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто кое-что знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта, и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чужакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанялись, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того самаго духа вышло и стихотвореніе «Въ минуту жизни трудную»—эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнию.

Другую сторону духа нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе «Памяти А. И. О—го»: это сладостная мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства ошлянаго, но цѣломудреннаго, замкнутого въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отраднo-успокаивающее душу... И какою грандіозною, гармонизирующею съ тономъ дѣлаго картиною заключается это стихотвореніе: вотъ истинно безконечное и въ мысли, и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не вписываемъ чудной «Молитвы» (стр. 43), въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, «теплой заступницѣ холоднаго міра», невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва—возлюбленная ли сердца, или милая сестра—не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ глубинѣ натурѣ человѣка; но въ духѣ мещ-

номъ и гордомъ, въ натурѣ львиной—все это больше, чѣмъ умилительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человека, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармонія и мелодія! Вотъ пьеса, означенная рубрикою «1-е Января»; читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ немъ все ту же думу, то же сердце, словомъ—ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ чистое, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ—«станутыхъ прильчьемъ масокъ», когда холодныхъ рухъ его съ небрежной смѣлостью касаются «давно безтрепетныя» руки молодыхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святые звуки погибшихъ лѣтъ...

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокий барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернуть спящій
прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозятъ кусты
Глянуть вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говорить оцъ, шумъ людской толпы «спугнетъ мою мечту»—

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желвавый стѣжъ,
Облитый горечью и злостью...

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково лучшія, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

«Журналистъ, Читатель и Писатель» напоянаетъ и идеей, и формой, и художественнымъ достоинствомъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы—верхъ совершенства; рѣзкость суждений тонкая и ѣдкая намышна, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь поэта, которой оканчивается пьеса, блестятъ слезами, горитъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородной.

«Ребенку»—это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себя полную повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко поучительно эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!... Въ ней глухія рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровью сердца, жестока проклятія, а потомъ, можетъ быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины! Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее,

и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

...А ты, ты любишь ли меня?
Не скучна ли тебѣ непроницаемая ласка?
Не слишкомъ часто ль я твою цѣлую глазку?
Слеза можъ ливить твоихъ не обожгла ли?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Все, быть можетъ,
Ребаческій рассказъ разсердитъ или встревожитъ.
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склоняясь,
Молившу дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи: тебя она
Ни за кого еще молилась не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспомянай его... Что имя?—Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомяни, и, его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ проклятія?—спросить моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя—не учила ли она его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?... Оцъ просить ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ складывается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть не что иное, какъ случай действительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: «было ли это?» но она всегда должна положительнѣе отвѣчать на вопросъ: «возможно ли это, можетъ ли это быть въ действительности?» Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсемъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и въ собственнѣйшей нашей жизни, и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ какъ будто короче знакомое намъ по опыту,—и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая частное, есть выраженіе общаго. Прочтете «Сосѣда» Лермонтова—и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вы увидите, что вы когда-то были въ такомъ членіи, любили незримаго сосѣда, отдавали отъ васъ стѣной, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣснѣ его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твоя наглыя раздаются...

О чемъ они—не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полночь умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ, и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются...

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой; эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезой; эти слезы, льющіеся одна за другой, какъ звуки за звукомъ,—сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкой; здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на ихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эфиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможное скрытавшіеся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса относится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармонически и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: «Когда волнуется желтѣющая нива», «Разстались мы, но твой портретъ», и «Отчего»,—и грустно, болящій въ пьесѣ «Благодарность». Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому, лишены какого значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! какую длинную и грустную повѣсть содержатъ въ себѣ каждое изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслью!

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, за сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурей судьбы сердца... И какая удивительная простота въ стихахъ! Здѣсь говоритъ одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполне высказалось бы и прозово...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,

За горечь слезъ, отраву подѣлуя;
За мечь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растроченный въ пустынь,—
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
Устрой лишь, такъ чтобы тебя отнынь
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной «благодарности», въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и всѣ обманы жизни; но еще лучше когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что проситъ душа, чѣмъ живеть она, что нужно ей, какъ масло для лампы... Это утомленіе чувствомъ; сердце проситъ покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ идти новое стихотвореніе Лермонтова «Завѣщаніе»: это похоронная пѣсня жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое, и хорошее—все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ, какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія, и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться,—все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть собесѣда—она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца—пусть поплачетъ: вѣдь это ей ни по чѣмъ! Страшно!... Но поэзія есть сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпоощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ—блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства—сухостью чувства, любовь—ненавистью, сильная жизненность—отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ за-живо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ ваши собственные раны; но не отчаивайтесь ни за поэта, ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ вѣдро, безотрадность—надежда...

Два перевода изъ Байрона,—«Еврейская Мелодія» и «Въ Альбомъ», тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

«Вѣтка Палестины» и «Тучи» составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній

нашего поэта къ чисто-художественнымъ. Въ обихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе «полнаго славы творенія». Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплою молитвою, кроткимъ вѣяніемъ святости. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о вѣткѣ Палестины:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святости вѣрнѣй часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все пояно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой..

Вторая пьеса «Тучи» полна какого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

«Русалкой» начнемъ мы рядъ чисто-художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ и, по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ русской поэзіи. «Три Пальмы» дышатъ знойной природою Востока, переживаютъ насъ на песчаныхъ пустыняхъ Аравіи, на ея вѣвущіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается,—и онъ поступилъ съ нею какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственной сентенціей. Самая эта мысль могла быть опозитивирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ «Восточное сказаніе»; иначе она была бы дѣтскою мыслию. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ сливаются въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее.

«Дары Тереза» есть поэтическая апофеоза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и разбросаннымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспій дорогую подарокъ; но сладострастно-лѣнивый сбавить моря, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ

валуновъ, ни трупомъ удалаго кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ—безцѣннѣе всѣхъ даровъ вселенной, и когда

..Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косою размытой,
Колыхаяся, всплыла,—
И старикъ во блескъ власти
Всталъ могучій какъ гроза,
И одѣлся влагою страсти
Темносніе глаза.
Онъ выигралъ, веселья полный—
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви..

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что такіа стихотворенія, какъ «Русалка», «Три Пальмы» и «Дары Тереза» можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ...

Не менѣе превосходна «Казачья колыбельная пѣсня». Ея идея—мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идее: его мать—казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и отбѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апофеоза матери: все, что есть святаго, беззабѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какой дышитъ любовь матери—все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушныя слова, эту умиленную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ,—и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видѣлъ Аравіи, и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой странѣ палящаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

«Воздушный Корабль» не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по-своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представляемъ въ ней.—Какое тихое успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня влечь въ стихотвореніи «Горныя вершины», въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ грандіозно переданной нашимъ поэтомъ.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова «Мцыри». Плѣнный мальчикъ черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ отдѣлаться,

иди его хотять сдѣлать монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой черкесъ открылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, близъ обители, слабый, больной, и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что было съ нимъ въ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины, темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ — и ушелъ.

Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля, —
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣждалъ. О! я, какъ братъ,
Обнявшись съ бурей былъ въ радѣ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средѣ этихъ стѣвъ
Могли бы дать вы мнѣ взаимнѣ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполненная натура у этого мцыря! Это любимый идеалъ нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыря, вѣдетъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственной мощью. Это произведеніе субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношеской незрѣлостью, и если она дала возможность поэту разсыпаться передъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи, — то не сама собою, а точно какъ странное содержаніе иного посредственнаго либретто даетъ гениальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно кто-то, резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его «Шеню про царя Ивана Васильевича, удалого опричника и молодого купца Калашникова» произведеніемъ дѣтскимъ, а «Мцыри» — произведеніемъ зрѣлымъ; глубокомысленный критиканъ, разсчитывая по падѣнамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ «Мцыри», и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo «Мцыри» зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говорить само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или соображаться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи «Мцы-

ри», — подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ брать цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, — что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того былъ отягощенъ обременительной полнотою внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первой мелькнувшей мыслью, чтобы только освободиться отъ нихъ, — и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышащей горы, какъ море дождя изъ тучи, мгновенно обьявшею собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглащающій окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этого четырехстопный ямбъ съ одними мужескими окончаніями, какъ въ «Шильонскомъ Узникѣ», звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимой силой могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія, и тихія жалобы, и гордое жесточеніе, и кроткая грусть, и мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!. Многія положенія изумляютъ своею вѣрностью: таково мѣсто, гдѣ мцыря описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пыдала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ уставою головой уже вѣяли успокоительные сны смерти, и воссидѣсь ей фантастическія видѣнія. Картины природы обличаютъ кисть великаго мастера: онъ дышитъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ будто суждено быть колѣбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и цѣстунномъ ихъ музы, поэтической ихъ родиной! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ пералыхъ своихъ поэмъ — «Кавказскаго Пльнника», и одна изъ послѣднихъ его поэмъ — «Галубъ» тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также отнесены къ Кавказу. Грибоедовъ создалъ на Кавказѣ свое «Горе отъ ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновила его оскорбленное человѣческое чувство на изображеніе апатическаго, ничтож-

наго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорьничихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчаливыхъ — этихъ карикатуръ на природу человѣческую.. И вотъ является новый великій талантъ — и Кавказъ дѣлается его поэтической родиной, пламенно-любимой имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣчныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнаоссъ; въ его свирѣпомъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ, находитъ онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается также на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило «Горе отъ Ума»: мы говоримъ о «Демонѣ». Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль «Мцыри», и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторой неврѣстностью, но роскошь картинъ, богатство поэтического одушевленія, превосходные стихи, выскость мыслей, обаятельная прелесть образовъ ставятъ ее несравненно выше «Мцыри» и превосходить все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и общается въ будущемъ великія художественныя оозданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ, напримѣръ, въ «Дарахъ Терка», гдѣ «сердитый потокъ» описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти, и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкою
Лишь одинъ во всей ставицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На княжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрекъ себя мненью за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ равности и ищетъ себѣ смерти, или что онъ еще не знаетъ о погибели своей возлюбленной и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говорить образами опредѣленными, выуклыми, рельефными, вполне выражающими заключенную въ нихъ мысль. Можно найти въ книжкѣ Лермонтова пятьдесятъ неточныхъ выраженій, подобныхъ

тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса «Поэтъ»:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда на голосъ мнѣнья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ?
Покрѣпый ржавчиной презрѣнья.

«Ржавчина презрѣнья» — выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслью цѣлаго произведенія, чтобъ видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силой и точностью художественнаго такта, полномасштабнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно Пушкинскою точностью выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ дунѣ — въ немъ живетъ прошлое и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, жедуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укору совѣсти, умилительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіеся въ полночь умирѣннаго бурей жизни сердца, упоеніе любовью, трепетъ разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замерзшей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающей силой рефлексии, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный млададецъ, буйная вакханка и чистая дѣва — все, все въ поэзи

Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?... Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него со временемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ; ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ, ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрели себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознание общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкой и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что говорить о нихъ всѣ. Даже, восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа восо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привычки уважать на слова... Для толпы не существуетъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму—и хорошо дѣлаетъ... Чтобы вразумиться передъ поэтомъ, ей надо сперва прислушаться къ его имени,

привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которые на минуту похищали ея бессмысленное удивленіе. Procul profani...

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличаютъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразера, который занимается стукотней звучныхъ словъ и богатыхъ приемъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славіи Россіи (несколько не нуждающейся въ этомъ) и вандалски смѣется надъ издыхающей, будто бы, Европой, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличать они отъ тѣхъ производствъ въ «лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи», такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ какъ должно и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ прѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его—за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ...

Пушкинъ и Лермонтовъ. Библиографическія и журнальныя извѣстія.

Самую свѣжую и интересную новость въ современной русской литературѣ, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ теперь нѣсколько новыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ публикъ стихотвореній покойнаго Лермонтова. Неожиданный случай доставилъ ихъ намъ въ руки, и мы поспѣшили подѣлиться съ нашими читателями высокими наслажденіемъ этихъ, какъ будто бы замогильныхъ, звуковъ столь много обѣщавшей и столь безвременно замолкнувшей лиры. Нѣтъ нужды говорить и доказывать, что Лермонтовъ былъ великій поэтъ: въ этомъ уже давно и единодушно

согласились всѣ, кто только не лишенъ здраваго смысла и эстетическаго чувства. Блескъ поэтическаго ореола загорѣлся надъ головой молодого поэта тотчасъ же со времени появленія первыхъ его опытовъ. Немного Лермонтовъ успѣлъ произвести, но это немногое тотчасъ же дало ему во мнѣніи общества мѣсто подлѣ Пушкина. Мало того: теперь уже спорять не о томъ, можетъ ли имя Лермонтова упоминаться вмѣстѣ съ именемъ Пушкина, но о томъ: кто выше—Пушкинъ или Лермонтовъ? Подобный вопросъ и подобный споръ могутъ быть и

домъ самаго смѣшного дѣтства, если въ нихъ дѣло будетъ идти не объ идеяхъ, а объ именахъ. Вообще сравненія одного великаго поэта съ другимъ чрезвычайно трудны; если же въ нихъ видно желаніе возвысить или уронить одного насчетъ другого, то они просто нелѣпы и пошлы. Однако жъ злоупотребленіе какого-нибудь дѣла не должно унижать самаго дѣла, и сравненіе одного писателя съ другимъ, дѣлаемое съ цѣлью оцѣнить вѣрно и безпристрастно достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ, съ полнымъ уваженіемъ къ обоимъ, есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ здоровой и основательной критики. Результатомъ такого сравненія никогда не можетъ быть пошлое заключеніе, что Пушкинъ никуда не годится, потому что Лермонтовъ хорошъ, или что Лермонтовъ никуда не годится, потому что Пушкинъ хорошъ. Нѣтъ, результатомъ такого сравненія можетъ быть только объясненіе, въ чемъ именно заключается и великая, и слабая сторона того и другого поэта, чѣмъ одинъ изъ нихъ и выше и ниже другого. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о такомъ важномъ вопросѣ, какъ сравненіе Пушкина и Лермонтова; но мы считаемъ кстати сказать по этому поводу нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что теперь другіе толкуютъ объ этомъ кстати и не кстати, вкривъ и вкось.

Сравненіе Пушкина съ Лермонтовымъ особенно трудно по тому горестному обстоятельству, которое какъ будто бы сдѣлалось неизбѣжной участью нашихъ великихъ поэтовъ: мы разумѣемъ безвременный конецъ ихъ поприща, вслѣдствіе котораго нельзя судить о нихъ, какъ о поэтахъ, вполне развившихся и опредѣлившихся. Это особенно относится къ Лермонтову. Посмертныя сочиненія Пушкина — лучшія, художественнѣйшія его созданія, ясно обнаруживаютъ вполне установившееся направленіе его. Они не совсѣмъ безосновательно были приняты публикой холодно. Въ объясненіи противорѣчій, почему лучшія и художественнѣйшія созданія Пушкина не безосновательно приняты были публикой холодно, заключается объясненіе тайны поэзіи Пушкина и значеніе его, какъ поэта. Пушкинъ — это художникъ по преимуществу. Его назначеніе было — осуществить на Руси идею поэзіи, какъ искусства. Намъ скажутъ: неужели же до Пушкина не было на Руси ни поэзии, ни поэтовъ, и неужели поэзія Пушкина не имѣетъ никакой связи съ поэзіей предшествовавшихъ ему поэтовъ; неужели она не развилась исторически, а словно съ неба, спустилась къ намъ? На такой вопросъ, имѣющій всю вышность истины и совершенно ложный въ сущности, мы отвѣтимъ вопросомъ же, только истин-

нымъ и извнѣ, и изнутри: неужели до Грековъ не было на землѣ искусства, и поэзіи индусовъ, изваянія египтянъ не заслуживаютъ никакого вниманія, какъ произведенія искусства? Нѣтъ, они составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ изученія для эстетики, археологіи и исторіи извѣстнаго; а между тѣмъ искусство, какъ искусство, въ полномъ, пышномъ и благоуханномъ цвѣтѣ своего развитія явилось только у грековъ, и въ этомъ смыслѣ послѣ грековъ ни одинъ народъ доселѣ не имѣлъ такого искусства. И все-таки это нисколько не противорѣчитъ той исторической истинѣ, что искусство грековъ было подготовлено искусствомъ другихъ, предшествовавшихъ имъ на поприщѣ развитія народовъ. Такимъ же точно образомъ, не лишая заслуженной славы предшествовавшихъ Пушкину поэтовъ, не отрицая ихъ вліянія на него, вполне признавая, что безъ нихъ не было бы и его, можно утверждать, что поэзія, какъ искусство, какъ это, а не что-нибудь другое, явилась на Руси только съ Пушкинымъ и черезъ Пушкина. Для такого подвига нужна была натура до того артистическая, до того художественная, что она и могла быть только такой натурой, и ничѣмъ больше. Отсюда проистекаютъ и великія достоинства, и великіе недостатки поэзіи Пушкина. И эти недостатки не случайны, а тѣсно связанныя съ достоинствами, необходимо обуславливаются ими такъ же, какъ лицо необходимо обуславливаетъ собой затылокъ, потому что у кого есть лицо, у того не можетъ не быть затылка. Скажемъ сперва о достоинствахъ поэзіи Пушкина, а потомъ уже о недостаткахъ, необходимо вытекающихъ изъ самыхъ этихъ достоинствъ. Пушкинъ первый сдѣлалъ русскій языкъ поэтическимъ, а поэзію — русской. Стихъ его неподражаемо художественъ, пластиченъ, рельефенъ, упруго-мягокъ. Въ отношеніи къ художественности и виртуозности поэтическаго стиха и поэтическихъ образовъ Пушкинъ можетъ быть сравниваемъ съ величайшими европейскими поэтами. Чтѣ бы ни говорили о стихѣ Жуковскаго (дѣйствительно превосходномъ), но между имъ и стихомъ Пушкина такое же (если еще не большее) разстояніе, какъ между стихомъ Дмитріева (И. И.) и стихомъ Жуковскаго. Но еще не велика была бы заслуга Пушкина, если бы достоинство стиха его было чисто вышнее, какъ, напримѣръ, стиха Языкова и другихъ; нѣтъ, стихъ Пушкина, полный мелодіи и гармоніи, силы и граціи, упругости и нѣжности, металлической твердости и хрустальной прозрачности, былъ выраженіемъ поэтической его натуры: этотъ дивный человекъ былъ художникомъ не только въ стихѣ своемъ, но въ своемъ чувствѣ. Объяснимся.

Чувство свойственно всякому человѣку, но у каждаго человѣка оно имѣеть свой характеръ. Есть люди, у которыхъ самыя возвышенныя, самыя благородныя чувства имѣють въ себѣ что-то тяжелое, грубое; у другихъ самыя глубокія чувства имѣють въ себѣ что-то мягкое до слабости, и т. д. Преобладающій характеръ чувства Пушкина—художественная красота, виртуозность, если можно такъ выразиться, при гибкости и силѣ. Чувство Пушкина изящно само по себѣ, взятое отдѣльно отъ его выраженія; и выраженіе его по одному уже этому не могло не быть изящно. Каждое стихотвореніе Пушкина можетъ служить доказательствомъ нашихъ словъ; но мы въ особенности укажемъ на «Разлуку» (Для береговъ отчизны дальней). Подобно Гёте, Пушкинъ есть поэтъ внутренняго міра души и, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ Гёте, способенъ воспитать чувство человѣка, разработать и развить его, сдѣлать его эстетически прекраснымъ. Если поэзія, взятая только какъ искусство, даже внѣ ея философскаго или нравственнаго значенія, улучшаетъ душу человѣка, то лучшее доказательство этому можетъ представить собой поэзія Пушкина.—Это только лицевая сторона поэзіи Пушкина: взгляните на нее съ другой стороны, и васъ поразитъ ея объективность,—качество, столь перевозносимое непонимающими его настоящаго значенія людьми и столь близкое къ нравственному индифферентизму,—отсутствіе одного преобладающаго убѣжденія, а иногда даже устарѣлость во мнѣніяхъ и странныя предрасудки. Таковъ необходимо долженъ быть (особенно въ наше время) всякій художникъ, который только художникъ (т. е. вмѣстѣ съ тѣмъ не мыслитель, не глашатай какой-нибудь могучей думы времени). Онъ—восполнить въ мірѣ, явленія котораго въ глазахъ его всё равно прекрасны и равно интересны, какъ явленія природы въ глазахъ естественнаго зрителя; онъ все любитъ и ни къ чему не прилѣпляется; ничего не ненавидитъ, ничего не отрицаетъ. Поэтическая дѣятельность Пушкина удивляетъ своей случайностью въ выборѣ предметовъ. Онъ пытается создать драму изъ русской исторіи до времени Петра Великаго; дѣлаетъ изъ нея все, что можетъ сдѣлать гениальный поэтъ, и если при всемъ этомъ ему удалось сдѣлать не слишкомъ много, то это ужъ не его вина. Поддѣлка двухъ французовъ заставляетъ его взяться за народныя пѣсни Сербіи,—и онъ создаетъ рядъ пѣсенъ, дышащихъ всею роскошью дикою поэзіи дикаго народа. Въ то же время онъ, по своему, возсоздаетъ идеаль Донъ-Хуана,—и производитъ драматическую поему, исполненную первоклассныхъ художественныхъ красотъ. Не

спрашивайте: какое отношеніе, какую связь имѣють всё эти произведенія съ русскимъ обществомъ, съ русской дѣйствительностью? Несмотря на глубоко національные мотивы поэзіи Пушкина, эта поэзія исполнена духа космополитизма, именно потому, что она создала самое себя только какъ поэзію и чуждалась всякихъ интересовъ внѣ сферы искусства. И вотъ причина, почему русское общество вдругъ охладѣло къ своему великому, своему дотошъ любимому поэту, какъ скоро онъ достигъ апофеоза своего художческаго величія. Общество въ этомъ случай и право, и не право,—право потому, что не всѣмъ же быть диллетантами и знатоками искусства; не право—потому, что Пушкинъ не могъ же въ угоду ему измѣнить своего великаго призванія—водворить поэзію, какъ искусство, въ жизни русской. Призваніе это заключалось въ самой натурѣ Пушкина, и не его вина, если общество, подобно самому поэту, приняло временное броженіе его молодой крови за выраженіе его природы...

Какъ творецъ русской поэзіи, Пушкинъ на вѣчныя времена останется учителемъ (maestro) всѣхъ будущихъ поэтовъ, но если бѣ кто-нибудь изъ нихъ, подобно ему, остановился на идеѣ художественности,—это было бы яснымъ доказательствомъ отсутствія гениальности или великости таланта. Вотъ почему или Лермонтовъ пошелъ дальше Пушкина, или онъ—талантъ обыкновенный, не стоящій тѣхъ разнообразныхъ толковъ и жаркихъ споровъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, которые считаютъ Лермонтова не болѣе, какъ счастливымъ подражателемъ Пушкина, еще не успѣвшимъ проложить собственной дороги для своего таланта. Это мнѣніе столь мелочно и ошибочно, что не стоитъ и возраженія. Нѣтъ двухъ поэтовъ столь существенно различныхъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Пушкинъ—поэтъ внутренняго чувства души; Лермонтовъ—поэтъ безпощадной мысли истины. Паеосъ Пушкина заключается въ сферѣ самого искусства, какъ искусства; паеосъ поэзіи Лермонтова заключается въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности. Пушкинъ желѣлъ всякое чувство, и ему любо было въ теплой сторонѣ преданія; встрѣчи съ демономъ нарушали гармонию духа его, и онъ содрогался этихъ встрѣчъ; поэзія Лермонтова расцвѣтъ на почвѣ безпощаднаго разума и гордо отрицаетъ преданіе. Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его «Вояринъ Орна», и особенно мысль сцены суда монаховъ надъ Арсеніемъ, тѣ поймутъ насъ и согласятся съ нами. Демонъ не пугалъ Лермонтова: онъ былъ его пѣвцомъ. Послѣ Пушкина и

у кого изъ русскихъ поэтовъ не было такого стиха, какъ у Лермонтова, и, конечно, Лермонтовъ обязанъ имъ Пушкину; но тѣмъ не менѣе у Лермонтова свой стихъ. Въ «Сказкѣ для дѣтей» этотъ стихъ возвышается до удивительной художественности; но въ большей части стихотвореній Лермонтова онъ отличается какой-то стальной прозаичностью и простотой выраженія. Очевидно, что для Лермонтова стихъ былъ только средствомъ для выраженія его идей, глубокихъ и вмѣстѣ простыхъ своей безпощадной истиной, и онъ не слишкомъ дорожилъ имъ. Какъ у Пушкина грація и задушевность, такъ у Лермонтова жгучая и острая сила составляетъ преобладающее свойство стиха: это трескъ грома, блескъ молніи, взмахъ меча, визгъ пули. Нѣкоторые критики находятъ очень смѣшнымъ, что Лермонтова называютъ русскимъ Байрономъ: это дѣйствительно смѣшно уже по одному сравненію трехъ тощенькихъ книжекъ безвременно погибшаго поэта русскаго съ огромной книгой компанктной печати британскаго поэта, и это еще смѣшнѣе по сравненію колоссальной и всемірной славы европейскаго гениа съ яркой извѣстностью въ своемъ отечествѣ быстро промелькнувшаго поэта русскаго. Еще разъ повторяемъ: это и смѣшно, и нелѣпо. Но находить сродство въ духѣ Лермонтова съ духомъ Байрона (сродство, которое можетъ быть и не у поэта, какъ было оно у друга Байрона, Шеллея) и, при условіи полнаго развитія Лермонтова, провидѣть въ немъ не такое же точно (что невозможно), но соответственное Байрону явленіе: это, по нашему мнѣнію, нисколько не смѣшно, тѣмъ болѣе, что близко къ истинѣ. Есть еще третій родъ критикановъ (самый смѣшной и жалкій), которые увѣряютъ всѣхъ въ великомъ уваженіи, питаемомъ ими къ необыкновенному таланту Лермонтова, и въ то же время говорятъ, что «въ стихахъ Лермонтова отзывается явно отголосокъ лиры другого». Не знаемъ, что означаетъ подобное мнѣніе—ограниченность и слабость ума, совершенное отсутствіе эстетическаго чувства,

или (говоря печатными словами одного критикана) «гадку, притаенную мысль», которая, если бѣ могла дойти до Лермонтова, такъ же бы точно посмѣшила и потѣшила его, какъ, помнимъ мы, смѣшили и тѣшили его критики одного журнала объ его стихотвореніяхъ и «Героѣ нашего времени»... Мы убѣждены, что совершенно ничтоженъ будетъ тотъ, на кого подѣйствуетъ, хотя немного, нелѣпое внушеніе, что поэзія русская въ лицѣ Лермонтова не сдѣлала ни шагу впередъ противъ Пушкина... Кстати замѣтимъ, что едва ли какой-нибудь классъ людей представляетъ столько аномалій, какъ классъ «критикановъ»: изъ нихъ есть такіе, которые, изъ зависти къ вашему успѣху и вашей извѣстности на попримѣчъ недоступной имъ критики, готовы перевернуть ваши слова и съ умысломъ (если поймутъ ихъ), и безъ умысла (если не поймутъ). За послѣднее да простить имъ Богъ, ради ихъ умственной слабости! но за первое да наказеть ихъ общественное мнѣніе!.. Вы сказали, напримѣръ, что Лермонтовъ пошелъ далѣе Пушкина, а они кричатъ, что вы употребляете Лермонтова какъ средство для того, чтобъ расторгнуть черезъ него союзъ молодого поколѣнія съ Пушкинымъ и нарушить связь преданій. Это обвиненіе, достойное завистливаго педанта, очень похоже на знаменитый силлогизмъ: на дворѣ дождь идетъ, слѣдовательно, въ углу столъ стоитъ... Но оставимъ педантовъ, критикановъ, ихъ ограниченность и ихъ мелкую зависть, обратимся къ Лермонтову и скажемъ, что восемь новосткрытыхъ стихотвореній его принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ его произведеніямъ, особенно: «Сонъ», «Тамара», «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» и «Выхожу одинъ я на дорогу». Въ нихъ нѣтъ ничего Пушкинскаго, но все Лермонтовское,—разумѣется, для тѣхъ только, кто умѣетъ выкинуть не въ одну букву, но и въ духъ, и кто не можетъ видѣть въ Лермонтовѣ подражателя не только Пушкина и Жуковскаго, но даже и Бенедиктова.

Русская народная поэзія.

Древнія російскія стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ и вторично изданныя. Москва. 1818.
 Древнія русскія стихотворенія, служація дополненіемъ къ Киршѣ Данилову. Собр. М. Сухановымъ.
 Сиб. 1840. Сказанія русскаго народа, собр. И. Сахаровымъ. Т. I. Кн. 1, 2, 3 и 4. Изданіе третье.
 Спб. 1841. Русскія народныя сказки. Часть 1. Спб. 1841. *)

I.

«Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ «украшенное подражаніе природѣ» было альфой и омегой эстетики прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ «народный поэтъ». Выраженія: «народная поэма», «народное произведеніе», часто употребляются теперь вмѣсто словъ: «превосходное, великое, вѣковое произведеніе». Волшебное слово, таинственный символъ, священный іероглифъ какой-то глубоко-знаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — «народность» замѣняла собою и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одной себѣ и эстетику, и критику. Короче: «народность» сдѣлалась высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Но всё ли, говоря о народности, говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ? не злоупотребляютъ ли это слово? понимаютъ ли его истинное значеніе? Увы, съ «народностью» сдѣлалось то же, что нѣкогда произошло съ «романтизмомъ» и со многими другими словами, которыя потому именно и утратили всякое значеніе, что слишкомъ расширились въ значеніи, — которыя сдѣлались непонятны ни для кого потому именно, что казались всѣмъ понятными! Чтобъ уяснить значеніе слова «народность», мы должны изяснить процессъ историческаго развитія идеи, заключающаея въ этомъ словѣ, должны показать, когда начали думать о «народности», что разумѣли подъ ней прежде и что должно разумѣть подъ ней въ наше время.

Было время, когда всё литературы только изъ того и бились, чтобъ не быть народ-

*) Статья эта, напечатанная по рукописи, мѣстами измѣненной и пополненной самимъ Вѣлинскимъ, должна была войти въ „Критическую исторію русской литературы“, которую, незадолго до смерти, онъ началъ составлять изъ прежнихъ статей своихъ.

ными, но быть подражательными. Подражательность въ литературѣ рождена римлянами. Народъ практический, народъ меча и закона, римляне были обдѣлены отъ природы эстетическимъ чувствомъ. Республика по справедливости должна гордиться своимъ энергическимъ и благороднымъ краснорѣчіемъ, которое родилось, выросло и расцвѣло на республиканской почвѣ вмѣстѣ съ гражданственностью и которое съ монархіей переродилось въ риторику; но республика не имѣла поэзіи, какъ искусства; вся ея поэзія заключалась въ гражданской доблести, въ великихъ дѣлахъ и подвигахъ свободнаго и могучаго народа. О поэзіи, какъ искусствѣ, римляне узнали отъ грековъ, которые, умерши въ настоящемъ, жили своимъ великимъ прошедшимъ, въ настоящемъ безславіи утѣшались прошедшей славой и, за неимѣніемъ всякаго другого дѣла, изучали въ школахъ памятники поэзіи цвѣтущаго времени своей исторіи, которое навсегда прошло для нихъ. Завоевавъ трупъ нѣкогда столь прекрасной Эллады, варваръ-римлянинъ впервые, такъ сказать, столкнулся съ гениемъ ея давняго искусства и обошелся съ нимъ истинно по-варварски: извѣстно, что консулъ Муммій, смегши и разграбивъ великолѣпный Коринѣ, отправляя въ Римъ статуи и картины, сдѣлалъ съ перевозчикомъ условіе, по которому тотъ, въ случаѣ утраты статуи или картины, обязывался представить взаменъ такую же, а попорченную исправить на свой счетъ. Однако жъ, несмотря на ненависть Марка Катона къ греческой философіи и учености, вкусъ къ ней сталъ быстро распространяться въ Римѣ. Знаменитые люди Рима этой эпохи воспитываются греческими выходцами; изученіе греческой литературы дѣлается необходимою для образованнаго римлянина. Но римская поэзія началась не прежде, какъ когда Августъ затворилъ храмъ Януса и мертвымъ, обманчивымъ покоемъ замѣнилъ кровавыя волненія республики. Отпущенный холопъ Гораций назвалъ себя подражателемъ Пиндара и, посвятивъ свою сговорчивую музу хваленію своего добраго барина, благодѣтеля, отца и заступника, — Мecenата, ввелъ въ моду поэзію прихожихъ, которая такъ восхищала французовъ до временъ воз-

становления. Виргилій потщился явить въ своемъ лицѣ римскаго Гомера—и чахоточный отецъ немного тощей «Энеиды» съ большими успѣхомъ перепародировалъ божественную «Иліаду», или—какъ говорили эстетика прошлаго вѣка—весьма удачно подражалъ Гезіоду и Теоокриту. Болѣе его поэтически Овидій передавалъ въ своихъ стихахъ поэтическія преданія эллинской мифологии. Впрочемъ, рабство римлянъ въ поэзіи не было результатомъ только политическаго униженія: національный духъ римлянъ всегда былъ чуждъ поэзіи, и истинная латинская литература заключается въ памятникахъ краснорѣчія и историческихъ сочиненіяхъ, между которыми достаточно указать только на записки Юлія Цезаря и лѣтопись Тацита, чтобъ увидѣть великое значеніе латинской литературы. Но тѣмъ не менѣе подражательная латинская поэзія стала на ряду съ греческой въ глазахъ новѣйшей Европы. Послѣдній представитель французской критики, Лагарпъ, отдавая «Иліадѣ» преимущество въ силѣ, —«Энеиду» ставитъ несравненно выше «Иліады» со стороны изящества. Вѣроятно, первой причиной этого было, что новѣйшая Европа съ латинской поэзіей познакомилась прежде, чѣмъ съ греческой. Изъ латинскаго языка образовались почти всѣ новоевропейскіе языки, кромѣ нѣмецкаго, и латинскій языкъ былъ богослужебнымъ языкомъ новѣйшей Европы, которая на немъ приняла книги священнаго писанія. Схоластическое направленіе европейской учености среднихъ вѣковъ также много способствовало преобладанію духа латинской поэзіи. Французы, гордые новымъ просвѣщеніемъ, основаннымъ на изученіи древности, отвернулись отъ преданій среднихъ вѣковъ и всѣхъ романтическихъ элементовъ, столь родственныхъ ихъ національному духу, какъ и вообще духу всей новѣйшей Европы, возмечтали создать себѣ литературу, основанную на подражаніи греческой, которой они нисколько не понимали (потому что не понимали никакой истинной поэзіи), и латинской, которая болѣе соответствовала ихъ практическому, социальному духу. «Ars poetica» Горація родила «l'Art poétique» Буало, которое и одѣлалось съ того времени кодексомъ, альбомомъ ихъ эстетики. Но, думая подражать грекамъ въ трагедіи, французы и тутъ, на ало себѣ, оставались французами: ихъ трагедія столько же походила на драматическія поэмы Софокла и Эврипида, сколько придворные Людовика XIV походили на Агамемноновъ и Клитемнестръ героической Греціи. Чтобъ одѣлать подражаніе какъ можно ближе къ подлиннику, они не только навязали греческимъ

и римскимъ героинямъ любезность и любезничанье, сентиментальность и надутость своихъ маркизовъ и маркизъ, но даже и одѣли ихъ въ огромные парики, шитые кафтаны и робы съ фижками, а на лица наѣпили множество мушекъ. Въ подражаніи латинской поэзіи французамъ удалось лучше: если сентиментальныя эклоги ихъ идилликовъ—г-жи Дезульеръ, Флоріана и другихъ уже черезчуръ были пошлы даже въ сравненіи съ эклогами Виргилія,—зато «l'Art poétique» и сатиры Буало едва ли были ниже «Ars poetica» и сатиръ Горація, а Вольтера «Генріада» рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ Виргиліевой «Энеидѣ». Кромѣ многихъ другихъ причинъ, переходъ французовъ къ подражанію древнимъ былъ очень понятенъ еще и какъ противодѣйствіе сентиментально-аллегорическому направленію ихъ литературы, которымъ ознаменовалась эпоха, раздѣлявшая средніе вѣка отъ новѣйшей исторіи. Не удивительно, какъ въліянію французскаго вкуса покорились нѣмцы, которые совсѣмъ не имѣли литературы, когда у французовъ уже была литература; но удивительно, какъ покорились въліянію французскаго вкуса англичане, которые имѣли Шекспира, когда еще у французовъ не было даже и Корнеля, а были только Ронсары, Скюдери и подобные имъ. Конечно, причиной этого должно полагать общежительное въліяніе Франціи на Европу, которое и теперь продолжается, какъ и всегда будетъ продолжаться: въ дѣлѣ живой, общественной литературы французы всегда были и всегда будутъ впереди всѣхъ. Даже въ рабской подражательности непонятымъ образцамъ древнихъ литературъ французы оставались вѣрны себѣ, были національны въ духѣ, будучи подражателями въ словахъ и внѣшнихъ формахъ; но англичане, въ лицѣ Драйдена и Попе, отказались сами отъ себя, и ихъ подражательная литература была пустоцвѣтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова... Вдругъ все измѣнилось. Возсталъ отъ апатическаго усыпленія національный гений нѣмцевъ. Энергическій Лессингъ—этотъ литературный Лютеръ—мощно возсталъ противъ французскаго направленія и побѣдно низвергъ его. Самобытные гении Гете и Шиллера взойшли на небосклонѣ юной германской литературы блестящими солнцами, которыхъ живительные лучи ошодотворили почву національнаго гения. Романтическая школа Шлегелей явилась крестовымъ походомъ на классическій исламизмъ,—и одинъ изъ этихъ примѣчательныхъ поборниковъ романтизма сражался съ классицизмомъ въ самой столицѣ его—Парижѣ. Национальный гений Англии также воспрянулъ снова, и въ

лицъ Байрона, явился у ней новый титанъ поэзій; Вальтеръ-Скоттъ создалъ совершенно новую поэзію,—поэзію прозы жизни, поэзію дѣйствительной жизни. Сама Франція отказалась отъ своихъ вѣковыхъ предубѣжденій, измѣнила своей національной гордости и отреклась отъ боговъ своего Парнасса, которые доставили ей владычество надъ всей Европой. И все это было сдѣлано ею во имя «романтизма»! Представители ея новаго направленія назывались «романтиками» и для дикаго мрака среднихъ вѣковъ навсегда разетавались съ свѣтлымъ небомъ Эллады и Авзоніи. Что же такое былъ этотъ романтизмъ? Въ какомъ отношеніи находился онъ къ классицизму? Какимъ образомъ одна крайность такъ быстро, безъ всякой постепенности, безъ всякаго посредствующаго перехода, могла замѣниться другою, враждебной и противоположной ей крайностью?.. Но точно ли эти крайности такъ враждебны другъ другу, что между ними нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой возможности примиренія?.. Или не кстати ли здѣсь вспомнить очень умную французскую поговорку: «les extrêmes se touchent»?.. Въ самомъ дѣлѣ, не охладѣли ли мы теперь и къ самому романтизму, какъ еще недавно и такъ внезапно охладѣли къ классицизму?—Что ни говорите, но слово «романтизмъ» ужъ рѣдко встрѣчается теперь въ нашихъ критикахъ и эстетикахъ; оно уже потеряло для насъ свое прежнее значеніе, ужъ не служитъ отвѣтомъ на всѣ вопросы... Скажемъ болѣе: «романтизмъ» давно уже уволенъ въ чистую, давно на покой, хотъ и избытій, измученный, израненный—не столько своими врагами, сколько поборниками... Это прѣинтересная исторія, которую надо изслѣдовать критически... Помнимъ мы, что «романтизмъ» въ своемъ началѣ шелъ объ руку съ «народностью», часто былъ принимаемъ за одно съ ней; но—увы!—его ужъ нѣтъ, этого прекраснаго молодого человѣка, столь энергическаго и пламеннаго, хотя немного и съ растрепанными чувствами; его ужъ нѣтъ,—а «народность» все еще скитается какою-то блѣднымъ призракомъ, словно замолдованная тѣнь, и, кажется, еще долго ей страдать и мучиться, долго играть роль невидимки, какаго-то таинственнаго незнакомца, о которомъ все говорятъ, на котораго все ссылаются, но котораго едва ли кто видѣлъ, едва ли кто знаетъ... Взглянемъ же прямо въ лицо этому существу, чтобъ познакомиться съ нимъ настоящимъ образомъ, узнать все его примѣты, уловить настоящую его физиономію, и тѣмъ положить конецъ его «инкогнито».

Во всякомъ понятіи заключаются двѣ стороны; повидимому, враждебныя между

собою, но на самомъ дѣлѣ единосушныя; стороны эти, повидимому, никогда не могутъ сойтись между собою, но тѣмъ не менѣе непременно должны примириться, слиться другъ съ другомъ и образовать новое, уже полное, органическое понятіе. Это примиреніе совершается не вдругъ, но чрезъ постепенное развитіе; оно бываетъ плодомъ раздѣленія, раздвоенія, борьбы; оно совершается по законамъ необходимости въ жизненномъ, органическомъ процессѣ. Этимъ понятіе или философская мысль, идея, отличается отъ простаго представленія. Представленіе есть вѣчто вѣншее, готовое, неподвижное, безъ начала, безъ конца, безъ развитія. Понятіе (мысль или идея) есть вѣчто живое, заключающее въ себѣ силу органическаго развитія изъ самого себя, способное совершить полный кругъ развитія въ самомъ себѣ, слѣдовательно, выходящее изъ самого себя и заключающееся самимъ же собою. Представленіе можетъ быть сравнено со всякимъ неорганическимъ предметомъ въ природѣ: понятіе можетъ быть сравнено съ зерномъ, которое заключаетъ въ себѣ живительную силу, развивающуюся въ стволѣ, вѣтви, листьяхъ и цвѣтѣхъ растенія, и которое, совершивъ полный кругъ своего развитія, снова дѣлается зерномъ. Живое, истинное, понятіе есть только то, которое носить въ самомъ себѣ зародышъ борьбы и распадѣнія, въ которомъ заключается возможность раздѣленія на самого себя и потомъ примиренія съ самимъ собою; всякое другое есть или понятіе мертвое и ложное, или простое эмпирическое представленіе. Процессъ развитія живаго понятія—слѣдующій: умъ нанъ сперва принимаетъ только одну сторону понятія; другую, противоположную ей, отвергаетъ, какъ ложь. Принявъ за истину одну сторону понятія, умъ доводитъ ее до крайности, которая впадаетъ въ нелѣпность и тѣмъ самымъ отрицаетъ себя: это первый актъ процесса развитія идеи. Увидѣвъ ложь въ доведенной до крайности сторонѣ понятія, умъ отрицаетъ эту сторону и бросается непременно въ противоположную ей сторону, которую также доводитъ до крайности, а слѣдовательно, и до необходимости отрицанія: это второй актъ процесса развитія идеи. И вотъ понятіе распалось на двѣ противоположныя и враждебныя стороны, которыя нельзя примирить никакимъ посредствующимъ, третьимъ понятіемъ—иначе примиреніе будетъ натянутое и вѣншее. Между тѣмъ, несмотря на свою враждебную противоположность, обѣ стороны раздѣляющагося понятія не могутъ равнодушно разстаться или положиться на посредничество чуждаго имъ понятія; онѣ борются между

собой; умъ уже не признаетъ рѣшительно-ложной или рѣшительно-истинной ни одной изъ нихъ, и онъ переходитъ то къ той, то къ этой, какъ вдругъ начинаетъ замѣчать, что въ каждой изъ нихъ есть своя доля истины и своя доля лжи, и что для искомой имъ истины обѣ стороны, такъ сказать, нуждаются другъ въ другѣ, обѣ проникаютъ и ограничиваютъ себя взаимно: это третій актъ процесса развитія понятія. Наконецъ, умъ ясно видитъ, что обѣ противоположныя крайности не чужды одна другой, но даже родственны, что онѣ — только двѣ стороны одного и того же цѣльнаго понятія, что онѣ должны только въ своей отвлеченной односторонности, но что искомая имъ истина заключается въ ихъ примиреніи, въ которомъ онѣ сливаются другъ съ другомъ и образуютъ новое цѣлое понятіе: это послѣдній актъ процесса развитія понятія. Послѣ этого акта понятіе, такъ сказать, находитъ самого себя, но уже развившимся, совершившимъ свой жизненный процессъ, сознавшимъ себя: это зерно, которое, прошедши всѣ фазы растенія, снова стало зерномъ. Скажутъ: въ этомъ нѣтъ еще большой важности, что зерно снова стало зерномъ. Такъ; но, для вѣрности сравненія, намъ должно условиться, что здѣсь дѣло идетъ о зернѣ незнакомомъ; то ли же оно будетъ въ нашихъ глазахъ, когда мы снова увидимъ его, уже зная, какое растеніе изъ него выходитъ и какой цвѣтъ даетъ оно?..

Смотря съ этой точки, вы увидите, что французскій псевдо-классицизмъ и отчаянный романтизмъ юной словесности Франціи суть двѣ стороны одного и того же понятія, и что въ примиреніи этихъ обѣихъ сторонъ заключается истинная идея искусства нашего времени, — увидите, что какъ классицизмъ, такъ и юный романтизмъ французской литературы, сами по себѣ, въ своей односторонности, суть ложь, хотя и въ каждомъ изъ нихъ есть своя сторона истины. Равнымъ образомъ ясно будетъ, что и понятіе о «народности» само по себѣ есть также ложь, что оно есть только одна сторона другого высшего понятія, противоположная сторона котораго есть «общность въ смыслѣ челоѣчества». Да, мы увидимъ, что националисты въ литературѣ имѣютъ значеніе только какъ противники побѣднкова безразличнаго всеобщности, которая, думая быть доступной всему челоѣчеству, нѣма и мертва для челоѣчества. Все сказанное нами очень легко пояснить въ приложеніи къ теории классицизма и романтизма.

Основаніе псевдо-классической французской теории заключалось въ понятіи, что искусство есть подражаніе природѣ, не что

природа должна являться въ искусствѣ украшенной и облагороженной. Вслѣдствіе такого взгляда изъ искусства были изгнаны естественность и свобода, а слѣдовательно, истина и жизнь, которыя уступили мѣсто чудовищной искусственности, принужденности, лжи и мертвенности. Форма перестала быть явленіемъ духа, по сдѣлалась, такъ сказать, футлярномъ отвлеченныхъ представленій, ошибочно принявшихъ за идеи. Солдаты заговорили однимъ языкомъ съ полководцами, земледѣльцы и поденщики — съ царями, слуги — съ господами; пастушки одѣлись въ фіжмы и испестрили свои лица мушками; книженки, менуэтная выступка, театральныя позы и надутая декламация сдѣлались вывѣской и необходимымъ условіемъ «украшенной и облагороженной природы». Чтобы не слишкомъ рѣзко противорѣчить себѣ, поэты и теоретики новаго классицизма исключили изъ поэзіи простолюдиновъ и мѣщанъ и дали въ ней мѣсто только царямъ, ихъ придворнымъ и героямъ благороднаго происхожденія. Такъ какъ современная жизнь не давала матеріаловъ для поэзіи, то всѣ бросились на гребовъ и римлянъ, одѣтыхъ въ кафтаны и роботы съ фіжмами маркизовъ и маркизъ. Не было оригинальности, не было «народности»; дѣйствительныя лица были замѣнены отвлеченными призраками, не принадлежавшими ни къ какой странѣ, ни къ какому вѣку. Даже комедія, на долю которой оставили современность, даже и комедія не представляла дѣйствительныхъ лицъ, а выдумывала прѣвратки, олицетворяя ими сантиментальной мелкой ходячей морали о добродѣтеляхъ и порокахъ. Но вдругъ все измѣнилось, когда самостоятельный гевій германской націи разбилъ оковы псевдо-классицизма и низложилъ во прахъ съ алтарей храма искусства миниатюрныя основныя статуи Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ, Буало, Вольтеровъ, Дюссоновъ и Кребильоновъ съ братією. Благодаря нѣмцамъ, вся Европа узнала Шекспира, котораго Вольтеръ заклеймилъ прозвищемъ «пьянаго дикаря». Мало того, нѣмцы доказали, что древніе были оклеветаны, что Аристотель и во снѣ не думалъ утверждать нелѣпости, во имя его распространенныя французами; что поэзія грековъ запечатлѣна духомъ Гречей, что она — полное выраженіе ея народности, вернало ея дѣйствительности. Вслѣдствіе этого народность была провозглашена необходимымъ условіемъ всякой поэзіи. Выбѣсто грековъ, образцамъ сдѣлался Шекспиръ, какъ поэтъ новаго, нашего, критическаго міра. На искусство стали смотрѣть не какъ на подражаніе природѣ, но какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, какъ на

творчество новой, высшей действительности. Въ самой Франціи не замедлила возгорѣться отчаянная война между классиками и романтиками. Дружина молодых и рьяныхъ талантовъ основала тамъ свою романтическую школу, которая, какъ реакція псевдо-классицизму, такъ же ложно поняла романтизмъ, какъ прежняя школа ложно понимала древнюю классическую поэзію. Въ новомъ французскомъ романтизмѣ действительность не только сбросила съ себя парики, кафтаны, фижмы и мушки, но и всякое одѣяніе, явилась нагой и цинически естественной. Если классицизмъ французовъ походилъ на младенца въ английской больнѣ или на восковую статую съ стеклянными глазами, то романтизмъ ихъ сталъ походить на буйную вакханку съ безстыднымъ упоеніемъ въ горящемъ взорѣ, съ растрепанными волосами, изступленными и дикими движеніями или на австралійскаго дикаря, пирующаго на костяхъ сѣдненныхъ имъ враговъ. Конечно, преимущество на той сторонѣ, гдѣ есть жизнь, и въ буйной вакханкѣ или въ опынѣломъ отъ вражеской крови дикарѣ болѣе поэзіи, нежели въ восковой статуѣ; но тѣмъ не менѣе французскій романтизмъ можетъ имѣть значеніе больше какъ реакція ложному классицизму, нежели какъ истинная поэзія. Мало того: даже идеальный и возвышенный романтизмъ Шлегелей важенъ больше какъ реакція псевдо-классицизму, нежели какъ истинная поэзія, и вотъ причина, почему братья Шлегели пережили сперва съ такимъ усѣхомъ и такъ энергически проповѣдываемый ими романтизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому теперь придетъ охота, забывъ цѣлую исторію человечества и всю современность, искать поэзіи только въ католическихъ и рыцарскихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ?.. И потому, какъ быстро сбросились на эти средніе вѣка, такъ скоро и догадались, что Востокъ, Греція, Римъ, протестантизмъ и вообще новѣйшая исторія и современность имѣютъ столько же правъ на вниманіе поэзіи, сколько и средніе вѣка, и что Шекспиръ, на котораго Шлегели, по странному противорѣчію съ самими собою, думали опираться, былъ не столько романтикомъ, сколько поэтомъ новѣйшаго времени, — поэтомъ полной действительности, а не одного какого-нибудь изъ ея моментовъ. А между тѣмъ заслуга Шлегелей все-таки велика: если бѣ они не впади въ свою односторонность, — болѣе жалкая и болѣе ложная односторонность французскаго классицизма не была бы опровергнута.

Ворьба классицизма и романтизма, ознаменовавшая движеніе европейскихъ литературъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка,

отразилась и въ русской литературѣ. Такъ какъ мы думаемъ, что изложенныя нами идеи будутъ для читателей понятнѣе и яснѣе въ примѣненіи къ отечественной литературѣ, то и обратимся къ ней, оставивъ Европу, о которой мы уже сказали сколько нужно для связи и послѣдовательности нашей статьи.

Всѣмъ извѣстно, что, исключая Крылова, до Жуковскаго и Батюшкова наша поэзія была неудачнымъ подражаніемъ французской. Говоримъ — неудачнымъ, ибо, заимствовавъ все недостатки своего образца, она не заимствовала у него ни гладкаго и звучнаго стиха, ни образованнаго языка, ни вѣшняго изящества. Жуковскій познакомилъ насъ съ нѣмецкой литературой; но какъ въ его время не было еще на Руси журналовъ въ смыслѣ проводниковъ новыхъ идей въ общество, — то его нововведеніе осталось безъ результатовъ, исключая развѣ одно обстоятельство, именно, что наши шиты, попрежнему не переставая гремѣть торжественными одами и варварскими виршами, закалывать Атридовъ и Брутовъ, затянули еще нескладными голосами кладбищенскія баллады. Что до Батюшкова, — господствовавшій тогда духъ подражательности обезсилилъ его самобытное и прекрасное дарованіе, разившееся не на національной почвѣ. Съ двадцатыхъ годовъ, т. е. съ появленія Пушкина, и у насъ была объявлена война классицизму. Хотя Пушкинъ и былъ провозглашенъ главой и хорегомъ нашихъ романтиковъ, но, какъ истинный гений, подобно Байрону, Вальтеръ-Скотту, Гётте и Шиллеру, онъ пошелъ своей дорогой, по которой не угоняться было за нимъ нашимъ романтикамъ; они брали у него для своихъ произведеній русскія имена, ножи, князья, яды, вѣшную гладкость и легкость стиха, но даже и не дотрогивались до его поэзіи и идей. И потому-то, кромѣ Грибоедова, дарованія самобытнаго и оригинальнаго, все остальное не можетъ быть упомянуто при его имени, какъ предметъ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Критики того времени безусловно восторгались произведеніями Пушкина; до той самой поры, какъ гений его возмужалъ: не подозрѣвая того, что онъ имъ сталъ ужъ слишкомъ не по-плоту, они, по свойственному человѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ такъ. Вотъ ясное доказательство, что или Пушкинъ не былъ главой нашихъ романтиковъ, или что наши романтики не имѣли съ нимъ ничего общаго. Кажется, то и другое одинаково справедливо. Тѣмъ не менѣе ясно, что Пушкинъ произвелъ литературную реформу и увлекъ за собой толпу, хотя она и нисколько не понимала его. Въ тридцатые

тыхъ годахъ число прозаиковъ стало превышать число стихотворцевъ. Всѣ ударились въ прозу и сдѣлались романистами и новеллистами. Впрочемъ, начало этого прозаическаго движенія восходитъ гораздо ранѣе тридцатыхъ годовъ. Новая повѣсть явилась вмѣстѣ съ блестящимъ Марлинскимъ и тотчасъ объявила претензіи на «романтизмъ» и «народность». Но пока весь ея романтизмъ состоялъ въ замѣненіи пошлой сентиментальности риторическихъ повѣстей классическаго періода нашей литературы какой-то размашистой повѣстью въ языкѣ и чувствахъ, а вся ея народность состояла въ томъ, что она начала брать содержаніе изъ русской исторической и современной жизни. Но романтическая кипучесть чувствъ была не болѣе истинна, какъ и водяная чувствительность «Бѣдной Лизы» и «Марьиной Рощи»: та и другая были равно натянуты и неестественны, а народность состояла въ однихъ именахъ. Въ послѣднемъ отношеніи новая русская повѣсть столько же выражала содержаніе русской жизни, сколько французскія трагедіи выражала содержаніе греческой и римской жизни. Это точно-точно забытая теперь драма Хомякова «Ермакъ»: имена въ ней не только русскія, но даже историческія русскія, а духъ и складъ рѣчи принадлежатъ идеальнымъ буршамъ нѣмецкихъ университетовъ; русскаго же духа въ ней слыхомъ не слышать, видомъ же видать. Правда, новая русская повѣсть иногда удачно передразнивала русскую рѣчь, не скупясь на пословицы и поговорки, а иногда и на тонкія выраженія, взятые изъ исторіи Карамзина; но эта рѣчь несколько не выражала русскаго духа, а только, подобно чуждымъ звенящей и кимвалу бряцающему, поражала одинъ слухъ,—точь въ точь, какъ въ другой драмѣ Хомякова «Димитрій Самозванецъ». Тѣмъ не менѣе новая повѣсть заслуживала уваженіе по похвальному, хотя и недостаточному стремленію къ народности. Она не довела поэзіи нашей до настоящей русской повѣсти, но приготвила толпу къ уразумѣнію ея. Еще Марлинскій далеко не кончилъ своего прищипа, какъ явился на сцену литературы романъ съ претензіями на народность, право-описательность, нравственность и на многое, чего и тѣни въ немъ не было; но нижніе слои толпы, увидѣвъ, что дѣйствующія лица романа называются Иванами и Петрами и титулуются по отчеству, охотно повѣрили русскому происхожденію романа и раскупили его. Вслѣдъ затѣмъ не замедлилъ явиться и историческій русскій романъ той же фабрики и той же пробы,—и участь его была та же: сначала приняли его по имени, а

послѣ поступили какъ съ пройдохой и самозванцемъ.

Здѣсь мы должны воротиться нѣсколько назадъ. Повѣсть и романъ, о которыхъ мы доселѣ говорили, силились быть народными, не унижаясь до простонародности. Вмѣстѣ съ Марлинскимъ явились и повѣсти Пелевого. Онѣ въ свое время были замѣчены публикой, но не имѣли такого блестящаго успѣха, какъ повѣсти Марлинскаго, хотя были и не хуже ихъ: не отличаясь фантазіей, онѣ отличались умомъ и не были чужды чувства; языкъ ихъ былъ простой, не натянутый, обработка литературная. Но въ то же время писалъ повѣсти и Погодинъ. Онъ хотѣлъ проложить себѣ свою дорогу и, во что бы то ни стало, сдѣлать повѣсть русской до нельзя,—и надо отдать ему полную справедливость—онъ успѣлъ сдѣлать для повѣсти гораздо больше, чѣмъ А. Е. Измайловъ для басни: народность его повѣстей еще ужаснѣе, чѣмъ народность басенъ Измайлова. Отселѣ начинается въ нашей литературѣ новое стремленіе къ той народности, отцомъ которой былъ почтенный «отставной квартальный, совѣтникъ титулярный» Измайловъ. «Юрій Милославскій» противъ своей воли утвердилъ это жалкое направленіе: размащенные чрезвычайнымъ успѣхомъ этого романа, бездарные писаки подумали, что все дѣло тутъ въ личной обуви, сермяжной одеждѣ, бородахъ и плоскихъ поговоркахъ дѣйствующихъ лицъ; они не замѣтили ни занимательности, ни теплоты разсказа Загоскина, ни самой умѣренности его въ изображеніи простодушной народности. Какъ бы то ни было, но съ «Юрія Милославскаго» начинается какъ бы новая эпоха нашей литературы: съ одной стороны, являются истинно-народныя и поэтическія повѣсти Гоголя; самъ Пушкинъ, незадолго передъ тѣмъ напечатанный превосходную главу изъ предполагавшагося имъ романа («Арапъ Петра Великаго»), начинаетъ обращаться къ прозѣ, и пишетъ впоследствии «Пиковую Даму», «Капитанскую Дочку» и «Дубровскаго». Вскорѣ же послѣ «Юрія Милославскаго» является поэтическій романъ Лажечникова «Новикъ», за нимъ другіе романы Лажечникова.—«Конецъ Бесмертный» и «Святославичъ» Вельтмана—созданія, странныя въ цѣломъ, но блестящія яркими проблесками національной поэзіи въ подробностяхъ, относятся къ этому періоду русской литературы. Съ другой стороны, ложно-понимаемая народность разлилась огромнымъ болотомъ, тлѣніемъ и усердіемъ нипуницей братіи низшаго разряда. Мужики съ бабами, кучера и купцы брадатые не только получили право гражданства

въ повѣстяхъ и романахъ этихъ господъ, но и сдѣлались изъ единственными, при- видегированными героями. Удачное подражаніе языку черни, слогу площадей и харчевень сдѣлалось признакомъ народности, а народность стала тождественнымъ понятіемъ съ великимъ талантомъ, поэзіей и «романтизмомъ». Это изправленіе явилось господствующимъ особенно въ Москвѣ. «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ» получило тамъ идеальное достоинство народной эпопеи. Ваньки и Степки съ разбитыми рылами и синяками подъ соболиными очами стали вывозиться на показъ даже въ Лондонъ и Мадридъ, чтобъ тамъ «тосковать по родинѣ», т. е. по соевымъ огурцамъ и сивухѣ.

Но теперь уже начинаютъ чувствовать пѣвцу такой народности; теперь уже называютъ ее прогонородностью и площадностью. Между тѣмъ даже и такое народное направленіе было необходимо и принесло великую пользу. Выше всего сказали мы, что всякое живое понятіе отрывается людямъ сперва въ своихъ крайностяхъ, которыя истинны, какъ содержаніе понятія, но ложны какъ его односторонности. Французскій псевдо-классицизмъ былъ ложенъ какъ абсолютная идея искусства, но и въ немъ была своя сторона истины. Искусство дѣйствительно не есть и не должно быть природой, какъ она есть, но природой облагороженной, идеализированной. Только дѣло въ томъ, что элементы идеализированія природы должны заключаться не въ условныхъ и относительныхъ понятіяхъ о приличіи въ какую-нибудь эпоху общественныхъ отношеній, но въ вѣчной и неизмѣнной сущности идеи. Французскій классицизмъ принялъ за идеалъ поэтической дѣйствительности не духъ человечества, развивающійся въ исторіи, а этикетъ двора французскаго и нравы свѣтскаго французскаго общества отъ времени Людовика XIV; украшеніе природы онъ понялъ не какъ представленіе дѣйствительности сообразно не съ самой дѣйствительностью, а съ требованіями идеи цѣлаго произведенія, но въ витайскомъ значеніи этого слова. Извѣстно, какъ китайцы уродуютъ ноги своихъ женщинъ, желая ихъ сдѣлать прекрасными, т. е. маленькими. Въ этомъ и состояла ошибка французскаго классицизма. Съ другой стороны, псевдо-романтизмъ такъ же точно грѣшилъ противъ истины, требуя въ искусствѣ природы, какъ она есть, и забывалъ, что иная естественность отвратительнѣе всякой искусственности. Искусство не имѣетъ права искажать природу; оно можетъ и должно быть естественно въ своихъ изображеніяхъ; но, во-первыхъ, эта естественность не должна

возмущать въ насъ эстетическаго чувства; во-вторыхъ, она не должна быть въ искусствѣ главнымъ, не должна быть въ немъ сама себѣ цѣлью. Въ искусствѣ только идея сама себѣ цѣль, а идея просвѣтляетъ и облагораживаетъ самыя возмущающія душу явленія дѣйствительности; проникая ихъ собой, она идеализируетъ ихъ. Шекспиръ въ драмахъ своихъ «Генрихъ IV» и «Генрихъ V» вывелъ на сцену распутство, вывелъ пьянаго Фальстафа съ ватагой негодяевъ, вывелъ Квикли и Доль Тирпитъ—эти отребія женскаго пола, для которыхъ настоящаго названія нельзя прискатать въ литературномъ языкѣ, но вывелъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ усладить ими вкусъ черни или похвастаться передъ публикой своимъ умнѣемъ естественно изображать низкія явленія дѣйствительности; а для того, чтъ ему нужно было представить, какъ въ великой натурѣ человѣка величіе проглатывается сквозъ самый развратъ, какъ умбѣтъ онъ отрѣшается отъ грязи порока и выходитъ изъ нея чистымъ, когда придетъ часъ его,—между тѣмъ какъ натуры слабыя и мелкія навсегда остаются въ этой грязи, если разъ попали въ нее. Тутъ есть идея, и идея великая; тутъ заключается важный урокъ для сухихъ моралистовъ, которые судятъ по вѣщности о нравственности человѣка, и часто негодяя, ведущаго себя благопрістойно, принимаютъ за нравственнаго человѣка, а человѣка съ искрой Божіей въ душѣ, по который, будучи увлекаемъ кипящей юностью и страстями, на время поскользнется въ грязи жизни, клеймятъ названіемъ «безнравственнаго». Съ этой точки зрѣнія, Фальстафъ съ ватагой, мистриссъ Квикли и миссъ Доль получаюгъ уже другое, высшее, идеальное значеніе: онъ занимаютъ мѣсто въ драмѣ Шекспира такъ же, какъ и въ самой дѣйствительности,—не сами для себя; поэтъ вызвалъ ихъ ради безпощадной истины, дѣлая, такъ сказать, невольную уступку дѣйствительности, но не для того, чтобъ онъ, не понимая ихъ гадости, самъ любовался ими или хотѣлъ плѣнить ими другихъ. Онъ изобразилъ ихъ вѣрно, чертами типическими; ихъ языкъ грубъ, даже неприличенъ; но эта грубость и неприличіе имѣютъ свои границы, и поэтъ, много показавши, даетъ намъ догадываться еще о большемъ. Онъ не украсилъ, не смягчилъ, не облагородилъ ихъ языка, чтобъ не сдѣлать его неестественнымъ; но онъ сдержалъ его, не позволилъ ему говорить всего, чтобъ не сдѣлать его слишкомъ естественнымъ, и потому отвратительнымъ. Сверхъ того онъ смягчаетъ эти сцены комизмомъ, который, такъ сказать, прикрываетъ грубую наготу естественности. Шек-

спирь выводить въ своихъ трагедіяхъ и царей, и придворныхъ, и героевъ, и мужиковъ, и мошенниковъ вмѣстѣ, потому что это смѣшеніе существуетъ въ самой дѣйствительности; но онъ всякому указываетъ приличное мѣсто, и ужъ, конечно, муза его беретъ болѣе обильную дань поэзіи съ людей высшихъ слоевъ общества. Намъ скажутъ: въ гениальномъ мужикѣ больше поэзіи, чѣмъ въ слабоумномъ вельможѣ. Правда; но правда и то, что если бы этотъ гениальный мужикъ получилъ образованіе вельможи, онъ былъ бы еще гениальнѣе. Тѣмъ-то человѣкъ и отличается отъ животнаго, что полученные отъ природы дары онъ возвышаетъ образованіемъ и знаніемъ, и что безъ этой обработки они похожи у него на дорогіе матеріалы въ сыромъ состояніи,—на золото въ видѣ руды.

Итакъ, очевидно, что органическая, живая полнота искусства состоятъ въ примиреніи двухъ крайностей — искусственности и естественности. Каждая изъ этихъ крайностей сама по себѣ есть ложь; но, взаимно проникаясь одна другой, онѣ образуютъ собой истину. Искусственность, какъ односторонность и крайность, произвела мертвый псевдо-классицизмъ; естественность, какъ односторонность и крайность, произвела литературу площадей, кабаковъ, тюремъ, боенъ, домовъ разврата.

Но та и другая были необходимы въ процессѣ историческаго развитія понятія объ искусствѣ: сперва была выразумлена одна сторона понятія, потомъ—другая; но эта другая, при всей своей видимой противоположности съ первой, вышла явно изъ нея же: ибо когда представленіе, дошедъ до крайности, впадаетъ въ нелѣпость, то утомленный и оскорбленный умъ быстро переходитъ къ совершенно противоположному представленію. Результатомъ этого перехода опять бываетъ утомленіе и оскорбленіе, потому что и вторая односторонность должна дойти до крайности, и, впадши въ нелѣпость, тѣмъ самымъ отрицать себя. Тогда умъ обращается къ первой односторонности, безпрестанно отыскиваетъ ея истинную сторону, которую и примиряетъ съ истинной стороной второй односторонности, и чрезъ этотъ процессъ достигаетъ до сознанія полной и дѣйствительной истины понятія. Въ этомъ примиреніи ясно видно еродство крайностей. Такъ было и съ искусствомъ: отвергнуши псевдо-классицизмъ, мы отвергли и псевдоромантизмъ, и въ созданіяхъ гениальныхъ поэтовъ, на авторитетъ которыхъ думаютъ опираться мелкіе таланты, видимъ истинное искусство, заключающее и примиряющее въ своей органической полнотѣ всѣ свои противоположности.

Обыкновенно народность смѣшиваютъ съ естественностью, тогда какъ это два совершенно особенныя представленія: хотя истинно-народное не можетъ не быть естественнымъ, но истинно-естественное можетъ быть нисколько не народнымъ. Сверхъ того нѣкоторые изъ нашихъ писателей, замѣтивъ, что европейское образованіе сглаживаетъ угловатости народности, и смѣшивая форму съ идеей, обратились преимущественно къ низшимъ классамъ народа. Истинный художникъ народенъ и націоналенъ безъ усилія; онъ чувствуетъ національность прежде всего въ самомъ себѣ и потому невольно налагаетъ ея печать на свои произведенія. Хотя Татьяна Пушкина и читаетъ французскія книжки и одѣвается по картинкамъ европейскихъ модъ, но она—лицо въ высшей степени русское—и тогда, какъ мы ее видимъ «уѣздной барышней», и въ то время, какъ она является княгиней и свѣтской дамой. Но для изображенія такихъ благородныхъ личностей нужна гениальность или великій талантъ; маленькимъ дарованіямъ, а особенно посредственностямъ, сподручиѣ мужики, бабы, лакеи: стоитъ только заставить ихъ говорить ихъ языкомъ—и народность готова. Зато мужики и бабы гениальныхъ поэтовъ бывають благороднѣе господъ и вельможъ маленькихъ дарованій и посредственностей: няня Татьяны Пушкина, при своей простотѣ и ограниченности, какъ изображеніе, дышетъ художественной граціей и достолюбезностью: мы смѣемся надъ ней, но любимъ и уважаемъ ее; ея простодушная, безсознательная любовь къ Татьянѣ приводитъ насъ въ умиленіе,—и вмѣстѣ съ Татьяной мы вдыхаемъ надъ могилой ея бѣдной няни.

Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; но жизнь только тамъ, гдѣ идея,—и уловить играніе жизни—значитъ уловить невидимый и благоуханный эфиръ идеи. Для искусства нѣтъ болѣе благороднаго и высокаго предмета, какъ человѣкъ,—и чтобъ имѣть право быть изображенъ искусствомъ, человѣку нужно быть человѣкомъ, а не чиновникомъ 14-го класса или дворяниномъ. И у мужика есть душа, сердце, есть желанія и страсти, есть любовь и ненависть, словомъ,—есть жизнь. Но чтобъ изобразить жизнь мужиковъ, надо уловить, какъ мы уже сказали, идею этой жизни,—и тогда въ ней не будетъ ничего грубаго, пошлаго, плоскаго, глупаго. Вотъ отчего «Вечера на хуторѣ» Гоголя, посвященные изображенію простого быта Малороссіи, дышатъ такой полнотою художественности, очаровываютъ таковой неотразимой прелестью, такой дивной поэзіей. Но, повторяемъ, для этого нуженъ гений и гений, талантъ и талантъ. Скажутъ: гений

И талантъ еще нужнѣе въ изображеніи жизни высшихъ слоевъ общества. Нѣтъ: если для изображенія художественнаго, то нуженъ такой же талантъ, какъ и вездѣ; но не всякій талантъ есть художникъ, а литература состоитъ не изъ однихъ художественныхъ созданій,—и беллетристика—этотъ насущный хлѣбъ большинства общества, это практическое, житейское искусство толпы—также требуетъ талантовъ и даже большихъ талантовъ. Вотъ этимъ-то талантамъ всего опаснѣе спускаться въ низшіе слои общества, откуда, вмѣсто народности, они могутъ вынести только грубую простонародность; и имъ-то всего лучше браться за изображеніе среднихъ и даже высшихъ слоевъ общества, гдѣ жизнь разнообразнѣе, обширнѣе, отношенія человѣчнѣе, утонченнѣе, многосложнѣе, игривѣе, глубже. Въ беллетристивъ вѣщія цѣль можетъ имѣть большую пользу и важное значеніе, тогда какъ въ искусствѣ одна цѣль—само искусство. Теперь, если беллетристическій писатель, выводя на сцену чудаковъ, невѣждъ, подлецовъ, даже самую чернь, имѣетъ въ виду дѣйствовать на образование общества, пускать въ оборотъ человѣческія понятія, новыя мысли,—я низко кланяюсь ему, если онъ дѣлаетъ это съ талантомъ: его мѣсто высоко, его призваніе священно, его имя честно и славно. Но когда онъ рисуетъ грязь общества, подонки народа, не для чего иного, какъ для того, чтобъ самому насладиться и плѣнить меня этимъ зрѣлищемъ,—то чѣмъ естественнѣе, чѣмъ правдоподобнѣе будутъ его изображенія, тѣмъ они для меня отвратительнѣе и безсмысленнѣе. Не должно забывать ни на минуту, что герой искусства и литературы есть *человекъ*, а не баринъ, и тѣмъ болѣе не *мужикъ*. Если Шекспиръ давалъ мѣсто въ своихъ драмахъ всѣмъ людямъ безъ разбора,—онъ это дѣлалъ потому, что видѣлъ въ нихъ людей, а отнюдь не по пристрастью къ черни. Предпочитать мужиковъ потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невѣжественны, предпочитать ихъ образованнымъ классамъ общества—странное и смѣшное заблужденіе! И самъ геній въ изображеніи жизни чернаго народа всегда найдетъ меньше элементовъ поэзіи, чѣмъ въ образованныхъ классахъ общества: беллетристическій же талантъ не найдетъ въ жизни черни никакой поэзіи. Впрочемъ, мы далеки отъ того, чтобъ отнимать право у талантливаго литератора касаться жизни простого народа; но мы требуемъ только, чтобъ онъ это дѣлалъ не по любви къ мужицкому жаргону, не по склонности къ лохмотьямъ и грязи, но для какой-нибудь цѣли, въ кото-

рой была бы видна человѣческая мысль. Объяснимъ это примѣромъ. Погодинъ написалъ нѣкогда повѣсть «Черная Немочъ», которая въ свое время обращала на себя вниманіе публики, подобно многимъ, теперь забытымъ произведеніямъ. Въ этой повѣсти дѣйствуютъ купцы, попадьи, батраки и подобный тому людъ; языкъ ея блещетъ всѣми красотами, свойственными языку подобнаго общества; но повѣсть все-таки заслуживаетъ похвалы по своему намѣренію. Главнѣйшій герой ея—молодой человѣкъ, сынъ купца, томимый святой жадной знанія. Окруженный дѣйствительностью, отъ которой страдаетъ обоняніе, зрѣніе и человѣческое достоинство, и которая авторомъ скопирована во всей ея наготѣ и естественности,—онъ погибаетъ жертвой этой грязной дѣйствительности. Правда, герой изображенъ не совсѣмъ естественно, довольно слабо, безъ теплоты и увлекательности; но мы говоримъ не о талантѣ (а такимъ предметомъ не погнушался бы и геній), но о добромъ намѣреніи сочинителя. По этому добромъ намѣренію повѣсть можетъ быть сочтена не за заслугу со стороны Погодина русской литературѣ. То же можно сказать и о его маленькой повѣсти «Нищій». Но когда Погодинъ сталъ рассказывать, какъ купеческая дочь задушила подъ перинкою парня; какъ баба, потчуж дьячка сивухой, сказала ему: «кушай на здоровье»; а тотъ отвѣчалъ ей любезностью: «маслецо коровье»; или пересказывать похождение на ярмаркѣ разудалой бабы-чиновницы и пересказывать ея языкомъ; а потомъ героиню повѣсти, порядочную женщину, изъ любви къ мужу заставлятъ жить въ подвалѣ, въ сонмищѣ пьяницъ, воровъ и мошенниковъ; или изображать психологическія явленія мужиковъ, которые рѣжутъ другихъ и давятся сами:—признаемся, это верхъ романтизма, верхъ народности, которые хуже всякаго классицизма. Мы уважаемъ «Юрія Милославскаго» Загоскина; но, признаемся, рѣшительно не понимали въ его другихъ романахъ прелести ярмарочныхъ сценъ и языка героевъ этихъ сценъ. Мы отдаемъ полную справедливость юмористическому таланту, съ какимъ написанъ «Панъ Халаявскій» Основьяненка; еще выше цѣнимъ прекрасную цѣль, съ какой написана эта забавная сатира на доброе старое время, но не можемъ восхищаться многими изъ произведеній Основьяненка за то только, что въ нихъ мужики говорятъ чистымъ мужицкимъ языкомъ и никакъ не выходятъ изъ ограниченной сферы своихъ понятій. Напротивъ, намъ пріятнѣе было бы въ подобныхъ произведеніяхъ встрѣчать такихъ мужиковъ, которые, благодаря своей натурѣ или слу-

чайнымъ обстоятельствамъ, нѣсколько вышпаются надъ ограниченной сферой мужицкой жизни...

Но, слава Богу, теперь начинаютъ понимать цѣну такой народности, и начинаютъ понимать ее потому именно, что теперь эта народность находится въ своей апогеѣ, дошла до послѣдней степени нелѣпости. Есть люди, которые приглашаютъ васъ учиться у черни не только литературѣ, но и нравамъ, и обычаямъ, и даже тому, что составляетъ внутреннюю жизнь и свободное убѣжденіе каждаго порядочнаго человѣка. Деревенскіе старосты и богомольныя старухи представляются у нихъ образцами нравственности, созерцательныхъ откровеній и даже образованности и просвѣщенія. Такъ-то справедливо, что ложь гораздо опаснѣе и страшнѣе, когда существуетъ невидимкой и призракомъ; чтобъ уничтожить ее, должно не мѣшать ей дойти до своей послѣдней крайности, впасть въ нелѣпость, сдѣлаться смѣшной, вполне проявиться, принять образъ и лицо, словомъ—созрѣть; тогда она прорвется и сама собой уничтожится. Когда преслѣдуешь зло, надо видѣть его передъ собой, чтобъ можно было показать его другимъ. Вотъ почему тѣ, которые хлопчутъ въ его пользу, сражаютъ его скорѣе другихъ, ему противоборствующихъ. Это единственная и при томъ очень важная заслуга со стороны людей, которые всю жизнь свою бьются изъ равныхъ, полезныхъ ихъ благосостоянію, лжей.

Истина только въ началѣ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, но чѣмъ больше выясняется, чѣмъ больше становится фактомъ, тѣмъ большее число приобретаетъ себѣ друзей и поборниковъ. Ложь идетъ обратнымъ ходомъ: сильная, пока не вполне проявится, она уничтожается сама собой, подобно призраку, исчезающему отъ лучей свѣта.

«Народность»—великое дѣло и въ политической жизни, и въ литературѣ; только, подобно всякому истинному понятію, она сама по себѣ—односторонность, и является истинной только въ примиреніи съ противоположной ей стороной. Противоположная сторона «народности» есть «общее» въ смыслѣ «обще-человѣческаго». Какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ существовать отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества. Человѣкъ, существующій внѣ народной стихіи,—призракъ; народъ, не сознающій себя живымъ членомъ въ семействѣ человѣчества,—не нація, но племя, подобное калмыкамъ и черкесамъ, или живой трупъ, подобно китайцамъ, японцамъ, персіянамъ и туркамъ. Безъ народнаго характера, безъ

національной фізіономіи государство—не живое органическое тѣло, а механическій препаратъ. Но, съ другой стороны, и національнаго духа еще недостаточно для того, чтобъ народъ могъ считать себя чѣмъ-нибудь существеннымъ и дѣйствительнымъ въ общности міроздаія. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ есть односторонность и крайность, а слѣдовательно, и призракъ. Чтобъ народъ былъ дѣйствительно историческимъ явленіемъ, его народность необходимо должна быть только формой, проявленіемъ идеи человѣчества, а не самой идеей. Все особенное и единичное, всякая индивидуальность дѣйствительно существуетъ только общимъ, которое есть его содержаніе, и котораго она только выраженіе и форма. Индивидуальность—призракъ безъ общаго; общее, въ свою очередь, призракъ безъ особнаго, индивидуальнаго проявленія. И потому люди, которые требуютъ въ литературѣ одной народности, требуютъ какого-то призрачнаго и пустого «ничего»; съ другой стороны, люди, которые требуютъ въ литературѣ совершеннаго отсутствія народности, думая тѣмъ сдѣлать литературу всѣмъ равно доступной и общей, т. е. человѣческой, также требуютъ какого-то призрачнаго и пустого «ничего». Первые хлопчутъ о формѣ безъ содержанія; вторые—о содержаніи безъ формы. Тѣ и другіе не понимаютъ, что ни форма безъ содержанія, ни содержаніе безъ формы существовать не могутъ, а если существуютъ, то въ первомъ случаѣ—какъ пустой сосудъ страннаго и нелѣпаго вида, а во второмъ, какъ миражи, которые всѣмъ видимы, но которые въ то же время почитаются несуществующими предметами. Очевидно, что только та литература истинно народна, которая въ то же время есть литература обще-человѣческая; и только та литература—истинно-человѣческая, которая въ то же время и народна. Одно безъ другого существовать не должно и не можетъ. Намъ скажутъ въ опроверженіе, что нѣтъ племени на землѣ, которое бы, при всей своей ничтожности, не имѣло у себя поэзіи; а какъ всякая поэзія есть дѣйствительно существующій фактъ, то, слѣдовательно, можно имѣть народную поэзію и не принадлежать къ семейству человѣческаго рода. Возраженіе, только кажущееся основательнымъ! Нѣтъ на землѣ племени, которое не принадлежало бы къ семейству человѣческаго рода; но дѣло въ томъ, что одно племя меньше, а другое больше принадлежитъ человѣчеству, и что въ этомъ отношеніи всѣ племена и народы представляютъ собою цѣпь, которой звенья съ обоихъ концовъ постепенно увеличиваются къ центру. Египтяне такъ же историческій народъ, какъ и евреи; но важность ихъ для

человѣчества далеко неодинакова; первые внесли особый элементъ въ многосложную жизнь Греціи, и только этимъ упрочили свое существованіе въ исторіи; результатомъ же существованія евреевъ была божественная книга, покорившая теперь подъ свою спасительную власть лучшую часть челоуѣчества и готовая скоро покорить весь міръ. Потому имѣть нужды говорить, который изъ этихъ двухъ народовъ болѣе принадлежитъ челоуѣчеству. Гдѣ только челоуѣкъ владетъ словомъ, любитъ и ненавидитъ, блаженствуетъ и страдаетъ, тамъ уже и является челоуѣчество, тамъ уже есть и жизнь, и поэзія; но большая разница въ объемѣ слова, любви, ненависти, блаженства и страданія между дикимъ отаптанномъ и образованнымъ европейцемъ, между финномъ, калмыкомъ, тунгузомъ — и французомъ, нѣмцемъ, англичаниномъ. Такая же разница и между литературами. Есть люди, которые посвящаютъ цѣлую жизнь изученію греческой литературы: но едва ли челоуѣкъ съ умомъ и душой посвятитъ всю жизнь свою на изученіе чухонской литературы!.

Важность и достоинство народовъ определяется ихъ историческимъ значеніемъ. Народъ, не имѣющій исторіи, — ничто, хотя бы занималъ собою половину земного шара и считалъ свое народонаселеніе сотнями милліоновъ. Такъ, нынѣшніе персіане хотя и составляютъ значительное государство въ Азіи, но не имѣютъ исторіи, потому что перемѣны династій и властителей еще не составляютъ исторіи. Есть народы, которые имѣютъ внутреннее историческое значеніе, какъ выражающее своей жизнью идею: таковы въ Европѣ народы галльско-римско-тевтонскаго образованія. Есть народы, которые имѣютъ только внѣшнее историческое значеніе, какъ дѣйствовавшіе на другихъ силою тяготѣнія и существовавшіе не для себя: таковы монголы, турки, такова теперь Австрія. Не нужно говорить, что важность первыхъ субстанціальная, а вторыхъ — относительная. Есть народы, которые имѣли мгновенное историческое значеніе, и съ окончаніемъ его погибли: таковы древніе ассирияне, мидійцы, персы, финикияне, караегяне и проч. Есть народы, которые, имѣвъ мгновенное или продолжительное историческое значеніе пережили его какъ бы навсегда: таковы теперешніе евреи, китайцы, японцы, индусы, арабияне. Есть, наконецъ, народы, которые имѣли или имѣютъ историческое значеніе не сами собою, а только тѣмъ, что приняли отъ чуждаго имъ племени субстанціальное начало жизни, особенно религію: таковъ теперь весь магометанскій Востокъ, покоренный аравійскимъ исламизмомъ. Всѣ эти

различія очень важны, потому что ими определяется степень достоинства каждаго народа, а слѣдовательно, и его поэзія и литература. И у персіанъ есть поэзія; но ея основа — магометанско-пантеистическое міросозерцаніе, занятое отъ арабовъ; слѣдовательно, ея отнюдь не должно равнять съ арабской поэзіей.

Поэзія каждаго народа есть непосредственное выраженіе его сознанія; отъ этого поэзія тѣсно слита съ жизнью народа. Вотъ причина, почему поэзія должна быть народной, и почему поэзія одного народа не похожа на поэзію всѣхъ другихъ народовъ. Для всякаго народа есть двѣ великія эпохи жизни: эпоха естественной непосредственности, или младенчества, и эпоха сознательнаго существованія. Въ первую эпоху жизни національная особенность каждаго народа выражается рѣзче, и тогда его поэзія бываетъ по преимуществу народной. Въ этомъ смыслѣ народная поэзія отличается рѣзкою особенностью, и потому болѣе доступна уразумѣнію всей массы своего народа и болѣе недоступна для другихъ народовъ. Русская пѣсня сильно дѣйствуетъ на русскую душу, но нѣма для иностранца и непереводама ни на какой другой языкъ. — Во вторую эпоху существованія народа поэзія его дѣлается менѣ доступной для массы народа и болѣе доступной для всѣхъ другихъ народовъ. Русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но зато Пушкинская поэзія доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводама на всѣ языки. Если народъ ничтоженъ въ историческомъ значеніи, его естественная (народная) поэзія всегда выше его художественной поэзіи, потому что послѣдняя болѣе требуетъ обще-человѣческихъ элементовъ, и если не находитъ ихъ въ жизни своего народа, то дѣлается подражательной. Такъ, народная чешская поэзія и богата, и сильна; а художественная не представляетъ ничего великаго. Естественная (или собственно-народная) поэзія болѣе зависитъ отъ субстанции народа, чѣмъ отъ его историческаго значенія. Вотъ почему римляне — всемірно-историческая и великая нація — не имѣли народной поэзіи. Что касается до греческой поэзіи — она составляетъ собой какъ бы исключеніе изъ общаго правила: она никогда не была собственно-народной, но всегда, будучи народной, въ то же время была обще-человѣческой, всемірно-исторической. Причина этого безконечное міросозерцаніе, лежавшее въ субстанции эллинскаго племени; въ самыхъ древнѣйшихъ мифахъ эллиновъ заключаются абсолютныя идеи, художественно выраженные, и въ этомъ отношеніи ихъ древнѣйшіе поэты, до Гезіода и Гомера существовавшіе,

равно какъ и сами Гезіодъ и Гомеръ, отличаются отъ позднѣйшихъ—Сэфокла и Еврипида болѣе степеню историческаго развитія искусства, чѣмъ художественнаго достоинства. Художественная поэзія всегда выше естественной, или собственно-народной. Последняя—только младенческой лепетъ народа, міръ темныхъ предощущеній, смутныхъ предчувствій; часто она не находила слова для выраженія мысли и прибѣгаетъ къ условнымъ формамъ—къ аллегоріямъ и символамъ; художественная поэзія есть, напротивъ, определенное слово мужественнаго сознанія, форма, равновѣсная заключающейся въ ней мысли, міръ положительной дѣйствительности; она всегда выражается образами определенными и точными, прозрачными и ясными, равносильными идеѣ. Мы помнимъ, какъ въ разгарѣ романтическаго броженія многіе утверждали у насъ, что народная пѣсня выше всякаго художественнаго произведенія, и что будто бы какой-нибудь Пушкинъ за честь себя ставилъ поддѣлаться подъ простой и наивный складъ народной пѣсни: смѣшное заблужденіе, впрочемъ понятное въ эпоху односторонняго увлеченія! Нѣтъ, одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ! И если художникъ-поэтъ настраиваетъ свою разнообразную, гармоническую лиру на монотонный ладъ народной мелодіи—снѣ дѣлаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго являться во всѣхъ формахъ. Его народная пѣсня выше всѣхъ собственно-народныхъ пѣсней, вмѣстѣ взятыхъ: произведеніе, которое выходитъ изъ творческаго духа, обладающаго своимъ предметомъ, всегда выше того, которое выходитъ изъ духа, покореннаго своимъ предметомъ. И со всѣмъ тѣмъ въ народной или естественной поэзіи есть нѣчто такое, чего не можетъ замѣнить намъ художественная поэзія. Никто не будетъ спорить, что реквиемъ Моцарта или соната Бетховена неизмѣримо выше всякой народной музыки,—это доказывается даже и тѣмъ, что первыя никогда не наскучаютъ, но всегда являются болѣе новыми, а вторая хороша во-время и изрѣдка; но тѣмъ не менѣе неоспоримо, что власть народной музыки безконечна надъ чувствомъ. Не диво, что русскій мужичокъ и плачетъ, и пляшетъ отъ своей музыки; но то диво, что и образованный русскій, музыкантъ въ душѣ, поклонникъ Моцарта и Бетховена, не можетъ защититься отъ неотразимаго обаянія однообразнаго, заунывнаго и удалаго напѣва народной пѣсни... Возрастъ мужества выше младенчества—

нѣтъ спора; но отчего же звуки нашего дѣтства, его воспоминанія даже и въ старости потрясаютъ всѣ струны нашего сердца радостью и грустью, и вокругъ поникшей головы нашей вызываютъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства?.. Оттого, что младенчество есть необходимый и разумный періодъ нашего существованія, который бываетъ только разъ въ жизни и болѣе не возвращается... Это время нашего единства съ Природой, въ которомъ такъ много простодупной и невинной любви; время нашего непосредственнаго сознанія, въ которомъ все было ясно. безъ тяжкихъ думъ и тревожныхъ вопросовъ, какъ будто бы сифлы и феи дружелюбно нашептывали сердцу священнаго откровенія и небесная манна сама падала на землю, неорошенную потокомъ труда и заботъ... Славное то время было, читатель мой, когда солнышко улыбалось вамъ съ чистаго неба, когда цвѣточекъ наклоненіемъ стебелька ласково привѣтствовать васъ, мотылекъ манилъ васъ бѣгать по дугу, кузнечикъ пѣлъ вамъ свою однообразную пѣсенку, и быстрый ручей, по выраженію гениальнаго сумасброда Гофмана, рассказывалъ вамъ чудныя сказочки!.. Вы и природа были тогда—одно, и все въ природѣ было для васъ дружескимъ откровеніемъ священной тайны любви и блаженства!.. Выше же бокалъ мой, за васъ, счастливыя лѣта моего младенчества! говорите вы. Я теперь умнѣе, чѣмъ былъ тогда; я не промѣняю разума на самое блаженство, но мнѣ все-таки жаль васъ, радужные дни моего счастливаго дѣтства!..

Да, мысль выше непосредственнаго чувства, пора мужества выше поры младенчества; но все же и въ непосредственномъ чувствѣ, и въ пѣрѣ дѣтства есть нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ разумномъ сознаніи ни въ гордой возмужалости, чѣдъ бываетъ только разъ въ жизни и болѣе не возвращается... Такъ и для народа: онъ все тотъ же и въ эпоху разумаго сознанія, какъ и въ эпоху непосредственнаго чувства; но его непосредственное чувство было почвой, изъ которой возникъ и развился цвѣтъ и плодъ его разумаго сознанія. Все послѣдующее есть результатъ предыдущаго: разумная мысль часто есть только сознанное преданіе темной старины, а знаніе часто есть только уясненное предчувствіе; а страна миеовъ и таинственныхъ предреченій есть страна, полная очарованій и чудесъ... Жизнь распадается на множество сторонъ и вновь совокупляется въ единое и цѣлое; единое выше множества, цѣлое выше частей, но и во всякой отдѣльности есть нѣчто свое, незамѣнимое цѣлымъ. Въ художественной поэзіи заключаются всѣ элементы народной

и сверхъ того есть еще нѣчто такое, чего нѣтъ въ народной поэзіи: однако жъ тѣмъ не менѣе народная поэзія имѣетъ для насъ свою цѣну такъ, какъ она есть,—въ ея чистомъ, безпримѣсномъ элементѣ, въ ея простой, безыскусственной и часто грубой формѣ.

Многое еще можно сказать объ общихъ чертахъ народной поэзіи, но это удобнѣе сдѣлать въ примѣненіи къ русскимъ пѣснямъ и сказкамъ, что мы исполнимъ въ слѣдующей статьѣ, а эту просимъ считать голько общимъ взглядомъ на значеніе всякой народной поэзіи.

1.

Въ первой статьѣ мы сказали, что какъ естественное противопоставляется въ поэзіи искусственному, такъ народное противопоставляется общему, и наоборотъ, какъ народное, такъ и общее суть понятія родственныя, заключающіяся въ самой сущности творчества. Теперь намъ должно объяснить значеніе общаго (мірового, абсолютнаго) и особнаго (частнаго, исключительнаго). Что такое «общее»? — сущность всего сущаго, единство всякаго разнообразія, душа вселенной, начало и конецъ всего, что было, есть и будетъ, словомъ— «идея». Почему же, спросить насъ, это новое и при томъ такое странное, произвольное названіе для предмета стараго и давно уже получившаго себѣ имя? — Почему же «общее», а не просто «идея»?.. — Въ этомъ новомъ словѣ, — отвѣчаемъ мы, — одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ, которымъ вполнѣ опредѣляется предметъ, берется за самый предметъ, чтобъ тѣмъ яснѣе было значеніе предмета. Слово «идея» требуетъ опредѣленія философическаго, многимъ интереснаго и доступнаго; слово «общее» (Allgemeinheit) можетъ быть объяснено для всѣхъ болѣе или менѣе ясно и удовлетворительно. Чтобъ вѣрнѣе достигъ нашей цѣли, будемъ подтверждать наши умозрѣнія примѣрами и подобіями. Все общее есть источникъ и причина существованія всего особнаго и частнаго. Общее необходимо, и потому вѣчно; особое случайно, и потому преходяще. Вы видите передъ собою животное, напримѣръ, льва. Его рожденіе, продолжительность или краткость жизни, его смерть—все это совершенно случайно, ибо тотъ левъ могъ и быть, и не быть, и издохнуть едва родясь, и дожить до старости. Природа и міръ такъ же равнодушны къ его существованію, какъ и къ его несуществованію. Но левъ какъ

цѣлый, отдѣльный родъ животныхъ, составляющій собой звено въ цѣпи мірозданія, не какой-нибудь, не этотъ левъ, а левъ вообще есть уже не случайное и не частное, а необходимое и, слѣдственно, общее явленіе. Ежедневно истребляется множество животныхъ, но роды ихъ неистребимы; равнодушная къ участи особнаго явленія, природа попечительно хранитъ роды и виды. Особныя явленія для нея — случайности; роды и виды—идеи, слѣдственно, общее. Итакъ, вотъ уже мы и нашли въ безпредѣльномъ многообразіи природы то, что въ ней должно называться общимъ. Если сообразить, что родъ, какъ идея, совокупляетъ въ себѣ безчисленные признаки, равно общіе множеству предметовъ, выражающихъ его,—то слово «общее» уже никому не можетъ казаться произвольнымъ или страннымъ. Роды и виды въ органическихъ явленіяхъ природы, отъ минераловъ, *) чрезъ растенія и животныхъ, доходя до человѣка, суть не иное что, какъ необходимые моменты ея развитія, тѣ ступени, на которыхъ она, такъ сказать, отдыхала и успокоилась въ своемъ творческомъ стремленіи къ сознанію себя чрезъ индивидуализированіе. Все сущее, каждый предметъ въ природѣ есть не что иное, какъ воплотившаяся, обособившаяся идея абсолютнаго бытія. Будучи источникомъ всего видимаго, конечнаго и преходящаго, словомъ, будучи матерью всякаго чувственнаго бытія, абсолютная идея, оставаясь въ своемъ элементѣ чистаго, недоступнаго чувствамъ бытія, подобна нулю, который, самъ по себѣ не будучи ничѣмъ, тѣмъ не менѣе принимается математиками за абсолютное начало всякой величины и всѣхъ величинъ. Только тотъ въ состояніи уразумѣть таинственное значеніе этого нуля, чей взоръ столько глубоко, что можетъ провидѣть сущность вещей, мимо самыхъ вещей, чей умъ такъ могучъ, что въ силахъ совлечь съ міра его покровы, и не затрепетать отъ ужаса, увидѣвшись съ духомъ лицомъ къ лицу. Здѣсь мы приводимъ для ясности образное и поэтически-созерпательное выраженіе этой мысли, принадлежащее великому поэту Германіи—Гёте. Фаустъ, давъ обещаніе императору вызвать передъ него Париса и Елену, прибѣгаетъ къ помощи Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обещанія. «Въ неприступной пустотѣ—говоритъ онъ:—царствуютъ богини; тамъ

*) Здѣсь слово „органическій“ берется въ обширномъ смыслѣ, какъ противоположность всему „техническому“, не самой природою, а умомъ человѣка производимому.

нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то матери.» «Матери? восклицаетъ въ изумленіи Фаустъ:—матери! матери!—повторяетъ онъ,—это такъ странно звучить...»—«Богини,—продолжаетъ Мефистофель:—невѣдомыя вамъ, смертнымъ, и неохотно именуемыя нами. Готовъ ли ты? Тебя не останавятъ ни замки, ни запоры; тебя обойметъ пустота, имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?» Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности. «Если бѣ тебѣ надо было плыть,—продолжаетъ снова Мефистофель,—по безграничному океану; если бѣ тебѣ надобно было созерцать эту безграничность, ты увидѣлъ бы тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волной, ты увидѣлъ бы тамъ къчто; ты увидѣлъ бы на зелени усмиряшагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобой ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего собственнаго шага; ногъ твоихъ не на что будетъ опереться.» Фаустъ неколебимъ:—«въ твоимъ ничто,—говоритъ онъ,—я надѣюсь найти все.»

In deinem Nichts hoff ich das All' zu finden.

Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. «Ступай съ этимъ ключомъ,—говоритъ онъ ему;—онъ доведетъ тебя до матерей.» Слово «матери» снова заставляетъ Фауста содрогнуться. — «Матерей! — восклицаетъ онъ:—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Чтѣ это за слово такое, что я не могу его слышать?...» «Неужели ты такъ ограниченъ,—отвѣчаетъ ему Мефистофель,—что новое слово смущаетъ тебя?» Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи,—и Фаустъ, ощутивъ новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь. «Любопытно,—говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ: возвратится ли онъ назадъ?» Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ. Онъ вынесъ съ собой изъ бездонной пустоты треножникъ,—тогъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобъ вызвать въ міръ дѣйствительную красоту въ лицѣ Париса и Елены.

Этотъ поэтический мистъ Гёте или, лучше сказать, эта поэтическая апопееза самаго отвлеченнаго понятія, очень ясно говоритъ уму своей образностью. Подобно Фаусту, всякій, въ комъ воля способна возвышаться до самоотреченія, отважившись ринуться въ безграничную пустоту—тайственное мѣсто пребыванія царственныхъ матерей всего сущаго,—вынесетъ отсюда съ собою волшебный треножникъ всяческаго знанія и всяческой жизни. Изъ пустоты возвратится онъ въ высшую дѣйствительность, въ «ничто»

найдетъ все: ибо чтѣ же и все какъ не «ничто», ставшее дѣйствительностью, какъ не безтѣлесныя «матери», воплотившіяся въ міры?... Общее, т. е. идея, чтобъ перейти изъ сферы идеальной возможности въ положительную дѣйствительность, должно было перейти чрезъ моментъ отрицанія своей общности и стать особнымъ, индивидуальнымъ и личнымъ. И это общее, обособившись въ планетѣ и предметахъ ископаемаго и растительнаго царства природы, начало индивидуализировалось въ предметахъ царства животнаго. Мы уже выше сказали, что какъ обособленіе, такъ и индивидуализированіе общаго въ природѣ совершалось въ правильной постепенности восхожденія отъ низшаго рода и вида къ высшему роду и виду. Цѣль этого творческаго движенія была—сознаніе, возможное только для личности, для субъекта, до которыхъ общее достигло, ставъ человѣкомъ. Но какъ природа была, такъ сказать, безсилна вдругъ достигъ своей цѣли, ставъ человѣкомъ, то стремленіе ея къ средству сознанія личности началось съ низшихъ моментовъ: съ обособленія (планеты, минералы, растенія), потомъ индивидуализированія (животныя); переходя отъ низшаго къ высшему, природа озвменовала свое творческое стремленіе строгимъ рядомъ существъ, постепенно приближающихся къ человѣку. Явно, что орангутангъ былъ послѣдней неудачной попыткой ея сознать себя, послѣ которой ей уже было возможно достигъ послѣдняго, высшаго абсолютнаго типа существъ — личности, субъекта, человѣка, и что, достигши цѣли своего стремленія, она вдругъ какъ бы лишилась своей творческой силы и дѣятельности, какъ уже болѣе не имѣющей цѣли и потому не нужной.

Человѣкомъ оканчивается царство природы и имъ же начинается царство духа. Мы видѣли, что въ природѣ общее (идея) является въ родахъ и видахъ веществъ и существъ: теперь посмотримъ, какъ оно является въ человѣкѣ.

Чтѣ такое обще-человѣческое? Разумѣется, то, чтѣ составляетъ общій интересъ всѣхъ и каждаго, то, чтѣ всѣхъ волнуетъ, во всякомъ находитъ отзывъ, служитъ невидимымъ рычагомъ дѣятельности всѣхъ и каждаго. «Стало быть — деньги!»—воскликнетъ иной читатель: «чему же другому и бытъ!» Не споримъ съ тѣми, кто уже такъ глубоко въ этомъ убѣжденіи, что его нельзя переспорить; но для многихъ другихъ, еще не слишкомъ вѣрившихъ въ подобномъ вѣрованіи, и для немногихъ, совершенно чуждыхъ ему, скажемъ нѣсколько словъ объ «общемъ» людей. Такъ какъ общее людей есть то, чтѣ связываетъ людей между со-

бою, то не споримъ, что и взаимныя нужды и отношенія суть общее. Но это еще не то общее, о которомъ говоримъ мы: есть между людьми другое высшее, благороднѣйшее, достойнѣйшее ихъ общее: это — любовь. Но любовь есть только чувство, и потому что-то инстинктуальное, невольное и безсознательное. Любовь, какъ чувство, свойственна и животнымъ въ половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Любовь человека должна быть выше, а для этого она должна быть сознательной, должна имѣть разумное содержаніе. Вы, читатель, имѣете друга; онъ погибаетъ, — и вы спасаете его съ опасностью собственной жизни или съ пожертвованіемъ собственного благосостоянія. Это высокой и прекрасный подвигъ, но это еще не любовь, а только дѣйствіе любви: любви должно искать въ причинахъ вашей любви къ другу, въ томъ, что связываетъ васъ съ нимъ дружбой. Мы нисколько не отвергаемъ дѣйствительности факта, что и величайшіе злодѣи иногда погибаютъ другъ за друга; но причина этого — привычка считать жизнь ни за что, и еще болѣе — взаимная нужда другъ въ другѣ, т. е. сперва безсознательность ожесточенія, а потомъ эгоизмъ: слѣдственно, тутъ о любви нечего и говорить. Связываютъ людей еще и общія страсти, пристрастія, привычки, какъ-то: вино, карты, сплетни, и проч.; но въ подобнаго рода связяхъ не бываетъ примѣровъ самоотверженія. Итакъ, ваша любовь къ другу, доказанная самопожертвованіемъ, должна же на чемъ-нибудь основываться, вы за что же нибудь должны любить вашего друга, а онъ васъ, словомъ, между вами должно же быть что-нибудь общее?... Такъ, — и ужъ, конечно, это то, что составляетъ человеческое достоинство, что дѣлаетъ человека человекомъ, что называется благомъ, истиной, красотой, долгомъ, обязанностью, знаніемъ и т. п. А благо, истина, красота, долгъ, честь, слава, доблесть, знаніе, все это — идеи, слѣдственно, все это «общее». И потому, любя вашего друга, вы любите въ немъ не что-нибудь частное, случайное, ему одному принадлежащее (какъ, напримѣръ, цвѣтъ волосъ, голосъ, лицо); но тотъ Прометеевъ огонь, то божественное начало, которое есть общее наслѣдіе человеческой природы, словомъ — идею. Вы скажете, что, несмотря на то, вы все такъ любите и лицо, и голосъ, и поступъ, и манеры, и всю непосредственность вашего друга: оно такъ и должно быть, ибо въ томъ-то и состоитъ взаимное отношеніе общаго къ особному и особнаго къ общему, что они въ человекѣ не приклеиваются другъ къ другу внѣшнимъ образомъ, такъ, что можно было бы сказать, что въ немъ общее и что особое, но взаимно про-

никаютъ другъ друга, неразрывно, органически сливаются другъ съ другомъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, но въдѣ нельзя же сказать: вотъ въ немъ тѣло, а вотъ душа; доселѣ анатомія и физиологія еще не нашли (и никогда не найдутъ) мѣста въ тѣлѣ, гдѣ живетъ душа, и какъ тѣло безъ души, такъ и душа безъ тѣла есть отвлеченное понятіе, а не дѣйствительное явленіе, не человекъ. Чѣмъ болѣе проникнуть человекъ общимъ, тѣмъ разительнѣе достоинство и прелесть его личности, тѣмъ онъ особнѣе, такъ сказать, и мы, думая любить его за черты лица или голосъ, любимъ его за душу, а думая любить за душу, любимъ за лицо, рѣчь и манеры. Опредѣлительно на этотъ счетъ можно сказать только то, что особое получаетъ свое достоинство только отъ общаго, и что любить можно только идею. Намъ возражать, что есть люди, одаренные сильной способностью любить и которые часто устремляютъ свою любовь на предметы, не совсѣмъ достойныя ей, или видя въ нихъ мнимыя достоинства, или просто по привычкѣ, или вслѣдствіе особенной обстановки обстоятельствъ. Это ничего не доказываетъ, кромѣ безсознательности. Позорно въ человекѣ отсутствіе всякаго чувства; но любовь всегда есть признакъ человеческого достоинства, на какой бы ступени ни стояла она; высшая же, дѣйствительная любовь есть любовь сознательная, разумная.

Каждый человекъ — самъ себѣ цѣль; назначеніе каждаго человека — развить въ себѣ все человеческое, общее и насладиться имъ. Всѣ люди имѣютъ равное право на дары духа, — разумѣется, въ той мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ, по своей натурѣ, можетъ вмѣстять въ себѣ. Но есть особый родъ людей, которые по преимуществу могутъ называться любимцами неба: это — великіе историческіе дѣйствователи. Исторія нѣкоторымъ образомъ представляетъ собой явленіе, параллельное природѣ: какъ въ природѣ общее является въ родахъ и видахъ, такъ и въ исторіи это общее является въ избранникахъ судьбы Божіихъ. Они выражаютъ своей личностью все, что составляетъ сущность народа или человечества въ ихъ эпоху; они страдаютъ и блаженствуютъ за миллионы; они — олицетворенная идея, «личное общее» своего времени. И потому ихъ личности не суть что-нибудь преходящее, но вѣчное, никогда не умирающее. Онѣ представляютъ собой «общее», и потому до нихъ всѣхъ и каждому дѣло, всякая живая душа откликнется на ихъ имя, все интересуется ихъ участью, даже малѣйшими подробностями ихъ частной жизни. Заговорите съ послѣднимъ безгра-

могшимъ и полудикимъ русскимъ мужикомъ въ глуши отдаленной провинціи, заговорите съ нимъ о Петрѣ Великомъ, о Наполеонѣ,—и онъ будетъ васъ слушать, будетъ съ участіемъ васъ разспрашивать. «Что жъ ему Гекуба?» спрашиваете вы вопросомъ Гамлета... Общее, общее!—отвѣчаю я вамъ. Въ чемъ бы ни проявилось оно—въ исполинской ли мысли Петра преобразовать народъ; въ исполинской ли мысли Наполеона дать законы всему міру; въ исполинской ли художественной дѣятельности Шекспира; въ ужасающемъ ли патристическомъ фанатизмѣ Брута, палача горничю любимыхъ дѣтей своихъ; въ религиозномъ ли рвеніи Іоанна Гусса, и какъ бы ни кончилось оно—полной ли побѣдой и полнымъ оправданіемъ при жизни, островомъ ли св. Елены, полнотой ли славы при жизни, сдѣлавшейся въ тягость, костромъ ли:—оно общее, всѣмъ равно принадлежащее, и потому каждый и знаетъ о немъ, какъ о своихъ собственныхъ нуждахъ, хотя бы и въ-ка отдѣляли его отъ него...

Итакъ, предметъ искусства есть общее, въ значеніи котораго мы условились съ читателями. Но въ искусствѣ, какъ и въ природѣ и въ исторіи, общее, чтобъ не оставаться отвлеченной идеей, должно обособляться въ отдѣльныя органическія явленія. Поэтому всякое художественное произведеніе есть отдѣльное, особое, но проникнутое общимъ содержаніемъ—идеей. Въ художественномъ произведеніи идея съ формой должна быть органически слита, какъ душа съ тѣломъ, такъ что уничтожить форму значитъ уничтожить идею, и наоборотъ. Сущность искусства—уравновѣшеніе общаго съ особнымъ—идеи съ формой. Въ искусствѣ форма прежде всего, потому что все въ ней; она не должна быть внѣшнимъ средствомъ для выраженія идеи, но самой идеей въ чувственномъ проявленіи. И поэтому, какъ трудно опредѣлить значеніе того или другого человѣка, почти такъ же трудно и опредѣлить идею художественнаго произведенія. Единосущность идеи съ формой такъ велика въ искусствѣ, что ни ложная идея не можетъ осуществиться въ прекрасной формѣ, ни прекрасная форма быть выраженіемъ ложной идеи. Если въ произведеніи искусства форма преобладаетъ надъ идеей,—это значитъ, что идея не довольно опредѣленна и ясна для созерцанія творца, и тогда форма не можетъ быть вполне прекрасна, и произведеніе можетъ быть даже уродливо, какъ неудачный порывъ къ творческому сознанию. Таковы грубо-изваянные или грубо-вырѣзанные идолы языческихъ племенъ, стоящихъ на низкой степени развитія. Причина ихъ безобразія не

младенческое состояніе технической стороны искусства у племени, а бѣдность и, слѣдственно, неопредѣленность идеи, которая не можетъ подняться выше туманнаго предчувствія истины. Вообще недозрѣвшая мысль если и высказывается иногда удачно въ искусствѣ, то въ подробностяхъ, а не въ цѣломъ. Этимъ объясняется чудовищность символическихъ храмовъ и иделовъ Индіи, равно какъ и чудовищная огромность «Магабгараты» и «Рамайяны», въ которыхъ цѣлое поглощается длинными эпизодами, а высокія красоты поэзіи мѣняются съ дикими образами и случайностями. Египетскія статуи ужъ ближе истинному искусству; онѣ отличаются даже изяществомъ внѣшней отдѣлки; но ихъ лица бѣдны выраженіемъ, позы принужденны и связанны. Въ греческой статуѣ жизнь и свобода сочетались съ красотой и граціей; это истинные бѣги, сошедшіе на землю. Вообще въ греческомъ искусствѣ идея уравновѣсилась съ формой, и потому искусство грековъ есть болѣе искусство, чѣмъ даже искусство наибольшаго времени. Если въ искусствѣ преобладаетъ идея надъ формой, тогда искусство теряетъ свое чистое, первоначальное значеніе и, по степени преобладанія, соприкасается съ другими абсолютными сферами сознанія, дѣлаясь для нихъ какъ бы средствомъ и чрезъ то приобретаая не менѣе важное, но уже новое значеніе.

Идея народности въ искусствѣ вытекаетъ прямо изъ процесса обособленія общаго. Самое человѣчество, хотя и нѣтъ ничего выше его изъ существующаго во-внѣ, есть уже нѣчто особое,—тѣмъ болѣе народъ. Если художникъ изображаетъ въ своемъ произведеніи людей, то, во-первыхъ, каждый изъ нихъ долженъ быть человѣкомъ, а не призракомъ, долженъ имѣть фیزیономію, характеръ, нравъ, свои привычки, словомъ—всѣ индивидуальныя признаки, какими каждая личность отличается въ дѣйствительности отъ всякой другой личности. Потому каждый изъ нихъ долженъ принадлежать къ извѣстной націи и къ извѣстной эпохѣ, потому что человѣкъ внѣ національности есть недѣйствительное существо, а отвлеченное понятіе. Изъ этого ясно видно, что національность въ художественномъ произведеніи есть не заслуга, а только необходимая принадлежность творчества, являющаяся безъ всякаго усилія со стороны поэта. И потому, чѣмъ выше произведеніе въ художественномъ отношеніи, тѣмъ оно и національнѣе, и хвалить великаго художника за национальность его творенія—все равно, что хвалить великаго астронома за то, что при вычисленіяхъ своихъ онъ не ошибается въ таблицѣ умноженія.

Въ самомъ дѣлѣ, что за заслуга со стороны русскаго, что его дѣти отличаются русской физиономіей? Конечно, чтобъ быть національнымъ поэтомъ, нужно сперва быть великимъ человѣкомъ, представителемъ духа своей націи; но изъ этого-то и слѣдуетъ, что великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не національность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ: послѣднее есть только необходимое слѣдствіе перваго. При извѣстїи о вновь родившемся человѣкѣ никто не спрашиваетъ, есть ли у него глаза и руки, сколько ногъ, и нѣтъ ли роговъ и хвоста: если онъ человѣкъ, такъ ужъ само собой разумѣется, что у него есть и глаза, и руки, ногъ всего двѣ, а не четыре, а роговъ и хвоста нѣтъ. Такъ и въ искусствѣ, если произведеніе художественно, то, само собой, оно и національно; въ противномъ случаѣ, оно не можетъ быть и художественнымъ произведеніемъ, а будетъ аллегоріей, символомъ или просто надутымъ и холоднымъ призракомъ, гдѣ общее не обособилось органически, а только прикрылось лоскутками нагнутаго вымысла, который не вывелъ во-внѣ, а только закрылъ его смыслъ. Это относится не къ однимъ тѣмъ произведеніямъ, которыхъ содержаніе берется изъ дѣйствительной жизни, какъ въ романѣ, повѣсти, драмѣ, комедїи, но и къ лирическимъ поэмамъ. «Фаустъ» Гёте — міровое, обще-человѣческое произведеніе; но тѣмъ не менѣе, читая его, вы видите, что оно могло родиться только въ фантазіи нѣмца, и Байроновъ «Манфредъ», явно навѣянный «Фаустомъ», уже нисколько не вѣетъ германскимъ духомъ. Хотя Шекспиръ въ своихъ драмахъ выводилъ и не однихъ англичанъ, но французовъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и даже древнихъ римлянъ и грековъ, но, читая его, вы понимаете, что только въ Англіи могъ явиться такой драматургъ; кому эта мысль показалась бы странной, тѣхъ просимъ прочесть въ «Отечественныхъ Запискахъ» (томъ XV, 1841, книжка 4, Науки) статью Филарета Шаля «Марія Стюартъ»: этотъ историческій отрывокъ представляетъ всѣ элементы драмы, кроющіеся въ англійской исторїи. Какъ ни разнообразенъ, какъ ни мірообъемлющъ Гёте въ своихъ созданїяхъ, но каждое изъ нихъ вѣетъ нѣмецкимъ и сверхъ того еще «Гётевкимъ» духомъ. Хотя въ большей части лирическихъ пьесъ Пушкина, и даже въ нѣкоторыхъ эпическихъ его произведенїяхъ, какъ въ «Донъ-Хуанѣ», и содержаніе, и форма, повидимому, чисто европейскія; но и въ нихъ Пушкинъ является истиннымъ національнымъ русскимъ поэтомъ, уже по одному тому, что ихъ никогда нельзя смѣшать ни съ Байроновскими, ни съ Гётев-

скими, ни съ Шиллеровскими созданїями, и нельзя иначе назвать, какъ «Пушкинскими». Повторяемъ: это необходимо, это лежитъ въ сущности творчества, изъ какого бы міра ни бралъ поэтъ содержанїя для своихъ созданїй, къ какой бы націи ни принадлежали его герои, самъ онъ всегда остается представителемъ духа своей націи, смотритъ на предметы ея глазами и кладетъ на нихъ ея печать. И чѣмъ гениальнѣе поэтъ, тѣмъ общѣе его созданїя, а чѣмъ они общѣе, тѣмъ національнѣе и оригинальнѣе. Чѣмъ отличается гений отъ таланта?—Тѣмъ, что, будучи оригинальнымъ, онъ въ то же время и общѣе таланта. Гофманъ — великій талантъ, но онъ — далеко нѣжнее явленїе въ сравненїи съ Гёте и Шиллеромъ: онъ выразилъ только одну сторону германскаго духа, тогда какъ тѣ, каждый по-своему, исчерпали всю глубину его, выразили всѣ стороны его. И потому оригинальность Гофмана для многихъ кажется странностью, и многие люди съ эстетическимъ чувствомъ, понимая Шиллера и Гёте, не понимаютъ Гофмана. Причина этому не оригинальность Гофмана, а ея источникъ, не довольно общій, чтобъ могъ возвыситься ея до абсолютнаго; оригинальность все-таки остается необходимымъ условїемъ не только гения, но даже самаго значительнаго таланта: только сфера бездарности отличается безличной общностью, для которой не существуетъ ни пространства, ни времени, ни націи, ни колорита, ни тона, — которая во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, отъ начала міра до нашихъ дней, выражается однимъ языкомъ и одними и тѣми же словами.

Но условїя обособленїя общаго въ произведенїяхъ искусства не оканчиваются только національностью и оригинальностью; безъ типизма нѣтъ ни той, ни другой. Типъ (первообразъ) въ искусствѣ — то же, что родъ и видъ въ природѣ, что герой въ исторїи. Въ типѣ заключается торжество органическаго слянія двухъ крайностей — общаго и особнаго. Типическое лицо есть представитель цѣлаго рода лица, нарицательное имя многихъ предметовъ, выражаемое однако же собственнымъ именемъ. Такъ, наприимѣръ, Отелло — собственное имя, принадлежащее только одному лицу, изображенному Шекспиромъ; но, видя человѣка въ припадкѣ ревности, мы называемъ его Отелло, хотя бы этотъ человѣкъ назывался Иваномъ или Петромъ, и былъ русскій или нѣмецъ, а не мавръ. Въ этомъ же смыслѣ всѣ герои поэмъ, драмъ и повѣстей Пушкина, «Горѣ отъ Ума» Грибоедова, повѣстей Гоголя — типы. Боже мой, если посмотрѣть, на сколькихъ людей приходится такъ ловко,

какъ будто по нихъ шито, достославное имя одного Ивана Александровича Хлестакова!... Это не эклектическое собраніе рѣзкихъ чертъ одной и той же идеи, а общая идея, обособившаяся въ художественно-созданномъ лицѣ, это лицѣ и вмѣстѣ — идея; а какъ одна и та же идея является въ дѣйствительности въ безконечномъ разнообразіи, то въ лицѣ, вполне выразившемъ ее собой, видится множество лицъ.

Но и здѣсь еще не конецъ условіямъ обособленія общаго въ искусствѣ. Художественное произведеніе должно быть цѣлымъ, единымъ, особнымъ и замкнутымъ въ себѣ міромъ. Въ немъ общая идея, пріавъ плоть и образъ, такъ сказано, приковывается къ пространству и времени, и при томъ къ извѣстному пространству и къ извѣстному времени. Оно овеществляется, явившись въ формѣ: но, дѣлаясь матеріей, оно не перестаетъ быть духомъ; принадлежа ничтожному клочку земли, на которомъ разыгралась драма, оно — гражданинъ всего міра; принадлежа къ ничтожному мгновению, въ которое совершилось событіе, оно — достойнѣ вѣчности. И потому художественное произведеніе и конечно, и безконечно вмѣстѣ: конечно — потому что состоитъ въ кускѣ мрамора, въ доскуткѣ полотна, въ книгѣ, можетъ быть взято руками, перенесено, истреблено, а главное потому, что выражаетъ одинъ извѣстный случай, небольшое число людей или мгновенное ощущеніе; оно безконечно, потому что выраженный имъ случай заключаетъ въ себѣ возможность безчисленнаго множества подобныхъ случаевъ; изображенные имъ люди заключаютъ въ себѣ множество людей, которые были, есть и всегда могутъ быть, а мгновенное ощущеніе одного поэта есть достойнѣ, собственность миллионѣвъ людей, — словомъ, потому что въ его конечной формѣ выразилось безконечное, общее, непреходящее — идеи, духъ. Кто неумѣетъ въ своемъ разумнѣи примирить этихъ двухъ противоположныхъ понятій — конечнаго и безконечнаго, тотъ правъ въ отношеніи къ себѣ, хотя и виноватъ передъ истиной, думая, что «Иліада» для насъ — мертвая буква, ибо-де «мы не греки и не римляне».

Истинное и полное сліяніе общаго съ особнымъ возможно только чрезъ уравновѣшеніе идеи съ формой, слѣдственно, только въ художественной поэзіи. Мысль младенческаго народа всегда болѣе или менѣе темна, неопредѣленна, а потому и не можетъ найти себѣ равновѣснаго выраженія въ формѣ. Мысль младенческаго народа есть не разумное сознаніе, возросшее до опредѣленности въ выраженіи, а только

темное предположеніе истины, которое, слясь выразиться, не говоритъ, а лепечетъ, дополняя условными знаніями неудовимый для самой себя смыслъ своей рѣчи. Однимъ уже этимъ достаточно опредѣляется отношеніе естественной или народной поэзіи къ художественной поэзіи. Первая есть несвязный дѣтскій лепетъ; вторая — определенное слово мужа. Первая намекаетъ, вторая полагаетъ и утверждаетъ. Художественная поэзія идетъ прямо къ своей цѣли, и таинственное, неизглаголанное выражаетъ въ определенномъ словѣ; естественная поэзія прибѣгаетъ къ иносказанію, къ мѣю, которыхъ смыслъ можетъ провидѣть только посвященный, тогда какъ толпа видитъ одну басню и слѣпо вѣритъ ей, какъ непреложному историческому факту. Но художественная поэзія находится въ тѣсномъ средствѣ съ естественной, ибо, такъ сказано, вырастаетъ на ея почвѣ. Оттого она такъ любитъ пользоваться мѣическими преданіями народа и, отдѣляя отъ нихъ все случайное, воссоздавать ихъ въ новой лѣпотѣ. Однако жъ эта живая, родственная связь, это отношеніе матери къ дочери, между естественной и художественной поэзіей возможно только при одномъ условіи, sine qua non: естественная поэзія только тогда можетъ развиваться изъ самой себя въ художественную, когда она полна элементовъ «общаго». Для доказательства этого стѣбитъ только указать на греческій и тевтонско-германскій міръ. Прометей похитилъ съ неба огонь, возжегъ теплотой и свѣтомъ дотолѣ мертвыя тѣла людей; Зевсъ, увидѣвъ въ этомъ возстаніе противъ боговъ, въ наказаніе приковалъ Прометей къ скалѣ Кавказскихъ горъ и приставилъ къ нему коршуна, который безпрестанно терзаетъ внутренности Прометей, безпрестанно зарастающія. Зевсъ ожидаетъ отъ преступника покорности; но жертва горделиво сноситъ свои страданія и презрѣніемъ отвѣчаетъ палачу своему. Вотъ мѣю, котораго однако достаточно, чтобъ служить источникомъ и почвой для развитія величайшей художественной поэзіи, а у грековъ было множество такихъ мѣювъ, находившихся въ живой, органической связи между собой и переданныхъ имъ, какъ откровеніе абсолютныхъ истинъ, самой ихъ природой. И потому удивительно ли, что подобный мѣю могъ дать содержаніе для величайшей трагедіи одному изъ величайшихъ національныхъ гениевъ — Эсхилу? Удивительно ли, что тотъ же самый мѣю могъ дать содержаніе гению новѣйшаго времени — Гёте, для одного изъ колоссальнѣйшихъ его произведеній — «Прометей»? Поговоримъ о первомъ, чтобъ

проникнуть въ мысль мѡва и въ его баснѣ провидѣть общее содержаніе.

Кратосъ (сила, могущество, власть, авторитетъ), Біа (сила) и Гефестъ (богъ огня) приводятъ Прометея (провидца) къ скалѣ Кавказскихъ горъ, чтобы приковать его къ ней по повелѣнію Зевса. Кратосъ велитъ Гефесту немедленно приступить къ дѣлу; «Прометей», — говоритъ онъ, — похитилъ огонь, лучшее твое достояніе и орудіе всѣхъ искусствъ, и сообщилъ его смертнымъ; за это преступленіе онъ долженъ испытать величайшія муки—да научится покоряться волѣ Зевса.» Гефестъ повинуется, но изъявляетъ Прометею свое сожалѣніе, какъ равному себѣ богу, и при томъ караемому за доброе дѣло. «Смѣлый сынъ Ѳемиды (правосудія, справедливости), я противъ тебя и противъ себя долженъ приковать тебя къ этому утесу неразрушимыми цѣпями; вотъ что приобрѣлъ ты за свою филантропію (любовь къ людямъ)! Напрасно будешь ты жаловаться и стнать: сердце Зевса непреклонно, ибо новый повелитель всегда жестокъ бываетъ.» *) Кратосъ упрекаетъ Гефеста за его состраданіе къ Прометею, какъ за слабость, и Гефестъ, не переставая изъявлять Прометею своего соболѣзнованія, приковываетъ къ утесу обѣ его руки, приковываетъ ноги и вбиваетъ въ грудь желѣзный гвоздь. Кратосъ саркастически издѣвается надъ страдальцемъ: «Хвались теперь съ обычной твоей гордостью, говоритъ онъ: —хвались похищеніемъ божественныхъ сокровищъ, которыхъ ты передалъ своимъ эфемерамъ! Кто изъ нихъ облегчитъ твои мученія. Ошибаются называющіе тебя Прометеемъ (провидцемъ); гебъ неприлично это имя: тебѣ бы самому нуженъ былъ Прометей для предохраненія тебя отъ этого бѣдственнаго положенія.» Кратосъ, Біа и Гефестъ уходятъ; Прометей, хранившій до того молчаніе, призываетъ въ свидѣтели сдѣланнаго ему насилія эѳиръ, вѣтры, источники рѣкъ, волны морскія и землю—матеръ всего существующаго. «Но, — говоритъ онъ:—къ чему это? Я предвижу все, что должно случиться—не мнѣ страшиться непредвидѣнныхъ бѣдствій: зная необходимую силу необходимости, предадимся опредѣленію судьбы!» Является хоръ морскихъ нимфъ, дочерей Океана, жадно взывающій во изъясненіе своего состраданія къ Прометею. Хоръ говоритъ ему, что удары Гефестова молота отдались даже въ безднахъ моря, и что возмущенныя этимъ нимфы поспѣшили

сюда на колесницѣ, полунагія и босыя. Утѣшая Прометея, онѣ обвиняютъ Кронида въ несправедливости и жестокосердіи. Тогда Прометей говоритъ имъ, что Зевсъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ нему же, чтобы узвать о новомъ врагѣ, долженствующемъ низвергнуть его съ престола; но что тщетно будетъ умолять его и грозить ему, ибо онъ рѣшился хранить тайну. Далѣе Прометей рассказываетъ нимфамъ свою исторію, начиная ее съ борьбы между Крономъ и Зевсомъ, который побѣдилъ Крона, слѣдуя совѣтамъ Прометея. «И вотъ какъ вознаградилъ онъ меня! Но никому не довѣрять, даже друзьямъ своимъ, — обыкновенная болѣзнь тирановъ!» Далѣе рассказываетъ, что Зевсъ, одолѣвъ Крона, началъ раздавать богамъ милости и дары, чтобы утвердить свое владычество, а несчастныхъ смертныхъ рѣшился совершенно истребить; но что онъ, Прометей, одинъ воспротивился тому, сообщилъ людямъ огонь, могучій способствовать къ открытію многихъ искусствъ, просвѣтилъ и укрѣпилъ души ихъ, испѣлалъ ихъ отъ боязни смерти и возродилъ въ нихъ утѣшительную надежду... Наконецъ, Прометей убѣждаетъ нимфъ сойти съ ихъ окрыленной колесницы, чтобы удобнѣе разслушать повѣсть о его несчастяхъ, и нимфы оставляютъ «безоблачный эѳиръ, служащій птицамъ путемъ къ горячей вершинѣ скалы.» Вдругъ появляется Океанъ на «птицѣ съ быстрыми крыльями», утѣшаетъ Прометея, совѣтуетъ ему не раздражать Зевса обидными выраженіями и общается въпросить ему у Кронида освобожденіе. Прометей отвѣчаетъ ему, что это будетъ бесполезно для страдальца и опасно для ходатая, благодаритъ его за участіе и отказывается отъ помощи. По удаленіи Океана Прометей говоритъ нимфамъ: «Если молчу я, то не думайте, что отъ гордости или оскорбленія; но я въ мысляхъ пожираю сердце мое, видя себя столь несправедливо утѣшеннымъ.» Потомъ онъ исчисляетъ свои благодѣянія людямъ и предрекаетъ, что владычество Зевса должно имѣть конецъ, что ему, Прометею, извѣстно какъ время, когда это совершится, такъ и имя того, кто низвергнетъ Кронида. На мольбу нимфъ открыть имъ эту тайну Прометей возражаетъ: «Напрасно будете вы упрашивать: я долженъ и буду хранить эту ужасную тайну.» Зевсъ посылаетъ Гермеса къ Прометею, чтобы исторгнуть у него роговую тайну. Прометей говоритъ, что онъ знаетъ ее, но не скажетъ,—и въ горделивомъ презрѣніи къ низкому слугѣ веселится мыслью о неизбѣжномъ паденіи его властелина. Гермесъ грозитъ ему молніями и громами тучегонителя но Прометей непоколебимъ: въ

*) Намекъ на похищеніе Зевсомъ Кронува престола.

сознаніи правоты своей онъ презираетъ Зевса и власть его. Молнія расшибаетъ скалу—и Прометей исчезаетъ вмѣстѣ съ нею...

Мы взяли бы на себя слишкомъ смѣлый и тяжелый трудъ, еслибы захотѣли объяснить удовлетворительно смыслъ великаго мѣта о «Прометѣ»: и потому довольно будетъ намекнуть на него.

Прометей и Зевсъ—это божество, раздѣлившееся на самого себя, это сознаніе, распавшееся на двѣ стороны, которыя, по закону діалектическаго развитія, враждебно стали одна къ другой. Зевсъ—это непосредственная полнота сознанія; Прометей—это сила рассуждающая, духъ, не признающій никакихъ авторитетовъ, кромѣ разума и справедливости. Зевсъ возсталъ на отца своего, Крона, съ громами и молніями; Прометей возсталъ на Зевса съ мыслью и словомъ. Прометей въ правѣ былъ сказать своему могучему противнику: «ты сердисься, Юпитеръ: слѣдовательно, ты не правъ!» И потому Зевсъ могъ его уничтожить, но не устранилъ и не преклонилъ. Горделивая твердость, полное сознаніе своего достоинства и своей правоты, самоотверженіе Прометея было оправданіемъ его пророчества о концѣ власти Зевса: Зевсъ не правъ, и потому долженъ будетъ уступить свое владычество другой, болѣе справедливой власти. Чтò же значить коршунъ, терзавшій безпрестанно сраставшіяся внутренности похитителя небеснаго огня?—на это у Эхила лучшій отвѣтъ даетъ самъ Прометей: «Я въ мысляхъ пожираю сердце мое!» Это грустная дума, какъ червь грызущая сердце и подтачивающая корни жизни; это муки распада. Зевсъ не правъ, но онъ еще существуетъ, и власть его еще сильна—онъ еще мститъ своему противнику; зачѣмъ же онъ силенъ, если онъ не правъ? Затѣмъ, что Прометей суждено только начать великое дѣло, а не кончить его; онъ—только очистительная жертва общаго дѣла, а не торжествующій побѣдитель; онъ далъ движеніе сознанію, которое безъ него коснѣло бы въ недѣятельности, но онъ еще не видѣлъ результата сознанія: онъ началъ борьбу, но не ему суждена полная побѣда. Чтò же такое огонь, похищенный Прометеемъ съ неба и сообщенный имъ людямъ?—Это мысль, сознаніе, пробудившее людей отъ мертваго сна животной непосредственности. Прометей далъ знать людямъ, что въ истинѣ и знаніи они—боги, что грома и молніи еще не доказательства правоты, а только доказательства неправой власти. Пробуждено сознаніе въ людяхъ,—и паденіе Зевса уже неизбежно; рано или поздно, но алтари его сокрушатся, и колѣни смертныхъ преклонятся предъ Богомъ правды и истины, лю-

бви и милости... Глубокознаменательный мѣтъ, необъятный, какъ вселенная, вѣчный, какъ разумъ!..

«Прометей» Гёте въ нѣкоторомъ смыслѣ есть поэтическій комментарий на Эхилова «Прометей». Это та же древняя мысль, но высказанная яснѣе, опредѣленнѣе развитая подробнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, получившая новую силу и новое значеніе влѣдствіе всемірно-историческаго развитія. Борьба идеи съ авторитетомъ не кончилась съ Прометеемъ: она не разъ возобновлялась, и даже едва или еще рѣшена и теперь. Достоверно можно сказать только, что вопросъ теперь вполнѣ уяснился, и Прометей нашего времени заранѣе торжествуютъ побѣду и уже не боятся хищнаго коршуна. Отъ этого «Прометей» Гёте имѣетъ для насъ значеніе самобытнаго созданія, и по преимуществу есть поэма нашего времени. Мы слишкомъ отделились бы отъ своего предмета, если бы стали излагать содержаніе великой поэмы Гёте, но слѣдующій отрывокъ можетъ намекнуть на ея основную мысль. Прометей начисто отказывается Меркурію въ повиновеніи богамъ; Меркурій напоминаетъ ему, что они заботились о немъ, когда онъ былъ дитятею; Прометей ему отвѣчаетъ:

За это гѣшились они
Моиъ повиновеньемъ
И мной, ребенкомъ, управляли
По вѣтру прихотей своихъ.

МЕРКУРІЙ.

Они тебѣ защитой были.

ПРОМЕТЕЙ.

А отъ чего?—отъ бѣдствій,
Передъ которыми дрожали сами?
Они предохранили развѣ сердце
Отъ амѣи, меня снѣдавшихъ втайнѣ?
Они ли оковали силою грудь
На страхъ титанамъ?
Не время ль мужемъ сдѣлало меня,
Всесильное, единственное время,
Нашъ общій властелинъ?

МЕРКУРІЙ.

Несчастный! ты богамъ безсмертнымъ
Держашь это говорить?

ПРОМЕТЕЙ.

Богамъ?—А я не богъ?...
Всесильные! безсмертные!
Ну, чтò вы?
Вы можете ли все пространство
И небо, и земли
Въ десницѣ заключить моей?
Властны ли вы
Меня отъ самого себя отторгнуть?
Вы можете ли увеличить,
Распространить меня на цѣлый міръ?

МЕРКУРИЙ.

Судьба!

ПРОМЕТЕЙ.

Ея могущество
Ты, стало, признаешь?
Я — также.
Иди, я не служу рабамъ!

Не даромъ боги греческіе признавали надъ собою неотразимую власть судьбы: судьба — эта была та темная граница, за которую не переступало сознание древнихъ; христіанство перешагнуло чрезъ эту границу, и послѣдній, великій представитель язычества Юліанъ тщетно силился поддержать всей силой своего гения сокрушающіеся алтари боговъ: они пали сами собою...

«Иліада» — народное произведение; но посмотрите, какъ общи элементы этого дивнаго созданія древности! Оставляя оъ сторонѣ его основную мысль, оставляя въ сторонѣ всѣхъ другихъ героевъ, взглянемъ только на Ахилла. Ръанный и могучій герой, онъ тяжко оскорбленъ Агамемнономъ; онъ могъ бы вызвать его на бой, какъ равный равнаго, какъ царь царя; онъ побѣдилъ бы его, какъ герой и полубогъ, а если бы и палъ самъ, по крайней мѣрѣ не пережилъ бы позора и обиды. И что же? Онъ удаляется въ шатеръ, играетъ на лирѣ и льетъ тихія слезы... Что ему побѣда и отмщеніе? ему нужна справедливость; его сердце страдаетъ не отъ безсилія, а отъ несправедливости; ему нужна не побѣда, и справедливость со стороны обидчика... Видите ли вы здѣсь «человѣка» въ эпоху звѣрскаго героизма?... Убить другъ его юности, братъ его сердца, — онъ, могучій, бросается на землю, покрываетъ пепломъ свою прекрасную голову, бьетъ себя въ перси, горько рыдаетъ, не зная сна и пищи. Но наступила минута — и онъ востаетъ, страшный, могучій, и горе тебѣ, Гекторъ, убійца Патрокла! Двѣнадцать полоненныхъ юношей принесено въ жертву горестной тѣни Патрокла; связанные, пали они отъ копыта Пелида... Звѣрство! — скажете вы; но тогда было время звѣрства, и тѣмъ утѣшительнѣе видѣть проблески человѣчности въ самыхъ звѣркахъ. Мщеніе не утоляетъ тоски Ахилла: много принесено кровавыхъ жертвъ Патроку; самъ убійца его, Гекторъ, палъ отъ руки Ахилла, а Ахиллъ попрежнему не смыкаетъ глазъ, стена и рыдая... Только разъ сомкнувшись на минуту очи героя — и ему явилась блѣдная, молящая тѣнь безвременно погибшаго друга —

Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный;

Та же и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу знакомый!

Безпачно губя троянъ, Ахиллъ встрѣчается съ однимъ изъ Пріамовыхъ сыновей: обнимаемая колѣни губителя, молить его несчастная жертва о пощадѣ и жизни, обѣщая за себя богатый выкупъ;

.....но услышалъ не жалостный голосъ:
Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
Такъ доколѣ Патрокль наслаждался сіяніемъ солнца,
Миловать Трои сыновъ мнѣ иногда было приятно,
Многихъ изъ васъ полонилъ, и за многихъ выкупъ я принялъ.
Нынѣ пощадь вамъ вѣтъ никому, кого только демонъ
Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами Пріамовой Трои!
Всѣмъ вамъ, троянамъ, смерть; и особенно дѣтямъ Пріама!
Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
Умеръ Патрокль, несравненно тебя превосходившій смертныи!
Видишь, каковъ я и самъ: и красивъ, и величественъ видомъ;
Сынъ отца знаменитаго; матеръ имѣю богиню!
Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнутъ;
Смерть придетъ и ко мнѣ поутру, ввечеру или въ полдень,
Быстро, лишь враль и мой на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
Или копьемъ поразивъ, или крылатой стрѣлою изъ лука.

(П ѣ с н ь XXI).

Кто не увидитъ въ этомъ героя и полубога? А героическое и божественное только въ общемъ, въ идеѣ. Но «Иліада», какъ и всѣ произведенія Греціи, не идетъ въ примѣръ народной поэзіи, полной элементовъ «общаго»: въ греческой поэзіи совершился процессъ гармоническаго уравновѣшенія идеи съ формой, и потому греческая поэзія, будучи народной, въ то же время и художественна въ высшей степени, и не въ примѣръ другимъ. Если мы сослались на нее, то для того, чтобъ яснѣе, живымъ фактомъ, объяснить читателямъ, что мы разумемъ подъ «элементами общаго» въ искусствѣ. Теперь мы можемъ обратиться къ поэзіи, чисто-народной, совершенно естественной, но въ то же время и полной «элементами общаго», — къ поэзіи народовъ тевтонскаго племени, представителей новѣйшаго европеизма. Здѣсь мы будемъ кратки, ибо послѣ предшествовавшихъ объясненій намъ достаточно самыхъ легкихъ указаній. Итакъ, прежде всего просимъ читателей вспомнить разборъ нашъ Тегнерова «Фритюфа», переведеннаго по-русски Гротомъ. Дѣйствіе этой

позмы происходят во времена варварства; но сколько человеческого, великаго, возвышеннаго совершается въ это время варварства! Какія дивныя смена мысли кроются въ дѣлахъ, чувствахъ и воззрѣніи на жизнь этихъ полудивныхъ скандинавовъ! Это міръ рыцарства въ зародышѣ, это міръ великихъ подвиговъ, благороднаго самоотверженія, обожанія чести, славы и красоты, міръ доблести, любви, вѣрности обѣтамъ, неизмѣняемости клятвъ, міръ возвышенныхъ страстей стремленіе къ безконечному, общественной нравственности! Чтобъ не зайти далеко въ отступление, укажемъ только на отвѣтъ Фритіофа пѣстуну его, представлявшему ему несбыточность его надеждъ, высоту сана обожаемой имъ женщины.

Нѣтъ, женамъ мужество любеано,
И сила стодитъ красоты!

Итакъ, для этихъ дивныхъ сыновъ Сѣвера уже было рѣшено, что красота—великое явленіе духа, что ей всѣ жертвы, все обожаніе, что ей и сладчайшія надежды пылкой юности, и умиленный восторгъ сѣдой старости... Да, для этихъ разбойническихъ ордъ, грабившихъ Европу, вопросъ о достоинствѣ красоты былъ уже рѣшенъ... Кто же зародилъ въ нихъ этотъ вопросъ? кто рѣшилъ его имъ?—Никто; но крайней мѣрѣ, не они: все это было непосредственнымъ проявленіемъ національной субстанции ихъ духа... Итакъ, красотѣ отдааны всѣ ея права: варваръ норманнъ настаиваетъ только на томъ, что и мужество стодитъ красоты. Слѣдовательно, по его понятію, женщина была не хозяйка, а представительница красоты на землѣ, вдохновительница на высокіе подвиги и награды за нихъ; мужчина не хозяинъ, а представитель силы и могущества, подвигоположникъ; тотъ и другая вмѣстѣ—дубъ, осѣняющій широколиственными вѣтвями прекрасную розу... Какое вѣрное понятіе объ отношеніяхъ половъ! въ немъ видна мысль.

Теперь скажемъ или, лучше, перескажемъ одну нѣмецкую богатырскую сказку;— оно же и кстати, потому что сейчасъ намъ должно будетъ говорить о русскихъ сказкахъ.— Въ миѳическія времена Германіи, гораздо за долго до Тацита, оставившаго намъ извѣстія о древне-германскомъ бытѣ, жилъ богатырь, огромный, преогромный, до того, что высочайшіе сосны и дубы, которые вырывать онъ съ корнемъ могучей рукой, едва годились ему на посохи. У этого богатыря былъ другъ, тоже великій богатырь; и еще была у него—какъ бы сказать?—по-нашему, по-русски—любовница или полюбовница; а по-нѣмецки Geliebte—возлюбленная. (Кстати: наши русскія слова «любовникъ и любовница» ужасно опошлись, такъ что де-

ругъ уши, а «возлюбленный и возлюбленная» немного отзываются «высокимъ слогомъ»...) И вотъ Geliebte или возлюбленная богатыря влюбилась въ его друга, да и давай преслѣдовать его своей любовью; но вѣрный дружбѣ, честный богатырь съ богатырской рѣшимостью отвергнулъ ея любовь. Оскорбленная отказомъ, она замѣняетъ любовь мщеніемъ и клеветами; доуками, ласками, доводитъ своего мужа до того, что онъ убиваетъ своего друга соннаго... Но это было съ его стороны не злодѣйствомъ, а минутой слабости; подавшись обаянію любимой женщины, онъ вдругъ просыпается въ сознаніи своего ужаснаго преступленія. «Поди отъ меня прочь!» говоритъ онъ обольстительницѣ, — ты не нужна мнѣ больше; изъ любви къ тебѣ я сдѣлалъ злодѣйство—убилъ моего друга, моего брата; послѣ этого я не могу ни любить тебя больше, ни жить!» И на могильномъ холмѣ своего друга онъ принесъ себя въ жертву его оскорбленности.

Жальемъ, что на этотъ разъ, не имѣя подъ рукой источника, мы не могли передать этой трагической легенды ея собственными простодушными и энергическими словами, но изъ нашего полупуточнаго разсказа читатели поймутъ, въ чемъ дѣло,—и въ грубой сказкѣ увидятъ основанія чело-вѣчности, элементы «общаго»... Послѣ этого понятно, какъ могла у нѣмцевъ явиться такая великая, такая самобытная художественная литература: для нея была готова родня почва, богатая дивными сѣменами... Теперь мы можемъ обратиться къ русской народной поэзіи на основаніи сборниковъ, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ этой статьи.

III.

Поэзія всякаго народа находится въ тѣсномъ соотношеніи съ его исторіей; въ поэзіи и въ исторіи равнымъ образомъ заключается таинственная психя народа, и потому его исторія можетъ объясняться поэзіей, а поэзія—исторіей. Мы разумѣемъ здѣсь внутреннюю исторію народа, которой объясняются внѣшнія и случайныя событія въ его жизни. Но какъ есть народы, существовавшіе только внѣшнимъ образомъ, то ихъ поэзія можетъ служить не объясненіемъ ихъ исторіи, а только обьяненіемъ ничтожества ихъ исторіи. Источникъ внутренней исторіи народа заключается въ его «міросозернаніи» или его непосредственномъ

взглядъ на мѣръ и тайну бытія. Миросовершенство народа выказывается прежде всего въ его религиозныхъ мнѣяхъ. На этой точкѣ обыкновенно поэзія слита съ религіей, и жрецъ есть или поэтъ, или истолкователь мнѣческихъ поэмъ. Естественно, эти поэмы—самыя древнѣйшія. Въ вѣкъ героизма поэзія начинаетъ отдѣляться отъ религіи и составляетъ особую, болѣе независимую область народнаго сознанія. За героическимъ періодомъ жизни народа слѣдуетъ періодъ гражданской и семейной жизни. На этой точкѣ поэзія дѣлается вполнѣ самостоятельной областью народнаго сознанія, переходитъ въ дѣйствительную жизнь, начинаетъ совпадать съ прозой жизни, изъ поэмы становится романомъ, изъ гимна—пѣсню; тогда же возникаетъ и драма, какъ трагедія и комедія. Въ послѣднемъ періодѣ поэзія изъ естественной или народной дѣлается художественной. Если же народъ, переживъ мнѣческий и героическій періодъ своей жизни, не пробуждается къ сознанію и переходитъ не въ гражданственность, основанную на разумномъ развитіи, а въ общественность, основанную на преданіи, и остается въ естественной безсознательности семейнаго быта и патриархальныхъ отношеній,—тогда у него не можетъ быть художественной поэзіи, не можетъ быть ни романа, ни драмы. Эпопею его составляютъ сказка и историческая пѣсня, которой характеръ по большей части опять-таки сказочный. Сравненіе казацкихъ малороссійскихъ пѣсней съ русскими историческими пѣснями лучше всего подтверждаетъ нашу мысль: характеръ первыхъ — поэтически-историческій; характеръ вторыхъ, какъ мы увидимъ далѣе, чисто-сказочный, и при томъ больше прозаическій, чѣмъ поэтический. Лирическая поэзія всякаго, хотя бы и гражданскаго, но еще не сознавашаго себя общества, состоитъ только въ пѣснѣ—простодушномъ изліаніи горя или радости сердца, въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу общественныхъ и семейныхъ отношеній. Это или жалоба женщины, разлученной съ милымъ сердца и насильно выданной за немилаго и постылаго, тоска по родинѣ, заключающейся въ родномъ домѣ и родномъ селѣ, ропотъ на чужбину, на варварское обращеніе мужа и свекрови. Если герой пѣсни—мужчина, тогда—воспоминаніе о милой, ненависть къ женѣ, или ропотъ на горькую долю молодецкую, или звуки дыкаго, отчаяннаго веселья—насилъственный мгновенный выходъ изъ рвущей душу тяжелой тоски. Таково по большей части содержаніе всѣхъ русскихъ народныхъ пѣсней. Это содержаніе почти всегда одно и то же; разнообразія и отбѣнокъ чувства нѣтъ, а мысль вся заклю-

чается въ монотонномъ и простодушномъ чувствѣ. Такая поэзія лучше самой исторіи свидѣтельствуетъ о внутреннемъ бытѣ народа, можетъ служить мѣркой его гражданственности, повѣркой его человѣчности, зеркаломъ его духа. Такая поэзія нѣма и бесполезна для людей чуждой націи, и понятна только для того народа, въ которомъ родилась она,—подобно бессвязному лепету младенца, понятному и разумному только для любящей его матери.

Въ мнѣческой и героической поэзіи народа заключается субстанція его духа, по которой, какъ по данному факту, можно судить о томъ, чѣмъ будетъ народъ, что и какъ можетъ изъ него развиваться впоследствии. Здѣсь слова «что и какъ» показываютъ историческую судьбу народа: такъ, напримѣръ, мы увидимъ ниже, что изъ памятниковъ русской народной поэзіи можно доказать великій и могучій духъ народа... Вся наша народная поэзія есть живое свидѣтельство безконечной силы духа, которому надлежало однако жъ быть возбужденному извнѣ. Отсюда понятно, почему величайшій представитель русскаго духа—Петръ Великій, совершенно отрывая свой народъ отъ его прошедшаго, стремясь сдѣлать изъ него совсемъ другой народъ, все-таки провидѣлъ въ немъ великую націю и не вотще пророчествовалъ о ея великомъ значеніи въ будущемъ. Отсюда же понятно, почему величайшій и попреимуществу національный русскій поэтъ — Пушкинъ воспиталъ свою музу не на материнскомъ лонѣ народной поэзіи, а на европейской почвѣ, былъ приготовленъ не «Словомъ о Полку Игоревомъ», не сказочными поэмами Кириши Данилова, не простонародными пѣснями, а Ломоносовымъ, Державинымъ, Фонвизинимъ, Богдановичемъ, Крыловымъ, Озеровымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ—писателями и поэтами подражательными и нисколько не національными, за исключеніемъ одного Крылова, котораго басни, будучи національными, все-таки не суть вполнѣ самобытное явленіе, ибо ихъ образцы найдены Крыловымъ не въ народной поэзіи, а у француза Лафонтена. Такова естественная поэзія всѣхъ славянскихъ племенъ; богатая чувствомъ и выраженіемъ, она бѣдна содержаніемъ, чужда элементовъ общаго, и потому не могла сама собой развиваться въ художественную поэзію. Если русскіе и, можетъ быть, еще чехи могутъ гордиться нѣсколькими великими или примѣчательными поэтическими именами,—они первоначально обязаны этимъ соприкосновенности своей исторіи къ исторіи Европы и усвоеннымъ у Европы элементамъ

жизни. Прочія славянскія племена—болгары, сербы, далматы, иллирійцы и другія, остались при одной народной поэзіи, которая безсилна возвыситься на степень художественной. Что же касается до малороссіянъ, то смѣшно и думать, чтобы изъ ихъ, впрочемъ, прекрасной, народной поэзіи могло теперь что-нибудь развиться: изъ нея не только ничего не можетъ развиться, но и сама она остановилась еще со временъ Петра Великаго: двинуть ее возможно тогда только, когда лучшая, благороднѣйшая часть малороссійскаго населенія оставитъ франпузскую кадрилъ и снова примется плясать тропака и гонака, фракъ и сюртукъ перемѣнитъ на жупанъ и свитку, выбрѣтетъ голову, отпуститъ оселедецъ, — словомъ, изъ состоянія цивилизаціи, образованности и человѣчности (пріобрѣтеніемъ которыхъ Малороссія обязана соединенію съ Россіей) снова обратится къ прежнему варварству и невѣжеству. Литературнымъ языкомъ малороссіянъ долженъ быть языкъ ихъ образованнаго общества—языкъ русскій. Если въ Малороссіи и можетъ явиться великій поэтъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобы онъ былъ русскимъ поэтомъ, сыномъ Россіи, горячо принимающимъ къ сердцу ея интересы, страдающимъ ея страданіемъ, радующимся ея радостью. Племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ менѣе великихъ поэтовъ: великіе поэты являются только у великихъ націй, а что за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія? Живое доказательство этой истины въ Гоголь: въ его поэзіи много чисто-малороссійскихъ элементовъ, какихъ нѣтъ и быть не можетъ въ русской; но кто же назоветъ его малороссійскимъ поэтомъ? Равнымъ образомъ не пріхотъ и не случайность заставили его писать по-русски, не по-малороссійски, но глубоко-разумная внутренняя причина, — чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что на малороссійскій языкъ нельзя перевести даже «Тараса Бульбу», не только «Невскаго Проспекта». Правда, содержаніе «Тараса Бульбы» взято изъ сферы народной жизни, но въ немъ авторъ не былъ поглощенъ своимъ предметомъ: онъ былъ выше его, властвовалъ надъ нимъ, видѣлъ его не въ себѣ, а передъ собой, и потому во многихъ мѣстахъ его разсказа замѣтенъ его личный взглядъ, его субъективное воззрѣніе;—эти-то мѣста и нельзя передать на малороссійское нарѣчіе, не опростонародивъ, такъ сказать, не омужививъ ихъ,—не говоримъ уже о томъ, что вся повѣсть, исключая разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, написана литературнымъ языкомъ, какимъ никогда не можетъ быть

языкъ малороссійскій, сдѣлавшійся теперь провинціальнымъ и простонароднымъ нарѣчіемъ.

Мы сказали, что племя или даже народъ, еще не пробудившійся изъ естественнаго состоянія къ самосознанію, можетъ имѣть только народныя поэмы и пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ болѣе—великихъ поэтовъ. Истина этого положенія доказывается самыми фактами. Кромѣ грековъ, которые по причинамъ, изложеннымъ нами во второй статьѣ, не могутъ служить примѣромъ, когда дѣло идетъ о чисто-народной (въ смыслѣ естественной, непосредственной) поэзіи,—кромѣ грековъ, у всѣхъ народовъ или мало извѣстны, или совсѣмъ неизвѣстны творцы народныхъ произведеній; но вездѣ самъ народъ является ихъ творцомъ. Разумѣется, всякое отдѣльное народное произведеніе было обязано своимъ началомъ одному лицу, которое, съ горя или съ радости, вдругъ запѣло его; но, во-первыхъ, это лицо, сочинивъ или, говоря его собственнымъ языкомъ, сложивъ пѣсню, само не знало, что оно—поэтъ и смотрѣло на свое дѣло не какъ на дѣло, а скорѣе какъ не бездѣлье отъ нечего дѣлать; во-вторыхъ, пѣсни, переходя изъ устъ въ уста, претерпѣвала много измѣненій, то увеличиваясь, то убавляясь, то улучшаясь, то искажаясь, смотря по степени присутствія или отсутствія поэтическаго чувства въ пѣвшихъ ее. Если у народа нѣтъ письменъ,—его поэтическія произведенія по необходимости хранятся въ народной памяти и изустно передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію; если у народа есть письмена,—его поэтическія произведенія опять-таки хранятся въ памяти и живутъ въ устахъ его, потому что народъ, невооруженный до самопознанія, почитаетъ униженіемъ для высокаго искусства писанія заниматься «пересыпаніемъ изъ пустого въ порожнее», т. е. поэзію. Такъ по крайней мѣрѣ было на Руси, хотя и не такъ было даже у восточныхъ народовъ—индусовъ, арабовъ, персовъ, китайцевъ и другихъ. Какія бы ни были причины этого явленія, но авторомъ русской народной поэзіи является самъ русскій народъ, а не отдѣльныя его лица,—и скудная сокровищница его произведеній состоитъ большей частью изъ безчисленныхъ вариантовъ слишкомъ немногихъ текстовъ. Обратимся къ нимъ и начнемъ съ эпическихъ произведеній.

Эпическія поэмы бываютъ трехъ родовъ: космогоническія и мифическія, въ которыхъ выражается непосредственное воззрѣніе народа на происхожденіе міра, религіозныя и философскія созерцанія; сказочныя, въ которыхъ видна особенность

народной фантазіи, и которыя составляют это баснословно-героическаго быта мледечествующаго народа, и историческія, въ которыхъ хранятся поэтическія преданія объ исторической жизни народа, уже ставшаго государствомъ. Первыхъ, т. е. космогоническихъ и мифическихъ, у насъ нѣтъ почти совсѣмъ, а если бы что въ этомъ родѣ и нашлось со временемъ, такъ едва ли стоить вниманія. Причина очевидна: мифологія всѣхъ славянъ вообще, особенно сѣверо-восточныхъ, играла въ ихъ жизни слишкомъ незначительную роль. Одно слово Владиміра могло въ одинъ день и навсегда уничтожить наше язычество. Его подданные какъ будто чувствовали, что не изъ чего хлопотать и не за что стоять,—а всѣ люди ужъ такъ созданы, что изъ ничего и не бьются. Хотя Сахаровъ въ своей книгѣ «Сказанія Русскаго Народа» и сильно возстаетъ противъ Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки и Кайсарова за искаженіе славяно-русской мифологіи; но его, впрочемъ энергическое, возстаніе доказываетъ только, что совершенно не изъ чего и не за что было возставать. Сахаровъ признаетъ истинными славянскими богами только тѣхъ, о которыхъ упоминается въ хроникѣ Нестора, а въ ней упоминается, и то вскользь, мимоходомъ, только о семи богахъ (Перунѣ, Волосѣ, Дажьбогѣ, Стрибогѣ, Семерглѣ, Хрсѣ и Мокосиѣ), почти безъ всякаго объясненія ихъ значенія, атрибутовъ, обрядовъ богослуженія и пр. Сахаровъ ожидаетъ отъ будущихъ трудовъ нашихъ археологовъ великихъ открытій и поясненій касательно славянской мифологіи; что касается до насъ, мы ровно ничего не ожидаемъ, по самой простой причинѣ: археологія прекрасная наука, но безъ данныхъ, безъ фактовъ она рѣшительно ни къ чему не служитъ, потому что какъ ни мудрите, а изъ ничего не добьетесь ничего. Итакъ, этотъ предметъ въ сторону:—«на нѣтъ и суда нѣтъ»; а если когда что найдется, такъ мы тогда и поговоримъ.

Древнѣйшій памятникъ русской народной поэзіи въ эпическомъ родѣ есть, безъ сомнѣнія, «Слово о Пълку Игоревѣ». Хотя известно нѣскольکو сказокъ, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, о его знаменитыхъ богатыряхъ — Добрынѣ, Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ и пр., но эти сказки явно сложены въ гораздо позднѣйшее время, послѣ татарскаго владычества: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака язычества, которое, каково бы оно ни было, не могло же не отразиться хоть внѣшнимъ образомъ въ современной ему эпохѣ, когда христіанство еще не успѣло утвердиться въ народѣ. Въ

этихъ же сказкахъ не замѣтно ни малѣйшей смѣси языческихъ понятій съ христіанскими. Мало этого: духъ и тонъ этихъ сказокъ явно отзываются новѣйшимъ временемъ, когда Русь была уже переплавлена горниломъ татарскаго ига въ единое государство. Какая-то прозаичность въ выраженіи, простанародность въ чувствахъ и поговоркахъ царствуетъ въ этихъ сказкахъ. Ничего этого нѣтъ и тѣни въ «Словѣ о Пълку Игоревѣ»: это произведеніе явно современное воспѣтому въ немъ событію и носитъ на себѣ отпечатокъ поэтическаго и человѣчнаго духа Южной Руси, еще неизвѣстной варварскаго ярма татарщины, чуждой грубости и дикости Сѣверной Руси. Въ «Словѣ» еще замѣтно влияніе поэзіи языческаго быта; изложеніе его болѣе историческо-поэтическое, чѣмъ сказачное; не отличаясь особенной стройностью въ повѣствованіи, оно отличается благородствомъ тона и языка. Понятно, какъ нѣкоторымъ могла прийти въ голову мысль, что это произведеніе есть поддѣлка въ родѣ Оссановыхъ поэмъ: въ немъ боярینی не пьютъ зелена вина, не бьются другъ друга; нѣтъ площадныхъ выраженій, нѣтъ чудовищныхъ образовъ, нѣтъ признаковъ тѣхъ грубо-мѣщанскихъ обычаевъ, которыми преисполненъ сборникъ Кириши Данилова.

«Слово о Пълку Игоревѣ» подало поводъ къ жестокой войнѣ между нашими археологами и любителями древности: одни видятъ въ немъ дивное произведеніе поэзіи, великую поэмѣ, благодаря которой намъ нечего завидовать «Илиадѣ» грековъ; другіе отвергаютъ древность его происхожденія. Видятъ въ немъ позднѣйшее и при томъ поддѣльное произведеніе; третьи не видятъ въ «Словѣ» никакого поэтическаго достоинства. Что касается до насъ, мы рѣшительно не согласны ни съ тѣми, ни съ другими. «Слово о Пълку Игоревѣ» такъ же похоже на «Илиаду», какъ славяне его времени на грековъ, а Игорь и Всеволодъ—на Ахилла и Патрокла. Пѣвца «Слова» такъ же нельзя равнять съ Гомеромъ, какъ пастуха, прекрасно играющаго на рожкѣ, нельзя равнять съ Моцартомъ и Бетховеномъ. Но тѣмъ не менѣе это «Слово»—прекрасный, благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи, достойный вниманія, памяти и уваженія. Что же касается до того, точно ли «Слово» принадлежитъ XII или XIII вѣку, и не поддѣльное ли оно: на это сама поэма лучше всего отвѣчаетъ, если только объ ней судить на основаніи самой ея, а не по разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ.

Очень жаль, что «Слово о Пълку Игоревѣ» можно читать только отрывками, пото-

му что многія мѣста въ немъ искажены писцами до бессмыслицы, а нѣкоторыя темны потому, что относятся къ такимъ современнымъ обстоятельствамъ, которые вовсе непонятны для русскихъ XIX вѣка. Да при томъ, кто поручится, что въ единственной найденной рукописи «Слова» не пропущены цѣлыя мѣста? Кому случилось читать въ рукописяхъ ходячія по рунамъ поэмы Пушкина, тотъ не будетъ удивляться искаженію «Слова» какимъ-нибудь безграмотнымъ и невѣжественнымъ писцомъ XIV-го или XV-го вѣка. Если бъ по одному изъ подобныхъ списковъ надо было возстановить черезъ два столѣтія текстъ, напримѣръ, хоть «Кавказскаго Пѣлнника», то возстановитель принужденъ былъ бы отказаться отъ такого несовершеннаго подвига. А что бессмыслицы и темноты «Слова о Пѣлкѣ Игоревѣ» принадлежать не его автору, а писцу—неопровержимымъ доказательствомъ этому служатъ поэтическія красоты въ подробностяхъ и интересъ цѣлаго повѣствованія поэмы. Но возстановить текста нѣтъ никакой возможности: для этого необходимо имѣть нѣсколько рукописей, которыя можно было бы сличить. Хотя наши любители русской старины не только пытались объяснить и переводить сомнительныя мѣста въ поэмѣ, но и остались въ увѣренности, что успѣли въ этомъ, однако жъ мы тѣмъ не менѣе должны отказаться отъ мысли видѣть въ «Словѣ» полное и цѣлое произведеніе. Какъ бы то ни было, чтобъ сдѣлать заключеніе о поэтическомъ достоинствѣ этой поэмы, изложимъ ея содержаніе.

Авторъ «Слова» начинается обращеніемъ къ слушателямъ, обѣщая имъ пѣсню по «былинамъ своего времени, а не по замышденію Бояню: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрмымъ вѣлкомъ по земли, сизымъ орломъ подь облакъ.» Это указаніе на Бояна очень любопытно: значить, былъ человекъ, прославившійся пѣснями. Наши литераторы и пѣты добраго стараго времени (которое, впрочемъ, очень недавно было еще новымъ) сдѣлали изъ Бояна нарицательное имя въ родѣ минстреля, трувера, трубадура, барда и, обрадовавшись этому, начали прославлять процвѣтаніе богатой русской литературы до XII вѣка. Но изъ «Слова» ясно видно, что Боянъ—имя собственное, принадлежавшее одному лицу, вѣроятно, жившему во времена язычества или вскорѣ по его паденіи, которое было вмѣстѣ и паденіемъ поэзіи, съ тѣхъ поръ ставшей на Руси бѣсовскою потѣхой, «пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее». Частыя обращенія пѣвца Игорева къ Бояну,—обращенія, исполненныя энтузіазма и благородныхъ поэ-

тическихъ образовъ, не допускаютъ никакого сомнѣнія въ существованіи этого Бояна, «соловья стараго времени». Конечно, это не былъ Гомеръ своего рода, какъ думалъ Шишковъ, ни даже что-нибудь похожее на творца «Илиады», но послѣ похвалъ даровитаго автора «Слова» нельзя не сожалѣть искренно о томъ, что время и невѣжество истребили пѣсни Бояна, который «своя вѣщія прѣсты на живыя струны вскладаше—они же сами княземъ славу рокотаху.»

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря», говоритъ пѣвецъ и начинаетъ совѣмъ не съ стараго Владимира, а прямо съ Игоря, «иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрые пѣлки на землю половѣцкую за землю русскую.» Хочу, сказалъ онъ своей дружинѣ, переломить съ вами, Русица, копьѣ на землѣ половецкой, хочу либо положить свою голову, либо испить шеломомъ Дону. Не буря занесла соколовъ черезъ поля широкія—то летятъ стадами галици (галки) къ Дону великому: тебѣ бы воспѣть это, внукъ Велесовъ, Боянъ вѣщій! Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, вѣютъ знамена («стоятъ стязи») въ Путивлѣ; Игорь ждетъ млага брата Всеволода. И молвилъ ему буйтуръ*) Всеволодъ: «единъ ты братъ у меня, единъ «свѣтъ свѣтлый», о Игорь! оба мы Святославичи! Сдѣлай ты, брате, своихъ борзыхъ коней, а мои давно готовы для тебя и стоятъ осѣдланы у Курска. А куряне мои въ метаніи стрѣлъ искусны, подь звукомъ трубъ они повиты, концемъ копыя вокормлены, пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, дуки у нихъ натянуты, молчаны отворены, сабли изострены; сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы.» Тогда Игорь князь вступитъ въ златое стремя и поѣхалъ по чистому полю.

Затѣмъ слѣдуетъ темное и нескладное (вслѣдствіе искаженія текста писцомъ) описаніе грозныхъ предвѣщаній природы. Орлы клѣткомъ сзываютъ звѣрей на трупы, лисицы лають на багряные шиты воинновъ. Дружина Игорева уже за Шеломенемъ. День меркнетъ, свѣтъ зари потухаетъ, мгла покрываетъ поля, засыпаетъ «щекотъ славій», умолкаетъ говоръ галичій. Очевидно, что весь этотъ отрывокъ, поневолѣ сокращенный нами, по причинѣ искаженія текста, въ первобытномъ подлинникѣ полонъ высокихъ

*) *Буйтуръ* составлено изъ слова *дикій* (буй) и *волъ* (туръ); по основательному замѣчанію Шишкова, вѣроятно, изъ «буйтура» впоследствии произошло слово «богатырь».

поэтически красота. Сколько можно чув-
ствовать, несмотря на искаженіе, есть что-
то зловѣщее, фантастическое въ изображе-
ніи грозно настроивавшейся природы, осо-
бенно въ этомъ клѣткѣ орловъ, сзывающемъ
звѣрей на кровавый пиръ, и въ лаѣ лисицъ
на багряные щиты воиновъ.

По-утру русичи потоптали поганые полки
половецкіе и, рассыпавшись словно стрѣлы
по полю, помчали красныхъ дѣвицъ поло-
вецкихъ, а съ ними золото, и паволоки, и
другіе оксамиты; япончицами и кожухами
начали мосты мостить по болотамъ и «гряз-
новымъ мѣстамъ», и всякими узорочьями по-
ловецкими. Червленый стягъ, бѣлая хо-
ругва, багряная чолка, серебряное древо
храброму Святославицу. Дремлетъ въ полѣ
храброе гнѣздо Олегово—далеко залетѣло
оно; не родилось оно на обиду ни соколу,
ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поган-
ный половчанинъ!

На другой день, вельми рано, появляется
свѣтъ кровавой зари, идутъ съ моря чер-
ныя тучи, хотятъ закрыть четыре солнца,
блещутъ синими молніями; быть грому ве-
ликому, литься дождю стрѣлами съ Дона ве-
ликаго; поломаться тутъ копьямъ, приту-
читься тутъ саблямъ о шеломы половецкіе,
на рѣкѣ Каялѣ, у Дона великаго. Се вѣтры,
внуки Стрибожии, вѣютъ съ моря стрѣла-
ми на храбрые полки Игоревы; земля звучитъ,
рѣки мутно текутъ; мглою поля по-
крываются; знамена голосъ даютъ, полов-
цы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и ото всѣхъ
сторонъ. Русскіе полки отступили. Яръ туре
Всеволодъ! стоишь ты на бордѣ, прыщешь
на враговъ стрѣлами, булатными мечами
гремяшь о шеломы ихъ. Куда ни бросишься
ты, туре, золотымъ шеломомъ своимъ по-
сѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы по-
ловецкія; и посеканы калеными саблями
оварскіе шеломы отъ тебя, яръ туръ Все-
володъ! Что ему раны, когда забылъ онъ и
почести, и жизнь, и городъ Черниговъ, и
золотой престолъ отеческій, и свычай, и об-
чай своей милой хоти, прекрасной Глѣбовны!
(Здѣсь пѣвецъ дѣлаетъ отступление,
обращаясь къ смутамъ и междуособіямъ
прежнихъ временъ, и не находя въ нихъ ни
одной битвы, которая могла бы сравниться
съ битвой Игоря и Всеволода съ полов-
цами).

Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта
летятъ стрѣлы каленыя, звучатъ сабли о
шеломы, трещатъ копыя булатныя, въ полѣ
незнаемомъ, среди земли половецкой. Чер-
ная земля подъ копытами косями была по-
сѣяна, а кровію полита, возросла на ней бѣ-
да для земли русской. Чтѣ мнѣ звенить ра-
но передъ зарею? Игорь полки поворачива-

еть: жаль бо ему милаго брата Всеволода.
Билися день, билися другой: на третій день
къ полудню пали знамена Игоревы. Тутъ
разлучилися братья на берегъ быстрой Ка-
ялы. Не достало тутъ вина кроваваго; тутъ
и кончили пиръ храбрые русичи: сватовъ
попили, да и сами легли за землю русскую.
Поникла трава отъ жалости, и древо къ
землѣ преклонилось отъ печали (Здѣсь опять
слѣдуетъ небольшое отступление, состоящее
въ жалобахъ на междуособія. Всѣ эти от-
ступления особенно интересны, какъ свидѣ-
тельство, что поэма современна воспѣтому
въ ней событію).

О, далеко залетѣлъ ты, соколъ, гоня
птицъ къ морю: а Игорева храбраго полку
уже не воскресити! Тогда взревѣли Каря
и Жля и ринулись въ русскую землю съ ог-
немъ и мечемъ. Всплакались жены русскія,
приговаривая: уже намъ своихъ милыхъ
ладъ ни мыслию взмыслити, ни думою взду-
мати, ни очами узрѣти; а золота и серебра
не возвратити! Востоналъ тогда, братіе, Ки-
евъ тугою, а Черниговъ напастями; тоска
разлилася и печаль жирна потекла по зем-
лѣ русской; а князи сами на себя кромоу
ковали... (Здѣсь снова жалобы на междуосо-
бія; воспоминаніе, какъ сильны были прежде
князья русскіе, какъ громили они землю по-
ловецкую: какъ страшень былъ половцамъ
великій князь кievскій, Святославъ Грозный,
отецъ Игоря и Всеволода).

Нѣмцы и венецици, греци и моравы по-
ють славу Святославицу, каютъ (хаютъ,
порицаютъ) князя Игоря, «иже погрузи
жиръ во днѣ Каялы, рѣки половецкія, рус-
скаго злата насыпаша.» Святославу-роди-
телю приснился дурной сонъ. «Въ Киевѣ,
на горахъ, въ сію ночь одѣвали меня (го-
ворить онъ боярамъ) чернымъ покровомъ,
на тесовой кровати. Наливали мнѣ синяго
вина съ трудомъ смѣшаннаго; высы-
пали мнѣ на доно изъ пустыхъ колычановъ не-
чистыя раковины съ крупнымъ жемчугомъ, и
нѣговали меня; а въ моемъ златоверхомъ
теремѣ всѣ доски безъ перекладкины. («Уже
дѣски безъ *кнѣса* въ моемъ теремѣ златовръ-
сѣмъ»). Всю ночь съ вечера каркали враны.»
И отвѣчали бояре князю: «Печаль одолѣла
умъ нашъ, княже; слетѣли бо два сокола
съ золотого престола отеческаго поискати
града тьмутараканскаго, либо испити шело-
момъ Дону, и тѣмъ соколамъ обрублены
крылья саблями нечестивыхъ, и сами они
попались въ путы желѣзныя. Темно стало
на третій день: два солнца померкли, оба
багряные столба погасли, а съ ними и мо-
лодые мѣсяцы—Олеги и Святослава—тьмою
заволоклися. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ
покрыла: по русской землѣ рассыпались
Половцы, какъ изъ леопардова договина.

Раздаются пѣсни красныхъ дѣвицъ готск и хъ на берегу синяго моря; звеня русскимъ золотомъ, воспѣвають онѣ время Бусово, делятъ пѣснь Шароканову.» (Намекъ на какой-нибудь удачный набѣгъ на землю русскую). Тогда великій Святославъ изронилъ слово злато съ слезами смѣшано, и молвилъ: «О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! не во-время вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славу искать. Нечестно ваше одолженіе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ бусте и закалены. Того ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ моей? Уже не вижу я власти сильнаго и богатаго брата моего, Ярослава, и его дружины великой! Они и безъ щитовъ, кликомъ однимъ враговъ побѣждали, гремя славою предковъ. Не говорили они: предстоящую славу сами похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. А диво ли, братіе, старому помолодѣти? Когда соколъ въ мытѣхъ бываетъ, то высоко гонитъ птицъ, и не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Но то горе, что мнѣ князья не въ пособіе, время все переиначило. (Непонятно то, что тотчасъ же слѣдуетъ за этимъ мѣстомъ; есть ли это продолженіе рѣчи князя Святослава, или тутъ поэтъ начинаетъ говорить отъ себя? Все это мѣсто состоитъ въ жалобахъ на «усобицу», какъ причину настоящихъ бѣдствій, и въ воззваніи къ современнымъ князьямъ, которые, по своему разьединенію, уже не въ силахъ подать помощь плѣнному Игорю. Воззваніе начинается съ князя Всеволода):

Великій княже Всеволоде! не помыслишь ли ты прилетѣти издалеча постоять за златой престолъ отеческій? Ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ шеломами вычерпать. Когда ты былъ здѣсь, чага (?) ходила бы по ногатѣ, а кошей по резани. *) Ты можешь по суху стрѣляти живыми шереширами (шерешіры—вѣроятно, названіе какого-нибудь военнаго орудія)—удальными сыновьями Глѣбовыми. И ты, буй Рюрикъ и Давыдъ, не вы ли плавали въ крови по шелома золоченые? Не ваша ли храбрая дружина рыскаетъ подобно воламъ, взраненнымъ саблями калеными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, государи, въ стремена златыя, за обиду нашего времени, за землю русскую, за раны Игоря, буюго Святославича! А ты, Ярославъ, осмосмыслъ галицкій! высоко сидишь ты на своемъ златокванномъ престолѣ, подперъ ты горы угор-

скія своими полками желѣзными, заградить ты путь королю, заперъ ворота къ Дунаю, меча бремена (?) за облаки, творя судъ до Дуная! Гроза твоя по землямъ течетъ, отворяешь ты врата кievскія, съ отчаго престола стрѣляешь въ салтановъ далекихъ! Стрѣлай, господине въ Кончака, кошей поганого, за землю русскую, за раны Игоря, буюго Святославича! А ты, буй Романъ и Мстиславъ, храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваете на дѣло въ бустеи, словно соколы ширяясь на вѣтрахъ, стремяся и птицу одолѣть въ бустеи! У васъ латы («попорзѣ») желѣзныя подъ шлемами латунскими; отъ нихъ потряслась земля и многія страны ханскія. Литва, ятваги, деремела и половцы повергли передъ вами свои копья («сулицы») и главы свои преклонили подъ ваши мечи булатныя!... *) Заградите въ полѣ путь своими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоря, буюго Святославича! Уже Сула не течетъ струями серебряными ко граду Переяславлю, и Двина болотомъ идетъ ко гроннымъ половчанамъ, подъ кликами поганыхъ. Единъ лишь Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвѣнѣлъ своими острыми мечами о шелома литовскіе: помрачилъ славу дѣда своего, да и самъ поблекъ подъ червленными щитами, на кровавой травѣ, отъ литовскихъ мечей. Не захотѣлъ скончаться на одрѣ, и режь самому себѣ: «дружину твою, княже, крылья птицъ приодѣли, а звѣри кровь поливали!» Не было тутъ съ нимъ брата Брячислава, ни брата Всеволода: одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, чрезъ златое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселье. О, Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! поникнуть знаменамъ вашимъ, вложить вамъ въ ножны свои мечи поврежденные; отстали вы отъ славы дѣдовской! Вы, своими брамолами, начали наводить нечестивыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславою. Когда прежде бывало насиліе отъ земли половецкой?

(Здѣсь слѣдуетъ опять совершенно непонятное мѣсто, которое выписываемъ въ подлинникѣ: „на седьмомъ вѣцѣ трояни въ рже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣя клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дочеса стружіемъ злата стола кievскаго. Скочи отъ нихъ (отъ кого?) лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Вѣла града, обѣсися сне мглѣ, утръ же возази стрікусы (?) отвори врата новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немги съ Дудутокъ“. По всѣмъ вѣроятіямъ, темнота этого мѣста происходитъ сколько отъ описокъ въ рукописи, столько и оттого, что тутъ не описывается, а только намекается на обстоятельство

*) Ногата и резань—самыя мелкія монеты того времени, Кошей и Чага—ругательныя названія вражескихъ народовъ, и вся эта фраза—вѣроятно, намекъ на дешевизну плѣнныхъ половецъ во время Всеволода.

*) Пропущено цѣлое мѣсто, котораго никакъ нельзя понять, а слѣдовательно, и перевести.

ство слишкомъ современное, а потому всѣмъ **известное** въ эпоху гвѣца „Слова“. Всеславъ, о которомъ идетъ рѣчь, вѣроятно, былъ удалецъ изъ удальцовъ, и все это мѣсто есть поэтическая апофеоза, въ духѣ того времени его подвиговъ, отличавшихся удалствомъ и быстротой. Клюки, которыми онъ *подперся о кони*, могутъ означать не костыли, необходимые для хромого, а названіе какого-нибудь прибора для верховой ѣзды. Что же касается до „седьмого вѣку трояни“—*трояновъ вѣкъ, троянова земля* очень часто упоминается въ „Словѣ“, и еще никто не объяснилъ ихъ значенія. Хотя все послѣдующее за выписаннымъ нами въ текстѣ мѣстомъ также непонятно въ историческомъ значеніи, однако понятно, за исключеніемъ одной фразы, по смыслу и исполнено необыкновенной поэзіи).

На Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ пѣнами булатными, на току живиѣ кладутъ, вбѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немиги не травой засѣяны: засѣяны они костями русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людей судилъ, князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ волкомъ рыскалъ отъ Кіева до Курека и Тмутаракани. Ему въ Полоцкѣ рано зазвонили заутреню у святой Софіи; а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и вѣщая душа была въ его друзѣ (?) тѣлѣ, но и онъ часто отъ бѣды страдалъ. Про него-то вѣщій Боянь сложилъ сей разумный припѣвъ: «ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути!» О, стонать тебѣ земля русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ... Ярославнинъ головъ раздаеть рано по-утру:

Полечу я по Дунаю зерзицею, омочу бровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру князю кровавыя раны на жестоцемъ тѣлѣ его!

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, аручи:

О вѣтеръ, о вѣтеръ! зачѣмъ, господине, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моей лады? Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками, лелѣючи корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господине, развѣялъ ты мое веселіе по ковыль-травѣ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, аручи:

О Днѣпръ пресловутый! ты пробилъ каменные горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ лады Святославы до стану кобякова: взлелѣй-же, господине, мою ладу ко мнѣ, чтобы не слаба я къ нему по утрамъ слезъ моихъ на море.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, аручи:

Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ и красно, и тепло ты: зачѣмъ, господине, протеръ горячій лучъ свой на воиновъ моей

лады, въ безводномъ полѣ жаждою луки имъ сопрягъ, печалію имъ колчаны затнулъ?

Прыснуло море въ полуночи: идутъ смерчи мглами: князю Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую, къ златому престолу огчему. Погасла заря вечерняя: Игорь и спитъ, и не спитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Конь готовъ съ полуночи; Овлуръ свиснулъ за рѣкой, чтобы князь догадался. Уже нѣтъ тамъ князя Игоря. Застонала земля, зашумѣла трава, всколебалися вежи половецкія; а Игорь князь горностаемъ бросился къ тростнику и гоголемъ на воду; вскочилъ на борзого коня и соскочилъ съ него босымъ (?) волкомъ и побѣжалъ къ лугу Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Когда Игорь соколомъ летитъ, тогда Влуръ волкомъ бѣжитъ, отрясая съ себя росу холодную; ибо истомили они своихъ борзыхъ коней. И молвилъ Донецъ: «Княже Игорю, не мало для тебя величія, а Кончаку нелюбія, а русской землѣ веселія!» И молвилъ Донецъ: «О Донче! не мало тебѣ величія, что ты лелѣялъ князя на волнахъ, постигалъ ему зелену траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми мглами подъ сѣнію зеленого дерева, стерегъ меня и гоголемъ на водѣ, и чайками на струяхъ, и чернядами на вѣтрахъ. Не такова, промолвилъ онъ, рѣка Стугна: дурна струя ея, пожираетъ чужіе ручьи и разбиваетъ струги о берегъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные. Плачется мати Ростислава по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, и дерево стугою къ землѣ преклонило.»

По слѣду Игореву ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда враны не каркали, галицы помолвли, сороки не стрекотали; ползая по сучьямъ, только дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, словыи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Молвить Гзакъ Кончаку: «Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то соколенка *) разстрѣляемъ своими стрѣлами золочеными.» Молвить Кончакъ къ Гзаку: «Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то опутаемъ соколенка красной дѣвицей.» И сказалъ Гзакъ Кончаку: «Если опутаемъ его красной дѣвицей, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ птицы бить въ полѣ половецкомъ.»

Сказалъ Боянь: тяжело головъ безъ плечъ, худо тѣлу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небеси, а Игорь князь въ русской землѣ. Дѣвицы по-

*) Относится къ сыну Игоря, оставшемуся въ плѣну.

ютъ на Дунаѣ. Вьются голоса черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву ко святой Богородицѣ Пирогощей. Страны рады, грады веселы, поютъ пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Да здравствуютъ, князи и дружина, поборающе за христіанъ на невѣрныхъ полчища! Князьямъ слава, дружинѣ амины!

Мы хотѣли, было, ограничиться только изложеніемъ содержанія «Слова о Пльку Игоревѣ», и, чтобъ нѣкоторымъ образомъ заставить его говорить за себя, хотѣли только мѣстами выписывать самыя характеристическія выраженія и самыя оригинальные образы; но противъ нашей воли до того увлеклись его красотами, что, вмѣсто голаго содержанія, представили читателямъ полный по возможности переводъ. Думаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это: «Слово о Пльку Игоревѣ» играетъ въ нашей литературѣ роль какого то невидимки; публика слышитъ о немъ самыя противорѣчащія мнѣнія, которыхъ повѣрить ей нѣтъ возможности. Причина очевидна: не у всякаго станеть терпѣнія и охоты прочесть искаженный подлинникъ, писанный языкомъ, столь устарѣвшимъ, что онъ по своей устарѣлости требуетъ гораздо больше труда, нежели сколько въ состояніи доставить наслажденія, исполненный непонятныхъ словъ и оборотовъ, сомнительныхъ, темныхъ, а часто бессмысленныхъ мѣстъ. Переводы же не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому что переводчики хотѣли переводить его все — отъ слова до слова, не признавая въ немъ непереводаемыхъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ просто пересочиняли его, и свои собственные, весьма неинтересныя издѣлія выдавали за простодушную и поэтическую повѣсть старыхъ временъ. Мы же, во-первыхъ, исключили изъ нашего перевода все сомнительное и темное въ текстѣ, замѣнивъ такіа мѣста собственными замѣчаніями, необходимыми для связи разорванныхъ частей поэмы; а въ переводѣ старались удержать колоритъ и тонъ подлинника, а для этого или просто выписывали текстъ, подновляя только граматическія формы, или между новыми словами и оборотами удерживали самыя характеристическіе слова и обороты подлинника. И потому нашъ переводъ можетъ дать довольно близкое понятіе о «Словѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ читателю возможность повѣрить наше мнѣніе объ этомъ примѣчательномъ произведеніи народной поэзіи древней Руси.

Нѣтъ нужды доказывать, что «Слово о Пльку Игоревѣ» отличается неподдѣльны-

ми поэтическими красотами, что оно исполнено наивныхъ благородныхъ образовъ: мы для того и включили его въ нашу статью, чтобъ не толковать о томъ, что дважды два—четыре. Читайте и судите сами; если не понравится, намъ нечего дѣлать съ этимъ: кому само дѣло не говорить за себя, тѣмъ уже не помогутъ толкованія. Между читателемъ и критикомъ необходимо должно существовать нѣчто въ родѣ симпатіи, нѣчто въ родѣ заранѣе заключеннаго условія о томъ, что хорошо и что худо; иначе они не будутъ понимать другъ друга. Дѣло критика не доказывать, поэтическое или не поэтическое такое-то произведеніе: подобный вопросъ рѣшается непосредственнымъ чувствомъ читателя, а не доказательствомъ критики; дѣло критика — показать не поэтическое достоинство, а степень поэтического достоинства въ данномъ произведеніи, его идею, полноту, оконченность. На этотъ счетъ мы, не обинуясь, скажемъ, что «Слово о Пльку Игоревѣ» отличается неподдѣльными красотами выраженія; что, со стороны выраженія, это — дикій полевой пѣвтокъ, благоухающій, свѣжій и яркій. Но въ поэтическихъ произведеніяхъ выраженіе еще не составляетъ всего: все заключается въ идеѣ, и выраженіе по той мѣрѣ возвышаетъ достоинства произведенія, по какой въ ней высказывается идея. Въ «Словѣ о Пльку Игоревѣ» нѣтъ никакой глубокой идеи. Это больше ничего, какъ простое и наивное повѣствованіе о томъ, какъ князь Игорь съ удалымъ братомъ Всеволодомъ и съ своей дружиной пошелъ на половцевъ, сперва разбилъ ихъ, а потомъ самъ былъ разбитъ на-голову, попался въ плѣнъ, изъ котораго, наконецъ, удалось ему ускользнуть. Безпрестанныя обращенія къ междуособіямъ князей или намеки на нихъ также составляютъ содержаніе и сверхъ того историческій фонъ поэмы. Источникомъ историческаго произведенія поэзіи можетъ быть только исторія народа, и произведеніе въ той только степени можетъ отличаться глубокой идеей, въ какой полна «общимъ содержаніемъ» жизнь народа. Времена междуособій съ перваго взгляда могутъ показаться самымъ поэтическимъ періодомъ въ русской исторіи; но если глубже и пристальнѣе заглянете въ сущность и значеніе этого времени, то увидите, что въ немъ не было никакихъ элементовъ, которые могли бы дать поэзіи содержаніе; тамъ были только элементы для поэзіи чувства и выраженія, по общему закону — гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. Есть рѣзкое различіе между поэзіей души человѣческой и поэзіей общества человѣческаго, поэзіей исторической: первая существуетъ и у дикихъ племенъ;

вторая—только у народовъ, играющихъ великую роль на аренѣ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И потому «Слово о Пльку Игоревѣ» не только нейдетъ ни въ какое сравненіе съ «Илиадою», но даже и съ поэмами среднихъ вѣковъ, въ родѣ «Артура и рыцарей Круглаго Стола». Для поясненія этой мысли сравните жизнь Западной Европы среднихъ временъ съ жизнью Руси въ XII вѣкѣ: какая разница! Въ феодализмѣ заключалась идея; удѣльная система, по видимому, была случайностью, порожденіемъ естественныхъ, патриархальныхъ понятій о правѣ наслѣдства. Феодализмъ вышелъ изъ системы завоеванія; цѣлый народъ двигался на завоеваніе другого народа; покоришь его, основывался, дѣлался осѣдлымъ на завоеванной землѣ. Такъ какъ у завоевателя личную силу давало не рожденіе, а храбрость и заслуга, то избранный главою войска бралъ себѣ часть завоеванной земли, а все остальное дѣлилъ на участки, между своими сподвижниками. Отсюда произошли безчисленные слѣдствія, безъ сознанія которыхъ не можетъ быть объяснена даже современная намъ исторія Европы. Сподвижники главнаго вождя, получивъ свои участки, естественно, смотрѣли на него не какъ на своего властелина, а какъ на старшаго товарища по оружію, во всемъ прочемъ равнаго имъ, и почитали себя въ правѣ по собственному произволу смотрѣть на него какъ на друга или какъ на врага и, сообразуясь съ этимъ, становиться къ нему въ пріязненное или непріязненное отношеніе. Простые воины, не получившіе участковъ, поступали на жалованье къ своимъ патронамъ, а не властелинамъ,—селились на ихъ землѣ и платили имъ за то военной службой: образовался классъ вассаловъ—свободныхъ воиновъ, не рабовъ. Завоеванный же народъ, по праву завоеванія, дѣлался собственностью, рабомъ завоевателя, кромѣ, разумѣется, людей высшаго сословія, которымъ политика завоевателей предоставляла равныя права, на условіи покорности. Изъ этого положенія возникала борьба, результатомъ которой было разумное развитіе. Завоеванный народъ, питая ненависть къ завоевателю, образовывалъ собой самостоятельный элементъ государственной жизни,—и борьба не переставала ни на минуту. Когда же языки обоихъ народовъ сливались въ одинъ языкъ, а оба народа—въ одинъ народъ, тогда элементъ завоевателя образовался въ аристократію, элементъ завоеваннаго—въ низшій классъ общества, и изъ борьбы возникали съ одной стороны—натискъ утвержденныхъ временемъ исключительныхъ правъ, съ другой—упругій отпоръ или оппозиція. Отлич-

тельное свойство идеи таково, что она не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не является ни на минуту чѣмъ-то особеннымъ, опредѣлившимся, оторваннымъ отъ прошедшаго и будущаго, но безпрестанно движется, изъ стараго рождая новое.

Право аристократіи сперва было не чѣмъ инымъ, какъ правомъ сословія, справедливо гордившимся высокою степенью своихъ чувствъ, благороднымъ образомъ мыслей и не безъ основанія почитавшимъ себя въ правѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на низкую чернь, какъ на предназначенную отъ природы для низкихъ нуждъ жизни. Возникновеніе городовъ и средняго сословія было первымъ шагомъ къ измѣненію этихъ отношеній. Еще прежде заявлялась борьба между государями и феодалами,—борьба, бывшая не случайностью, а естественнымъ результатомъ положенія дѣль, и необходимая для сформированія государства въ единое политическое тѣло. Монархизмъ нашелъ себѣ естественнаго союзника въ городахъ, города—въ монархизмѣ, и оба они стали грудью противъ рыцарства, до тѣхъ поръ пока рыцарство, переродившееся въ аристократію или вельможество, снова не явилось естественнымъ союзникомъ монархизма, и только въ другомъ видѣ, но все прежнимъ врагомъ и средняго сословія, и народа.

Мы потерялись бы во множествѣ элементовъ, изъ которыхъ складается европейская жизнь, которые все вышли изъ одного источника и суть не что иное, какъ единая, безконечно развивающаяся, вѣчно движущаяся изъ самой себя идея. Нѣтъ ни тѣни этого въ древней русской жизни. Удѣльная система была точь въ точь то же самое, что помѣщичья система; отецъ-помѣщикъ, умирая, раздѣляетъ поровну своихъ крестьянъ между своими сыновьями. Въ Россіи не было завоеванія, и потому одинокій элементъ народной жизни, не сшибаясь въ борьбѣ съ другимъ элементомъ, лишенъ былъ возможности развитія. Что ни говорить господъ скандинавовъ и сколько трактатовъ ни пишутъ они, но, вопреки всемъ ихъ обветшалымъ доказательствамъ, если Русь и призвала иноземныхъ властителей княжить и владѣти,—кто бы ни были эти властители,—турки или приморскіе славяне (померанцы), только не скандинавы. Норманны, хотя бы и были сами призваны мирно и честно, не пришли бы съ малой дружиной, не потеряли бы въ управленіи имъ племени своей народности, но внесли бы въ его жизнь свою народность, но внесли бы феодализмъ, военное право, рыцарскія понятія, и самый русскій языкъ не оставилъ бы въ его первобытной чистотѣ, но вмѣстѣ съ новыми понятіями ввели бы и множество новыхъ словъ и обо-

ротовъ. Этого не было, даже и слѣдовъ этого не видно, и потому варяжскіе или, пожалуй, русскіе князья просто-на-просто или приионтійскіе татары (ковары), или прибалтійскіе славяне. И потому изъ немудреной причины и произошли немудренныя слѣдствія. Удѣльная система — самая естественная и простодушная изъ всѣхъ системъ въ мірѣ — принесла только внѣшнюю пользу Россіи, сдѣлавшись причиной ея внѣшняго расширенія и потомъ — сплоченія. Въ междоусобіяхъ князей нѣтъ никакой идеи, потому что ихъ причина — не племенные различія, не борьба разнородныхъ элементовъ, а просто личныя несогласія. Народъ тутъ не игралъ никакой роли, не принималъ никакого участія. Черниговцы дрались съ киевлянами не по племенной ненависти, а по приказанію князей. Въ повѣсти Пушкина «Дубровскій» превосходно выражена удѣльная борьба въ раздорѣ крестьянъ Троекурова и Дубровскаго: бары поссорились, а слуги начали драться, вытаптывая поля, бить скотъ и поджигать избы.

«Слово о Пльку Игоревѣ» принадлежитъ къ героическому періоду жизни Руси; но какъ героизмъ Руси состоялъ въ удалствѣ и охотѣ подрасться, безъ всякихъ другихъ претензій, то «Слово» не можетъ назваться героической поэмой. Дѣйствіе героической поэмы должно быть сосредоточено на одномъ лицѣ, которое должно осуществить собой всё или по крайней мѣрѣ хоть одну изъ субстанціальныхъ сторонъ духа народа. Игорь же только внѣшнимъ образомъ является героемъ «Слова»: это какой-то образъ безъ лица; въ немъ нѣтъ ничего индивидуальнаго; онъ лишенъ всякаго характера; личности его нисколько не видно; нѣтъ никакихъ данныхъ считать его представителемъ народа. Сверхъ того онъ заслуживаетъ то удалымъ братомъ своимъ, буйтуромъ Всеволодомъ, то отцомъ своимъ, Святославомъ, то, наконецъ, своей храброй дружиной. Участіе его въ поэмѣ больше страдательное, чѣмъ дѣятельное. Онъ объявляетъ дружинѣ, что хочетъ или сложить голову въ землѣ половецкой, или испить шедомомъ Дону великаго; приглашаетъ храбраго брата своего Всеволода, ведетъ свою дружину въ половецкую землю, выигрываетъ битву, потомъ проигрываетъ другую и, попавшись въ плѣнъ, исчезаетъ изъ поэмы; большая часть ея состоитъ изъ рѣчи Святослава и плача Ярославны. Потомъ уже, въ концѣ поэмы, Игорь снова является на минуту, убѣгая изъ плѣну. Вообще онъ ничѣмъ не возбуждаетъ въ себѣ нашего участія. Хотя Всеволодъ тоже обрисованъ очень слабо и какъ бы вскользь, однако онъ больше является героемъ въ духѣ своего вре-

мени. Его рѣчь къ Игорю дышетъ страстью и вдохновеніемъ боя. Въ битвѣ онъ рисуетъ на первомъ планѣ и заслоняетъ собой безцвѣтное лицо Игоря. Святославъ является не какъ дѣйствующее лицо, но голосомъ исторіи, выразителемъ политическаго состоянія Руси: за нимъ явно скрывается самъ поэтъ. Вообще въ поэмѣ нѣтъ никакого драматизма, никакого движенія; лица поглощены событіемъ, а событіе совершенно ничтожно само по себѣ. Это не борьба двухъ народовъ, но набѣгъ племени на соседнее племя. Очевидно, всѣ эти недостатки поэмы заключаются не въ слабости таланта пѣвца, но въ скудости матеріаловъ, какіе могла доставить ему народная жизнь. Здѣсь причина и того, что самъ народъ является въ поэмѣ совершенно безцвѣтнымъ: безъ вѣрованій, безъ образа мыслей, безъ житейской мудрости, съ однимъ богатствомъ живого и теплаго чувства. И потому вся поэма — дѣтскій лепетъ, полный поэзии, но скудный значеніемъ, — лепетъ, котораго вся предель въ неопредѣленныхъ, мелодическихъ звукахъ, а не въ смыслѣ этихъ звуковъ.

Мы выше сказали, что «Слово о Пльку Игоревѣ» рѣзко отзывается южно-русскимъ происхожденіемъ. Есть въ языкѣ его что-то мягкое, напоминающее нынѣшнее малороссійское нарѣчіе, особенно изобиліе гортанныхъ звуковъ и окончанія на букву *ь* въ глаголахъ настоящаго времени третьяго лица множественнаго числа. Но болѣе всего говорить за русско-южное происхожденіе «Слова» выражающийся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородное и человѣческое во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы: Игорь ждетъ милаго брата Всеволода, и рѣчь Всеволода къ Игорю дышетъ кроткой и нѣжной родственной любовью безъ изысканности и приторности: «Одинъ братъ ты у меня, одинъ свѣтъ свѣтлый, о, Игорь, и оба мы Святославичи!» Игорь отступаетъ съ полками не по боязни сложить свою голову: ему стало жаль своего милаго брата Всеволода. Въ укорахъ престарѣлаго Святослава сыновьямъ слышится не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорбленной любви родительской, — и укоръ его кротокъ и нѣженъ; обвиняя дѣтей въ удалствѣ, бывшемъ причиной Игорева плѣна, онъ въ то же время какъ бы и гордится ихъ удалствомъ. «О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Не честно вѣще одлѣнне, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ буети закалены! Сего ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ

своей! Но особенно поразительны въ поэмѣ благородныя отношенія половъ. Женщина является тутъ не женой и не хозяйкой только, но и любовницей вмѣстѣ. Плачь Ярославны дышетъ глубокимъ чувствомъ, высказывается въ образахъ сколько простодушныхъ, столько и граціозныхъ, благородныхъ и поэтическихъ. Это не жена, которая, послѣ погибели мужа, осталась горькой сиротой, безъ угла и безъ куска, и которая сокрушается, что ея некому больше кормить и бить: нѣтъ, это нѣжная любовница, которой любящая душа тоскливо порывается къ своему милому, къ своей ладѣ, чтобъ омочить въ Каялѣ рѣкѣ бобровый рукавъ и отереть имъ кровавыя раны на тѣлѣ возлюбленнаго; которая обращается ко всей природѣ о своемъ милымъ: укоряетъ вѣтеръ, несущій ханскія стрѣлы на дружину милаго и развѣявшій по ковыль-травѣ ея веселіе; умоляетъ Днѣпръ—взлѣзть до нея ладью ея милаго, чтобъ она не слала къ нему слезъ на море рано; взываетъ къ солнцу, которое «вѣсьмъ и тепло, и красно»—лишь томить зносемъ лучей своихъ воинновъ ея ладью... И зато мужчина умѣетъ цѣнить такую женщину: только жажда битвы и славы заставила буйтура Всеволода забыть на время «своя милая хогги, красныя Глббовны, свычай и обычай»... Все это, повторяемъ, оговаривается южной Русью, гдѣ и теперь еще такъ много человѣчнаго и благороднаго въ семейномъ быту, гдѣ отношенія половъ основаны на любви, и женщина пользуется правами своего пола: все это противоположно сѣверной Руси, гдѣ семейныя отношенія грубы, женщина—родъ домашней скотины, а любовь—совершенно постороннее дѣло при бракахъ; сравните бытъ малороссійскихъ мужиковъ съ бытомъ мужиковъ русскихъ, мѣщанъ, купцовъ и отчасти и другихъ сословій, и вы убѣдитесь въ справедливости нашего заключенія о южномъ происхожденіи «Слова о Пълку Игоревѣ»; а наше разсмотрѣніе русскихъ народныхъ сказокъ превратитъ это убѣжденіе въ очевидность. Но, кромѣ всего этого, не только въ краскахъ поэзіи и манерѣ изложенія, но и въ духѣ богатырскаго удалства, нельзя не замѣтить чего-то общаго между «Словомъ о Пълку Игоревѣ» и казацкими малороссійскими пѣснями.

Какъ фактъ для сравненія, приведемъ здѣсь одну казацкую историческую думу, въ русскомъ прозаическомъ переводѣ Максимовича:

„Вотъ пошли казаки на четыре поля—что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ то пошелъ *Самко Мушкетъ*; а за паномъ хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко Мушкетъ—онъ на конѣ не гарцуетъ копя сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ,—думаетъ, гадаетъ... Да изъ нашихъ козацкихъ костей ширь себѣ на похмѣлье сварятъ?..

„А что, какъ наши головы козацкія, молодецкія, по степи полю полагутъ, да еще родною кровью омоются, пощепанными саблями кроются?.. Пропадаетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала,—что по всему свѣту степью разлагалась, протянулась,—да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась,—Гурчинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знатъ далась,—да и ляхамъ-ворогамъ на конѣ отдалась?..

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы—
И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!..

„Или ихъ сугробомъ занесло, или въ аду потопило, что не видно чубатыхъ ни по степямъ, ни по дугамъ, по ни татарскимъ землямъ, ни по чернымъ морямъ; ни по ляшскимъ полямъ?..

„Закрячетъ воронъ, загрузетъ, запумитъ, да и полетитъ въ чужую землю... Ань нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бречать...

А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ... А головы козацкія—словно Швець Семень шкуру потерялъ! А чубы—словно чертъ жгуты повилъ, въ крови всѣ засохли: то-то и славы набрались!“

Не говоря уже о поразительномъ сходствѣ паэоса древней поэмы съ этими несравненно позднѣйшими произведеніями одного и того же племени,—какое сходство въ картинахъ природы и поэтическихъ сравненіяхъ! Тамъ и здѣсь играютъ одинаковую роль вѣроны, орлы, кречеты, сороки! Тамъ и здѣсь битва уподобляется то свадьбѣ, то попойкѣ кровавой!

«Слово о Пълку Игоревѣ» нѣсколько разъ было переводимо прозой, и были, кажется, двѣ попытки (Вельтмана и Деларю) перевести его стихами или мѣрной, ритмической прозой. Но попытки послѣдняго рода должны считаться совершенно излишними: «Слово» можетъ быть прекрасно только въ его первобытномъ и наивномъ видѣ безъ всякихъ другихъ измѣненій и поправокъ, кромѣ подновленія слишкомъ устарѣвшихъ словъ и оборотовъ.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о «Сказаніи о Нашествіи Батыя на Русскую Землю» и «Сказаніи о Мамаевомъ Побойшѣ»; но мы скажемъ о нихъ очень немного. Оба эти памятника нѣсколько не относятся къ поэзіи, потому что въ нихъ нѣтъ ни тѣни, ни призрака поэзіи: это скорѣй памятники даже не краснорѣчія, а простодушной риторики того времени, которой вся хитрость состояла въ безпрестанныхъ примѣненіяхъ къ Библіи и выпискѣ изъ нея текстовъ,

Гораздо любопытнѣе «Слово Данила Заточника». Оно также не относится къ поэзіи, но можетъ служить образцомъ практической философіи и ученаго краснорѣчія XIV вѣка. Данилъ Заточникъ былъ чело-вѣкъ глубокой учености въ духѣ своего времени; «Слово» его отличается умомъ, ловкостью, а мѣстами и чѣмъ-то похожимъ на краснорѣчіе. Главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что оно такъ и дышетъ духомъ своего времени. Писано оно въ заточеніи, къ князю, у котораго нашъ заточникъ надѣялся вымолить себѣ прощеніе и свободу. Не теряя изъ виду главнаго предмета своего посланія, заточникъ безпрестанно пускается въ разныя сужденія. Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ «Словѣ» Заточника, гдѣ онъ даетъ князю совѣтъ уважать умъ больше богатства и говорить о самомъ себѣ съ какимъ-то наивнымъ возвышеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

„Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумца, немысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ каплѣхъ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки наволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри вѣшная моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ: юнъ возрастъ имѣю, а стару смысломъ, быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничыя подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеси устъ моихъ.“

Описывая далѣе глупцовъ, Заточникъ впадаетъ въ истинный сарказмъ. Замѣтно, что Данилъ Заточникъ пострадалъ отъ злыхъ навітовъ со стороны бояръ и жены князя; по крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить слѣдующей грозной филиппики противъ дурныхъ совѣтниковъ и дурныхъ женъ.

„Княже, мой господине! не море топить корабли, но вѣтри; а не огонь говоритъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: тако же и князь не самъ впадаетъ во многія вещи худыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишень будетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, и не звѣрь во звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ: не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа...; не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити. Дивѣ дива, кто поимаетъ жену злообразну, приблжка ради... дѣйствѣ волю ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волю бо не молвитъ, ни зла мыслитъ, а злая жена *бѣгма* бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣхъ гордится, а въ убожествѣхъ иныхъ осуждаетъ. Что есть жена зла? гостиница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мірскы межже ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница поборница грѣху, засада спасенію.“

Не выписываемъ до конца этой энергической выходки: это только начало, слабѣйшая часть ея. вмѣсто ея выпишемъ окончаніе заточникова посланія: оно до такой степени въ духѣ того времени, что изъ краснорѣчиваго становится поэтическимъ, и потому особенно интересно.

„Снѣ словеса азъ Данилъ *пнѣхъ* въ заточеніи на Вѣлоозеръ, и запечатавъ въ воску, и пустивъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и яша бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и уаръ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горькаго заточенія.—Не отменяй безумному прямо безумія его, да не подобенъ ему будещи. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утель, роняя богатство убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыпають, а сами себѣ не могутъ насытиса, да не возненавидѣнъ буду міру со многю бесѣдою. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидѣма бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжна не добро, продолжена поволока. Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Исифовъ разумъ, мудрость Соломону, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся челоуѣки подъ руку его. Любѣ бѣснующемуся дати ножъ, а лукавому власть (?). Паче всего невовижъ стороныника перетерпилива. Аминъ.“

Кто этотъ Данилъ Заточникъ, и когда онъ жилъ—неизвѣстно. Извѣстія объ его заточеніи находятся въ нашихъ лѣтописяхъ подъ годомъ 1378. Какъ бы то ни было, Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за перепечатаніе въ своей книгѣ рукописи Данила Заточника, столь интересной во многихъ отношеніяхъ. Кто бы ни былъ Данилъ Заточникъ,—можно заключить не безъ основанія, что это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя, на бѣду себѣ, слишкомъ умны, слишкомъ даровиты, слишкомъ много знаютъ и, не умѣя прятать отъ людей своего превосходства, оскорбляютъ самолюбивую посредственность; которыхъ сердце болитъ и свѣдается ревностью по дѣламъ, чуждымъ имъ, которыя говорятъ тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и молчатъ тамъ, гдѣ выгодно говорить; словомъ, одна изъ тѣхъ личностей, которыя люди сперва хвалятъ и хоятъ, потомъ сживаютъ со свѣту и, наконецъ, уморивши, снова начинаютъ хвалить...

Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ сказочнымъ поэмамъ, заключающимся въ сборникѣ казака Кирши Данилова. Тамъ ихъ числомъ больше тридцати, кромѣ казачьихъ, а Сахаровъ помѣстилъ изъ нихъ въ своей книгѣ, въ отдѣлѣ «Былины русскихъ людей», только одиннадцать. Вообще Сахаровъ обнаруживаетъ къ сборнику Кирши Данилова большую недовѣрчивость и даже что-то въ родѣ неприязни. Это дѣло требуетъ нѣкотораго поясненія. Рукопись сборника Кирши

Данилова была найдена Демидовымъ и изда-
на (не вполне) Якубовичемъ въ 1804 году,
подъ титуломъ «Древнія русскія стихотво-
ренія». Потомъ рукопись перешла во вла-
дѣніе графа Н. П. Румянцева, по порученію
котораго и издана была Калайдовичемъ въ
1816 году, подъ титуломъ: «Древнія россій-
скія стихотворенія, собранныя Киршею Да-
ниловымъ и вторично изданныя, съ присо-
вокупленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ
неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва.»

Сахаровъ спрашиваетъ: «на чемъ основа-
но, что собирателемъ древнихъ стихотворе-
ній былъ Кирша Даниловъ? На томъ, что
имя его поставлено на первомъ листѣ руко-
писи. Гдѣ этотъ листъ? Калайдовичъ гово-
ритъ, что онъ потерялся. Кто видѣлъ листъ
съ подписью? Одинъ только издатель Яку-
бовичъ, который, по словамъ Калайдовича,
ручается за справедливость этого извѣстія.»

Коротко и ясно: изъ всего этого Саха-
ровъ хочетъ вывести слѣдствіе, что Кирша
Даниловъ отнюдь не былъ собирателемъ
древнихъ стихотвореній. Прекрасно; но въ
чемъ споръ и есть ли о чемъ тутъ спорить?
Кирша Даниловъ—хорошо; не онъ, а дру-
гой, г. А., г. Б., г. В.—также хорошо: по
крайней мѣрѣ въ обоихъ случаяхъ стихотво-
ренія не дѣлаются ни лучше, ни хуже. Выро-
чемъ, всѣ причины стоятъ за Киршу Да-
нилова, и ни одной противъ него; это ясно
какъ день. Во-первыхъ, нужно же какое-
нибудь общее имя для означенія сборника
древнихъ стихотвореній: зачѣмъ же выду-
мывать новое, когда уже глаза всей читаю-
щей публики приглядѣлись въ печати къ
имени Кирши Данилова? Во-вторыхъ, что
имя его могло стоять на заглавномъ ли-
стѣ—это вѣрнѣе, чѣмъ то, что его не было
на немъ, ибо это имя упоминается въ тек-
стѣ пѣсни «А и не жаль мнѣ-ко битаго,
грабленаго». Разумѣется, смѣшно было бы
почитать Киршу Данилова сочинителемъ
древнихъ стихотвореній; но кто же говорилъ
или утверждалъ это? Всѣ эти стихотворенія
неоспоримо древнія. Начались они, вѣроятно,
во времена татарщины, если не раньше: по
крайней мѣрѣ всѣ богатыри Владиміра
Красна-Солнышка безпрестанно сражаются
въ нихъ съ татарами. Потомъ каждый вѣкъ
и каждый пѣвунъ или сказочникъ измѣнялъ
ихъ по-своему, то убавляя, то прибавляя
стихи, то переименовая старые. Но сильнѣй-
шему измѣненію они подверглись, вѣроятно,
во времена единодержавія въ Россіи. И по-
тому отнюдь не удивительно, что удалой ка-
закъ Кирша Даниловъ, «гуляка праздный»,
не оставилъ ихъ совершенно въ томъ видѣ,
какъ слышалъ отъ другихъ. И онъ имѣлъ
на это полное право: онъ былъ поэтъ въ
душѣ, что достаточно доказывается его

страстью къ поэзіи и терпѣніемъ положить
на бумагу 60 большихъ стихотвореній. Нѣ-
которые изъ нихъ могутъ принадлежать и
самому ему, какъ выше выписанная нами
пѣсня: «А и не жаль мнѣ-ко битаго, гра-
бленаго». На Руси изстари заведено, что
умный человѣкъ—непремѣнно горькій пьяни-
ца: такъ или почти такъ справедливо за-
мѣтилъ гдѣ-то Гоголь. Въ слѣдующей пѣснѣ,
отличающейся глубокимъ и размашистымъ
чувствомъ тоски и грустной ироніей, Кирша
Даниловъ является истиннымъ поэтомъ рус-
скимъ, какой только возможенъ былъ на
Руси до вѣка Екатерины Великой:

„А и горе, горе, гореваньце!
А и въ горѣ жить—не кручинну быть,
Нагому ходить—не стыдиться,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни
Не бывать плѣшатаму кудрявому,
Не бывать гуляшему богатому,
Не отстротить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А и горе, горе, гореваньце!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пирь—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.
Какъ я нагъ то сталъ, насмѣялся ояъ.“

Кирша Даниловъ жилъ въ Сибири, какъ
это видно изъ частыхъ выраженій «а по
нашему по-сибирскому», и изъ нѣкоторыхъ
поэмъ, посвященныхъ памяти подвиговъ за-
воевателя Сибири, Ермака. Очень вѣроятно,
что въ Сибири Кирша имѣлъ больше, чѣмъ
гдѣ-нибудь, возможности собрать древнія
стихотворенія: обыкновенно колонисты съ
особенной любовью и особеннымъ стараніемъ
хранятъ памятники своей первобытной ро-
дины. Вообще въ Сибири и теперь еще со-
хранился во всей чистотѣ первобытной ду-
ховный типъ старой Руси.

«Древнія Стихотворенія», заключающіяся
въ сборникѣ Кирши Данилова, большей
частью эпическаго содержанія въ сказоч-
номъ родѣ. Есть большая разница между
поэмой или рапсодомъ и между сказкой. Въ
поэмѣ поэтъ какъ бы уважаетъ свой пред-
метъ, ставитъ его выше и хочетъ въ дру-
гихъ возбудить къ нему благоговѣніе; ска-
зочникъ—себѣ на умъ: цѣль его занять
праздное вниманіе, разсѣять скуку, поваба-
вить другихъ. Отсюда происходитъ большая
разница въ тонѣ того и другого рода про-
изведеній: въ первомъ важность, увлече-
ніе, иногда возвышающееся до паэоса, от-
сутствіе ироніи, а тѣмъ болѣе—пошлыхъ
шутокъ; въ основаніи второго всегда за-

мѣтна задняя мысль, замѣтно, что разсказчикъ самъ не вѣрить тому, что разсказываетъ, и внутренно смѣется надъ собственными разсказомъ. Это особенно относится къ русскимъ сказкамъ. Кромѣ «Слова о Пѣлгу Игоревѣ», изъ народныхъ произведеній у насъ нѣтъ ни одной поэмы, которая не носила бы на себѣ сказочнаго характера. Русскій человѣкъ любитъ небывлицы какъ забаву въ праздныя минуты долгихъ зимнихъ вечеровъ, но не подозреваетъ въ нихъ поэзіи. Ему странно и дико было бы узнать, что ученые бары списываютъ и печатаютъ его розсказы и побасенки не для шутки и смѣха, а какъ что-то важное. Онъ отдаетъ преимущество пѣснѣ передъ сказкой, говоря, что «пѣсня—быль, а сказка—ложь». У него нѣтъ никакого предчувствія о близкомъ сродствѣ вымысла съ творчествомъ: вымыслъ для него все рѣвно, что ложь, что вздоръ, что чепуха. А между тѣмъ «Древнія Стихотворенія» — не сказки собственно, но, какъ мы сказали, поэмы въ сказочномъ родѣ. Можетъ быть, первоначально они явились чисто эпическими отрывками, а потомъ уже, измѣняясь со временемъ, получили свой сказочный характеръ; можетъ быть также, что вслѣдствіе варварскаго понятія о вымыслѣ и съ самаго начала явились они поэмами-сказками, въ которыхъ поэтической элементъ былъ пересиленъ прозой народнаго взгляда на поэзію. Въ книжкѣ Сахарова «Русскія Народныя Сказки» есть нѣсколько сказокъ почти одинаковаго содержанія и почти такъ же изложенныхъ, какъ нѣкоторыя «Былины Русскихъ Людей», помѣщенные имъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа». Разница въ томъ, что въ сказкахъ есть нѣкоторыя лишнія противъ былины подробности, и въ томъ, что первыя напечатаны прозой, а вторыя—стихами. И мы думаемъ, что Сахаровъ сдѣлалъ это не безъ основанія: хотя и всѣ наши сказки сложены какой-то мѣрной прозой, но этотъ метризмъ, если можно такъ выразиться, составляетъ въ нихъ побочное достоинство и часто нарушается мѣстами, тогда какъ въ поэмахъ метръ, хотя и силлабическій, и при томъ не всегда правильный, составляетъ ихъ необходимую принадлежность. Сверхъ того есть нѣкоторая разница въ манерѣ, въ замашкѣ разсказа между сказкой и поэмой: первая объемлетъ собою всю жизнь богатыря, начинается его рожденіемъ, а оканчивается смертью; поэма, напротивъ, схватываетъ одинъ какой-нибудь моментъ изъ жизни богатыря и силится создать изъ него нѣчто отдѣльное и цѣльное. И потому одна сказка заключаетъ въ себѣ два, три и болѣе эпическіе рапсода, какъ, напримѣръ, о Добрынѣ и объ Ильѣ Муромцѣ. Въ тонѣ

сказокъ болѣе простонароднаго, житейскаго, прозаическаго; въ тонѣ поэмъ болѣе поэзіи, полету, одушевленія, хотя и тѣ, и другія разсказываютъ часто объ одномъ и томъ же предметѣ и очень сходно, нерѣдко одними и тѣми же выраженіями. Такъ какъ русскій человѣкъ почиталъ сказку «пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее», то онъ не только не гонялся за правдоподобіемъ и естественностью, а еще какъ будто поставлялъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до безмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпнѣе, тѣмъ лучше и занимательнѣе. Это перешло и въ поэмы, которыя преисполнены самыми рѣзкими несообразностями. Мы сейчасъ дадимъ это увидѣть самимъ читателямъ напимъ, — для чего и перескажемъ имъ вкратцѣ содержаніе всѣхъ поэмъ, находящихся въ сборникѣ Кирши Данилова.

Намъ удавалось слышать до крайности странное мнѣніе, будто изъ нашихъ сказочныхъ поэмъ можно составить одну большую цѣлую поэму, подобно тому, какъ будто бы изъ рапсодовъ была составлена «Иліада». Теперь уже и о происхожденіи «Иліады» многими оставлено такое мнѣніе, какъ неосновательное; что же до нашихъ рапсодовъ, то мысль склеить ихъ въ одну поэму — есть злая насмѣшка надъ ними. Поэма требуетъ единства мысли, а вслѣдствіе ея — гармоніи въ частяхъ и цѣлости въ общемъ. Изъ содержанія нашихъ рапсодовъ, мы увидимъ, что искать въ нихъ общей мысли — все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ. Они ничѣмъ не связаны между собой; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково, обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія къ прозѣ содержится въ нихъ, какъ ложка меду къ бочкѣ дегтю. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней; каждая изъ нихъ сама по себѣ не вытекаетъ изъ предыдущей, ни заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей. Внѣшнее единство «Иліады» основано на гнѣвѣ Ахиллеса противъ Агамемнона за плѣнницу Бризеиду; Ахиллесъ отказывается отъ боя, и вслѣдствіе этого эллины претерпѣваютъ страшныя пораженія отъ троянъ и погибаетъ Патроклъ; тогда Ахиллъ мирится съ Агамемнономъ, поражаетъ торжествовавшихъ троянъ и убійствомъ Гектора выполняетъ свою клятву мщенія за смерть Патрокла. Потому-то въ «Иліадѣ» вторая пѣсня слѣдуетъ за первой, а третья — за второй, и такъ далѣе отъ первой до 24-й включительно, не по цифрамъ, въ началѣ ихъ произвольно поставленнымъ собирателемъ, а по внутреннему развитію хода событій. Въ нашихъ же рапсодахъ нѣтъ об-

шаго событія, нѣтъ одного героя. Хоть и паберется поэмъ двадцать, въ которыхъ упоминается имя великаго князя Владиміра Красна-Солнышка, но онъ является въ нихъ внѣшнимъ только героемъ; самъ не дѣйствуетъ ни въ одной, а вездѣ только пируетъ, да похаживаетъ по гридницѣ свѣтлой, расчесывая кудри черныя. Чтѣ же касается до связи этихъ поэмъ, то нѣкоторыя изъ нихъ точно должны бы слѣдовать въ книгѣ одна за другой, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ Балайдовичъ, напечатавшій ихъ, вѣроятно, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ находились въ сборникѣ Кириши Данилова. Но это относится къ очень немногимъ, такъ что не болѣе трехъ могутъ составить одно, и это одно всегда имѣетъ своего героя, помимо Владиміра, о которомъ во всѣхъ равно упоминается. Герои эти—богатыри, составлявшіе дворъ Владиміра. Они со всѣхъ сторонъ стекаются къ нему на службу. Это, очевидно, отголосокъ старины, отраженіе давней быди, въ которой есть своя доля истины. Владиміръ не является въ этихъ поэмахъ ни лицомъ дѣйствительнымъ, ни характеромъ опредѣленнымъ, а, напротивъ, какой-то мѣстической полутѣнью, какимъ-то сказочнымъ полуобразомъ, болѣе именемъ, нежели человѣкомъ. Такъ-то поэзія всегда вѣрна исторіи: чего не сохранила исторія, того не передастъ и поэзія; а исторія не сохранила намъ образа Владиміра-язычника, поэзія же не дерзнула коснуться Владиміра христіанина. Нѣкоторыя изъ богатырей Владиміра переданы намъ этой сказочной поэзіей, какъ-то: Алеша Поповичъ съ другомъ своимъ Екимомъ Ивановичемъ, Дунай сынъ Ивановичъ, Чурило Пленковичъ, Иванъ Гостинный сынъ, Добрыня Никитичъ, Погockъ Михайло Ивановичъ, Илья Муромецъ, Михайло Казариновъ, Дюкъ Степановичъ, Иванъ Гоудиновичъ, Гордей Блудовичъ, жена Ставра Боярина, Касьянъ Михайловичъ; нѣкоторыя только упоминаются по имени, какъ-то: Самсонъ Колывановичъ, Суханъ Домантьевичъ, «Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой», семь братьевъ Збродовичей и два брата Халиловы... Но пусть само дѣло говоритъ за себя.

Начнемъ съ Алешы Поповича.

Изъ славнаго Ростова, красна города, вылетывали два ясные сокола, выѣзжали два могучіе богатыря.

Что по имени Алешинька Поповичъ младъ, А съ молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.

Наѣхали они въ чистомъ полѣ на три дороги широкія, а при тѣхъ дорогахъ лежитъ горячъ-камень съ надписями; Алеша Поповичъ проситъ Екіма Ивановича, «какъ въ грамогѣ поученаго человѣка», прочесть тѣ надписи. Одна изъ нихъ означала путь въ

Муромъ, другая—въ Черниговъ, третья—«ко городу Кіеву, ко ласкову князю Владиміру.» Екимъ Ивановичъ спрашиваетъ, куда ѣхать; Алеша Поповичъ рѣшилъ—къ Кіеву. Не доѣхавши до Сафатъ-рѣки (?), остановились на зеленыхъ лугахъ покормить добрыхъ коней. Здѣсь мы остановимся съ ними, чтобъ спросить, чтѣ это была за рѣка Сафатъ, протекавшая между Ростовомъ и Кіевомъ? Вѣроятно, она зашла туда изъ Палестины... Разбивъ шатры, стреноживъ коней, добры молодцы стали «опочивъ держать».

Прошла та ночь осенняя.

Ото сна пробуждается,

Встаетъ рано ранешенько,

Утреннюю зарю умываетъ,

Вълюку ширинкою утирается,

На востокъ онъ, Алеша, Богу молится.

Екимъ Ивановичъ поймалъ коней, напоилъ ихъ въ Сафатъ-рѣкѣ и, по приказанію Алешки, осѣдалъ ихъ. Лишь только хотѣли они ѣхать «ко городу Кіеву», какъ попадаетъ имъ калика переходжій.

Лапотки на немъ семи шелковъ,

Подковырены чистымъ серебромъ,

Личико унизано краснымъ золотомъ,

Шуба соболиная, долгополая,

Шляпа сорочинская, земли греческой.

Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,

Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу чебурачкаго.

Вопросъ, какъ же шелепуга могла быть въ тридцать пудъ, если одного свинцу въ ней было пятьдесятъ пудъ?... Калика говорилъ имъ таково слово:

Гой вы еси, удалы добры молодцы!

Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:

Въ вышину ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,

Промежъ плечей косая сажень,

Помежду глазъ колена стрѣла;

Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,

Изъ хайлища пламенъ дышетъ,

Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Алеша Поповичъ «привязался» къ каликѣ, отдаетъ ему свое платье богатырское, а у него проситъ себѣ каличьаго,—и его просьба состоитъ въ повтореніи слово въ слово выписанныхъ нами стиховъ, изображающихъ одѣяніе и оружіе калики. Калина соглашается, и Алеша Поповичъ, кромѣ шелепуги, беретъ еще про запасъ чингалище булатное и идетъ за Сафатъ-рѣку.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,

Продрогнула дубровушка зеленая,

Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.

Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:

„Гой еси, калика переходжоя!

А гдѣ ты слышалъ, и гдѣ видалъ

Про млада Алешу Поповича:

А и я бы Алешу копьемъ закололъ,

Копьемъ закололъ и огнемъ бы спалилъ“.

Говорилъ тутъ Алеша каликовъ:

„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!

Поѣзжай поближе ко мнѣ,

Не слышу я, что ты говоришь".
 Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ
 Сверстался Алеша Поповичъ младъ, [младъ.
 Противъ Тугарина Змѣевича,
 Хлопнулъ его шелепугою по буйной головѣ,
 Расшибъ его буйную голову—
 И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
 Вскочилъ ему Алеша на черну грудь,
 Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
 „Гой еси ты, калика переходжа!
 Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
 Только ты Алеша Поповичъ младъ,
 Семь побратуемъ съ тобою".
 Втапоры Алеша врагу не вѣрвалъ,
 Отрѣзалъ ему голову прочь,
 Платье съ него снималъ пѣвтное [дѣвалъ.
 На сто тысячъ—и все платье на себя на-

Увидѣвъ Алешу Поповича въ платьѣ Тугарина Змѣевича, Екимъ Ивановичъ и калика переходжій пустился отъ него бѣжать; когда же онъ ихъ нагналъ, Екимъ Ивановичъ бросилъ себѣ назадъ палицу въ тридцать пудъ, попалъ Алешѣ въ грудь—и тотъ повалился съ коня замертво.

Втапоры Екимъ Ивановичъ
 Скочилъ съ добра коня, съѣлъ на груди ему:
 Хочетъ пороть груди бѣлыя
 И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
 Самъ заплакалъ, говорилъ каликъ переходжему:
 „По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
 Что убилъ своего брата родимаго".
 И стали его оба трясти и качать,
 И потомъ подали ему вина заморскаго;
 Отъ того онъ здравъ сталъ.

Алеша Поповичъ обмѣнялся съ каликой
 платьемъ, а Тугариново положилъ себѣ въ
 чемоданъ. Приѣхали въ Кіевъ.

Скочили съ добрыхъ коней,
 Привязали къ дубовымъ столбамъ,
 Пошли во свѣтлы грядни;
 Молятся Спасову образу,
 И бьютъ челомъ, поклоняются
 Князю Владиміру и княгинѣ *Апраксыевнѣ*,
 И на всѣ четыре стороны;
 Говорилъ имъ ласковый Владиміръ князь:
 „Гой вы еси, добры молодцы!
 Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:
 А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
 По изотчеству можно пожаловати".
 Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
 „Меня, осударь, зовутъ Алешю Поповичемъ,
 Изъ города Ростова, стараго пона соборнаго".
 Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
 Говорилъ таковы слова:
 „Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 По отчеству садися въ большое мѣсто, въ
 передній уголокъ,

Въ другое мѣсто богатырское,
 Въ дубову скамью противъ меня,
 Въ третье мѣсто куда самъ захочешь".
 Не садился Алеша въ мѣсто большое,
 И не садился въ дубову скамью,
 Съѣлъ онъ со своими товарищи на полатный
 брусъ (!!!)

Вдругъ—о чудо!—на золотой доскѣ двѣнадцать богатырей несутъ Тугарина Змѣевича—того самаго, которому такъ недавно Алеша отрубилъ голову,—несутъ живого и сажаютъ на большое мѣсто:

Соч. Бѣлинскаго. Т. II

Тутъ повары были догадливы:
 Покесли яства сахарныя и питья медвяныя,
 А питья все заморскія.
 Стали тутъ пить, ѣсть, прохладатися;
 А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣсть:
 По дѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
 Тѣ ковриги монастырскія;
 И нечестно Тугаринъ питья пьетъ:
 По дѣлой чашѣ охлестываетъ,
 Котора чаша въ полтретья ведра.
 И говоритъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
 „Гой еси ты, ласковый сударь, Владиміръ!
 Что у тебя за болванъ пришелъ, [князь!
 Что за дуракъ неотесанной!
 Нечестно у князя за столомъ сидеть,
 Ко княгинѣ онъ, собака, руку въ пазуху
 Цѣлуетъ во уста сахарныя, [кладетъ,
 Тебѣ, князю, насмѣхается".

Далѣе Алеша говоритъ, что у его отца была скверная собака, которая подавила его костью, и которую онъ, взявши за хвостъ, подъ гору махнулъ: «отъ меня Тугарину то же будетъ.»

Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь,
 Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.

Начавши рушить лебедь бѣлую, княгиня
 обрѣзала себѣ рученьку лѣвую,

Звернула рукавомъ, подъ столъ опустила,
 Говорила таково слово:

„Гой вы еси, княгини, боярыни!
 Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
 Либо смотрѣть на милъ живогъ
 На молода Тугарина Змѣевича".

Тугаринъ схватилъ лебедь бѣлую, да разомъ
 ее за щеку, да еще ковригу монастырскую.
 Алеша опять повторяетъ свое воззваніе къ
 Владиміру тѣми же словами; только вмѣсто
 собаки говоритъ о коровницѣ старой, кото-
 рая, забившись въ поварню, выпила чашъ
 браги прѣсныхъ и оттого лопнула, и
 которую онъ, Алеша, за хвостъ да подъ
 гору: «Отъ меня Тугарину то же будетъ.»
 Потемнѣвъ, какъ осенняя ночь, Тугаринъ
 бросилъ въ Алешу чингалищемъ булатнымъ,
 но Поповичъ «на то-то вертокъ быть», и
 Тугаринъ не попалъ въ него. Екимъ спра-
 шиваетъ Алешу: самъ ли онъ бросилъ въ
 Тугарина, али ему велить? Алеша сказалъ,
 что онъ завтра самъ съ нимъ перевѣдается,
 подъ великій закладъ—не о ста рублякъ,
 не о тысячѣ, а о своей буйной головѣ.
 Князья и бояре скочили на рѣзвы ноги, и
 всѣ за Тугарина поруки держатъ: князья
 владутъ по сту рублевъ, бояре по пятиде-
 сяти, крестьяне (?) по пяти рублевъ, а
 случившіеся тутъ гости купеческіе подни-
 сываютъ подъ Тугарина три корабля свои
 съ товарами заморскими, которы стоятъ на
 быстромъ Днѣпрѣ; а за Алешу подписываютъ
 владыка черниговскій.

Втапоры Тугаринъ и вонъ ушелъ,
 Садился на своего добраго коня,

Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подь небесью летать.

Смочила княгиня Апраксѣвна на рѣвы ноги,
Стала пенять Алешѣ Поповичу:
Деревенщина ты, засельщина!
Не даль посадить другу милому.
Втапоры Алеша того не слушался,
Земля съ товарищи и вонъ пошелъ.

На берегу Сафать-рѣки пустили они коней въ зеленые дуга, разбили шатры и стали «почивъ держать». Алеша всю ночь не спитъ, со слезами Богу молится, чтобъ послать тучу грозную; молитва Алешина дошла до Христа, послалъ онъ «тучу съ градомъ дождя», подмочилъ Тугарину крылья бумажныя, и лежитъ онъ, какъ собака, на сырой землѣ. Екимъ извѣщаетъ Алешу, что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ, — Алеша снаряжается, садится на добра коня, беретъ сабельку остроу.

И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу По-Заревѣлъ аичнымъ голосомъ: [повича.
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хопь ли я тебя огнемъ спалю,
Хопь ли, Алеша, конемъ стопчу,
Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?“
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Бился ты со мной о великъ закладъ,
Биться, драться единъ-на-единъ:
А за тобою новъ силы смѣты нѣтъ
На меня Алешу Поповича.“
Оглянется Тугаринъ назадъ себя, [билъ—
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову сру-
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котель.

Проколовъ уши головѣ Тугарина, Алеша привязалъ ее къ сѣдлу, привезъ въ Киевъ въ княжескій дворъ и бросилъ среди двора! А Владимиръ князь повелъ его во свѣтлы гридни, сажалъ за убранны столы— тутъ для Алешы и столъ пошелъ. За столомъ говорить ему Владимиръ князь:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часть ты мнѣ святъ далъ:
Пожалуй, ты живи въ Киевѣ,
Служи мнѣ, князю Владимиру—
До любви тебя покалужу.“
Втапоры Алеша Поповичъ младъ князя не сталъ служить вѣрою и правдою; [ослушался,
А княгиня говоритъ Алешѣ Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретинимъ.“
Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
„А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣвна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою.“
То старина, то и дѣянье.

И вотъ, читатели, вы уже знакомы съ однимъ изъ богатырей «ласкова князи Владимира Красна-Солнышка», вы уже знаете, за какую службу и съ какими обрядами Алеша былъ принятъ ко двору его. Тутъ не было рыцарскаго посвященія; не ударили по плечу шпагой, не надѣвали серебряныхъ шпоръ; битва была не за красоту, а

противъ красоты, красоты весьма неграціозной и въ словахъ, и въ манерахъ, и въ характерѣ. Не ищите тутъ миссовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ, не ищите художественныхъ красотъ поэзіи; но въ этихъ странныхъ и оригинальныхъ оборотахъ все-таки есть поэтическіе элементы, если не поэзія; въ этихъ дикихъ и неопредѣленныхъ образахъ народной фантазіи все-таки есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли, — даже, если хотите, есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не человѣчеству принадлежащая; и—повторяемъ—несмотря на дубоватую неграціозность образовъ, выраженіе, чуждо мысли, очень и очень не чуждо поэзіи. Что же касается до героя, онъ является съ характеромъ. Поповичъ—это богатырь больше хитрый, чѣмъ храбрый, больше находчивый, чѣмъ сильный. Онъ идетъ на битву съ Тугаринымъ переодѣвшись, подь чужимъ видомъ; завидя врага, «онъ едва живъ идетъ» (разумѣется, отъ трусости); на возгласъ Тугарина прикидывается глухимъ, и когда тотъ подходитъ къ нему ближе, чтобы говорить съ нимъ, а не сражаться—онъ вдругъ хватаетъ его по головѣ шелепугой въ тридцать пудъ; Тугаринъ предлагаетъ ему побрататься, но не на таковского нападъ: Алеша не дастся въ обманъ по великодушію рыцарскому—«втапоры Алеша врагу не вѣрвалъ». Готовясь ко второй битвѣ, онъ, въ смиренномъ сознаніи своихъ богатырскихъ силъ, молится о дождѣ, чтобъ подмочило у Змѣя бумажныя крылья, — и когда тотъ полетѣлъ на него, онъ опять прибѣгаетъ къ обману; «ты—говоришь онъ ему—держалъ закладъ биться со мной единъ-на-единъ, а за тобой сила несмѣтная противъ меня.» Змѣй оглядывается назадъ, и Алеша въ эту минуту рубитъ ему голову. Екимъ Ивановичъ—добрый и честный богатырь: но онъ служить Алешѣ и безъ его спросу ничего не дѣлаетъ. Это—меньшой названный братъ его; это добродушная, честная сила, добровольно покорившаяся хитрому уму. Тугаринъ—хвастунъ, нахаль, невѣжа; онъ при всѣхъ, весьма не по-рыцарски, весьма неграціозно любезничаетъ съ Апраксѣвной; онъ у князя какъ у себя дома: ковригами глотаетъ, ушатами запиваетъ, какъ бы для показанія полнаго своего презрѣнія къ обременному супругу, какъ бы для того, чтобъ при всѣхъ надругаться надъ нимъ. Это идеаль стариннаго русскаго любовника чужой жены, которому мало наслажденія, — нужно еще ругаться и ломаться надъ несчастнымъ мужемъ... Мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ лицомъ, состоящимъ, какъ видно, на роляхъ любовниковъ въ репертуарѣ народнаго театра жизни;

онъ еще явится намъ и подъ другимъ именемъ, но всегда змѣемъ. Въ его безобразномъ и безъобразномъ лицѣ осуществилось сознание о любви,—и если этотъ русскій Донъ-Хуанъ, этотъ Ромео не совѣмъ благообразенъ,—причина тому—особое созерцаніе чувства любви. Любовь до того была изгнана изъ тѣснаго круга народнаго созерцанія жизни, что въ самомъ бракѣ являлась какимъ-то чуждымъ элементомъ, враждебнымъ святости союза, освящаемаго религіей; въ же брака, она—бѣсовская предель, дьявольское навожденіе, нечистое вождельніе Змѣя Горычата, преступная контрабанда жизни. Удивительно ли послѣ этого, что эта любовь является въ подобныхъ поэмахъ такъ простонародно неестественной, такъ цинически чувственной, такъ оскорбительной и возмутительной для чувства, въ такихъ грубыхъ формахъ? Удивительно ли послѣ того, что любовникъ въ этихъ поэмахъ является въ видѣ змѣя, съ характеромъ хвастуна, наглеца и труса, а любовница представляется въ видѣ грубой, наглой и безстыдной бабы, съ манерами и замашками площадной торговки, и даже—какъ увидимъ это ниже—въ видѣ колдуньи злой еретницы?.. Самый развратъ—какъ онъ ни преступенъ передъ судомъ морали—можетъ имѣть свою поэзію и свою грацію, если онъ выходитъ изъ пламеннаго клокотанія необузданной страсти, изъ неукротимаго стремленія къ наслажденію; но въ нашихъ «любовницахъ» не замѣтно ни тѣни поэзіи или граціи. Здѣсь опять та же причина: любовь, по нашему народному созерцанію, не есть чувство, не есть страсть, а какой-то холодный, циническій развратъ. Въ княгинѣ Апраксѣевнѣ олицетворенъ идеалъ любовницы,—идеалъ, котораго полное осуществленіе мы видимъ въ Маринѣ, неприятельницѣ Добрыни Никитыча и любовницѣ Змѣя Горычата. Странно только, какимъ образомъ народная фантазія, выразившая въ Апраксѣевнѣ народный идеалъ, свергнувшей съ себя узы общественной нравственности и приличія женщины, навязала ее въ жены любимцу преданія, солнцу своей древней жизни и поэзіи—князю Владиміру. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ историческій, Владиміръ, окруженный богатырями, женящійся отъ живой жены, есть Владиміръ язычникъ: народная поэзія, какъ мы свазали, не смѣла коснуться Владиміра историческаго, и потому не передала намъ ни его похода въ Корсунъ, ни отношеній къ Византіи, ни послѣдовавшаго за тѣмъ времени его царствованія, переданнаго исторіей и церковью. Если же въ этихъ поэмахъ нѣтъ ни языческихъ именъ дѣйствующихъ лицъ, ни языческихъ боговъ,

а, напротивъ, часто упоминается о церквяхъ, объ образахъ, о вѣнчаніи,—то это анахронизмъ, въ родѣ того, что Владиміровы богатыри, какъ мы увидимъ ниже, беспрестанно сражаются съ татарскими ханами, мурзами и улановьями и беспрестанно ѣздятъ въ Золотую Орду. Это служить новымъ доказательствомъ нашей мысли, что эти поэмы или сложены были во время татарщины, если не послѣ нея, а отъ старины воспользовались только мифическими, смутными преданіями и именами, или что онѣ были переиначены и передѣланы во время или послѣ татарщины.

Мы еще два раза встрѣтимся съ Алексѣемъ Поповичемъ, и увидимъ, что даже, являясь вскользь, онъ не измѣняетъ своего характера—Поповича; теперь же перейдемъ къ другому богатырю, женившему князя Владиміра.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владиміра,
А и было пированье, почетный пиръ,
Было столованье, почетный столъ.
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ во полу столъ;
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гридѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ;
Говоритъ онъ, сударь, ласковый
Владиміръ князь, такое слово:
„Гой еси ты, князи и бояра, и могучіе
Вся вы въ Кіевѣ пережелены, [богатыри,
Только я, Владиміръ князь, холостъ жоу!
А и холостъ я жоу, не женатъ гуляю;
А кто мнѣ-ка знаетъ супротивницу,
Супротивницу знаетъ красну дѣвицу:
Какъ бы та дѣвица станомъ статна,
Станомъ бы статна и умомъ свершна,
Ея бѣлое лицо какъ бы бѣлый снѣгъ,
И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
А и черныя брови какъ бы соболи,
А и ясныя очи какъ бы у сокола.“

Тутъ большой за меньшого хоронится, а отъ меньшого отвѣта князю нѣтъ; тогда выступаетъ изъ стола Иванъ Гостиный Сынъ и кричитъ зычнымъ голосомъ, прося слово молвити, слово единое, безо пальное: «Я ли де Иванъ въ Золотой Ордѣ бывалъ у грознаго короля Егмануѣла Егмануѣловича и видѣлъ его двухъ дочерей: первая дочь Настасья Королевишна, а другая—Афросинья Королевишна; сидятъ Афросинья въ высокомъ терему, за тридцать замками булатными; а и буйные вѣтры не вихнуть на нее, а красное солнце не печеть лицо: а те-то, сударь, дѣвушка станомъ статна, станомъ статна и умомъ свершна (слѣдуетъ повтореніе четырехъ послѣднихъ стиховъ изъ рѣчи князя Владиміра); посылай ты, сударь, Дуная свататься.» Князь приказалъ налить чашу зелена вина въ полтора ведра и подносить ее Ивану Гостинюму за тѣ слова его хоронитъ.

Привалъ онъ, князь, Дуная Ивановича въ спальню съ себѣ и посылалъ его на добродѣлю, на сватанье, и давалъ ему золотой казны, триста жеребцовъ и могучихъ богатырей; подносили онъ ему, Дунаю, чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретя ведра; разгорѣлся утроба богатырская, и могучія плечи расходились, какъ у молода Дуная Ивановича; не беретъ онъ золотой казны, не надо ему триста жеребцовъ и могучихъ богатырей, а просить онъ себѣ одного молодца, какъ бы молода Екима Ивановича, который служитъ Алешкѣ Поповичу. А и князь тотчасъ самъ Екима руками привелъ: «Вотъ-де те, Дунаю, будетъ паробочекъ». И прѣехали добры молодцы, Дунай да Екимъ, въ Золотую орду, къ тому ли грозному королю Етмануиу Етмануиловичу. Говорить тутъ Дунай таково слово:

„Гой еси, король въ Золотой Ордѣ!
У тебя ли во полатахъ бѣлокаменныхъ
Нѣту Спасова образа,
Некому у тебя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися.“
Говорить тутъ король Золотой Ордѣ,
А и самъ онъ король усмѣхается:
„Гой еси, Дунай, сынъ Ивановичъ!
Али ты ко мнѣ прѣхалъ по-старому слу-
жить и попрежнему?“

Дунай объявляетъ королю о цѣли своего прѣзда. А и тутъ королю за бѣду стало, а рветъ на головѣ кудри черныя и бросаетъ о «кирничеть» полъ и говоритъ, какъ бы не его, Дуная, прежняя служба, велѣлъ бы посадить его въ погребѣ глубокіе и уморилъ бы смертью голодною за тѣ его слова за бездѣльныя. Тутъ Дунаю за бѣду стало, разгоралось его сердце богатырское, вынималъ онъ сабельку острую и говорилъ таковы слова: «какъ бы де у тебя во дому не бывалъ, хлѣба-соли не ѣдать, сѣбѣ бы по плечи буйную голову.» Тутъ король не ла домъ заревѣлъ зычнымъ голосомъ, пси борзы заходили на цѣпяхъ, а и хочетъ Дуная живьемъ сравить тѣми кобелями меделянскими. Дунай закричалъ къ Екиму: а тѣ мурзы, улановья не допустятъ Екима до добра коня, до его палицы тяжкія, мѣдныя, въ три тысячи пудъ; не попала ему палица желѣзная, что попала ему ось-то телѣжная, а и зачалъ Екимъ помахивати, и побилъ онъ силы семь тысячей, да пятьсотъ кобелей меделянскихъ. Король на все соглашался, и Дунай унималъ своего слугу вѣрнаго и пошелъ къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинія—двери у палатъ были желѣзныя, а крюки, пробои по булату зланы. «Хотѣ ноги изломить, а двери выставить.» Всѣ тутъ палаты запаталася, бросится дѣвица, испужалася, хочетъ Дуная въ уста цѣловать. Проговорилъ Дунай, сынъ

Ивановичъ: «А и ряженный кусъ, да не суженому ѣсть! Достанешься ты князю Владиміру.» И хотятъ они ѣхати; спохватился тутъ король Золотой Ордѣ, отрядилъ триста свои мурзы и улановья на тридцати телѣгахъ везти за Дунаемъ золото, серебро, жемчугъ скатный и каменя самоцвѣтные. Не доѣхавши до Кіева за сто версты, наѣхалъ Дунай на бродучій слѣдъ, велѣлъ Екиму вести невѣсту ко Владиміру «честно, хвально и радостно», а самъ поѣхалъ по тому слѣду свѣжему бродучему. Въ четвертыя сутки наѣхалъ онъ на тѣхъ на лугахъ на потѣпныхъ,—куда ѣздилъ ласковый Владиміръ князь всегда за охотою—на бѣлъ шатерь, а въ томъ шатрѣ опочивъ держитъ красна дѣвица, а и та ли Настасья Королевишна. *) Молодой Дунай онъ догадливъ былъ: пустилъ онъ изъ лука калену стрѣлу семи четвертей—

Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу.
А спѣла вѣдъ титивка у туга лука,
А дрогнетъ магушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго,—
Угодила стрѣла въ сыръ краковистый
дубъ,

Иаломала его въ черяня ножовые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто-
угорѣлая.

А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, съ добра коня,
И гораздъ онъ съ дѣвицею драгиса,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А паулъ онъ дѣвицу подъ...—
Женскій полъ отъ того пухолъ живеть,
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чыгалицею булатное,
А и хочетъ варѣзатъ груди бѣлыя;—
Втапоры дѣвица замолилася:
„Гой еси ты, удалой добрый молодець!
Не коли ты меня, дѣвицу, до смерти:
Я у батюшки, сударя, отпрощалася,
Кто меня побьетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ, дѣвицѣ, замужскъ итти.“

А и туто Дунай тому ей слову обрадовался. думаетъ онъ разумомъ своимъ: «Во семи ордахъ я служилъ семи королямъ, а не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы; нонѣ я напелъ во чистомъ полѣ обрушницу, сопротивницу.» Тутъ они обручилися, «вокругъ ракетава куста вѣнчались». Прѣехали они во градъ Кіевъ, а Владиміръ князь отъ злата вѣнца шелъ на свой княженецкій дворъ, и во свѣтлы грядни убиралися, за убранные столы сажалися. А и Дунай приходилъ въ церковь соборную, просить честныя милости у того архіерея соборнаго, обвѣнчать на той красной дѣвицѣ. Рады были тому поны соборные—«въ тѣ годы присяга не вѣдали»—обвѣнчали Дуная Ивановича; вѣнчальнаго далъ Дунай пятьсотъ рублей.

*) Сестра Афросинія, невѣсты Владиміра. Какъ она туда зашла—не спрашивайте: вѣль пѣсня—быль, а сказка—ложь.

Прѣбавъ ко двору князя Владимира, Дунай велѣлъ доложить ему, что не въ чемъ итти княгинѣ молодой—платя женскаго только одна и естъ епанечка бѣлая. А втапоры Владимиръ князь онъ догадивъ былъ, знаетъ онъ кого послать: послалъ онъ Чурила Пленковича выдавать платяще женское цвѣтное. (Послѣ этого пошло столованье). А жили они время не малое. На пиру у князя Владимира, пьяный Дунай расхвастался, что нѣтъ въ Киевѣ стрѣльца супротивъ его. Тутъ взговорила молодая княгиня Апраксѣевна (?), что нѣту-де въ Киевѣ такого стрѣльца, какъ любезной сестрицы ея Настасьи Королевишны. Тутъ Дунаю за бѣду стало, бросилъ съ женой жребій, кому прежде стрѣлять. Досталось Дунаю на головѣ кольцо держать, отмѣрили версту тысячу. Настасья каленой стрѣлой сшибла съ головы золото кольцо. Втапоры Дунай становилъ на примѣту свою молодую жену, и стала княгиня Апраксѣевна его упранивати: «то вѣдь шуточка пошучена.»

Да говорила же и его молода жена:
 «Оставимъ-де стрѣлять до другого дня,
 Есть-де въ утробѣ у меня могучъ бога-
 тьрь;
 Первой-де стрѣлкой не дострѣлишь,
 А другой-де перестрѣлишь,
 А третьей-де стрѣлкой въ меня угодишь.»

Князя и бояре и всѣ сильны могучи богатыри стали Дуная уговаривати, а онъ, Дунай, «озагорился» и стрѣлялъ перву стрѣлу.

И втапоры его молодая жена
 Стала ему кланяться и передъ нимъ убива-
 ватися:
 „Гой еси ты, мой любезный ладушка,
 Молодой Дунай, сынъ Ивановичъ!
 Оставь шутку на три дни,
 Хоть ни для меня, но для своего сына
 перожденнаго.
 Завтра рожу тебѣ богатыря,
 Что не будетъ ему сопровивника.“

Тому Дунай не повѣровалъ и третьей стрѣлой въ жену угодалъ; прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ, выдергивалъ чингалище булатное, скоро поролъ ей груди бѣлыя:—выскочилъ изъ утробы удалъ молодецъ, онъ самъ говоритъ таково слово:

„Гой еси, сударь, мой батюшка!
 Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
 А и я бы на свѣтъ былъ попрыжѣ
 И полутчѣ въ семь семерицъ тебѣ.“
 А и тутъ молодой Дунай, сынъ Ивановичъ, запечалился,
 Ткнулъ себя чингалищемъ въ бѣлыя
 груди,
 Сгоряча онъ бросился во быстру рѣку.
 Потому быстра рѣка Дунай слыветъ—
 Своимъ устьемъ впала въ сине море.

Теперь мы знакомы съ тремя богатырями Владимира. Послѣдній выше первыхъ двухъ—не правда ли? Въ немъ и умъ и сметли-

вость, и богатырская рьяность, и прямога силы и храбрости, на себя опирающейся. Если Дунай не совсѣмъ вѣжливо и далеко не по-рыцарски обошелся съ Настасьей Королевишной—это не его вина: тутъ выразилось сознание цѣлаго народа о любви и объ отношеніяхъ половъ. Сама Настасья не видитъ ничего страннаго или обиднаго для нея ни въ томъ, что Дунай билъ ее по щекамъ и угощалъ пинками, ни въ томъ, что онъ чингалищемъ булатнымъ хотѣлъ испоротъ ей груди бѣлыя: она съ тѣмъ и отпросилась у батюшки, что кто ее въ полѣ побьетъ, тотъ и за себя замужъ возьметъ. Колоченная посуда два вѣка живетъ—русскій человѣкъ свято вѣритъ глубокой мудрости этой азиатской пословицы, а потому другихъ бьетъ, не кается, и самого побьютъ—не гонится. При томъ же, если бъ Настасья одолѣла Дуная,—она не задумалась бы испоротъ ему груди бѣлыя чингалищемъ булатнымъ. Въ Настасьѣ Королевишнѣ осуществленъ идеаль амазонки по понятію русскаго человѣка. Жена богатыря должна рожать богатырей, а для этого сама должна быть богатыремъ своего пола. Поэтому Настасья и мастерица такая изъ лука стрѣлять, что за версту сшибла кольцо съ головы мужа. Отношенія половъ, по народному сознанию, всего лучше выражаются въ смерти Настасьи. Всѣ богатыри хвастливы, особенно въ русскіхъ сказкахъ; всѣ богатыри любятъ поддѣть, особенно русскіе; потому не удивителенъ вызовъ Дуная состязаться съ женой въ стрѣльбѣ. Просьбы другихъ, слезы жены только болѣе подстрекають его богатырскую рьяность и раздражаютъ упорный характеръ. Убивъ жену, онъ сибшитъ испоротъ ей бѣлыя груди: ни слезы, ни вздохъ для нея: но при видѣ сына, которому онъ не далъ своей опрочетчивостью созрѣть настоящимъ образомъ, въ немъ пробуждается отеческое, а слѣдовательно, и человѣческое чувство. Печаль его переходитъ въ отчаяніе, разрѣшающееся самоубійствомъ. Обстоятельство, по которому приписывается быстрому Дунаю его имя, заключаетъ въ себѣ много поэзіи, и простые, безыскусственные стихи:

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ—
 Своимъ устьемъ впала въ сине море—
 дышать какимъ-то успокоительнымъ и примирительнымъ чувствомъ: въ нихъ высказывается широкое, хотя и совершенно неопредѣленное созерцаніе.

Какимъ образомъ Настасья Королевишна могла развѣзжать по полямъ, ища, кто бы побилъ ее и женился на ней, въ то время, какъ сестра ея Афросинья сидѣла взаперти, за двѣнадцатю булатными замками; какимъ образомъ Афросинья Королевишна превращается, ни съ того, ни съ сего, въ княгиню

Апраксѣвну, которая называется Дуная зѣмь, а Настасью — сестрою — объ этомъ все и спрашивать у сказки. И неужели все жены Владиміра превращались въ Апраксѣвну?.. Не забудьте при томъ, что въ предшествовавшей поэмѣ Апраксѣвна уже отличалась съ Тугариномъ Змѣвичемъ; она не могла видѣть Екима прежде замужества Афросиньи, а между тѣмъ Екимъ видѣлъ ее прежде, чѣмъ увидѣлъ Афросинью, стало быть, Владиміръ называлъ себя холостымъ и хотѣлъ жениться отъ живой жены, а Афросинья превратилась въ Апраксѣвну для того, чтобъ избавить Владиміра отъ грѣха двоеженства?..

Вотъ тутъ и извольте составлять одну цѣлую поэму изъ народныхъ расповѣдей!..

Читатели, конечно, замѣтили въ предшествовавшей поэмѣ, когда Дунай проситъ платья для своей жены, слѣдующіе стихи:

Автапоры Владиміръ князь онъ догадливъ
былъ,

Знаетъ онъ кого послать:

Послалъ онъ Чурила Пленковича

Выдавать платьене женское цѣнное.

Стало быть, гдѣ касалось дѣло до чего-нибудь женскаго, Чурила Пленковичъ былъ на своемъ мѣстѣ? Оно такъ и есть, какъ мы сейчасъ увидимъ. Въ лицѣ Чурилы народное сознание о любви какъ бы противорѣчило себѣ, какъ бы неволью сдалось на обаяніе соблазнительнѣйшаго изъ грѣховъ. Чурила — волокита, но не въ змѣиномъ родѣ. Это молодецъ хоть куда, и лихой богатырь. Но онъ нисколько не противорѣчитъ нашему взгляду на сознание народное о любви. Крайности сходятся; въ фанатической Испаніи сывали примѣры вольнодумства, а въ Римѣ іерархія встрѣтила себѣ оппозицію прежде, чѣмъ въ самой Германіи. Въ этихъ случаяхъ должно брать въ соображеніе перевѣшивающій элементъ, а въ исключительныхъ явленіяхъ видѣть или случайности, или возможность въ будущемъ вступленія въ свои права и даже перевѣса противоположнаго элемента. И потому мы смотримъ на Тугариныхъ, какъ на нѣчто положительное, дѣйствительное и настоящее въ жизни древней Руси; а на Чурилу — какъ на фактъ, свидѣтельствовавшій о возможности въ будущемъ другого рода любовниковъ, какъ на новый элементъ жизни, только подавленный, но существующій.

Думая, что мы уже довольно познакомили читателей съ манерой и слогомъ поэмъ, расскажем о Чурилѣ своими словами и короче.

Во время столованія Владиміра къ нему являются незнакомые люди, челоуѣкъ за триста избитыхъ, избранныхъ молодецовъ:

Булавами буйными головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,

Бьютъ челоуѣ; жалобу творять.

Это стрѣльцы княжіе: цѣлый день они рыскали по займищамъ и не встрѣтили ни одного звѣря, а встрѣтили триста молодецовъ, которые звѣрей повыгнали и выловили, а ихъ перебили и переранили, и отъ того «князю добычи нѣтъ», а имъ жалованья нѣтъ, «дѣти, жены осиротѣли, пошли по міру скитаться.»

А Владиміръ князь стольный, кievскій,
Пьетъ онъ, ѣсть, прохлаждается,
Ихъ челоубитья не слушаетъ.

Не успѣла эта толпа сойти со двора — валить другая. Это рыболовы: съ ними та же исторія.

А Владиміръ князь стольный, кievскій,
Пьетъ онъ, ѣсть, прохлаждается,
Ихъ челоубитья не слушаетъ.

Не успѣла и эта толпа свалить со двора — валить вдругъ двѣ новыя: то сокольникы и кречетники. И съ ними то же. Противъ другихъ, они прибавили въ своемъ челоубитѣ, что ограбившая и прибывшая ихъ ватага называется дружиной Чуриловой. Тутъ Владиміръ князь за то слово спохватится: «кто это Чурила есть таковъ?» Выступался тутъ старый бояринъ Бермята Васильевичъ:

Яде, сударь, про Чурилу давно вѣдаю
Чурила живеть не въ Киевѣ,
А живеть онъ пониже малаго Киевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тытъ,
На всякой тычинкѣ по маковѣ,
А и есть по жемчужинкѣ,—
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Грядны бѣлодубовы,
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Поголокъ черныхъ соболей,
Матица-то валженая,
Поль середя одного серебро,
Крюки да проби по булату злачены.
Первыя у него ворота вальяцетыя,
Другія ворота хростальныя,
Третья ворота оловяныя.

Итакъ, Чурила Пленковичъ — щеголь, франтъ, живеть, какъ сатрапъ восточный. Владиміръ князь ѣдетъ къ нему со дворомъ своимъ, въ числѣ пятисотъ челоуѣкъ. Встрѣчаетъ ихъ старый Пленъ; для князя и княгини отворяетъ ворота вальяцетыя, а князь-ямъ и боярамъ — кристаллыя, а простымъ людемъ — ворота оловяныя. Пошло столованье великое — «веселая бесѣда; на радости день». Увидѣвъ въ окно толпу людей, князь говорить такое слово:

„По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,

Князя меня въ домѣ не случилось,
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
Или какой грозенъ посоль.“

Старый Пленко Сароженинъ только усмѣхается, самъ потчиваетъ и говорить, что то не король и не посоль ѣдетъ; а ѣдетъ-де дружина храбрая сына его, молода Чурила Пленковича. Къ вечеру, когда пиръ былъ

въ полу-пирѣ, а и столъ былъ въ полу-столѣ, ѣдетъ самъ Чурида Пленковичъ, «а передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не заекло солнце бѣла его лица.» Бралъ онъ, Чурида, ключи золотые, ходилъ въ подвалы глубокіе, вынималъ золоту казну: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другую сорокъ печерскихъ лисицъ, и камку бѣлохрущату, а дѣна камкъ сто тысячей; приносилъ онъ ко князю Владимиру, складъ передъ нимъ на дубовый столъ.

Втапоры Владимиръ князь стольный, кievскій Волюно со княгиней возрадовалися.

Говорилъ ему таково слово:

Гой еси ты, Чурида Пленковичъ!

Не подобаеъ тебѣ въ деревнѣ жить,

Подобаеъ тебѣ, Чурида, въ Кіевѣ жить,
князю служить!⁴

Втапоры Чурида князя Владимира не ослушался. И вотъ оми въ Кіевѣ; посылаетъ князь Чуриду князей и бояръ въ гости звать къ себѣ, «а зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ». Обходя гостей звать, Чурида зашелъ ко старому боярину Бермятъ Васильевичу, ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасной, — «и тутъ онъ позамѣшвался. Князь Владимиръ то замѣшканье ему ни во что положилъ. Пошло столованье и пированье. Тогда на другой день рано по-утру князи и бояри къ заутрени пошли — въ тотъ день выпадала пороша снѣгу бѣлаго — и нашли они свѣжій слѣдъ, — сами они дивуются: «либо зайка скакаль, либо бѣль горностай».

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:

Знать это не зайка скакаль, не бѣль горностай,

Это шель Чурида Пленковичъ

Къ старому боярину Бермятъ Васильевичу,

Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.»

Чурида Пленковичъ выдается изъ всего круга Владиміровыхъ богатырей: это самая гуманная личность между ними, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ женщинамъ, которыми онъ, кажется, посвятилъ всю жизнь свою. И потому въ поэмѣ о немъ нѣтъ ни одного грубаго или пошлаго выраженія; напротивъ, его отношенія къ Катеринѣ прекрасной отличаются какой-то рыцарской граціозностью и означаются болѣе намеками, нежели прямыми словами. Въ первый разъ онъ позамѣшвался у молодой жены стараго Бермяты; во второй разъ тайна его посѣщенія выдается предательской порошой и оглашается не его хвастовствомъ, а рѣчами другихъ, и рѣчами, противъ обыкновенія, умѣренными, даже поэтическими. За Чуриду можно поручиться, что онъ не сталъ бы ломаться надъ жертвой своего соблазна, не сталъ бы хвастаться побѣдою во честномъ пирѣ; тѣмъ болѣе можно поручиться, что онъ не сталъ бы бить женщину по щекамъ или толкать ее пинками — «жен-

скій-де полъ отъ того пухолъ бываетъ». А между тѣмъ онъ не нѣженка, не сентиментальный воздыхатель, а сильный, могучій богатырь, удалой предводитель дружины храброй. Конечно, онъ смѣшонъ, когда передъ нимъ, вмѣсто китайскаго зонтика, несутъ подсолнечникъ, чтобы не загорѣлось отъ солнца его лицо бѣлое; но онъ смѣшонъ граціозно: онъ — женскій угодникъ, который дорожитъ своей наружностью, а не нѣженка запечный, не беззубый и безкоготый левъ нашего времени.

Просимъ читателей вспомнить, что въ поэмѣ о женитбѣ князя Владимира вскользь является лицо Ивана Гостимаго Сына: теперь мы познакомимся съ нимъ, какъ съ героемъ особенной поэмы. Это — представитель другаго сословія, всегда столь важнаго въ началѣ гражданскихъ обществъ: хотя онъ не торговецъ, а богатырь, однако онъ явно сынъ купца, силой и храбростью сѣвній при дворѣ князя Владимира на богатырское мѣсто.

У князя Владимира было пированіе — почетный пиръ, а и было столованіе — почетный столъ на многи князи, бояра, на русскіе могучіе богатыри и гости богатые. Будеть день въ половиину дня, будеть пиръ во полу-пирѣ: Владимиръ князь распотѣшился, по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, таковыя слова поговариваетъ: «Есть ли-де кто въ Кіевѣ таково молодець, что похвалился бы на триста жеребцовъ — изъ Кіева бѣжать до Чернигова два девяносто-та мѣрныхъ версты, промежъ обѣдней и заутрени?»

Вызвался Иванъ Гостинный Сынъ и побился о великъ закладъ — не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, о своей буйной головѣ. Князья, бояре и гости корабельщики держатъ закладъ за Владимира на сто тысячъ, а за Ивана никто поруки не держитъ: пригодился тутъ владыка черниговскій и держитъ за него поруки крѣпкія на сто тысячей. Выпилъ Иванъ чару зелена вина въ полтора ведра, походилъ онъ на конюшню бѣлодубову ко своему доброму коню бурочкѣ, косматочкѣ, троелеточкѣ, падалъ ему во правое копытчко, самъ плачетъ, что рѣва лется. Выслушалъ добрый конь про кручину Ивана и сказалъ ему не печалиться:

„Сива жеребца того не боюсь,

Кологрива жеребца того не бдюдусъ.

Въ задорѣ войду — у Воронка уйду.“

Только ведѣлъ онъ своему ласковому конюшину водить себя по три зари, поить сытой медвяной и кормить сорочинскимъ пшеномъ. «А какъ, говоритъ, придетъ тотъ часъ урочный, ты не сѣдай, Иванъ, меня, добра-коня, только берись за шелковъ поводокъ, вздѣнь на себя шубу соболиную, котора шуба въ три тысячи, пуговки въ пять тыся-

той; я стану, бурка, передомъ ходить, копытами ва шубу посापывать, и по черному оболю выхватывать, на всѣ стороны побрасывать.—князи, бояры подивуются, и ты будешь живъ — шубу наживешь, а не будешь живъ—будто нашиваль.» И все было по сказанному, какъ по писанному. Зриваега бурко по туряному, онъ шипъ пустилъ по змѣиному; гриста жеребцовъ испужалися, съ княженецкаго двора разбѣжались; оивъ жеребець двѣ ноги изломилъ, колоривъ жеребець тотъ и голову сломилъ, полоненъ Воронко въ Золоту Орду бѣжить, онъ, хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ, а князи, бояры и всѣ люди купецкіе испужались, окорачъ они по двору наползались; а Владиміръ князь со княгинею печаленъ стали; кричить въ окошко косящатое, чтобы Иванъ уроде увель со двора, «за просты порука крѣпкія, записи всѣ изодраны». Втапоры владыко черниговскій на почестномъ пиру у великаго князя велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ съ товарами заморскими.—«А князи-де и бояры нивуда отъ насъ не уйдуть.»

Трудно объяснить значеніе этой поэмы иначе, какъ народнымъ апофеозомъ коня—животнаго, высоко-уважаемаго въ ратномъ дѣлѣ, товарища, сподвижника и друга ратнику. Странна неустойка князя, отказавшагося платить проигранный закладъ; еще страннѣе нецеремонная раздѣлка съ нимъ со стороны черниговскаго владыки. Не мѣнѣе удивительно и то, что этотъ черниговскій владыко всегда держитъ заклады противъ князя и всѣхъ, за того, за кого никто не хочетъ поручиться. Все это должно быть или совсѣмъ безъ значенія, просто сказочная болтовня, или отъ времени потерявъ ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ.

Теперь пора намъ познакомиться съ знаменитымъ Добрыней Никитичемъ, воспѣтымъ въ трехъ поэмахъ и упоминаемомъ вскользь и прямо еще въ нѣсколькихъ. Онъ и Илья Муромецъ — знаменитѣйшіе богатыри двора Владиміра.

Жилъ въ Рязани богатый гость Никита, живучи-то Никита состарѣлся, состарѣлся—послѣ перееставился; его вѣку долгаго осталось житье-бытье, богатство, матеря жена Амелеа Тимофѣевна, да чадо милое Добрынюшка Никитичъ младъ. Присадила его матушка грамотѣ учиться, а грамота Никитѣ въ науку пошла. А будетъ ему двѣнадцатъ лѣтъ, попросился онъ у матушки купаться на Сафать-рѣву; она, вдова много-разумная, его Добрыню отпускала, а сама навазывала: «Израй-де рѣва быстрая, а быстрая она, сердитая: не плавай, Добрыня,

за первую струю, не плавай ты, Никитичъ, за другую струю.» Добрыня не послушался, двѣ-то струи самъ переплылъ, а третія струя подхватила молодца, унесла во пещеры бѣлокаменны. Тутъ, откуда ни возьмись лютой звѣрь—Змѣй Горынчище, самъ приговариваетъ:

«А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича,
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.»

Говорить Добрыня: «не честь, хвала мо-лодецкая, на нагое тѣло налушаешься.» Хочетъ змѣй Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ ушибить; Добрыня нагрѣвъ въ шапку песку желтаго, и тѣмъ пескомъ змѣю глаза заפורшилъ, два хобота ушибъ. Попалась тутъ ему дубина, и онъ, Добрыня, той дубиной змѣя до смерти убилъ. Поплылъ онъ по рѣкѣ и заплылъ въ пещеры бѣлокаменны, въ гнѣздо змѣя, и его малыхъ дѣтушекъ всѣхъ перебилъ, пополамъ перервалъ; нашелъ онъ въ палатахъ змѣя много золота, серебра и свою любимую тетушку Марью Дивовну. Владиміръ князь о Добрынѣ больно запечалился—«сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ», а увидѣлъ Добрыню, скочилъ на ноги рѣзвыя, цѣловалъ его въ уста сахарныя. Бросилась его матушка родимая, хватала за бѣлы руки, цѣловала его во уста сахарныя; стали его выпрашивать, а гдѣ былъ, гдѣ ночевалъ? Послали за тетушкой, привели ее къ князю во свѣтлу гридню.

Владиміръ князь свѣтель, радощенъ,
Пошла-то у нихъ пиръ, радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи
Дивовны.

Что сказать объ этой поэмѣ? Это какая-то безсвязная болтовня больного похмельемъ воображенія... Тутъ нѣтъ не только мысли—даже смысла, у добрыни нѣтъ ни лица, ни характера; это просто—призракъ. Подобная нелѣпца могла бы имѣть значеніе мѣта, если бъ отъ нея чудовищныхъ образовъ вѣяло фантастическимъ ужасомъ, но въ русскихъ сказкахъ, какъ и во всей народной русской поэзіи, фантастическаго элемента почти вовсе нѣтъ. И потому странно слышать, когда человѣкъ, который на міръ смотритъ простыми глазами, не видя въ немъ ничего таинственнаго и необъяснимаго,—странно слышать, когда такой человѣкъ спокойно, безъ увлеченія, безъ экстаза, рассказываетъ несбыточные вещи. Что за тетушка Марья Дивовна была у Добрыни? какъ попала она къ Змѣю Горынчатую; что за рѣка Сафатъ, которая черезъ пять строкъ превращается въ Израй-рѣку? какъ Владиміръ, живя въ Киевѣ, могъ знать двѣнадцатилѣтняго Добрыню, жившаго въ небе-

валой тогда Рязани, и печалиться, что тотъ ушелъ нупаться на Сафать-рѣку?..

Но вторая поэма о Добрынь — одна изъ интереснѣйшихъ поэмъ. Въ ея дикихъ, неопредѣленныхъ образахъ есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли.

Въ стольномъ въ городѣ во Києвѣ, у славяго, сударь, у князя у Владиміра, три года Добрынюшка стольничалъ, три года Никитичъ приворотничалъ; онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ, на десятой годъ погулять захотѣлъ по стольному городу по Києву. Взявши онъ колчанъ съ калеными стрѣлами, идетъ онъ по широкимъ по улицамъ, по частымъ мелкимъ переулочкамъ; по горницамъ стрѣляетъ воробушковъ, по повалункамъ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей. Зашелъ въ улицу Игнатьевскую, въ Марининъ переулокъ; видитъ онъ у Марины у Игнатьевны, на ея высокомъ хорошемъ терему, сидятъ тутъ два сизые голубчика, они цѣлуются, млдуются, желты носами обнимаются. Тутъ Добрынь за бѣду стало, будто надъ нимъ насмѣхаются: а сбѣла вѣдь тетива у туга лука, взвыла да пошла калена стрѣла. Тутъ надъ Добрыней по грѣхъхъ учинилося, нога его поскользнулась, рука удрогнула, не попалъ онъ въ сизыхъ голубей, попалъ въ окошечко косящего, проломилъ онъ оконницу стекольчатую, отшибъ всѣ причалины серебряныя, расшибъ онъ зеркальцо стекольчатое; бѣлодубовы столы пошаталися, что пилы медвяныя восплеснулись. А втапоры Маринѣ безвременье было—она умывалася, снаряжалася; и бросилася она на свой на широкій дворъ: «А кто это невѣжа на дворъ заходить? а кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?» Брала она Марина слѣды горячіе молодецкіе, клала беремя дровъ бѣлодубовыхъ въ печку муравленную, разжигала ихъ огнемъ палычатымъ, и сама дровамъ приговариваетъ: «Сколь жарко дрова разгораются, а тѣми слѣды молодецкими, разгоралось бы сердце молодецкое, какъ у молодца Добрынюшки Никитевича». А и Божье ирѣчко, вражье-то дѣлко! Взяло Добрыню лучше остраго ножа, по его сердцу богатырскому, со полуночи Добрынюшкѣ не уснетса. По его-то частки великия рано зазвонили ко заутрени; пошелъ Добрыня ко заутрени, прошель онъ цериву соборную, зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ, у высокаго терема подслушаетъ: у молодой Марины вечеринка была; сидѣли тутъ душечки красны дѣвицы и молоденьки молодушки, всѣ тутъ жены молодецкія. Къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ, а стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнати, да заидѣлъ онъ Добрыня змѣя Горынчата—

тутъ ему за бѣду стало, за великую досаду показалося. Ухватилъ онъ бревно въ обхватъ толщины и вышибъ имъ двери желѣзныя. Учала Марина Добрыню бранить, а змѣица Горынчица чуть его огнемъ не спалилъ, а и чуть молодца хоботомъ не убилъ, а и самъ тутъ змѣй почалъ бранити его, больно пѣнати: «Не хочу я звати Добрынею, не хощу величать Никитичемъ, называю те дѣтиной деревенщиной и засельщиной; почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?» Вынималъ Добрыня сабельку острую, воздымалъ выше буйной головы своей, грозится змѣя изрубить на мелкія части, туловище разбросать по чистому полю. А и тутъ змѣй Горынчищъ, хвостъ поджавъ, да и вонъ побѣжалъ, взяла страсть, такъ зачалъ..., околыши металъ по три пуда...; сбгучи онъ змѣй у Марины бывать зачинается: «Есть-де у ней не одинъ другъ, есть лучше меня и повѣжли въ». А Марина высунулась по поясъ въ окно въ одной рубашкѣ безъ пояса, змѣя уговариваетъ: «Воротись, милъ надежа; воротись, другъ!» Общаеетъ оборотити Добрыню, во что онъ змѣй похочеть—клячей водовозной или гнѣдымъ туромъ. И оборотила она Добрыню гнѣдымъ туромъ, пустила далече во-чисто поле, а гдѣ-то ходять девять туровъ, девять братаниковъ, что Добрыня имъ будетъ десятый туръ, всѣмъ атаманъ—золотые рога. И нѣту о Добрынь слуху шесть мѣсяцевъ, «а по-нашему, по-сибирскому, словеть полгода».

У великаго князя вечеринка была, а на пирѣ были вдовы честныя, и мать Добрыни, честная вдова Аѳимья Александровна (Амелѣа Тимоѣевна?...), а друга честна вдова, молода Анна Ивановна, крестная матушка Добрынина. Промежду собой разговоры говорятъ—все были рѣчи прокладныя. Не отколъ взялась тутъ Марина Игнатьевна, водилася съ дѣтятими княженецкими, она больно Марина унивалася, голова на плечахъ не держится. Она больно Марина похваляется: нѣтъ-де въ Києвѣ и хитрѣе, и умнѣе ея, обернула-де она гнѣдыми турами девять богатырей, десятаго Добрыню Никитича. Втапоры за то слово изымается честна вдова Аѳимья Александровна; наливала она чару зелена вина, подносила любимой своей кумушкѣ, а сама она за чарой заплакала: «Гой еси ты, любимая кумушка, молода Анна Ивановна! А и выпей чару зелена вина, поминай ты любимаго крестника, а и молода Добрыню Никитича: извела его Марина Игнатьевна, а нынѣ на пирѣ похваляется.» Проговоритъ Анна Ивановна: «я-де сама эти рѣчи слышала, а рѣчи ея похваленыя.» А и молода Анна Ивановна выпила чару зелена вина, а Марину она по щеку ударила, сшибла съ рѣвскихъ ногъ и

топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ, сама она Марину больно бранить: «А и сука ты..., еретница...! Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя, свяжу я на пиру не хвастая, а и хошь ли я тебя сухой оберну? А станешь ты, сука, по городу ходить, много за собой псовъ водить: а и женское дѣло прелестивое, переходчивое».

Марина обернулась касаткой, полетѣла въ чистое поле, съѣла Добрынѣ на правый рогъ, сама она Добрыню уговариваетъ: «Нагуляя ты, Добрыня, во чистомъ полѣ, тебѣ чистое поле наскучило и зыбучія болота и а прокучили: а и хошь ли, Добрыня, жениться, возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?» — «А, право, возьму, ей Богу возьму, а и дамъ те, Марина, поученьице, какъ мужа женѣ своихъ учать.»

Обернувшись дѣвицей, Марина обернула Добрыню добрымъ молдѣцомъ; они въ чистомъ полѣ женилися, кругъ ракитова куста вѣнчалися. Пришедши въ Марининъ теремъ, Добрыня говоритъ: «А и гой еси ты, моя молодая жена, Марина Игнатьевна! У тебя въ высокихъ хоромахъ-теремахъ нѣту Спасова образа: некому у тебя помолитися, не за что стѣнамъ поклонитися; а и чай моя острая сабля заржавѣла.» А и сталъ Добрыня свою жену учить, мелоду Марину Игнатьевну, еретницу..., безбожницу; онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ; сама приговариваетъ: «эга мнѣ рука не надобна, трепа-ла она, рука, змѣя Горычница!» А второе ученье—ноги ей осѣкъ: «А и эти-де ноги мнѣ не надобны: оплеталися со змѣемъ Горычницею.» А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь: «А эти де губы не надобны мнѣ: цѣловали онѣ змѣя Горычница!» Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь: «А и эта голова не надобна мнѣ, и этотъ языкъ не надобенъ—зналъ онъ дѣла еретичныя!»

Какая холодная и ужасная провія! Сколько въ ней грубаго и нечеловѣческаго! Это не казнь, а постепенное, продолжительное мученье. Здѣсь нѣтъ мгновеннаго порыва страсти, которая разить вдругъ, какъ молнія: здѣсь долго скрываемое, медленно разгоравшееся чувство мести высказывается сосредоточенно, холодно и медленно. Вдругъ сверкающая и мгновенно-убивающая страсть не въ русской натурѣ: много нужно, чтобъ возбудить въ русскомъ человѣкѣ страсть, и глухо, медленно разгорается она въ неприступныхъ и сокровенныхъ глубинахъ сердца; зато и не скоро остываетъ, а высказывается съ какой то ужасающей ледяностью, тяжело и неповоротливо. Отъ нея нѣтъ спасенія—отъ нея нѣтъ пощады. И потому русский богатырь не торопливъ на мщенье: оно у него не остынетъ отъ слад-

каго обѣда, не заснетъ отъ зелена-вина; онъ можетъ и покушать, и выспаться, безъ всякаго вліянія на владѣющее имъ чувство. И это чувство проявляется у него грубо и жестоко, какъ у Добрыни Никитича, который казнить злую еретницу Марину. Что такое эта Марина—не мудрено понять; это родная сестра княгини Апраксѣвны, при томъ старшая сестра, далеко превосходящая ее въ полнотѣ выражаемой ею идеи. Это типъ женщины, живущей внѣ общественныхъ условий, свободно предающейся своимъ страстямъ и склонностямъ. Она въ связи со змѣемъ Горычницею—типомъ русскаго любовника, какъ мы замѣтили выше; но она не должна отличаться излишней вѣрностью своему любовнику: она только больше другихъ любить его. Она умѣетъ и приворожить, и отлучить, и оборотить оборотнемъ. Она предается сама всѣмъ неистовствамъ и помогаетъ другимъ: ей теремъ—пріютъ для всѣхъ веселыхъ людей обоего пола. Она—горькая пьяница; она—еретница и безбожница. О граціозности ея нечего и говорить. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ замѣтить: Анна Ивановна, крестная мать Добрыни, еще мудренѣя и хитрѣя самой Марины: она и самое Марину можетъ обратить, во что захочетъ. Она—другъ честной вдовы, матери Добрыни; она принимаетъ горячее участіе въ правомъ дѣлѣ; она сидитъ на пиру, не хвастается: по всему этому она—представительница добраго начала, какъ Марина злого; она—добрая, благодѣтельная волшебница, какъ Марина злая и вредная. Но она пьетъ зелено-вино; ея слова въ Маринѣ дышатъ площаднымъ цинизмомъ; она бьетъ Марину по щекамъ, валяетъ ее на полъ, топчетъ ногами ея груди бѣлыя, словомъ, она въ граціи ни на волосъ не уступаетъ Маринѣ... Далѣе, изъ другихъ сказокъ, мы увидимъ, что идеальныя женщины по русской фантазіи всегда одинъ и тотъ же: это все та же Марина, только въ разныхъ видахъ...

Великій князь на пиру вызываетъ охотника очистить «дороги прямоѣзжія» до его зятя любимаго, до грозна короля Етманулы Етмануловича, вырубить чудъ блодоглазую, перекрошить сорочину долгополю, а и тѣхъ черкесъ пятигорскихъ, и тѣхъ калмыковъ съ татарами, чукчи всѣ бы и алкаторы (лютеране?). Вызвался только одинъ Добрыня Никитичъ. Просилъ онъ у своей матушки благословенія на шесть лѣтъ, да еще въ запасъ на двѣнадцать. Мать спрашиваетъ его, на кого онъ покидаетъ свою молодую жену, когда еще не прошли и свадебные дни. «Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть? изъ чего же насъ богатыремъ князю и жаловати?»—отвѣчаетъ Добрыня, и нака-

зывает своей молодой женѣ, душѣ Настасьѣ Никулишиѣ, ждать его двѣнадцать лѣтъ, а тамъ, пожалуй, хоть и итти замужъ, за кого похочеть, а только бы не ходить за его брата названого — Алешу Поповича. Добрыня удачно совершилъ свой подвигъ, а между тѣмъ проходить шесть лѣтъ, проходить и двѣнадцать, и никто на Настасьѣ не сватается; а посваталъ ее великій князь за Алешу Поповича. Когда ту свадьбу ко вѣнцу повезли, ѣдетъ Добрыня въ Кіевъ; старые люди переговариваютъ: «Знать-де полетка соколиная, видать и повѣдка молодецкая — что быть Добрынѣ Никитичу.» Входитъ онъ въ опустѣлый теремъ, некому его встрѣтитъ — магушка его старѣхонька. Поздоровавшись съ ней, онъ слѣпшитъ къ великому князю Владиміру отдать отчетъ въ своемъ порученіи. Втапору за то князь похвалилъ: «Исполать тебѣ, добрый молодецъ, что служишь правдой и вѣрой.» Говоритъ тутъ Добрыня Никитичъ младъ: «Гой еси, сударь, мой дядюшка, ласково солнце, Владиміръ князь! Не диво Алешѣ Поповичу — диво князю Владиміру; хочеть у жива мужа жену отнять.» Втапору Настасья засовалася, хочеть прямо скочить, обезчестить столы; говоритъ Добрыня Никитичъ младъ: «А и ты, душа Настасья Никулишна! прямо не скочи, не безчести столы: будетъ пора, кругомъ обойдѣшь.» Взялъ за руку ее и вышелъ изъ-за убранныхъ столовъ, извинялся князю Владиміру, да и молодому Алешѣ Поповичу: «Гей еси, мой названный братъ, Алеша Поповичъ младъ! Здравствуй, женившись — да не съ кѣмъ спать!»

Мы еще встрѣтимся съ Добрыней Никитичемъ; но и теперь уже видно, что онъ такое. Это честный и добрый богатырь, ненавистникъ лжи, притворства и хитростей, злѣятей врагъ змѣю Горынчату, которому старые люди напророчили погибнуть отъ него, отъ Добрыни. Хотя Алеша и названный братъ Добрынѣ, но Добрыня всегда держитъ камень за пазухой противъ Алеши и не кладесть ему пальца въ ротъ: такъ противоположенъ его прямой и честный характеръ лукавому и на всякія пакости способному характеру Поповича. Добрыня по простѣнствіи двѣнадцати лѣтъ позволяетъ женѣ своей итти, за кого ей угодно, кромѣ одного Алеши. Упрекая князя за жену свою, онъ говоритъ: «Не диво Алешѣ Поповичу — диво князю Владиміру; хочеть у жива мужа жену отнять.» А, впрочемъ, они — братья названные и взаимно уважаютъ другъ друга въ качествѣ сильныхъ, могучихъ богатырей. Оба эти характера — два разные типа народной фантазіи, представители разныхъ сторонъ народнаго сознанія. Къ дополненію

характера Добрыни, мы должны прибавить, что въ немъ есть какая-то простоватость и хотя въ одной поэмѣ и говорится, что «у Алеши вѣжество не рожденное, а у Добрыни вѣжество рожденное и ученое» — однако это должно отнести больше къ честности и добротѣ, чѣмъ къ рыцарской ловкости Добрыни. Никитичъ — нечего грѣха таить — простоватъ и мѣшковатъ — гнетъ дугу не парить, переломить не тужить. Пѣлуются голуби — ему за бѣду становится и за великую досаду учиняется. Хочеть онъ застрѣлеть голубей и попадаетъ въ окно къ Маринѣ. Не для чего-нибудь, а для шутки, его можно назвать русскимъ Аяксомъ Теламонидомъ.

Илья Муромецъ отличается отъ всѣхъ другихъ богатырей. Онъ — старъ человекъ, на пирахъ не похваляется, онъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, и вся остальная часть жизни его посвящена была на очищеніе пробѣжихъ дорогъ отъ разбойниковъ и разныхъ чудищъ. Это — русскій Геркулесъ. Въ первый разъ онъ является ко Владиміру во время пира. Поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра, онъ принялъ ее одной рукой и выпилъ единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь: «Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовуть, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати.» — «А ты, ласковый стольный Владиміръ князь! а меня зовуть, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; и пробѣхалъ я дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города изъ Мурома, изъ того села Корочаева.» — Говорятъ тутъ могучіе богатыри. «А ласково солнце, Владиміръ князь! Въ очахъ дѣтина завирается, а и гдѣ ему пробѣхать дорогой прямоѣзжей, залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья-разбойника.» Илья говоритъ, что онъ привезъ съ собой Соловья-разбойника и проситъ князя выдти на дворъ — посмотрѣть его «удачи богатырскія». Когда всѣ вышли, Илья сталъ Соловья уговаривать: «Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ! поговисти, Соловей, по-соловьиному; попиши, змѣй, по-змѣиному; зарявкай, звѣрь, по-туриному — и потѣши князя Владиміра.» Послушался Соловей-разбойникъ — накурилъ онъ бѣды несносныя: князи и бояра и всѣ богатыри могучіе на корачкахъ по двору наползались, гостинныя кони со двора разбѣжались, а Владиміръ князь едва живъ стоитъ со душой княжной Апраксѣвной: «А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья-разбойника, а и эта шутка намъ не надобна.»

Калинъ, царь Золотой Орды, осадилъ Кіевъ; а войска съ нимъ было на сто верстъ. Зачѣмъ мать сыра земля не погнетса, зачѣмъ не разступится? Отъ пару коянаго мѣсяца и солнце померкнули. Садился Ка-

лгать на ременчатъ стулъ, писалъ ярлыки **опоролпчаты**—отъ мудрости слово поставлено, посылалъ ко князю Владиміру татарина мѣрой трехъ сажень, голова съ пивной котель въ сорокъ ведеръ, промежь плечами косая сажень; посылалъ его сказать князю, что возьметъ его въ полонъ, Божьи церкви на дымъ пустить. Татаринъ Спасову образу не молится, Владиміру князю не кланяется и въ Кіевѣ людей ничѣмъ не зоветъ; бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ князя Владиміра, а князь запечалился, глядячи въ ярлыки—заплакалъ свѣтъ; по грѣхамъ надъ княземъ учинилося, богатырей въ Кіевѣ не случилось. Втапоры Василій-пьяница взбѣжалъ на башню на стрѣльную, беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый, калену стрѣлу переную, наводилъ онъ трубками и ѳмецкими, стрѣлялъ онъ въ Калина царя, не попалъ во собаку Калина царя, а попалъ въ зятя его Сартака: угодила стрѣла ему въ правый глазъ и ушибла его до смерти. И тутъ Калину за бѣду стало; послалъ онъ другого татарина къ князю Владиміру, чтобъ выдалъ того виноватаго. Втапоры, съ той стороны полуденныя, что ясный соколъ въ перелетъ летитъ, какъ бѣлый кречеть перепархиваетъ, бѣжить паленица удалая, старый козакъ Илья Муромецъ. Входитъ онъ во гридню свѣтлую, Спасу со Пречистой молится, бьетъ челомъ князю со княгиней и на всѣ четыре стороны, а самъ Илья усмѣхается: «Гой еси, сударь Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный?» Князь проситъ Илью пособить ему думушку подумати: сдать ли, не сдать ли Кіевъ градъ, безъ бою, безъ драки великія, безъ того кровопролитія напраснаго. Илья не советуетъ ему печаловаться, а велитъ на Спаса надѣяться, да велитъ ему насыпать мису чиста серебра, другую красна золота, а третью скатнаго жемчуга. Взявъ дары, Муромецъ пошелъ съ татаринномъ въ станъ къ царю Калину. А не чество у него Калинъ принялъ золоту казну, самъ побраниваетъ. И тутъ Ильѣ за бѣду стало: «собака проклятый ты, Калинъ царь! отойди съ татарами отъ Кіева, охота ли вамъ, собаки, живымъ быть.» И тутъ Калину за бѣду стало—велѣлъ связать Ильѣ руки бѣлыя чембурами шелковыми; а втапоры Ильѣ за бѣду стало: «Собака проклятый ты, Калинъ царь!» и проч. И тутъ Калину за бѣду стало и плюетъ Ильѣ во ясны очи: «А русскій людъ всегда хвастливъ, опутанъ весь—будто лысый бѣсъ, еще ли стоитъ передо мной, самъ хвастаетъ.» Илья пожалъ плечами—чембуры лопнули, схватилъ Илья татарина за ноги, который ѳздилъ въ Кіевъ градъ, и зачалъ татаринномъ помахивати:

куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ, куда отвернетъ—съ переулками, а самъ татарину приговариваетъ: «А и крѣпокъ татаринъ, не ломится, а и жидоватъ, собака, не изорвется!»*) Разбѣжались татарскіи полчища, воротился Илья ко Калину царю, схватилъ онъ Калина во бѣлыя руки, самъ онъ Калину приговариваетъ: «Васъ-то, парей, не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.» Согнетъ его корчагой, воздымалъ выше буйныя головы своей, ударялъ его о горючъ камень, расшибъ его въ крохи..... Достальные татары на побѣгъ бѣгутъ, сами они заклинаются: «Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву! Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей! Неужъ-то въ Кіевѣ всѣ таковы, одинъ человекъ всѣхъ татаръ перебилъ?» Илья Муромецъ пошелъ искать своего товарища, того ли Ваську-пьяницу, и скоро нашель его въ кружалъ Петровскимъ, привелъ ко князю Владиміру. А пьетъ Илья довольно зелена вина съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей, и называетъ Илья того пьяницу Василья братомъ названнымъ.

Хотя лицо Васьки-пьяницы является какъ бы всколъзь, мимоходомъ, однако оно столь же, если еще не болѣе, важно, какъ и лица всѣхъ другихъ героевъ народной фантазіи. Знаете ли вы, читатели, что такое Васька-пьяница? Если вы засмѣетесь надъ этимъ приложеніемъ къ собственному имени, надъ этимъ тривиальнымъ и безнравственнымъ прозвищемъ п ѳ я н и ц ы, если оно покажется вамъ смѣшнымъ или пошлымъ,—вы не понимаете глубоко-миоическаго значенія Васьки... Этотъ Васька—любимое дитя народного сознанія, народной фантазіи; это не олицетвореніе слабости или порока, въ поученіе и назиданіе другихъ, это, напротивъ, похвальба слабостью, какъ удалствомъ и молодечествомъ, апоѳеоза порока, о которомъ идетъ рѣчь. Общественная нравственность древней Руси исключила пьянство изъ числа пороковъ; сознаніе цѣлаго народа дало характеръ неоспоримой законности этому дикому наслажденію. Русскій человекъ пьетъ и съ горя, пьетъ и съ радости; и передъ дѣломъ, чтобы дѣло лучше шло, и послѣ дѣла, чтобы отдыхъ былъ веселѣе; и передъ опасностью, чтобы море было по колѣно, и послѣ опасности, чтобы заносчивѣе можно было похвастаться ею. Оттого въ старину на Руси почти всѣ богатыри умники, грамотники, искусники, художники, мастера были отъявленными пьяницами. У русскаго человека много пословицъ въ поль-

*) Новый примѣръ саркастической ироніи русской.

зу пьянства: «пьяный проспится, дуракъ никогда»; «пьяному море по колено»; «пьянъ да умень — два уголья въ немъ», и т. п. Кружало—это турниръ, балъ русскаго человѣка. Великій князь Владиміръ, какъ говорятъ преданіе, отвергъ вѣру жидовъ и магометанъ, потому что «пити есть веселіе Руси». Въ нашемъ простонародьѣ и теперь всё пьютъ—и старики, и юноши, и женщины, и дѣти. У насъ пьянаго на улицѣ не оберутъ, не прибьютъ, но бережно обойдутъ. Успѣхи цивилизаціи уже уничтожаютъ у насъ этотъ порокъ, замѣняя сивуху чаемъ,—и дай Богъ, чтобъ онъ скорѣе уничтожился совсѣмъ; но все-таки этотъ порокъ весьма любопытенъ, ибо русскій человѣкъ не всегда является въ немъ съ одной дурной стороны своей. И виноватъ ли русскій мужичокъ въ томъ, что для него не существуетъ ни театра, ни книги, ни вечеринки (ибо вечеринка только тамъ, гдѣ женщина играетъ первую роль и гдѣ все для нея)? Условію общественнаго быта тутъ много значатъ: неопредѣленность общественныхъ отношеній и сжатая извнѣ внутренняя сила всегда становяты и народъ, и отдѣльныя лица въ ложное положеніе и порождаютъ ложныя и вредныя средства къ выходу и утѣшенію, и потому пьянство русскаго человѣка не всегда бываетъ только слабостью или порокомъ, но часто признакомъ глухой силы, которая неправильно рвется наружу. Зелено вино, часто бывая причиной промаховъ и неуспѣховъ русскаго человѣка, иногда бываетъ и истиннымъ его вдохновеніемъ. И потому мудрено ли, что русскіе богатыри единымъ духомъ выпиваютъ чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра?... Удивительно ли, что на Руси пьяницы спасали отечество отъ бѣды и допускаясь къ столу Владиміра Красна-Солнышка?... Васька-пьяница—это человѣкъ, который знаетъ правило: пей, да дѣло разумй;—человѣкъ, который съ вечера повалится на полъ замертво, а встанетъ раньше всѣхъ и службу сослужитъ, лучше трезваго. Это—повторяемъ—одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ народной фантазіи: оттого-то и Ильѣ Муромцѣ съ нимъ выпилъ довольно зелена вина и назвалъ того пьяницу Василья братомъ названнымъ.

Разъ поѣхалъ Ильѣ Муромецъ съ своимъ братомъ названнымъ, Добрыней Никитичемъ, и будутъ они у рѣки Череди, у матушки у Сафаты-рѣки, и сказалъ Ильѣ Добрынь, чтобы онъ ѣхалъ за горы высокія, а самъ-де я останусь у Сафаты-рѣки. И наѣхалъ Добрыня на бѣлыя патырь; изъ того шатра выходила баба Горынишка, и у нихъ съ Добрыней учинился бой, драка великая; бро-

сали они палицы тяжкія, стали драться рукопашнымъ боемъ. А Ильѣ наѣхалъ по слѣду бродучему на богатыря Збута Бориса Королевича, который въ то время со руки спускалъ ясна сокола выжлоку; а увидѣвъ Ильѣ, сказалъ выжлоку, чтобы летѣлъ, куда хочеть: теперь-де мнѣ не до тебя. Збута Королевичъ угодили стрѣлой въ грудь стара казака Ильѣ Муромца, а Ильѣ не бьетъ его палицей тяжелой, не вымаетъ изъ налужка тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Королевича—его только схватилъ въ бѣлыя руки и бросаетъ выше дерева стоячаго. Подхвативъ его на лету, положилъ на сыру землю и сталъ спрашивать о дядинѣ, отчинѣ. «Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ, я спороль бы тебѣ, старому, груди бѣлыя,» сказалъ Збуть. И до того его Ильѣ билъ, пока всю правду сказалъ: «Я того короля задонскаго». А втаноры заплакалъ Ильѣ Муромецъ, гляючи на свое дитя милое. Приѣхавъ домой, Збуть Борисъ Королевичъ разсказалъ свою удачу матушкѣ. А втаноры его матушка разилася о сыру землю, и не можетъ во слезахъ слово молвити: «Зачѣмъ ты на Ильѣ напущался, а надо бы тебѣ ему поклониться о праву руку до сырой земли: онъ по роду тебѣ батюшка, старый казакъ Ильѣ Муромецъ, сынъ Ивановичъ.» Поѣхалъ Ильѣ искать своего брата названнаго, Добрыню Никитича: и деретъ онъ съ бабой Горынишкой—едва душа его въ тѣхъ полуднуетъ. Говоритъ ему Ильѣ Муромецъ: «Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой драться: а бей ты бабу..... по щекамъ..... а женской полъ оттого пухоль.» А и втаноры она баба покорилася, говорить она баба такыя слова: «Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ младъ: побилъ меня старый казакъ Ильѣ Муромецъ единымъ словомъ.» Добрыня соскочилъ ей бѣлыя груди пороть чингалишемъ булатнымъ; молится баба Горынишка Ильѣ Муромцу, обѣщаетъ много злата, серебра и повела ихъ въ погреба глубокіе; они сами богатыри дивуются; оглянувся Ильѣ Муромецъ во тѣ раздолья широкія—молодой Добрыня Никитичъ младъ втаноры бабѣ голову срубилъ.

Изъ этой сказки видно, что Ильѣ Муромецъ былъ сильнѣе всѣхъ богатырей, и самого Добрыни, и что хотя онъ съ дамами обращался въ духъ русскаго рыцарства, однако не чуждъ былъ и любовныхъ похощеній. Добрыня тутъ является въ неизмѣнномъ своемъ характерѣ—заклятаго врага всѣхъ Горыничатовъ и Горыниковыхъ, мужеска и женска пола; но что за баба Горынишка—Богъ вѣсть! Вообще это одна изъ самыхъ несладкихъ и дикихъ сказокъ. Последняя сказка объ Ильѣ Муромцѣ «Станишница»

обинлетом своимъ содержаніемъ на его приключеніе съ Соловьемъ-разбойникомъ. На него напали разбойники, а онъ вмѣсто ихъ выстрѣлилъ въ краковястый дубъ и разбилъ его въ щепы: разбойники со страху попадали, пять часовъ безъ ума лежали, а тамъ будто отъ сна пробуждались: а Сема встаетъ пересемываетъ, а Спира встаетъ, то постыриваетъ,—и всѣ они просятъ его взять ихъ въ свое холодство вѣковѣчное. А Илья говоритъ имъ: «А и гой еси вы, братцы, станишники! поѣзжайте отъ меня во чисто поле, скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу, про стараго казака Илью Муромца.»

На пир у себя Владиміръ князь сказалъ Потокъ Михайлу Ивановичу — сослужить службу заочную, съѣздить къ морю синему, на теплыя тихи заводи, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ къ его столу княженецкому, «до люби-де тебя, молодца, пожалую.» Настрѣлявъ птицъ вдоволь, Потокъ хотѣлъ воротиться въ Кіевъ, какъ вдругъ увидѣлъ бѣдую лебедушку: она черезъ перо была вся золото, а головушка у ней увивана краснымъ золотомъ и скатнымъ жемчугомъ усажена. Натянулъ онъ свой тугой лукъ — заскрипѣли полосы булатныя и завыли рога у туга лука, а и чуть было спустить калену стрѣлу — провѣщается ему лебедь бѣлая, Авдотьюшка Лиховидьевна: «А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! не стрѣляй ты меня, лебедь бѣдую, не въ кое время пригожуся тебѣ! Обернулася она красной дѣвицей, воткнулъ Потокъ копье въ землю, привязалъ къ нему коня, схватилъ дѣвицу за бѣлыя руки и цѣлуетъ ее въ уста сахарныя. Авдотьюшка Лиховидьевна втапору больно его уговаривала: «А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! хотя ты на мнѣ и женишься, и кто изъ насъ прежде умретъ, второму за нимъ живому во гробъ итти.» Согласившись, онъ поѣхалъ къ Кіеву, а она полетѣла, обернувшись лебедушкой. И дивуется Потокъ, что онъ нигдѣ не мѣшкалъ, ни стоялъ, а она опередила его и подъ окошечкомъ косячатымъ сидитъ. Приѣхавъ къ князю, Потокъ рассказалъ свое похождение и просилъ его сдѣлать для него пиръ свадебный, веселый. Обвѣчавши Потока съ Авдотьей, попы взяли съ нихъ присягу, кто прежде кого умретъ, второму живому въ гробъ итти. Черезъ полтора года Авдотья Лиховидьевна съ вечера она расхворалася, къ полуночи разболѣлася, поутру и преставилася. Вырыли могилу глубиной, шириной по двадцати сажень, погребали тѣло Авдотьино, и тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ съ конемъ и со сбруей ратной опустались въ тое жъ мо-

гилу глубокую, и заворочали потелкомъ дубовымъ, и засыпали песками желтыми, а надъ могилой поставили деревянный крестъ,—только мѣсто оставили веревкѣ одной, которая была привязана къ колоколу соборному. Въ могилѣ для страху Потокъ зажигалъ свѣчи воску яраго, и въ полночь собиралися къ нему всѣ гады змѣйныя, а потомъ пришелъ большой змѣй—онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. А Потокъ не робокъ былъ, саблю схватилъ да змѣю голову отрубилъ, и той головой змѣиной учалъ тѣло Авдотьино мазати. Втапору она еретица изъ мертвыхъ пробуждается. Потокъ за веревку схватилъ; и, услышавъ звонъ, пришли и разрыли ихъ, объявили князю Владиміру и тѣмъ попомъ соборнымъ, поновили ихъ святой водой, приказали имъ жить по-старому. Когда Потокъ умеръ, его молодую жену съ нимъ вмѣстѣ зарыли живую, и тутъ имъ стала быть память вѣчная.

Трудно сказать что-нибудь объ этой сказкѣ—такъ чужда она всякой опредѣленности. Всѣ лица и событія ея—миражи: какъ будто что-то видишь, а между тѣмъ ничего не видишь. Почему Авдотья Лиховидьевна—колдунья, не знаемъ, потому что она ни образъ, ни характеръ. Или всѣ женщины, по понятію нашихъ добрыхъ дѣдовъ, были колдуньи? Потокъ — тоже что-то въ родѣ ничего, и вообще вся эта сказка—ничего, изъ котораго ничего и не выжмешь.

Какъ издалеча было изъ Галичья, изъ Волынца города изъ Галичя, выѣзжалъ удача добрый молодець, молодой Михайло Казарянинъ, ѣхалъ онъ ко князю Владиміру; спрашивалъ его Владиміръ князь, отколь приѣхалъ и какъ зовутъ, чтобы по имени ему и мѣсто дать, по изотчеству пожаловати; наливалъ онъ ему чару зеленà вина—не велика мѣра въ полтора ведра, и провѣдываетъ могучаго богатыря, чтобы выпилъ чару зеленà вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтора третья. Затѣмъ онъ сдѣлалъ ему такое же порученіе, какъ и Потокъ Михайлу Ивановичу. Когда онъ возвращался съ настрѣленной дичью ко Владиміру, наѣхалъ въ полѣ сыръ краковястый дубъ, на дубу сидитъ тутъ черный воронъ, съ ноги на ноги переступываетъ, онъ правильно перушко поправляетъ, а и ноги, носъ—что огонь горять. За бѣду Казарину показалася, и хочетъ онъ застрѣлять чернаго ворона, а черный воронъ ему провѣщается—проситъ его не трогати, а велитъ ему ѣхати дальше, а тамъ де ему богатырю добыча есть. И увидѣлъ Казарянинъ въ полѣ три шатра, стоитъ бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, на бесѣдѣ сидятъ три татари-

на, три собани наѣзники, передъ ними ходитъ красна дѣвица, рускаа дѣвица полояночка, Марѳа Петровишна, въ слезахъ не можетъ слово молвити, добръ жалобно причитаючи: «О, злосчастная моя буѣва голсва! Горе-горькое, моя руса коса! а вѣчоръ тебя матушка расчесывала, расчесала матушка, заплетала; а сама, дѣвица, знаю, вѣдаю—расплетать будетъ мою русу косу тремъ татаринамъ наѣзникамъ.» Нашъ рыцарь перебилъ татаръ, но съ дѣвицей полояночкой поступилъ совсѣмъ не по-рыцарски: «Повель дѣвицу во бѣль шатеръ»;—какъ дѣвица расплечается и скажетъ ему свое имя, что она-де изъ Волынца города, изъ Галичя гостиная дочь. Казарянинъ узнаетъ въ ней родную сестру свою. Взявъ ее съ собой, коней, оружіе и бесѣду татаръ, пріѣхалъ ко князю Владиміру, который и беретъ себѣ всю его добычу, а ему говоритъ: «Исполать тебѣ, добру молодцу, что служишь князю вѣрой и правдой.»

Изъ-за моря, моря синяго, изъ славна Волынца, красна Галичя, изъ тоя Карелы богатыя, какъ ясный соколъ вонъ вылетывалъ, какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,—выѣзжалъ удача добрый молодець, молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ, а и конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь, лютый звѣрь конь—и буръ, косматъ, у коня и грива на лѣву сторону, до сырой земли; онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ, крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ; немного съ Дюкомъ живота пошло, что куякъ и панцырь чиста серебра—въ три тысячи, а кольчуга на немъ красна золота—цѣна сорокъ тысячей, а и конь подъ нимъ въ пять тысячей. Почему коню цѣна пять тысячей?—За рѣку онъ броду не спрашиваетъ, котора рѣка цѣла верста пятисотная, онъ скачетъ съ берега на берегъ: потому цѣна коню пять тысячей. Еще съ Дюкомъ живота немного пошло: пошелъ тугой лукъ разрывчатой, а цѣна тому луку три тысячи; потому луку цѣна три тысячи: полосы были серебряны, а рога красна золота, а и тетивочка была шелковая, а бѣлаго шелку шимаханскаго; и колчанъ пошелъ съ нимъ коленыхъ стрѣлъ, а въ колчанѣ было за триста стрѣлъ, всякая стрѣла по десяти рублевъ, а еще есть въ колчанѣ три стрѣлы, а и тѣмъ стрѣламъ цѣны не было: колоты они были изъ тростъ дерева, строганы въ Новѣгородѣ, клеены онѣ клеемъ осетра рыбы, перены онѣ перыцемъ сиза орла, а сиза орла, орла орловича, а того орла, птицы Камскія,—не той-то Камы, коя въ Волгу пала, а той-то Камы за синимъ моремъ,—своимъ устьемъ впала въ сине море (т. е. не той Камы, которая есть на землѣ, а той,

которой не бывало): а леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, а ровялъ онъ перьяца во сине море, а бѣжали гости корабельщики, собирали перья на синемъ морѣ, вывозили перья на святую Русь, продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ: покупала Дюкова матушка перо во сто рублей, во тысячу. Почему тѣ стрѣлки дороги?—потому онѣ дороги, что въ ухахъ поставлено по тирону, по каменю, по дорогу самоцвѣтному, а и еще у тѣхъ стрѣлокъ подлѣ ушей перебивано аравитскимъ золотомъ. Ѣздитъ Дюкъ подлѣ сина моря и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ утокъ; онъ днемъ стрѣляетъ, въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ; какъ днемъ-то тѣхъ стрѣлочекъ не видѣти, а въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горять—свѣчи теплются воска яраго: потому онѣ, стрѣлки, дороги. Когда Дюкъ вошелъ во гридню Владимірову, всѣ гости скочили съ мѣстъ на рѣзвы ноги: смотреть на Дюка—сами дивуются. Пошло пированье и столованье. Дюкъ съ тѣми князи и боярами откупалъ калачики крупичаты—онъ верхню корочку отламываетъ, а нижню корочку прочь откидываетъ. А во Кіевѣ былъ щастливъ добръ какъ бы молодой Чурила, сынъ Пленковичъ—оговорилъ онъ Дюка Степановича: «Что ты, Дюкъ, чѣмъ чваняишься?—верхню корочку отламываешь, а нижню прочь откладываешь.» Говорилъ Дюкъ Степановичъ: «Ой ты, ой еси, Владиміръ князь! въ томъ ты у меня не прогнѣвайся—печки у тебя биты глиняны, а подки кирпичны, а помелечко мочальное въ лохань обмакивають; у меня, Дюка Степановича, у моей сударыни матушки печки были муравлены, а подки мѣдныя, помелечко шелково въ сыту медвяную обмакивають; калачикъ съѣшь—больше хочеться.»

Эта неслыханная роскошь возбудила въ князѣ желаніе быть въ домѣ у Дюка, и, взявъ съ собой Чурилу и дворъ, онъ поѣхалъ. На крестьянскихъ дворахъ Дюкъ такъ угостилъ Владиміра, что онъ сказалъ ему: «Каково про тебя сказывали, таковы ты и есть.» Переписывалъ Владиміръ князь Дюковъ домъ, переписывали его четверо сутокъ, а и бумаги не стало. Втапоры Дюкъ повель гостей къ своей сударыни матушкѣ—и ужасается Владиміръ князь, что въ теремахъ хорошо изукрашено. Угостила матушка Дюкова дорогихъ гостей, говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: «Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная, съ своимъ сыномъ, Дюкомъ Степановымъ! Употчивала меня со всѣми гостемъ, со всѣми людьми; хотѣлъ, было, вапъ и этотъ домъ описывать, да отложилъ всѣ печали на радости.» Втапоры честна вдова многоразумна

дарилъ князя своими честными подарками: **сорокъ** сороковъ черныхъ соболей, вторые **сорокъ** бурнастыхъ лисицъ, еще сверхъ того камни самоцвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Выстрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!

Эта сказка одна изъ примѣчательнѣйшихъ, особенно по тому тону простодушной ироніи, съ какой описывается бѣдность вооруженія и вообще живота, бывшаго съ Дюкомъ,—по этой лукавой скромности, съ какой Дюкъ объясняетъ князю причину, почему онъ ѣсть у калачиковъ только верхнюю корочку. Эта простодушная иронія есть одинъ изъ основныхъ элементовъ русскаго духа: русскій человекъ любитъ похвастаться, но никогда прямо, а всегда обинякомъ, болѣе же всегда съ скромными самоуниженіемъ, въ родѣ слѣдующаго: «гдѣ-ста намъ, дуракамъ, чай пить», «что наше за богатство—всего тысячь сто въ мѣсяцъ получаемъ, да и тѣ съ горемъ пополамъ: не знаемъ-де куда власть и прятать».—Дюкъ богаче князя Владиміра, зато Владиміръ велитъ описывать его имѣніе, и только будучи ужъ слишкомъ употчиванъ, «отлагаетъ всѣ печали на радости», а матушка Дюка даритъ князю трое сороковъ мѣховъ и камней самоцвѣтныхъ:—черта чисто восточная!..

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе!

Изъ-за моря, моря синяго, изъ глухоморья зеленаго, отъ славнаго города Леденца, отъ того-де царя вѣдь заморскаго, выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, тридцать кораблей—единъ корабль славнаго гостя богатаго, молода Соловья, сына Будиміровича. Хорошо корабли изукрашены—одинъ корабль лучше всѣхъ; у того было сокола у корабля вмѣсто очей было вставлено по дорожному камню, по яхонту, вмѣсто бровей было прибавано по черному соболу я к у т с к о м у, и якутскому вѣд с и б и р с к о м у; вмѣсто уса было воткнуто два остра копыя мурзаметскія, и два горностая повѣшены, два горностая, два зимніе; у того было сокола у корабля вмѣсто гривы прибавано двѣ лисицы бурнастыя; вмѣсто хвоста повѣшено на томъ соколѣ два медвѣдя бѣлые заморскіе; носъ, корма по-туриному, бока взведены по звѣриному. На томъ кораблѣ былъ сдѣланъ муравленъ чердакъ, въ чердакѣ была бесѣда—

дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодець, молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ; спрашивалъ онъ гостей корабельщиковъ и цѣловальщиковъ любимыхъ, чѣмъ ему князя Владиміра будетъ дарить. (Послѣ мы увидимъ, что они ему присовѣтовали.) Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ-градъ, якори метали въ Днѣпръ рѣку, сходни бросали на крутъ бережокъ, товарную пошину платили. Соловей у князя въ гриднѣ и подноситъ ему свои дорожки подарочки: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ; княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрустатую, недорога камочка—узоръ хитерь: хитрости Царяграда мудрости Иерусалима, замыслы Соловья, сына Будиміровича; на златѣ и серебрѣ—не погнѣваться. Князю дары полюблился, а княгинѣ наипаче того. Говорилъ ласковой Владиміръ князь: «Гой еси ты, богатый гость, Соловей, сынъ Будиміровичъ! займуй двory княженецкіе, займуй ты боярскіе, займуй ты двory и дворянскіе.» Соловей ото всего отказывается, а проситъ только загонъ земли, непаханья и неоранья, у княженецкой племянницы, у молодой Запавы Путятишной, въ ея зеленомъ саду, въ вишенѣ, въ орѣшенѣ, построить ему, Соловью, наряденъ дворецъ. Походилъ Соловей на свой червленъ корабль: «Гой еси вы, мои люди работные; берите вы топорики будатные, подите къ Запавѣ во зеленый садъ, постройте мнѣ сваряденъ дворецъ, въ вишенѣ, въ орѣшенѣ.» Съ вечера, позднимъ поздно-будто дятлы въ дерево пощелкивали, работа его дружина хорабрая, ко полуночи и дворецъ поспѣлъ; три терема златоверховаты, да трой сѣни косячатая, да трой сѣни рѣшетчатая. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце; на небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды; на небѣ заря—въ теремѣ заря, и вся красота поднебесная. Рано просыпалася Запавъ, посмотрѣла Запавъ въ окошечко косячатое, въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,—чудо Запавѣ показалось: «Гой еси, нянюшки и мамушки, красныя сѣнныя дѣвушки! подите-тко, посмотрите-тко, что мнѣ за чудо показалося въ вишенѣ, въ орѣшенѣ!» Отвѣчаютъ ей мамушки и нянюшки и сѣнныя дѣвушки: «счастье твое на дворецъ къ тебѣ пришло». Бросидася Запавъ въ терема; у перваго терема послушала: тутъ въ теремѣ щелчить, молчитъ—лежитъ—Соловьева золота казна. Во второмъ теремѣ послушала: по-маленьку говорятъ, все молитвы творять—молится Соловьева матушка со вдовы честны, многоразумными. У третьяго терема послушала: тутъ въ теремѣ музыка гремитъ. Вхо-

дила Запава въ сѣни косящатыя, отворила двери на пяту,—больно Запава испугалася, рѣзвыя ноги подломилися, чудо въ теремѣ показалосѣ: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце, и проч. Подломилися ея ноженки рѣзвыя; втапоры Соловей онѣ догадливъ былъ, бросалъ свои звончатыя гусли, подхватывалъ дѣвицу за бѣлыя руки, клалъ на кровать слоновыхъ костей, да на тѣ ли перины пуховыя. «Чего-де ты, Запава, испугалася? мы-де оба на возрастѣ.»—«А и я-де дѣвица на выданѣ, пришла-де сама за тебя свататься.» Тутъ они и помолвили, цѣдовалися, миловалися, золотыми перстнями обмѣнялися. Провѣдавъ про то, Соловьева матушка свадьбу просрочила: «Съзвди-де за моря синія, и когда-де тамъ расторгуешся, тогда-де и на Запавѣ женишся.» Втапоры же поѣхалъ и Голый Шапъ Давидъ Поповъ, скоро онѣ за морями исторгуется, а скорѣе того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ, приходитъ ко князю съ подарками—принесъ сукно смурое, да крашенину печатную. Втапоры его князь о Соловѣ спрашивалъ; отвѣчалъ ему Голый Шапъ, что видѣлъ Соловья въ Леденцѣ городѣ, у тоя царя заморскаго; Соловей-де въ протоможѣ попалъ, и зато посаженъ въ тюрьму, а корабли его отобраны на его жѣ царское величество. Больно Владимиръ закручинился, скоро вздумалъ о свадьбѣ—что отдать Запаву за Голлаго Шапа Давида Попова. Тысяцкій—ласковый Владимиръ князь, свашела—княгиня Апраксѣвна, къ поѣзду—князи и бояре, поѣжали ко церкви Божіей. Втапоры на девяности корабляхъ прибылъ Соловей во Кіевъ-градъ. Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознавали, приводили его ко княженецкому столу. Сперва говорила Запава Путятишна: «Гой, еси, мой сударь, дядюшка, ласковый, сударь, Владимиръ князь! Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ, прямо, сударь, скачу—обезчешу столы.» Говорилъ ей ласковый Владимиръ князь: «Гой еси, ты, Запава Путятишна! а ты прямо не скачи—не безчести столы.» Выпустили ее изъ-за дубовыхъ столовъ, пришла она къ Соловью, поздоровалася, взяла его за рученьку бѣлую и сѣла съ нимъ на большо мѣсто, а сама она Запава говорила Голому Шапу таково слово: «Здравствуй, женимши, да не съ кѣмъ спать!» Втапоры Владимиръ князь веселъ былъ, а княгиня наипаче того; поднимали пирушку великую.

Разъ на пиру Владимиръ князь сказалъ Ивану Годиновичу: «Гой еси, Иванъ ты Годиновичъ! а зачѣмъ ты, Иванушка, не женишся?»—Радъ бы, осударь, женился, да негдѣ взять: гдѣ охота брать, за меня не даютъ; а гдѣ-то подають, ту я самъ не

беру. Князь велѣлъ ему садиться на ременчатъ стулъ, писать ярлыки скорописчаты о добромъ дѣлѣ, о сватанѣ, къ Дмитрію, черниговскому гостю богатому. А Владимиръ князь ему руку приложилъ: «А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься, сватаюсь я-де, Владимиръ князь.» А скоро Иванъ поѣздку чинить по городу Чернигову: два девяности верстѣ переѣхалъ въ два часа. Прочитавъ ярлыкъ, Дмитрій гость: «Глупый Иванъ, неразумный Иванъ! гдѣ ты, Иванъ, перво былъ? нынѣ Настасья просватана, душа Дмитревна запоручена въ дальню землю загорскую, за царя Афромея Афромеевича; за царя отдать—ей царицею слыть,—пановя и улановья всѣ поклонятся, а нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ; за тебя, Иванъ, отдать—холопкой слыть, избы мести, заходы скрести.» Тутъ Иванушкѣ за бѣду стало—схватилъ ярлыкъ, да и прямо въ Кіевъ ко Владимиру князю. Тутъ ему князю за бѣду стало, рветъ на главѣ черныя кудри свои, бросаетъ о кирпичатъ полъ: «Гей еси, Иванъ Годиновичъ! возьми ты у меня, князя, сто человекъ русскихъ могучихъ богатырей, у княгини ты бери другое сто, у себя, Иванъ, третье сто: поѣжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватанѣ: честью не дасть, ты и силой бери.» Вышла пороша—поѣхалъ Иванъ съ дружиной на три звѣриныя слѣда: сто человекъ послалъ за гнѣдымъ туромъ; другое сто—за лютымъ звѣремъ; а третье сто—за дикимъ вепремъ; велѣлъ изымать ихъ бережно—безъ тоя раны кровавыя, и привести ихъ въ Кіевъ градъ; а самъ онѣ, Иванъ, поѣхалъ одинъ въ Черниговъ градъ. У Дмитрія гостя богатаго сидятъ мурзы, улановья, по нашему сибирскому дружки словутъ, привезли они отъ царя платье цвѣтное на дупку Настасью Дмитревну; а самъ онѣ царь Афромей отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ и съ нимъ силы три тысячи. Взялъ Иванушка Годиновичъ душу Настасью изъ-за занавѣсу бѣлаго за руку бѣлую, потащилъ онѣ Настасью—лишь тудѣ звенять. Взговоритъ ему Дмитрій гость: «Гой еси, ты, Иванушка Годиновичъ! суженое пересушиваетъ, ряженое переряживаетъ; можно тебѣ взять не гордостью—веселымъ пиркомъ, свадебной.»—«Не могъ ты честью мнѣ отдать—нонѣ беру и не кланяюсь.»—Посадилъ Настасью съ собой на добра коня, переѣхалъ онѣ девяности верстѣ и поставилъ тутъ свой бѣлы шатеръ, изволилъ онѣ, Иванъ, съ Настасьей опочивъ держать. Пересказали царю мурзы и улановья телачымъ языкомъ вѣсточку нерадостную, а и тутъ царь закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; Иванъ предложилъ царю боротися—кому Настасья достанется. Со-

гнѣтъ онъ царя корчагою, опустили на сыру землю—царь лежитъ, свѣту не видитъ. Отпущалъ Иванъ за вустикъ.....; а царь пропещалъ: «Думай, Настасья, не продумайся; за царемъ за мной быть—царицей слыть; за Иваномъ быть—колошпой слыть, избы мести, заходы скрести.» А и снова борьба начинается—втапоры Настасья Ивана за ноги изловила—тутъ его двое и осилили. Привязалъ его царь за руки бѣлыя ко сыру дубу, сталъ съ Настасьей поигрывать, а назолу даетъ ему молодому Ивану Годиновичу. По его было талану добра молодца, прибѣжала перва высылка изъ Кіева, они срѣзали чембуры шелковые, его Ивана опрашивали. Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичъ: «А и гой еси, дружина храбрая! Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ и не вѣшаютъ: поведите его ко городу Кіеву, ко великому князю Владимиру.» А самъ онъ Иванъ остался во бѣломъ патрѣ, сталъ жену учить. (Поученье Ивана есть повтореніе того, которое Добрыня дѣлалъ Маринѣ, съ слѣдующей разницей въ концѣ: «и этотъ языкъ мнѣ не надобенъ—говорилъ онъ съ царемъ невѣрнымъ и сдавался на его слова прелестныя.») Приѣхавъ къ князю, Иванъ благодарить его за милость великую, что женилъ его на душкѣ Настасьѣ Дмитревнѣ. Услышавъ отъ Ивана о поученіи, втапоры князь весель сталъ, отпуская Вахромея царя, своего подданника, въ его землю загорскую: только его увидѣли, что обернется гнѣдымъ туромъ, пещакалъ далече къ чисто полю къ силѣ своей.

На пирѣ у князя Владимира пригодились тутъ двѣ честныя вдовы—Чесова жена и Блудова жена—обѣ жены богатыя, богатыя жены дворянскія. Промежу собой сидятъ, за прохладъ говорятъ. Сватала Блудова жена сына своего Гордена за дочь Чесовой жены, Авдотью Чесовичну. Втапоры Авдотья Чесовична (мать) осердилася, била ее по щекаѣ, таскала по полу кирпичету, и при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила, и весь народъ тому смѣялся. Скоро пошла вдова Блудова ко своему двору; а идетъ она палается; выбѣжала къ ней за ворота широкія Гордень сынъ Блудовичъ; поклонился матушкѣ въ правую ногу: «Гой еси, матушка! что ты, сударыня, идешь закручинилася? Али мѣсто тебѣ было не по отчиднѣ? али царой зеленымъ виномъ обнеси тебя?» Авдотья Блудовна жалобу приноситъ сыну своему Гордену Блудовичу; молодой Гордень укладъ спать свою родимую матушку: втапоры она была ныная. И пошелъ Гордень на дворъ къ Чесовой женѣ, снималъ неску горсть цѣлуя, бро-

силъ онъ по высокому терему, гдѣ сидитъ молодца Авдотья Чесовична—полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ. Втапоры Авдотья Чесовична бросилася будто бѣшеная изъ высокаго терема, пробѣжала мимо Гордена, ничего не говоря, на княженедкій дворъ своей родимой матушкѣ жаловалася. Втапоры пошелъ туда же и Гордень—разсматривать вдову Чесову жену. Вдовины ребята съ нимъ зазорили, взяли Гордена пощипывать, надѣючись на свою родимую матушку. Гордень имъ взмолился: «Не троните меня, молодцы! а меня вамъ убить, не корысть получить!» Они не послушались, онъ ихъ всѣхъ перебилъ, а было ихъ пять человекъ. Вдова Чесова послыдала еще своихъ четырехъ сыновей убить Гордена, и только одинъ хотѣлъ, было, ударить его по уху—Гордень вертокъ былъ: того онъ ударилъ о землю и до смерти ушибъ, а также и остальныхъ троихъ. Взялъ онъ, Гордень, Авдотью Чесовичну за руки бѣлыя, да и повелъ ко церкви Божіей вѣнчаться; а поутру столъ собралъ, позвалъ князя со княгиней и молодѣ свою тещу, Авдотью Чесову жену.

Втапоры было Чесова жена загординилася, нехотя итти къ своему зятю; тутъ Владимиръ князь стольный кіевскій и со княгиней стали ее уговаривати, чтобъ она-то больше не кручинилася, не кручинилася и не гнѣвалася,—и она тутъ ихъ послушала, пришла къ зятю на веселый пиръ, стали пити, ясти, прохладжати.

Былъ пиръ у князя Владимира. Князи и бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются и великимъ княземъ похваляются; и только изъ нихъ одинъ бояринъ Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ и при всей брати не хвастаетъ, только наединѣ съ товарищемъ таковы рѣчи сказываетъ: «Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у великаго князя Владимира? У меня-де, Ставра боярина, широкій дворъ не хуже города Кіева, а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодобовы, покрыты гриднѣ сѣдымъ бобромъ, потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей, ноль, середа одного серебра, крюки да пробой по булату злачены.» Слуги вѣрныя донесли о томъ князю Владимиру: приказалъ князь сковать Ставра боярина, посадить въ погреба глубокіе, дворъ его залечатати и молодѣ жену его взять ко двору. Перепала вѣсть нерадошна молодой женѣ Ставровой; скоро она наряжается и скоро убирается: скидывала съ себя волосы женскіе, надѣвала кудри черныя, а на ноги сапоги зеленъ сафьянъ, и надѣвала платье богатое, богатое платье посельское, и называлася гроз-

нимъ посломъ, Васильемъ Ивановичемъ, а и будто изъ дальней орды, золотой земли; отъ грозна короля Етмануила Етмануловича—братъ съ князя Владимира дани невыплаты, не много не мадо за двѣнадцать лѣтъ, за всякій годъ по три тысячи. А и тутъ больно князь запечалился: кидался, метался, то улыцы метуть, ельники ставили, передъ воротами ждуть посла. Вышла княгиня князя за собой и во тѣ во подвалы, погреба, молвила словечко тихонько: «не о чемъ ты, осударь, не печалуйся; а не быть тому грозному послу Василью Ивановичу—быть Ставровой молодой женѣ Василисѣ Микулишичѣ; знаю я примѣты по женскому: она по двору идетъ, будто уточка плыветь, а по горенкѣ идетъ—чашенъко ступаетъ, а на лавку садится—кольники жметъ; а и ручки блѣныки, пальчики тоненьки, дюжины изъ перстовъ не вышли всѣ (??).» Втапоры князь употчивалъ посла до-щяна, хочеть его провѣдати, вызываетъ его боротися съ семью богатырями, и того посоль Василий не пятится, вышелъ онъ на дворъ боротися: первому борцу изъ плеча руку выдернетъ, а другому борцу ногу выломитъ, она третьяго хватила поперекъ хребта, ушибла его середи двора. А плюнулъ князь да и прочь пошелъ: «Глупая княгиня, неразумная! у ты волосы долги, умъ коротокъ: называешь ты богатыря женщиной—такого посла у насъ не было еще и видано.» А княгиня стойтъ на своемъ; втапоры князь опять посла провѣдаетъ, вызываетъ его изъ туга лука стрѣлять со своими могучими богатырями. Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ и отъ той стрѣльбы богатырскія только старый дубъ шатается, будто отъ погоды сильныя. Посоль отъ лука отказывался, есть-де у меня лучонно волокитный, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю. Кинулись ея добры молодцы, подъ первый рогъ несутъ пять человекъ, подъ другой—столько же, а волчанъ каленыхъ стрѣлъ тащить тридцать человекъ. Вытгивала она лукъ за ухо, хлещеть по сыру дубу, изломила его въ черенъя ножовые, и Владимиръ князь окорачъ напозался, и всѣ тутъ могучіе богатыри встаютъ какъ угорѣлые. Плюнулъ Владимиръ князь, самъ прочь пошелъ, говорилъ себѣ таково слово: «Развѣ самъ Василья послѣ провѣдаю.» Сталъ съ нимъ въ шахматы играть, три заступи заступовали и три заступи посоль поигралъ, и сталъ требовать дани, выходы, невыплаты. Говоритъ Владимиръ князь: «Изволь меня, посоль, взять головой съ женой.» Посоль спроситъ князя: «Нѣтъ ли у тебя, кому въ гусли поиграть? Втапоры Владимиръ спохватился, велѣлъ расковать и привести Ставра боярина; втапоры посоль скочилъ на рѣзвы ноги,

посадила Ставра противъ себя въ дубову окаяню. И зачалъ тутъ Ставръ поигривати; сыгришь сыграть Царя-града, тапцы наветъ Терусалима, велчалъ князи со княгиней; сверхъ того игралъ еврейскій стихъ. Посоль задремалъ и спать захотѣлъ, отказывался отъ даней, выходовъ и проситъ себѣ только весела молодца, Ставра боярина Годиновича; и повхалъ съ нимъ ко Дивирьрѣй, во своей бѣлъ шатеръ, а князь провожалъ его со княгиней. Говорилъ посоль таково слово: «Пожалуй-де, осударь, Владимиръ князь, посиди до того часу, какъ я вышлюся.» Раздѣвался посоль изъ своего платья посольскаго и убирался въ платье женское, при томъ говорилъ таково слово: «Гой еси, Ставръ, весель молодець! какъ ты меня не опозываешь? а доселева мы съ тобой въ свайку игрывали, у тебя ли была свайка серебряная, а у меня кольцо посолоченное, и ты меня поигривалъ,—и я тебѣ толды, вселды.» И втапоры Ставръ бояринъ догадается, свидываетъ платье черное, и надѣвалъ на себя посольское, и съ великимъ княземъ и со княгиней прощалися, отъѣзжали въ свою землю дальнюю.

Теперь намъ остается проститься съ ласковымъ Владимиромъ, Краснымъ-Солнышкомъ и со княгиней Апраксѣвной; въ поэмѣ, которой содержаніе мы готовимся изложить, они являются въ послѣдній разъ,—Владимиръ мелькомъ, Апраксѣвна—героиней, во всемъ апоосѣвъ своей женственности, граціозности и нравственности.

Сорокъ каликъ съ каликою шли на поклоненіе въ Терусалимъ изъ пустыни Ефимьевы, изъ монастыря Боголюбова, выбрали они себѣ большого атамана молода Насьяна, сына Михайловича, и положили они заповѣдь великую: кто что украдетъ или пуснитъ на женскій соблазнъ, да не скажутъ атаману, того закопать по плеча въ сыру землю и во чистомъ полѣ одного оставить. Подъ Киевомъ они встрѣтились съ Владимиромъ княземъ, а онъ, князь, охотился; завидѣли его калики переходже, становилися во единъ кругъ, клюки, посохи въ землю потыкали, а и сумочки неповѣсили, кричатъ калики зѣчнымъ голосомъ, дронетъ матушка сыра земли, съ деревъ верхины понадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали, а Спира сталъ поспиривати, а Сема сталъ посемывати, они-то ему, князю Владимиру, поклонилися, прощануть у него милостивую великую, а и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти. Князь оговариваетъ, что съ нимъ на охотѣ ничего нѣту, и посылаетъ ихъ въ Киевъ градъ, ко душѣ княгинѣ Апраксѣвнѣ; честна роду дочь королевича,

напоить, накормить она молодцовъ, надѣлать всѣмъ въ дорогу злата, серебра. Пришли калики, рывкнули, съ теремовъ верхи попадали, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребѣхъ питья всколебалися; становилсъ во единъ кругъ, прошають милостыню великую у молодой княгини Апраксевны. Молода княгиня испужалася, а и больно она передрогнула, звала каликъ во груди свѣтлыя: молодая княгиня Апраксевна, поджавъ ручки будто турчаночки, со своими нянюшки и матушки, со красными сѣнными дѣвушки, молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ садился на мѣсто большого; отъ лица его молодецкаго, какъ бы отъ солнышка отъ краснаго, лучи стоятъ великіе. Послѣ пиру хотять они калики во путь итти, а у молодой княгини Апраксевны не то на умѣ, не то въ разумѣ: плетъ она Алешу Поповича атамана ихъ уговаривати, чтобъ не итти имъ сего дня и сего числа; зоветъ онъ Алеша Касьяна Михайловича ко княгинѣ Апраксевнѣ на долгіе вечера посидѣти, забавны рѣчи побити, а сидѣть бы наединѣ въ спальнѣ съ ней. Замутилось его сердце молодецкое—отказалъ онъ Алешѣ Поповичу. На то княгиня осердится, велѣла Алешѣ прорѣзать у Касьяна суму рыта бархата, запахать бы чарочку серебряну. Когда калики ушли, княгиня посылаетъ Алешу въ погонь за ними; у Алеши вѣжество нерожденное, онъ сталъ съ каликами задорити, обличаетъ ворами, разбойниками; не давалися калики въ обыскъ ему, поворачалъ Алеша и назадъ поѣхалъ. Втапору Владиміръ князь прѣхалъ въ Кіевъ градъ, со Добрыней Никитичемъ. Молодая княгиня Апраксевна посылала Добрыню Никитича въ погонь за Касьяномъ Михайловичемъ; у Добрыни вѣжество рожденное и ученое—настигъ онъ каликъ въ чистомъ полѣ, вскочилъ съ коня, самъ челоукъ бѣгъ: «Гой еси, Касьянъ Михайловичъ! не наведи гнѣва на князя Владиміра, прикажи обыскать калики перехожіе, нѣтъ ли промежу васъ глупаго.» Нигдѣ-то чарочка не явилася, у молодого Касьяна пригодилася. Закопали атамана по плеча во сыру землю, едина оставили во чистомъ полѣ. Калики въ путь пошли, а Добрыня въ Кіевъ съ той чаркой серебряной. А съ того время часу захворала скорбью недоброй, слегла княгиня въ великое во гноище. Сходили калики во Іерусалимъ градъ, святой святинѣ помолилися, Господню гробу приложилися, во Ерданѣ рѣкѣ искупалися, нетлѣнной ризой утиралися. На дорогѣ назадъ увидѣли молодого Касьяна; онъ ручкой машеть, голосомъ кричитъ, подаетъ онъ, Касьянъ, ручку правую; а они-то къ ручкѣ приложилися, съ нимъ поцѣловалися. Молодой Касьянъ

выскакивалъ изъ сырой земли, какъ ясень соколъ изъ тепла гнѣзда, а всѣ они молодцы дивуются на его лицо молодецкое, а и кудри на немъ молодецкіе до самаго пояса: стоялъ Касьянъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ. Пришедши въ Кіевъ, ко дворцу, стоятъ они калики по-тихохоньку. Касьянъ посылаетъ легкаго молодчика доложиться князю Владиміру: прикажетъ ли итти намъ пообѣдати; князь послалъ имъ поклонитися и звать ихъ. Касьянъ спрашиваетъ князя о княгинѣ; князь едва рѣчи выговорилъ: «Мы де уже недѣлю-другу не ходимъ къ ней.» Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ, пошелъ со княземъ во спальню къ ней, а и князь идетъ, своей носъ зажалъ, молодому Касьяну то ничто ему, никакого духу онъ не вѣруеть. Втапору княгиня прощалася, что нанесла рѣчь напрасную. Молодой Касьянъ, сынъ Михайловичъ, а и дунулъ духомъ святымъ своимъ на младую княгиню Апраксевну—не стало у ней того духу-пропасти, оградилъ ее святой рукой, прощаетъ ея плоть женскую, захотѣлось ей—пострадала она, лежала въ сраму полгода. Затѣмъ пошелъ пиръ горой, калики въ путь наряжаются, а Владиміръ князь убивается. Молодая княгиня Апраксевна вышла изъ кожуха какъ изъ пропасти: тутъ же къ нимъ къ столу пришла, молодому Касьяну поклоняется безъ стыда, безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ. Калики съ Касьяномъ собралися и въ путь пошли до своего монастыря Боголюбова и до пустыни Ефимьевы.

Эта поэма носить на себѣ характеръ легенды и замѣчательна по противорѣчію тона первой ея половины съ тономъ послѣдней: тамъ калики—сущіе сорванцы, «орутъ, рывкають, прошають милостыню», тутъ они—если неграціозны, мужиковаты, зато кротки и очестливы. Въ Касьянѣ выражена идея челоука, освятившагося страданіемъ отъ неправаго наказанія; въ его великодушномъ поступкѣ съ Апраксевной есть что-то умиряющее душу. Только одна Апраксевна осталась въ своемъ прежнемъ характерѣ: молодому Касьяну поклоняется безъ стыда, безъ сорому, а грѣхъ свой на умѣ держитъ...

По саду, саду, по зеленому, ходила, гуляла молодая княжна Марѳа Всеславьевна: она съ камени скочила на лютого на змѣя; обвивается лютый змѣй около чебота зеленъ сафьянъ, около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу етегну. А втапору княгиня поносъ понесла, а поносъ понесла и дитя родила; и на небѣ просвѣта свѣтель мѣсяць, а въ Кіевѣ родился могучій богатырь, какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ: подро-

жала сыра земля, сотряслось словно царство индійское, а и сине море сколебалося для ради рожденя богатырскаго, молада Волха Всеславевича; рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы, по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи и куницы по островамъ...

Это начало поэмы есть крайняя степень высоты, до какой только достигаетъ наша народная поэзія; это апоѳеоза богатырскаго рожденія, полная величія, силы и того размашистаго чувства, которому море по колѣно, и которое есть исключительное достоинство русскаго народа. Мы не будемъ пересказывать всей этой поэмы, потому что не найдемъ въ ней, какъ и въ прежнихъ, никакого опредѣленнаго идеала народной фантазіи. Попржему это—что-то, сисящееся стать образомъ, и все остающееся символомъ, сквозь произвольную и узорочную ткань котораго брезжится, какъ искра во тьмѣ, призракъ мысли, но никакъ не можетъ разгорѣться въ свѣтлое пламя. Волхъ—и богатырь, и колдунъ; оборотившись горностаемъ, онъ сбѣгалъ въ царство индійское—«у тугихъ луковъ тетивки накусывалъ, у каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повинималъ, у того ружья, въдъ у огненнаго кремения и шомполы повиыдергалъ, и все онъ въ землю закопывалъ.»*) Обернувшись яснымъ соколомъ, полетѣлъ къ своей дружинѣ хоробрый, повелъ ее въ царство индійское—стѣна стойтъ; Волхъ оборотилъ своихъ молодцовъ мурашиками, велѣлъ имъ всемо поголовно бить въ царствѣ индійскомъ, и только на сѣмѣ оставить по выбору семь тысячей дупечки красны дѣвицы. Пришедши къ царю индійскому, Салтыку Ставрүевичу, говорилъ ему таково слово: «А и васъ-то царей не бьютъ, не вазняютъ; ухватя его, ударилъ о кирпичатъ полъ, расшибъ его въ крохи... И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ, взявши царицу Авзяковну, молоду Елену Александровну, а и то его дружина хоробрая на тѣхъ дѣвицахъ переженилися.

Вообще идеаль русскаго богатыря—физическая сила, торжествующая надъ всеми препятствіями—даже надъ здравымъ смысломъ. Коль ужъ богатырь—ему все возможно, и противъ него ничто не устоитъ; объ стѣну лбомъ ударится—стѣна валится, а на лбу и шишечки нѣтъ. Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни; а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго

черепа—первый моментъ народнаго сознанія героизма. Оттого у всехъ народовъ богатыри пѣлыхъ быковъ съѣдаютъ, баранами закусывають, а бочками сороковыми запиваютъ. Но народъ, въ жизни котораго развивается общее, идетъ далѣе,—и просвѣтленіе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести есть второй моментъ его сознанія героизма. Наши народныя пѣснопѣнія остановились на первомъ моментѣ и далѣе не пошли. И потому наши богатыри—гѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ, имъ всякая служба хороша, для нихъ всякая удаля—подвигъ; и цѣлое войско побить, и конемъ потоптать, и единымъ духомъ выпить полтора ведра зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра и настрѣлять къ княженецкому столу гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ сѣрыхъ уточекъ, и стольничать, и приворотничать... А между тѣмъ въ этихъ неопредѣленныхъ, дикихъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой недоставало только исторической жизни, чтобы возвыситься до мысли и возрасти до опредѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ: мы разумѣемъ эту отвагу, эту удаля, этотъ широкій размахъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость, и горе—равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ,—этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно язвительную иронию надъ жизнью, надъ собственной и чужой удаляю, надъ собственной и чужой бѣдой, эту способность, не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачей и такъ же точно заплатить счастьемъ и жизнью, эту несокрушимую мощь и крѣпость духа, который—повторяемъ—есть какъ бы исключительное достоинство русской природы... Русская поэзія, какъ и русская жизнь (ибо въ народѣ жизнь и поэзія—одно), до Петра Великаго была только тѣломъ, но тѣломъ, полнымъ избытка органической жизни, крѣпкимъ, здоровымъ, могучимъ, великимъ, вполне способнымъ, вполне достойнымъ быть сосудомъ необъятно великой души, но—тѣломъ, лишеннымъ этой души, и только ожидающимъ, ищущимъ ея... Петръ вдунулъ въ него душу живу—и замираетъ духъ при мысли о необъятно великой судьбѣ, ожидающей народъ Петра...

Собирался царь Саулъ Леонидовичъ за сине-море, въ дальню орду, въ Половецку землю—брать дани и невыплаты; прощалося онъ съ царицей на двѣнадцать лѣтъ, оставлять ее черевасту и наказывать: буде дочь родится—воспоить, вскормить, замужъ

*) Явная прибавка самого собирателя, т. е. Кирши Данилова.

отдать, а любимаго зятя за нимъ послать; а *будетъ* сынъ родится—воспоить, воскормить и за нимъ послать. Родился у царицы сынъ Константинущко, растеть не по днямъ, по часамъ, а который ребенокъ два дцати годовъ, онъ Константинущко семи скоро ему грамота далася и писать научился. Сталъ онъ, Константинущко, по улицамъ показивати, сталъ съ ребятами шутку шутить, не по-ребячью, а *творки творить не по-маленькимъ*: котораго возьметъ за руку, изъ плеча тому руку выломить; и котораго задвнетъ за ногу, по... ногу оторветъ прочь, и котораго хватить поперекъ хребта, тотъ кричить, реветъ, окроча ползеть, безъ головы домой придетъ. Князи, бояра дивуются, и всѣ купцы богатые: что это у насъ за уродъ растеть?... Стали на него царицѣ жалобу творить, а царица стала его журить, бранить, а журить бранить, на умъ учить, смиренно жить.

(Онъ спрашиваетъ у матери, есть ли у него батюшка: мать рассказываетъ ему все дѣло; много царевичъ не спрашиваетъ: вышелъ на крылечко, закричалъ коня осѣдлать—да и былъ таковъ. На пути онъ перебилъ войско татарское—царя Кунгура Самородовича).

И похалъ Константинущко ко городу Угличу; онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю, коботы метаетъ по темнымъ лѣсамъ, спрашиваетъ себѣ сопротивника, сильна моруца богатыря, съ кѣмъ побиться, подратиться и поратиться. А углички мужики были лукавые: городъ Угличъ крѣпко заперли, а сами со стѣны Константинущку обманываютъ: «Гой еси, удалий молодецъ! поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну, а и нѣту у насъ царя въ Орду, короля въ Литвѣ; мы тебя поставимъ царемъ въ Орду, королемъ въ Литву.» У Константинущки умокъ молодешенекъ, зеленѣшенекъ—сдавался на ихъ слова прелестныя: подѣзжалъ онъ подъ стѣну, а мужики углички крики да багры закинули, и его молодца и съ конемъ подымали на стѣну высокую; связали да и засадили въ погреба глубокіе, запирали дверями желѣзными, засыпали хрящомъ песни мелкими. Царь Саулъ воротился въ свое царство Адыберское, узналъ, въ чемъ дѣло, посадилъ въ Угличъ, а тѣ же мужики Угличи извозчики, съ нимъ ѣхавши, рассказываютъ, какого молодца засадили, и примѣтки его повѣдаютъ. Царь упрекаетъ ихъ, что не спросили ни дядины, ни отчины, и посадили въ подвалы глубокіе—а онъ-де у Кунгура не мало силы перебилъ—можно за то вамъ его благодарити и пожаловати. Когда Сауду выдали его сына, онъ спросилъ залечнаго мастера и

приказалъ главныхъ мужиковъ въ Угличъ казнить и вѣдати. Приѣхалъ Саулъ съ сыномъ домой—ни пива у царя варить, ни вина курить, пиръ пошелъ на радостяхъ.

Слѣдующая пѣсня отличается какимъ-то поэтическимъ унылымъ тономъ. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что добрый молодецъ, переѣхавъ чрезъ рѣку Сомородину, похаялъ ее; рѣка провѣщала ему человѣческимъ голосомъ, какъ бы душой красной дѣвицей, что онъ забылъ на томъ берегу два ножа булатные; когда онъ вновь переправлялся, рѣка Сомородина потопила его, отвѣчая на его мольбы, что не она топитъ его, молодецъ безвременнаго, а топить-де тебя похваляба твоя, пагуба. Вотъ начало этой наивной и грустной пѣсни:

„Когда было молодцу пора, время великое, честь, хвала молодецкая: Господь Богъ милостивъ, государь царь жаловаль, отецъ, мать молодца у себя во любви держаль, а и родъ, племя на молодца не могу насмотрѣться; сосѣди, ближніе почитаютъ и жалуютъ; друзья и товарищи на совѣтъ съѣзжаются, совѣту совѣтовать, крѣпкую думушку думати они про службу царскую и службу воинскую. Скатилася ягода съ сахарнаго дерева, отломилася вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони, остается добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери; а нынѣ уже молодцу безвременье великое: Господь Богъ прогнѣвался, государь-царь гнѣвъ возложилъ, отецъ и мать молодца у себя не въ любви держать, а и родъ, племя молодца не могутъ и видѣти; сосѣди, ближніе не чтутъ, не жалуютъ, а друзья-товарищи на совѣтъ не съѣзжаются совѣту совѣтовать, крѣпкую думушку думати про службу царскую и про службу воинскую; а нынѣ ужъ молодцу кручина великая и печаль не малая. Съ кручины-де молодецъ, со печали великая, пошелъ добрый молодецъ онъ на своей на конюшенной дворъ, бралъ добрый молодецъ онъ добра коня стоялаго... похалъ доброй молодецъ на чужу, дальну сторону.“

Какъ гармонируетъ грустное окончаніе этой пѣснѣ съ ея грустнымъ началомъ!..

И вотъ мы кончили весь циклъ собственно богатырскихъ сказокъ, чуждыхъ всякаго историческаго значенія. Теперь намъ слѣдуетъ присегнуть къ лучшему, благоуханнѣйшему цвѣту народныхъ поэмъ—поэмъ Великаго Новгорода, этого источника русской народности, откуда вышелъ весь бытъ русской жизни. Новгородскихъ поэмъ немного—всего четыре; но эти четыре стоятъ всѣхъ какъ по преимущественно-поэтическому достоинству, такъ и по существенности своего содержанія. Онѣ—ключъ къ объясненію всей народной русской поэзіи, равно какъ и къ объясненію характера быта русскаго.

IV.

Циклъ новгородскихъ поэмъ очень не обширенъ: ихъ всего четыре. Двѣ изъ нихъ

посвящены одному герою, другія двѣ—другому герою, слѣдовательно, четыре поэмы воспеваютъ только двухъ героевъ. Единство поразительная! Но, вникнувъ въ ихъ духъ и содержаніе, мы увидимъ, что передъ нами бѣдна вся остальная сказочная поэзія; увидимъ міръ новый и особый, служившій источникомъ формъ и самаго духа русской жизни, а слѣдовательно, и русской поэзіи. Новгородъ былъ прототипомъ русской цивилизаціи и вообще формъ общественной и семейной жизни древней Руси. Все это явнѣе можно видѣть изъ новгородскихъ поэмъ; почему и приступаемъ немедленно къ изложенію ихъ содержанія, которое должно снабдить насъ данными для сужденій и выводовъ.

Во славномъ великомъ Новѣградѣ а и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился; со мужики новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. Живучи Буслай состарѣлся, состарѣлся и переставился; послѣ его вѣку долгаго оставалось его житье-бытье и все имѣніе дворянское; оставалось чадо милое—молодой сынъ Василій Буслаевичъ. Будетъ Василья семи годовъ, отдавала матушка родимая учить его во грамотъ, а грамота ему въ наукъ пошла; посадила перомъ его писать, письмо Василію въ наукъ пошло; отдавала пѣтью учить церковному, пѣтье Василію въ наукъ пошло. А и пѣть у насъ такого пѣвца въ славномъ Новѣгородѣ супротивъ Василья Буслаева. Повадился въдъ Васька Буслаевичъ со пьяницы, со безумницы, съ веселыми удалыми добры молодцы, допьяна ужъ сталъ напиватися, а и ходя въ городѣ уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ; котораго задѣнетъ за ногу, то изъ... ногу выломитъ, котораго хватитъ поперекъ хребта, тотъ кричить, реветъ, окарачъ ползетъ. Пошла жалоба великая: а и мужики новгородскіе, посадскіе, богатые, приносили жалобу великую матерѣй вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ на того Василья Буслаева. А и мати-то стала его журить, бранить, журить, бранить, его на умъ учить,—журба Васькѣ не влюбилася; пошелъ онъ, Васька, въ высокъ теремъ, садился на ременчатъ стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты—отъ мудрости слово поставлено: «кто хочетъ ѣсть и пить изъ готоваго, валися къ Васькѣ на широкій дворъ—пей и ѣшь готовое и носи платъе разноцвѣтное.» А впопору поставилъ Васька чанъ среди двора, наливалъ чанъ полонъ зелена вина, опущалъ онъ чару въ полтора ведра. Въ славномъ было во Новѣградѣ, грамотны люди шли, прочитали тѣ ярлыки скорописчаты, пошли къ Васькѣ на широкій

дворъ, къ тому чану, зелену вину. Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ: Василій тутъ его опробовалъ—сталъ его бити по буйной головѣ червленнымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ; стоитъ тутъ Костя не шевельнется и на буйной головѣ кудри не тряхнутся. И назвалъ Васька его, Костю, своимъ братомъ названы имъ—паче брата родимаго. А и мало время позамѣшавши, пришли Лука и Моисей—дѣти боярскіе, а Василій молодой сынъ Буслаевичъ тѣмъ молодцамъ сталъ радощенъ и веселешенекъ. Пришли тутъ мужики Залѣшана (?)—и не смѣлъ Васька показатися къ нимъ. Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи—собиралися, сходилися тридцать молодцовъ безъ одинаго,—онъ самъ Василій тридцатый сталъ. Какой зайдетъ—убьютъ его, убьютъ его, за ворота бросятъ. Послышалъ Василья у мужиковъ новгородскихъ канунъ варень, пива ячныхъ; пошелъ Василій съ дружиною, пришелъ во братчину въ Никольщину. «Не малу мы тебѣ сынь (?) плачимъ: за всякаго брата по пяти рублевъ.» А за себя Василій даетъ пядьдесятъ рублевъ. А и тотъ-то староста церковный принимаетъ ихъ во братчину въ Никольщину; а и зачали они тутъ канунъ варень пить, о тѣ-то пива ячныхъ.

Васька и его молодцы бросаются на царевъ кабакъ,—и всѣ они возвращаются въ Никольщину добръ пьяны.

А и будетъ день къ вечеру; отъ малаго до стараго, начали ужъ ребята боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки бьются; отъ тое борьбы ребячія, отъ того бою отъ кулачнаго началася драка великая; молодой Василій сталъ драку разнимать, а иной дуракъ зашелъ съ носка, его по уху оплѣтъ; а и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ: «Гей еси ты, Костя Новоторженинъ, и Лука, Моисей, дѣти боярскіе! уже, Ваську, меня бьютъ.»

Васькины молодцы пошли на выручку: много народу перебили до смерти, больше того переуродовали. Тогда Васька вызываетъ новгородскихъ мужиковъ на великій закладъ: «напущаюсъ-де я на весь Новгородъ битися, драгися, со всей дружиной храброй;» если возьметъ сторона мужицкая, Васька платитъ мужикамъ дани, выходы, по смерть свою, на всякій годъ по три тысячи; буде же его сторона одолѣетъ—мужики платятъ ему такую же дань. И въ томъ договорѣ руки они подписали. Василій Буслаевъ началъ съ своими молодцами одолѣвать противниковъ; тогда мужики новгородскіе бросились съ дорогими подарками къ Васькиной матушкѣ: «Уйми-де свое чадо милое, Василья Буслаевича.» Тутъ является на сцену совершенно новое и до крайности странное лицо—дѣвушка чернавушка. По приказанію Амелѣи

Тимоеѣвны, прибѣжала дѣвушка чернавушка, схватала Ваську за бѣлы руки, притащила его къ матушкѣ на широкій дворъ; а и та старуха не размыслена, посадила его въ погреба глубокіе, затворила дверьми желѣзными, запирала замки булатными. Между тѣмъ дружина Васькина бьется съ утра до вечера — и ей становится ужъ не въ мочь; увидѣвъ дѣвушку чернавушку, подошедшую на Волховъ за водой, молодцы взмолились ей: «Не подай насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго.» И тутъ дѣвушка чернавушка бросала она ведро кленовое, брала коромысло кипарисовое, коромысломъ тѣмъ стала она помахивати по тѣмъ мужикамъ новгородскимъ; перебила ужъ много до смерти; и тутъ дѣвка запыхалася, побѣжала къ Василью Буслаеву, срывала замки булатные, отворяла двери желѣзныя: «А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь? твою дружину храбрую мужики новгородскіе всѣхъ перебили, переранили, булавами буйны головы пробивавы.» Ото сна Василій пробуждается, онъ выскочилъ на широкій дворъ, — не попала палица желѣзная, что попала ось телѣжная, — побѣжалъ Василій по Новгороду, по тѣмъ по широкимъ улицамъ; стоитъ тутъ старецъ пилигримища, на могучихъ плечахъ держитъ колоколь, а въсомъ тотъ колоколь во триста пудъ; кричитъ тотъ старецъ пилигримища: «А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глаздырь, не полетывай: изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣградѣ людей не выбити; есть молодець супротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ.» Говорилъ Василій таково слово: «А и гой еси, старецъ пилигримища! а и бился я о великъ закладъ со мужики новгородскими, oprичъ почестнаго монастыря, oprичъ тебя, старца пилигримища; во задоръ войду — тебя убью!» Ударилъ онъ старца въ колоколь, а и той-то осью телѣжной, — качается старецъ, не шевельнется; взглянулъ онъ Василій, старца подъ колоколь, а и во лѣвъ глазъ, ужъ въку нѣту! Пошолъ молодець по Волхъ рѣкѣ, завидѣли добрые молодцы молада Василья Буслаева, — у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.

Мужики новгородскіе побиты — они покорилися и помирилися; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чистаго золота; пошли ко двору дворянскому, къ матерѣи вдовѣ Амелѣи Тимоѣевнѣ, бьютъ челомъ, поклоняются: «Осударыня матушка, принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое, молада Василья со дружиною; а и рады мы платити на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ носить: съ хлѣбниковъ по хлѣбину, съ валачниковъ — по калачику, съ молодницъ — повѣчное, съ дѣвицъ по-

валешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, oprичъ поповъ и дьяконовъ...»

Амелѣа Тимоѣевна посылаетъ дѣвушку чернавушку привести Василья съ дружиною; бѣжавши, та дѣвушка запыхалася, нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ, чтѣ полтеи (?) по улицѣ валяются тѣхъ мужиковъ новгородскихъ. Прибѣжала дѣвушка чернавушка, схватала Василья за бѣлы руки, а стала ему рассказывати, что-де мужики новгородскіе принесли къ его матушкѣ дороги подарочки и записи крѣпкія. Повела дѣвка Василья со дружиною на тотъ на широкій дворъ, привела-то ихъ къ зеленой вину, а сѣли они, молодцы, во единъ кругъ, выпили вѣдъ по чарочкѣ зелена вина, со того уразу молодецкаго отъ мужиковъ новгородскихъ. Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: «Умота и у пьяницы, у молада Василья Буслаевича, не упито, не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ужожено, а цвѣтнаго платья не уношено, а увѣче на вѣкъ залѣчено.—И повелъ ихъ Василій обѣдати къ матерѣи вдовѣ Амелѣи Тимоѣевнѣ; втапоры мужики новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ сто тысячей,—и затѣмъ у нихъ мирова пошла; а и мужики новгородскіе покорилися и сами поклонилися.

Не говоря уже о томъ, что въ этой поэмѣ очень много — по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежними — поэзіи и силы въ выраженіи, — въ ней есть еще не только мысль, но и что-то похожее на идею. Эту поэмѣ должно понимать, какъ миѣическое выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новгорода. Исторія Новгорода не могла дать содержанія для чисто-исторической поэмы; или, лучше сказать, государственная идея Новгорода не могла выразиться въ историческо-поэтической формѣ, и по необходимости должна была ограничиться смутными, неопредѣленными и дикими миѣическими полуобразами, очерками и намеками. Точность и опредѣленность — однѣ изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ качествъ и условій истинной поэзіи; но эти качества зависятъ отъ одного содержанія: чѣмъ содержаніе существеннѣе, дѣйствительнѣе, субстанціальнѣе, тѣмъ и форма точнѣе и опредѣленнѣе, образы яснѣе, живѣе и полнѣе. Всякая народная поэзія начинается миѣами, но и миѣы могутъ имѣть свою ясность, опредѣленность и, такъ сказать, прозрачность; только для этого необходимо, чтобъ выражаемое ими содержаніе было обще-человѣческое и заключало въ себѣ возможность дальнѣйшаго диалектическаго развитія, а слѣдовательно, и возможность служить содержаніемъ для поэзіи, развившейся и возросшей до высшей сте-

пени своего совершенства — до художественности. Новгородская жизнь была какимъ-то зародышемъ чего-то, повидимому, важнаго; но она и осталась зародышемъ чего-то: чуждая движѣнія и развитія, она кончилась тѣмъ же, чѣмъ и началась — чѣмъ-то; а что-то никогда не можетъ дать опредѣленнаго содержанія для поэзіи и по необходимости должно ограничиться мнѣическими и аллегорическими полубразами и намеками. Новгородъ, вѣроятно, былъ колоніей южной Руси, которая была первоначальной и коренной Русью. Коловня народы, находящихся на низкой степени гражданственности, всегда бываютъ цивилизованнѣе своихъ метрополій: онѣ составляютъ изъ самой предприимчивой части народа, которая, переселившись на новую почву и подъ новое небо, поневолѣ отрѣшается отъ ограниченности прежняго быта, открываетъ новые источники жизни, указываемые новой страной, и, удерживая много отъ духа прежней родины, много и измѣняетъ въ своемъ характерѣ. Почва Новгорода бѣдная, болотистая, климатъ холодный; это обстоятельство, въ соединеніи съ сосѣдствомъ нѣмцевъ, и направило поневолѣ дѣятельность новгородцевъ на торговлю: по невозможности быть земледѣльцами, они оторвались отъ общаго славянскаго быта и сдѣлались купцами; сосѣдство же съ нѣмцами еще болѣе способствовало развитію ихъ предприимчивости. Но, сдѣлавшись купеческимъ городомъ, Новгородъ не сдѣлался ни Венеціей, ни Амстердамомъ и ни однимъ изъ ганзейскихъ городовъ, съ которыми онъ торговалъ. Равнымъ образомъ новгородцы, сдѣлавшись купцами, отнюдь не сдѣлались гражданами правильно организованной республики: у нихъ не было опредѣленнаго раздѣленія классовъ, не было ни малѣйшаго понятія о правѣ личномъ, общественномъ и торговомъ. Тамъ все были купцами случайно, и торговали на авось да на удачу, по-азиатски. Духъ европеизма всему опредѣлялъ значеніе, всему указывалъ мѣсто, все силится освободить отъ случайности и подвести подъ общія, неизмѣнныя и опредѣленныя условія необходимости, все подчинялъ системѣ, ремесло возвышалъ до искусства, изъ искусства дѣлалъ науку. Ничего этого не было и тѣни въ основахъ новгородской гражданственности. Внѣшнія обстоятельства были причиной ея возникновенія; внѣшнія обстоятельства и докончили ее. Безсиліе разединенной Руси дало Новгороду укрѣпиться; а соединеніе Руси въ одну державу, безъ борьбы и особенныхъ усилій, испровергло его. И если бы Москва допустила существо-

ваніе Новгорода, — онъ палъ бы самъ собой и сталъ бы легкой добычей Польши или Швеціи. Чтò не развивается, то не живетъ, а чтò не живетъ, то умираетъ: таковъ общій законъ всехъ гражданскихъ обществъ. Въ Новгородѣ не было зерна жизни, не было развитія, а потому, повторяемъ, изъ него ничего не могло выйти, и онъ никогда не былъ органически-историческимъ обществомъ, у котораго бы могла быть исторія, а слѣдовательно, и поэзія.

Но, съ другой стороны, нельзя не признать Новгорода весьма примѣчательнымъ явленіемъ, имѣвшимъ важное вліяніе даже на Московское царство. Торговля родила въ Новгородѣ богатство, богатство породило духъ какого-то самодовольствія, приволья, удалства, отваги, молодечества. Велѣдствіе этого въ Новгородѣ образовался родъ какой-то странной и оригинальной гражданственности; явилась аристократія богатства, съ особенными формами жизни, своимъ церемоніаломъ, своими общественными нравами и обычаями, своей общественной и семейной нравственностью. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлалось типомъ русскаго быта. Новгородъ былъ богатъ, силенъ и славенъ на Руси въ то время, когда Русь была бѣдна и безсильна, когда въ ней не было никакой общественности, никакой гражданственности, когда въ ней было не до прокладки, не до роскоши, не до удалства и разгула: ее терзали сперва междоусобія, потомъ — татары. Теперь очень понятно, что Новгородъ для тогдашней Руси былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Европы. Новгородъ былъ городомъ аристократіи, въ смыслѣ сословія, которое, много имѣя денегъ, много и тратило ихъ на свои прихоти: аристократія безъ денегъ ни гдѣ и никогда не бывала, а если выскочекъ называють мѣщанами въ дворянствѣ, то бѣдныхъ аристократовъ должно называть дворянами въ мѣщанствѣ. Богатство рождаетъ множество нуждъ и прихотей, страсть къ удобству и уваженію къ приличію, и если оно не въ состояніи возвысить душу, отъ природы низкую, всегда можетъ смягчить внѣшнюю грубость, дать душѣ большій просторъ и полетъ въ сферѣ житейскаго и общественнаго образованія, потому что богатство освобождаетъ человѣка отъ низкихъ нуждъ, заботъ и работъ жизни. И потому мы думаемъ, что русскій этикетъ, свадебные и другіе обряды образовались первоначально въ Новгородѣ и отсюда вмѣстѣ съ венеціанскими и нѣмецкими товарами разлились и распространились по всей Руси. Мы здѣсь разумѣемъ собственно сѣверную Русь, бѣдную и грубую, центромъ

которой былъ сперва Владиміръ на Клязьмѣ, а послѣ Москва. Сѣверная Русь рѣзко отдѣлилась отъ южной, превратившейся впоследствии въ Малороссію: Червоная Русь, болѣе близкая къ Киевско-Черниговской, также не имѣла ничего общаго съ сѣверной. Явно, что типъ общественнаго быта сѣверной Руси образовался и развился въ Новгородѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить всѣ поэмы, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владиміръ, и которыя мы разбирали въ предыдущей статьѣ: въ нихъ нѣтъ ничего, принадлежащаго и свойственнаго южно-русской поэзіи, въ нихъ нѣтъ ничего общаго ни въ изобрѣтеніи, ни въ колоритѣ съ «Словомъ о Полку Игоревѣ». Напротивъ, въ нихъ все новгородское: и изобрѣтеніе, и выраженіе, и тонъ, и колоритъ, и замашка и, наконецъ, эти герои и богатыри изъ купцовъ, какъ Иванъ Гостиный сынъ и другіе. «Василій Буслаевъ» — явно новгородскія поэма, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но, слышавши эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ времени Владиміра, — нельзя не увидѣть, что всѣ онѣ какъ будто бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что всѣ онѣ дѣйствительно сложены въ Новгородѣ, — и богатырскія сказки о Владиміръ Красномъ-Солнышкѣ были не чѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ новгородца о своей прежней родинѣ. Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника южной Руси ставъ новгородскимъ купчиною, новгородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по идеалу современнаго ему быта своей новой, настоящей отчизны. И потому изъ преданія онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образы, — и Владиміръ Красно-Солнышко является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и Дунай сынъ Ивановичъ, берега котораго тоже были некогда его отчизной. Но Дунай и остался въ его пѣсняхъ мѣстическимъ воспоминаніемъ; а Владиміръ великій князь Киевскій стольный превратился, въ поэмахъ новгородца, въ какого-то купчину, гостя богатаго, и по рѣчамъ, и по манерамъ, и по складу ума. Отъ того же и княгиня Апраксѣвна, равно какъ и всѣ героини Киршевыхъ поэмы, такъ похожи на купчихъ: ихъ иначе и нельзя представить, какъ въ жемчугахъ, съ повязанными головами, разбѣденныхъ, на румяненныхъ, съ черными зубами и съ чарами зелена вина въ рукахъ; «онѣ по двору идутъ — будто уточки плывутъ, а по горенкѣ идутъ — частенько ступаютъ, а на лавицу садятся — колѣнцо жмутъ, — а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ.»

Но не по одному этому влиянію на Русь замѣчательнъ Новгородъ: онъ и самъ по себѣ есть интересное явленіе съ своимъ меньшимъ братомъ, Псковомъ. Это какой-то неразвившійся, но большой зародышъ чего-то, какая-то неудавшаяся, но размахистая попытка на что-то. По преобладанію восточнаго элемента, всѣ славянскіе народы являли собою одни зачатки жизни, которымъ не суждено было развиться изъ самихъ себя во что-нибудь дѣйствительное и опредѣленное собственной самодѣятельностью, не принявъ съ себя обще-человѣческихъ элементовъ европейскаго духа. Повторяемъ: Новгородъ былъ не республикой, а скорѣе карикатурой на республику. Ничѣмъ нельзя такъ хорошо охарактеризовать Новгорода, какъ его же собственнымъ прозваніемъ, простодушнымъ и бессознательнымъ, но мѣткимъ и вѣрнымъ: новгородская вольница. Гдѣ нѣтъ права и закона, нѣтъ развившихся изъ жизни государственныхъ постановленій — тамъ нѣтъ и свободы, нѣтъ гражданъ, а есть вольность и вольница, которыя, въ отношеніи къ личной безопасности и независимости членовъ общества, ничѣмъ не лучше азіатскаго деспотизма, если еще не хуже. Извѣстно, что вѣче «великаго господина Новгорода» часто оканчивалось кровавымъ самоуправствомъ невѣжественной черни, а спокойствіе города нерѣдко нарушалось самыми бессмысленными мятежами. Въ Новгородѣ не было представительности: толпа невѣжественная и дикая безусловно властвовала на вѣчѣ; но Новгородъ былъ богатъ и зналъ это; новгородцы были полны отваги и удали, и говорили: «Кто противъ Бога и великаго Новгорода?» Святая Софія была покровительницей, и въ ея храмѣ хранилась грамота Ярослава. Новгородцы по-своему любили Новгородъ и гордились имъ. Вѣчевой колоколъ — символъ ихъ политическаго значенія, былъ для нихъ дорогъ, и рыдая провожали они его въ Москву...

Новгородъ не былъ государствомъ, но въ немъ были зачатки государственной жизни, — и потому онъ былъ явленіемъ неопредѣленнымъ, страннымъ, чѣмъ-то и въ то же время и ничѣмъ; это былъ инфузорій государственный жизни, но не государство. Проблескивало въ его жизни что-то и размахистое, и грандіозное, но только проблескивало и, мгновенно поразивъ зрѣніе, тотчасъ же исчезало, подобно миражамъ и блуждающимъ огнямъ...

Такова была историческая дѣйствительность Новгорода; такова и его поэзія: никакія лѣтописи, никакія историческія изысканія не могутъ такъ вѣрно выразить

смутнаго его существованія, какъ его поэзія. Начнемъ съ «Василія Буслаева»: это — апопееза Новагорода, столь же поэтическая, удалая, размашистая, сильная, могучая и столь же неопредѣленная, такая, безобразная, какъ и онъ самъ. Съ самаго начала поэмы, вы видите существованіе въ Новѣгородѣ двухъ сословій — аристократіи и черни, которыя не совсѣмъ въ ладу между собой. Какъ бы въ похвалу Буслаю, отцу Василія, говорится, что онъ «съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился, со мужики новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ.» Да и какъ не хвалить за это: изъ чего же и ссориться было этому благородному дворянину со мужики новгородскими? Въ Римѣ вражда между патриціями и плебеями была вражда основательная и разумная: первые возникли и образовались изъ племени завоевателей, вторые — изъ племени побѣжденнаго и завоеваннаго: вотъ первый исходный пунктъ вражды двухъ сословій. Далѣе: патриціи образовывали собою правительственную корпорацію; въ ихъ рукахъ была высшая государственная власть; они были полководцами и сенаторами, изъ нихъ преимущественно выбирались консулы и диктаторы; вообще сословіе патриціевъ пользовалось большими правами, которыя составляли часть коренныхъ государственныхъ законовъ, владѣли большими имѣніями, а народъ былъ обѣденъ правами и полями, ему предоставлено было только лить кровь за отечество и повиноваться его законамъ. Наконецъ, патрицій считалъ себя существомъ высшимъ плебея и гнушался вступить съ нимъ въ родство или допустить его въ свое общество. Патрицій оскорблялъ плебея и самымъ превосходствомъ своимъ въ образованіи. Все это поддерживало борьбу, бывшую источникомъ римской исторіи и причиной ея колоссальнаго развитія. Но въ Новѣгородѣ дворянамъ и боярамъ не изъ чего было перечиться съ мужиками, а мужикамъ не изъ чего было враждовать противъ дворянъ и бояръ: при равенствѣ правъ, или совершенномъ отсутствіи правъ съ той и другой стороны, и при равенствѣ образованія, или при совершенномъ отсутствіи всякаго образованія съ той и другой стороны, тамъ только бѣдный могъ завидовать богатому, а не мужикъ дворянину, ибо тамъ и мужикъ могъ быть богаче боярина, и потому больше его имѣть вѣсу на вольномъ вѣчѣ. Но тутъ была бессмысленная спѣсь, которая основывалась не на превосходствѣ образованія, общественнаго или умственнаго, не на правѣ заслуги, а на пергаментныхъ грамотахъ: спѣсь съ одной стороны вызывала вражду съ другой; а какъ неважны причины родить неважны

слѣдствія, то вражда и разрѣшалась кулачными боями и тѣлеснымъ увѣщаньемъ. Василій Буслаевъ есть представитель аристократической партіи въ Новѣгородѣ: онъ человекъ въ превосходно образованній — умѣетъ читать, писать и пѣть: чего же больше?... Повадилса онъ со пьяницы, со безумницы; но былъ молодцу не укора, тѣмъ болѣе, что общественная нравственность Новагорода отнюдь не презирала этихъ господъ, ибо они были не только пьяницы, безумницы, но и «веселые, удалые добры молодцы». Костя Новоторженинъ долженъ быть не изъ дворянъ, а изъ купчинъ; держава экзаменъ Васьки, т. е. ударъ по головѣ червленымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ, онъ дѣлается его братомъ названы имъ: вотъ вамъ и символъ единства и родства высшаго и низшаго сословій въ политической организаціи Новагорода! Лука и Моисей — два боярченка; Василій особенно «сталъ радостенъ и веселененекъ» ихъ приходу: это своя братія — аристократы... Но что за мужики Залѣпана, не разъ упоминаемые въ Киршевыхъ поэмкахъ, — неизвѣстно; и почему Васька, никого не трусившій, не посмѣлъ имъ показаться, хотя они и пришли къ нему на дворъ, гдѣ онъ бесѣдовалъ за чаномъ зелена вина съ своей ватагой — тоже темно и неопредѣленно. Не мѣшало загадочно и братья Сбродовичи, не разъ упоминавшіеся и въ прежнихъ поэмкахъ: о нихъ, какъ и о мужикахъ Залѣпанахъ, можно сказать съ достовѣрностью только, что они — новгородцы. Чтѣ за брагичина Никольщина, гдѣ на складчину пьютъ канунъ варенъ и пива ячныя — тоже загадка. Драка началась не изъ ссоры: побывавши въ кабакѣ, молодцы Василія начали «боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки битися»; начали за здравіе, а сведи за упокой, по русской коренной поговоркѣ; слѣдовательно, не вражда между сословіями, а то, что руки расчесались и плечи расходились, произвело нецивилизованную драку. Вызовъ Васьки мужиковъ новгородскихъ на бой съ его дружиной о великѣ закладъ прекрасно характеризуетъ новгородскую удаль и молодечество; въ его условіи съ ними, къ которому были «подписаны руни» съ обѣихъ сторонъ, промелькиваетъ коммерческая цивилизація Новагорода. Въ жалобѣ мужиковъ, приносимой къ матери Васьки, и скорой расправѣ матери съ сыномъ вполне выражается патриархально семейное основаніе гражданскаго быта того времени: а «дороги подарочки», представленныя матерью вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ при жалобѣ на сына, показываютъ ясно, что и въ новгородской республикѣ безъ «подарочковъ» никакая просьба не обходилась. «Два души

чернавушка» упоминается и въ нѣкоторыхъ **другихъ** русскихъ сказкахъ; слѣдовательно, она должна имѣть какое-нибудь значеніе, но какое именно—нельзя понять. Для насъ эта «дѣвушка чернавушка», которая хватаетъ Васюку за бѣлы руки и, какъ ребенка, тащитъ въ погреба глубокіе, а потомъ кипарисовымъ коромысломъ побиваетъ мужиковъ новгородскихъ, спшибаетъ замки бутылкамъ, ломаетъ двери желѣзныя и освобождаетъ Василья,—для насъ она не имѣетъ никакого смысла. Замѣчательно, что эта «дѣвушка чернавушка» явно держитъ сторону Василья и его молодецъ, и только въ качествѣ служанки его матери, обязанной повиноваться своей госпожѣ, дѣйствуетъ она противъ Василья. Встрѣча освобожденнаго изъ подвала Василья съ старцемъ-пилигримцемъ есть лучшее мѣсто въ поэмѣ. Этотъ старецъ-пилигримецъ есть поэтическая апофеоза Новагорода, поэтической символъ его государственности. Старецъ держитъ на могучихъ плечахъ колоколь въ триста пудъ; онъ холодно и спокойно, какъ голосъ увѣреннаго въ себѣ государственнаго достоинства, останавливаетъ рьяность Буслаева: «Изъ Волкова воды не выпити, въ Новѣгородѣ людей не выбити: есѣ молодецъвъ супротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ.» Въ отвѣтъ Василья видны привилегіи духовнаго сословія и уваженіе Буслаева къ идеѣ Новагорода, однако же побѣждаемое неукротимостью его молодчества: «Бился я о великъ закладъ со мужики новгородскими, опричь почестнаго монастыри, опричь тебя, старца-пилигримца: во задоръ войду—и тебя убью!» Васюка ударяетъ телѣжной осью по головѣ старца: качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколь: «а и во лѣвъ глазъ—ужъ вѣку нѣту»... Хоть слова качается и не шевельнется и кажутся противорѣчіемъ другъ другу, однако въ нихъ нѣтъ противорѣчія, а только неточность выраженія: слово «качается» должно относить къ колоколу, а «не шевельнется»—къ старцу, образу Новагорода. «А и и во лѣвъ глазъ—ужъ вѣку нѣту»—указываетъ на мистическую древность историческаго существованія Новагорода.

Вообще этотъ образъ Новагорода дышетъ какой-то гравіозностью, силой и поэзіей; но въ то же время онъ страшенъ, дикъ, неопредѣленъ. — словомъ, самый вѣрный портретъ историческаго Новагорода, поэтический инфузорій, огромный взмахъ безъ удара...

Теперь мы докончимъ исторію мота и мянницы, молода Василья Буслаевича, пересказавъ содержаніе другой новгородской

поэмы, представляющей Буслаевича въ новомъ положеніи.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ, по славному озеру по Ильмену, плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селсезень, какъ бы ярый гоголь поныриваетъ: а плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль какъ бы молода Василья Буслаевича со его дружиною хораброю: Костя Никитинъ корму держитъ, маленький Потаня на носу стоитъ, а Василій-то по кораблю похаживаетъ, таковы слова поговариваетъ: «Свѣтъ, моя дружина хорабрая, тридцать удалыхъ, добрыхъ молодецъвъ! ставте корабль поперекъ Ильменя, приставайте, молодцы, ко Новугороду!»

Вышедъ изъ корабля, Василій идетъ къ своей матушкѣ, матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ, проситъ у нея благословенія великаго «итти въ Ерусалимъ градъ, Господу помолитися, святой святыиѣ приложитися, во Ерданѣ рѣкѣ испунатися.» Мать отвѣчаетъ: «Коли ты пойдешь на добрыя дѣла, тебѣ дамъ благословеніе великое; коли ты, дитя, на разбой пойдешь, я не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля.» Камень отъ огня разгорается, а будать отъ жару растопляется, материно сердце распущается; и даетъ она много свинцу, пороху, и даетъ Василью запасы хлѣбныя, и даетъ оружье долгомѣрное. «Побереги ты, Василій, буйну голову свою.»

Поѣхалъ Буслай со дружиной по Ильмену озеру во Ерусалимъ-градъ; плывуть они уже другую недѣлю (какое огромное озеро!), встрѣчу имъ гости корабельщики: «Здравствуй, Василій Буслаевичъ! куда, молодецъ, поизволилъ погулять?» Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ: «Гой еси вы, гости корабельщики! А мое-то вѣдъ гулянье неохотное: смолоду бито много, грабленіе, подъ старость надо душу спасти; а скажите вы, молодцы, мнѣ прямого пути ко святому граду Іерусалиму.» Корабельщики отвѣчаютъ, что если ѣхать прямымъ путемъ—то семь недѣль, а если окольной дорогою—полтора года; и что на славномъ Каспійскомъ морѣ, на Куминскомъ острову, стоитъ застава крѣпкая—атаманы казачіе; не много, не мало ихъ—три тысяча, грабятъ бусы, галеры (?), разбиваютъ червленны корабли.— «А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленый вязъ; а бѣгите вы, ребята, прямымъ путемъ.» И завидя Буслай гору высокую, скоро приставалъ ко кругу бережку и походилъ на ту гору Сорочинскую, а за нимъ летитъ дружина хорабрая. Будетъ Василій въ полугорѣ, попадаетъ ему пуста голова, человѣческая кость; пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь; вѣщитъ пропуска голова человѣче-

ская: «Гой еси, Василий Буслаевич! ты къ чему меня, голову, побрасываешь? Я, молодецъ, не хуже тебя былъ; умъю я, молодецъ, валятися,—и гдѣ лежитъ пуста голова молодецкая, и будетъ лежать головѣ Васильевой.» Плюнулъ Василий, прочь пошелъ: «Али, голова, въ тебѣ врагъ говорить, али нечистый духъ?»

На вершинѣ горы, на самой сѣпкѣ, стоитъ камень, а на немъ написано, что-де кто у камня станеть тѣшиться, забавлятися, вдоль скакать по камню — сломить буйну голову. Василий тому не вѣруеть, и сталъ съ молодцами тѣшиться, забавлятися: поперекъ того камню поскакивати, а вдоль-то его не смѣетъ скакать.

Наскакавши въдоволь, молодцы ѣдутъ далѣе и достигаютъ заставы казачей; и скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ, червленымъ вязомъ подпирается. Атаманы сидятъ, не дивуются, сами говорятъ таково слово: «Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ, не видали страху великаго: это-де идетъ Василий Буслаевичъ; знатъ-де полетка соколиная, видать-де поступка молодецкая.» Василий спрашиваетъ ихъ о пути въ Иерусалимъ, а они просятъ его «за единый столъ хлѣба кушати.» Впалоры Василий не послушался, сѣлся съ ними за единый столъ, наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра, принимаетъ Василий, единой рукой и выпилъ чару единымъ духомъ, и только атаманы тому дивуются: а сами не могутъ и по полу-ведру пить. Когда Василий собрался въ путь, атаманы казаче дали подарки свои: первую мису чиста серебра и другу красна золота, третью скатнаго жемчуга. Просить онъ у нихъ до Иерусалима провожатаго; тутъ атаманы Василию не отказали, дали ему молодца провожатаго. По Каспійскому морю молодцы прибѣжали прямо во Ерданъ-рѣку и пошли въ Ерусалимъ-городъ. Пришелъ Василий во церкву соборную, служилъ обѣдню за здравіе матушки и за себя, Василия Буслаевича; и обѣдню съ панихидой служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, что смолоду бито много, граблено. И во святой святынь приложился онъ, и во Ерданъ-рѣкѣ купался. И расплатился Василий съ попами, съ дьяконами, и которые старцы при церкви живутъ, даетъ золотой казны несчитаючи. Пошелъ онъ на червленъ корабль, а дружина-то хорабрая купалася во Ерданъ-рѣкѣ; приходила къ нимъ баба залѣсная (?), говорила таково слово: «Почто вы купаётесь во Ерданъ-рѣкѣ? А не кому купатися, oprичъ Василия Буслаевича,—во Ерданѣ крестился

самъ Господь Іисусъ Христосъ; потерять его вамъ будетъ, большого атамана, Василья Буслаевича.» И они говорятъ таково слово: «Напѣ Василий тому не вѣруеть ни въ сонъ, ни въ чохъ.» И мало времени позойдучи, пришелъ Василий ко дружинѣ своей; выводили корабли изъ Ерданъ-рѣки, подняли тонки паруса полотняны, побѣжали по морю Каспійскому. У острова Куминскаго атаманы казаче Василию кланялись и «здорово ли съѣздить во Ерусалимъ-градъ?» его спрашивали. Много Василий не байтъ съ ними, подалъ Василий письмо въ руку имъ, что много трудовъ за нихъ положилъ, служилъ обѣдни съ молебнами за нихъ, молодцовъ. Ёдутъ молодцы недѣлю-другую, доѣхали до горы Сорочинской, и Василию вздумалось опять потѣшиться, позабавиться, несмотря на вторичное зловѣщее предсказаніе головы. Только на этотъ разъ ему вздумалось поскакать вдоль камню; разбѣжался, скочилъ вдоль по камню, и не доскочилъ только четверти, и тутъ убился подъ камнемъ. Гдѣ лежитъ пуста голова, тамъ Василья схоронили. Приѣхавъ въ Новгородъ, молодцы пошли къ матерой вдовѣ, Амелѣ Тимоѣевнѣ; пришли и поклонилися, всѣ письмо въ руки подали; прочитала письмо матерѣ вдова, сама заплакала, говорила таковы слова: «Гой вы еси, удалы добры молодцы! у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны несчитаючи.» Дѣвушка чернавушка сводила ихъ въ подвалы глубокіе, брали они казны по малу числу, кланялись матерѣ вдовѣ, что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ.» Затѣмъ матерѣ вдова велѣла дѣвущкѣ чернавшкѣ наливать по чаркѣ зелена вина, подносить удалымъ добрымъ молодцамъ: они выпили, сами поклонилися и пошли, кому куда захотѣлося.

Отпуская Буслаева, мать даетъ ему благословеніе только на добрыя дѣла, а за разбой заклиняетъ землю не носить его. Когда Василий корабельщики спрашиваютъ о дѣли поѣздки, онъ отвѣчаетъ: «А мнѣ-то въдгулянье неохотное: смолоду бито много, граблено, подѣ старость надо душу спасти.» Оставляя въ сторонѣ странное понятіе о возможности такъ легко сложить съ себя кровавыя преступленія, обратимъ вниманіе на самыя преступленія. Это не былъ разбой въ прямомъ смыслѣ: разбойникъ—тотъ, кого отвергло общество или кто самъ отвергся общества и принялся за ножъ, какъ за средство къ существованію, кто рѣжетъ и грабитъ съ полнымъ сознаніемъ преступности подобнаго промысла. Не таковъ нашъ Василий Буслаевичъ: какъ ни важны его преступленія, но они только шалости, плодъ не-

вѣжественнаго понятія о молодецкой удали и широкомъ разметѣ души. Такое дурное проявленіе бурнаго бушеванія вродѣ и неувротимой рьяности души есть порожденіе полудикой гражданственности, лишенной всякаго духовнаго движенія и развитія. Сильная натура непременно требуетъ для себя широкаго, размахистаго вруга дѣятельности. И потому, лишенная нравственной сферы, она обильно и дико бросается въ безумное упоеніе удадой жизни, разрываетъ, подобно паутинѣ, слабую ткань общественной морали. Въ Римѣ сильная натура являлась въ колоссальныхъ образахъ Коллессовъ, Сцеволовъ, Коріолаиновъ, Гракховъ; въ Новгородѣ она могла являться только въ образѣ буйныхъ и дикихъ Буслаевичей и Костей Никитичей. Сама общественная нравственность того времени видѣла только молодечество и удалство въ томъ, что въ другихъ странахъ было буйствомъ и разбойничествомъ. Новгородцы цѣлыми шайками отправлялись въ Пермь и Вятку, рѣзали, жгли и гребили по Камь. На нихъ жаловались московскимъ царямъ, — и они иногда являлись съ повинной головой, какъ черезчуръ задурившіеся удалцы, а не какъ воры и разбойники. Ихъ вызывали на подобные подвиги не бѣдность, не нищета, не развратъ и вровожадность, а жажда какой бы то ни было дѣятельности, лишь бы сопряженной съ опасностями, отвагой и удалью. Новгородъ можно смѣло называть гнѣздомъ русской удали. Дурно направленная сила души дурно и дѣйствуетъ, а хорошо направленная и дѣйствуетъ хорошо; но срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что бы могло дурно или хорошо быть направляемо! И потому Васька Буслаевъ, «мощь и пшаница», право, былъ лучше многихъ тысячъ людей, которые тихо и мирно проживали вѣкъ свой: онъ былъ мотомъ и пшаницей отъ избытка душевнаго огня, лишеннаго истинной пищи; а тѣ жили тихо и мирно по недостатку силы. Замѣйте, что Буслаевичъ говорилъ слова: «смолоду бито много, граблено», какъ будто мимоходомъ, безъ поясненій, безъ сентенцій, безъ самообвиненія, а какъ будто съ каинимъ-то хвастовствомъ; и можно поручиться, что гости корабельщики выслушали его безъ удивленія, безъ ужаса, но съ той улыбною, съ какой пожилой человѣкъ выслушиваетъ любовныя похождения юности, вспоминая о своихъ собственныхъ во время оно. Да и почему не пошлать, если повѣзда въ Иерусалимъ могла загладить всѣ шалости... И Буслаевичъ похваля совѣмъ не смиреннымъ пилигримомъ—удальство и молодечество заглушаютъ въ немъ всякое другое чувство, если только было что заглушить въ немъ... Узнавъ, что прямая дорога сопряжена съ

опасностью, онъ выбираетъ ее, говоря, что «не вѣруеть онъ, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруеть въ своей червленый вѣзъ». Не дожидая до казачей заставы, онъ видитъ гору: ему надо побывать на ней — и зачѣмъ? — да такъ, изъ удали. Речовое предвѣщаніе мертвой головы и надпись на камнѣ не только не отвращаютъ его отъ безумнаго желанія «тѣниться, забавлятися, поперекъ того каменю поскакивати», но вызываютъ на эту петлю. Что такое эта Сорочинская гора, мертвая голова и камень съ надписью, и почему можно было скакать только поперекъ его, а не вдоль, — все это имѣетъ смыслъ развѣ того пошлаго мистицизма, который видитъ таинственное и глубокое во всемъ, что, за отсутствіемъ здраваго смысла, непонятно разсудку. Скачи поперекъ, а вдоль не скачи: это такъ нелѣпо, что простому, неразвитому размышленіемъ и наукой уму непременно должно было показаться необыкновенно таинственнымъ и глубоко знаменательнымъ, подобно мистическимъ числамъ семь, девять, двѣнадцать, подобно молодому мѣсяцу съ лѣвой стороны, зайцу, перебѣжавшему дорогу, и другимъ предразсудкамъ старыхъ бабъ. Замѣтательно, впрочемъ, что, несмотря на прямой путь изъ Ильмена въ Каспійское море и изъ него прямо въ рѣку Иорданъ, есть въ поэмѣ и признаки географической достовѣрности: на вершинѣ Сорочинской горы находится сопка—явленіе, возможное на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря.

Страхъ, а вслѣдствіе его и уваженіе, обнаруженные казаками къ герою поэмы, указываютъ на славу Василья Буслаева, какъ удалца изъ удалцовъ, какъ человѣка, съ которымъ плохи шутки. Баба залѣсная, которая предсказываетъ купающейся въ Иорданѣ дружинѣ Василья о гибели его, — одно изъ тѣхъ чудовищныхъ порожденій лишенной всякаго содержанія фантази, которыми особенно любитъ щеголять русская народная поэзія. Смерть Василья выходитъ прямо изъ его характера, удалого и буйнаго, который какъ бы напрашивается на бѣду и гибель. Слова матери Василья къ его остроумной дружинѣ не отличаются особенной материнской нѣжностью; однако видна истинная грусть по безвременно погибшемъ сынѣ въ выраженіи: «у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего». Есть также что-то глубоко грустное въ умѣренности молодцовъ Василья, которые «брали вазны по малу числу», они были и сильные, и могучи, и удалы, и веселы только съ своимъ лихимъ предводителемъ, а безъ него на что имъ и золота казна! При немъ они составляли дружину и братчину, а безъ него — «шопли добры молодцы, кому куда захотѣлось»... Такъ бываетъ не въ однихъ

сказкахъ, такъ бываетъ и въ действительности: сильный и богатый дарами природы духъ собираетъ вокругъ себя кружокъ людей, способныхъ почитать его, и соединяетъ ихъ между собой союзомъ братства; но имѣть его — и осиротѣлый кругъ, лишенный своего центра, распадается самъ собой...

Теперь мы должны перейти къ другому герою, по преимуществу новгородскому. Это уже не богатырь, даже не силачъ и не удалецъ въ смыслѣ забіяки и челоуѣка, который никому и ни чему не даетъ опуску, который, подобно Василькѣ Буслевичу, не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруеть въ свой червленый вязъ; это и не бояринъ, не дворянинъ: имѣть, это сила, удалъ и богатырство денежное, это аристократія богатства, приобретеннаго торговлей, — это купецъ, это апогеоза купеческаго сословія.

По славной матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ а гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ; никакой надъ собою притки и скорби Садко не вѣдывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ. Захотѣлось молодцу побывать въ Новѣгородѣ, отрѣзалъ хлѣба великій суекой, а и солью насолить, его въ Волгу опустилъ: «А спасибо тебѣ, матушка Волгарѣка! А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ, никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой, и въ добромъ здоровьи отъ тебя отошелъ; а иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать.» Проговорить ему matka Волгарѣка: «Гой еси, удалой добрый молодецъ! когда прѣдешь ты во Новгородъ, а стань ты подъ башню пробѣжую, поклонися отъ меня брату моему, а славному озеру Ильмену.» Правиль Садко Ильмену-озеру челоуѣтъ великое: «А и гой еси, славный Ильмень-озеро! сестра тебѣ, Волга, челоуѣтъ посылаеть двою» (?). Приходиль тутъ отъ Ильмень-озера удалой добрый молодецъ и спрашивалъ Садку: «Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ! какъ-де ты Волгу-сестру знаешь мою?» А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ. «Что-де я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, съ вершины знаю и до устья ее, а и нижняго царства Астраханскаго.» А и сталъ тотъ молодецъ наказывати, который посланъ отъ Ильмень-озера, чтобъ Садко-просиль бо шлык о вѣ закинуть въ Ильмень три невода: «будеть-де ему, Садкѣ, Божья милость. Первый неводъ къ берегу пришелъ: и тутъ въ немъ рыба бѣлая, бѣлая вѣдь рыба мелкая; и другой-то вѣдь неводъ къ берегу пришелъ: въ томъ-то рыба красная; а и третій неводъ къ берегу пришелъ: въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая, бѣлая рыба въ три четверти. Перевозилъ Садко молодецъ на гостинный дворъ съ тою рыбою ловленою, навалилъ ея три погреба глубокіе,

запиралъ тѣ погреба накрѣпко, ставилъ караулъ на гостинномъ на дворѣ и давалъ тѣмъ бошлыкамъ за труды ихъ сто рублевъ. А не ходитъ Садко на тотъ на гостинный дворъ по три дни, на четвертый день погулять захотѣлъ; заглянеть онъ въ первый погребъ — которая была рыба мелкая, что-то вѣдь стали денги дробныя; заглянулъ онъ въ другой погребъ: гдѣ была рыба красная — очутились у Садки черванцы лежать; къ третьемъ погребу, гдѣ была рыба бѣлая — а и тутъ у Садки все монеты лежать. Втаперы Садко купецъ, богатый гость, сходилъ онъ на Ильмень-озеро, а бѣетъ челоуѣтъ поклоняется: «Батюшка мой, Ильмень-озеро! поучи меня жить въ Новѣгородѣ.» Ильмень даеть ему совѣтъ поводитися съ людьми со таможенными, да позвать молодцовъ посадскихъ людей, а стануть-де ты знать и вѣдати. Позвалъ къ себѣ Садко людей таможенныхъ и сталъ водитися съ людьми посадскими. Сходилися мужики новгородскіе, у того ли Николы Можайскаго, во братчину Никольщину, пить канунъ, пива ячныя; Садко билъ челоуѣтъ, поклоняется принять его во братчину Никольщину, судить имъ заплатитъ сынь не малую и даеть имъ пять-десять рублевъ. Когда молодцы напивались до-пьяна, а и съ хмелю тутъ Садко захватался: велитъ припасать товаровъ въ Новѣгородъ, онъ-де тѣ товары всѣ выкупить, не оставитъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку: а не то — заплатитъ казны имъ сто тысячей. И ходитъ Садко по Новгороду, выкупаеть всѣ товары по вольной цѣной, не оставилъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку. Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце: а и шедъ Садко Божій храмъ соорудилъ, а и во имя Стефана архидьякона: кресты, маковицы золотомъ золотилъ, онъ мѣстны иконы изукрашивалъ, изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ, парскія двери вызолачивалъ. На второй день онъ опять выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ и соорудилъ церковь во имя Софіи премудрыя. По третій день по Новгороду товару больше стараго, всякихъ товаровъ заморскихъ: онъ выкупилъ товары въ половину дня и соорудилъ Божій храмъ во имя Николы Можайскаго. А и ходитъ Садко по четвертый день, ходилъ Садко по Новгороду, а и дѣдой день онъ до вечера не нашеть онъ товаровъ въ Новѣгородѣ ни на денежку, ни на малу разну полушечку. Зайдетъ Садко онъ во темный въ рядъ, и стоять тутъ черепапы, гнидые горшки, а всѣ горшки уже битые; онъ самъ Садко усмѣхается, даеть денги за тѣ горшки, самъ говоритъ таково слово: «Пригодятся ребятамъ черепками играть, поминать Садку гостя богатаго, что не я Садко богатъ —

Богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими, и тѣми черепанами, гнилыми горшками!

Въ этой поэмѣ ошутительно присутствіе идеи: она есть поэтическая апофеоза Новгорода, какъ торговой общины! Садко выражаетъ собой безконечную силу, безконечную удаль; но эта сила и удаль основаны на безконечныхъ денежныхъ средствахъ, приобретеніе которыхъ возможно только въ торговой общинѣ. Русскій человѣкъ во всемъ удалъ и во всемъ любитъ хвастнуть своей удалью. У насъ и теперь всякій проживаетъ вдвое больше того, что получаетъ: исключенія рѣдки. Садко выкупаетъ товары въ Новгородѣ не по расчету, не по нуждѣ, а потому что онъ расходился, и ему море по колѣно. Онъ хочетъ насладиться чувствомъ своего золотого могущества: черта чисто-русская! Русскій человѣкъ любитъ похвастаться чѣмъ Богъ послалъ: и кулакомъ, и плечами, и рѣчами, и безумной удалью, которая можетъ стоять ему жизни. Что же до денегъ, извѣстное дѣло, что у него послѣдняя копейка ребромъ! Копить онъ иногда деньги цѣлый годъ, живеть скрагой, во всемъ себѣ отказываетъ—и для чего все это?—чтобъ подъ веселый часъ все разомъ спустить. Когда расходится,—онъ добръ и тароватъ: вали къ нему на дворъ званый и незваный, пей и ѣшь, сколько душѣ угодно, нейдетъ въ душу—лей и бросай на полъ. Тутъ онъ уже и не торгуется,—даетъ безъ счету, сколько руки захватили; а завтра—хорошо, если осталось чѣмъ опохмелиться, а тамъ опять на постъ и на лишения, иногда безъ раскаянія, безъ сожалѣнія, безъ вздоховъ и оховъ, а чаще всего съ жалобами на горькую участь свою,—все это до новаго праздника.

Но Садко обязанъ своимъ богатствомъ не себѣ, а Волгѣ да Ильменю, да Новгороду Великому. Волга приехала съ нимъ половъ брату своему Ильменю; Ильмень разговариваетъ съ Садкой въ видѣ удалого добраго молодца: въ этомъ олицетвореніи есть мысль: рѣки и озера судоходны—божества торговыхъ народовъ. Превращеніе рыбы въ деньги—тоже не безъ смысла; это языкъ поэзіи, выразившій собой прозаическое понятіе о выгодномъ торговомъ оборотѣ. Садко выкупилъ всѣ товары въ Новгородѣ; остались только битые горшки—и тѣ надо скупить: пусть играютъ ребятишки, да поминаютъ Садку гостя богатаго. Новгородъ униженъ, оскорбленъ, опозоренъ въ своемъ торговомъ могуществѣ и величіи: частный человѣкъ скупилъ всѣ его товары, и все остался богатъ, а товаровъ больше нѣтъ... Но этотъ Садко сталъ

такъ богатъ, благодаря Новгороду же,—и потому пусть ребятишки играютъ битыми черепками, да поминаютъ Садку гостя богатаго, «что не Садко богатъ—богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшками...»

Итакъ, Садко великъ и полонъ поэзіи не самъ по себѣ, но какъ одинъ изъ представителей Великаго Новгорода, въ которомъ всего много, все есть—отъ драгоценнѣйшихъ заморскихъ товаровъ до битыхъ черепковъ. Послѣднія приведенныя нами слова удивительно замыкаютъ собой поэму, даютъ ей какое-то художественное единство и полноту, дѣлаютъ осязательно ясной скрытую въ ней идею. Вся поэма проникнута необыкновеннымъ одушевленіемъ и полна поэзіи. Это одинъ изъ перловъ русской народной поэзіи.

Послѣдняя новгородская поэма едва ли уступаетъ въ поэтическомъ достоинствѣ этой. Въ ней опять два героя: одинъ видимый—Садко, другой, невидимый—Новгородъ, но уже не самъ собой, а своими божествами-покровителями—морями, озерами и рѣками, особенно той, которая поила его изъ своихъ береговъ. Всѣ эти моря, озера и рѣки олицетворены въ поэмѣ и являются поэтическими личностями, что придаетъ поэмѣ какой-то фантастическій характеръ, столь вообще чуждый русской поэзіи и тѣмъ болѣе здѣсь поразительный.

Плывутъ по синему морю тридцать кораблей, единъ соколъ корабль самого Садки гостя богатаго. Всѣ корабли что соколы летятъ, а соколъ Садкинъ корабль на морѣ стоитъ. Садко велитъ своимъ ярыжкамъ, людямъ наемнымъ, подначальнымъ, рѣзать жеребья валжены и бросить ихъ на сине море, которы-де по верху плывутъ, а и тѣ бы душеньки правыя, а которы въ морѣ тонуть, тѣхъ-то спихнемъ-де мы во сине море. Садко кинулъ хмелево перо со своей подписью: а всѣ жеребья по морю плывутъ, кабы яры гоголи по заводямъ; единъ жеребий въ морѣ тонеть—въ морѣ тонеть хмелево перо самого Садки гостя богатаго. Садко велитъ рѣзать жеребья вѣтляныя; которы-де жеребья потонуть, а то бы душеньки правыя. Самъ онъ бросаетъ жеребий булатный въ десять пудъ. И всѣ жеребьи во морѣ тонуть, единъ жеребий по верху плыветь—самого Садки гостя богатаго. Говорить тутъ Садко купецъ, богатый гость: «Вы ярыжки—люди наемные, а наемны люди подначальные! Я, Садъ-Садко, знаю, вѣдаю: бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани, пошлины, и во то сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускавалъ,—по меня Садку

смерть пришла. И вы купцы, гости богатые, а вы, цѣловальники любимые, а и всё приказники хорошие, принесите шубу соболонную.» И скоро Садко наряжается, беретъ онъ гусли звончаты со хороши струны золоты, и беретъ онъ шахматницу золоту со золоты тавлелями. На золотой шахматницѣ поплыль Садко по синю морю. Всѣ корабли по морю пошли, и Садкинъ корабль что кречеть бѣль летить. Отца, матери молитвы великія, самого Садки гостя богатого: подымалася погода тихая, прибила Садку къ крутому берегу. Пошелъ Садко подлѣ синя моря, нашель онъ избу великую, а избу великую—во все дерево, нашель онъ двери—и въ избу вошелъ. И лежитъ на лавкѣ царь морской: «А и гой еси ты, купецъ, богатый гость? А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ, и ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ Садко головой пришелъ; поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты.» Сталъ Садко царя тѣшити, а царь морской зачалъ скакать, плясать; и того Садку напоилъ питьями разными—развалялся Садко, и пьянъ онъ сталъ, и уснулъ Садко купецъ, богатый гость. А во снѣ пришелъ святитель Николай къ нему, говорить ему таковы слова: «Гой еси ты, Садко купецъ, богатый гость! А рви ты свои струны золоты и бросай ты гусли звончаты: расплясался у тебя царь морской, а сине море всколебалоса, а и быстрыя рѣки разливались, топятъ много бусы, корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго.» Бросилъ Садко гусли звончаты, изорвалъ струны золоты; пересталъ царь морской скакать и плясать: утихло море синее, утихли рѣки быстрыя. По-утру царь морской сталъ уговаривать Садку жениться и привелъ ему тридцать дѣвицъ; а Никола ему во снѣ наказывалъ, чтобъ не выбиралъ онъ хорошей, бѣлыя, румяныя, а взялъ бы дѣвушку поваренную, котора хуже всѣхъ. Садко думался, не продумался, и взялъ дѣвушку поваренную; царь морской положилъ Садку съ новобрачной въ подклетѣ спать, а Никола святой во снѣ Садкѣ наказывалъ не обнимать и не цѣловать жены. Съ молодой женой Садко на подклетѣ спитъ, свои рученьки ко сердцу прижалъ; со полуночи ногу лѣву накинудъ онъ въ просоньи на молодую жену; ото сна Садко пробуждался: «онъ очутился подѣ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога въ Волхъ-рѣкѣ...»

Взглянулъ Садко на Новгородъ, узналъ онъ перкву, приходъ свой, того Николу Можайскаго, перекрестился онъ крестомъ своимъ. И глядитъ Садко: по Волхъ-рѣкѣ, отъ того синя моря Хвалынскаго, по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ, бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей, единъ корабль самого

Садки, гостя богатого. И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатый гость, цѣловальниковъ любимыхъ, и со всѣхъ кораблей въ таможеню положилъ казны своей сорокъ тысячей—по три дни не осматривали.

Кто бы ожидалъ такой развязки отъ лѣвой ноги!.. Какая широкая, размахистая фантазія! А пляска морского царя, отъ которой само море всколебалоса, а и быстрыя рѣки разливались!.. Да, это не сухія, аллегорическія и риторическія олицетворенія: это живые образы идей, это поэтическое олицетвореніе покровительныхъ для торговой общины водяныхъ божествъ, это поэтическая миеологія Новагорода, которая въ тысячу разъ лучше славянской миеологіи, съ ея семью дрянными богами!.. Замѣчательная черта характера русскаго человѣка видна въ хитростяхъ Садки, чтобъ отдѣлаться отъ наказанія: видя, что его хмелево перо потонуло, онъ предлагаетъ новую пробу, наоборотъ, но когда онъ видитъ, что его булатный жеребій въ десять пудъ поплыль поверхъ воды, а ветляныя жеребья товарищей потонули,—то уже болѣе не отвертывается, но бросается страху прямо въ глаза, со всей рѣшимостью, отвагой и удалью...

Есть еще новгородское сказаніе, но то уже не поэма, а сказка, въ которой новгородскаго—только герой. Мы говоримъ объ «Акундинѣ», помѣщенномъ въ первой части «Русскихъ Народныхъ Сказокъ», изданныхъ Сахаровымъ. Акундинъ—богатырь въ сказочномъ родѣ. Жилъ онъ въ старомъ Новгородѣ, а былъ со посадской стороны, со торговой, ни пива не варилъ, ни вина не куралъ, ни въ торгу торговалъ; а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей и гулялъ по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, въ Москвѣ побывать. Сѣлъ онъ на суденышко и поплыль по Волгѣ-рѣкѣ, черезъ тридцать три дня увидѣлъ себя у крута бережка. Навстрѣчу ему попался калечище переходной, онъ спрашиваетъ у него: что то за сторона, что за городъ? И узнаетъ Акундинъ отъ калечища, что «сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а править той стороной стольный князь Олегъ; и что городъ-то поселенъ по Овѣ рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжить рязанскаго роду князь, молодой Глѣбъ Олеговичъ.»

Акундинъ призадумался и сказалъ себѣ невзначай: «а кабы ту широкую сторону Рязань и съ молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ и со всеми его исконными слугами покорить Новгороду.» Здѣсь виденъ

новгородецъ, членъ вольной и торговой общины, который все относитъ къ своей роднѣ и о ея выгодахъ заботится, какъ о своихъ собственныхъ. Слушая Акундина, калечище думаетъ: «не корыстна сторона для Новгорода! Кабы Рязань не полонили злые татарове, да не обложили данью великой, постояла бь Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду.»

Калечище показываетъ Акундину, что на Окѣ плыветъ чудовище невиданное—Змѣй Тугаринъ. Длинною-то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ въ триста саженъ, хвостомъ бьетъ рать рязанскую, спиною валитъ круты берега, а самъ все проситъ стару дань. Разгорѣлось богатырское сердце у Акундина: хочетъ онъ сражаться съ Змѣемъ за Рязань. Калечище, узнавъ о родѣ-племени Акундина, снималъ съ себя платъе перехожее, надѣвалъ платъе посадничье и называется Замятней Путятичемъ, дядей Акундина: братъ его, отецъ Акундина, былъ посадимъ въ Новѣгородѣ, и не взлюбилъ его люди новгородскіе—вишь, правилъ ими не такъ, и порѣшили сгубить съ родомъ, съ племенемъ, и сокрушили его со всѣмъ домомъ; а Замятня Путятичъ пошелъ въ Кіевъ, и съ той-де поры во тоскѣ, во кручинѣ, горегореваньищемъ качу, свое милое дѣтище (Акундина) дожидаячи. Но какимъ образомъ, дожидаясь въ Кіевѣ, увидѣлся онъ съ племянникомъ на Окѣ—Богъ вѣсть... Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ разставатися: видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередъ поля переставитися!.. Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ разставатися и учалъ отвѣдъ чинить: «А и гои еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундиновичъ! какъ и будешь ты во славномъ во Новѣгородѣ, и ты ударъ челомъ ему, Новугороду, и ты скажи, скажи ему, Новугороду: и дай же то тл Боже! тебѣ ли Новугороду, вѣтъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать! Къ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богатствѣ!..»

Какая поэтическая и умиленная картина любви къ родинѣ со стороны оскорбленнаго ею сына!.. Сколько простодушія, чувства, любви, тоски и стремленія выражаются въ простыхъ, но поэтическихъ словахъ умирающаго гражданина Великаго Новгорода! Послѣдняя мысль, послѣднее слово изгнанника—благословеніе неправой, но все милой родинѣ!.. Да, это поэзія! Тутъ есть мысль—и мысль глубокая!..

Глѣбъ Олеговичъ женится, а Змѣй Тугаринъ трезитъ потопить Ростиславль. Старый посадникъ Юрья Никитичъ даетъ со-

вѣтъ князю—послать пословъ къ Тугарину. Змѣю понравилось смиреніе князя; онъ вступилъ въ переговоры, принималъ отъ пословъ хлѣбъ-солъ и съѣдалъ за единый разъ. Послы говорили, что миръ готовы урядить, а дани не вѣдаютъ за собой никакой. Змѣй называетъ ихъ смердами Ростиславичами и ссылается на записи. Хитрый старый дьякъ Чеботокъ развернулъ записи поручныя и свелъ по нимъ, что долгу нѣтъ. Змѣй требуетъ мѣшка золота за Ростиславичей, мѣшка серебра за отцовъ ихъ и мѣшка каменьева самоцвѣтныхъ за дѣдовъ; иначе грозить затопить городъ, а женъ въ Орду продать.

Здѣсь Змѣй Тугаринъ—ясно апофеоза татаръ, обыкновенно дѣлавшихъ набѣги свои изъ-за Оки, и прежде всего опустошавшихъ Рязанское княжество. Хитрый дьякъ Чеботокъ проситъ у Тугарина мѣшковъ и, получивъ, думаетъ ихъ сжечь: безъ мѣшковъ-де не во что будетъ и дани собирать. Но посадскій Юрья Никитичъ думаетъ иначе: ему жаль золотой казны княжеской, и онъ наступилъ на дьяка Чеботка: «А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ! А ты-то, дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугариномъ держишься еретичества. А и знаю я, какъ тебя изгнать, а и знаю я, какъ тебя со бѣла свѣта согнать!» Взятъ да и посадилъ дьяка въ мѣшки, да и послалъ къ змѣю. И онъ, дьякъ Чеботокъ, на ту пору догадавъ былъ: давай мѣшки глотать, свѣту Божьяго искать; какъ проѣдалъ онъ одинъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И началъ дьякъ Тугарину всю вину на посадника слагать, что жаль ему золотой казны княжеской. И сталъ Тугаринъ пытать дьяка, сколько-де у князя золотой казны, каменьева самоцвѣтныхъ и силы ратной. «А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окулись въ Оку, да достань бѣлосычаго песку.» Змѣй досталъ и подалъ дьяку, а дьякъ учалъ бѣгать по полю, утекаячи ко городу, крича: «А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича!» И тутъ Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись давай Оку-рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. А дьякъ, пришедши въ городъ, объявилъ князю, что Змѣй готовъ на миръ, да только хочетъ переговоры вести съ однимъ посадникомъ Юрьемъ Никитичемъ. И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что дьякъ-то его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру иматъ? И волчья снасть у дьяка на зубахъ; пулы беретъ, на суды сыды (?) ведетъ. Змѣй почелъ посадника за дьяка, въ другорядъ

въ обманъ не хотѣлъ даться, и туто его, стараго посадника, съѣлъ за единъ разъ. И дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ; онъ, злодѣй, въ воротахъ за старичища стоялъ, да на стара посадника смотрѣлъ. Какъ-де завидѣлъ онъ, дьякъ, что Змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай кричать: «Ай, батюшки, бѣда! ай, родимые, бѣда! Не стало нашего посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ. Ужь его ли, родимаго, Змѣй Тугаринъ съѣлъ. А что мы, сироты, будемъ безъ него!» И его дьячьи слова скоро до князя дошли; а никто про то во городѣ не вѣдаеть, а никто про то не узнаеть, что то дьячья стражня, стара дьяка Чобота.

Этотъ интересный эпизодъ о хитрыхъ продѣлкахъ дьяка Чобота показываетъ, что поэзія иногда лучше всѣхъ лѣтописей можетъ снабжать отдаленное потомство любопытными и важными историческими фактами. Дьяки Чоботы мало измѣнились съ тѣхъ поръ.

Князь Глѣбъ собираеть войско, идетъ на Тугарина, попадаетъ ему стрѣлой въ правый глазъ; но рязанцамъ скоро стало не въ мочь. Тогда Акундинъ напустился на Змѣя Тугарина и убилъ его. Князь Глѣбъ одарилъ его шубой соболіной, гривной золотой, а князя и бояре повели его, Акундина, подъ бѣлыя руки, во гридницы княженецкія, сажали за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя; пропали хлѣба-соли покушать, бѣлыхъ лебедей рунить. Князь оставлялъ его у себя, жаловалъ боярствомъ, давалъ усадьбище немалое, палаты посадничьи. Но Акундинъ ото всего отказывался и поѣхалъ на своемъ судѣнышкѣ оснащенномъ въ Кіевъ-градъ. Доѣхавъ до Муромъ, онъ узналъ, что татары полонили много народу изъ Муромъ и дочь воеводы Муромскаго, Настасью Ивановну. Акундину стало жалъ добрыхъ муромцовъ, а жалчѣй того дочь воеводы Муромскаго. Онъ отправился на своемъ судѣнышкѣ въ Орду немирную, перебилъ ее всю до одного человѣка и выручилъ изъ плону Настасью Ивановну, и отправилъ ее впередъ въ Муромъ съ молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ, который ходилъ съ нимъ въ Орду изъ Муромъ. На дорогѣ ему попалась другая Орда—онъ и ту изрубилъ. Приѣхалъ въ Муромъ, а тамъ свадьба: Настасья Ивановна выходитъ за Замятню Микитича. Воевода говоритъ Акундину: и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало; за твои услуги великія награжу я тебя золотой казной, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся.» Уѣзжая, Акундинъ слово молвилъ: «Не дай же то Боже во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу Муромскаго видать; а и его-то воеводины слова перелетныя—на посуляхъ ви-

сятъ.» Неждавъ Ивановичъ за то слово велитъ слугамъ гнать его вонъ со двора: «а и онъ ли, невѣжа, деревенскій мужикъ, смѣлъ свататься за боярскую дочь.» Но Акундинъ ужъ былъ далеко. Въ Кіевѣ онъ угостилъ и одѣлилъ золотой казной сорокъ каликъ съ каликой, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему таково слово: «За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варень, повѣдаю твою судбинущку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано—женится на молодой вдовѣ во чужомъ городу. Не умѣлъ ты, добрый молодець, изловить бѣлую лебедушку, такъ сумѣй же ты, добрый молодець, достать съру утицу.» Акундинъ идетъ въ Муромъ, застаеть тамъ Настасью Ивановну вдовой, и женится на ней.

Эта сказка—цѣлый романъ; мы выжали изъ нея, такъ сказать, одинъ сокъ, и опустили множество подробностей, превосходно характеризующихъ общественный и семейный бытъ древней Руси. Въ этомъ отношеніи сказка «Акундинъ» имѣеть даже историческій интерес,—и Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за спасеніе отъ забвенія этого во всѣхъ отношеніяхъ любопытнѣйшаго факта русской народной поэзіи, русскаго духа и русскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержанія другихъ сказокъ въ сборникѣ Сахарова: всѣ онѣ, исключая «Акундина» и «Семи Семіоновъ»—тѣ же самыя поэмы, которыя уже разказаны и разобраны нами въ предыдущей статьѣ: разница, какъ мы замѣтили тамъ же, состоитъ только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ нѣсколько особенной (сказочной) манерѣ, а главное—въ томъ, что сказка объемлетъ собою всю жизнь героя, отъ рожденія до смерти и, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ содержаніе иногда нѣсколькихъ поэмъ; ибо поэма схватываетъ только одинъ отдѣльный моментъ изъ жизни героя и представляетъ его какъ бы чѣмъ-то цѣльнымъ и оконченнымъ. Такъ, сказка о «Добрыньѣ» начинается кручиной и печалью князя Владиміра, испуганнаго какимъ-то неизвѣстнымъ богатыремъ, разбившимъ свой шатеръ передъ Кіевомъ. Этотъ богатырь былъ уже знакомый намъ Тугаринъ Змѣевичъ. «Чохнулъ онъ чохъ по полю заповѣданному—дрогнула сыра земля; попали ничь могучіе княжіе богатыри. А и былъ же Тугаринъ Змѣевичъ въ урость человѣчь: голова-то съ пивной котель, глаза-то со пивные ковши, туловище-то со круту гору, ноги-то со дубовы колоды, руки-то со шести вязовы. А и самъ-то Тугаринъ Змѣевичъ ѣдетъ по лѣсу—ровень съ лѣсомъ, ѣдетъ по полю—ровень съ поднебесью. А и держится Тугаринъ Змѣевичъ еретицествомъ,

да и хвастаетъ, собака, онъ молодецествомъ.» Когда отъ Тугарина пришлось плохо, вдругъ откуда ни возмись сильный, могучій богатырь: это нашъ давнишній знакомецъ, Добрыня Никитичъ. Онъ родомъ изъ Новгорода, и прѣхалъ служить князю Владиміру вѣрой и правдой. И вышелъ онъ съ своимъ Торопомъ слугой на Тугарина Змѣевича и, какъ у богатырей ужъ изетари заведено, далъ ему карачунъ. «И со той-то поры Добрынюшка Никитичъ жилъ во славному городѣ во Кіевѣ, у ласкова осударя Владиміра князя, свѣтъ Святославъевича. Три года Добрынюшка столничалъ, три года Добрынюшка приворотничалъ, три года Добрынюшка чашничалъ. Стало девять лѣтъ; на десятомъ году онъ погулять захотѣлъ.» Дальнѣйшія похождения Добрынюшки уже извѣстны намъ.

Сказка о Василиѣ Буслаевѣ отличается отъ поэмы многими подробностями: въ ней мужики Новгородскіе, провидя въ Буслаевѣ опаснаго для свободы общины челоуѣка, сами задираютъ его, чтобъ заранѣе отдѣлаться отъ него. Они приглашаютъ его къ себѣ на пиръ, сажаютъ его на первое мѣсто, но Буслаевъ скромно (изъ политики) отговаривается: «Вы, гой еси, люди степенные, честны мужики посадскіе! велика честь моей молодости: есть постарше меня.»

„Застучали столы съ зеленымъ виномъ, понеслись яства сахарныя. Пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, въ полъяна напиваются, рѣчи держать крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьвая, сидитъ не молвитъ ни словечушка. Стали мужики посадскіе похвалбу держать. *Садко* молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего сокола: онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, дороги промахиваетъ, горы перелетываетъ.“ *Чурило* молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такой молодой жены, супротивъ моей Настасьи Апраксѣвны! Ужъ она ли ступитъ, не ступитъ по алу бархату; ѣсть яства сахарныя, заливаетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколы, брови соболы, походка павлиная, грудь лебединая, а и краще ея нѣтъ нигдѣ по всей околицѣ поднебесной.“ *Костя Новоторженинъ* молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ; три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями; три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самоцѣтными; а золотомъ, серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымгородомъ.“ *Ставръ* молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такого удалого молодца, супротивъ Ставра: ѣдетъ ли онъ во поѣздѣ богатырскомъ, не вѣтры въ поляхъ поднимаются, не вихры бурные крутятъ пылъ черную — выѣзжаетъ сильный могучій богатырь Ставръ Путятичъ, на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Акудиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратныя словно жаръ горять, на бедрѣ виситъ мечъ-кладенецъ, во правой рукѣ копые булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку шемаханскаго, на конѣ збруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры

боры приклоняются, зелены листы опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырский конь осержается, мечетъ изъ-подъ копыты по сѣяной копнѣ; бѣжитъ въ полъ—земля дрожитъ, изо рта пламя валитъ, изъ ноздрей пылъ столбомъ. Ставрѣ гонить силу поганую: конемъ вернуть—улица, копыемъ махаетъ нѣтъ тысячи, мечомъ хватитъ—лежитъ тьма людей.“

Мужики спрашиваютъ Буслаева, отчего сидитъ онъ, задумался, самъ ничѣмъ не похвывается. «На чтѣ мнѣ, молодцу, радоваться, чтѣмъ передъ вами похваляться? Оставилъ меня осударь багюшка во сиротствѣ, а сударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золотѣ казна, богатства неистыныя: и то я не самъ добылъ.»

„Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики посадскіе дивовалися, стали его промежъ себя перешептывать: „Зло держитъ Васька на сердцѣ.“ Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едина рѣчь говорятъ: „Кто хочетъ дружить Новгороду, тотъ пей зелено вино до суха!“ Садятся мужики посадскіе за дубовыя столы, усмѣхаются, и ждутъ отвѣда отъ Васьки. Встаютъ Васька, поклоняется, принимаетъ братину во бѣлыя руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька сидитъ въ полъяна. Заиграла хмелинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похваляться: „Глупые вы, неразумные, мужики посадскіе! Взять будетъ Василию Буслаевичу Новгородъ за себя; правитъ будетъ мужиками посадскими на своей волѣ: брать будетъ пошлины дачныя со всей земли; съ лову заячьего и гоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посадскимъ будетъ лежать у ногъ моихъ.“

„Не любы стали мужикамъ посадскимъ рѣчи спорныя; закричали всѣ во едино слово: „Младѣ еще ты, дѣтище неудалое; незрѣлъ твой умъ, не бывать за тобой Новгороду; потерять тебѣ буйну голову; не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земли.“

„Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго; распалается голова буйная. „Не честь мнѣ съ вами жить (отвѣдъ держать Васька)—иду съ вами перевѣдаться“. Встаютъ Васька изъ за стола дубоваго, встаетъ, идетъ, не кланяется; и только его видѣли“

И вотъ мы прошли весь циклъ богатырскихъ поэмы. Чтѣ до сказокъ—ихъ въ сборникѣ Сахарова такъ мало, что мы обо всѣхъ по крайней мѣрѣ упомянули, а въ хранилищѣ народной памяти такъ много, что обо всѣхъ не переговоришь. Скажемъ коротко объ общемъ характерѣ этихъ поэмы и сказокъ. Содержание ихъ бѣдно, и потому утомительно и однообразно. Отсутствие мнѣстическихъ созерцаній, какъ зерна развитія внутренняго и гражданственнаго, ограниченная сфера народнаго быта, такъ сказать, стоячесть жизни, врашавшейся вокругъ себя безъ движенія впередъ,—вотъ причина скудости и однообразія въ содержаніи этихъ поэмы. Только въ Новгородѣ, гдѣ, вслѣдствіе торговли и плода ея—всеобщаго богатства и довольства,—жизнь раскинулась и шире, и размахистѣе, а духъ предприимчивости, удалества и отваги, свойственныхъ

русскому племени, нашель себѣ болѣе свободную сферу,—только въ Новгородѣ народная поэзія могла проявиться болѣе яркими проблесками. Мы уже говорили выше, что новгородскій штемпель лежитъ на всемъ рускомъ бытѣ, а слѣдовательно, и на всей русской народной поэзіи; что даже самъ Владимиръ, великій князь кievскій стольный, и всѣ богатыри его говорятъ, дѣйствуютъ и пируютъ какъ-то по-новгородски и какъ будто по-вупечески.

Но, несмотря на всю скудость и однообразие содержанія нашихъ народныхъ поэмъ, нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы заключающейся въ нихъ жизни, хотя эта жизнь и выражается, повидимому, только въ матеріальной силѣ, для которой все равно—побить ли цѣлую рать ордынскую, или единымъ духомъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра. Богатырь всегда—богатырь, и сила, въ чемъ бы ни выражалась она,—всегда сила: сильный плъняется только силой, и богатырь—богатырствомъ. Въ грѣзахъ народной фантазіи оказываются идеалы народа, которые могутъ служить мѣрой его духа и достоинства. Русская народная поэзія кишитъ богатырями, и если въ этихъ богатыряхъ незамѣтно особеннаго избытка какихъ-либо нравственныхъ началъ,—ихъ сила все-таки не можетъ назваться лишь матеріальной: она соединялась съ отвагой, удалствомъ и молодечествомъ, которымъ—море по колѣно, а это уже начало духовности, ибо принадлежитъ не къ комплексу, не къ мышцамъ и тѣлу, а къ характеру и вообще нравственной сторонѣ человѣка. И эта отвага, это удалство и молодечество, особливо въ новгородскихъ поэмахъ, являются въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ такой несокрушимой, исполинской силѣ, что передъ ними невольно преклоняешься. Одни эти качества—отвага, удалъ и молодечество, еще далеко не составляютъ человѣка; но они—великое поручительство въ томъ, что одаренная имъ личность можетъ быть по преимуществу человѣкомъ, если усвоитъ себѣ и разовьетъ въ себѣ духовное содержаніе. Мы уже сказали и снова повторяемъ: Русь въ своихъ народныхъ поэмахъ является только тѣломъ, но тѣломъ огромнымъ, великимъ, кипящимъ избыткомъ исполинскихъ физическихъ силъ, жаждущимъ пріять въ себя великій духъ, и вполне способнымъ и достойнымъ заключить его въ себѣ... Долго ждала она своего духовнаго возрожденія, приготовлялась къ нему тяжелымъ и кровавымъ испытаніемъ, долгой годиною ужасныхъ бѣдствій и страданій—и дождалась: нестройный хаосъ ея существованія огла-

сился творческимъ глаголомъ «да будетъ»—и бысть...

Форма народныхъ поэмъ совершенно соответствуетъ ихъ содержанію: та же сила—и та же скудость, та же неопредѣленность, то же однообразіе въ выраженіи и образахъ. Если у князя или гостя богатаго пиръ,—то во всѣхъ поэмахъ описаніе его совершенно одинаково: «А и было пиrowанье почестный пиръ, а и было столованье почестный столъ; а и будетъ день во полуднѣ, а и будетъ пиръ во полупиръ; а и будетъ столъ во полустолъ.» Если богатырь стрѣляетъ изъ лука, то непременно: «а и спѣла вѣдъ тетивка у лука—взвыла да пошла калена стрѣла.» Обезоруженный ли богатырь ищетъ своего оружія, то уже всегда: «не пошла ему его палица желѣзная, что пошла-то ему ось телѣжная.» Если дѣло идетъ объ удивительномъ убранствѣ палаты, то: «на себѣ солнце—въ теремѣ солнце», и пр. Однимъ словомъ, всѣ источники нашей народной поэзіи такъ немногочисленны, что какъ будто перечтены и отмѣнены общими выраженіями, которыя и употребляются по надобности.

Форма русской народной поэзіи вообще оригинальна въ высшей степени. Къ главнымъ ея особенностямъ принадлежитъ музыкальность, пѣвучесть какая-то. Между русскими пѣснями есть такія, въ которыхъ слова какъ будто набраны не для составленія какого-нибудь опредѣленнаго смысла, а для послѣдовательнаго ряда звуковъ, нужныхъ для «голоса». Уху русскій человѣкъ жертвовалъ всѣмъ— даже смысломъ. Художникъ легко примиряетъ оба требованія; но народный пѣвецъ по необходимости долженъ прибѣгать къ повтореніямъ словъ и даже цѣлыхъ стиховъ, чтобъ не нарушить требованій ритма. Сверхъ того въ русской народной поэзіи большую роль играетъ рима не словъ, а смысла: русскій человѣкъ не гоняется за римой—онъ полагаетъ ее не въ созвучіи, а въ кадансѣ, и полубогатырь римы какъ бы предпочитаетъ богатырѣ; но настоящая его рима есть рима смысла: мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ двойственность стиховъ, изъ которыхъ второй римуется съ первымъ по смыслу. Отсюда эти частыя и, повидимому, ненужныя повторенія словъ, выраженій и цѣлыхъ стиховъ; отсюда же и эти отрицательныя подобія, которыми, такъ сказать, отгѣняется настоящій предметъ рѣчи: «Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ то молодой князь Глѣбъ Олѣговичъ рать на войну», или: «Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря на широкомъ полѣ разстилалася, а выводилъ то молодой Акундинъ.»

Не допустить Екима до добра коня,
 До своей его палицы тяжкия,
 А и тяжкия палицы мѣдной,
 Лита она была въ три тысячи пудъ;
 Не попала ему палица желѣзная,
 Что попала ему ось-то телѣжная.

Всѣ эти повторенія и ненужныя слова: *своей и его, тяжкия и тяжкия, попала и попала, сдѣланы явно для пѣвучей гармоніи размѣра и для рѣимы смысла; для того же сдѣлана и безсмылица, т. е. въ третьемъ стихѣ палица названа мѣдною, а въ пятомъ желѣзною: желѣзная была необходима сверхъ того и для кадансовой, просодической (а не для созвучной) рѣимы: желѣзная—телѣжная: о — о о и о — о о .* Такихъ примѣровъ можно найти бездну; но для поясненія нашей мысли довольно и этихъ.

Отъ богатырскихъ поэмъ самый естественный переходъ къ сказкамъ. Выше мы уже говорили о различіи вообще поэмъ отъ сказокъ и въ особенности русскихъ богатырскихъ поэмъ отъ русскихъ богатырскихъ сказокъ: поэма схватываетъ одинъ какой-нибудь моментъ изъ жизни богатыря; сказка объѣмлетъ всю жизнь его, тонъ поэмы важнѣе, выше и поэтичнѣе; тонъ сказки простонароднѣе и прозаичнѣе. Мы уже говорили, что всѣ поэмы, заключающіяся въ сборникѣ Кирши Данилова, существовали и въ формѣ сказокъ. Но кромѣ того есть много русскихъ сказокъ, существенно отличающихся отъ поэмъ. Эти сказки раздѣляются на два рода—богатырскія и сатирическія. Первые часто такъ и бросаются въ глаза своимъ иностраннымъ происхожденіемъ, онѣ налегли къ намъ и съ Востока, и съ Запада. Такъ, напримѣръ, известная сказка о Бовѣ Королевичѣ слишкомъ рѣдко отзывается итальянскимъ происхожденіемъ, какъ по собственнымъ именамъ ея героевъ и городовъ—Гвидонъ, Додонъ, Мелегриса, и т. д., такъ и преобладаніемъ любовнаго интереса, соединеннаго съ ядами и отравленіями. Восточныя сказки всѣ отличаются чисто татарскимъ происхожденіемъ. Въ сказкахъ западнаго происхожденія замѣтенъ характеръ рыцарскій; въ сказкахъ восточнаго происхожденія—фантастическій. Были попытки прослѣдить происхожденіе нашихъ сказокъ; одинъ литераторъ даже выводилъ ихъ всѣ изъ Индіи и нашелъ ихъ подлинники на санскритскомъ языкѣ, котораго онъ, впрочемъ, не зналъ. Но главнѣе дѣло въ томъ, что подобные розыски невозможны. Русскій человекъ, выслушавъ отъ татарина сказку, пересказывалъ ее потомъ совершенно по-русски, такъ что изъ его устъ она выходила запечатлѣнной русскими понятіями, русскимъ взглядомъ на вещи и русскими выраженіями.

Это очень понятно, и въ наше время существуетъ пѣсня, въ которой разсказывается, какъ графъ Платовъ надулъ Бонапарта: онъ, видите ли, пришелъ къ нему инкогнито, а Бонапартъ-то сдуру, не догадавшись, кто у него въ гостяхъ, велѣлъ и «банюшку истопить»; когда Платовъ выпарился въ банюшкѣ и наѣлся за столомъ, то отклянчался Бонапарту, говоря ему: «не умѣла ты, ворона, ясна сокола поймать»—да и былъ таковъ,—а Бонапарту, разумѣется, куда больно досадно стало, что Платовъ-то его такъ одурачилъ: вѣдь если бы онъ не далъ промаха и не разинулъ рта, и смекнуть бы, кто былъ его гость, то сейчасъ же велѣлъ бы съ Платова съ живого содрать кожу. Вотъ поразительный образчикъ переложенія чуждой жизни на свои національныя понятія! удивительно ли, что татарскія сказки и европейскія рыцарскія легенды, пересказанныя по-русски, не сохранили ничего ни восточнаго, ни западнаго? Удивительно ли, что всѣ попытки на точныя изслѣдованія ихъ происхожденія такъ же невозможны, какъ и бесплодны, если бъ онѣ были и возможны? Если въ этихъ сказкахъ есть что-нибудь интересное, такъ это именно ихъ выраженіе, въ которомъ проявляется русскій умъ,—а не содержаніе, которое уже по тому самому нелѣпо, что оно, какъ иностранное, находится въ явномъ противорѣчьи съ русскимъ складомъ выраженія.

Сказокъ на Руси множество. Сахаровъ насчитываетъ ихъ до 120-ти названій, говоря только о тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ печать. Сколько же ихъ хранилось и еще теперь хранится въ народной памяти? Но это богатство въ сущности немногимъ разнится отъ совершенной нищеты: почти всѣ эти сказки дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, а большая часть и доселѣ сохранившихся въ памяти народа еще не собрана. Не только наши литераторы прошлаго вѣка, но даже и простолудины, занимавшіеся такъ-называемыми лубочными изданіями, искажали ихъ. Касательно этого предмета, Сахаровъ сообщаетъ весьма интересные подробности. Вотъ его собственные слова:

„Рѣза на деревѣ появилась на Руси съ XVI столѣтія и постоянно продолжаетъ доселѣ въ разныхъ мѣстахъ. Имя перваго рѣзчика намъ неизвѣстно. Въ 1597 году появилось изображеніе съ именемъ рѣзчика Андроника Тимоеевича Невѣжи. Въ XVII столѣтіи намъ извѣстны рѣзчики: Пансія (1659 г.), Василій Корень (1697 г.); а въ XVIII столѣтіи образовалась уже школа подъ надзоромъ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса. Василій Киприановъ съ своими учениками Федоромъ Никитинымъ, Маркомъ Петровымъ и Алексѣемъ Зубовымъ постоянно занимались рѣзбой на деревѣ. Они издали Брюсовъ календарь, географическія карты, басни Езоповы Книга дождь названіемъ; „Исторія или дѣяствіе Евангельскія

притчи о блудномъ сынѣ, бываемое дѣла отъ Рождества Христова 1685;—безспорно принадлежить къ первоначальнымъ книгамъ лубочныхъ изданій. По московскимъ преданіямъ извѣстно, что рѣзчики лубочныхъ изданій жили прежде у Успенія въ печатникахъ. Знаменитая лубочная Московская печатница Ахметьева, основанная въ половинѣ XVIII в., существовала болѣе 100 лѣтъ у Спаса въ Спасской, за Сухаревой Башней. Ахметьевъ получилъ сію печатницу въ приданое за своей невѣстой. Прежде въ этой типографіи работали на 20 станкахъ. При старикѣ доски вырѣзывались у него въ заведеніи. Подлинники и истинники буквально переводились рѣзчиками съ одной доски на другую и отличались вѣрностью. Когда же вступила въ управленіе Ахметьевской печатницей Татьяна Афанасьевна, то истинники раздавались по деревнямъ, и тамъ уже правильная рѣзба на деревѣ обратилась въ кустарное (грубое) ремесло. Рѣзчики начали своевольно отступать отъ истинниковъ, и вмѣсто русскаго народнаго платья появились на персонѣ ихъ наряды нѣмецкіе. Вмѣстѣ съ этимъ изуродованіемъ персонъ начали портить и текстъ народныхъ сказокъ. Всѣ отпечатанные листы отдавались съ Ахметьевской печатницы по деревнямъ. Раскраски преимущественно производились четырьмя цвѣтами: краснымъ, желтымъ, синимъ и голубымъ. Но никто въ Москвѣ такъ лучше не умѣлъ раскрашивать картинъ, какъ извѣстная старушка Федосья Семенова съ сыномъ. Старыя лубочныя изданія теперь такъ сдѣлались рѣдки, что съ большими трудами, едва-едва можно приобрести. Сосредоточіемъ продажи лубочныхъ изданій всегда была Москва. Сюда являлись для покупки ихъ отъ Макарія осеню и предъ масляницей холбошники, торгующіе по Руси всѣми возможно-существующими товарами. Въ старину раскрашенные картины продавались въ Москвѣ у Спасскаго моста, близъ стараго бастіона. Вытѣсенныя оттуда, онѣ перешли къ оградѣ Казанскаго собора. Послѣ этого ихъ согнали къ холщевому ряду, а наконецъ, вытѣснили въ квасной рядъ. Временныя выставки лубочныхъ произведеній бывають на Смоленскомъ рынкѣ и у Сухаревой башни, по воскресеньямъ. Говорятъ, что въ 1812 году, во время пожара Москвы, погибло много народныхъ истинниковъ, драгоценныхъ по изобрѣтенію и по тексту. Стоитъ только сравнить старыя изданія съ новыми, и сейчасъ упадокъ выразится во всемъ ничтожествѣ на новыхъ. Дешевизна лубочныхъ изданій, изображеніе предметовъ, близкихъ для народа, языкъ народный—увѣковѣчили лубочное художество на Руси. Явись человекъ съ умомъ и знаніемъ нуждъ народа, заговори чистымъ народнымъ языкомъ про нашу народную Русь, изобрази на лубочныхъ картинахъ дѣла родимой отчизны—и онъ былъ бы просвѣтителемъ нашего просто-народа, онъ подвинулъ бы его на цѣлый вѣкъ.

Но привилегированные грамотники, записные литераторы въ конецъ исказили русскія сказки. Чулковъ, еще въ 1780 году начавшій издавать «Русскія сказки» и издавшій ихъ цѣлыхъ десять томовъ, имѣлъ подлинныя списки этихъ сказокъ, и несмотря на то, почелъ необходимымъ исправлять и передѣлывать ихъ. А что онъ имѣлъ подлинныя списки, это доказывается его выписками, а индѣ фразами изъ нихъ, которыя онъ отмѣчалъ въ печати вставочнымъ знакомъ:

«—». Всѣ другіе собиратели русскихъ сказокъ поступали съ ними съ такимъ же протодушнымъ варварствомъ, усердно хлопоча повертуть ихъ на повѣсти и романы.

Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ названій русскихъ сказокъ:

«О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щегинниковѣ»; «О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ»; «Емеля Дурачокъ»; «Шемякинъ Судъ»; «О семи мудрецахъ и о юношѣ»; «О чудныхъ и зѣло умилныхъ гусяхъ самогудахъ»; «О Жарь-птицѣ и о Иванѣ Царевичѣ»; «О Филѣ простаѣ и о Бабѣ-Ягѣ»; «О Утицѣ съ золотыми япами»; «Исторія о Петрѣ златыхъ ключахъ»; «Сказка о Булатѣ молодцѣ»; «О Бовѣ Королевичѣ»; «О Ерусланѣ Лазаревичѣ»; «Сказка о нѣкоемъ приказчикѣ и о куйцовой женѣ»; «Бабы увертки»; «О томъ, какъ масляница семикъ къ себѣ въ гости звала»; «Похожденіе о носѣ и морозѣ»; «Сказка о ворѣ и бурой коровѣ»; «Сказка о двухъ братьяхъ и о томъ, какъ на роду написано счастье дураку»; «О двенадцати сестрахъ и о всѣхъ иже есть въ міру лихорадкахъ»; «О Иванушѣ дурачкѣ».

Между этими сказками, по убрѣненію Сахарова, есть новѣйшіе переводы съ французскаго: такъ, сказка о «Дуринѣ Шаринѣ» есть «La Reine Cherie», а «Катерина Катерина»—«La sottie Reine Katherine». Русскій человекъ по своей натурѣ всегда былъ электикомъ и въ одеждѣ, и въ обычаяхъ, и въ понятіяхъ: посмотрите внимательно драгоценное изданіе «Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ»—и вы увидите, сколько заимствованій было въ оригинальномъ русскомъ костюмѣ. А сколько обычаевъ перешло къ намъ отъ византийцевъ, отъ татаръ? Почему же было отсюда не заимствоваться сказками? По нашему мнѣнію, эта способность заимствования и усвоенія есть человѣчески-прекрасная черта русскаго народа: китайцы и монголы не заимствуютъ.

Особенно извѣстны на Руси, кромѣ «Бовы Королевича» и «Еруслана Лазаревича» (появившихся, вѣроятно, не ранѣе XVIII столѣтія), сказки: «О Жарь-Птицѣ и Иванѣ Царевичѣ», «О Иванушкѣ Дурачкѣ» и «О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ». Первые двѣ доселѣ можно прочесть только въ лубочныхъ изданіяхъ; послѣдняя издана Сахаровымъ. Содержаніе первыхъ, въ томъ видѣ, какъ можно ихъ прочесть, довольно извѣстно всѣмъ и каждому, а выраженіе не слишкомъ отличается народнымъ колоритомъ. Золотыя яблоки, Жарь-Птица, Сѣрый волкъ, который служитъ красавицѣ плѣнной царичѣ,—все это отзывается Востокомъ. Иванушка-Дурачокъ—одинъ изъ любимыхъ героевъ народной фантазіи. Онъ сдержалъ слово, данное отцу, провести ночь

на его могилѣ и дежурилъ на ней двѣ ночи и за братьевъ. За это онъ получаетъ въ свое распоряженіе чудодѣйнаго коня, къ которому въ одно ухо влѣзаетъ онъ и немойкой мужикомъ, и дурадемъ, а изъ другого влѣзаетъ блистательнымъ богатыремъ и умницей. Съ помощью коня онъ три дня побѣждаетъ всѣхъ богатырей, ищущихъ руки царевны, и каждый разъ исчезаетъ, являясь домой нечосой и болваномъ. Наконецъ, къ удивленію обоихъ своихъ умныхъ братьевъ, онъ дѣлается мужемъ царевны, какъ бы для доказательства выгоды быть нравственнымъ, а не простымъ дуракомъ. Мораль сказки, какъ видите, очень тонкая! Такова же сказка «О Емелѣ Дурачкѣ», который, за глупость и лѣнность, приобрѣлъ покровительство щуки, и «по своему хотѣнью, по щучьему велѣнью», ѣздитъ себѣ на печи вмѣстѣ съ избой. Здѣсь осуществленъ народный идеалъ вышаго на землѣ блаженства—ѣсть, спать, лежать на печи и ничего не дѣлать. Въ особѣ «Фили протачка» русская народная фантазія олицетворила хитрость и лукавство вмѣстѣ съ глупостью: Фили протачокъ надуваетъ Ягубабу,—она хотѣла его изжарить и съѣсть, а онъ накормилъ ее жаркимъ изъ мяса собственныхъ ея дочерей.

Сказка «о семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ» носитъ на себѣ всѣ признаки народной фантазіи, или вѣрно подслушанной изъ устъ народа, или перепечатанной съ хорошаго стариннаго списка: это доказываетъ ея неподдѣльно-народное выраженіе. Семь Семіоновъ по десятому году остались сиротами послѣ отца и матери. Всѣ они были близнецы. Узнавъ о нихъ молодой князь Угорь и собралъ великую думу боярскую, на которой и возговорить молодой князь Угорь: «гой еси вы, мои бояре вѣковѣчные! Придумайте, пригадайте, кабы тѣхъ малыхъ дѣтищей научить уму-разуму? Да и тѣ-то, малы дѣтища, живучи безъ отца и безъ матери, во своемъ сиротствѣ, сами учили править домкомъ, землю пахаль, хлѣбъ доставать.»—И били бояре челомъ ему, молодому князю Угору, а сами вымолвляли во едину рѣчь: Осударь, ты нашъ батюшко, молодой князь Угорь! Велико твое слово мудрое, велика твоя заботушка о твоихъ малыхъ дѣтищахъ! Выслушай прежде наши словеса немудрыя, приголубь рѣчью лебединой наши думушки простыя, да опослѣй и суди по своему уму-разуму. Вѣдь и тѣ-то малы дѣтища на возрастѣ, да и живутъ своимъ умомъ-разумомъ; повели, осударь, ты нашъ батюшко, спрошать на особицѣ по единому: а и кто изъ нихъ чему гораздъ? а кто изъ нихъ по своему уму-разуму въ какую науку похочетъ пойти?—И приго-

ворилъ молодой князь Угорь: быть дѣлу такъ, какъ придумали, пригадали его бояре вѣковѣчные на великой думѣ.

Спросили Семіоновъ cadaго порознь; всѣ они отказались въ науку итти, но каждый изъ нихъ вызвался на дѣло великое: первый построить на княженецкомъ дворѣ желѣзный столбъ до неба; второй—засѣсть на столбу и рассказать, что дѣлается на всемъ свѣтѣ; третій—топоромъ, сдѣланнымъ первымъ Семіономъ, соорудить великъ корабль; четвертый—когда на корабль нападутъ разбойники, уводить его подъ воду, а потомъ опять выводить поверхъ воды; пятый—стрѣлой, сдѣланной первымъ Семіономъ, бить на лету птицъ, а шестой—подхватывать на воздухѣ убитыхъ птицъ. Когда молодой князь Угорь спросилъ седьмого Семіона: «По своему уму-разуму въ какую науку хощь пойти?»—тотъ отвѣчалъ: «Осударь, ты нашъ батюшко, молодой князь Угорь! по своему уму-разуму ни въ какую науку не хочу итти; а кабы ты, осударь, князь смилостивился, не велѣлъ меня казнить, и я бы въ тѣ поры повѣдалъ свое ремесло.» И нудилъ его молодой князь Угорь про то его ремесло отповѣдать. И туто молвилъ онъ, Семіонъ: «Какъ мое-то ремесло ни пахать, ни молотъ, ни початочки мотать; умѣю я, молодецъ, всяку всячину воровать, да и никто тому такъ во всемъ царствѣ не гораздъ.» Молодой князь Угорь спрашиваетъ у бояръ, какой казнью казнить Семіона; одинъ говоритъ: а и его-то Семіона съечь пора; другой: а и его-то Семіона повѣсить пора, и т. д. Наконецъ, одинъ старій бояринъ предлагаетъ велѣть Семіону украсть молодую княжну Елену Прекрасную, которую князь Угорь доставалъ себѣ десять лѣтъ, «какъ и въ тѣ-то десять лѣтъ извели всю золоту казну, потеряли три рати несмѣтныхъ.» Скоро сдѣлалъ Семіонъ желѣзный столбъ, а скорѣй того тотъ столбъ до неба досягалъ. Выходилъ бояринъ тотъ столбъ пытать, и пыталъ бояринъ тотъ желѣзный столбъ за совоёмъ дубовымъ, а самъ посматриваетъ: нѣтъ ли прогалинокъ поперечныхъ; а самъ прислушивается: не проходятъ ли буйны вѣтры со частымъ дождичкомъ, буде такъ—не сносить Семіону головы на плечахъ своихъ. (Въ этой сказкѣ болѣе легкихъ наказаній не существуетъ).

Послалъ бояринъ второго Семіона на столбъ. «И пошелъ Семіонъ на тотъ желѣзный столбъ, да и давая себѣ глядѣть на всю поднебесную. Глядитъ дѣтина, дивуется, что на бѣлымъ свѣтѣ дѣется; глядитъ дѣтина со бѣла утра до темной ночи, а боярину ни словечушка не молвить: знать дознаетъ дѣтина всю поднебесную.. И молвить бояринъ: «поглядѣте-тко, добры люди,

на тотъ желѣзный столбъ, а поглядѣвши скажите: тамъ ли дѣтина стоитъ?» Смотрятъ люди на тотъ желѣзный столбъ, а поглядѣвши молвятъ: «ни въстъ дѣтина стоитъ, ни въстъ птица сидитъ!» Крутитъ-мутитъ зазнобушка у боярина ретиво сердце: крутитъ-мутитъ невзгодушка у боярина буйну голову. И молвитъ бояринъ самъ съ собой: «не въстъ на дѣтину дурь взошла? не въстъ дѣтину птицы заклевали? Кабы на дѣтину дурь взошла, и онъ бы, дѣтина, съ того столба упалъ долой. Кабы дѣтину птицы заклевали, и онъ бы, дѣтина, крикомъ кричалъ.»—И махалъ бояринъ дѣтинѣ шапкой соболонной, а за нимъ и весь міръ крещеной. И сходилъ Семіонъ съ того столба желѣзнаго, а самъ боярину вымолвлялъ: «а и видѣлъ-де я, Семіонъ, всю поднебесную, всѣ царства и государства, и знаю я, что-де тамъ дѣлается.» И спрошалъ бояринъ его, Семіона: «а и чтѣ во той поднебесной за царства и государства? да и есть ли во тѣхъ государствахъ люди? да и что тѣ люди дѣлаютъ?» И молвитъ онъ, Семіонъ: «велика земля вся поднебесная, чтѣ и ума-разума не достанетъ измѣрить. А стоять на той землѣ всѣ царства и государства единъ за единымъ, что и смѣты нѣтъ, да и нѣтъ на всей землѣ такого человѣка, кто бы сочелъ: сколько царствъ и государствъ. Какъ за нашей-то матушкой Волгой-рѣкой стоятъ море Хвалынское, а на томъ морѣ Хвалынскомъ живутъ все бесермены, а и живутъ тѣ бесермены не по-нашему, православному, а по своему уму глупому: ни хлѣба не пекутъ, ни въ баню не ходятъ. Какъ за славнымъ-то Дономъ, за той рѣкой глубокой, стоитъ море Бѣлое, а на томъ на морѣ Бѣлымъ живутъ злы татарченки, а и живутъ тѣ злы татарченки не по-нашему, православному, а по своему уму глупому: на семи женахъ женятся, на семи дворахъ одни сани стоятъ. Какъ за межей-то нашей матушки святой Руси стоитъ Окіанъ море глубокое, какъ за тѣмъ ли Окіаномъ моремъ глубокимъ стоятъ тридевять земель, всѣ бесерменскія; а позадь тѣхъ тридевять земель стоитъ тридесятое царство, а въ томъ тридесятомъ царствѣ стоитъ теремъ изукрашенный, а въ томъ теремѣ изукрашенномъ сидитъ у злата окошечка молода княжна Елена прекрасная, во тоскѣ, во кручинушкѣ.» И пыталъ бояринъ дѣтину: «ай ты, дѣтина! скажи всю правду со истиной: почему знать то тридесятое царство? Почему знать теремъ изукрашенный? Почему знать молоду княжну Елену прекрасную?»—И молвитъ онъ, Семіонъ: «знать то тридесятое царство по рѣкамъ глубокимъ, по раздольицамъ широкимъ, по темнымъ лѣсамъ, непроходимымъ, по людямъ незнаемымъ; знать-то теремъ

изукрашенный по бѣлостекольчату крылечку съ перильцами, по злату окошечку съ рѣшеточкой, по серебряной крышечкѣ со маковой; знать-то молоду княжну Елену прекрасную—по ея лицу румяному, по ея русой косѣ, по ея вѣжеству прироженному.» И возговорить бояринъ: «ай ты, дѣтина! буде ты не воспозналъ тридесятаго царства, не угадалъ терема изукрашеннаго, не доздалъ молодой княжны Елены прекрасной, не сносишь тебѣ головы на своихъ плечахъ.»

Когда третій Семіонъ сдѣлалъ великъ корабль, бояринъ пыталъ тотъ великій корабль засовомъ дубовымъ, а самъ посматриваетъ—цѣло ли днище крѣпкое; а самъ поглядываетъ—есть ли весельца кленовые, замки дубовые, скамеечки рѣшетчатые. Глядитъ бояринъ на великъ корабль, глядитъ, посматриваетъ, а самъ съ собой думу думаетъ: «ну, какъ то пойдетъ великъ корабль въ окіанъ море глубокое?—вѣдь окіанъ-то море глубина несказанная! ну, какъ-то великъ корабль проплыветъ окіанъ море глубокое?—вѣдь окіанъ-то море не яндовѣ чета!» И поѣхали братья Семіоны за молодой княжной Еленой прекрасной, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Какъ и всѣ-то братья за дѣломъ сидятъ, а семей Семіонъ по кораблику похаживаетъ, черна котъ поглаживаетъ. «Вѣдь его-то, братцы, черный котъ, бають, изъ-за синяго моря, изъ-за того ли лукоморья; да и онъ ли, черный котъ, по умному сказки сказываетъ, по разумному пѣсни заводитъ. Какъ на томъ ли на Окіанъ-морѣ глубокомъ стоятъ островъ зеленъ, какъ на томъ ли на зеленомъ острову стоитъ дубъ зеленый, отъ того дуба зеленого виситъ цѣпь золотая, по той ли по цѣпи золотой ходитъ черный котъ. Какъ и тотъ ли черный котъ во правую сторону идетъ, веселья пѣсни заводитъ; какъ во лѣвую сторону идетъ, стары сказки сказываетъ. И ходитъ онъ, Семіонъ, около терема изукрашеннаго, ходитъ, похаживаетъ, черна котъ поглаживаетъ, на высокъ теремъ посматриваетъ. Какъ и тотъ ли теремъ изукрашенный былъ красоты несказанной: внутри его, терема изукрашеннаго, ходитъ красно солнышко словно на небѣ. Красно солнышко зайдетъ, молодой мѣсяцъ по терему похаживаетъ, золоты рога на всѣ стороны покладываетъ. Часты звѣзды изнасѣны по стѣнамъ, словно маковъ цвѣтъ. А построены тотъ теремъ изукрашенный на семи верстахъ съ половиной; а высота того терема несказанная. Кругомъ того терема рѣки текутъ, молокомъ изнаполнены, сытой медовой подслащенные. По всѣмъ по тѣмъ по рѣкамъ мосточки хрустальные, словно жаръ горятъ. Кругомъ терема стоятъ зелены сады, а въ

зеленыхъ садахъ поютъ птицы райскія пѣсни царскія. Во томъ ли теремѣ всѣ окошечки красна золота, всѣ крылечки бѣлостекольчаты, всѣ дверцы чиста серебра. Какъ и на теремѣ-то крышечка чиста серебра со маковкой золотной, а во той ли маковкѣ золотной лежитъ дорогъ рыбій зубъ. Отъ красна крылечка бѣлостекольчата лежатъ ковры самотканые; а по тѣмъ по коврамъ самотканымъ ходитъ молода княжна, Елена прекрасная.» Семей Семіонъ называется купцомъ: «посадскаго роду я, молода княжна, изъ-за тридевять земель, ходилъ, гулялъ на кораблицахъ по всѣмъ городамъ, мѣнялъ, вымѣнивалъ золоты парчи червчатая, бѣлошолковы аksamиты венецкія, дороги камочки царградскія, золоты ширинки съ убрusничками, вальящаты рясны съ монистами, черны соболы сибирскіе, сиводушаты лисицы поморскія, бѣлы куницы закамскія. Не въ угоду ль тебѣ, молода княжна, вальящаты рясны съ монистами? Не по твоему ли нраву княженецкому золоты парчи червчатая? Не по сердцу ли тебѣ, молода княжна, на душегрѣчку соболы сибирскія, бѣлы куницы закамскія, сиводушаты лисицы поморскія? Пригляни, молода княжна, на дороги товары заморскіе, выбирай себѣ съ любка любое, и потѣшь покупочкой заѣзжаго купца, гостинной сотни молодца.» Заманивши молоду княжну на великъ корабль, Семіоны подняли паруса и поплыли. Увидѣвъ за собой погоню, четвертый Семіонъ схватилъ великъ корабль за его носъ туриный, за его корму звѣриную, и увелъ ея въ подземельное царство; когда погоня ушла назадъ, Семіонъ опять вывелъ корабль. Молода княжна Елена прекрасная оборотилась лебедушкой бѣлой и улетѣла съ корабля; тогда пятый Семіонъ подстрѣлилъ ее въ крыло, а шестой подхватилъ на-лету. Князь Угоръ женился на Еленѣ, надѣлилъ Семіоновъ залотой казной, да и отпустилъ ихъ на родиму сторону, а самъ онъ, молодой князь Угоръ, сталъ жить, поживать, добра наживать.

Содержаніе этой сказки, оригинально-русское оно, или восточнаго происхожденія, во всякомъ случаѣ такъ вздорно, что странно было бы разсуждать о немъ; но выраженіе этой сказки, складъ и тонъ разсказа такъ наивны, такъ оригинальны, такъ провикнуты понятіями и взглядомъ на вещи той эпохи, въ которую она сложена, и того класса народа, которымъ она сложена, что ее нельзя прочесть безъ интереса, болѣе или менѣе живого. И этого-то не поняли ученые и образованные литераторы прошлаго столѣтія: они гонялись за сюжетомъ сказокъ и ни во что ставили ихъ форму, которую и позволяли себѣ передѣлывать,—тогда какъ

въ формѣ-то этихъ сказокъ и заключается весь ихъ интересъ, все ихъ достоинство. Но не будемъ слишкомъ винить этихъ передѣльвателей; они покорялись духу своего времени, которое требовало уже не сказокъ, а романовъ. Въ прошлое столѣтіе появились и «Георги, милорды англійскіе», и «Луаки съ непоколебимой вѣрностью», и множество другихъ сказокъ, которыхъ содержаніе романическое, а слоги сбивается то на тонъ Флоріановской поэмы, то на тонъ рыцарскаго романа, въ родѣ тѣхъ, отъ которыхъ помѣшался Донъ-Кихотъ. И простой народъ теперь предпочитаетъ эти площадные романы своимъ наивнымъ сказкамъ такъ же, какъ гражданскую печать предпочитаетъ онъ своимъ лубочнымъ изданіямъ. И теперь русскія сказки могутъ имѣть свой интересъ для людей образованныхъ, которые видятъ въ нихъ духъ, умъ и фантазію народа; но для простолюдиновъ эти сказки не имѣютъ уже никакой цѣны. И кто же не согласится, что въ этомъ виденъ со стороны простонародья большой шагъ впередъ по пути образованности? Да, тутъ есть прогрессъ.

Особенно интересны тѣ русскія сказки, которыя можно назвать сатирическими. Въ нихъ виденъ бытъ народа, его домашняя жизнь, его нравственныя понятія и этотъ лукавый русскій умъ, столь склонный къ ироніи, столь простодушный въ своемъ лукавствѣ. Взглянемъ на нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ. Въ сборникѣ Кирши Данилова три такихъ сказки: «Чурилья игуменя», «Дурень Бабинъ» и «У Спаса къ обѣднѣ звонятъ». Первая особенно интересна, но любопытные сами могутъ прочесть ее, а мы поговоримъ о двухъ послѣднихъ. Не всѣмъ дуракамъ удается въ русскихъ сказкахъ, инымъ въ нихъ приходится очень дорого расплачиваться за глупость.

А жиль-быль Дурень,
А жиль-быль Бабинъ,
Вздумалъ онъ, Дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати.
Себя казати.
Отшедши Дурень
Версту-другу,
Нашелъ онъ, Дурень,
Двѣ избы пусты,
Въ третейъ людей нѣтъ.
Заглянетъ въ подполье,
Въ подпольѣ черти
Востроголовы,
Глаза что часы,
Усы что вилы,
Руки что грабли,—
Бъ карты играютъ,
Кости бросають,
Деньги считають,
Груды переводятъ.
Онъ имъ молвить:
„Вогъ вамъ въ-помочь,

Добрымъ людямъ“.
А черти не любятъ,
Схватили Дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, Дурня,
Жива отпустили!
Пришедши Дурень
Домой-то, плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранитъ,
Жена пѣнати,
Сестра-то также:
„Ты, глупой Дурень,
Неразумный Бабинъ!
То же бы ты слово
Нетакъ же бы молвилъ;
А ты бы молвилъ:
Будь врагъ проклятъ!
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь.
Черти бь убъжали,
Тебѣ бы, Дурню,

Деньги достались
Вмѣсто кладу".
Добро ты, баба,
Баба Бабариха.

Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я, Дурень,
Таковъ не буду.

состоить изъ двухъ частей, которыя обѣ
начинаются такъ:

У Спаса къ обѣднѣ звонять,
У прихода часы говорятъ,
По монастырямъ благовѣстятъ;—
Теща къ обѣднѣ спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На поваренкѣ кокошники.
Она, теща, къ обѣднѣ пошла—
А идетъ по малешеньку,
Съ ноги на ногу поступаетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы наколачиваетъ.

Въ первой части сказки теща предлага-
етъ зятю кафтанъ изъ камки, а дочери са-
рафанъ, чтобы зять не билъ ее, дочь, не
гнѣвилъ сердце материно, не проливалъ бы
горячу кровь. Но, видно, зятю этого пока-
залось мало; теща предложила ему быстру
рѣку, а на той на быстрой на рѣкѣ много
гусей, лебедей, много сѣрыхъ малыхъ уто-
чекъ.

А и зять на нее поглядѣлъ,
Господинъ слово выговорилъ:
„Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-тко живи у меня;
А работы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мнѣ ребенки качай“.

Изъ этого видно, какъ выгодно бывало
встарину быть зятемъ богатой тещи: чтобы
взять у ней все, стоило только прибить
жену свою, прогнѣвить сердце материно и
пролить бы горячую кровь... Любопытная
черта общественныхъ и семейственныхъ нравовъ
милой старины!..

Любопытны сказки въ родѣ такихъ, какъ
«Сказка о нѣкоемъ приказчикѣ и купцовой
женѣ» и «Бабы Увертки». Это сказки но-
вѣйшія или по крайней мѣрѣ сильно поднов-
ленные. Послѣдняя называется еще «Сказ-
кой о бабыхъ уверткахъ и непостоянныхъ
документахъ». Но особенно любопытны исто-
рически-старинныя сказки въ сатирическомъ
духѣ, каковы: «Сказка о томъ, какъ мыши
кота погребаютъ», «Шемакинъ Судъ» и
«Сказка о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Шетинни-
ковѣ». Изъ нихъ только послѣдняя напеча-
тана Сахаровымъ съ стариннаго подлинни-
ка. Эти сказки въ тысячу разъ важнѣе
всѣхъ богатырскихъ сказокъ, потому что въ
нихъ ярко отражается народный умъ, на-
родный взглядъ на вещи и народный бытъ.
Въ послѣднемъ отношеніи онѣ могутъ счи-
таться драгоцѣннѣйшими историческими до-
кументами. Для поясненія нашей мысли,
приводимъ здѣсь послѣднюю сказку все-
цѣликомъ, со всѣми ея повтореніями, кото-
рыя имѣютъ глубокой смыслъ.

Сказка эта довольно длинна, но она вся
рассказывается почти одними и тѣми же
словами. Получивъ урокъ отъ чертей и
помня наставленіе жены, матери и сестры,
Дурень сказалъ четыремъ братьямъ, моло-
тившимъ ячменъ: «Будь врагъ проклятъ
именемъ Господнимъ.» Опять урокъ и опять
наставленіе со стороны женщинъ: «Ты бы
молвилъ: дай вамъ, Боже, по сту на день, по
тысячѣ на недѣлю.» Встрѣтивъ похороны,
Дурень привѣтствовалъ ихъ этими словами,
былъ прибитъ и опять получилъ наставле-
ніе, что слѣдовало ему сказать: «Дай, Боже,
царство небесное, землѣ упокой.» Дурень
этимъ желаніемъ привѣтствовалъ свадьбу
князя и былъ нещадно избитъ. Опять по-
ученіе: «Ты бы молвилъ: дай Господь Богъ
новобрачному князю сужено поняти, подѣ
злагъ вѣнецъ стати, законъ Божій пріяти,
любовно жити, дѣтей сводити.» И Дурень
привѣтствовалъ этимъ желаніемъ встрѣтив-
шагося ему старпа, который и изломалъ о
его бока свою клюку—«не жаль ему, старцу,
дурака-то, но жаль ему, старцу, костыля-то.»
Узнавши, что старцу долженъ онъ былъ
сказать: «Благослови меня, отче, святой
игуменъ», Дурень обратился съ этимъ при-
вѣтствіемъ къ медвѣдю въ лѣсу. Прибѣ-
жавъ домой еле живъ, онъ узналъ, что на
медвѣдя ему слѣдовало заускать, загайкать,
заулюкать.—и, встрѣтивши на дорогѣ «пол-
ковника Шипкова», онъ заускалъ, загай-
калъ и заулюкалъ, за что и крѣпко былъ
избитъ солдатами—тутъ ему Дурню и смерть
случилась.

Сказка: «У Спаса къ обѣднѣ звонять»
замѣчательна столько по тону легкой ири-
нии въ выраженіи, сколько и по тому, что
она представляетъ вѣрную картину одного
изъ важнѣйшихъ общественныхъ отноше-
ній—отношенія зятя къ тещѣ и выгоднаго
положенія послѣдняго передъ первой, равно
какъ и намекъ на нѣкоторыя права и при-
вилегіи, доставляемыя законнымъ бракомъ.
Теща, пришедши къ зятю, была ему челомъ,
а зять и не посмотрѣлъ на нее, говорить:

„А и вижу я, вижу сама,
А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочи моя,
Прогнѣвить сердце материно,
И пролить бы горячу кровь.
А и чѣмъ будетъ зятя дарить,
Чѣмъ господина дарить?“

Выраженіе этой сказки особенно ориги-
нально: въ немъ есть что-то поэтическое и
вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ироническое. Она

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридцать земель въ тридесатомъ царствѣ уряженъ былъ судъ, а въ томъ судѣ судьями сидѣли: бояринъ Осетръ, да воевода Сомъ, оба отъ Хвалынского моря; да тутъ же въ судѣ выборные мужики сидѣли: Судакъ да Шука, оба отъ земскихъ волостей, съ Волги рѣки да съ Дона.

И къ тому суду пришли Ростовскаго озера челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи. И били тѣ челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, на судъ на Ерша Ершова сына Шетинникова, да подали за руками челобитную. А въ той ихъ челобитной, у рыбы Леща съ товарищи, написано:

„Бьютъ челомъ и плачутся убогіе сироты, нищіе крестьяне Ростовскаго озера, рыба Лещъ съ товарищи, на Ерша Ершова сына Шетинникова. Въ прошломъ 7010 годѣ били мы, рыба Лещъ съ товарищи, на него вора Ерша въ написанномъ разграбленіи нашихъ животншекъ; и подали сказку за руками всѣхъ старожилъ, что то Ростовское озеро истари было за нами, нищими крестьянами, даво въ отчину, а намъ, убогимъ сиротамъ, послѣ отцовъ нашихъ та отчина въ вѣкъ прочна. А нынѣ тотъ ябедникъ Ершъ, лихой человекъ и воришка, изъ Волги рѣки Выркой рѣкой къ намъ, убогимъ сиротамъ, въ Ростовское озеро пришелъ, а пришелъ онъ, Ершъ, зимой, не въ погожую пору, и выпросился онъ Ершъ, одну ночь въ Ростовскомъ озерѣ почевать; а назвался онъ Ершъ, наемнымъ крестьяниномъ; а про то мы, нищіе крестьяне, не вѣдая его, Ершовой хитрости, пустили его. Ерша, одну ночь въ Ростовское озеро почевать, а какъ онъ, воръ Ершишка, одну ночь почевалъ, и упросилъ насъ, убогихъ сиротъ, чтобы его, Ершишка, пустить покормиться въ наше озеро Ростовское съ женишкою и съ дѣтишками своими: а мы, нищіе крестьяне, не вѣдая его, Ершова, лихости, положили на міру: его, Ерша, съ женой и дѣтишками его въ Ростовское озеро покормиться пустить. Да свѣдали мы послѣ, что ему, Ершу, нарядомъ повѣщено было итти зимовать на сторожи на Каму рѣку, а онъ, воръ и ябедникъ Ершишка, укрываячись, про то намъ не повѣдалъ; а мы, убогіи сироты ваши, про то не знали. И тотъ воръ, Ершишка, въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ полѣта прожилъ, и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху замужъ за Карпушкина сына выдалъ; а послѣ того, ставая съ племянники своими и дѣтишки, приговорили насъ, убогихъ сиротъ, перебить и животинки разграбить, и родъ нашъ весь изъ отчины вонъ выгнать и озеромъ Ростовскимъ завладѣть напрасно. И то все онъ, воръ Ершишка, дѣлалъ, понадѣвшись на свое насильство. Смилуйтесь, господа судьи! не дайте намъ, убогимъ сиротамъ, дожидъ до конечнаго разоренія и укажите дать праведный судъ намъ, нищимъ крестьянамъ, съ тѣмъ Ершомъ.“

И судьи спрашали рыбу Лещъ съ товарищи: „ты, рыба Лещъ, съ товарищи! скажи ты намъ: правое ли то ваше челобитье, и чѣмъ вы по челобитной на судъ ручаетесь?“

И рыба Лещъ съ товарищи стали на судъ къ отвѣту, да говорили: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Вѣдая свое дѣло правое, били челомъ по правдѣ, и въ томъ ручаемся живомъ и жизнію; да какъ вы, господа судьи, посудите, такъ тому и быть.“

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: послать приставомъ рыбу Окунь, да велѣли ему, приставу Окуню, поставить рыбу Ершъ на судъ къ отвѣту.

И приставъ Окунь рыбу Ершъ на судъ къ отвѣту поставилъ, а доводчикъ Карась читалъ тѣ жалобы челобитниковъ, рыбы Леща съ товарищи.

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! то челобитье истцовъ, рыбы Леща съ товарищи, неправое, и то-де я послѣ доводомъ доведу; а напередъ на нихъ, истцовъ, рыбу Леща съ товарищи, дайте судъ и расправу въ дѣлѣ великомъ.“

И судьи спрашали его, Ерша: „ты, Ершъ! въ какомъ дѣлѣ великомъ дать тебѣ судъ и расправу на нихъ, истцовъ, рыбу Леща съ товарищи?“

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Тѣ истцы, рыба Лещъ съ товарищи, въ своей челобитной меня, Ерша, поносили и безчестили и называли меня, Ерша, и воромъ, и ябедникомъ, и Ершишкой, и волочайкой, и укрывайцей. И то все соромъ они, истцы, рыба Лещъ съ товарищи, лаiali на меня Ерша, и зато съ нихъ, истцовъ, рыбы Леща съ товарищи, доправить мнѣ слѣдуетъ за большое безчестье съ проторы и убытки.“

И судьи спрашивали рыбу Лещъ съ товарищи: „ты, Лещъ, съ товарищи! скажи ты намъ: будетъ дѣло не правое по суду отвѣтчикову доказано будетъ, и чѣмъ вы ручаетесь за большое безчестье?“

И рыба Лещъ съ товарищи сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! А то онъ, Ершъ, затѣялъ дѣло не правое, завелъ лихой извѣтъ, кабы судъ проволочить: а буде на судѣ наше челобитье неправымъ дѣломъ доказано будетъ, и мы ручаемся въ томъ живомъ и живанью.“

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: „тотъ его, Ерша, лихой извѣтъ оставить, а ему, Ершу, указали, безъ проволочки, чинить отвѣтъ на суду по челобитью истцовъ, рыбы Леща съ товарищи.“

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! А то челобитье истцовъ, рыбы Леща съ товарищи, лихой извѣтъ на меня, Ерша; а грабить ихъ и животинки ихъ разорять не думалъ я и не гадалъ; а то Ростовское мое озеро истари и владѣли имъ истари отцы и дѣды, а дано оно было въ отчину старому Ершу, моему дѣду, и потому жъ оно нынѣ прочно за мной въ вѣкъ; а родомъ мы истари дѣти боярскія, мелкихъ бояръ Переяславскихъ; а тѣ челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, бывали у отца моего въ холопѣхъ; а я, Ершъ, не похотѣя грѣха по багюшкиной душѣ, отпустилъ ихъ, холопей, на волю, да велѣлъ имъ жить за собою, поитися и кормиться самимъ собой; а ихъ племя, рыбы Леща съ товарищи, и нынѣ есть во дворѣ у насъ въ холопѣхъ; а какъ то Ростовское озеро отъ великихъ засухъ повысохло, и стала скудость великая и голодъ, а тѣ челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, сами сволоклися на Вырку рѣку и по затокамъ расселилися, умышляя лихое дѣло на мою голову: похотѣли мездъ, Ерша, со всемъ моимъ домишкокомъ искоренить напрасно: и отъ того мнѣ, Ершу, житья не стало; а послѣ стали они, истцы, рыба Лещъ съ товарищи, отъ крестьянства отбиватися, и учили они воровствомъ въ Ростовскомъ озерѣ промышленять; а я, Ершъ, отцовскимъ домишкокомъ и нынѣ живу въ Ростовскомъ озерѣ: а живу я на днѣ и на свѣту, кабы добрый человекъ: не тагъ и не разбойникъ; а я живу своей силой и кормлюся своей

отчивой; да меня, Ерша, знают на Москвѣ большіе князья и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дьяки, и гостиныя сотни, и всѣхъ чиновъ люди въ иныхъ городахъ и во многихъ селѣхъ“.

И судьи спрашивали рыбу Лещь съ товарищи: „ты, рыба Лещь, съ товарищи! скажи ты намъ: на кого ты плешься, что то Ростовское озеро ваше, а не Ершова съ товарищи? И чѣмъ его, Ерша, уличаете?“

И рыба Лещь съ товарищи сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Уличаемъ мы его, Ерша, всей правдой и шлемся въ томъ на свидѣтелей, а свидѣтели тѣ у насъ люди добрые: Новгородской области, Ладожскаго озера, рыба Бѣлуга, да со Бѣлаозера рыба Бѣлая-рыбица, и что тѣ, добрые люди, подлинно про то вѣдаютъ, что то Ростовское озеро наше, а не Ершова“.

И судьи спросили Ерша съ товарищи: „ты, рыба Ершъ! плешься ли Новгородской области Ладожскаго озера на рыбу Бѣлугу да съ Бѣлаозера на рыбу Бѣлу-рыбицу?“

И Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Новгородской области, Ладожскаго озера на рыбу Бѣлугу да съ Бѣлоозера на Бѣлугу-рыбицу не шлюся за тѣмъ, что тѣ рыбы большія, а мы, ерши, рыбы малыя; и въ томъ промезъ насъ правды не будетъ; да они жъ, тѣ рыбы, Бѣлуга да Бѣлая-рыбица, за одно живутъ съ Лещомъ, и пьютъ, и вѣдятъ вмѣстѣ; и въ томъ промезъ насъ правды не будетъ; да у нихъ же, у рыбы Бѣлугѣ да у Бѣлой-рыбицѣ, съ Лещемъ промезъ себя исконовъ вѣку идеть сватовство и кумовство; и въ томъ промезъ насъ правды не будетъ; да и они жъ, рыба Бѣлуга да и Бѣлая-рыбица люди зажиточные, а я, Ершъ, человекъ убогой, и мнѣ, Ершу, за вѣду поѣзанное платитъ приставу съ понятими не чѣмъ, а путь дальній“.

И судьи спрашивали рыбу Лещь съ товарищи: „ты, рыба Лещь съ товарищи! Скажи ты намъ, на кого плешься еще въ томъ, что то Ростовское озеро ваше, а не Ершова съ товарищи?“

И рыба Лещь съ товарищи сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Уличаемъ мы его, Ерша, всей правдой и слался въ томъ на свидѣтелей, а свидѣтели были у насъ въ томъ люди добрые. И онъ, Ершъ, лихостью своей обезчестилъ людей добрыхъ: Новгородской области Ладожскаго озера рыбу Бѣлугу да съ Бѣлаозера рыбу Бѣлугу-рыбицу для того, будто тѣ рыбы велики; и то онъ соромъ лаялъ; и будто тѣ рыбы живутъ со мной, Лещемъ, за одно и пьютъ, и вѣдятъ вмѣстѣ со мной, Лещемъ,—и то дурно дѣлалъ; и будто тѣ рыбы водятъ кумовство и сватовство со мной, Лещемъ; и то онъ напраслину* ставилъ. А тѣ всѣ рѣчи его, Ершова, извѣстныя и къ отвѣту нейдутъ, и тѣмъ рѣчамъ его нельзя вѣры имать безъ доводчиковъ и крѣпкой поруки. Опречь тѣхъ добрыхъ людей, ставятъ онъ, Лещь, въ свидѣтели Переяславскую рыбу Сельдь, и что та рыба Сельдь человекъ добрый, и подлинно вѣдаетъ, что то Ростовское озеро наше, а не Ершова“.

И судьи спросили Ерша съ товарищи: „ты, Ершъ! плешься ли Переяславскаго озера на рыбу Сельдь?“

И Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Переяславская рыба Сельдь всѣмъ свѣдома, и на ту рыбу я, Ершъ, шлюсь. Да она жъ, рыба

Сельдь, человекъ зажиточный, а я, Ершъ, человекъ убогой, да мнѣ, Ершу, за вѣду поѣзанное платитъ приставу съ понятими не чѣмъ, а путь дальній“.

И судьи, поговоря межъ собой, приговорили: послать, мимо истцовъ и отвѣтчиковъ, приставомъ рыбу Окунь, а вѣду за поѣзанное доправить послѣ на виноватомъ; да ему, приставу Окуню, приговорили взять въ понятыя рыбу Линь.

И Линь сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Въ понятыхъ мнѣ, Линю, быть нельзя за тѣмъ, что у меня, Линя, и глаза малы, и говорить не умѣю, и память хула, за хворостью съ мѣста не схожу“.

И судьи, поговоря промезъ собой, приговорили: „за той хворостью рыбу Линя отъ понятыхъ освободить, а вмѣсто него приказали отпустить въ понятыя рыбу Язя“.

И приставъ, рыба Окунь, да понятой, рыба Язь, по сыску въ Переяславскомъ озерѣ ту рыбу Сельдь обыскали, и поставили ту рыбу Сельдь къ суду въ отвѣтъ.

И какъ стала та рыба Переяславская къ суду въ отвѣтъ, и доводчикъ Карась читалъ судное дѣло, да потому же приговорилъ рѣчи истцовы и отвѣтчиковы да ваялъ у нихъ, истцовъ и отвѣтчиковъ, сказки въ томъ за ихъ руками, и положили тѣ сказки передъ судьями.

И судьи спросили Переяславскую рыбу Сельдь: „ты, рыба Сельдь! скажи ты намъ про того Леща и Ерша: чье у нихъ Ростовское озеро изстари?“

И рыба Сельдь Переяславская сказала: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Скажу вамъ всю правду, что вѣдаю про Леща и Ерша, чье у нихъ Ростовское озеро изстари. Лещъ, господа судьи, человекъ добрый и крестьянинъ гожій, а живетъ онъ, Лещъ, своей силой, какъ и прочіе люди живутъ; и онъ, Лещъ, ни тать, ни разбойникъ. Да то все вѣдаю заподлинно.—Ершъ, господа судьи, лихой человекъ и ябедникъ, а живетъ по рѣкамъ и озерамъ на днѣ и на свѣту мало бываетъ; да тотъ Ершъ и большіихъ рыбъ обманываетъ; попросится онъ, воръ, на ночь ночевать, и тутъ поселится со всѣмъ домишкомъ вѣковать, а тамъ и учнетъ послѣ клепать, что та его отчина завѣдомо изстари; да тотъ же Ершъ не бывалъ изстари въ дѣтѣхъ боярскихъ; и за собой не имѣлъ при дворѣ холопей: да и живалъ онъ, Ершъ, въ бобыляхъ; а по наряду довелось ему быть на сторожи на Камѣ рѣкѣ, да и туго укрывся на Ростовское озеро. Да то все вѣдаю заподлинно“.

И судьи спросили Переяславскую рыбу Сельдь: „ты, рыба Сельдь! скажи ты намъ, знаешь ли его, Ерша, на Москвѣ большіе князья и бояре, стольники и дворяне, дьяки и гостиныя сотни, и всѣхъ чиновъ люди, въ иныхъ городѣхъ и во многихъ селѣхъ?“

И рыба Сельдь Переяславская сказала: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Скажу вамъ всю правду, что вѣдаю про Ерша. Знаютъ его, Ерша, на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ и во многихъ селѣхъ на кружалахъ, и не князья и бояре, и не стольники и не дворяне, и не дьяки и торговныя сотни, и всѣхъ чиновъ люди, а ярыжки, бражники и зернщики. Да то все вѣдаю подлинно“.

И судьи спросили его, Ерша: „ты, Ершъ, скажи ты намъ: чѣмъ ты опорочиваешь рѣчи свидѣтельскія? И кто въ томъ за тебя, Ерша, порукой?“

И Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены!

Опорочинаю тѣ рѣчи свидѣтельскія, Переяславской рыбы Сельдь тѣмъ, что все она говоритъ съ похмѣльемъ, понаровя истцамъ, рыбѣ Лещу съ товарищи; да и она, рыба Сельдь, отродясь меня, Ерша, не видывала и говорить въ своихъ рѣчахъ извѣтъ лихой напрасно; и въ своихъ рѣчахъ кладу за себя порукой рыбу Налима, а та ли рыба Налимъ человекъ добрый и знаетъ доподлинно, что та рыба Сельдь съ похмѣлья и не въ разумѣ и что говоритъ ума-разума не спрашаючи.“

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили послать приставамъ рыбу Окунь по рыбу Налимъ, а вѣду за побѣжденное доправить послѣ на виноватомъ; да ему, приставу, приговорили взять на понятые рыбу Язя.

И приставъ, рыба Окунь, да понятой, рыба Язь, по сыску въ Волгѣ-рѣкѣ, ту рыбу Налимъ обыскали и поставили ту рыбу Налимъ къ суду въ отвѣтъ.

И какъ рыба Налимъ сталъ на судъ къ отвѣту, и доводчикъ Карась читалъ судное дѣло! да потому жъ проговорилъ рѣчи отвѣтчиковъ Ерша и рѣчи свидѣтельскія рыбы Сельдь, да взялъ у нихъ, у Ерша и Сельди, сказки въ томъ за ихъ руками и положилъ тѣ сказки передъ судьями.

И судьи спрашали рыбу Налимъ: „ты, Налимъ! скажи ты намъ: бываетъ ли рыба Сельдь съ похмѣлья и не въ разумѣ, и что та рыба Сельдь говоритъ ли ума-разума не спрашаючи?“

И рыба Налимъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! таково дѣло мнѣ, Налиму, невѣдомо; да и потому жъ ничего про Ерша не знаю и не вѣдаю“.

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говоритъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Тутъ рыба Налимъ мужикъ глупой и состарѣлся, да и на суду говорить не сумѣетъ. И въ своихъ рѣчахъ кладу за себя порукой старыхъ старожилонъ, рыбу Плотву съ товарищи“.

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: рыбу Налимъ отослать назадъ съ понятымъ и сдать становому подъ расписку; а ему, Ершу, за обольганіе рыбы Сельдь и Налима очныхъ ставокъ болѣе не давать.

И понятой, рыба Язь, положилъ рыбу Налимъ въ сани, да и свезъ къ Волгѣ-рѣкѣ, и подалъ передъ судьями расписку о томъ.

И судьи, поговоря промежъ собою, приговорили: истцовъ и челобитчиковъ выслать изъ суда вонъ, сдать на руки понятому, рыбѣ Язю; судное дѣло указали писать Вьюну; дѣло вершить по грамотамъ суднымъ доводчику Карасю, и грамоту печатать Раку клешней.

И какъ дѣло повершили, и доводчикъ Карась положилъ то судное дѣло передъ судьями.

И судьи, поговоря промежъ себя, приговорили: Леща съ товарищи отправить, а Ерша обвинить, да и выдать Ерша ему, Лещу, головой.

И доводчикъ Карась поставилъ на судъ истцовъ и отвѣтчиковъ передъ судьями, а грамоту къ губному старостѣ сталъ читать Вьюнъ.

Память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ Севрюгѣ съ товарищи. Въ прошлыхъ-де годѣхъ 7010, являя на судъ Ростовскаго озера челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, и били намъ челомъ и подали свое челобитье за руками; а въ томъ ихъ челобитиѣ писано: на Ерша Ершова сына Щетинникова жалоба великая: онъ-де, Ершъ, изъ Волги-рѣки Выркой рѣкой пришелъ къ намъ въ Ростовское озеро зимой, не въ погожу пору, и

выпросился обманомъ у насъ, рыбы Леща съ товарищи, одну ночь въ Ростовскомъ озерѣ почевати, а послѣ онъ-де, Ершъ, просился у насъ, рыбы Леща съ товарищи, покормитися съ женишкой и дѣтишками; и онъ-де, Ершъ, у насъ, рыбы Леща съ товарищи, доллѣта прожилъ, и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху за Карпушкина сына выдалъ; да онъ-де, Ершъ, ставаясь съ своими племянники и дѣтишки, приговорили насъ, рыбу Леща съ товарищи, перебить и животишки наши разграбить, и изъ отчины вонъ выгнать, и тѣмъ Ростовскимъ озеромъ завладѣть напрасно. А по сыску и допросу въ томъ судѣ оказалось, что-де онъ, Ершъ, воръ и разбойникъ; живетъ-де онъ, Ершъ, по озерамъ, и болотамъ бобылемъ; и онъ-де, Ершъ, говоритъ въ судѣ, что будто онъ, Ершъ, изъ боярскихъ дѣтей мелкихъ бояръ Переяславскихъ, и что-де та рыба Лещъ съ товарищи изстари были за отцомъ его крестьяне; и то онъ, Ершъ, лаялъ напрасно. И какъ къ тебѣ вся наша память-придетъ, и ты-бъ того Ерша съ товарищи взялъ къ себѣ въ губную избу, учинилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батоги нещадно, чтобъ впредь имъ и всѣмъ братьямъ, на то смотря, такъ дѣлать было не повадно, и, учиня имъ наказаніе, доправилъ бы, безъ Московскія волокиты, съ него, Ерша съ товарищи, всѣ проторы и убытки, а доправа проторы и убытки, выдалъ бы того Ерша ему, Лещу, головой и велѣлъ бы его, Ерша, вода по торгамъ, битъ кнудомъ, а бивъ кнудомъ, повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислать бы еси къ намъ отписку безъ молчанія“.

Эта сказка—полная и вѣрная картина древней русской юриспруденціи, древняго русскаго судопроизводства, древняго русскаго словеснаго суда, со всѣмъ ихъ добромъ и со всѣмъ ихъ зломъ; и съ гарантіей справокъ и свидѣтельствъ, забираемыхъ у лицъ, соприкосновенныхъ дѣлу или подсудимому, и съ московской волокитой. Повторяемъ: для людей, которымъ доступна не одна буква, такая сказка есть драгоценный историческій документъ.

Отъ поэмъ и сказокъ самый естественный переходъ къ историческимъ пѣснямъ. Этотъ отдѣлъ русской народной поэзіи бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ: и числомъ, и содержаніемъ, и поэзіей. Трудное и тяжкое историческое развитіе Руси до Петра Великаго было слишкомъ сухой и бесплодной почвой для поэзіи.

Древнѣйшая историческая пѣсня въ разсматриваемыхъ нами сборникахъ находится въ книгѣ Кириши Данилова и называется «Щелканъ Дудентьевичъ». Она носитъ на себѣ характеръ сказочный, но явно, что историческое событіе дало для нея содержание. Герой ея, Щелканъ Дудентьевичъ, не получилъ себѣ отъ своего шурина, царя Азьяка Ставруловича, удѣла, потому что былъ во время раздачи удѣловъ въ Литвѣ. «Братъ онъ, младъ Щелканъ, дани, выходы, царски невышлаты; съ князей братья по сто рублевъ, со бояръ по пятидесяти,

съ крестьянъ по пяти рублевъ; у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ; у котораго дитя нѣтъ, у того жену возьметъ; у котораго жены-то нѣтъ, того самого головой возьметъ.» Возвратившись къ царю Азвяку съ данями, невыплатами, онъ проситъ у него себѣ въ удѣлъ старую Тверь. Азвякъ отвѣчаетъ ему: «Гой еси, шуринъ мой, Щелканъ Дудентьевичъ! заколи-тко ты сына своего любимаго, крови ты чашу нацѣди, выше ты крови тоя, крови горячія, и тогда я тебя пожалую Тверью богатой, двумя братьями родимыми, двумя удалыми Борисовичами.» Выполнивъ это *гуманное* требованіе, Щелканъ «судьюе насѣлъ въ Тверь ту старую, въ Тверь ту богатую, а немного онъ судьей сидѣлъ: и вдовы то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наругаться, надъ домами насмѣхаться. Мужики-то старые, мужики-то богатые, мужики-то посадскіе, они жалобу приносили двумъ братьямъ родимымъ, двумъ удалымъ Борисовичамъ; отъ народа они съ поклономъ пошли, съ честными подарками. Изопли его въ домъ у себя Щелкана Дудентьевича; подарки принялъ отъ нихъ, чести не воздалъ имъ. Втапоры младъ Щелканъ зачванился, онъ загординился, и они съ нимъ раздорили—одинъ ухватилъ за волосы, а другой за ноги, и тутъ его разорвали. Тутъ смерть ему случилася, ни на комъ не сыскалася.» Эта пѣсня есть искаженная быль XI столѣтія; Щелканъ Дудентьевичъ есть не кто иной, какъ Шевкаль, сынъ Дюденева, двоюродный братъ хана Узбека (переименованнаго сказкой въ Азвяка, да еще и Ставруловича), который, прибывъ посломъ въ Тверь въ 1327 году, за свою жестокость и наглость былъ сожженъ гражданами со всей татарской свитой.

Кромѣ этой пѣсни, въ сборникъ Кириши Данилова нѣтъ ни одной, которая бы относилася къ эпохѣ татарщины: равнымъ образомъ нѣтъ ни одной исторической пѣсни, которая бы относилася къ Донскому, къ Иоанну III; есть нѣсколько пѣсень объ Иванѣ Грозномъ, да нѣсколько пѣсень, относящихся къ эпохѣ самозванцевъ и борьбы Россіи съ Польшей за независимость; также изъ эпохи царя Алексія Михайловича и Петра Великаго. Всѣхъ этихъ пѣсень числомъ не болѣе десяти, да и тѣ совершенно ничтожны и по содержанию, и по формѣ, и по историческому значенію. Русская народность еще сознавала себя въ сказкахъ: въ исторіи она потерялась. Русскій человѣкъ какъ бы не чувствовалъ себя членомъ государства и потому не зналъ, чтѣ въ немъ дѣлалось. До него доходили слухи, онъ и самъ бывалъ свидѣтелемъ событий, какъ

ратникъ лить кровь свою по царскому наказу, боярскому приказу, но ничего не понималъ въ этихъ столь близкихъ къ нему событіяхъ, и потому перевиралъ ихъ вопреки здравому смыслу и исторической дѣйствительности. Такъ, въ одной пѣснѣ: «кругомъ сильна царства Московскаго, Литва облегла со всѣ четыре стороны, а и съ нею сила, сорочина долгополая, и тѣ черкесы пятигорскіе, еще ли калмыки съ татарами, со татарами, со башкирцами, еще чунки со люторами (съ лютеранами, изъ которыхъ политическій тактъ древней Руси сдѣлалъ особый народъ);» тогда Михайло Скопинъ «правитель царству Московскому, оберегатель міру крещенному и всей нашей земли свято-русскія», пріѣзжалъ въ Новгородъ, «садился на ременчатъ стулъ, а и беретъ чернилицу золотую, какъ бы въ ней перо лебединое, и беретъ онъ бумагу бѣдую, писалъ ярлыки скорописчаты во свецкую (шведскую) землю, саксонскую, ко любимому брату названому, ко свецкому королю Карлусу, а отъ мудрости слово поставлено: «А и гой еси, названный братъ, а ты свецкій король Карлусъ! а и смилуйся, смилосердуйся, смилосердуйся, покажи милость: а и дай мнѣ силы на подмочь.» Это посланіе—образецъ дипломатическаго краснорѣчія, отослано къ шведскому королю, который и прислалъ къ Скопину на помощь сорокъ тысячъ войска. Соединившись съ шведами, наши войска пошли въ восточную сторону и вырубали чудь бѣлоглазую и сорочину долгополюю; въ полуденную сторону — перекропили черкесъ пятигорскихъ, «еще нонѣ тутъ Малороссія», и такимъ же образомъ уничтожили Литву, чучей, башкирцевъ, калмыковъ и «алюторовъ». Въ остальной половинѣ пьесы переиравается по сказочному отравленію Скопина, котораго причина — самая народная: Скопинъ на пиру у Воротынскаго больно началъ похваляться: «Я, Скопинъ, очистилъ царство Московское и велико Государство Россійское, еще ли мнѣ славу поють до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего.» И тутъ боярамъ за бѣду стало: они подсыпали въ чашу зелья лютаго, а кума Скопина, крестовая дочь Малюты Скурлатова, поднесла ему отравленную чашу.

Окончаніе пьесы отличается всей наивной и удалой прелестью русской народной поэзіи:

То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря.
Какъ бы добрымъ людемъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,

**Испиваючи медь, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ,
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому.**

Въ другой пѣснѣ царь Алексѣй Михайловичъ три года стоитъ подъ Ригой, потомъ ѣдетъ въ Москву; войско проситъ царя не оставлять его подъ Ригой: «наскучила намъ Рига, напрокучила; много голоду, холоду приняли, наготы, босоты вдвое того.» Царь отвѣчаетъ: «когда прибудемъ въ каменну Москву, забудемъ бѣдность, нужду великую, а и выставлю вамъ погребѣ царскіе, что съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе.»

Лучшія историческія пѣсни—объ Иванѣ Грозномъ. Тонъ ихъ чисто сказочный, но образъ Грознаго просвѣчиваетъ сквозь сказочную неопредѣленность со всей яркостью грозовой молнии. Въ драгоценномъ сборникѣ Кириши Данилова, къ сожалѣнію, далеко не вполне перепечатанномъ Сахаровымъ, есть пѣсня подъ названіемъ «Мастрюкъ Темрюковичъ», въ которой описывается кулачный бой царскаго шурина, Мастрюка, съ двумя московскими удалцами. Грозный пировалъ по случаю женитьбы своей на Марьѣ Темрюковнѣ, сестрѣ Мастрюковой, Купавѣ Крымской, царицѣ благовѣрной, дочери Темрюка Степановича, царя Золотой Орды (о исторіи!..). На пиру всѣ были веселы; не веселы одинъ Мастрюкъ Темрюковичъ, шурина царскій: онъ еще нигдѣ не нашелъ борца по себѣ и думаетъ Москву загонять, сильно царство Московское. Узнавъ о причинѣ его кручины-раздумья, царь велѣлъ боярину Никитѣ Романовичу искать бойцовъ по Москвѣ. Два брата родимые по базару похаживаютъ, а и бороды бритыя, усы торженые, а платьѣ саксонское, сапоги съ раструбами. Они спрашиваютъ боярина: «смѣтъ ли нога ступить съ царскимъ шуриномъ и смѣтъ ли его побороть?» Царь велѣлъ боярину сказать имъ: «кто бы Мастрюка поборолъ, царскаго шурина, платьѣ бы съ плечъ снялъ, да нагого съ круга спустилъ, а нагого какъ мать родила, а и мать на свѣтъ пустила.» Прослышавъ борцовъ, «скачетъ прямо Мастрюкъ изъ мѣста большого, угла передняго, черезъ столы бѣлодубовы, повалилъ онъ тридцать столовъ, да прибилъ триста гостей: живы - да негодны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной: то похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу.» Но эта похвальба худо кончилась для Мастрюка: Мишка Борисовичъ его съ носка бросилъ о землю; похвалилъ его царь государь: «Исполать тебѣ, молодцу, что чисто борешься.» А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно бороться. А Потанька бороться пошелъ, костьюдемъ подпирается, самъ впередъ подвигается, къ

Мастрюку приближается; смотреть царь государь, что кому будетъ Божья помощь. Потанька справился, за плеча сграбился, согнетъ корчагой, воздымалъ выше головы своей, опустилъ о сыру землю - Мастрюкъ безъ памяти лежитъ, не слышалъ, какъ платьѣ сняли. Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ, со стыда и сорома о корачкахъ подъ крылецъ ползетъ. Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала, говорила царица царю, Марья Темрюковна: «Свѣтъ ты, вольный царь Иванъ Васильевичъ! такова у тебя честь добра до любимаго шурина, а дѣтина наругается, что дѣтина деревенской; а почто онъ платьѣ снимаетъ?» Говорилъ тутъ царь-государь: «Гой еси ты, царица во Москвѣ, да ты, Марья Темрюковна! а не то у меня честь во Москвѣ, что татары-те борются; то то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится; хотя бы ему голову сломилъ, да люби бы я пожаловалъ двухъ братцевъ родимыхъ, двухъ удалыхъ Борисовичевъ.»

Другая пѣсня содержитъ въ себѣ сказочное описаніе историческаго происшествія, касающагося до ужасной личности грознаго царя—гнѣва его на сына. У грознаго пиръ во дворцѣ, «а всѣ тутъ князья и бояра на пиру напивались, промежь собой расхвастались: а сильный хвастаетъ силой богатой-отъ хвастаетъ богатствомъ. Златѣ труба въ царствѣ протрубила, прогласилъ царь-государь слово выговорилъ: «А глушы бояра, вы неразумные! и всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь; а смѣю я царь похвалиться, похвалиться и похвастати: что вывелъ измѣну я изъ Кіева, да вывелъ измѣну изъ Новгорода, а взялъ я Казань, взялъ и Астрахань.» Царевичъ Федоръ говоритъ отцу, что не вывелъ онъ измѣны въ Москвѣ, что три большіе боярина, а три Годуновы измѣнники. Царь велитъ сыну назвать трехъ измѣнниковъ, говоря, что одного велитъ въ котлѣ сварить, другого—на колѣ посадить, третьяго—скоро сказнить. «Ты пьешь съ ними, ѣшь съ единого блюда, единую чару съ ними требуешь», отвѣтилъ царевичъ, и царю то слово за бѣду стало, за великую досаду показалося, скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ: «А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи? возмите царевича за бѣды ручки, ведите царевича со царскаго стола, за тѣ за ворота москворѣцкія, за славную матушку Москву-рѣку, за тѣ живы мосты калиновы, къ тому болоту поганому, къ той ко лужѣ кровавыя, ко той ко плахѣ бѣлодубовой.» Всѣ палачи испужались, по Москвѣ разбѣжались; единъ палачъ не пужается, единъ злодѣй выступается—Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ. До стараго боярина Никиты Романовича дошла вѣсть.

нерадошна, кручинная, что-де «унала звѣздочка поднебесная, потухла во соборѣ свѣча мѣстная, не стало царевича у насъ въ Москвѣ, а меньша-го Ѳедора Ивановича.» Бояринъ скачетъ къ болоту поганному, достигъ палача на полупуту, кричитъ ему зычнымъ голосомъ: «Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ! не за свойскій кусъ ты хватаешься, а этимъ кускомъ ты подавишься; не переводи ты роды царскіе.» Малюта отвѣчаетъ, что дѣло невольное, что не самому же ему быть сказзену; чѣмъ окровенить саблю острую, руки бѣлыя, и съ чѣмъ прийти къ царю предъ очи, предъ его очи царскія? Никита Романовичъ совѣтуетъ ему сказнить его конюха любимаго и въ его крови предстать предъ очи царскія. Какъ завидѣлъ царь Малюту въ крови, «а гдѣ-ко стоялъ, онъ и тутъ упалъ, что рѣзвы ноги подломилса, царски очи помутилися, что по три дня не пьеть, не ѣсть.» А Никита Романовичъ увезъ царевича въ село Романовское. Царю докладываютъ: у тебя-те кручина великая, а у старога Никиты Романовича пиръ идетъ на веселѣ. «А грозный царь, онъ и кругъ добръ, велитъ схватить боярина нечестно; когда привели его къ нему, онъ пригвоздилъ ему къ полу ногу жезломъ своимъ, грозить его въ котлѣ сварить, либо на колъ посадить.» Когда дѣло объяснилось, царь даетъ боярину село Романовское съ такой привилегіей: «Кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ, али у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ во село боярское, ко старому Никитѣ Романовичу, и тамъ быть имъ не на выдачѣ.»

Покореніе Казанскаго царства воспѣто въ пѣльхъ двухъ пѣсняхъ, на основаніи которыхъ однако жъ нельзя сдѣлать и одной поэмы. Одна изъ этихъ пѣсень рассказываетъ, какъ Иванъ Васильевичъ подѣ Казанью съ войскомъ стоялъ, за Сулай-рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ; какъ татары по городу похаживали, и всяко грубіанство оказывали, и грозному царю насмѣхались, что не быть-де нашей Казани за бѣлымъ царемъ; какъ царь на пушкарей осерчался, приказалъ пушкарей казнить, что подрывъ такъ долго медлился; и какъ—лишь пушкари слово молвить поотважились—взрывъ воспослѣдовалъ, а «всѣ татары тутъ, братцы, устрапилися, они бѣлому царю покорилися.»

Другая пѣсня почти вся состоитъ изъ сна казанской царицы Елены, который она рассказываетъ своему мужу Симеону, что ей привидѣлось, «какъ отъ сильнаго царства Московскаго кабы сизый орлице встрепенулса, кабы грозная туча подымалса, что на наше царство наплывала; а изъ

сильнаго царства Московскаго подымалса великій князь Московскій, а Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель.» Далѣе слѣдуетъ содержаніе первой пѣсни. Когда подрывъ грянулъ, Иванъ Васильевичъ побѣжалъ въ палаты царскія; а Елена догадалася: посыпала соли на ковригу и съ радостью встрѣчала Московскаго князя, — за что онъ ее пожаловалъ: привелъ въ крещену вѣру и постригъ въ монастырь; а царю Симеону за гордость, что не встрѣтилъ онъ великаго князя, «вынялъ ясны очи косицами», взялъ съ него царскую корону, порфиру и царскіе костыль изъ рукъ принялъ. И въ то время князь воцарился и насѣлъ на Московское царство, что тогда-де Москва основалася; и съ тѣхъ поръ великая слава.

И вся-то пѣснь — сказка, поводомъ къ которой было, впрочемъ, историческое событие; но что такое конецъ ея?.. Когда царь Иванъ Васильевичъ Казань взялъ, тогда только и на Московское царство насѣлъ, а до тѣхъ поръ словно былъ безъ царства...

И вотъ какъ отразился въ народной поэзіи колоссальный образъ и отозвалса страшная память Грознаго—этого исполина тѣломъ и духомъ, который такъ ужасно рвалса изъ тѣсныхъ оковъ ограниченной народности, и, явившись не во-время, безсильный съ самого себя свергнуть и разбить ихъ, нашелъ въ себѣ силу страшно выместить на своемъ народѣ эту враждебную ему народность!..

Изъ пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ ясно видно, что этотъ даровитый и пылкій, но неблагоразумный и нерасчетливый удалецъ палъ въ глазахъ народа не за самозванство, а за то, что въ ту пору, какъ «князи и бояра попли къ заутрени, а Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой; уже князи и бояра отъ заутрени, а Гришка Разстрига изъ бани съ женой; выходитъ Разстрига на Красный Крылецъ, кричить, реветъ зычнымъ голосомъ: «Гой еси, ключники мои, приспѣшники, приспѣвайте кушанье разное, а и поспѣшное и скоромное: завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньей.» Тогда, вишь, стрѣльцы догадалися, въ Богодюбовъ монастырь бросалися, къ парицѣ Марѣ Матвѣевнѣ; а узнавъ отъ нея всю правду, къ Красному царскому крылецку металися и тутъ въ Москвѣ взбунтовалися; злая жена Разстриги, Марина безбожница, сорокой обернулась и изъ палатъ вонъ вылетѣла; а Разстрига догадается, на копыя стрѣлція съ крыльца бросается—и тутъ ему такова смерть случилася.»

Но слѣдующая пѣсня о «Борисѣ Шереметевѣ», достойномъ сподвижникѣ Петра Великаго, лиць нисколько не мнѣическомъ, вполне историческомъ и современномъ пѣснѣ,—лучше всего обнаруживаетъ историческую значительность нашихъ историческихъ пѣсней. Шереметевъ, подходя съ войсками къ сильному городу Орѣнку, послалъ въ объѣздъ донскихъ и яицкихъ казаковъ—снять шведскіе караулы. Они полонили майора и привели его къ самому государю; златѣ труба въ полѣ протрубила, прогласилъ государь, слово молвилъ, государь Московскій—первый императоръ: «А и гой еси, Борисъ, сынъ Петровичъ! изволь ты майора допросити тихонько, по-малешеньку: а сколько-де силы въ Орѣнкѣ у вашего короля шведскаго?» Майоръ наговорилъ силы немѣтное множество; тогда императоръ велѣлъ Шереметеву морить его голодомъ. А втапору Борисъ Петровичъ Шереметевъ на то-то больно догадливъ: и двое-де сутки майора не кормили, въ третій винца ему подносили: втапору майоръ правду сказалъ: «всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.» И тутъ государь взвеселился—велѣлъ ему майору голову отляпать.»

И вотъ какъ народная фантазія поняла великаго преобразователя Руси!.. Какого же историческаго содержанія, какой исторической жизни можно требовать отъ русскихъ народныхъ пѣсней, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго!.. Не такова историческая поэзія Малороссіи. Исторія Малороссіи не принадлежитъ къ исторіи всемірно-человѣческой; кругъ ея тѣснѣе, политическое и государственное значеніе ея—то же, что въ искусствѣ гротескъ; но, несмотря на все это, Малороссія была органически-политическимъ тѣломъ, гдѣ всякая отдѣльная личность сознавала себя, жила и дышала въ своей общественной стихіи, и потому знала хорошо дѣла своей родины, столь близкія къ ея сердцу и душѣ. Народная поэзія Малороссіи была вѣрнымъ зеркаломъ ея исторической жизни. И какъ много поэзіи въ этой поэзіи! Пусть читатели вспомнятъ думу «Самкѣ Мушкетъ», которую мы привели выше какъ для доказательства аналогіи, существующей между «Словомъ о Пѣлюкѣ Игоревѣ» и малороссійской поэзіей: это дирирабъ исторической поэзіи, это паеосъ патриотическаго сознанія! Что передъ однимъ этимъ отрывкомъ скудный сборникъ всѣхъ русскихъ историческихъ пѣсней!..

Донскія казачьи пѣсни можно причислить къ циклу историческихъ,—и онѣ въ самомъ дѣлѣ болѣе заслуживаютъ названіе историческихъ, чѣмъ собственно такъ-называемыя

историческія русскія народныя пѣсни. Въ нихъ весь бытъ и вся исторія этой военной общины, гдѣ русская удаля, отвага, молодечество и разгулье нашли себѣ гнѣздо широкое и привольное. Онѣ и числомъ несравненно больше историческихъ пѣсней; въ нихъ и исторической дѣйствительности больше, въ нихъ и поэзія размахистѣй и удалѣе. Взглянемъ было на тѣ только, героемъ которыхъ является Ермакъ.

На Бузанѣ островѣ сидѣли атаманы и есаулы—Ермакъ Тимофеевичъ, Самбуръ Андреевичъ, Анофрій Степановичъ; они думушку думали крѣпкую про дѣло ратное, про добычу казацкую. Есаулъ кричитъ голосомъ во всю байну голову: «А и вы, гой еси, братцы, атаманы казачіе! У насъ кто на морѣ не бывалъ, морской волны не видалъ, не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,—отъ желанья тѣ Богу не маливались; останьтесь таковы молодцы на Бузанѣ островѣ.» И сѣдился молодцы во свои струги легкіе, они грянули молодцы внизъ по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ, по протокѣ по Ахтубѣ. Молодцамъ нашимъ пострѣчались двѣнадцать турецкихъ кораблей—они взяли ихъ въ плѣнъ, а съ ними и душу красну-дѣвицу, молодую Урзамовну, дочь мурзы турецкаго. Потомъ они повстрѣчались съ посломъ царскимъ, Семеномъ Константиновичемъ, возвращавшимся изъ Персіи съ своими солдатами и матросами Казаки были пьяные, а солдаты не совсѣмъ умомъ, попушались на нихъ драгися ради корысти своея. Не разобравъ дѣла, посолъ выслалъ на казаковъ сто человѣкъ изъ своей свиты: Ермакъ велѣлъ своимъ бить ихъ и бросать въ Волгу. Казаки перебили всю посольскую свиту и самого посла, а всѣ животы пограбили; прѣѣхали въ Астрахань, назвались кушцами, заплатили пошлины и пошли торговать безъ запрещенія. Тѣмъ старина и кончилась—въ первой пѣснѣ.

Но во второй мы видимъ результаты этой старины: во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани, противъ пристани матки-Волгирѣки, наши молодцы снова сходились думать думушку крѣпкую. Ермакъ Тимофеевичъ говорилъ: «А и вы, гой еси, братцы, атаманы молодцы! не корытна у насъ штука запущена; убѣли мы посла персидскаго и всѣмъ животомъ его поворыстовались: и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать? Въ Астрахани жить нельзя; на Волгѣ жить—ворами слыть; на Яикѣ итти—переходъ великъ; въ Казань итти—грозенъ царь стоять, грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ; въ Москву итти—перехваченнымъ быть, по разнымъ городамъ разосланнымъ и по темнымъ тюрьмамъ расаженымъ; пойдемте мы въ усолья ко Строгоновымъ, ко тому

Григорью Григорьевичу, ко тѣмъ господамъ ко Вороновымъ—возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго.» Дальнѣйшее содержаніе пѣсни состоитъ въ разсказѣ, какъ молодцы пошли въ Сибирь, добрались до Тагиль-рѣки, до горы Магницкой, зимовали, построили коломенокъ, надѣлали соломенныхъ людей и, добравшись до Тобола, обманули ими татаръ и выиграло великую битву; какъ Ермакъ Тимофеевичъ взялъ въ полонъ Кучума, царя татарскаго; какъ Ермакъ, пошивши казакамъ пубы и шапки соболыныя, пріѣхалъ въ Москву съ повинной головой къ грозному царю Ивану Васильевичу; какъ государь прощалъ Ермаку всё вины его, и снова посылалъ его въ Сибирь—брать съ татаръ дани, выходы въ казну государеву; какъ татары взбунтовались противъ Ермака и напали на него на Енисей, когда у него было казаковъ только на двухъ коломенкахъ; и какъ въ битвѣ погибъ храбрый и удалый завоеватель Сибири. «Онъ хотѣлъ перескочити на другую свою коломенку—и ступилъ на переходную обманчивую, правой ногой поскользнулся онъ—и та переходная съ конца верхняго подымалася и на него опускалася, расшибла ему буйну голову и бросила его въ тое Енисей быстру рѣку: тутъ Ермаку такова смерть случилася.»

Исключая поѣздки Ермака въ Москву, на мѣсто есаула его Кольца, все остальное довольно правдоподобно для русской народной исторической пѣсни. Мы уже говорили, что историческая вѣрность—качество, почти чуждое историческимъ русскимъ пѣснямъ. Такъ какъ всё явленія исторической жизни старой Руси возникали какъ бы случайно, имѣя свой корень скорѣе въ политическомъ неустройствѣ, чѣмъ въ устройствѣ,—то и казались народу сказочными явленіями. Оттого всякое историческое лицо для народа казалось миеомъ, и онъ дѣлалъ изъ его жизни сказку. Такъ, въ одной казацкой пѣснѣ, Ермакъ сидитъ въ Азовѣ въ тюрьмѣ, мимо которой случилось пройти турецкому царю Солтану Солтановичу (Ермакъ, видите, былъ посланъ къ султану изъ Москвы съ подарками, а мурзы, улановья ограбили его, да и посадили въ темницу). Султанъ, одаривъ его златомъ, серебромъ, съ честью отпускаетъ въ Москву; но донской казакъ «загулялся по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ; не явился въ каменну Москву».

Солдатскія пѣсни образуютъ собой особый цикл народной поэзіи. По формѣ своей, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ пѣсенъ; но содержаніе ихъ оригинально по русско-простонародному разумѣнію европейскихъ вещей, и по смѣси чисто-русскихъ выраженій съ терминами и

словами изъ сферы регулярно-военнаго быта. Этотъ родъ пѣсенъ еще не довольно извѣстенъ у насъ печатно и потому о немъ трудно сказать что-нибудь дѣльное. Но для примѣра приведемъ здѣсь одну солдатскую пѣсню, которая показываетъ, что великій преобразователь Россіи прежде всёхъ другихъ своихъ подданныхъ встрѣтилъ къ себѣ сочувствіе въ храбрыхъ солдатахъ созданнаго имъ войска:

Ахъ ты, батюшка свѣтель мѣсяць!
 Что ты свѣтишь не по-старому,
 Не по старому и не по-прежнему?
 Что со вечера не до полуночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта;
 Все ты прячешься за облака,
 Укрываешься тучей темною.
 Что у насъ было, на святой Руси,
 Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра Перваго,
 Петра Перваго, Великаго,
 Молодой сержантъ Богу молится,
 Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
 По кочинѣ вскорѣ государевой,
 Государя Петра Перваго;
 Въ возрыданіи слово вымолвилъ:
 „Разступись ты, мать сыра земля,
 Что на всё ли на четыре стороны!
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернися, золота парча!
 И ты встань, пробудись, Государь,
 Пробудись, батюшка, православный царь!
 Погляди ты на свое войско милое,
 Что на милое и на храброе:
 Везъ тебя мы осиротѣли,
 Осиротѣвъ, обезсилѣли!“

Такъ-называемыя «удальцы» пѣсни должны слѣдовать непосредственно за казацкими: что такое были казаки, какъ не удалцы, промышлявшіе на Волгѣ чѣмъ Богъ пошлетъ, и что такое были удалцы, какъ не казаки, только неизмѣнныя опредѣленнаго мѣста для жительства? Существованіе «удальцовъ» не было улегитимировано правительственной властью, но было улегитимировано общественнымъ мнѣніемъ,—и потому въ одной пѣснѣ они сами про себя говорятъ:

Мы не воры,—мы разбойнички:
 Атамановы мы работнички.

Въ подобныхъ явленіяхъ нѣтъ ничего унижительнаго для національной чести, ибо въ нихъ виновато было неустройство и шаткость общественнаго зданія, а совсѣмъ не національный духъ. Италия и Испанія—классическія страны разбойниковъ: тамъ эти господа и теперь еще разгуливаютъ на улицахъ столичныхъ городовъ, среди бѣла дня, и ихъ боятся многіе, но никто не презираетъ; а съ массой народа они всегда были даже въ большихъ ладахъ. Теперь и удалцы ужъ нѣтъ на Руси: нація все та же, да порядокъ въ обществѣ другой—вотъ и все.

Теперь можно извѣдывать и исходить Россію вдоль и поперекъ съ туго-набитымъ бумажникомъ: можетъ быть, васъ обокрадутъ или засудятъ, но уже не ограбятъ и не зарѣжутъ. А прежде было не такъ, особенно до эпохи Петра Великаго. Стѣсненность и ограниченность условий общественной жизни, безусловная зависимость слабого и бѣднаго отъ произвола сильнаго и богатаго, словомъ—Копихинскій характеръ администраціи и общественной нравственности,—все это заставляло людей чаще всего съ сильными натурами искать какого бы то ни было выхода изъ тѣсноты и духоты на просторъ и приволье души. Низовыя страны, особенно степи, прилегающія къ Волгѣ и Дону, давали полную возможность для подвиговъ удалества и молодчества. И наши удалцы того времени никогда не были ни казаками, ни разбойниками, а всегда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ: они были басурмановъ, оберегали границы и иногда, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, грабили и посланниковъ царскихъ, и бояръ, и кто попадетъся. Подвиги этихъ витязей такого рода никогда не были запечатлѣны ни звѣрствомъ, ни жестокостью; они были удалцы и молодцы, а не злодѣи. Конечно, они не отличались и идеальнымъ рыцарствомъ; но можно ли было требовать рыцарства въ тѣ варварскія времена, когда и войны походили на разбой, когда само правосудіе было свирѣпо и кровавадно? Повторимъ: наши удалцы не были по крайней мѣрѣ хуже всѣхъ другихъ этого рода людей, если не были лучше ихъ. При дурной общественности падшія души часто бываютъ самыя благороднѣйшія по своей натурѣ,—и ужъ, конечно, скорѣе можно предполагать челоѣчность, благородство и возвышенность въ покорителѣ Сибири, чѣмъ во многихъ изъ знатныхъ туземцевъ, богатыхъ только спѣсью, нежестокостью и низостью. Въ пѣсняхъ о Ермакѣ лучшее доказательство справедливости всего сказаннаго нами объ удалыхъ казакахъ. Теперь взглянемъ на удалцовъ собственно, въ глазахъ которыхъ удалъ и успѣхъ извѣняли всякое дѣло. Въ ихъ пѣсняхъ, кромѣ удалества и молодчества, господствуетъ еще ироническая веселость, какъ одна изъ характеристическихъ чертъ народа русскаго. Слѣдующій отрывокъ изъ большой пѣсни можетъ служить лучшимъ примѣромъ такого рода сочиненій:

„Ахъ, доселева Усовъ и слыхомъ не слышать, а слыхомъ ихъ не слышать, видомъ не видать, а нонѣче Усы проявились на Руси. Собиралися Усы на царевъ на кабакъ, а сядилися молодцы по единый кругъ. Большой Усище и всѣмъ атаманъ, а Гришка Мурышка, дворянскій сынъ, самъ говорить, самъ усомъ шевелитъ: „А братцы Усы, удалы молодцы! А и

лѣто проходить, зима настаетъ, а и надо чѣмъ Усамъ головы кормитъ, на палатяхъ спать и намъ сытымъ быть. Ахъ, вутеть-ко, Усы, за свои промыслы! А мечитесь по кузницамъ, накуйте топоры со подбородышами, а накуйте ножей по три четверти, а и сдѣлайте бердыши и рогатины и готовьтесь все; ахъ, знаюя крестьянина—богатъ добръ, живетъ на высокой на горѣ, далеко въ сторонѣ, хлѣба онъ не пашетъ, да розъ продаетъ, онъ деньги беретъ, да въ тубылку кладетъ, онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ, а прохожихъ-то людей не сказываетъ. Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи итти: а и по полю итти—не посвистывати, а и по бору итти—не покашливати, ко двору его итти—не пошаркивати. Ахъ, у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели, и ограда крѣпка, избушка заперта, у крестьянина ворота крѣпко заперты.“

Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ собственно-лирической поэзіи; но это потребовало бы особой статьи, и мы ограничимся только тѣми пѣснями, которыя особенно характеризуютъ духъ народный; а для этого мы должны говорить и о пѣсняхъ эпическаго содержанія, но которыхъ преобладающій элементъ—лирической, и которыя могутъ служить зеркаломъ семейнаго быта древней Руси. Какъ отличительный характеръ эпической поэзіи—духъ удалества, отваги, молодчества, такъ отличительный характеръ лирической поэзіи—заунывность, тоска и грусть души сильной и мощной. Климатъ и географическое положеніе страны имѣютъ сильное вліяніе на образованіе характера націи. Ровное, степное положеніе Россіи, этотъ климатъ срединный: ни южный, ни сѣверный, ни жаркій, ни холодный; этотъ годъ, состоящій изъ краткаго лѣта, длинной осени и длинной зимы,—все это не могло не способствовать развитію въ русскомъ народѣ чувства безконечной и глубокой грусти, какъ основного мотива его поэзіи и музыки. Не забудьте, что колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Москва и Тверь, гдѣ небо такъ часто бываетъ свинцово и мелкій дождь однообразно падаетъ на скользкую траву и удичную слякоть... А продолжительная русская зима, съ ея трескучими морозами и усѣяннымъ звѣздами небомъ, съ пушистыми метелями, залѣпляющими очи путника, и ея заунывнымъ вѣтромъ, свободно гуляющими по необозримой снѣжной равнинѣ, которой унылое однообразіе изрѣдка нарушается то нечально зеленѣющей елкой, то нашимъ лѣсомъ съ бѣловатыми отъ инея сучьями!.. Вонъ скачетъ удалая тройка; борода лихого возничаго покрыта пушистымъ инеемъ; путникъ глубоко забился въ кибитку въ своей тяжелой шубѣ; колокольчикъ надрываетъ ему сердце своимъ утомительнымъ звономъ; ямщикъ даетъ вздохнуть родимымъ—медленно идутъ онѣ; онѣ затяги-

васть заунывную пѣсню; впереди ничего— только безконечная снѣжная скатерть сливается вдаль съ свинцовымъ небомъ... Да, тутъ необходима заунывная, протяжная пѣсня ямщика—душа упивается полнотою собственной грусти, ей такъ привольно въ однообразной мелодіи этихъ задушевныхъ звуковъ:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Присовокупите ко всему этому медленное, тяжелое, испытательное историческое развитіе Руси: междоусобія и темное владычество татаръ, которыя приучили русскаго крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь, и все свое скудное достояніе— чужой собственностью, ежеминутно готовой отойти во владѣніе перваго, кто, съ желѣзомъ въ рукѣ, вздумаетъ объявить на нее свое право... Далѣе, кровавое самовластительство Грознаго, смуты междоусобія— все это такъ гармонировало и съ суровой зимой, и съ свинцовымъ небомъ холодной весны и печальной осени, и съ безконечностью ровныхъ и однообразныхъ степей... Вспомните бытъ русскаго крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, похожую на хлѣвъ, его поле, то орошаемое кровавымъ его потомъ, то пустое, незасяпанное или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовой охотой боярина... Вспомните привычку русскаго человѣка, запибывъ деньги, зарывать ее въ землю—и ходить въ лохмотьяхъ, ѣсть черствый хлѣбъ пополамъ съ мякиной, стоная и жалуясь на нищету,—и поймите причину этой привычки... Если и этого мало, прочтите Кошкина,—и вамъ все будетъ ясно безъ комментаріевъ...

Но географія (положеніе и климатъ) и исторія страны еще ничто въ сравненіи съ семейнымъ бытомъ древней Руси, о которомъ мы теперь, сравнивая его съ нашимъ, современнымъ, поневолю говоримъ какъ о чемъ-то такомъ, что трудно понять, чему трудно повѣрить. Семейный бытъ первый и непосредственный источникъ народной поэзіи. Русская народная эпическая поэзія какъ будто совсѣмъ не приняла въ себя элемента сердечной тоски и душевной грусти, составляющей основной элементъ лирической поэзіи. И это понятно: русская эпическая поэзія какъ будто совсѣмъ обошла и миновала семейный бытъ, посвятивъ себя преимущественно идеѣ своей народности въ общественномъ значеніи. И потому въ эпической поэзіи чувство отваги, удалства и молодечества составляетъ главный преобладающій мотивъ. Лирическая поэзія, напро-

тивъ, вся посвящена семейному быту, вся выходитъ изъ него;—и потому она такъ грустна, такъ заунывна, нерѣдко дышетъ такимъ сокрущительнымъ чувствомъ отчаянія и ожесточенія... Здѣсь кстати мы должны замѣтить, что грусть русской души имѣетъ особенный характеръ: русскій человѣкъ не расплывается въ грусти, не падаетъ подъ ея томительнымъ бременемъ, но упивается ея муками съ полнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ своихъ. Грусть у него не мѣшаетъ ни ироніи, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крѣпкой, мощной, несокрушимой. Все, что могло бы обезсилить и уничтожить всякій другой народъ, все это только закалило русскій народъ,—и то, что сказалъ Пушкинъ о Россіи въ отношеніи къ ея борьбѣ съ Карломъ XII, можно примѣнить къ Руси въ отношеніи ко всей ея исторіи:

Но въ испушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Значительную часть семейныхъ пѣсней составляютъ такъ-называемыя «свадебныя» пѣсни. Ихъ можно раздѣлить на два рода—на веселыя и печальныя. Въ первыхъ воспѣвается счастье обрученныхъ и особенно обрученной. Слѣдующая пѣсня можетъ служить образцомъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней:

Съ ранней, утренней зари
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька свѣтъ Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахаръ вмѣсто овса,
Лила сыту вмѣсто воды,
Отошедши, конямъ вляялась:
„Ужъ вы кушайте, пейте, кони мои!
Завтра поутру свезите меня
Далѣ, подаль отъ батюшки,
Влиже, поближе къ свекру въ домъ:
Далѣ, подаль отъ матушки,
Влиже, поближе къ свекрови въ домъ.“

Но въ пѣсняхъ такого рода личное чувство невѣсты не принимало никакого участія: онѣ слагались явно безъ ихъ согласія, да и число ихъ слишкомъ невелико. Свадебныя печальныя пѣсни гораздо многочисленнѣе и болѣе исполнены поэзіи. Всѣ онѣ выражаютъ одно чувство—страхъ невѣсты къ будущему безусловному властелю ея участи, ужасъ при мысли о свекрѣ и свекрови, горестъ отъ разлуки съ домомъ отца и матери:

Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу;
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,

Не пробивайте вы меня, бѣдную,
 Не давайте вы меня, горькую,
 На чужу дальнюю сторонушку,
 Ко чужому отцу, ко чужой матери.
 Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
 Безжалостливы уродились:
 Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
 Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается,
 Насиджусь-то я у нихъ, бѣдная,
 На концѣ стола дубоваго,
 Наглажусь-то я, наплачуся.

И воѣ пѣсни, въ которыхъ, изображается
 картина замужества, суть оправданіе этихъ
 вдовѣншихъ предчувствій... И ни единой, ни
 единой, гдѣ бы жена не была жертвой на-
 сильственнаго брака, жестокости мужа и
 родни его...

Смѣшно было бы доказывать, что и въ
 старину у русскихъ людей любовь составля-
 ла одинъ изъ элементовъ жизни: любовь—
 достояніе общечеловѣческое, и сердце ди-
 каря сибирскаго также бьется отъ нея, какъ
 и сердце образованнаго европейца. Разница
 въ проявленіи и развитіи чувства, а не въ
 въ самомъ чувствѣ. Въ отношеніи же къ
 обществамъ важно то, какъ смотритъ на
 чувство общество. Съ этой стороны древняя
 Русь представляетъ зрѣлище не совсѣмъ от-
 радное: чѣмъ богаче народъ чувствомъ, тѣмъ
 ужаснѣ видѣть это чувство сдвоеннымъ
 неправильно развившейся общественностью.
 А что любовь на Руси могла быть не толь-
 ко поэтической, но и даже граціозно-поэти-
 ческой, тому доказательствомъ можетъ слу-
 жить слѣдующая прелестная пѣсня:

На горѣ стоитъ ёлочка,
 Подъ горою свѣтелочка,
 Во свѣтелочкѣ Машенька,
 Приходить къ ней батюшка,
 Будиль ея, побуживаль:
 „Ты, Машенька, пойдемъ домой!
 Ты, Ефимовна, пойдемъ домой!“

„Я неиду и не слушаю:
 Ночь темна и немѣсячна,
 Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
 Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.“

На горѣ стоитъ ёлочка,
 Подъ горою свѣтелочка,
 Во свѣтелочкѣ Машенька,
 Приходила къ ней матушка,
 Будила, побуживала:

„Машенька, пойдемъ домой!
 Ефимовна, пойдемъ домой!“

„Я неиду и не слушаю:
 Ночь темна и немѣсячна,
 Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
 Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.“

На горѣ стоитъ ёлочка,
 Подъ горою свѣтелочка,
 Во свѣтелочкѣ Машенька,
 Приходить къ ней Петръ,
 Петръ, сударь Петровичъ,
 Будиль ея, побуживаль:

„Машенька, пойдемъ домой!
 Душа Ефимовна, пойдемъ домой!“

„Я иду, сударь, и слушаю:
 Ночь свѣтла и мѣсячна,
 Рѣки тихи, перевозы есть,
 Лѣса темны, караулы есть.“

Но это, къ сожалѣнію, чуть ли не един-
 ственная пѣсня во всемъ сборникѣ Саха-
 рова. Если и еще найдутся подобныя, то
 число ихъ слишкомъ незначительно въ срав-
 неніи съ числомъ пѣсенъ, подобныхъ слѣ-
 дующимъ: Молодецъ—

. . . держаль красну дѣвицу за бѣлы ручки
 И за хороши перстни алаченые,
 Цѣловаль, миловаль, ко сердцу прижималь,
 Называль красну дѣвицу животомъ своимъ.
 И проговоритъ дѣвица душа красная:
 „Ты надежда мой, надежда сердечный другъ!
 А не честь твоя хвала молодецкая,
 Безъ числа больно, надежда, упиваешься.
 А и ты мной, красной дѣвицей, похваляешься,
 А и ты будто надо мной насмѣхаешься.“
 Ему тутъ молодцу за бѣду стало,
 Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣлу ея лицу.
 Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое,
 Проливалъ у дѣвицы кровь горячую,
 Замараль на дѣвицѣ платьѣ цвѣтное.

Противорѣчіе общественности съ разум-
 ными потребностями и стремленіями чело-
 вѣческой природы становится обществомъ въ
 трагическое положеніе. Въ нашей народной
 поэзіи бездна трагическихъ элементовъ, сви-
 дѣтельствующихъ о глубинѣ и страшной си-
 ль русскаго духа, который, попавшись въ
 противорѣчіе, метилъ и себѣ самому, и все-
 му окружающему. Вотъ нѣсколько примѣ-
 ровъ для подтвержденія это мысли:

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
 У кого нѣтъ стыда въ глазахъ.
 Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
 Нѣтъ у молодца заботушки,
 Въ ретивомъ сердцѣ азанбушки!
 Зазнобилъ меня любезный другъ,
 Зазнобилъ, сердце повесушилъ;
 Безъ краснова солнца высушилъ,
 Безъ морозу вызнобилъ.
 Я сама дружка повесушу,
 Не зельями, не кореньями,
 Безъ мороза сердце вызноблю,
 Безъ краснова солнца высушу!
 Схороню тебя, мой миленькій,
 Въ зеленомъ саду подъ грушею,
 Я сама сяду, послушаю:
 Не стонетъ ли мать сыра земля,
 Не вскрывается ли гробова доска,
 Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
 Зарости, моя могилушка,
 Ты травушкой, муралушкой!
 Не достанься, мой любезный другъ,
 Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
 Ни своей змѣѣ-полюбовницѣ!
 Ты достанься, мой любезный другъ,
 Сырой землѣ, гробовой доскѣ.

Во сыромъ-то бору брала Маша ягодки;
 Она, бравши ягодки, заблудилася.
 Заблудившись, приаукнулася:
 „Ты, ахъ, ахъ! милъ сердечный другъ!“
 — Не аукайся, моя Машенька:
 За мной ходятъ здѣсь три сторожа—
 Первый сторожъ, тестъ мой батюшка;
 Другой сторожъ—теща-матушка;
 Третій сторожъ—молода жена.

Ты вайди-ка, вайди, туча грозная,
 Ты убей-ка громомъ тещу-батюшку;
 Молоной ты сожги тещу-матушку;
 Лишь не бей ты, не жги молодой жены:
 Съ молодой женой самъ я справлюся;
 Я слезьми ее, слезьми вымочу,
 Я кручинушкой жену высушу,
 Во сыру землю положу ее;
 А тебя, Машенька, за себя возьму.

Много бы можно было сказать о лирической поэзии, много бы можно было привести примѣровъ; но для основательнаго и сосредоточеннаго обсуживанія такого обширнаго предмета нужна не журнальная статья, а отдѣльный трактатъ — плодъ изученія и

обдуманнаго труда. Мы и такъ уже вышли изъ предѣловъ журнальной статьи, увлекшись занимательностью, важностью и обширностью предмета, доселѣ нетронутаго критикой и неизвѣстнаго публикѣ, и принуждены были обо многомъ сказать наскоро и слегка, а многое и совсѣмъ пропустить: пѣни хороходныя, святочныя, шуточные или юмористическія, разгульныя, требовали бы особой статьи. По крайней мѣрѣ мы утѣшаемъ себя мыслью, что первые заговорили о предметѣ, о которомъ другіе только восклицали.

Идея искусства.*)

Искусство есть непосредственное созерцаніе истины или мышленіе въ образахъ.

Въ развитіи этого опредѣленія искусства заключается вся теорія искусства: его сущность, его раздѣленіе на роды, равно какъ условія и сущность каждаго рода.

Примѣч. Это опредѣленіе еще въ первый разъ произносится на русскомъ языкѣ, и его нельзя найти ни въ одной русской эстетикѣ или такъ-называемой теоріи словесности. — и поэтому, чтобы оно не показалось страннымъ, дикимъ и ложнымъ для тѣхъ, которые слышатъ его въ первый разъ, мы должны войти въ самыя подробныя объясненія всѣхъ представленій, заключающихся въ этомъ совершенно новомъ у насъ опредѣленіи искусства, — хотя бы многое тутъ и не относилось собственно къ искусству, и могло бы для людей, знакомыхъ съ наукой въ ея современномъ состояніи, показаться неважнымъ, лишнимъ, мелочно-подробнымъ.

Первое, что особенно должно, въ нашемъ опредѣленіи искусства, поразить собою, какъ странностью, многихъ изъ читателей, — есть безъ сомнѣнія то, что мы искусство называемъ мышленіемъ, и тѣмъ самымъ соединяемъ между собой два самыя противоположныя, самыя несоединимыя представленія.

Въ самомъ дѣлѣ, философія всегда враждовала съ поэзіей, — и въ самой Греціи, вс-

тинномъ отечествѣ и поэзіи, и философіи, философъ осудилъ поэтовъ на изгнаніе изъ своей идеальной республики, хотя и увѣнчалъ ихъ предварительно лаврами. Общее мнѣніе приписываетъ поэтамъ живую, страстную натуру, которая заставляетъ ихъ увлекаться настоящимъ мгновеніемъ, забывая о прошедшемъ и будущемъ, пріятному жертвовать полезнымъ, ненасытиму ю ничѣмъ и никогда не удовлетворяемую жажду наслажденія, всегда предпочитаемаго нравственности, легкости, измѣнчивости и непостоянство во вкусахъ и стремленіяхъ, наконецъ — безпокойную фантазію, которая всегда увлекаетъ ихъ отъ дѣйствительнаго къ идеальному и отнимаетъ въ ихъ глазахъ цѣну вѣрному счастью дня для прекрасной и избыточной мечты. Напротивъ, философамъ общее мнѣніе приписываетъ стремленіе къ мудрости, какъ высшему благу жизни, непоятному для толпы и недостижимому для людей обыкновенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно почитаетъ ихъ неотъемлемыми качествами — несокрушиму ю силу воли, постоянства въ стремленіи къ единой и неизмѣнной цѣли, благоразуміе въ поступкахъ, умѣренность въ желаніяхъ, предпочтеніе полезнаго и истиннаго пріятному и обольщающему, умѣніе достигать въ жизни благъ прочныхъ, дѣйствительныхъ и наслаждаться, находя ихъ источникъ въ самихъ себѣ, въ таинственной сокровищницѣ своего безсмертнаго духа, а не въ призрачной внѣшности и калейдоскопической пестротѣ обманчивыхъ обольщеній земной жизни. И потому общее мнѣніе видитъ въ поэтѣ любимое дитя, счастливаго баловня пристрастной матери-природы, дитя испорченное, шаловливое, капризное, часто злое даже, но тѣмъ больше очаровательное

*) Это другой отрывокъ изъ отдѣла Эстетики, найденный въ бумагахъ покойнаго, большая часть которыхъ, къ несчастью, была уничтожена имъ самимъ въ 1848 году. Весь написанный карандашемъ и оставленный неконченнымъ, онъ принадлежитъ, судя по всему, къ одному времени съ первымъ.

и милое; въ философѣ видитъ оно строгаго служителя вѣчной истины и мудрости, одицетворенную правду въ словахъ, добродѣтель въ поступкахъ. И потому перваго встрѣчаетъ оно съ любовью, и если, оскорбляемое его легкостью, изъявляетъ ему иногда свое негодованіе, то не иначе, какъ съ улыбкой на устахъ; втораго встрѣчаетъ оно съ уваженіемъ, сквозь котораго просвѣчиваютъ робость и холодность. Однимъ словомъ, простое, непосредственное, эмпирическое сознание видитъ между поэзіей и философіей ту же разницу, какъ и между живой, пламенной, радужной, легкокрылой фантазіей и сухимъ, холоднымъ, кропотливымъ и суровымъ брызгой-разсудкомъ. Но то же самое общее мнѣніе, которое положило между поэзіей и философіей такую же разницу, какъ бы между огнемъ и водой, жаромъ и холодомъ,—то же самое общее мнѣніе или непосредственное сознание указало имъ и одинаковое стремленіе къ единой цѣли—къ небу. Поэзіи приписываетъ оно божественную силу восторгать къ небу духъ человѣческой высокими ощущеніями, возбуждая ихъ въ немъ прекрасными нерукотворенными образами общей жизни; дѣломъ философіи поставляетъ оно роднить духъ человѣческой съ тѣмъ же небомъ и тѣми же высокими ощущеніями, но возбуждая ихъ живымъ сознаниемъ въ мысли законовъ общей жизни.

Мы нарочно привели здѣсь простое, естественное-сознание толпы: оно всѣмъ доступно и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ глубокую истину, такъ что наука вполне подтверждаетъ и оправдываетъ его. Дѣйствительно, въ самой сущности искусства и мышленія заключается и ихъ враждебная противоположность, и ихъ тѣсное, единокровное родство другъ съ другомъ, какъ мы увидимъ ниже.

Все сущее, все, что есть, все, что называемъ мы матеріей и духомъ, природой, жизнью, человечествомъ, исторіей, міромъ, вселенной,—все это есть мышленіе, которое само себя мыслить. Все существующее, все это безконечное разнообразіе явлений мировой жизни есть не что иное, какъ формы и факты мышленія; слѣдовательно, существуетъ одно мышленіе, и кромѣ мышленія ничто не существуетъ.

Мышленіе есть дѣйствіе, а всякое дѣйствіе необходимо предполагаетъ при себѣ движеніе. Мышленіе состоитъ въ диалектическомъ движеніи или развитіи мысли изъ самой себя. Движеніе или развитіе есть жизнь и сущность мышленія: безъ нихъ не было бы движенія, а была бы какая-то мертвая, неподвижно-стоячая пребываемость первосущныхъ силъ только что наклонувшейся жизни, безъ всякаго опредѣленія,

осуществившаяся въявь картина хаотическаго состоянія души, съ такой ужасающей вѣрностью изображенная поэтомъ:

То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженія и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, мрачный и нѣмой.

Точка отправленія, исходный пунктъ мышленія есть божественная абсолютная идея; движеніе мышленія состоитъ въ развитіи этой идеи изъ самой себя, по законамъ высшей (трансцендентальной) логики или метафизики; развитіе идеи изъ самой себя есть ея прохожденіе черезъ собственные моменты,—какъ мы покажемъ это ниже самимъ примѣромъ.

Развитіе идеи изъ самой себя или внутри самой себя называется на философскомъ языкѣ имманентнымъ. Отсутствие всякихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ способствъ и толчковъ, которые могъ бы представить опытъ, есть условіе имманентнаго развитія; въ жизненномъ содержаніи самой идеи заключается органическая сила имманентнаго развитія,—такъ живое зерно заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ силу своего развитія въ растеніе,—и чѣмъ богаче жизненное содержаніе, въ нѣдрахъ зерна заключенное, тѣмъ могущественнѣйшее растеніе развивается изъ него, и наоборотъ, изъ жолудя и изъ маленькаго орѣшка развиваются величественный дубъ и огромный кедръ, въ облака упирающіея своими вершинами, и изъ картофелины, которая, можетъ быть, въ пятьдесятъ разъ больше жолудя и въ тысячу разъ больше кедроваго орѣшка,—огородная былинка, едва ли на нѣсколько вершковъ возвышающаяся надъ землей.

Мышленіе необходимо условливаетъ собой существованіе двухъ противоположныхъ, какъ явленія, сторонъ духа, которыя себѣ находятъ въ немъ свое примиреніе, единство и тожество: это—духъ субъективный (внутренній, мыслящій) и духъ объективный (внѣшній первому, мыслимый, предметъ мышленія). Изъ этого ясно видно, что мышленіе, какъ дѣйствіе, необходимо предполагаетъ два противоположные другъ другу предмета—мыслящій (субъектъ) и мыслимый (объектъ), и что оно невозможно безъ разумнаго существа—человѣка. Постъ этого насъ въ правѣ спросить: какимъ же образомъ

весь міръ и сама природа есть не что иное, какъ мышленіе?

Мыслимое съ мыслящимъ однородно, единушно и тождественно, такъ что первое движеніе первобытной матеріи, стремившейся стать (werden) нашей планетой, и послѣднее разумное слово сознающаго человѣка есть не что иное, какъ одна и та же сущность, только въ различныхъ моментахъ своего развитія. Сфера познаваемаго есть почва, изъ которой возникаетъ и образуется сознание.

Ничто, повидимому, такъ ни противоположно и ни враждебно одно другому, какъ природа и духъ, и въ то же время ничто такъ и ни родственно и ни единушно одно съ другимъ, какъ природа и духъ. Духъ есть причина и жизнь всего сущаго; но самъ по себѣ онъ есть только возможность бытія, но не его дѣйствительность; чтобы стать (werden) бытіемъ, дѣйствительнымъ, онъ долженъ былъ явиться тѣмъ, что мы называемъ міромъ, и прежде всего стать природой.

Итакъ, природа есть первый моментъ духа, изъ возможности стремящагося стать дѣйствительностью. Но и этотъ первый шагъ его къ бытію дѣйствительному не былъ имъ сдѣланъ вдругъ, но совершался въ послѣдовательномъ рядѣ множества моментовъ, изъ которыхъ каждый ознаменовался особенной ступенью творенія. Прежде нежели явились творенія, населяющія землю, образовалась сама земля, и образовалась не вдругъ, а постепенно, перейдя черезъ множество превращеній, перетерпѣвъ множество переворотовъ, но такъ, что всякій послѣдующій переворотъ былъ ступенью къ ея совершенству. *) Законъ всякаго развитія есть то, что каждый послѣдующій моментъ выше предшествовавшаго. Но вотъ планета наша готова, — и изъ нѣдръ ея возникаютъ миллионы созданій, образующія собой три царства природы. Мы видимъ ихъ въ безпорядкѣ, въ хаотическомъ смѣшеніи: на вершинѣ дерева сидитъ птица, у корня змѣя сторожитъ свою добычу, волкъ пасется воле и т. д. Воля человѣка на одномъ небольшомъ пространствѣ соединяетъ самыя разнородныя явленія природы: бѣлаго медвѣдя, жителя полярныхъ льдовъ, со львомъ и тигромъ, жителями знойныхъ странъ тропическихъ; разводитъ въ Европѣ американскія растенія — табакъ и картофель, и въ сѣверныхъ странахъ, съ помощью теплицъ, возвращаетъ роскошные плоды вѣчно-весенняго юга. Но въ этомъ хаотическомъ безпорядкѣ, въ этой пестрой смѣси, въ этомъ

безконечномъ разнообразіи теряется и исчезаетъ только утомленный взоръ человѣка: разумъ же его видитъ въ этихъ явленіяхъ строгую послѣдовательность, непреложное единство. Отвлекая отъ этихъ безконечно-разнообразныхъ и безконечно-безчисленныхъ явленій природы ихъ общія свойства, онъ доходитъ до сознанія родовъ и видовъ, — и нестройный хаосъ исчезаетъ передъ нимъ, уступая мѣсто совершенному порядку; миллионы случайныхъ явленій превращаются въ единицы необходимыхъ явленій, изъ которыхъ каждое есть навсегда остановившійся въ своемъ полетѣ моментъ воплощенія развивающейся божественной идеи! Какая строгая послѣдовательность! Нигдѣ нѣтъ скачковъ — звенья цѣпляются за звенья и образуютъ единую безконечную цѣпь, въ которой каждое послѣдующее звено лучше предшествовавшаго! Коралловыя деревья соединяютъ минеральное царство съ растительнымъ; полипы — животнорастенія соединяютъ живымъ звеномъ растительное царство съ животнымъ, которое открывается мириадами насѣкомыхъ, этихъ какъ бы сорвавшихся съ своихъ стеблей и летающихъ цвѣтовъ, и постепенно переходя до высшихъ организацій, оканчивается оранг-утангомъ, этимъ неудавшимся человѣкомъ! Всему свое мѣсто и время, и каждое послѣдующее явленіе есть какъ бы необходимый результатъ предшествовавшаго: какая строгая логическая послѣдовательность, какое непреложно-правильное мышленіе! Но вотъ является человѣкъ — и царство природы оканчивается, начинается царство духа, но духа, еще поработеннаго природѣ, хотя уже и порывающагося къ свободѣ чрезъ побѣду надъ нею. Полу-звѣрь и полу-человѣкъ, онъ весь покрытъ волосами, огромный станъ его наклоненъ впередъ, нижняя челюсть высунулась впередъ, голени почти безъ икръ, большой палецъ на ногахъ отстоящій; но его надежда уже не на одну силу, но и на ловкость и соображеніе; руки его вооружены, но не простой палкой, не дубиной, но чѣмъ-то въ родѣ каменнаго топора, прикрѣпленнаго къ длинной палкѣ... Въ Австраліи мы видимъ дикарей, раздѣленныхъ на племена: они пожираютъ подобныхъ себѣ, — и физиологи говорятъ, что причина этого страшнаго заблужденія — ихъ организація, требующая пища изъ человѣческаго мяса, какъ наилучше претворяющагося въ кровь и въ плоть питающихся имъ. Туземецъ Африки — лѣнливое, звѣрообразное, тупоумное существо, осужденное на вѣчное рабство и работающее изъ-подъ палки и смертельныхъ истязаній. Въ Америкѣ только мелкія племена на окружающихъ ее островахъ были подвержены человѣкоубіянью; на материкѣ

*) Новая Голландія и теперь еще представляетъ собой зрѣлище не достигшаго своего развитія материка.

же ея были двѣ огромныя монархіи, Перу и Мехика, представительницы высшаго образованія, до какого только могли достигнуть дикари высшей противъ другихъ организаціи. Какая правильная постепенность; какая строго-непреложная послѣдовательность въ этихъ переходахъ изъ низшаго рода въ высшій, изъ низшей организаціи въ высшую, въ этомъ безконечномъ стремленіи духа найти самого себя, какъ самосознающую личность. Принимая новую форму и какъ бы не удовлетворяясь ею, онъ не разрушаетъ ея, но оставляетъ какъ воплощенный и навсегда прикованный къ пространству моментъ своего развитія, — и принимаетъ новую форму, какъ выраженіе новаго момента своего развитія. Бѣдные сыны Америки и теперь остались тѣми же, какими застали ихъ европейцы. Переставши бояться огнестрѣльнаго оружія, какъ гласа боговъ, раздраженныхъ, даже научившись употреблять его сами, — они все-таки насколько не очеловѣчились съ тѣхъ поръ, и дальнѣйшаго развитія человѣческаго существа мы должны искать въ Азіи. Только тутъ кончилось твореніе, природа совершила свой полный кругъ и уступила свое мѣсто новому, чисто духовному развитію — исторіи. Тутъ опять раздѣленіе человѣческаго рода на расы — и племя кавказское является цвѣтомъ человѣчества. Изъ колѣнъ и племенъ образуются народы, изъ семействъ — государства, и каждое государство есть не что иное, какъ моментъ духа, развивающагося въ челоѣчествѣ, и даже время явленія cadaго соотвѣтствуетъ моменту развивающейся изъ себя абстрактной мысли или философскому мышленію. И для челоѣчества тѣ же законы, что и для челоѣческой личности: и для него есть эпохи младенчества, юности и возмужалости. Въ своей священной колѣбелѣ, въ Азіи, оно — дитя природы, спеленатое ею по рукамъ и по ногамъ, исповѣдуетъ непосредственную вѣру преданія, живетъ религіозными мѣами до тѣхъ поръ, пока въ Греціи не вышло изъ-подъ опеки природы, а темныя религіозныя вѣрованія изъ символовъ не возвысило до поэтическихъ образовъ и не просвѣтило свѣтомъ разумной мысли. Жизнь греческаго народа была цвѣтомъ древней жизни, конкреціей ея элементовъ, богатымъ пиромъ, за которымъ послѣдовалъ упадокъ древняго міра. Младенчество кончилось — наступилъ періодъ религіозный, но преимуществу рыцарскій, поэтическій, полный жизни, движенія, романическихъ подвиговъ, несбыточныхъ предприятий. Открытіе Америки, изобрѣтеніе пороку и книгопечатанія были вѣшними толчками для перехода челоѣчества изъ юно-

шескаго возраста въ эпоху возмужалости продолжающейся и теперь. Каждый вѣкъ вытекалъ изъ другого и одинъ былъ необходимымъ результатомъ другого.

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣка за вѣками;
И cadaго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ,
Чѣмъ кончилось дѣло?
Вопроси другого!
Каждый отвѣчаетъ.

Каждое важное событіе въ челоѣчествѣ совершается въ свое время, а не прежде и не послѣ. Каждый великій челоѣкъ совершаетъ дѣло своего времени, рѣшаетъ современные ему вопросы, выражаетъ своей дѣятельностью духъ того времени, въ которое онъ родился и развился. Въ наше время невозможны ни крестовые походы, ни инквизиція, ни всемірное владычество державнаго священника; въ средніе вѣка невозможны были ни эта личная безопасность, которой пользуется каждый изъ членовъ новѣйшаго гражданскаго общества, ни это свободное развитіе, возможность котораго предоставляетъ новѣйшее гражданское общество даже послѣднѣйшему изъ своихъ членовъ, ни эти великія побѣды духа надъ природой, или, лучше сказать, это полное покореніе природы духу, которое выразилось въ паровыхъ машинахъ, почти уничтожившихъ время и пространство. Организаціи, подобныя организаціямъ Колумба, Карла V, Франциска I, герцога Альбы, Лютера и проч., возможны и въ наше время, какъ онѣ и всегда были возможны; да только, явившись въ наше время, онѣ совсѣмъ не такъ бы дѣйствовали и не то бы совсѣмъ слѣдали.

Итакъ, отъ перваго пробужденія довременныхъ силъ и элементовъ жизни, отъ перваго движенія ихъ въ матеріи чрезъ всю лѣстницу развивавшейся въ твореніи природы до вѣнца творенія — челоѣка; отъ перваго соединенія людей въ общества до послѣднего историческаго факта нашего времени — одна цѣль развитія, нигдѣ не прерывающаяся, единая лѣстница съ земли на небо, на которой нельзя подняться на высшую ступень, не опершись на ту, которая подъ ней! И въ природѣ, и въ исторіи владычествуетъ не слѣпой случай, а строгая, непреложная внутренняя необходимость, по причинѣ которой всѣ явленія связаны другъ съ другомъ родственными узами, въ безпорядкѣ является стройный порядокъ, въ разнообразіи единство, и по причинѣ которой возможна наука. Что же такое эта внутренняя необходимость, дающая смыслъ и значеніе всѣмъ явленіямъ бытія, и эта строгая

последовательность и постепенность, въ которой явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы выходя другъ изъ друга?—Это мышленіе, само себя мыслящее.

Природа есть какъ бы средство для духа стать дѣйствительною и увидѣть, и сознать самого себя. Поэтому ея вѣнецъ—человѣкъ, съ которымъ окончилась и на которомъ остановилась ея творческая дѣятельность. Гражданское общество есть средство для развитія человѣческихъ личностей, которыя суть все, и въ которыхъ живеть и природа, и общество, и исторія, въ которыхъ снова повторяются всѣ процессы мировой жизни, то есть природы и исторіи. Какимъ же образомъ это происходитъ? Черезъ мышленіе, посредствомъ котораго человѣкъ проводить черезъ себя все внѣ его существующее—и природу, и исторію, и, наконецъ, собственную свою личность, какъ будто бы и она была чуждый и внѣ его находящійся предметъ.

Въ человѣкѣ духъ обрѣлъ самого себя, нашелъ свое полное и непосредственное выраженіе, созналъ въ немъ себя, какъ субъектъ или личность. Человѣкъ есть воплощенный разумъ, существо мыслящее—титулъ, которымъ онъ и отличается отъ всѣхъ другихъ существъ и возвышается какъ царь надъ всѣмъ твореніемъ. Подобно всему въ природѣ существующему, онъ есть мышленіе уже по одному непосредственному существованію, какъ факту; но еще болѣе есть онъ мышленіе по дѣйствию своего разума, въ которомъ повторяется, какъ въ зеркалѣ, все бытіе, весь міръ, со всѣми его явленіями, физическими и умственными. Средоточіе и фокусъ этого мышленія есть его я, которое или которому онъ противопоставляетъ и на которое онъ рефлектируетъ (отражаетъ) всякій мыслимый имъ предметъ, не исключая и самого себя. Еще не приобрѣвши никакихъ идей, онъ уже родится мыслящимъ, ибо самая природа его непосредственно открываетъ ему тайны бытія,—и всѣ первоначальные мненія младенцествующихъ народовъ суть не выдумки, не изобрѣтенія, не вымыслы, а непосредственное откровеніе истины о Богѣ и мірѣ и ихъ отношеніяхъ,—откровенія, которыя своей образностью дѣйствовали на младенческой умъ не прямо, а чрезъ фантазію передавались сперва чувству. Вотъ религія въ ея философскомъ опредѣленіи: непосредственное представленіе истины.

Во всякомъ младенцествующемъ народѣ замѣчается сильная склонность выражать кругъ своихъ понятій видимымъ чувственнымъ образомъ и, начиная съ символа, доходить до поэтическихъ образовъ. Это второй путь, вторая форма мышленія—искусство, котораго философское опредѣленіе есть

непосредственное созерцаніе истины. Мы къ нему скоро возвратимся, такъ какъ оно составляетъ главный предметъ нашей книги.

Наконецъ, вполне развитый и созрѣвшій человѣкъ переходитъ въ высшую и послѣднюю сферу мышленія—въ мышленіе чистое, отрѣшенное отъ всего непосредственнаго, все возышающее до чистаго понятія и опирающееся на само себя.

Очевидно, что все это только три различные пути, три различные формы одного и того же содержанія, которое есть бытіе. Какъ бы то ни было, только эти три рода мышленія, если можно такъ выразиться, совсѣмъ не то, что мы называли мышленіемъ до человѣка, міромъ природы и исторіи. Дѣйствительно, это не одно и то же, хотя и одно и то же, точно такъ же, какъ человѣкъ-младенецъ и человѣкъ-мужъ есть не одно и то же существо, хотя послѣдній все-таки есть не что иное, какъ новая и высшая форма перваго.

Читатели не забыли, что въ нашемъ опредѣленіи искусства мы употребили слово «непосредственный»; вѣроятно, также они забыли, что и потому мы часто его употребляли. Значеніе этого слова такъ важно, оно замѣняетъ собой такъ много словъ, и поэтому частое употребленіе его такъ необходимо, что мы почитаемъ долгомъ сдѣлать отступленіе отъ предмета для его объясненія.

Слово «непосредственный» и происходящее отъ него «непосредственность» взято съ нѣмецкаго языка и принадлежитъ новѣйшей философіи. Оно означаетъ и бытіе, и дѣйствіе, прямо изъ самого себя выходящее, безъ всякаго посредства. Объяснимъ это примѣромъ. Ежели вы знаете человѣка по его образу мыслей и его образу жизни и характеру дѣйствій, любите и уважаете его за нихъ,—вы знаете его не непосредственно, потому что онъ открылся вашему разумѣнію не непосредственно, а посредствомъ своего образа мыслей, жизни и дѣйствій. И такимъ вы можете передать его и разумѣнію другого человѣка, никогда его не видавшаго,—и изъ вашихъ словъ этотъ другой можетъ почувствовать въ немъ такое же уваженіе и такую же любовь. Но тутъ еще не весь человѣкъ, а только тѣнь, которую онъ отъ себя отбрасываетъ, не самъ человѣкъ, а только его описаніе. Когда вы слышите отъ другого разсказъ о такомъ человѣкѣ,—умъ вашъ занятъ болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ разныхъ хорошихъ и дурныхъ качествъ, но воображеніе ваше пусто,—въ немъ не отражается, какъ въ зеркалѣ, никакого живого образа, который бы говорилъ самъ за себя или подтверждалъ бы то, что вамъ говорить о немъ. Что жъ это значить? — то,

что какъ описаніе примѣтъ человѣка не даетъ яснаго представленія его наружности, такъ и изображеніе (отлеченіе) его хорошихъ или дурныхъ качествъ, какъ бы ни были они замѣчательны, не даетъ живого созерцанія личности человѣка; надо, чтобы онъ самъ на себя говорилъ, внѣ своихъ хорошихъ и дурныхъ качествъ. Есть лица, которыя, будучи и хороши, и дурны, не остаются въ нашей памяти рѣзко отъ слѣда и скоро исчезаютъ изъ нея. Есть, напротивъ, другія, которыя, повидимому, ничего не имѣя особеннаго, рѣзко хорошаго или рѣзко дурного, съ перваго взгляда всегда остаются въ нашемъ воображеніи. Это особенно поразительно въ отношеніи къ женскимъ лицамъ: часто ослѣпительная красота уступаетъ въ нашемъ созерцаніи мѣсто самому скромному, самому, кажется, обыкновенному лицу. Причина такой разности въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ той или другой личностью, безъ сомнѣнія, заключается въ самой этой личности, но тѣмъ не менѣе эта причина не выговариваема словомъ, какъ всякая тайна. Вотъ человѣкъ: смѣло и бойко говоритъ онъ обо всемъ, ловко и искусно даетъ вамъ знать о своихъ высшихъ качествахъ; по его словамъ, онъ живетъ въ одномъ высокомъ и прекрасномъ, готовъ отдать за истину свою жизнь; вы слушаете его, видите въ немъ много ума, не отрицаете даже и чувства, его мнѣніе о самомъ себѣ кажется вамъ правдоподобнымъ,—и между тѣмъ вы остаетесь къ нему холодны, онъ не возбуждаетъ въ васъ никакого живого интереса. Что это значитъ? Конечно, то, что вы бессознательно чувствуете какое-то противорѣчіе между его словами и имъ самими. Разсудокъ вашъ одобряетъ его слова, беретъ ихъ какъ данныя для сужденія о немъ, а непосредственное впечатлѣніе, которое онъ производитъ на васъ, возбуждаетъ недовѣрчивость къ его словамъ и отталкиваетъ васъ отъ него. Но вотъ другой человѣкъ: онъ такъ чуждъ всякихъ претензій, такъ простъ, такъ обыкновененъ; онъ говоритъ о томъ же, о чемъ и всѣ говорятъ—о погодѣ, о лошадяхъ, о шампанскомъ, объ устрицахъ, а между тѣмъ вы, видя его въ первый разъ, какъ будто по какому-то капризу своего чувства, на зло вашему разсудку, увѣряетесь, что этотъ человѣкъ не то, чѣмъ кажется, что ему открыты высшія идеальныя области и глубочайшія тайны бытія,—и онъ смѣло и прямо, какъ свою собственность, беретъ вашу любовь и уваженіе, прежде нежели вы успѣете замѣтить это. Здѣсь опять та же причина—сила и власть непосредственнаго впечатлѣнія, которое производитъ на васъ этотъ че-

ловѣкъ. Все, что скрывается въ его натурѣ,—все это выражается въ самыхъ его движеніяхъ, жестахъ, голосѣ, лицѣ, игрѣ фізіономіи, словомъ, въ его непосредственности. Такъ точно иногда вся роскошь образованія, умственнаго, эстетическаго и свѣтскаго, даже при выгодной наружности, не возбуждаетъ въ насъ къ женщинѣ того трепетнаго, музыкальнаго чувства, которое внушаетъ присутствіе женщины, того благоговѣнія, какимъ оно насъ окутываетъ; а простая дѣвушка, лишенная всякаго образованія, но которой натура глубока и богата, однимъ спокойнымъ взглядомъ заставляетъ опускаться дерзко устремленные на нее взоры, какъ будто бы ихъ поразили лучи солнечныхъ. По той же самой причинѣ вы иногда тяготитесь и скучаете самыми острыми словами, самыми умными шутками, не находя въ нихъ ничего забавнаго, кромѣ претензіи быть забавными; и вы же не можете безъ смѣха ни слышать ни одного слова, ни видѣть ни одного движенія иного человѣка, хотя ни въ его словахъ, ни въ его движеніяхъ, повидимому, нѣтъ ничего смѣшнаго, такъ что, пересказывая о нихъ кому-нибудь и думая произвести несомнѣнный эффектъ, вы сами находите, къ своему удивленію, что въ нихъ ровно ничего нѣтъ, и что вся ихъ обаятельная сила заключалась въ непосредственности того человѣка.

Эта же самая непосредственность, составляющая такое важное условіе личности всякаго человѣка, является и въ дѣйствіи человѣка. Бываютъ случаи, въ которыхъ наша натура какъ бы дѣйствуетъ за насъ, не ожидая посредничества нашей мысли или нашего сознанія,—и мы какъ бы инстинктивно постигаемъ тамъ, гдѣ повидимому, невозможно дѣйствовать безъ сознательнаго соображенія. Такъ, напримѣръ, случается, что человѣкъ, сильно ушибившись или подвергавшись опасности сильно ушибиться объ какой-нибудь, незамѣченный имъ по разсѣянности, или по сосредоточенности въ себѣ, предметъ,—всякій разъ, какъ проходитъ мимо того мѣста, хотя бы ночью, наклоняется безсознательно. Такое дѣйствіе есть вполнѣ непосредственное. Но гораздо выше и поразительнѣе тѣ непосредственныя дѣйствія человѣческаго духа, въ которыхъ проявляется его высшая жизнь. Какъ бы ни было свято и истинно убѣжденіе человѣка, какъ бы ни были благородны и чисты его намѣренія, но чтобы высказать или привести ихъ въ исполненіе, для этого еще недостаточно ни силы убѣжденія, ни благонамѣренности стремленія: для этого необходимъ тотъ вдохновенный порывъ, въ которомъ сливаются во-едино всѣ силы человѣка, физическая природа его проникаетъ

собой духовную его сущность, которая въ свою очередь просвѣтляетъ собой физическую его природу, разумное дѣйствіе становится инстинктивнымъ движеніемъ и, наоборотъ, мысль дѣлается фактомъ, дѣйствіе разумной и свободной человѣческой воли—непосредственнымъ явленіемъ. Исторія представляетъ намъ поразительный примѣръ подобнаго непосредственнаго проявленія силы человѣческаго духа, торжествующаго даже надъ законами природы: сынъ Креза былъ отъ рожденія нѣмъ, но, увидѣвъ, что непріятельскій солдатъ хочетъ по незнанію убить его отца, вдругъ получилъ употребленіе языка и воскликнулъ: «Воинъ, не убивай царя!» Но и этотъ примѣръ, какъ ни поразителенъ онъ, еще не представляетъ самаго высшаго проявленія непосредственной разумности: ее можно видѣть во всей безконечности ея великаго значенія только въ тѣхъ свободныхъ и разумныхъ дѣйствіяхъ человѣка, въ которыхъ обнаруживается его высшая духовная природа и стремленіе къ безконечному. Вся исторія человѣчества съ одной стороны есть не что иное, какъ безконечный рядъ картинъ такого рода непосредственно-разумныхъ и разумно-непосредственныхъ дѣйствій, въ которыхъ личное желаніе сливается съ внѣшней для личности необходимостью, воля дѣлается инстинктомъ, порывъ къ дѣйствию—самимъ дѣйствіемъ. Непосредственность дѣйствія не исключаетъ изъ себя ни воли, ни сознанія,—напротивъ, чѣмъ болѣе того и другого участвуетъ въ немъ, тѣмъ оно выше, плодотворнѣе и дѣйствительнѣе; но воля и сознаніе сами по себѣ, какъ отдѣльно взятые элементы духа, никогда не переходятъ въ дѣйствіе и не приносятъ плодовъ въ высшихъ сферахъ дѣйствительности, ибо тутъ они являются силами враждебными непосредственности, въ которой заключается живая производительная сила. Начало и развитіе природы, всѣ явленія исторіи и искусства совершались непосредственно.

Можетъ быть, многимъ изъ нашихъ читателей слово «непосредственный» покажется совершенно равнозначительнымъ слову «бессознательный», а «непосредственность» — «бессознательности»,—и они, можетъ быть, упрекутъ насъ въ суетномъ желаніи изобрѣтать и вводить въ моду новыя и никому неизвѣстныя слова для старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій, давно уже выраженныхъ тоже всѣмъ извѣстными словами и обвинять въ педантской охотѣ вдаваться въ излишнія объясненія и ненужныя отступленія, которыя не поясняютъ, а только затемняютъ дѣло. Если это случится, и если причиной этого не будетъ опрометчивая невнимательность поверхностнаго читателя,

—то уже, конечно, и не справедливость его обвиненія, а развѣ то, что мы неудовлетворительно объяснили этотъ предметъ. Въ непосредственности можетъ быть бессознательность, но не всегда бываетъ,—и оба эти слова отнюдь не одно и то же, и даже не синонимы. Природа, на примѣръ, произонка непосредственно и вмѣстѣ съ тѣмъ бессознательно; историческія же явленія, каковы начало языковъ и политическихъ обществъ, произошли непосредственно, но отнюдь не бессознательно; также точно непосредственность явленія есть основной законъ, непреложное условіе въ искусствѣ, дающее ему высокое значеніе; но бессознательность не только не составляетъ необходимой принадлежности искусства, но враждебна ему и унижательна для него. Слово «непосредственный» объемлетъ собой и включаетъ въ себѣ гораздо обширнѣе, глубочайшее и высшее понятіе, нежели слово «бессознательный»: это мы ясно докажемъ въ дальнѣйшемъ развитіи идеи искусства.

Условіе непосредственности всякаго явленія есть вдохновенный порывъ; результатъ непосредственности всякаго явленія есть организація. Только вдохновенное можетъ явиться непосредственно, только непосредственно-явившееся можетъ быть органическимъ, только органическое можетъ быть живымъ. Организмъ и механизмъ, или природа и ремесло,—вотъ два міра, враждебно-противоположные другъ другу. Одинъ—свободный, безпрестанно движущійся, измѣняющійся, неуловимый въ переливахъ пѣтловъ и красокъ, шумный и звучный; другой—оцѣпенѣлый въ мертвенной неподвижности, рабски правильный и безжизненно опредѣленный, съ ложнымъ блескомъ, поддѣльной жизнью, нѣмой и безгласный. Явленія перваго міра живыя и непосредственно-произрождающіяся, называются еще и вдохновенными или творческими, а явленія втораго міра—предметами механическими или произведеніями рукъ человѣческихъ. Разумѣется, что этого не должно понимать буквально, и первоначальную живоносную причину смѣшивать съ посредствующею: всѣ статуи и всѣ картины дѣлаются руками человѣческими, несмотря на то, есть статуи и картины органическія, вдохновенныя, творческія, и есть статуи и картины механическія, не созданныя, а сдѣланныя.

Очевидно, что созданнымъ или творческимъ называется все, что не можетъ быть произведено соображеніемъ, расчетомъ, разсудкомъ и волей человѣка, даже все, что не можетъ назваться и изобрѣтеніемъ; но что непосредственно является изъ небытія въ бытіе или творящей силой природы, или творческой силой духа человѣческаго и

что, въ противоположность изобрѣтенію, должно называться откровеніемъ. Организация, составляющая существенное различіе между приведенными творческими и произведенными механическими, очевидно, есть результатъ того процесса, посредствомъ котораго она возникаетъ. Противопоставимъ природу ремеслу, чтобы объяснить это примѣромъ. Когда у человѣка, изобрѣтшаго часы, мелькнула въ головѣ первая мысль объ этой машинѣ, — дѣло не было кончено этимъ мгновеніемъ: не говоря уже о томъ, что много долженъ былъ думать и соображать прежде, нежели приступилъ къ выполнению своей мысли, — онъ долженъ былъ еще и безпрестанно повѣрять ее опытомъ и въ опытѣ искать дополненія своей мысли. Созидая, онъ снова разрушалъ, слагая — разбиралъ, ибо всегда находилъ, что чего нибудь да недоставало. Главный духовный дѣятель въ актѣ его изобрѣтенія было соображеніе, расчетъ, вычисленіе вѣроятностей. Осторожно, будто впотѣмахъ, дѣлалъ онъ шагъ за шагомъ, работая головой и считая на пальцахъ. И потому его изобрѣтеніе не могло быть тотчасъ же совершеннымъ, но нужны были вѣковые успѣхи точныхъ наукъ, чтобы оно могло дойти до совершенства. Хотеть ли ремесло подражать природѣ, — тутъ еще поразительнѣе видно могущество одной и безсиліе другого. Человѣкъ хочетъ сдѣлать цвѣтокъ — розу. Для этого онъ беретъ натуральную, долго и внимательно изучаетъ ее во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ — каждый лепестокъ, складку, переливъ и оттѣнокъ цвѣта, общую форму, и уже послѣ многихъ соображеній и расчетовъ выкраиваетъ и сшиваетъ свой цвѣтокъ изъ тканей, окрашенныхъ подъ цвѣта природы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ велико его искусство: за десять шаговъ вы не отличите его искусственной розы отъ натуральной; но подойдите ближе — и вы увидите холодный, неподвижный трупъ подлѣ прекраснаго, полного жизни созданія природы, — и ваше чувство оскорбится мертвой поддѣлкой. Съ радостнымъ чувствомъ схватываете вы очаровательный цвѣтокъ — разсматриваете и обоняете его. Его листики и лепестки расположены такъ симметрически, такъ пропорционально, что ихъ привильность можетъ постигаться только нашимъ умомъ, а не повѣряться нашими инструментами, слишкомъ недостаточно для этого правильными, и потомъ каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такой заботливостью, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣланъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ и оттѣнковъ, какая нѣжная и яркая пыль... о, самъ царь Соломонъ во сла-

вѣ своей не одѣвался такъ великолепно!... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!... Но до сихъ поръ, пока мы на эту розу смотримъ со-внѣ, любясь и дивясь ей видомъ, цвѣтомъ и запахомъ, искусственный цвѣтокъ еще можетъ быть сравниваемъ съ нею, по крайней мѣрѣ хоть какъ пародія на нее, доказывающая своего рода силу и могущество человѣческаго ума; но развѣ въ розѣ однимъ этимъ все оканчивается? О, нѣтъ! это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски выпли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Загляните туда, внутрь этого цвѣтка, — и всякое сравненіе съ нимъ искусственной розы уничтожается само собой, какъ нелѣпость, оскорбляющая здравый смыслъ. Тамъ, внутри зеленого стебелька, на которомъ такъ граціозно держится этотъ роскошный цвѣтокъ, тамъ цѣлый новый міръ: тамъ самостоятельная лабораторія жизни, тамъ по тончайшимъ сосудцамъ дивно-правильной отдѣлки течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... И между тѣмъ природа употребила на этотъ цвѣтокъ и меньше времени, и болѣе простые и дешевые матеріалы, и нисколько труда, соображенія или расчета: пало въ землю небольшое зерно, — и изъ земли вышло растеніе, одѣлось въ листья и украсилось цвѣтами на брачный пиръ весны... Уже въ его зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивыя листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ, и вся архитектура растенія, со всѣми его формами и пропорціями! Но что же тутъ сдѣлала природа? Чѣмъ же ознаменовала она свое участіе въ созданіи этого цвѣтка? Повторяемъ: ей это ничего не стоило. Спокойно, безъ всякихъ усилій, повторяетъ она теперь однажды навсегда созданія ея явленія. Но было мгновеніе, когда она страшно работала, въ напряженіи и борьбѣ всѣхъ силъ своихъ... Когда всемогущее: «Да будетъ» пробудило довременный хаосъ, небытіе воззвало къ бытію, возможность — къ дѣйствительности, идею — къ явленію, — тогда безплотная божественная мысль, доременно существовавшая, изъ ничего явилась нашей планетой, — и долго вращалась эта планета то въ океанѣ воды, то въ океанѣ огня, — и высокіе хребты горъ на мѣстѣ бывшаго дна морского, подземные потоки водъ и огней, бездонныя моря, острова и озера, огнедышащіе вулканы свидѣтельствуютъ о ея страшныхъ переворотахъ, прежде чѣмъ она стала тѣмъ, что теперь есть, о ея великой работѣ, которая и теперь еще не кончилась, судя по цѣлому огромному матеріку, еще и доселѣ не совершенно сформированному (Новая Голландія). Да, это была ве-

ликая работа; какъ будто съ болями и страданиями порождаетъ природа безконечные ряды явленій,—и каждое изъ нихъ было могучимъ, мгновеннымъ и нечаяннымъ покровомъ изъ тьмы небытія на свѣтъ жизни. Величественно и прекрасно зданіе вселенной! Какъ правдивъ этотъ голубой куполъ неба, по которому въ такомъ строгомъ порядкѣ, въ такой неизмѣнной правильности и гармоніи восходитъ и заходитъ солнце, появляется и скрывается луна съ мириадами звѣздъ! И между тѣмъ не циркулюю обязаны своимъ существованіемъ эти круги и сферы, не было начертано на бумагѣ предварительнаго плана, и соображеніе математика не опредѣлило заранѣе этихъ безконечныхъ отношеній между безконечными величинами, тяжестями и пространствами. Нѣтъ конца вселенной, нѣтъ числа небеснымъ тѣламъ, и всё они дѣлятся на міры, подчиненные одинъ другому, и каждое изъ нихъ есть часть цѣлаго, составляющаго какъ бы живое органическое тѣло, и находится во взаимномъ отношеніи и взаимной зависимости отъ всякаго другого,—и все это пространство безъ границъ, вся эта величина безъ измѣренія, все это множество безъ исчисления, составляющее собою единое и цѣлое, родилось само изъ себя, заключая въ себѣ и свои законы, и свои вѣчныя неизмѣнныя числа и линіи, и весь чертежъ своего тоталитета. Вселенная есть божественная мысль, отъ вѣчности до временно существовавшая, какъ разумная возможность, и вдругъ ставшая очевидной дѣйствительностью, чрезъ воплощеніе въ форму. Въ полнотѣ ея существованія мы видимъ двѣ, повидимому, противоположныя, но въ сущности родственныя стороны: духъ и матерію. Духъ есть божественная мысль, источникъ жизни; матерія есть та форма, безъ которой мысль не могла бы проявиться. Очевидно, что оба эти элемента нуждаются другъ въ другѣ: безъ мысли всякая форма мертва, безъ формы мысль есть только могущее быть, но не сущее. Въ явленіи они составляютъ единое и нераздѣльное, проникая другъ друга и исчезающа другъ въ другѣ. Процессъ ихъ слитія во-единое (конкретціи) есть таинство, въ которомъ жизнь какъ бы сокрылась отъ самой себя, не желая и самое себя сдѣлать свидѣтельницами своего величайшаго акта, своего торжественнаго священнодѣйствія. Мы знаемъ необходимость, но только ощущаемъ или созерцаемъ таинство этого процесса. Онъ есть необходимое условіе жизненности явленій, и его результатъ есть организація, результатъ которой есть особность, индивидуальность и личность.

Всѣ явленія природы суть не что иное, какъ частныя и особыя проявленія общаго.

Общее есть идея. Что такое идея? По философскому опредѣленію, идея есть конкретное понятіе, котораго форма не есть что-нибудь внѣшнее ему, но форма его развитія, его же собственнаго содержанія. Но какъ мы чужды философскаго изложенія нашего предмета, то и постараемся намекнуть о немъ нашимъ читателямъ, какъ можно менѣе отвлеченно, какъ можно образнѣе. Во второй части «Фауста» Гёте есть мѣсто, которое можетъ навести насъ на предположеніе значенія «идеи», близкое къ истинѣ. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать предъ него Париса и Елену, требуетъ помощи у Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. «Въ непреступной пустотѣ—говоритъ онъ—царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то матери.»—«Матери?—воскликаетъ изумленный Фаустъ,—матери, матери, повторяетъ онъ,—это такъ странно звучить...»—«Богини,—продолжаетъ Мефистофель,—невѣдомыя вамъ смертнымъ, и неохотно именуемыя нами. Готовъ ли ты? Тебя не остаются ни замки, ни заборы; тебѣ обойдется пустота. Имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?» Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности.—«Если бѣ тебѣ надобно было плыть,—продолжаетъ снова Мефистофель,—по безграничному океану, если бы тебѣ надобно было созерцать эту безграничность,—ты бы увидѣлъ тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волной, ты бы увидѣлъ тамъ нѣчто, ты бы увидѣлъ на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобой ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь своего собственнаго шага, ногъ твоей не на что будетъ опереться.» Фаустъ непоколебимъ.—«Въ твоёмъ ничто,—говоритъ онъ,—я надѣюсь найти все (In deinem Nichts hoff ich das All zu finden).» Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. «Ступай за этимъ ключемъ,—говоритъ онъ ему,—онъ доведетъ тебя до матерей.» Слово «матери» снова заставляетъ Фауста содрогнуться.—«Матери!—воскликаетъ онъ,—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать?»—«Неужели ты такъ ограниченъ,—отвѣчаетъ ему Мефистофель,—что новое смущаетъ тебя?..» Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи, и Фаустъ, ощутивъ въ груди своей новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубину. «Любопытно,—говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ,—возвратится

ли онъ назадъ?» Но Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ: онъ вынесъ съ собою, изъ бездонной пустоты, треножникъ, — тотъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобы вызвать въ мѣръ дѣйствительный красота въ лицѣ Париса и Елены. *)

Да, странное это слово «матери»: безъ тайнаго содроганія нельзя его выговаривать, какъ будто бы это было одно изъ тѣхъ мистическихъ словъ, отъ которыхъ блѣднѣетъ луна и мертвые шевелятся въ гробахъ своихъ!.. Но еще болѣе нужно отваги, чтобы пуститься въ безпредѣльную пустоту и дойти до «матерей»!.. Но кто не содрогнется и не отступить назадъ, и не изнеможетъ въ своемъ страшномъ подвигѣ, тотъ воротится съ волшебнымъ треножникомъ, съ которымъ можно вызывать тѣни давно умершихъ и безплотныя мысли одѣвать въ благодѣйныя тѣла... Эти «матери» — тѣ первосущныя, довременныя идеи, которыя, воплотившись въ формы, стали мірами и явленіями жизни. Жизнь никого не страшитъ, но какъ красавица съ огненнымъ взоромъ, розовыми ланитами и манящими поцѣлуй устами, она влечетъ къ себѣ насъ неодолимой обаятельной силой: закрывъ глаза, потерявъ сознаніе, мы бросаемся въ ея объятія, и мы смотримъ на нее — не насмотримся, любуемся ею — не налюбujemyся... Но въ насъ сидитъ червякъ — жажда знанія. Лишь только онъ зашевелится, — очаровательный образъ красавицы начинаетъ отъ насъ скрываться; червякъ растетъ, превращается въ змѣю, сосущую кровь изъ нашего сердца, — красавица исчезаетъ совсѣмъ, и чтобы возвратитъ ее, мы должны отворотить нашъ взоръ отъ формъ и красокъ и устремить его на скелеты безъ жизни и красоты. Но скоро мы должны отказаться и отъ этого, и ринуться въ безграничную пустоту, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ образовъ, нѣтъ звуковъ и красокъ, нѣтъ простран-

ства и времени, гдѣ не на чемъ остановиться взору, не на что опереться ногѣ, гдѣ царствуютъ матери всего сущаго — безтѣлесныя идеи, которыя суть то ничто, изъ когорыхъ произошло все, которыя были отъ вѣчности, прежде міра, и отъ которыхъ двинулось время и потекли міры своимъ вѣковѣчнымъ путемъ...

Итакъ, идеи суть матери жизни, ея субстанціальная сила и содержаніе, тотъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго немолчно текутъ волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежитъ ни извѣстному времени, ни извѣстному пространству; переходя въ явленіе, она дѣлается особнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ. Вся лѣстница творенія есть не что иное, какъ обособленіе общаго въ частное, явленіе общаго частнымъ. Изъ общей міровой матеріи вышла наша планета и, получивъ свою единственную и особную форму, въ свою очередь стала общей субстанціей, матеріей, которая безпрестанно стремится къ обособленію въ мірадахъ существъ. Безобразныя массы металловъ и камней, не представляя собой никакой опредѣленной формы, тѣмъ не менѣе представляютъ собой особныя явленія, имѣющія свою, хотя и низшую и вѣйшую, организацію. Нѣкоторыя изъ нихъ даже организуются въ опредѣленныя и правильныя формы призмъ, какъ бы растающихъ изъ какой-то почвы, которая состоитъ изъ одинаковаго съ ними вещества и служитъ имъ безобразнымъ базисомъ. Организанія растеній выше, и вообще они представляютъ собой что-то уже высшее особности, хотя еще и не достигшее индивидуальности. Въ каждомъ изъ нихъ равно необходимы и корень, и стволъ, и вѣтвь, и листъ, но число листовъ ихъ неопредѣленно, и отшибенныя не измѣняютъ особности дерева; что же до вѣтвей, то хотя онѣ...

Общее значеніе слова литература. **)

Прежде нежели приступимъ къ изложенію исторіи русской литературы, опредѣ-

*) Все это мѣсто, содержащее въ себѣ указаніе на „Фауста“, есть выписка къ статьѣ Ретшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія“, сдѣланная переводчикомъ этой статьи, Катковымъ, и здѣсь цѣликомъ взятая нами. См. „Московский Наблюдатель“ 1832. Часть XVIII, стр. 187 и 188.

**) Эта статья, какъ введеніе, должна была составлять первую главу отдѣла „Критической исторіи Русской литературы“.

лимъ общее значеніе слова литература, чтобы потомъ можно было яснѣе показать, какимъ образомъ и до какой степени русская литература соотвѣтствуетъ значенію литературы вообще.

Многіе придаютъ совершенно одинаковое значеніе словамъ «словесность», «письменность», «литература» и употребляютъ ихъ безъ разбору. Другіе, по принципу пуризма, вовсе не хотятъ употреблять иностраннаго слова литература, думая, что его зна-

чение вполне выражается русскими словами: словесность и письменность. Пуристы хотѣли бы совершенно изгнать изъ употребленія слово «литература», какъ иностранное и при томъ лишнее въ русскомъ языкѣ. Но ихъ усилія остаются безплодными. Слово существуетъ; стало быть, оно необходимо, и его не можетъ замѣнить собой никакое другое слово, потому что въ языкѣ не можетъ существовать двухъ словъ, совершенно равносильныхъ и тождественныхъ въ выраженіи одного и того же понятія. Если «словесность» можно замѣнить «литературою», то книжное и нѣсколько тяжелое слово словесникъ не можетъ замѣнить собой слова литераторъ. Всѣ говорятъ и пишутъ: «литературный журналъ», «литературная газета», но никто подъ опасеніемъ быть или непонятнымъ, или смѣшнымъ, не скажетъ: «словесный журналъ», «словесная газета». Равнымъ образомъ можно сказать: «человѣкъ есть словесное (въ смыслѣ одареннаго словомъ) животное», но нельзя сказать: «человѣкъ есть литературное животное». Изъ этого видно, что ни «словесность» не можетъ совершенно замѣнить собой «литературы», ни «литература» — «словесности»: оба эти слова равно необходимы, потому что, несмотря на ихъ родство, есть рѣзкій оттънокъ въ сущности выражаемыхъ ими понятій.

Впрочемъ, требовать, чтобы три эти слова: «словесность», «письменность» и «литература» никогда не употреблялись одно вмѣсто другого, — значило бы впасть въ педантизмъ, тѣмъ болѣе, что эти слова иногда действительно сходятся между собой въ значеніи. Но какъ съ другой стороны они часто расходятся въ оттънкахъ общаго имъ всѣмъ значенія, то и странно было бы не опредѣлять этой разницы и не воспользоваться ею, какъ орудіемъ къ большей опредѣлительности и ясности въ понятіяхъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ употребляется только одно слово — «литература» для выраженія понятія, выражаемаго по-русски тремя словами — «словесность», «письменность» и «литература»; тѣмъ лучше для насъ! Значитъ, въ этомъ отношеніи, нашъ языкъ богаче другихъ. Надобно же пользоваться этимъ богатствомъ.

Письменность и литература прежде всего относятся къ словесности, какъ видъ къ роду. Понятіе, выражаемое словесностью, гораздо общѣе, нежели понятія, выражаемая письменностью и литературой; въ обширномъ смыслѣ словесность заключаетъ въ себѣ и письменность и литературу, какъ ея же собственныя проявленія. Все, что находитъ свое выраженіе въ словѣ, все это принадлежитъ къ области словесности: и народная поговорка или пословица, и курсъ

философіи; и народная сказка или пѣсня, и эпическая поэма или драматическое произведеніе, какъ великаго поэта, такъ и бездарнаго сочинителя; и лѣтописи, и исторіи, и ученое сочиненіе, и учебники, и лексиконъ, и каталогъ книгъ, и книжка о легчайшемъ способѣ отращивать волосы и истреблять мухъ. Къ области письменности принадлежатъ тѣ словесныя произведенія, которыя народъ, не знавшій еще книгопечатанія, почелъ достойными сохрानить отъ забвенія, посредствомъ письменнаго искусства. Подъ литературой разумѣется или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая въ себѣ народное сознание, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собой извѣстную сторону искусства и науки. Такъ, въ послѣднемъ случаѣ говорится: литература эстетики, литература исторіи, литература математики, медицины, технологии и т. д., разумѣя подъ этимъ собраніе всѣхъ сочиненій, относящихся до того или другого изъ численныхъ предметовъ. Понятіе о литературѣ тѣсно связано съ понятіемъ о книгопечатаніи.

Изъ этого видно, что письменность и литература относятся еще къ словесности и какъ постепенные моменты ея развитія. Другими словами: словесность, письменность и литература суть три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ. Сознаніе всѣхъ младенчествующихъ народовъ прежде всего выражается въ поэзіи, и потому каждый народъ и каждое племя непременно имѣетъ свою поэзію, на какой бы низкой ступени цивилизаціи и образованія ни стояли они. Отсюда не исключаются ни номады средней Азіи, ни дикари океанійскіе. Народъ или племя можетъ не знать искусства писанія, но не можетъ не имѣть поэзіи. Поэзія младенчествующихъ народовъ состоитъ не столько въ поэтическомъ содержаніи и поэтической формѣ, сколько въ поэтическомъ выраженіи. Форма и выраженіе — не всегда одно и то же; первое относится къ положенію, композиціи поэтическаго произведенія; подъ вторымъ должно разумѣть только складъ рѣчи, слогъ, короче — форму слова. И потому у младенчествующихъ народовъ выраженіе всегда поэтическое, хотя содержаніе часто бываетъ нелѣпое, а форма чудовищная. Они поэтически выражаютъ и свою опытную мудрость (поговорки, пословицы, параболы, басни), и прошедшее ихъ жизни (преданіе), и свои космогоническія и религіозныя понятія (мифы, гимны и т. п.). О такомъ народѣ или племени можно сказать, что они имѣютъ словесность, — и въ этомъ смыслѣ нѣтъ на землѣ народа, ни племени, даже дикаго, у которыхъ не было бы словесности. Когда народъ знакомится

съ искусствомъ письменъ, его словесность получаетъ новый характеръ, зависящій отъ духа народа и отъ степени его цивилизаціи и образованности. Такимъ образомъ самыя древніе памятники космогонической и мифической поэзіи грековъ дошли до насъ, сохраненные посредствомъ письма; по преимуществу народъ эстетическаго чувства, греки, познакомившись съ искусствомъ писать, тотчасъ же поспѣшили передать храненію буквы прежде всего поэтическія произведенія ихъ національнаго духа. Другое зрѣлище представляютъ словенскія племена въ отношеніи къ письменности: этимъ искусствомъ они обязаны ревности христіанскихъ проповѣдниковъ, которые видѣли въ немъ вѣрнѣйшее средство распространить между ними евангельское ученіе. А такъ какъ христіанство естественно произвело въ словенскихъ племенахъ духъ безусловнаго отрицанія прежней языческой ихъ національности, и такъ какъ понятіе о письменности въ умѣ этихъ племенъ тѣсно слилось съ понятіемъ о христіанской религіи, то письменность и приняла у нихъ характеръ по преимуществу церковный: словяне считали достойнымъ предавать письменамъ только книги религіознаго и теологическаго содержанія. Къ этому присовокупился еще родъ словесности, бывшій долгое время исключительнымъ достояніемъ монашествующаго духовенства—лѣтописи. Благочестивые иноки, въ назидательное поученіе потомству, описывали дѣла мірскія съ тѣмъ взглядомъ на вещи, который неволью сообщало имъ чувство ихъ разъединенія съ міромъ, въ нѣдрахъ тихаго успокоенія кельи. Естественно, что памятники языческой поэзіи были забыты и не вѣрвались буквѣ. Оттого до насъ не дошло не только никакихъ пѣсенъ языческаго періода Руси, но мы даже не имѣемъ почти никакого понятія о словенской мифологіи. Немногія имена боговъ и названія праздниковъ и обрядовъ сохранились для насъ только въ отличительныхъ противу остатковъ язычества словахъ ревностныхъ поборниковъ церкви. Если до насъ дошло нѣсколько сказокъ или поэмъ въ сказочномъ родѣ, въ которыхъ имя «Владимира Краснаго-Солнышка, ласковаго князя кіевского стольнаго», играть значительную роль, — это сдѣлалось какъ бы случайно. Сказки эти долго хранились въ народной памяти и до того измѣнялись съ каждымъ вѣкомъ, подновляясь и въ языкѣ, и въ понятіяхъ, что въ то время, когда грамотнымъ людямъ пришла охота положить ихъ на бумагу, онѣ уже совершенно лишились своего первобытнаго вида. А списаны онѣ со словъ народа на бумагу, вѣроятно, не раньше XVII столѣ-

тія. «Слово о полку Игоревомъ», этотъ прекрасный памятникъ уже полуязыческой поэзіи, дошло до насъ въ единственномъ и при томъ искаженномъ спискѣ. Сколько же памятниковъ народной поэзіи погибло совсѣмъ! Этому причиной было, во-первыхъ, высокое понятіе нашихъ предковъ о достоинствѣ письменности: они думали, что письмо назначено только для сохраненія слова Божія и важныхъ дѣлъ государственныхъ, и что значило бы унижать его, записывая выдумки праздныхъ балагуровъ и потѣшниковъ; во-вторыхъ, наши предки, какъ бы чувствуя бессознательно ничтожность и незначительность ихъ народной поэзіи, по инстинкту не дорожили ея памятниками. И они были правы: гибнетъ въ потоцѣ времени только то, что лишено крѣпкаго зерна жизни и что, слѣдовательно, не стоитъ жизни. И потому, не презирая угнѣлѣвшими остатками нашей народной поэзіи, въ то же время не будемъ слишкомъ жалѣть объ утраченныхъ. Такимъ образомъ періодъ нашей словесности до времени письменности для насъ погибъ невозвратно, а періодъ нашей письменности, совпадая въ своемъ началѣ съ эпохой изобрѣтенія Кирилломъ и Меодіемъ словенской азбуки (эпохой, до сихъ поръ еще не опредѣленной съ точностью), совпадаетъ въ своемъ концѣ съ эпохой начала русской литературы, т. е. съ эпохой появленія первыхъ свѣтскихъ русскихъ писателей. Періодъ русской письменности ознаменовался нѣсколькими (весьма немногими) сочиненіями, если не совсѣмъ литературными, то и не подходящими подъ разрядъ ни теологическихъ, ни лѣтописныхъ произведеній словесности.

Литература есть послѣднее и высшее выраженіе мысли народа, проявляющейся въ словѣ. Органическая послѣдовательность въ развитіи—вотъ что составляетъ характеръ литературы, и вотъ чѣмъ отличается литература отъ словесности и письменности. Если произведеніе литературы носить на себѣ печать существеннаго достоинства,— оно уже не можетъ быть случайнымъ явленіемъ, которое не было бы нѣкоторымъ образомъ результатомъ предшествовавшихъ ему произведеній или по крайней мѣрѣ не объяснилось бы ими, и которое бы въ свою очередь не порождало бы другихъ литературныхъ явленій или по крайней мѣрѣ не имѣло бы на нихъ прямого или косвеннаго вліянія. Такимъ образомъ не только современная намъ французская, но и современная намъ германская литература не могутъ быть поняты и отбѣнены надлежащимъ образомъ безъ знанія французской литературы XVII вѣка,—равно какъ и послѣдняя можетъ быть объяснена только чрезъ изуче-

ніе французской литературы вѣка Людовика XIV-го и мало того, что нужно особенное изученіе вообще литературы средних вѣковъ, чтобы понять французскую литературу XVI и послѣдующихъ столѣтій, надобно еще имѣть понятіе о древней классической литературѣ грековъ и римлянъ, чтобы владѣть возможностью изучать какую бы то ни было изъ европейскихъ литературъ отъ временъ возрожденія до настоящей минуты. Изъ этого видно, что всякая сфера, въ какой ни развивается духъ человѣческой, состоитъ изъ фактовъ, органически связанныхъ одинъ съ другимъ и послѣдовательно родившихся одинъ изъ другого, и что кромѣ литературы того или другого народа, есть еще литература всеобщая, человѣческая, вселенская, у которой есть своя исторія. Предметъ этой исторіи—развитіе человѣческаго сознанія въ сферѣ слова. Литература, которая не можетъ имѣть своей исторіи, т. е. литература, явленія которой не состоятъ въ живой органической связи между собой, не есть литература, но только словесность или письменность. Правда, и словесность, и письменность могутъ имѣть свою исторію, но какую—вотъ вопросъ! Исторія словесности или письменности есть не что иное, какъ болѣе или менѣе обширный каталогъ произведеній, хранящихся въ памяти народа или въ его письменности,—каталогъ съ необходимыми объясненіями и учеными комментаріями. Но каталогъ можетъ служить только матеріаломъ для исторіи, но самъ исторіей быть не можетъ.

Періодъ литературы у всѣхъ новѣйшихъ народовъ начинается собственно съ эпохи изобрѣтенія книгопечатанія. И потому понятіе о литературѣ у нихъ какъ-то невольно сливается съ понятіемъ о книгопечатаніи.—Дѣйствительно, до изобрѣтенія книгопечатанія словесность Европы носила на себѣ характеръ письменности, т. е. разединенности и случайности. Исключеніе остается почти за одной Италіей, которая считалась уже просвѣщеннѣйшей страной Европы, когда еще сама Франція тонула во мракѣ невежества и дикости нравовъ. Поэтому Италія гордилась именами Данта, Петрарки и Боккаччо еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ, тогда какъ сама Франція только въ XVI вѣкѣ гордилась довольно ничтожными знаменитостями, въ родѣ Ронсара, Ренье, Мелера, и только въ XVII вѣкѣ увидѣла своего перваго великаго поэта—Корнеля; имена Рабле и Монтаня принадлежатъ XV и XVI столѣтіямъ. Правда, еще въ средніе вѣка являлись великіе люди, сильные мыслью и упреждавшіе свое время; такъ Франція еще въ XII вѣкѣ имѣла Абеллара; но люди, подобные ему, бесплодно бросали во мракѣ

своего времени яркія молніи могучей мысли: они были поняты и оцѣнены черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ ихъ смерти. Наука и мысль до начала XVI вѣка скрывались во мракѣ, какъ черноокнижничество, разбой и контрабанда. Ученыя сочиненія, какъ тайна, передавались въ рукописяхъ отъ одного адепта къ другому. Словомъ, это была письменность, но не литература. Только словесность одной Италіи и въ варварскія времена имѣетъ характеръ литературы; по крайней мѣрѣ въ Италіи поэзія является уже какъ литература въ то время, какъ въ другихъ странахъ Европы поэзія находилась еще на степени словесности и письменности.

Въ области словесности нѣтъ знаменитыхъ именъ, потому что авторъ словесности—всегда народъ. Никто не знаетъ, кто сложилъ его простыя и наивныя пѣсни, въ которыхъ такъ безыскусственно и ярко отразилась внутренняя и внѣшняя жизнь юнаго народа или племени. Въ эпоху младенчества народъ и не заботится объ именахъ своихъ первыхъ поэтовъ, равно какъ и сами поэты не заботятся о сохраненіи ихъ имени въ потомствѣ. Въ эти времена поэзія—не заслуга, а инстинктивная потребность: человѣку поется—и онъ поетъ, совсемъ не подозрѣвая, что онъ—поэтъ. И переходитъ пѣсня изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію; и измѣняется она со временемъ: то укоротятъ ее, то удлинятъ, то передѣлаютъ, то соединятъ ее съ другой пѣсней, то сложатъ другую пѣсню въ дополненіе къ ней: и вотъ изъ пѣсенъ выходятъ поэмы, которыхъ авторомъ можетъ назвать себя только народъ. Послѣ этого понятно, почему письменность, когда она удостоивала своего вниманія поэтическія произведенія, не передавала именъ ихъ творцовъ, и мы не знаемъ имени автора «Нибелунговъ» и другихъ поэмъ въ этомъ родѣ. Другое дѣло—литература: ея дѣятелемъ является уже не народъ, а отдѣльныя лица, выражающія своей умственной дѣятельностью различныя стороны народнаго духа. Въ литературѣ личность вступаетъ въ полное право свое, и литературныя эпохи всегда означаются именами лицъ. Литература образуетъ собой отдѣльную и самостоятельную область умственной дѣятельности, существованіе и права которой признаются всеобщимъ обществомъ. Литература всегда опирается на публичность, получаетъ свое утвержденіе отъ общественнаго мнѣнія. Она существуетъ не при свѣтѣ только уединенной лампы отшельника или гонимаго ученаго, но при свѣтѣ солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманіемъ только небольшого круга посвященныхъ, составляющихъ родъ тайнаго обще-

ства или избранныхъ любителей, но внимаемъ всего народа, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его избранныхъ классовъ. Литература есть достояніе всего общества, которое черезъ нее обратно получаетъ себѣ, въ сознательной и изящной формѣ, все то, чему источникомъ было его же собственное непосредственное бытіе. Общество находитъ въ литературѣ свою дѣйствительную жизнь, возведенную въ идеаль, приведенную въ сознаніе. Поэтому въ моменты развитія литературы, обыкновенно называемыхъ литературными эпохами и періодами, отражаются моменты историческаго развитія народа, — и въ такомъ случаѣ литература точно такъ же объясняетъ собой олитическую исторію народа, какъ и исторія — литературу. Такъ, исторія Франціи XVIII вѣка вся заключается преимущественно въ ея литературѣ этого времени.

Если мы сказали, что понятіе о книгопечатаніи почти тождественно съ понятіемъ о литературѣ, — это потому, что книгопечатаніе есть великое и могущественное средство къ публичности, безъ которой слово «литература» есть звукъ безъ смысла, тѣло безъ души. Публичность такъ важна для литературы, что теперь во Франціи вошло въ употребленіе слово пресса (la presse — книгопечатаніе), какъ выражающее болѣе общее и обширное понятіе, нежели слово литература. Вся сфера современнаго общественнаго движенія теперь выражается словомъ пресса: это живой пульсъ общества, по биенію котораго вѣрнѣе, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состояніи общества въ отношеніяхъ: политическомъ, административномъ, ученоемъ, литературномъ, эстетическомъ, нравственномъ, въ отношеніи къ народному духу, богатству, промышленности, ремесламъ, и пр., и пр. Нѣтъ стороны въ обществѣ, которая бы теперь не выражалась прессой, не жила въ ней и ею. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы литература могла быть только у народа, знакомаго съ искусствомъ книгопечатанія; изъ этого слѣдуетъ только, что публичность, въ смыслѣ доступности литературныхъ произведеній вниманію общества, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условий существованія литературы. Книгопечатаніе есть только могущественнѣйшее, но не единственное средство къ публичности. Подъ литературой, въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, должно разумѣть сознаніе народа, и исторически выразившееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи, — а такъ какъ сознаніе есть высшее проявленіе жизни народа, то литература необходимо должна быть его общимъ

достояніемъ, чѣмъ-то такимъ, что до всѣхъ равно касается, всѣхъ равно интересуется, всѣмъ равно доступно. Словомъ, литература должна быть, въ отношеніи къ народу, вмѣстѣ и сценой, и спектаклемъ, который на ней разыгрывается, а народъ, въ отношеніи къ литературѣ, долженъ быть публичкой, которая не сводитъ глазъ со сцены, созерцая представляемое на ней зрѣлище. Лучшее для этого средство, повторяемъ, есть книгопечатаніе, — и однако жъ, несмотря на то, древняя греческая литература, со стороны публичности, едва ли не болѣе подходитъ подъ наше опредѣленіе, нежели любая изъ новѣйшихъ литературъ, не исключая и французской, хотя греки и не знали искусства печатанія. Жизнь грековъ, политическая, государственная, общественная, религіозная, артистическая, ученая, была и безъ книгопечатанія въ высшей степени публична, такъ что книгопечатаніе, столь важное въ новомъ мѣрѣ, можетъ быть, противорѣчило бы духу и характеру ихъ публичности. Хотя произведенія поэтовъ греческихъ существовали и письменно, тѣмъ не менѣе эллины предпочитали живое изустное слово мертвой буквѣ и лучше любили слушать, нежели читать. Оттого декламация была у нихъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ искусствомъ, которое требовало не только ученія, но и природнаго дарованія. Древніе читали стихи не такъ, какъ читаемъ ихъ мы, но нараспѣвъ: ихъ поэзія тѣсно была соединена съ музыкой, и пѣвучая декламация стиховъ ихъ сопровождалась аккомпанементомъ на лирѣ. Отъ имени этого инструмента получила свое названіе лирическая поэзія; а отъ пѣвучей декламации стиховъ слова пѣть и воспѣвать получили значеніе слова сочинять, творить, что сохранилось, по преданію отъ грековъ, и при томъ не совсѣмъ основательно, и въ новѣйшей европейской поэзіи, въ которой весьма обыкновенны выраженія: «пою то-то или того-то», «я пѣлъ мою любовь, мои страданія» и т. п. Что греки не читали, а какъ бы пѣли свои стихи, это имѣло у нихъ глубокое основаніе, ибо происходило не отъ произвола обыкновенія и привычки, а отъ свойственнаго и сроднаго ихъ національному духу созерцанія искусства. У насъ каждый самъ читаетъ для себя стихи и наслаждается ихъ изяществомъ такъ же полно и при дурномъ чтеніи, какъ и при хорошемъ: для грека хорошо продекламировать стихи было тоже, что для насъ разыграть музыкальную пьесу. Оттого у насъ хорошее чтеніе стиховъ есть не больше, какъ умѣнье, которое не даетъ ни славы, ни извѣстности; у

грековъ хорошая декламация стиховъ была искусствомъ, для котораго требовался своего рода талантъ. Это было одной изъ причинъ, почему греческій театръ такъ же мало имѣлъ общаго съ нашимъ театромъ, какъ и наша драма мало имѣетъ общаго съ греческой. По понятію грековъ, искусство было представлениемъ, въ грандіозныхъ образахъ, явленій идеальной жизни—родъ религиозно-государственнаго представленія, героемъ котораго была національная жизнь. Поэтому ихъ трагедія могла сосредоточивать свой пафосъ и свою главную идею на полубогахъ, герояхъ,*) царяхъ и народѣ (который, въ видѣ хора, изъявлялъ свое мнѣніе о созерцаемомъ имъ зрѣлищѣ); изъ жизни же своихъ божественныхъ и царственныхъ героевъ трагедія греческая могла брать только идеальные, высокіе моменты. Поэтому актеры играли на котурнѣ и въ маскѣ; въ ихъ рѣчи хотѣли слышать спокойно-возвышенный голосъ, исполненный достоинства и величія; котурнѣ, возвышавшій ростъ актеровъ, отходя отъ природы дѣйствительности, тѣмъ болѣе приближался къ натурѣ идеальности, дѣлая представляемыхъ ими героевъ какъ бы жителями другого высшаго міра, для которыхъ были бы унизительны обыкновенные размѣры человѣческаго роста; маски, увеличивавшія собой лица актеровъ и носившія на себѣ общее идеальное выраженіе, также представляли глазамъ зрителей героевъ трагедіи въ особенномъ идеальномъ свѣтѣ. Къ тому же греческій народъ почелъ бы за профанію увидѣть героя въ знакомомъ ему лицѣ актера. Современность тоже не могла давать содержания для трагедіи: нужно было, чтобы колоссальные образы героевъ представлялись въ священномъ сумракѣ и таинственной дали вѣковъ и преданія. Изъ всего этого видно, что какъ трагедія, такъ и театръ греческій были чисто и исключительно. Здѣсь слово «искусственный» должно понимать въ смыслѣ «художественнаго», «артистическаго», противоположнаго пошлой, повседневной дѣйствительности, презрѣнной прозѣ житейскаго, а не въ смыслѣ противоположнаго натурѣ и естественности, поддѣльнаго и ложнаго, какъ понимаемъ мы слово «искусственный». Французы XVII и XVIII столѣтій, проникнувшіе отчасти въ таинства греческой буквы, но не проникнувшіе въ таинства греческаго духа, не понимавші, что у всякаго вѣка и всякаго народа свои идеи, а слѣдовательно, и свои; соответственныя

имъ, формы,—создали у себя искусство на манеръ древнихъ, тѣмъ болѣе не похожее на него, чѣмъ болѣе рабски было оно копировано съ его непонятыхъ ими формъ и вышностей. Французы рѣшились не пускать въ трагедію никого, кромѣ царей и ихъ наперсниковъ, а изъ простаго народа допустили только вѣстниковъ, заставивъ ихъ рапортовать надутымъ слогомъ о томъ, что сдѣлалось за кулисами; они забыли, что въ новѣйшемъ обществѣ проза жизни получила полное свое право на поэтическое представленіе, и что драма новѣйшей жизни слагалась изъ лицъ всѣхъ сословій.

Этой же страсти грековъ къ живому изустному слову обязано было своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ ораторское искусство, кромѣ дара краснорѣчія, требовавшее еще и необыкновеннаго дара декламации. Кому не извѣстно, какихъ чрезвычайныхъ усилій стоило Демосену, отъ природы надѣленному огромнымъ даромъ краснорѣчія, выработать изъ себя настоящаго оратора? Но страсть грековъ къ живому изустному слову не ограничивалась только театромъ и ораторской каеедрой: преданіе говорить, что древніе поэты — Гомеръ и Гезіодъ,—особенно первый и при томъ слѣпецъ и старецъ, ходя по Греціи, пѣли свои поэмы царямъ и народамъ. Пиндаръ состязался съ Коринной на олимпійскихъ играхъ. Океветанный въ безуміи неблагодарными дѣтьми, старецъ Софокль оправдался передъ народомъ, прочтя ему отрывки изъ своего «Эдипа». Отецъ исторіи, Геродотъ читалъ передъ народомъ, на олимпійскихъ играхъ, свое повѣствованіе о славной борьбѣ Эллады съ персидскими царями; а юноша Оукидидъ, слушая его, всенародно плакалъ отъ умиленія, въ предчувствіи собственнаго торжества на томъ же поприщѣ... Самая наука у грековъ была публичнымъ дѣломъ, а не таинственной магіей, какъ въ новѣйшія времена. Сократъ преподавалъ свое живое ученіе на площадяхъ и улицахъ: толпами могли ходить афиняне въ сады академіи, чтобы внимать урокамъ высшей мудрости изъ устъ божественнаго Платона... Причиной такого въ высшей степени прекраснаго и человѣческаго зрѣлища, единственнаго, какое когда-либо представляла собой народная жизнь, былъ національный духъ древней Эллады — первобытной родины изыщной гуманности. Если въ Афинахъ не было равенства состояній и даже равенства просвѣщенія и образованія, зато въ нихъ не было и черни, невѣжественной, грязной, покрытой лохмотьями, помысливающей только о матеріальномъ удовлетвореніи грубыхъ потребностей тѣла, чуждой всякаго чувства человѣческаго достоинства:

*) Отчего и произошло, по преданію отъ грековъ, слово *герой*, въ смыслѣ главнаго дѣйствующаго лица въ поэмѣ, драмѣ, романѣ, повѣсти, даже комедіи.

масса аеинскаго народонаселенія состояла не изъ черни, а изъ народа. Образование грековъ было общественное, а потому и всеобщее, народное, а не исключительное, въ пользу однихъ и невыгоду другихъ сословій. Аеиняне столь важнымъ считали публичное воспитаніе дѣтей, что когда, при нашествіи Восперкса, они принуждены были оставить свой городъ, и взрослые сѣли на суда, чтобы сражаться съ неприятелемъ, а дѣти, жены и старцы удалились въ Тризену,—то тризенцы, въ числѣ другихъ знаковъ своего радушія и участія къ бѣдственному положенію аеинянъ, опредѣлили платить за ихъ дѣтей жалованье учителямъ. Удивительно ли послѣ этого, что Перикль, собираясь говорить передъ аеинскимъ народомъ, просилъ боговъ, чтобы никакое неприличное предмету или неблагозвучное слово не вырвалось изъ устъ его; удивительно ли, что старая зеленщица аеинская по выговору могла признать въ ученомъ грекѣ не-аеинскаго уроженца? Удивительно ли, что аеиняне были не только народомъ войны и гражданственности, но и народомъ-артистомъ, народомъ-художникомъ, и что массы аеинскаго народонаселенія могли быть судьями и страстными любителями изящнаго. Когда обвиняемый въ растратѣ общественной казны на зданія Перикль погрозилъ заплатить свои деньги, но зато написать на зданіяхъ свое имя, то народныя толпы закричали единодушно, чтобы онъ не щадилъ казны на зданія. Причиной всего этого была публичность, составлявшая основу; гражданской жизни грековъ. Оттого жизнь ихъ отличается полнотой, многосторонностью и какой-то цѣлостностью, такъ что религія была у нихъ искусствомъ, искусство—религіей, жречество было тѣсно слито съ администраціей; воинъ во время мира учился мудрости, и мудрецъ во время войны сражался за отечество; художникъ былъ гражданиномъ, а простолудинъ не могъ жить безъ театра. Не такъ, какъ въ новомъ мірѣ, гдѣ ученый дичится свѣта и боится запаху пороха; военный, какъ достоинствомъ, хвалится безграмотностью и гордится невѣжествомъ, а художникъ поставляетъ себѣ за честь и обязанность жить внѣ современныхъ интересовъ общества и за облаками не видѣть земли, забывъ, что облака не другое что, какъ пустой туманъ, разсѣивающійся отъ лучей солнца! Да и какъ понятна послѣ этого, что греки себя считали людьми, а иностранцевъ считали варварами, и не хотѣли дѣлиться правами даже съ тѣми, у кого отецъ или мать не были чистой, безпримѣсной аеинской крови.

Итакъ, литература грековъ, въ полномъ значеніи слова, была выраженіемъ ихъ сознанія, слѣдовательно, всей ихъ жизни: религіозной, гражданской, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. Исторія греческой литературы тѣсно и неразрывно связана съ ихъ государственной или политической исторіей; тогда какъ исторія литературы новѣйшихъ народовъ есть только исторія одной стороны существованія каждаго изъ нихъ. Это оттого, что какъ въ древнемъ мірѣ всѣ стихіи общественной жизни были тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ и, взаимно проникая одна другую, образовывали собой прекрасное и живое единое цѣлое, такъ и въ новомъ мірѣ всѣ общественныя стихіи дѣйствуютъ разьединенно и каждая самобытно и особно. Это распаденіе, представляющее собой столь печальное и грустное зрѣлище, особенно при сравненіи его съ свѣтлымъ и прекраснымъ міромъ греческой жизни, было однако жъ необходимо для того, чтобы стихіи общности, развиваясь отдѣльно, тѣмъ полнѣе, глубже и совершеннѣе разработались, а потомъ бы уже снова слились и образовали новое, цѣлое и единое, которое будетъ тѣмъ выше міра греческой жизни, чѣмъ разьединеннѣе было въ новомъ мірѣ развитіе отдѣльныхъ стихій общности. И начало этого новаго единенія мы видимъ уже и теперь: стѣна національности между народами постепенно падаетъ; дружественно и братски начинаютъ они дѣлиться духовными дарами своего національнаго историческаго развитія и постепенно сливаются въ единое семейство человечества; наука мирится съ жизнью, искусство проникается общественными интересами; ученый принимаетъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ и миритъ кабинетную жизнь свою съ жизнью свѣтскаго салона; воинъ и купецъ не только ищутъ литературнаго образованія, но не чуждаются и интересамъ науки, хода идей. Конечно, все это еще только начало, и все это преимущественно относится пока только къ Франціи, этой Элладѣ новаго міра, отечества всемогущей прессы; но за началомъ всегда слѣдуетъ конецъ, и скоро или еще и не скоро, но придетъ же время, когда въ новомъ человечествѣ воскреснетъ древняя Греція, лучше и прекраснѣе, чѣмъ была она: Греція, прошедшая черезъ христіанство, побѣдившая климатъ, природу, пространство и время, вполнѣ покорившая духу своему царство матеріи.

Книгопечатаніе есть публичность новѣйшихъ народовъ, фокусъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтлыя лучи народнаго созна-

нія. Но, какъ мы уже сказали выше, у новѣйшихъ народовъ, несмотря на усиливашіеся со дня на день успѣхи книгопечатанія, литература все еще остается только одной изъ многихъ сторонъ сознанія, а не полнымъ его выраженіемъ, какъ въ Греціи. Въ самыхъ образованнѣйшихъ государствахъ Европы книгопечатаніе все еще болѣе или менѣе остается чѣмъ-то въ родѣ кабастики, темныя таинства которой открыты только для одной, сравнительно съ массой чѣлаго народонаселенія, весьма малой части: болѣшинство, нигдѣ не лишенное благодѣтельнаго вліянія цивилизаціи, тѣмъ не менѣе вездѣ коснѣетъ въ дикомъ невѣжествѣ, которое сильно заставляеть сомнѣваться въ чрезвычайныхъ будто бы въ настоящее время успѣхахъ человѣчества. Сама литература у новѣйшихъ народовъ раздроблена на множество отраслей, такъ что знакомый съ одной почитаетъ себя въ правѣ не знать другихъ. Впрочемъ, это нисколько не отрицаетъ существованіе литературы, въ полномъ значеніи этого слова, у новѣйшихъ народовъ: ибо хотя болѣшинство и массы не пользуются у нихъ, какъ это было въ древней Греціи, дарами національнаго духа, котораго они сами источникъ и почва, однако внимательный взоръ легко открываетъ въ литературахъ новѣйшихъ народовъ живое историческое развитіе духа тѣхъ самыхъ массъ, которыя въ своемъ невѣжествѣ и не подозреваютъ существованія литературы, выразившей сущность ихъ же собственнаго нравственнаго существованія. И потому литературы новѣйшихъ народовъ представляютъ собой картину исторически развившагося народнаго духа, гдѣ каждое отдѣльное явленіе вышло изъ предшествовавшаго и произвело въ свою очередь послѣдующее, гдѣ ничего, не являлось случайно, особно, но все связано въ единый живой организмъ.

Мы сказали, что литература есть сознаніе народа, исторически выражающееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи. Исторію можетъ имѣть только то, что органически развивается, имѣя точкой отправленія зародышъ, зерно національнаго духа народа (субстанцію), выходя изъ предыдущаго и производя послѣдующее. Развиваться же органически можетъ только то, что въ самомъ себѣ заключаетъ собственное свое содержаніе, подобно зерну, заключающему въ себѣ, какъ возможность, жизнь и форму будущаго растенія, а потому и одаренному жизненностью, которая, при выполненіи необходимыхъ условій—почвы, воздуха, свѣта, влажности,—тотчасъ же принимается за отправленіе своихъ функций, превращая зерно въ стебель,—сте-

бель—въ стволъ съ вѣтвями и листьями, съ цвѣтомъ и плодомъ. Вслѣдствіе этого литературу могутъ имѣть только тѣ народы, въ національномъ развитіи которыхъ выразилось развитіе человѣчества, и которыми, слѣдовательно, міродержавныя судьбы предоставили высокую роль представителей человѣчества въ великой драмѣ всемірной исторіи. И потому-то изъ древнихъ народовъ только у грековъ и римлянъ была своя литература, которой высокое значеніе не утратилось до сихъ поръ, но, какъ драгоценное наслѣдіе, перешло къ новымъ народамъ и послужило къ развитію ихъ общественной, ученой и литературной жизни. Причиной этому—богатое содержаніемъ субстанціальное зерно духовной жизни грековъ: въ этомъ зернѣ заключалась плодородная идея, изъ которой развилась вся исторія, а слѣдовательно, и литература этого народа. Идея эта была обще-человѣческая въ греческой формѣ, а потому и греческая литература, отслуживши грекамъ, не умерла вмѣстѣ съ ними, но перешла въ общее достояніе народовъ, въ лицѣ которыхъ, послѣ грековъ, стало выражаться человѣчество. Литература римлянъ не имѣетъ такого высокаго значенія въ сферѣ искусства, какъ литература греческая; лучшее и величайшее произведеніе римлянъ былъ кодексъ Юстиніана—плодъ историческаго развитія римской жизни. И однако жъ зерно національнаго духа римлянъ, развившееся въ «вѣчный городъ», оцивилизовавшее весь древній міръ и давшее новое направленіе цивилизаціи новѣйшаго міра, заключаетъ въ себѣ такое великое всемірно-историческое и обще-человѣческое значеніе, что ради его латинская литература, поэтическая и историческая, возросшая, такъ сказать, на могилѣ римской жизни, доселѣ уважается почти наравнѣ съ греческой. И чѣмъ обще-человѣченнѣе оплодотворяющая жизнь народа субстанціальная идея, чѣмъ болѣе народъ выражаетъ своей жизнью человѣчество и чѣмъ болѣе имѣетъ вліянія на его судьбы,—тѣмъ болѣе литература такого народа подходитъ подъ значеніе литературы вообще, тѣмъ она выше и важнѣе. И, наоборотъ, чѣмъ меньше источникъ духовной жизни народа, чѣмъ отдѣльнѣе судьба народа отъ судебъ человѣчества,—тѣмъ ограниченнѣе значеніе его литературы, тѣмъ менѣе—она литература. И потому-то гораздо болѣе такихъ народовъ, которыхъ литературы или незначительны, или у которыхъ вовсе нѣтъ литературы, чѣмъ народовъ, которыхъ литературы значительны или которые имѣютъ какую-нибудь литературу.

Говоря о литературѣ, мы преимущественно разумѣемъ и зящную литературу—кругъ произведеній поэтическихъ, художественныхъ. Сюда, для полноты слова «литература», могутъ относиться такія словесныя произведенія, которыя, принадлежа къ сферѣ ученой, какъ исторія, или, имѣя своимъ источникомъ опредѣленную практическую цѣль, какъ ораторскія рѣчи, тѣмъ не менѣе составляютъ собой предметъ живого общаго интереса и требуютъ для своего выраженія болѣе или менѣе художественной формы, а отъ людей, посвящающихъ себя такого рода дѣятельности, болѣе или менѣе художественнаго таланта. Такимъ образомъ творенія Геродота, Фукидида, Тацита, ученые по своему содержанию, въ то же время суть и изящныя произведенія, по искусству ихъ концепціи и изложенія. О рѣчахъ Демосоена и Цицерона нечего и говорить: хотя краснорѣчіе и не вполнѣ искусство, какъ поэзія, потому что оно имѣетъ опредѣленную, чисто-практическую цѣль и опирается на диалектику, а не на творчество, но все же оно—искусство, потому что требуетъ отъ импровизаціи художественности въ выраженіи, а отъ оратора—таланта и вдохновенія.

Съ этой точки зрѣнія литература и словесность представляются въ новыхъ отношеніяхъ различія между собой. Поэзія, не возвысившаяся на степень искусства, художества, принадлежитъ къ области словесности, а не литературы. Такая поэзія называется народной. Она выражаетъ собой сознаніе народа, еще не вышедшее изъ пеленъ непосредственнаго, безсознательнаго созерцанія. Въ произведеніяхъ народной поэзіи еще нѣтъ мысли, а есть только темное стремленіе къ мысли, ея предощущеніе, предчувствіе. И потому произведенія народной поэзіи не могутъ возвыситься до художественной формы, въ которую можетъ воплощаться развѣвшееся до идеи созерцаніе. Вслѣдствіе этого народная поэзія одного народа мало и не вполнѣ доступна другому: на ней лежитъ печать исключительной особенности. Сфера народной поэзіи не обширна и не многосложна: пословица, поговорка, параболы, басня, пѣсня, сказка, легенда—эти первыя проявленія сознанія младенческихъ обществъ—вотъ все, что заключаетъ въ себя поэзія, которую называютъ народной, естественной или непосредственной и которую еще можно назвать поэтической словесностью народа. Если субстанціальное зерно духовной жизни народа падаетъ на историческую почву и получаетъ возможность развиться изъ самого себя,—тогда естественная поэзія народа перерождается въ художественную,

словесность—въ литературу, и первая остается преимущественно на долю низшихъ, необразованныхъ классовъ народа, никогда не умирая въ его устахъ, а вторая дѣлается исключительнымъ достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ народа. Когда наступаетъ періодъ исторической и критической разработки литературы, — естественная или народная поэзія, т. е. словесность, становится предметомъ изученія для ученыхъ и литераторовъ, а черезъ нихъ дѣлается извѣстной и читающей публикѣ, и болѣе или менѣе интересуется ее своими наивными произведеніями. Художественная же поэзія только развѣ черезъ театръ бываетъ болѣе или менѣе доступна низшимъ классамъ народа. Если содержаніе жизни народа лишено обще-человѣческаго значенія, такъ что безъ искусственнаго и насильственнаго отрицанія своей національности и своего историческаго развитія, въ пользу цивилизаціи народовъ, представляющихъ въ лицѣ своемъ челоуѣчество, онъ не можетъ возвыситься до значенія всемірно-историческаго народа, то изъ естественной поэзіи такого народа не можетъ развиваться художественная, а изъ ея словесности литература. Тогда словесность такого народа остается исключительнымъ достояніемъ простонародья, а для образованныхъ классовъ создается подражательная литература, господствующая до тѣхъ поръ, пока чужеземные элементы не проникнутъ національныхъ и вслѣдствіе этого не возникнетъ, наконецъ, литература самобытная. Въ послѣднемъ случаѣ народная поэзія вновь обращаетъ на себя вниманіе образованныхъ классовъ и, по духу реакціи, дѣлается предметомъ подражанія даже со стороны истинныхъ художниковъ; но скоро узнаютъ, что изъ нея немного выжмешь, и отводятъ ей укромное мѣсто въ исторіи отечественнаго слова, отдѣльно и безъ связи съ исторіей собственно литературы. Такъ было, какъ увидимъ ниже, съ народной поэзіей въ Россіи.

Произведенія словесности, непосредственно выходя изъ духа народа, носятъ на себѣ общій отпечатокъ этого духа и въ содержаніи, и въ формѣ: этимъ однимъ и ограничиваются ихъ отношенія и связь между собой. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ вліянія на другое, ни одно не бываетъ слѣдствіемъ другого; они являются отдѣльно, разрозненно, и для нихъ, слѣдовательно, нѣтъ исторіи. Память народа хранить ихъ также отрывочно, не зная ихъ числа, многія изъ нихъ измѣняя, другія забывая совсѣмъ. Изъ этого общаго правила должна быть исключена только греческая народная поэзія, въ первыхъ проявленіяхъ которой виденъ за-

родышь, изъ котораго впоследствии разви-
лась вся греческая литература. Глубокія
философскія идеи скрыты въ гимнахъ поэ-
товъ до-омировскаго времени, и эти гимны
приписываются извѣстнымъ именамъ, а не
безличному лицу народа. Оттого и самая
форма первыхъ проблесковъ возникавшаго
народнаго сознанія въ греческой поэзіи не
чужда нѣкоторой художественности, хотя
въ то же время ихъ содержаніе и испол-
нено символизма. И потому у грековъ по-
чти не было ни народной поэзіи, ни словес-
ности въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ
эти слова; но была художественная поэзія
и литература. Ихъ литература съ самаго
начала ея, теряющагося во мракъ времени,
была національной, а не народной, потому
что въ Греціи народъ никогда не составлялъ
особеннаго государства въ государствѣ, ни-
когда не былъ чернью, и творенія Омира
и трагиковъ точно такъ же существовали и
для него, какъ и для высшихъ сословій. Въ
греческой литературѣ нѣтъ рѣзкой черты,
которая бы отдѣляла ихъ младенческую,
естественную поэзію отъ художественной;
напротивъ, въ ней все вытекаетъ одно изъ
другого, подобно рѣкѣ, становясь въ своемъ
теченіи все шире и шире... Хотя нѣкоторыя
изъ новѣйшихъ литературъ тоже связаны
съ своей естественной поэзіей и развились
изъ нея, однако жъ эта связь въ нихъ да-
леко не такъ тѣсна, какъ въ греческой.
Если пѣсня, романъ и баллада—эти чисто-
народныя произведенія Европы среднихъ вѣ-
ковъ—были началомъ и источникомъ худо-
жественной лирической поэзіи въ Европѣ,
—то все же между какимъ-нибудь Байро-
номъ, Гёте и Шиллеромъ едва ли есть такъ
много общаго съ менестрелями, трубадурами,
труверами и бардами, какъ много общаго
въ гимнахъ, приписываемыхъ Липу, Музею
и Ормею, съ позднѣйшими гимнами Изіода
и Омира, съ «Илладой» и трагиками. Если
испанская и англійская драмы развились
изъ мистерій среднихъ вѣковъ, какъ гре-
чeskая изъ вакхическихъ праздниковъ, то
все же нѣтъ ничего общаго между этими
мистеріями и драмами Шекспира, и по край-
ней мѣрѣ очень немного общаго между этими
мистеріями и драмами Лопеца де-Веги и
Кальдерона, не говоря уже о французской
трагедіи, которая вслѣдствіе ошибочнаго по-
дражанія греческой пошла совершенно дру-
гой дорогой.

Письменность служить, хотя и не
всегда, естественнымъ переходомъ отъ сло-
весности къ литературѣ; ея иногда какъ бы
оканчивается словесность и начинается ли-
тература. Письменность оказываетъ вели-
кую услугу словеснымъ произведеніямъ на-
рода, освобождая ихъ отъ непосредственной

принадлежности лицамъ и избавляя отъ
опасности погибнуть навсегда съ лицами,
вслѣдствіе разныхъ случайностей. Но эта
услуга не полная, потому что рукопись такъ
же въ свою очередь подвержена вліянію
случайностей: можетъ сгорѣть, потонуть,
сгнить, затеряться. «Слово о полку Иго-
ревѣ» дошло до насъ въ единственномъ спи-
скѣ, и то искаженномъ мѣстами до бессмы-
слицы. А кто поручится, что древняя Русь
не имѣла и другихъ поэмъ, въ родѣ «Слова
о полку Игоревомъ», которыхъ не сохра-
нила для насъ письменность? Сколько по-
гибло памятниковъ древней литературы Гре-
ціи и Рима.

У народовъ, не игравшихъ всемірно-исто-
рической роли, письменность мало или почти
никакихъ услугъ не оказала поэзіи, какъ
мы уже говорили объ этомъ выше. Такъ,
до насъ дошли только тѣ изъ русскихъ пѣ-
сенъ, которыя сохранились въ памяти на-
рода, хотя и измѣненные временемъ. Но со-
всѣмъ другую роль играла письменность у
народовъ, которые своей жизнью вырази-
ли движеніе всемірно-историческаго духа.
Такъ, напримѣръ, когда монархія Алексан-
дра Македонскаго рушилась, міръ греческой
жизни уже отцвѣлъ, и свитокъ рукописи
заглушилъ собой живое изустное слово: то-
гда явилась письменная литература, обра-
зовавшая нѣчто цѣлое и единое соедине-
ніемъ въ себѣ произведеній такъ-называе-
мой «Александрійской» или «Неоплатони-
ческой школы». Такъ, впоследствии творе-
нія отцовъ церкви христіанской всегда об-
разовывали собой, и на Востокъ, и на За-
падъ, отдѣльную литературу, которой раз-
витіе совершилось въ связи и послѣдова-
тельности, и которой исторія тѣсно свя-
зана съ исторіей человѣчества въ ту вели-
кую эпоху.

Существенное и главное различіе между
«словесностью» и «литературой» состоитъ
въ томъ, что въ «словесности» преобладаю-
щимъ интересомъ является языкъ, какъ
матеріаль всякаго словеснаго произведе-
нія; а въ «литературѣ» самостоятельный ин-
тересъ языка исчезаетъ, подчиняясь дру-
тому, высшему интересу — содержанію,
которое въ литературѣ является преоблада-
ющимъ и самостоятельнымъ интересомъ. И
потому, если можетъ быть исторія словес-
ности, такъ это въ смыслѣ исторіи разви-
тія языка въ словесныхъ произведеніяхъ
народа, безъ отношенія къ ихъ содержанію.
А оттого «словесность» и принимается въ
смыслѣ науки, и можно сказать: «учиться
словесности». Въ этомъ отношеніи словес-
ность соприкасается въ своемъ значеніи съ фи-
лологіей. Но литературѣ нельзя учиться,
а можно только изучать литературу. Сло-

весныя произведенія могутъ разсматриваться со стороны этимологiи, графики, лексикографіи, грамматики, стилистики. Словесныя произведенія народа могутъ раздѣляться по содержанію только выѣшнимъ образомъ, чтобы поэтическіе памятники не смѣшивались съ лѣтописями и памятниками духовной, юридической словесности; но главное и существенное ихъ раздѣленіе бываетъ по эпохамъ, въ которыхъ совершились измѣненія, испытанныя языкомъ въ его развитіи во времени. Когда же словесныя произведенія разсматриваются со стороны ихъ содержанія, мимо интереса языка, тогда они совершенно выходятъ изъ сферы словесности и поступаютъ въ вѣдѣніе той науки, къ которой относится ихъ содержаніе: такъ, на примѣръ, произведенія духовнаго содержанія отходятъ тогда къ церковной исторіи, лѣтописи и хроники къ политической исторіи, памятники законодательства, судебныя и т. п. къ исторіи права, и т. д. Вообще словесность не разборчива: она принимаетъ въ себя равно и худое, и хорошее, и посредственное, и превосходное, лишь бы оно выразилось въ словѣ. Литература исключаетъ изъ себя все случайное и признаетъ своими произведеніями только то, въ чемъ положительно или отрицательно выразилось диалектическое движеніе развивающейся во времени идеи. Поэтому къ литературѣ относятся даже и такія произведенія, въ которыхъ видно уклоненіе отъ здраваго вкуса и основныхъ законовъ творчества, если только это уклоненіе было не случайное, но или выразило собой необходимо, вслѣдствіе глубокихъ историческихъ причинъ, родившееся заблужденіе общества или и цѣлаго человечества (какъ, на примѣръ, псевдо-классическая поэзія во Франціи XVII и XVIII вѣковъ и морально-романическая школа въ Англіи XVIII вѣка, школа Фильдинга и Ричардсона), или необходимый переходъ отъ стараго къ новому (какъ, на примѣръ, неистовыя произведенія новѣйшей романтической школы). Напротивъ того, литература исключаетъ изъ себя даже ознаменованныя большей или меньшей степенью таланта произведенія, если только они, не принадлежа къ высшимъ явленіямъ въ сферѣ искусства, въ то же время не выражаютъ собой духа времени, его господствующей идеи, а потому и лишены всякаго историческаго значенія. Въ область литературы входятъ только родовыя типическія явленія, которыя фактически осуществили собой моменты историческаго развитія. И потому всякая литература имѣетъ свою исторію, тогда какъ словесность можетъ имѣть только библиографію. Задача всякой исторіи состоитъ въ томъ, чтобы подвести многообразіе част-

ныхъ явленій подъ общее значеніе, открыть въ многообразіи частныхъ явленій органическую связь, взаимнодѣйствіе и отношенія, и прослѣдить въ послѣдовательности многообразныхъ явленій развитіе живой идеи, составляющей ихъ душу. Задача библиографіи состоитъ только въ томъ, чтобы описать каждое изъ данныхъ произведеній словесности по его содержанію, формѣ, особенностямъ. Библиографія говоритъ просто: такая-то рукопись или книга заключаетъ въ себя то-то и то-то, принадлежитъ она къ такому-то вѣку, писана на пергаментѣ или на бумагѣ уставомъ, столбцами или печатана такимъ-то прифтомъ, въ такую-то долю листа и т. п. Если библиографія соблюдаетъ какой-нибудь порядокъ, то всегда внѣшній, для удобства употребленія, а не по требованію сущности предмета; она классифицируетъ рукописи и книги, какъ классифицируютъ ихъ каталоги и реестры. Поэтому произведенія словесности суть какъ бы тѣни, являющіяся на заклинанія магика; произведенія литературы — живыя, всѣмъ извѣстныя и для всѣхъ равно-доступныя лица, съ опредѣленными именами. Лабораторія словесности — келья монаха, уединеніе мудреца, зала пиршества, темный лѣсъ, зеленыя дубравы и широкія поля; оттуда выходили всѣ произведенія ея — хроники, лѣтописи, поученія, легенды, пѣсни, сказки и т. п. Лабораторія литературы — общество съ его интересами и жизнью. Словесность лишена арены: она можетъ интересоваться только любознательныхъ ученыхъ, тружениковъ науки, книжниковъ, литераторовъ, которые одни только и могутъ ею заниматься. Литература имѣетъ опредѣленную арену въ книгѣ, журналѣ, театрѣ, трибунѣ; она сама есть родъ сцены, на которой разыгрывается драма передъ лицомъ многочисленнаго собранія, изъясняющаго рукоплесканіями и кликами свое участіе и восторгъ.

Письменность есть средство равно и для словесности, и для литературы, сохраняя произведенія первой и выражая собой движеніе послѣдней. Если въ письменности выражается духъ эпохи и она принимаетъ характеръ не только догматическій, но и полемическій, тогда она бываетъ литературой или по крайней мѣрѣ служитъ переходомъ отъ словесности къ литературѣ. Разумѣется, это бываетъ только у народовъ, стоящихъ во главѣ человечества, и при томъ въ самыя жизненныя эпохи своего историческаго существованія. Такъ было, какъ сказали мы выше, въ первые вѣка христіанской церкви, во время расколовъ и соборовъ; такъ было въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ изъ богословской полемики образовались диалектика, логика и метафи-

зика. Но письменность во всякомъ случаѣ представляетъ для развитія литературы слишкомъ тощую почву и ограниченную сферу, и безъ книгопечатанія новѣйшая литература навсегда бы могла остаться слабымъ растеніемъ, поддерживающимся искусственными средствами. Съ другой стороны, не должно забывать, что у народа, лишеннаго духа всемірно-исторической жизни, и книгопечатаніе не родитъ литературы: будутъ книги и, пожалуй, въ огромномъ количествѣ, но литературы все-таки не будетъ.

Выше сказали мы, что «литература есть выраженіе умственного существованія (сознанія) народа въ его словесныхъ произведеніяхъ.» Каждый народъ живетъ своей жизнью, а какъ жить не значитъ только родиться, ѣсть, пить и умирать, но и мыслить, знать, — то, слѣдовательно, каждый народъ живетъ и своимъ сознаніемъ, которое есть не что иное, какъ одна изъ многихъ сторонъ сознающаго себя общечеловѣческаго духа. Особенность сознанія, принадлежащаго одному народу и отличающаго его отъ всѣхъ другихъ народовъ, состоитъ въ его міросозерцаніи, въ томъ инстинктивномъ внутреннемъ взглядѣ на міръ, съ которымъ онъ, такъ сказать, родится, какъ съ непосредственнымъ и только одному ему присущимъ откровеніемъ истины, и который есть его самодвижительная сила, жизнь и значеніе. Міросозерцаніе народа — это та умственная призма, съ однимъ или нѣсколькими первосущими цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Народъ есть идеальная личность, у которой, подобно каждому отдѣльному человѣку, своя особенная натура, свой темпераментъ, свой характеръ, словомъ, своя субстанція (слово, котораго значеніе далеко не вполне можетъ быть выражено словомъ сущность). Почему у того или у другого народа именно такая, а не такая субстанція, — этого такъ же невозможно объяснить, какъ и того, почему одинъ человѣкъ рождается съ способностью къ живописи, а не къ музыкѣ, другой — къ математикѣ, а не къ военному искусству, и т. д. Правда, на образованіе субстанціи народа имѣютъ большее или меньшее вліяніе географическія, климатическія и историческія обстоятельства; но тѣмъ не менѣе очевидно, что первая и главная причина субстанціи всякаго народа, какъ и всякаго человѣка, есть физиологическая, составляющая непроницаемую тайну непосредственно-творящей природы. Субстанція въ свою очередь есть прямой и непосредственный источникъ міросозерцанія народа. Изъ міросозерцанія народа возникаетъ животворная идея; развитіе этой идеи въ живой практической дѣятельности составля-

етъ историческую жизнь народа. Движительнымъ развитіемъ этой идеи народъ живетъ: ею онъ и силенъ, и крѣпокъ, и могущъ, такъ что, когда эта идея совершить полный кругъ своего развитія, — животворный источникъ народной жизни иссякнетъ, народъ теряетъ свою энергію и начинается существовать только внѣшнимъ образомъ, пока какой-нибудь внѣшній же толчокъ не прекратитъ его призрачнаго существованія. Такъ кончилось существованіе Греціи и Рима, когда первая изжила всю свою религиозно-мионическую и эстетически-гражданственную жизнь, а второй утратилъ энтузіазмъ республиканской доблести. Міросозерцаніе, а слѣдовательно, и субстанціальная идея народа проявляется въ его религіи, въ его гражданственности, въ его искусствѣ и знаніи. Уловить міросозерцаніе какого бы то ни было народа въ краткое и удовлетворительное опредѣленіе — чрезвычайно трудно; довольно указать на его присутствіе въ многообразныхъ проявленіяхъ народнаго сознанія. Въ Индіи, напр., издревле до нашихъ временъ царствуетъ пантеистическое міросозерцаніе, и Богъ понятъ, какъ вѣчно-производящая и вѣчно-разрушающая сила природы. Для индійца каждое явленіе природы есть воплощеніе Браммы, и потому для него все въ природѣ выше человѣка, и онъ набожно хранитъ жизнь всякаго животнаго, хотя бы то было насѣкомое, и небрежетъ о своей собственной и своихъ ближнихъ. Погружаться въ созерцаніе совершенствъ Браммы, исчезать въ восторженномъ блаженствѣ этого пѣтического созерцанія и духомъ, и плотью — цѣль жизни индійца. И потому-то въ Индіи въ такомъ употребленіи добровольно терзать свою плоть физическими муками, бросаться подъ колеса гигантскаго истукана, сожигаться на кострахъ, и т. п. Это міросозерцаніе отразилось въ искусствѣ индійскомъ. Неопредѣленное божество, подавляющее бѣднаго человѣка своимъ всеокружающимъ величіемъ, не могло выразиться иначе, какъ въ храмахъ колоссальныхъ, подобно горамъ, въ гигантскихъ и уродливыхъ истуканахъ. То же явленіе повторилось и въ литературѣ: «Махабхарата» и «Рамаяна», по ихъ внѣшней формѣ, огромны, нестройны, завалены эпизодами; по содержанію, исполнены присутствіемъ божества, производящаго и разрушающаго, и человѣкъ въ нихъ съ безусловнымъ самоотверженіемъ поглощается въ деспотической волѣ этого страшнаго божества, изъ-подъ безчисленныхъ образовъ котораго всегда выглядываетъ обоготворенная матерія вселенной. Въ Персіи это пантеистическое божество отрѣшилось отъ всякой образности, изъ царства видимой природы перешло въ цар-

ство духовъ (самодѣйствующихъ и первосущныхъ силъ природы) и распалось на двойственное и враждебное себѣ самому понятие добра и зла. Въ племенахъ семитическихъ божество, отрѣшившись отъ всякой образности, явилось безплотной и отвлеченной идеей в есущности — безличной индивидуальностью. Это міросозерцаніе перешло впоследствии и въ магометанство. Но, несмотря на свою духовность, оно есть тотъ же индійскій пантеизмъ, только на высшей степени своего развитія. Въ Египтѣ видна борьба природы съ человѣкомъ: египетское ваяніе коснулось и человѣка, но этотъ человѣкъ лишень жизни, связанъ и блещеть только мертвой правильностью чертъ лица. Часто онъ является тамъ неотдѣленнымъ отъ животнаго, и въ сфинксѣ выразилось торжество египетской фантазіи, не могшей ни оторваться отъ животнаго, ни возвыситься до человѣка. Въ Греціи, въ лицѣ мифическаго Эдипа, человѣкъ побѣдилъ сфинкса, разгадавъ его загадку, смыслъ которой былъ «человѣкъ», и въ разгадкѣ которой выразилось самосознаніе человѣка: сфинксъ отъ стыда и досады бросился въ море, а человѣкъ остался царемъ на землѣ. И потому если грекъ очеловѣчилъ божество, выражавшееся на Востокѣ только въ животныхъ образахъ, то и обожествилъ человѣка — и это не въ одномъ изяществѣ благородныхъ формъ его тѣла, но и въ духовномъ стремленіи его къ истинному, прекрасному, доблестному, которое, по понятію грека, было божественнымъ, хотя въ немъ отразилась его же собственная человѣческая сущность. И такъ, по созерцанію эллина, божественное внѣшняго человѣка состояло въ красотѣ, а божественное внутренняго человѣка состояло въ героизмѣ, въ смыслѣ борьбы долга съ рокомъ, — и тамъ, гдѣ побѣда оставалась за человѣкомъ, человѣкъ дѣлался выразителемъ и представителемъ божественнаго, а гдѣ человѣческая личность побѣждалась страстью и эгоизмомъ, тамъ божественное являлось торжествующимъ въ трагической катастрофѣ падшей нравственно личности. Во всемъ, и въ природѣ, и въ духѣ человѣка, и въ религіи, и въ гражданственности, и въ искусствѣ, грекъ искалъ и находилъ божественное и упивался имъ въ блаженномъ созерцаніи. Дѣлъ жизни для грека было наслажденіе, заключающееся въ одномъ божественномъ. И потому у грека самая чувственность была обожествлена чувствомъ красоты и изящества, которыя тѣсно были соединены въ его созерцаніи съ чувствомъ нравственнаго. Жрецъ ли, воинъ ли, администраторъ ли, мудрецъ ли, художникъ ли, гость ли на пиру: грекъ

ездѣ священнодѣйствовалъ, ездѣ былъ актеромъ, который беретъ себѣ роль, чтобы, слившись съ страданіемъ и блаженствомъ героя драмы, насладиться и своимъ съ нимъ единствомъ, и своей отъ него особностью въ одно и то же время. Вотъ это-то міросозерцаніе и лежитъ въ основѣ каждаго художественнаго произведенія греческаго, а слѣдовательно, и въ греческой литературѣ, лежитъ въ ихъ основѣ, какъ мысль затаенная, но тѣмъ не менѣе ясная и ощутительная, какъ національный мотивъ, по которому узнаютъ музыку того или другого народа во всѣхъ его пѣсняхъ. И это-то міросозерцаніе и составляетъ то вѣчное и непреходящее, то божественное греческой литературы, которое и сдѣлало ее общимъ достоинствомъ человѣчества, несмотря на измѣненіе нравовъ и понятій въ теченіе тысячелѣтій, которое пережило эмпирическое существованіе грековъ и умереть только съ человѣчествомъ, если человѣчество можетъ умереть. Въ греческомъ міросозерцаніи мы видимъ торжество развитія древняго міра, видимъ въ ней цвѣтомъ то, что въ Индіи было корнемъ, въ Египтѣ — стеблемъ и листьями. По этому самому даже искусство и литература индійцевъ имѣютъ всемірно-историческое значеніе, какъ выраженіе ступени всемірно-историческаго развитія. Египтяне оставили памятники своего интеллектуальнаго существованія преимущественно въ зодчествѣ и ваяніи, въ громадной нескладности и животныхъ типахъ которыхъ выразилось окончательное обожествленіе природы и порываніе къ идеѣ человѣка. И потому египетское искусство тоже имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Но несравненно выше ихъ всемірно-историческое значеніе греческаго искусства и греческой литературы, въ которыхъ все, что въ другихъ древнихъ народахъ проявлялось неопредѣленно, разрозненно, чудовищно, явилось опредѣленно, полно и изящно.

Пантеистическое міросозерцаніе, отпавшееся отъ Индіи, черезъ Персію, къ семитическимъ племенамъ и принявшее отвлеченно-духовный характеръ, миновало Грецію и перешло въ Европу среднихъ вѣковъ, преобразованное христіанствомъ; а въ Азіи преобразовалось въ магометанство. Нѣтъ нужды доказывать, что священная литература евреевъ имѣетъ всемірно-историческое значеніе; но должно сказать, что поэзія восточныхъ народовъ, какъ то исламизма, такъ и во время его владычества, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе въ той мѣрѣ, въ какой выражается въ ней пантеистическое міросозерцаніе. Въ Европѣ новыхъ временъ, по исходѣ среднихъ вѣковъ, гений Востока, развивавшійся мимо

Греції, снова встрѣтился съ древне-европейскимъ міромъ, чрезъ знакомство съ литературами Греції и Рима.

У римлянъ, какъ у народа по преимуществу практически-дѣятельнаго, не могло развиться ни самостоятельной поэзіи, ни самобытной литературы: литература ихъ есть подражаніе греческой, и явилась у нихъ при крутомъ поворотѣ римской жизни къ упадку и гніенію. Латинская литература преимущественно заключается въ рѣчахъ ораторовъ и въ историческихъ твореніяхъ, которыхъ характеръ болѣе риторическій, какъ оно и должно было быть у народа общественнаго, гдѣ краснорѣчіе имѣло характеръ судебный и политическій. Истинная латинская литература, т. е. національная и самобытная латинская литература, заключается въ Тацитѣ и сатирикахъ, изъ которыхъ главнѣйшій—Ювеналь. Эта литература, явившаяся въ эпоху крайняго разложенія стихій общественной жизни римлянъ, имѣетъ высокое значеніе высшаго нравственнаго суда надъ сгнившимъ въ развратѣ обществомъ, чтó даетъ ей по преимуществу всемірно-историческое, а слѣдовательно, и никогда не умирающее значеніе. Литература же великаго и цвѣтущаго Рима преимущественно заключается въ его законодательствахъ.

На позорище новаго міра три націи представляютъ въ своемъ лицѣ современное намъ человечество—Франція, Германія и Англія. Прежде нихъ вышедшая на поприще всемірно-исторической дѣятельности, Италія уже какъ бы умерла въ настоящее время и въ летаргическомъ усыпленіи, съ тоской, тѣшечно ожидаетъ своего возрожденія для будущаго. Мы говоримъ не о политическомъ, а о нравственномъ, духовномъ существованіи народовъ. Италія, по разрушеніи Рима варварами, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли въ политическомъ мірѣ и только хитростью отдѣлывалась отъ многочисленныхъ враговъ, и съ сѣвера, и съ юга безпрестанно наводнявшихъ собой ея прекрасную почву. Германія и теперь не одно государство, не одинъ народъ, а множество государствъ и народовъ, и въ политическомъ мірѣ не Германія, а Пруссія и Австрія играютъ теперь первостепенныя роли. Но предметъ нашего изслѣдованія—не Пруссія, и еще менѣе Австрія, а Германія или, лучше сказать, духъ германскаго племени, его нравственное, а не политическое владычество въ современномъ мірѣ. И вотъ въ этомъ-то отношеніи Италія—страна мертвая въ наше время. А какую блестящую роль играла она еще въ то время, когда вся остальная Европа была погружена во мракъ варварства! Еще

тогда въ ней была уже цивилизація—отблескъ наслѣдованной ею классической цивилизаціи, утонченность нравовъ, наука и искусство. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, Италія имѣла уже Данта, Петрарку и Боккачіо; въ XVI—Аріоста и Тасса; но не этимъ только ограничивалось владычество Италіи въ сферѣ искусства: Италія—отечество зодчества, живописи, скульптуры, музыки. Нѣтъ никакой нужды приводить здѣсь имена ея великихъ художниковъ: они такъ известны всѣмъ. Итальянецъ, это—или артистъ, или диллетантъ уже по самой натурѣ своей; онъ родится или артистомъ, или диллетантомъ. Гондольеръ въ Италіи поетъ октавы Тасса, народъ аплодируетъ при появленіи на улицѣ какого-нибудь знаменитаго маэстро. Путешественники всѣхъ странъ не могутъ не удивляться правильной и благородной красотѣ римскаго простонародья, искусству римскаго крестьянина драпироваться своимъ бѣднымъ плащомъ и принимать живописныя позы во всѣхъ его положеніяхъ. Земля священныя развалинъ, почва, усѣянная памятниками и обломками древняго искусства, царство благодатной и роскошной природы, вся прелесть, вся наслажденіе, вся восторгъ и вдохновеніе,—поэтическая, живописная и пѣвучая Италія, въ артистическомъ отношеніи, была наслѣдницей древней Греції. Она царяла въ области изящнаго, въ области вкуса. Чтó было этому причиной, если не субстанція народа? Скажутъ: это направленіе произвели обстоятельства, видъ памятниковъ древняго искусства, непосредственное наслѣдіе древней цивилизаціи. Но почему же римляне, ограбившіе Грецію произведеніями ея искусства, почему они, несмотря на то, попрежнему остались народомъ безъ эстетическаго вкуса, безъ всякой способности къ творчеству? потому что всѣ, даже позднѣйшія произведенія древняго рѣзца, уже ознаменованныя признаками упадка искусства, были дѣломъ рукъ грековъ, пріѣзжавшихъ или переселявшихся въ Римъ. Чтобы Италія сдѣлалась отчизной искусствъ, римской крови нужно было возродиться черезъ смѣшеніе съ кровью гоговъ и лонгобардовъ...

Другая роль въ человечествѣ суждена французамъ, нѣмцамъ и англичанамъ—этимъ тремъ національностямъ, идущимъ теперь во главѣ человечества. Германія и Франція представляютъ собой два противоположныя полюса, двѣ противоположныя крайнія стороны духа человеческого; первая: вся—мысль, вся—созерцаніе, вся—знаніе, вся—мышленіе; вторая: вся—страсть, вся—движеніе, вся—дѣятельность, вся—жизнь. Германія понимаетъ (созерцаетъ) природу и

человѣка, — словомъ, дѣйствительность, понимаетъ ее не иначе, какъ предметъ для сознанія, — и отсюда мыслительно-созерцательный, субъективно-идеальный, восторженно-аскетическій, отвлеченно-ученый характеръ ея искусства и науки. Оттого и само искусство ея не что иное, какъ параллель философіи, какъ особенная форма созерцательнаго мышленія, и оттого же и всемірно-историческій характеръ произведеній ея литературы — и науки, и поэзіи. Отсюда же истекаетъ и яркая противоположность между высокими, всемірно-историческимъ значеніемъ нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ, и ихъ пошлостью въ гражданскомъ и семейственномъ быту. Франція, напротивъ, понимаетъ жизнь какъ жизнь, а мысль какъ дѣятельность, какъ развитіе общественности, какъ приложеніе къ обществу всѣхъ успѣховъ науки и искусства. Для нѣмца наука и искусство — сами себѣ цѣль, самостоятельная и священная сфера, которую значило бы профанировать, внося въ нее что-нибудь отъ міра или требуя отъ нея вмѣшательства въ дѣла жизни; для француза наука и искусство — средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. И вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные и даже полубразованные народы міра; вотъ почему даже ея легучія, эфемерныя произведенія пользуются такой всеобщностью, такой повсюдной извѣстностью. Нѣмецъ бьется только изъ того, чтобы понять истину, а поймутъ ли его самого, — объ этомъ онъ мало заботится; онъ пишетъ для тружениковъ истины, готовыхъ добиваться ея въ потѣ лица, для ученыхъ: людей просто, общества онъ и знать не хочетъ. Отсюда туманность, неуклюжесть и часто педантизмъ нѣмецкаго способа писать и выражаться. Французъ, по преимуществу человѣкъ общительный и общественный, исполненный симпатіи къ людямъ и обществу, прежде всего заботится о томъ, чтобы его поняли всѣ, и скорѣе рѣшится пожертвовать глубиной мысли, лишь бы только быть понятымъ, нежели заслужить упрекъ въ темнотѣ изложенія, оставляя глубокомысленнымъ. Оттого нѣмцы изъ самыхъ популярныхъ предметовъ умѣютъ сдѣлать родъ элевзинскихъ таинствъ; а французы изъ самыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ умѣютъ сдѣлать общедоступный и увлекательный предметъ знанія. Положите нѣмца въ тиски, — ему и въ нихъ будетъ хорошо, если онъ пойметъ ихъ механизмъ и переведетъ ихъ значеніе на языкъ науки; французу всегда

тѣсно и на просторѣ, потому что для него жить — значить безпрестанно расширять горизонтъ жизни. Нѣмецъ сознаетъ дѣйствительность; французъ творитъ ее. Нѣмецъ любитъ знаніе о человѣкѣ; французъ любить человѣка. Особенность каждаго изъ народовъ рѣзко выражается въ ихъ литературѣ, и эта-то особенность и даетъ литературѣ каждаго изъ нихъ всемірно-историческое значеніе. Примиреніе и взаимное проникновеніе нѣмецкаго и французскаго элементовъ, если оно произойдетъ, какъ и должно ожидать этого, никогда не изгладитъ ни особенности, ни самостоятельности той и другой литературы, но придастъ имъ еще большее всемірно-историческое значеніе и будетъ истиннымъ торжествомъ для человѣчества.

Гораздо труднѣе характеризовать и опредѣлить всемірно-историческое значеніе англійской націи и ея литературы. Англійская національность доселѣ представляетъ собой зрѣлище самыхъ поразительныхъ противоположностей. Всегда живая и дѣйствующая въ человѣчествѣ, погруженная въ свой національный эгоизмъ, Англія тѣмъ не менѣе служитъ человѣчеству, заботясь только о собственныхъ выгодахъ на чужой счетъ. Распространяя свою всемірную торговлю, а для этого распространяя свои завоеванія на всемъ земномъ шарѣ, она по всему лицу его разноситъ сѣмена европейской цивилизаціи. Опередивши всю Европу въ общественныхъ учрежденіяхъ, на совершенно новыхъ основаніяхъ, Англія въ то же время упорно держится феодальныхъ формъ и чтить букву закона, потерявшаго смыслъ и давно замѣненнаго другимъ. Политическое и религіозное ханжество англичане считаютъ своею обязанностью, своею добродѣтелью, потому что оно имъ полезно, какъ опора ихъ *statu quo*. Нигдѣ индивидуальная, личная свобода не доведена до такихъ безграничныхъ размѣровъ, и нигдѣ такъ не сжата, такъ не стѣснена общественная свобода, какъ въ Англіи. Нигдѣ нѣтъ ни такого чудовищнаго богатства, ни такой чудовищной нищеты, какъ въ Англіи. Нигдѣ такъ не прочны общественныя основы, какъ въ Англіи, и нигдѣ, какъ въ ней же, не находятся онѣ въ такой опасности ежеминутно разрушиться, подобно черзурь вѣрѣнко натянутымъ струнамъ инструмента, ежеминутно готовымъ лопнуть. Народъ по преимуществу практической, промышленный, торговый, мануфактурный, словомъ, утилитарный, англичане сильны въ положительныхъ наукахъ, особенно въ ихъ примѣненіи къ практикѣ; философія же и вообще всѣ умозрительныя знанія находятся въ Англіи въ самомъ жалкомъ положеніи.

Но плохіе и ничтожныя мыслители, англичане обладают такой художественной литературой, которую скорѣе можно поставить выше, нежели ниже, всякой другой европейской литературы. Что же, какая же сторона англійской національности преимущественно оразилась въ англійской литературѣ? Трудно сказать это. Читая Шекспира и Вальтеръ-Скотта, видишь, что такіе поэты могли явиться только въ странѣ, которая развилась подъ вліяніемъ страшныхъ политическихъ бурь и еще болѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ, въ странѣ общественной и практической, чуждой всякаго фантастическаго и созерцательнаго направленія, диаметрально-противоположной восторженно-идеальной Германіи, и въ то же время родственной ей по глубинѣ своего духа. Читая Байрона, видишь въ немъ поэта глубоко-лирическаго, глубоко-субъективнаго, а въ его поэзіи энергическое отрицаніе англійской дѣйствительности, и въ то же время въ Байронѣ все-таки нельзя не видѣть англичанина, и при томъ лорда, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и демократа. Страна всеобщаго таргюфства, Англія имѣла историка Гиббона. Сколько противорѣчій! Но изъ этихъ-то противорѣчій и вышелъ тотъ мрачный титаническій юморъ, который составляетъ характеристическую черту англійской литературы, рѣзко отличающую ее отъ всѣхъ другихъ литературъ. Англія—отечество юмора, который теперь болѣе или менѣе привился ко всѣмъ европейскимъ литературамъ и который составляетъ могущественнѣйшее орудіе духа отрицанія, разрушающаго старое и приготовляющаго новое. Англійскій юморъ есть искупленіе національной англійской ограниченности въ настоящемъ и залогъ ея будущаго выхода изъ ограниченности.

Впрочемъ, всемірно-историческое значеніе литературы есть только высшая степень ея достоинства, но не есть необходимая принадлежность. Могутъ быть литературы и безъ всемірно-историческаго значенія, но органически развивавшіяся и имѣющія свою исторію. Только важность подобной литературы гораздо значительнѣе для того народа, которому она принадлежитъ, нежели для другихъ народовъ. Всемірно-историческое значеніе литературы даетъ ей интересъ общій, дѣлаетъ ее извѣстной всѣмъ народамъ; тогда какъ кругъ вліянія и очевидность важности литературы, не имѣющей всемірно-историческаго значенія, ограничивается предѣлами выражаемой ею національности. Таковы литературы: шведская, голландская, польская, богемская. Онѣ могутъ блестять именами знаменитыхъ талантовъ, но интересны онѣ болѣе или ме-

нѣе только именно произведеніями этихъ талантовъ, а не совокупностью всѣхъ своихъ произведеній. Такъ извѣстны въ Европѣ имена Эленшлегера, Тегнера, Мицкевича; сочиненія ихъ даже переводятся на иностранные языки: но зато, кромѣ этихъ писателей, болѣе никто не извѣстенъ за предѣлами своего отечества. Итакъ, по одному знаменитому имени на каждую литературу! А между тѣмъ въ каждой изъ этихъ литературъ есть много писателей даровитыхъ и замѣчательныхъ, хотя не столь знаменитыхъ, какъ тѣ, которыхъ мы называли; но вліяніе и значительность этихъ талантовъ важны только у себя дома. Они оказали услуги, можетъ быть, весьма большія, своему языку, своей литературѣ, своему отечеству, но не человѣчеству, и потому ихъ знаетъ и чувствуетъ только ихъ отечество; человѣчество же не хочетъ и не можетъ ихъ знать.

Но чтобы литература и для своего народа была выраженіемъ его сознанія, его интеллектуальной жизни,—необходимо, чтобы она была въ тѣсной связи съ его исторіей и могла служить объясненіемъ ей, необходимо, чтобы она развилась органически и имѣла свою исторію. Безъ этихъ условій, каково бы ни было количество книгъ на языкѣ того или другого народа,—оно доказываетъ только то, что у этого народа существуетъ книгопечатаніе и процвѣтаютъ типографіи, но совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Больше или меньше число писателей, даже съ замѣчательными дарованіями, также доказываетъ только то, что у народа есть люди, которые нашли свои причины и побужденія составлять и издавать въ свѣтъ книги; но опять-таки совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Еще менѣе можетъ служить доказательствомъ существованія литературы книжная торговля: она доказываетъ только существованіе въ народѣ болѣе или менѣе значительнаго числа грамотныхъ людей, которымъ надобно же что-нибудь читать, хотя отъ скуки и для разсѣянія, или по незнанію иностранныхъ языковъ, или по особенной симпатіи ко всему родному, отечественному. Подобными чисто-внѣшними доводами нельзя доказать существованія литературы у того или другого народа. Правда, безъ книгъ, безъ писателей и безъ читателей невозможна никакая литература, какъ невозможенъ театръ безъ сцены, безъ репертуара, безъ актеровъ и публики; но только одни книги, писатели и читатели еще не составляютъ собой литературы: ее производитъ духъ народа, выражающійся въ его исторіи, и потому литературу можетъ имѣть народъ, существующій не

хмпирически только, но и нравственно, ду-
эвно, развивающій своей жизнью какую-
нибудь сторону обще-человѣческаго духа,
словомъ,—народъ, который существуетъ по
праву, необходимо, а не случайно.

Было время, когда мы, русскіе, имѣли
огромную литературу, которая не только
не уступала ни одной изъ извѣстныхъ ли-
тературъ древняго и новаго міра, но и да-
леко превосходила и каждую изъ нихъ по-
рознь и всё вмѣстѣ. Тредьяковскій «полез-
ными своими трудами прибрѣлъ себѣ без-
смертную славу.» Ломоносовъ былъ «Ма-
дербъ нашихъ странъ и Пиндару подобенъ»,
кромѣ того.

Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

Сумароковъ «различныхъ родовъ стихо-
творными и прозаическими сочиненіями
прибрѣлъ себѣ великую и бессмертную сла-
ву не только отъ россиянъ, но и отъ чуже-
странныхъ академій и славнѣйшихъ евро-
пейскихъ писателей, и хотя первый онъ изъ
россиянъ началъ писать трагедію по вѣснмъ
правиламъ театральнаго искусства, но столь-
ко успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ на-
званіе сѣвернаго Расина; его еклоги
равняются знающими людьми съ виргиліе-
выми и поднесъ еще остались неподражае-
мы; а притчи его почитаются сокровищемъ
россійскаго парнаса; и въ семъ родѣ сти-
хотворенія далеко превосходить онъ Фед-
ра и де-ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ
родѣ». Петровъ побѣдилъ въ своихъ одахъ
Пиндара. Хераскову не нанесутъ вреда
зоилы: Владиміръ и Іоаннъ покроютъ его
щитомъ и проведутъ въ храмъ безсмертія.

Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни
Россіи торжество, паденіе Казани. [брани,

Державинъ — сѣверный Пиндаръ, Гора-
цій и Анакреонъ, далеко превзошедшій
южныхъ—Пиндара, Горація и Анакреона.
Багдановичъ въ своей «Душенькѣ» побѣ-
дилъ Лафонтена. Но мы бы долго не кон-
чили, если бы стали исчислять всѣхъ рус-
скихъ поэтовъ и писателей, которые пре-
взошли и побѣдили поэтовъ и писателей
всего міра. Такъ дѣтски тѣшили свое са-
молюбіе неразвившійся вкусъ и неопытная
критика. Подобное направленіе обществен-
наго мнѣнія въ пользу русской литерату-
ры, впрочемъ, было болѣе полезно, нежели
вредно, потому что это невинное самооболь-
щеніе рождало въ пишущихъ людяхъ охоту
къ литературнымъ трудамъ, а въ пу-
бликѣ—охоту читать ихъ литературные тру-
ды. Въ свое время это самообольщеніе на-
чало проходить, потому что стали являться
вольнодумцы, которые вооружились противъ
незаслуженныхъ или преувеличенныхъ ав-
торитетовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ

заслуги этихъ смѣльчаковъ. Но рѣшительная
потребность сознанія значенія и важности
русской литературы, истинной оцѣнки за-
слугъ русскихъ писателей обнаружилась не
болѣе, какъ лѣтъ десять тому назадъ. Вдругъ,
къ изумленію однихъ, къ оскорбленію дру-
гихъ, раздался смѣло предложенный вопросъ:
«есть ли русская литература? существуетъ
ли русская литература?» Разумѣется, тотъ,
кто первый предложилъ этотъ вопросъ,
тогда же рѣшилъ его отрицательно, не-
волью увлекшись сомнѣніемъ, которое имъ
первымъ было высказано. И хотя отрица-
тельное рѣшеніе этого вопроса было оши-
бочно, однако оно принесло большую поль-
зу, возбудивши споры за и противъ и за-
ставивши всѣхъ, не шутя, подумать о томъ,
о чемъ они такъ утвердительно говорили
по привычкѣ, и безпристрастнѣ разсмо-
трѣть слишкомъ восторженно призванныя
заслуги писателей. Результатомъ этихъ
споровъ и изслѣдованій было сознатель-
ное признаніе существованія русской лите-
ратуры, но только въ ея дѣйствительныхъ
размѣрахъ, въ ея дѣйствительной важно-
сти. Но доселѣ такое признаніе существо-
вало только какъ журнальное мнѣніе, отры-
вочно и по временамъ высказывавшееся по
разнымъ случайнымъ поводамъ, и болѣе
или менѣе отзывавшееся въ публикѣ; но
еще не было предметомъ отдѣльнаго сочи-
ненія, въ которомъ идеи были бы оправдан-
ны исторически-критическимъ изложеніемъ
фактовъ литературы, а въ фактахъ была
бы прослѣжена оживляющая ихъ идея.
Вотъ задача, рѣшеніе которой составляетъ
содержаніе книги, которая подъ именемъ
«Критической исторіи русской литературы»
предлагается теперь благосклонному вни-
манію читателя.

Несмотря на подражательность и ея неиз-
бѣжный результатъ — риторизмъ русской
литературы, отъ Ломоносова до Пушкина,
несмотря на то, что и отъ Пушкина до на-
стоящей минуты содержаніе русской лите-
ратуры довольно скудно и большей частью
состоитъ изъ идей, возникшихъ и развѣ-
вшихся не на туземной почвѣ; несмотря на
то, что сумма произведеній русской лите-
ратуры, ознаменованныхъ печатью сильнаго
самобытнаго таланта и блистающихъ не
относительными, а безусловными достоин-
ствами, очень не велика; несмотря на то
что масса читающей русской публики ни-
чтожна въ сравненіи съ массой не чита-
ющей публики, что даже эта небольшая чи-
тающая публика раздѣляется и подраздѣ-
ляется на множество различныхъ и дробныхъ
сторонъ, почти ничѣмъ не связанныхъ одна
съ другой, и что самая высшая литературная
публика у насъ до сихъ поръ состоитъ пре-

имущественно изъ самихъ же литераторовъ, которые въ свою очередь, несмотря на ихъ малочисленность, тоже раздѣляются на множество почти ничѣмъ не связанныхъ между собою кoterій,—несмотря на все это, существованіе русской литературы есть фактъ, не подверженный никакому сомнѣнію. Но дѣйствительность этого факта очевидна только тогда, когда на русскую литературу будутъ смотрѣть какъ на міръ, хотя не большой, но существующій по своимъ собственнымъ законамъ и развивающійся своимъ собственнымъ путемъ. Оттого и могло родиться сомнѣніе въ существованіи русской литературы, что на нее хотѣли смотрѣть, какъ, напр., на древне-греческую и латинскую и новѣйшую французскую литературу, сравнивали ее съ ними, требовали отъ нея непременно тѣхъ же явленій, какими были ознаменованы эти литературы; и потому нашихъ поэтовъ называли русскими Гомерами, Виргиліями, Пиндарами, Горациями, Анакреонами, Федрами, Лафонтенами, Расинами, потомъ—Шиллерами, Байронами и т. д. Начало и развитіе русской литературы совершенно особенное, не имѣющее себѣ примѣра ни въ одной литературѣ міра, такъ же, какъ и развитіе русскаго народа. И вотъ здѣсь-то является во всей своей очевидности та истина, что литература есть выраженіе жизни своего народа, и что исторія литературы тѣсно слита съ исторіей народа. Всемирно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ. Россійская имперія, созданная Петромъ Великимъ, имѣетъ теперь всемірно-историческое значеніе въ политическомъ смыслѣ, занимая почетное мѣсто между первостепенными державами Европы и оказывая могущественное влияніе на весь политическій міръ. Но Россія, но народъ русскій находятся еще въ одномъ изъ первыхъ моментовъ процесса своего только что начинающагося развитія; они не успѣли еще установиться и опредѣлиться, вырасти до самихъ себя,—и потому не могутъ претендовать на умственное всемірно-историческое значеніе въ современномъ человѣчествѣ. Что Россія готовится великое будущее, что русское племя носить въ себѣ плодотворное зерно субстанціальной жизни, которое нѣкогда должно развиться въ величественное, широколиственное дерево,—такое предположеніе и теперь не чуждо достовѣрности; но въ чемъ будетъ состоять это великое будущее, какое міросозерцаніе разовьется изъ субстанціи русскаго народа, даже въ чемъ именно состоятъ субстанція его духовной природы,—этого теперь опредѣлить нельзя, а фантазировать объ этомъ и безплодно, и

Соч. Бѣлинскаго. Т. II.

нельзя. Русскій народъ въ этомъ отношеніи похожъ на гениальнаго ребенка: его физіономія уже значительна и общаеетъ много въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его лица еще недостаетъ опредѣлительности, и по нимъ еще нельзя сказать, по какой дорогѣ и какъ именно пойдетъ это гениальное дитя, когда сдѣлается взрослымъ человѣкомъ. И потому намъ должно пока отказаться отъ всякихъ притязаній сравнивать и равнять русскую литературу съ французской, нѣмецкой или англійской;—хотя въ то же время нельзя сказать, чтобы мы вовсе лишены были права сравнивать, равнять (и даже иногда ставить выше) инья отдѣльные произведенія нашей литературы съ отдѣльными произведеніями другихъ литературъ, но въ отношеніи чисто-художественномъ, а не философско-историческомъ. Наша литература исполнена большого интереса, но только для насъ, русскихъ, потому что въ ней выразилось наше собственное развитіе, общественное и человѣческое. Другими словами: наша литература имѣетъ для насъ великое значеніе не въ одномъ эстетическомъ, но еще болѣе въ историческомъ значеніи.

Русская литература тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ литературъ, что она не возникла самобытно и непосредственно изъ почвы народной жизни, но была результатомъ крутой общественной формы, плодомъ искусственной пересадки. И потому она сперва была подражательной и риторической, бѣдной содержаніемъ, скудной жизнью. Если бы она навсегда осталась такой, она была бы не литературой, а книжничествомъ, и не заслужила бы никакого вниманія. Но въ отношеніи къ нашей литературѣ, можетъ быть, больше, нежели во всякомъ другомъ отношеніи, и обнаружилась вся плодovitость и жизненность искусственной реформы Петра Великаго. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только сравнить поэта Ломоносова съ поэтомъ Пушкинымъ, сатирика Фонвизина съ юмористическимъ поэтомъ Гоголемъ: какая безконечная разница! Кажется, между этими людьми легли цѣлыя вѣка, тогда какъ ихъ едва раздѣляетъ одно столѣтіе! И это развитіе подражательной и риторической школьной и книжной поэзіи въ самобытную и художественную, живую и доступную обществу, совершилось постепенно, органически. Державинъ уже болѣе поэтъ, нежели Ломоносовъ; Озеровъ болѣе поэтъ, нежели Сумароковъ и Княжнинъ; за баснописцами даровитыми, но подражательными—Хемницеромъ и Дмитріевымъ—является гениальный и народный баснописецъ Крыловъ; Карамзинъ, преобразовавъ ломоносовскую прозу, приближаетъ ее къ есте-

ственной русской рѣчи и прививаетъ къ русской литературѣ элементы изящнаго французскаго публицизма, а Дмитріевъ роднитъ русскую поэзію съ духомъ и манерой изящной свѣтской поэзіи французовъ, и оба они далеко опереживаютъ своихъ предшественниковъ въ легкости языка и даже въ поэтическомъ выраженіи стиха; Жуковский прививаетъ къ русской поэзіи романтическіе элементы германской и англійской поэзіи; Батюшковъ вноситъ въ русскую поэзію элементы пластически-художественнаго созерцанія жизни и ея выраженія, въ духѣ древне-классической поэзіи,—и оба они далеко опережаютъ Карамзина и Дмитріева въ фактурѣ стиха, не говоря уже о поэзіи выраженія. За ними, наконецъ, является Пушкинъ, поэтъ и художникъ по преимуществу, окончательно преобразовываетъ языкъ русской поэзіи, возведя его на высочайшую степень художественности,—и съ нимъ первымъ является въ русской литературѣ искусство, какъ искусство, поэзія—какъ художественное творчество. Въ Пушкинѣ вся предшествовавшая ему изящная литература русская; прежде, чѣмъ онъ сталъ самобытнымъ и національнымъ поэтомъ-мастеромъ, онъ былъ поклонникомъ и ученикомъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, и все сдѣланное ими усвоилъ въ свою собственность, явивши красоты и достоинства, которыхъ они не являли, и не повторивши ихъ недостатковъ. И потому есть живая, органическая связь между Ломоносовымъ и Пушкинымъ, какъ между причиной и ея слѣдствіемъ. И вотъ эта-то живая, органическая послѣдовательность развитія русской литературы и даетъ ей столько же права называться «литературой», сколько и тѣ яркіе, даже великіе, хотя немногіе таланты, которыми она по справедливости можетъ гордиться, и больше всего удостоиваетъ въ ея существенномъ достоинствѣ въ настоящее время и въ ея способности пріобрѣсти нѣкогда всемірно-историческое значеніе. Прежде русская литература подражала буквѣ иностранной, учась словесному выраженію; послѣ она стала усвоить себѣ элементы различныхъ національностей Европы, и это усвоеніе, долженствующее обогатить и сдѣлать ее многосторонней, еще и теперь продолжается и еще будетъ продолжаться. Къ особеннымъ свойствамъ русскаго народа принадлежитъ его способность, происходящая изъ его положенія въ Европѣ, усвоить себѣ все чуждое, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не покоряясь исключительно. Только въ недавнее время началось сближеніе между собой французской и германской національности, но и теперь еще такъ трудно для француза понять нѣмца, а для нѣмца—понять француза. Русский легко понимаетъ обоихъ ихъ и легко

понимаетъ, отчего такъ трудно имъ понять другъ друга; но самъ отъ этого не дѣлается ни французомъ, ни нѣмцемъ. Короче: русский человѣкъ еще не живетъ, а только запасается средствами на жизнь, беря ихъ вездѣ и всюду, гдѣ ни встрѣтитъ,—и, видно, богата должна быть жизнь его въ будущемъ, если для нея ему нуженъ такой огромный запасъ!

Очень понятно, отчего родился у насъ вопросъ: существуетъ ли русская литература! Его произвели, съ одной стороны, ребячество нашего литературнаго самообольщенія, которое во всякомъ русскомъ писателѣ хотѣло видѣть то Гомера, то Пиндара; съ другой стороны—односторонняя точка зрѣнія на русскую литературу. Если смотрѣть только съ художественной точки зрѣнія на нашихъ старыхъ писателей, то не только какіе-нибудь Сумароковъ, Херасковъ и Пет овъ, даже Ломоносовъ—мало того—самъ Державинъ лишится почти всего своего значенія и перестанетъ казаться не только великимъ, даже замѣчательнымъ явленіемъ въ области русской поэзіи. Но исключительно эстетическая точка зрѣнія, какъ всякая односторонность, всегда доводитъ до ложныхъ заключеній: и потому, при сужденіи о литературѣ, кромѣ эстетической точки зрѣнія, нужна еще и историческая. И вотъ съ этой послѣдней точки зрѣнія не только Державинъ—и Ломоносовъ получаетъ великое значеніе въ русской литературѣ, не только какъ писатель вообще, но и какъ поэтъ. Даже Сумароковъ, Херасковъ и Княжнинъ, которыхъ такъ легко совершенно уничтожить съ эстетической точки зрѣнія,—съ исторической, напротивъ, получаютъ полное оправданіе и являются въ русской литературѣ именами замѣчательными и почтенными. Эти трудолюбивые люди своей дѣятельностью, хотя и ошибочно, размножали на Руси книги, а черезъ книги—читателей, распространяли въ обществѣ охоту и страсть къ благороднымъ умственнымъ наслажденіямъ литературой и театромъ,—и такимъ образомъ мало-по-малу приготвили для Карамзина возможность образованія въ обществѣ публику для русской литературы. Несмотря на то, что эта публика еще и теперь слишкомъ немногочисленна въ сравненіи съ массой цѣлаго общества и тѣмъ болѣе съ массой всего народа, и что, при ея малочисленности, она поражаетъ взоръ наблюдателя разнохарактерностью, пестротой и противорѣчіемъ своихъ вкусовъ, понятій и требованій,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ есть уже публика, такъ же, какъ есть и литература. Это доказывается тѣмъ, что бездарность, мелочная талантливость и ложная оригинальность пользуются у насъ только мгновеннымъ, хотя иногда и

сильнымъ успѣхомъ, тогда какъ истинный талантъ, истинная гениальность скоро оцѣниваются, оказываютъ на публику огромное влияние и приобретаютъ прочную извѣстность, прочную славу. Пушкинъ при своемъ появлении былъ встрѣченъ и восторгомъ, и негодованіемъ, но первый скоро одержалъ верхъ, и скоро гениальность Пушкина безусловно была признана всѣмъ обществомъ. «Горе отъ Ума» Грибоѣдова еще въ рукописи было прочитано всей Россіей. Лермонтовъ, при первомъ своемъ появлении на литературномъ прищѣ, обратилъ на себя изумленные взоры всего общества и, несмотря на свою преждевременную кончину, остался во мнѣніи публики великимъ поэтомъ. Но никто изъ русскихъ писателей не возбуждалъ такого общаго и такого энергическаго негодованія, и никто изъ нихъ съ такимъ блескомъ и торжествомъ не побѣдилъ его, какъ Гоголь. Встрѣченный съ энтузіазмомъ только немногими голосами, во всѣхъ остальныхъ возбуждалъ онъ ропотъ оскорбленія и негодованія, очень естественный и понятный по духу сочиненій Гоголя и по отношенію ихъ къ обществу; но—удивительное дѣло!—съ равной жадностью былъ онъ читаемъ и перечитываемъ какъ своими почитателями, такъ и своими хулителями. Наконецъ, истина взяла свое, и общественное мнѣніе торжественно признало Гоголя великимъ національнымъ поэтомъ. Такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что все истинное, все живое скоро приобретаетъ симпатію и признаніе русской публики, очень много.

Написать исторію русской литературы—значить: показать, какимъ образомъ, какъ слѣдствіе общественной реформы, произве-

денной Петромъ Великимъ, началась она рабскимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, принявши чисто риторическій характеръ; какъ потомъ постепенно стремилась къ освобожденію изъ формальности и риторизма и приобретенію для себя жизненныхъ элементовъ и самостоятельности; и какъ, наконецъ, развилась до полной художественности и сдѣлалась выраженіемъ жизни своего общества, стала русской. вмѣстѣ съ этимъ должно показать, что русская литература положила у насъ основаніе публичности и общественнаго мнѣнія, была проводникомъ въ общество всѣхъ человѣческихъ идей и постоянно, не безъ успѣха, боролась съ предрассудками и пороками, завѣщанными намъ невѣжественной, полуазиатской стариной.

Но прежде, нежели приступимъ мы къ изложенію исторіи русской литературы, считаемъ за нужное бросить взглядъ на нашу народную поэзію. Хотя художественная русская литература развилась не изъ народной поэзіи, однако первая при Пушкинѣ встрѣтилась съ послѣдней, и вопросъ о народной русской поэзіи и теперь принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ современной русской литературы, потому что онъ сливается съ вопросомъ о народности въ поэзіи. По разсмотрѣніи произведеній народной русской поэзіи, мы бросимъ бѣглый взглядъ на произведенія древней и старой русской словесности, которыя не принадлежатъ ни къ богословію, ни къ хроникамъ, такъ какъ ни то, ни другое не входитъ въ составъ нашей книги, предметъ которой—исключительно свѣтская изящная (беллетрическая) литература.

Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе. *)

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ «украшенное подражаніе природѣ» было основнымъ и главнымъ положеніемъ поэтическаго кодекса прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ удостоиться поэтъ нашего времени, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почитать его современники или потомки, заключается въ волшебномъ

эпитетѣ «народнаго». Выраженія: «народная поэма», «народное произведеніе» часто употребляются теперь вмѣсто словъ: «превосходное, великое, вѣковое произведеніе». Волшебное слово, таинственный символъ, священный иероглифъ какой-то глубоко-знаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — «народность» какъ будто замѣнила теперь собой и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одномъ себѣ и эстетику, и критику; сдѣлалась теперь высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Въ

*) Это позднѣйшая передѣлка начала разбора «Древнихъ російскихъ стихотвореній, собр. Киршей Даниловымъ, и т. д.» Этотъ разборъ долженъ былъ составить вторую главу отдѣла «Критической исторіи русской литературы».

требуютъ отъ поэзіи прежде всего народности, а потомъ уже здраваго смысла, но многіе ли отдадутъ себѣ отчетъ въ томъ, что такое эта народность, хотя это слово и кажется всѣмъ столь простымъ и понятнымъ? Но не все то бываетъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ кажется. По крайней мѣрѣ слово «народность» такъ же точно требуетъ своего опредѣленія, какъ и всякое другое слово, которое заключаетъ въ себѣ какую-нибудь мысль. Слово же «народность» именно есть одно изъ тѣхъ словъ, которыя потому только и кажутся слишкомъ понятными, что лицами опредѣленнаго и точнаго значенія. По крайней мѣрѣ въ нашей литературѣ не замѣтно особенной опредѣленности въ понятіи о народности въ поэзіи.

Всякая поэзія только тогда истинна, когда она народна, т. е. когда она отражаетъ въ себѣ личность своего народа. Жизнь всего живущаго составляетъ идея: въ чемъ нѣтъ идеи, то не живетъ. Но сущность идеи, въ ея чувственной проявленія, заключается въ отвлеченной, безразличной всеобщности. И потому идея только тогда есть нѣчто живое и дѣйствительное, когда она переходитъ въ явленіе, а ея всеобщность является особенностью, индивидуальностью и личностью. Такъ, природа есть идея, до сознанія которой человѣкъ дошелъ черезъ созерцаніе безконечно разнообразныхъ явленій видимаго міра. Въ словѣ природа человѣческой разумъ выразилъ свое понятіе о единствѣ безконечно разнообразныхъ явленій чувственной жизни. Человѣчество есть тоже идея, какъ выраженіе понятія о физическомъ и нравственномъ единствѣ безчисленнаго множества отдѣльныхъ существъ, называемыхъ людьми. Въ своемъ первоначальномъ значеніи природа есть самодѣтельная творящая сила, неисчерпаемая и вѣчная жизненная субстанція, которая, изъ безразличнаго субстанціального пребыванія въ самой себѣ, безпрестанно опредѣляется въ живыя отдѣльныя явленія, — другими словами: безпрестанно обособляется, индивидуализируется и персонифируется. Въ царствѣ ископаемомъ и растительномъ она обособляется, т. е. раскидывается на безконечное множество особнхъ явленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную форму. Въ царствѣ животномъ особенность является еще и индивидуальностью (недѣлимостью). Камень есть предметъ особый, но не индивидуальный: расколите его на тысячи кусковъ, превратите въ пыль, — этимъ вы не лишите его жизни, а только изъ одного камня сдѣлаете множество камней безконечно меньшаго объема. Дерево живетъ высшей жизнью въ сравненіи съ камнемъ; но и оно пред-

ставляетъ собой только высшее явленіе особенности, но еще не представляетъ собой индивидуальности: нельзя ничѣмъ доказать, чтобы ему нужно было именно столько вѣтвей и листьевъ, сколько ихъ есть на немъ, и, обрубивши часть его вѣтвей или сорвавши часть его листьевъ, вы не лишите его этимъ ни его жизни, ни его особенности. Дерево есть организмъ, но стоящій на низшей степени; оно увеличивается, какъ и животное, чрезъ рращеніе изнутри, но это рращеніе носить на себѣ характеръ случайности и внѣшности; вѣтвь удлиняется кольнами, число которыхъ случайно: словивши одно, вы этимъ нвчего не лишаете дерево. Основаніе животнаго царства, кромѣ особенности, заключается еще и въ индивидуальности; у животнаго опредѣленное число органовъ и членовъ. Отрѣзавши у собаки ногу, можно ее залѣчить и не допустить умереть, но тогда она изуродована, потому что у нея отнять членъ, необходимый для полноты ея существованія. Въ человѣкѣ, какъ выслепемъ существъ животнаго царства, повторяется и особенность, и индивидуальность, и сверхъ того является личность, какъ «чувственная форма разумнаго сознанія». Человѣкъ потому есть личность, что онъ сознаетъ свое Я, т. е. можетъ самого себя разсматривать и изслѣдовать, какъ будто бы чуждое ему и внѣ его пребывающее существо. Царство природы раздѣляется на роды и виды; каждое явленіе природы отличается признаками и качествами, не ему самому, а его роду и виду свойственными: и потому каждый дубъ совершенно похожъ на всякій другой дубъ, за исключеніемъ чисто-случайныхъ различій величины; каждый быкъ совершенно похожъ на всякаго другого быка и отличается отъ него не выраженіемъ своей морды или своего рыла, а величиной, цвѣтомъ шерсти и другими чисто случайными, но не существенными признаками. Человѣкъ отъ человѣка существенно отличается лицомъ, фізіономіей, — и какъ ни много людей на земномъ шарѣ, никогда одно и то же лицо не повторяется въ двухъ человѣкахъ. Это различіе лицъ имѣетъ глубокое значеніе: лицо выражаетъ собой личность, а личность есть выраженіе духовной сущности человѣка. Если каждый человѣкъ разнится отъ другого лицомъ, — значитъ, каждый человѣкъ разнится отъ другого и своей духовной личностью; значитъ, каждый человѣкъ есть особенный, въ самомъ себѣ замкнутый міръ. Отсюда различіе темпераментовъ, характеровъ, способностей и наклонностей; отсюда же и свойство cadaго человѣка видѣть и понимать предметы съ своей особенной, ему только свойствен-

ной точки зрѣнія. Все, что есть въ каждомъ человѣкѣ, все, чѣмъ владѣетъ каждая личность, все это принадлежитъ человечеству; но ни одинъ человѣкъ въ одномъ себѣ не можетъ вмѣстѣ всего человѣческаго, а получаетъ на свою долю нѣчто отъ обще-человѣческаго, но какъ собственность своей натуры. Какъ въ фортепiano каждая клавиша имѣетъ свой особенный тонъ, но всѣ клавиши, издавая свой звукъ, образуютъ гармонію,—такъ и различіе отдѣльных личностей образуетъ жизнь племенъ и народовъ, а жизнь отдѣльных племенъ и народовъ образуетъ жизнь человечества. Будь всѣ люди совершенно одинаковы въ своихъ нравственныхъ средствахъ и ихъ направленіи,—каждый человѣкъ пересталъ бы чувствовать нужду въ другомъ и не было бы между людьми узъ братства. Каждая личность есть опредѣленіе общаго, и въ этомъ ея сила и ея слабость; сила потому, что идея безъ явленія, общее безъ обособленія индивидуальности и личности суть призраки; слабость потому, что всякое опредѣленіе есть ограниченіе, исключеніе изъ всего въ одномъ. Философъ тѣмъ больше философъ, чѣмъ меньше онъ поэтъ, и потому-то самому его больше всего интересуется поэтическая личность. Во всемъ и вездѣ личность одного пополняетъ собой личность другого и въ свою очередь пополняется личностью другого.

Человѣкъ былъ послѣднимъ и высшимъ усиленіемъ природы въ ея стремленіи къ самосознанію. Организмъ челоѣка явился личностью — орудіемъ разумаго сознанія, потому что личность имѣетъ Я, которое она можетъ противопоставить всему внѣшнему ей міру, всему, что въ отношеніи къ ней составляетъ не Я. Создавши челоѣка, природа повершила дѣло своего творчества и перестала быть творящей; приготовивши въ челоѣкѣ личность въ возможности, природа предоставила дальнѣйшее развитіе этой личности уже другой, болѣе высшей, болѣе духовной сферѣ жизни: отсель челоѣкъ долженъ былъ развиваться черезъ сообщество съ подобными себѣ. И потому испытующій умъ вездѣ находитъ людей, какъ общество, какъ племя, какъ народъ: челоѣкъ не помнитъ своего разъединеннаго, до-общественнаго состоянія, какъ не помнитъ своего зарожденія и формировація во чревѣ своей матери, и какъ не помнитъ своего перваго возраста. Племя или народъ есть тоже личность, только идеальная, сознаваемая умомъ реальныхъ личностей, т. е. отдѣльных людей. Какъ различіе реальныхъ личностей необходимо для того, чтобы онѣ могли сложиться въ общество (въ племя, въ народъ), такъ необходимы племенные и на-

родныя особенности и различія, чтобы племена и народы могли образовать собой другую высшую идеальную личность—человѣчество. Только различныя струны могутъ производить аккорды, одинаковыя же звучать бессмысленно и дисгармонически. Какъ каждый челоѣкъ выражаетъ собой преимущественно одну какую-нибудь сторону обще-человѣческой натуры и потому самому нуждается въ другихъ людяхъ, такъ и каждый народъ выражаетъ собой преимущественно одну какую-нибудь сторону всецѣлаго и единого духа челоѣческаго и потому нуждается въ сопредельныхъ съ другими народами, принимаетъ отъ нихъ въ себя то, чего ему недостаетъ, и даетъ имъ отъ себя то, чего имъ недостаетъ. Каждый народъ отличается отъ всякаго другого типомъ лица,—и потому, за немногими исключениями, не трудно узнать въ челоѣкѣ по его лицу нѣмца, англичанина, француза, итальянца, русскаго. Кромѣ того у людей одной націи есть какое-то семейное сходство и въ манерахъ, и въ способѣ смотрѣть на вещи, и въ образѣ дѣйствованія, не говоря уже объ особенностяхъ языка—этого живого, чувственаго проявленія народной логики. Между людьми есть личности характерныя, самостоятельныя, которыя на все, что ни говорятъ и ни дѣлаютъ онѣ, кладутъ яркую печать свойственной имъ особенности; и есть между людьми личности безхарактерныя, безцвѣтныя, которыя не могутъ сопротивляться никакимъ внѣшнимъ влияніямъ и, не имѣя въ себѣ ничего особеннаго и рѣзкаго, вѣчно играютъ при другихъ роль нулей. Такая же разница и между народами. Есть народы, которые существуютъ только внѣшнимъ образомъ, благодаря благоприятному для нихъ стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя, исчезая съ лица земли, не оставляютъ по себѣ никакихъ памятниковъ своего существованія. Обыкновенно они бывають добычей болѣе ихъ сильныхъ народовъ и, смѣшавшись съ своими завоевателями, теряютъ свой языкъ, вѣру и обычаи, не производя никакой перемѣны въ народѣ, который поглотивъ ихъ. Такихъ народовъ было множество, и исторія только упоминаетъ вскользь ихъ имена, для внѣшней связи событій. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ играли даже значительную, хотя и чисто-внѣшнюю роль въ исторіи: движимые или влияніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ, или какимъ-нибудь сильнымъ челоѣчкомъ, или оживляемые мгновеннымъ фанатизмомъ, они грозили гибелью цивилизаціи, рабствомъ всему міру,—и... скоро исчезли, какъ призраки, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Та-

ковы были гунны, монголы, явившіеся міру, какъ страшный метеоръ, и, подобно метеору, скоро исчезнувшіе; дольше ихъ существовали турки, благодаря силѣ своего религіознаго фанатизма и разъединенности европейскіхъ государствъ,—а теперь мы видимъ только живой трупъ этого нѣкогда страшнаго народа. Есть народы, которымъ жизнь и развитие даны были только на опредѣленный срокъ и до извѣстной степени, и которые, свершивъ свое назначеніе, остались какъ окаменѣлыми памятниками прошедшаго, живя въ старыхъ, потерявшихъ смыслъ формахъ, безъ движенія, безъ прогресса. Таковы индійцы, китайцы, японцы,—эти, можетъ, быть старѣйшіе народы въ человѣчествѣ. Однимъ народамъ суждена первостепенная роль въ человѣчествѣ,—и это всемірно-историческіе народы; другимъ суждена просто историческая роль; третьимъ—и это народы ничтожныя и случайныя—не суждено никакой роли въ исторіи, кромѣ развѣ скоропреходящихъ и оставшихся безъ слѣдствій переворотовъ. Только такой народъ можетъ назваться историческимъ, который при жизни своей имѣлъ большее или меньшее вліяніе на судьбы человѣчества и оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды своего существованія. Замѣчено, что замѣчательнѣйшіе въ исторіи народы большей частью составлялись изъ разныхъ племенъ: такъ, Греція образовалась, по преданіямъ, кромѣ основнаго пелазгійскаго племени, изъ переселенцевъ финикійскіхъ, египетскіхъ и другихъ. Но всегда въ осно-

вѣ такимъ образомъ сформировавшихся народовъ краугольный камень составляетъ одно какое-нибудь племя. Какъ бываютъ бесплодные браки, такъ бываютъ и бесплодныя соединенія племемъ. Галлія, Испанія и Британія, завоеванныя римлянами, не организовались въ крѣпкіе и самостоятельныя народы; но, покоренныя тевтонскими племенами, смѣшавшіеся съ ними, они получили глубокое начало политической жизни, продолжающейся и теперь. Покоренная готами Италія не выродилась; пришли лонгобарды—и отъ готскаго владычества не осталось никакихъ слѣдовъ, а, смѣшавшись съ лонгобардами, остатки древнихъ римлянъ переродились въ совершенно новый народъ, и теперь существующій отдѣльными государствами, извѣстными подъ общимъ именемъ итальянскихъ. Въ Англій туземное племя бриттовъ исчезло въ саксонскомъ и норманскомъ элементѣ; во Франціи галльское начало навсегда осталось преобладающимъ надъ франкскимъ: французы, въ общихъ чертахъ, и теперь еще такъ похожи своимъ національнымъ характеромъ на древнихъ галловъ, описанныхъ Юліемъ Цезаремъ. Изъ этого видно, что непосредственный источникъ сильной, рѣзко проявляющейся национальности заключается въ самой крови племени, и что есть племена характерныя и племена безхарактерныя, какъ есть характерныя и безхарактерныя люди.

Теперь, если человѣкъ, личность котораго...

Русская литература въ 1841 году.

Сокровища роднаго слова,
Замѣтять важныя умы,
Для лепетанія чужаго
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремужки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ оны? давайте ихъ!
Конечно: съверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожить
Одними ль звуками пить?
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердить и лгать за двухъ.

Поэты наши переводятъ

Или молчать; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ—
Хорошъ російскій Геликонъ!

Въ этихъ стихахъ Пушкина заключается самая рѣзкая характеристика русской литературы. Правда, многіе не безъ основанія могутъ принять ихъ скорѣе за эпиграмму на русскую литературу, нежели за характеристику ея, потому что уже поэзія самаго Пушкина не подходитъ подъ эту характеристику, а у насъ, кромѣ Пушкина, есть и еще нѣсколько явлений, достойныхъ болѣе или менѣе почетнаго упоминанія даже при его имени. Но если это не характеристика, то и не совсѣмъ эпиграмма. Эпиграмма есть плодъ презрѣнія или предубѣжденія къ предмету, на который она нападаетъ; а Пушкинъ, котораго поэзія—самый

звучный и торжественный органъ русскаго духа и русскаго слова, не могъ презирать той литературы, которой посвятилъ всю жизнь свою. Впрочемъ, для оправданія великаго поэта въ подобномъ презрѣннѣи, довольно было бы и этихъ чудныхъ стиховъ, въ которыхъ съ такой задумчивостью, съ такимъ умиленіемъ высказывается самое родственное, самое кровное чувство любви къ родному слову:

..... Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой славяскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены...

Между тѣмъ любовь любовью, а истина прежде всего—даже прежде самой любви. Вамъ, конечно, не разъ случалось слышать отъ другихъ и самимъ предлагать вопросъ: «Что новаго у насъ въ литературѣ?» или «Нѣтъ ли чего-нибудь прочесть?» Скажите: какъ вы отвѣчали или какъ вамъ отвѣчали на этотъ вопросъ?.. Правда, у насъ выходитъ ежемѣсячно книгъ до тридцати: ими испещряются книгопродавческія объявленія, сужденіями о нихъ наполняются библиографическіе отдѣлы журналовъ; ихъ хвалятъ и бранятъ, о нихъ спорятъ и бранятся; а между тѣмъ все-таки—

Да гдѣ жъ онѣ? Давайте ихъ!

Какъ хотите, а это презатруднительный вопросъ! Попытаемся однако жъ отвѣтить на него, только не прямо и не просто, и не отъ своего лица, а въ формѣ слѣдующаго разговора между двумя лицами—А. и Б.

А.—Такъ гдѣ жъ онѣ? Давайте ихъ!

Б.—Извольте. Только ихъ такъ много, что ни мнѣ не перечесть, ни вамъ не унести съ собой. Начнемъ сначала.

А.—Да, если вы вздумаете прочесть мнѣ весь каталогъ Смирдина, то, конечно, останетесь побѣдителемъ въ нашемъ спорѣ.

Б.—Нѣтъ, я буду говорить только о капитальныхъ явленіяхъ нашей литературы, которыхъ безсмертіе признано знаменитѣйшими авторитетами въ дѣлѣ эстетическаго вкуса и подтверждено «общимъ мнѣніемъ».

А.—Интересно; начинайте же именно съ начала русской литературы.

Б.—Ну, вотъ вамъ «Сатиры Кантемира»...

А.—Покорно благодарю: вѣдь я спрашивалъ васъ о книгахъ, которые годятся не для одного украшенія библиотекъ, но и для чтенія...

Б.—Какъ! вы не признаете достоинства Кантемировыхъ сатиръ? вспомните, какой славой пользовались онѣ въ свое время! вспомните эту поэтическую надпись къ портрету знаменитаго сатирика:

Старинный слогъ его достоинствъ не умалить.
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ!

вспомните, что такъ основательно высказано Жуковскимъ въ его превосходной статьѣ о «Сатирахъ Кантемира»...

А.—Какъ же, какъ же! читаль я и ее: статья точно превосходная; но ваша первая попытка занять меня чтеніемъ все-таки не удалась: я уже читаль Кантемира, а перечитывать—страшусь и подумать, потому что я читаю не изъ одного любопытства, но и для удовольствія.

Б.—Вотъ Ломоносовъ—поэтъ, лирикъ, трагикъ, ораторъ, риторъ, ученый мужъ...

А.—И прибавьте—великій характеръ, явленіе, дѣлающее честь человѣческой природѣ и русскому имени; только не поэтъ, не лирикъ, не трагикъ и не ораторъ, потому что риторика—въ чемъ бы она ни была, въ стихахъ, или въ прозѣ, въ одѣ, или въ похвальномъ словѣ,—не поэзія и не ораторство, а просто риторика, вещь, высоко чтимая въ школахъ, любезная педагогамъ, но скучная и неприятная для людей съ умомъ, душой и вкусомъ.

Б.—Помиладуйте!

Онъ нашихъ справъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ!

А.—Не спорю: можетъ быть, онъ и Малербъ «нашихъ странъ», но отъ этого «нашимъ странамъ» отнюдь не легче, и это нисколько не мѣшаетъ «нашимъ странамъ» зѣвать отъ тяжелыхъ, прозаическихъ и риторическихъ стиховъ Ломоносова. Но между имъ и Пиндаромъ—такъ же мало общаго, какъ между олимпийскими играми и нашими иллюминаціями,—или олимпийскими ристаніями и нашими лебедянскими скачками; за это я постою и поспорю. Пиндаръ былъ поэтъ: вотъ уже и несходство съ Ломоносовымъ. Поэзія Пиндара выросла изъ почвы эллинскаго духа, изъ нѣдръ эллинской національности; такъ—называемая поэзія Ломоносова выросла изъ варварскихъ схоластическихъ риторикъ духовныхъ училищъ XVII вѣка: вотъ и еще несходство...

Б.—Но Ломоносову удивлялся Державинъ, его превозносили Мерзляковъ, и нѣтъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, критика, литератора, который не видѣлъ бы въ Ломоносовѣ великаго лирика. Въ одной статьѣ «Вѣстника Европы» сказано: «Ломоносовъ—дивное и великое свѣтло, кого лучезарнымъ сияніемъ не налюбоваться въ сытосѣ и позднѣйшему потомству.»

А.—Я въ сытосѣ уважаю статью «Вѣстника Европы», равно какъ и Державина и Мерзлякова; но сузу о поэтахъ по своимъ, а не по чужимъ мнѣніямъ. Впрочемъ, если вамъ нужны авторитеты,—ссылаюсь на мнѣніе Пушкина, который говоритъ, что «въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни вооб-

раженія» и что «самъ, будучи первымъ нашимъ университетомъ, онъ былъ въ немъ, какъ и профессоръ поэзіи и элоквенціи, только исправнымъ чиновникомъ, а не поэтомъ, вдохновеннымъ свыше, не ораторомъ, мощно увлекающимъ.» И если вы имѣете право раздѣлять мнѣніе о Ломоносовѣ Державина, Мерзлякова и «Вѣстника Европы», то почему же мнѣ не имѣть права раздѣлять мнѣніе Пушкина? Не правда ли?

Б.—Конечно; противъ этого не найдешь бы ничего сказать всѣмъ «ученымъ мужамъ». И такъ, вы не хотите считать сочиненій Ломоносова въ числѣ книгъ для чтенія?

А.—Я этого не говорю о всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова; но ужъ, конечно, не буду читать ни его риторики, ни похвальныхъ словъ, ни торжественныхъ одъ, ни трагедій, ни посланій о пользѣ стекла и другихъ предметахъ, полезныхъ для фабрикъ, но не для искусства; да, не буду, тѣмъ болѣе, что я уже читалъ ихъ... Но я всегда посоветую всякому молодому человѣку прочесть ихъ, чтобы познакомиться съ интереснымъ историческимъ фактомъ литературы и языка русскаго. Что же касается до собственно-ученыхъ сочиненій Ломоносова по части физики, химіи, навигаціи, русскаго стихосложенія,—они всегда будутъ имѣть свою историческую важность и цѣну въ глазахъ людей, занимающихся этими предметами, всегда будутъ капитальнымъ достояніемъ исторіи ученой русской литературы; но публикѣ литературной и они всегда будутъ чужды, какъ поэзія и ораторскія рѣчи Ломоносова... Ломоносову воздвигнуть памятникъ, и онъ вполне достоинъ этого; онъ—великій характеръ, примѣчательнѣйшій человѣкъ; юноши съ особеннымъ вниманіемъ и особенной любовью должны изучать его жизнь, носить въ душѣ своей его величавый образъ, но, Бога ради, увольте ихъ отъ поэзіи и краснорѣчія Ломоносова... Прошлаго года, кажется, изданъ былъ однимъ «ученымъ» обществомъ выборъ изъ поэтическихъ и ораторскихъ сочиненій Ломоносова, въ двухъ томахъ in quarto, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ образецъ для школьныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ. Что сказать объ этомъ? Я—человѣкъ простой, не изъ «ученыхъ»;—можетъ, оно тамъ такъ и нужно—это не мое дѣло, какъ сказалъ городничій въ «Ревизорѣ» объ учителѣ уѣзднаго училища; но между публикой и школой такая же разница, какъ и между книгой и дѣйствительностью: что хорошо въ одной, то никуда не годится въ другой...

Б.—Я понимаю, что вы хотите сказать. И такъ, вотъ вамъ десять томовъ «Полнаго Собранія всѣхъ сочиненій въ стихахъ

и прозѣ покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго Ученаго собранія члена, Александра Петровича Сумарокова. Собранны и изданы въ удовольствіе любителей русской учености Николаемъ Новиковымъ», и пр. Я надѣюсь, что вы къ его стихамъ и прозѣ будете благосклоннѣе, чѣмъ къ стихамъ и прозѣ Ломоносова: поэзія Сумарокова менѣе школьна и болѣе жизненна, чѣмъ поэзія Ломоносова. Сумароковъ писалъ не однѣ оды и трагедіи, но и сатиры, комедіи, даже комическія статьи, въ которыхъ преслѣдовалъ невѣжество, дикость нравовъ, ябедничество, взяточничество, казнокрадство и прочіе смертные грѣхи полуазиатской общественности.

А.—И я согласенъ, что онъ принесъ своего рода пользу и сдѣлалъ частичку добра для общества; но не хочу кланяться грязному помелу, которымъ вымели улицу. Помело всегда помело, хотя оно и полезная вещь. Сатиры и комедіи Сумарокова—помело, въ полезности котораго я не сомнѣваюсь, но которому все-таки кланяться не стану. И суздальскія литографіи: «какъ мыши kota погребаютъ» и «какъ пришелъ Яковъ ерша смякалъ», тоже принесли свою пользу черному народу: безъ нихъ онъ не имѣлъ бы понятія о вещи, называемой «картиной»; но кто же будетъ говорить о суздальскихъ лубочныхъ литографіяхъ, какъ о произведеніяхъ искусства? Сумароковъ нападалъ на невѣжество—и самъ не больше другихъ зналъ, и бредилъ только своимъ «бѣднымъ рефмичествомъ», какъ выразился о немъ Ломоносовъ. Сумароковъ преслѣдовалъ дикость нравовъ, жаловался печатно, что въ Москвѣ «во время представленія «Семира» грызутъ орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сбькутъ поссорившихся между собой пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра»,—тотъ самый Сумароковъ избилъ палкой купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему «ваше превосходительство!» Главная причина негодованія Сумарокова на общественное невѣжество состояло въ томъ, что оно мѣшало обществу понимать его пресловутыя трагедіи; а подъячихъ преслѣдовать онъ сколько по тому, что имѣлъ до нихъ дѣла, столько и для остраго слова. Истинное негодованіе на противорѣчія и пошлость общества есть недугъ глубокой и благородной души, которая стоитъ выше своего общества и носить въ себѣ идеалъ другой, лучшей общественности. Судя по одному поступку Сумарокова съ купцомъ, нельзя думать, чтобы этотъ шитъ былъ выше своего общества; а въ сочиненіяхъ его незамѣтно и малѣйшихъ слѣдовъ лучшаго идеала общественности. Онъ не

страдалъ болѣзнями современнаго ему общества; онъ только досадовалъ и злился, что общество, не понимая его гениальныхъ твореній, не отдавало ему за нихъ должнаго почтенія, и вѣрило больше московскому подъячому, чѣмъ господину Вольтеру и ему, господину Сумарокову... Если хотите видѣть страданіе высокой души человѣка, непонимаемаго современностью, — читайте письма Ломоносова къ Шувалову...

Б.—Но Сумароковъ былъ первымъ драматургомъ въ Россіи, и его трагедіямъ даже обожатели Ломоносова, какъ Мерзляковъ, отдають преимущество?

А.—Я съ этимъ не согласенъ. Ломоносовъ и въ ошибкахъ своихъ поучительнѣе и выше этого бездарнаго писака. Оба они риторы въ своихъ стихахъ; но вѣдь и риторика риторикѣ рознь. Риторика Корнеля, Расина и Вольтера всегда будетъ выше риторика Озерова, а риторика Ломоносова выше риторика Сумарокова. Ломоносовъ вездѣ уменъ, даже и въ риторическихъ стихахъ своихъ. Нѣтъ, по моему мнѣнію, Сумароковъ сдѣлалъ одно истинно-важное дѣло, хотя и безъ всякаго особеннаго умысла: его пѣтическая тѣнь возникла передъ критическимъ ожомъ С. Н. Глинки и вдохновила его «предъявить» пріятельскую книгу: «Очерки жизни и сочиненія Александра Петровича Сумарокова», пресловутую книгу, которая, говоря языкомъ ея почтеннаго сочинителя, «огромна руссійскій бытъ»... Вотъ за это спасибо Сумарокову: лучшаго онъ ничего не могъ сдѣлать.

Б.—Но что вы скажете о Княжнинѣ? Общее мнѣніе приписываетъ ему усовершенствованіе русскаго театра, рожденнаго Сумароковымъ.

А.—Да, общее мнѣніе всѣхъ «курсовъ и исторій русской литературы». Княжнинъ не напрасно занимаетъ въ нихъ свое мѣсто; только ему и не должно выходить изъ нихъ, благо онъ пригрѣлъ себѣ тепленькую коморку. Исторія литературы и сама литература — не всегда одно и то же. При возникновеніи литературы, начинающейся подражаніемъ, является множество маленькихъ героевъ, приобретающихъ себѣ безсмертіе. Грузинцевъ, авторъ пьесы «Петръ Великій», и Свѣчинъ, сочинитель «Александрюиды», стѣять Тредьяковскаго; но о нихъ уже забыли — они поздно родились, поздно явились; а Тредьяковскій никогда не будетъ забытъ, потому что родился во-время. Я не спорю, что Сумароковъ — отецъ руссійскаго театра, и при томъ достойный отецъ достойнаго сына; но все-таки театръ нашъ не исключительно отъ него долженъ вести свою родословную: вспомните, что еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича

у насъ было нѣчто похожее на придворный театръ, гдѣ разыгрывались мистеріи, въ родѣ тѣхъ, которыми начались всѣ европейскіе театры. Что жъ? не прикажете ли и ихъ напечатать для пользы и удовольствія почтеннѣйшей публики? И французы въ исторіи своей литературы упоминають о «мистеріяхъ», равно какъ и о драмахъ Гарнье и Гарди, предшественниковъ Корнеля; но они не разбирають ихъ, не излагають ихъ содержанія, не разсуждають о ихъ красотахъ или недостаткахъ, не рекомендуютъ ихъ вниманію публики, не включаютъ ихъ въ общій капиталъ своей литературы. Литературныя заслуги бывають внѣшнія и внутреннія: первыя важны для той минуты, въ которую появились; вторыя остаются навсегда. Иначе ничьей жизни не достало бы перечестъ и изучить иную литературу. Такъ и Княжнинъ, дѣлвшій свои риторическія трагедіи и комедіи изъ дурно-переведенныхъ имъ лоскутковъ ветхой и дырявой мантии классической французской Мельпомены, оказалъ своего рода пользу и современному театру, и современной литературѣ. За это ему честь и слава; но требовать, чтобы его читали и это чтеніе называли «занятіемъ литературой», — просто нѣтъбысть. Даже и учащемуся юношеству нѣтъ никакой нужды давать читать такихъ писателей, какъ Сумароковъ и Княжнинъ, если это дѣлается не для предостереженія отъ покушенія или возможности писать такъ же дурно, какъ писали эти пѣнты. Но это значило бы подражать спартанцамъ, которые, для внушенія своему юношеству отвращенія отъ пьянства, заставляли рабовъ напиваться...

Б.—Вижу, что о Херасковѣ и Петровѣ нечего и говорить съ вами...

А.—Тѣмъ болѣе, что о нихъ и педанты перестали говорить: это тяжба, на-чисто проигранная. Сюда же должно отнести и Богдановича съ его тяжелой и неуклюжей «Душенькой», которая считалась въ свое время образцомъ легкости и граціозности и возбуждала фуроръ.

Б.—А Хемницеръ, Капнистъ?

А.—Изъ нихъ можно кое-что помѣщать въ хрестоматіяхъ и другихъ подобныхъ сборникахъ, составляемыхъ для руководства при изученіи исторіи русской литературы. Первый написалъ пять-шесть порядочныхъ басенъ, изъ которыхъ «Метафизикъ» пользуется особеннымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ людей, видящихъ въ подобныхъ произведеніяхъ что-то важное и говорящихъ «творецъ «Метафизика» точно такъ же, какъ другіе говорятъ «творецъ «Макбета». Капнистъ передѣлалъ довольно удачно, въ духѣ своего времени, одну или двѣ оды Горация;

элегии же его особенно важны для хрестоматий, какъ живое свидѣтельство сентиментальнаго духа русской литературы того времени. О «Ябедѣ» его довольно сказать, что это произведение было благороднымъ порывомъ негодованія противъ одной изъ возмутительнѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности, и что за это долго пользовалось оно огромной славой, несмотря на все свое поэтическое и даже литературное ничтожество. Замѣчательно, до чего простиралось незаслуженное удивленіе къ этому посредственному произведению: Писаревъ, лучший русскій водевилистъ и вообще человекъ замѣчательно даровитый въ сферѣ мелкой житейской литературы, сражался за «Ябеду» и въ стихахъ, и въ прозѣ; и въ одномъ изъ своихъ лучшихъ произведений, нападая на одного журналиста, повершилъ свои тяжкія обвиненія слѣдующей наивной выходкой:

Онъ Грибоѣдова хвалилъ —
И разругалъ Капниста!..

Въ самомъ дѣлѣ, тяжелое обвиненіе! О, доброе старое время!

Б.—Но мы, кажется, забѣжали впередъ; воротимтесь. Думаю, вы будете не такъ исключительны и строги въ своемъ сужденіи о Державинѣ.

А.—Съ уваженіемъ отступаю при этомъ знаменитомъ имени, но не для того, чтобъ пасть передъ нимъ во прахъ и бессознательно воскурить оиміамъ громкихъ фразъ и возгласовъ, а для того, чтобъ лучше и полнѣе измѣрять глазами этотъ величавый образъ, и строже, и тверже произнести свое сужденіе о немъ—потому именно, что глубоко уважаю его... Державинъ—первое дѣйствительное появленіе русскаго духа въ сферѣ поэзіи, которой до него не было на Руси. Державинъ—это Илья Муромецъ нашей поэзіи. Тотъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, не зная, что онъ богатырь; а этотъ сорокъ лѣтъ безмолвствовалъ, не зная, что онъ поэтъ; подобно Ильѣ Муромцу, Державинъ поздно ощутилъ свою силу, а ощутивъ, обнаруживъ ее въ исполинскихъ и бесплодныхъ проявленіяхъ... Никого у насъ не хвалили такъ много и такъ безусловно, какъ Державина, и никто доселѣ не понялъ менѣе его. Невольно смиряясь предъ исполинскимъ именемъ, всѣ склонялись передъ нимъ, не замѣчая, что это только имя—не больше; поэтъ, а не поэзія... Его всѣ единодушно превозносятъ, всѣ оскорбляются малѣйшимъ сомнѣніемъ въ безукоризненности его поэтической славы, и между тѣмъ никто его не читаетъ, и всего менѣе тѣ, которые печатно кричатъ о немъ... По моему мнѣнію, эти люди, такъ бессознательно поступающіе,

дѣйствуютъ очень разумно и нисколько не противорѣчатъ самимъ себѣ. Я сравнилъ Державина съ древнимъ русскимъ богатыремъ, Ильей Муромцемъ, и, на основаніи этого сравненія, назвалъ поэзію Державина исполинскими, но бесплодными проявленіями поэтической силы: для объясненія своей мысли я долженъ продолжать это сравненіе. Илья Муромецъ одинъ-одиноконекъ побиваетъ цѣлую татарскую рать—и чѣмъ же?—не копьемъ, не мечемъ, не палицею тяжкою, а татаринѣмъ, котораго онъ схватилъ за ноги, да и давай имъ помахивать на всѣ четыре стороны, сардонически приговаривая:

А и крѣпокъ татаринъ—не ломится,
А и живоватъ, собака,—не изорвется.

Кто не согласится, что подобный подвигъ поражаетъ умъ удивленіемъ? Но и кто же не согласится, что возбуждаемое имъ удивленіе—чувство чисто внѣшнее, холодное, и что оно—только удивленіе, а не тотъ божественный восторгъ, который возбуждается въ духъ чрезъ разумное проникновеніе въ глубокую сущность предмета? Но здѣсь не во чтѣ проникать: здѣсь только сила, лишенная всякаго содержанія, сила какъ сила—больше ничего. Совсѣмъ не такъ дѣйствуютъ на насъ мнѣическія сказанія римскаго народа о Гораціяхъ-Коклесахъ, Муціяхъ-Сцеволахъ, или рыцарскія легенды о военномъ схимничествѣ за честь креста гроба и имени Господня, о битвахъ за красоту, о неизмѣнности обѣтамъ, о безумномъ фанатическомъ обожаніи воображаемыхъ идеаловъ, какъ будто дѣйствительныхъ существъ: они возбуждаютъ въ насъ не одно удивленіе, но и любовь, и восторгъ, и сознаніе. Съ любовью преклоняемся мы передъ безконечностью духа человѣческаго, предъ несокрушимой твердостью воли, торжествующей надъ ограниченными условіями немощной плоти; въ нихъ мы обожаемъ божественную способность человѣка уничтожаться, какъ въ жертвенномъ огнѣ на алтарѣ Бога, въ паосѣ къ безплотной и безсмертной идеѣ... И это оттого, что онѣ полны общечеловѣческаго содержанія, что мы ощущаемъ, чувствуемъ и провидимъ въ нихъ все, чѣмъ человѣкъ есть человекъ—чувственное явленіе незримаго и вѣчнаго духа... И вотъ этого-то содержанія въ поэзіи Державина такъ же мало, какъ и въ подвигъ Ильи Муромца. Откуда было взять ему содержаніе для своей поэзіи? Къ намъ долетали неопредѣленные слухи и толки объ XVIII вѣкѣ Франціи, мы даже сами ѣздили знакомиться съ ними въ Парижъ... У насъ читали Вольтера и повторяли его остроумія; но на Руссо смотрѣли только какъ на чувствительнаго мечтателя; существованія же нѣмца

Канта тогда никто и не подозревалъ... Россія была навѣки оторвана отъ своего прошедшаго, да и при томъ такъ уже свыклась съ реформой, что и не могла ничего найти въ немъ для себя; настоящее ея было невѣрнымъ и косвеннымъ отраженіемъ чужого: откуда же было возникнуть въ ней своеобразному созерцанію жизни, суммѣ тѣхъ общихъ для всѣхъ и каждаго понятій, посредствомъ которыхъ въ обществѣ сливаются воедино всѣ частности и личности, которыя составляютъ цвѣтъ, характеристику, душу общества и, какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его поэзіи и литературѣ? Ихъ не было, и не могло быть. И вотъ отчего поэзія Державина такъ чужда всякаго содержанія. Что могъ видѣть и слышать онъ въ своемъ дѣтствѣ, у себя дома? чему могъ онъ выучиться въ школѣ? что могъ ему дать опытъ его жизни въ юности и въ лѣтахъ мужества? Можно ли дивиться, что, въ апогеѣ своей славы, пятидесятилѣтній Державинъ смотрѣлъ на поэзію какъ на отдыхъ и забаву, а на канцелярскія бумаги, какъ на дѣло, считалъ себя не поэтомъ, а чиновникомъ. Повторяю: тутъ нечего было и думать о содержаніи для поэзіи—и поэзія Державина осталась безъ всякаго содержанія. Возьмемъ ли мы его такъ-называемыя «анакреонтическія стихотворенія»—сколько въ нихъ превосходныхъ частности, удачныхъ стиховъ, поэтическихъ образовъ, сколько огня и яркости; но вмѣстѣ съ тѣмъ и какая во всемъ внѣшность: ни малѣйшаго признака, ни слабыхъ слѣдовъ мистики сердца, жизни чувства! Чувство любви онъ вездѣ беретъ въ его отвлеченной общности: оно всегда у него одно и то же, всегда неподвижно, оцѣпенѣло, никогда не переходитъ изъ мотива въ мотивъ, и потому лишено всего внутренняго,—блеститъ, но не грѣетъ... Возьмемъ ли его такъ-называемыя философскія оды: онѣ иногда богаты сентенціями, въ родѣ описанія признаковъ, долженствующихъ составлять истиннаго вельможу, и всегда бѣдны мыслями, лишены созерцанія. Только одно созерцаніе сообщаетъ нѣкоторымъ его одамъ поэтической колоритъ: это мысль о преходящности всего, о паденіи героевъ, царствъ и народовъ, смываемыхъ съ лица земли волнами всепоглощающаго океана времени. Да, дума Державина объ этомъ предметѣ иногда грустна и полна величія и поэзіи, и нигдѣ не выразилъ онъ ее съ такой полнотою и силой, какъ въ прекрасной «Одѣ на смерть Мещерскаго»:

Ничто отъ роковыхъ когтей,
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ—снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;

Зіяеть время славу сместъ:
Какъ въ море лютуютъ быстры волны,
Такъ въ вѣчность лютуютъ дни и годы,
Глощаетъ царства алчная смерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стрѣмглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все смерть разитъ:
И звѣзды ея сокрушаются,
И солдцы ея потушаются,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Тутъ есть поэзія, потому что есть мысль, не изъ головы выскочившая въ одно прекрасное утро, когда хозяинъ этой головы, сидя въ халатѣ, пилъ чай и курилъ трубку, но вышедшая изъ глубоко потрясенной натуры, въ страданіи рожденная изъ судорожно-сжавшагося сердца... Особенно яркой характеристикой вѣка дышетъ этотъ куплетъ:

Сынъ роскоши, прохлада и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, и духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не
Мы только плачемъ и вызываемъ: [знаемъ.
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

XVIII вѣкъ слишкомъ игралъ жизнью, слишкомъ легко смотрѣлъ на нее; роскошь, прохлада и нѣги были его стихіей: потому удивительно ли, что только смерть человѣка, а не причина и слѣдствія ея заставляли призадумываться этихъ вѣтренныхъ, легкомысленныхъ дѣтей XVIII вѣка? На пиру грянулъ громъ—веселые гости смутились; передъ ними бездыханный трупъ «сына роскоши, прохлада и нѣгъ», слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, человѣка, котораго смерть не должна бы коснуться... Но и онъ мертвъ—кто же послѣ этого смѣетъ надѣяться на жизнь? эта мысль леденитъ кровь въ ихъ жилахъ, и изъ груди ихъ, сжатой страшнымъ призракомъ смерти, вырывается болѣзненный вопль: «О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!» Вотъ трагическая сторона XVIII вѣка, который больше всѣхъ золь въ мірѣ боялся смерти,—и Державинъ безсознательно, но превосходно выразилъ эту мысль. Однако жъ она у него не вездѣ одинаково хорошо выражена, всегда вертится около самой себя, не двигаясь впередъ, подобно колесцу вентилятора, и оттого утомляетъ читателя однообразнымъ шумомъ своихъ оборотовъ. Кромѣ же этой мысли, я другихъ не знаю у Державина; а согласишься, что странно представить себѣ поэзію, которая вся вращается на одной, и при томъ лишенной внутренняго движенія, мысли... Что же до его торжественныхъ одъ,—и въ нихъ есть смѣлые обороты, яркіе проблески

Державинской поэзіи; но онѣ невообразимо длинны, а это очень невыгодное обстоятельство въ лирической и особенно—«торжественной» поэзіи; при длиннотѣ скука побѣдитъ всякую поэзію; потому онѣ преисполнены враждебнаго для поэзіи элемента—риторики, нагнаны, неестественны, дурно концепированы, а главное—лишены и тѣни какаго бы то ни было содержанія. При томъ же и событія, подавшія поводъ къ сочиненію этихъ одъ, были особенно важны только для своего времени: наше время совершенно къ нимъ холодно, потому что его интересы стали и пошире, и поглубже, и почеловѣчнѣе. Два стихотворенія Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина» совершенно уничтожаютъ всѣ многочисленныя торжественныя оды Державина.

Сверхъ «Оды на смерть Менцера» я высоко ставлю еще его «Водопадъ». Въ этой пьесѣ съ особенной выпуклостью и рѣзкостью проявились всѣ достоинства и недостатки поэзіи Державина. Въ ней особенно замѣтенъ этотъ полетъ, составляющій характеристическую черту Державинской поэзіи; глубокая и торжественная дума лежитъ въ ея основаніи; смѣлость и оригинальность образовъ и картинъ доходитъ въ ней часто до высокаго, въ ней—

Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подземныхъ

Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Духъ читателя настроенъ фантастически и ожидаетъ чудесъ—

Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скригъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщій гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вокругъ плзотныхъ.
Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ ветрепеталя,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала;
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремящій по громамъ.

Но особенно люблю я «Водопадъ» за героя, котораго дивная судьба при жизни и дивная смерть среди степи, подъ походнымъ плащомъ, вдохновила Державина. Много величавыхъ образовъ украшаетъ блестящій вѣкъ Екатерины Великой; но Потемкинъ всѣхъ ихъ заслоняетъ въ глазахъ потомства своей колоссальной фигурой. Его и теперь все такъ же не понимаютъ, какъ не понимали тогда: видятъ счастливаго временщика, сына случая, гордаго вельможу,—и не видятъ сына судьбы, великаго человѣка, умомъ

завоевавшаго свое безмѣрное счастье, а гениемъ доказавшаго свои права на него. Потемкинъ—это одна изъ тѣхъ титанскихъ натуръ, которыхъ душа вѣчно пожирается ничѣмъ неудовлетворяемой жаждой дѣятельности,—для которыхъ перестать дѣйствовать—значитъ перестать жить,—которымъ, завоевавъ землю, надо дѣлать высадку на луну или умирать. Колоссальный образъ Потемкина съ ногъ до головы облитъ поэзіей; Державинъ понялъ это,—и «Водопадъ» самая высокая, самая поэтическая пьеса его. Однако жъ смѣлая концепція этой пьесы неудачна въ цѣломъ и блескитъ только частностями; все сочиненіе растянуто, лучшія мѣста прерываются риторикой; желаніе сказать какую-нибудь любимую мысль, которая не выходитъ изъ предыдущаго и не выжета съ послѣдующимъ, привело множество лишннихъ стиховъ только для внѣшней связи; безпрестанно загорающаеся огнемъ поэзіи чувство читателя безпрестанно охлаждается водою общихъ риторическихъ мѣстъ; прекрасные стихи смѣняются дурными, счастливые обороты—ничтожными выраженіями,—и въ цѣломъ эта поэма только истомитъ и измучитъ читателя, а не усладитъ его полнымъ, яснымъ восторгомъ...

Я особенно дорожу тѣми одами Державина, въ которыхъ выражена вельможная и барская жизнь нараспашку—единственная, хотя и относительно поэтическая жизнь того времени. Поэзія всегда вѣрна исторіи, потому что исторія есть почва поэзіи. Я сказалъ, что вельможество было единственнымъ образованнымъ сословіемъ того времени,—и это не могло не отразиться въ поэзіи Державина, давъ ей хоть и бѣдное, и одностороннее содержаніе. Такія оды его, какъ «къ Первому Сосѣду», «къ Второму Сосѣду», «Гости»—принадлежатъ къ числу лучшихъ его одъ. Но еще интереснѣе тѣ изъ нихъ, которыя блещутъ картинами русской природы. Его русская осень гораздо лучше весны, а зима весело блескитъ яркой бѣлизной снѣговъ и пушистаго инея... Съдая чародѣйка, она машетъ косматымъ рукавомъ, сыплетъ снѣгъ, морозъ и иней, претворяя воды въ льды; въ поляхъ воютъ голодные волки; олень уходитъ на мшистыя тундры, медвѣдь ложится въ свое логовище... А румяная осень?—

Уже стада толпятся птички,
Ковыль серебритъ по степямъ,
Шумяци красно-желты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстророгий,
Какъ колпикъ, посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловцы раздаютъ роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасиися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣсть добры щи и пиво пить...

Да, Державинъ сочувствовалъ русской осенней и зимней природѣ,—и это сочувствіе, какъ наследіе, перешло отъ него къ Пушкину. Но что у Пушкина является апофеозомъ, то у Державина есть только элементъ, начало чего-то, зерно, еще неразвившееся въ растение и цвѣтъ. Великую приносить Державину честь, что онъ въ одѣ, гдѣ говорится объ осадѣ Очакова и Потемкинѣ, дерзнулъ, вопреки воѣмъ понятіямъ того времени о благородной и украшенной природѣ въ искусствѣ, говорить о зайцахъ, о голодныхъ волкахъ, о медвѣдяхъ, о русскомъ мужикѣ и его добрыхъ щахъ и пивѣ, дерзнулъ назвать зиму сѣдой чародѣйкой, которая машетъ косякомъ въ рукавомъ: это показываетъ, что онъ одаренъ былъ сильными и самостоятельными элементами поэзіи, которымъ однако жъ нельзя было развиться во что-нибудь опредѣленное и суждено было остаться только элементами, по отсутствію содержанія, еще невыработаннаго общественной жизнью, по неизмѣннѣ литературнаго, поэтическаго разговораго и всякаго языка, и по кривымъ понятіямъ объ искусствѣ—не только у насъ, но и въ самой Европѣ, гдѣ XVIII вѣкъ вообще былъ неблагопріятенъ поэзіи. Конечно, во всемъ этомъ Державинъ нисколько не виноватъ, я и не вино его: говорю только, что ему можно удивляться, его должно изучать, но что нѣтъ никакой возможности читать его для наслажденія поэзіей, и что его произведенія, будучи важнымъ фактомъ для эстетики, теперь составляютъ въ сферѣ поэзіи совершенно мертвый капиталъ. Возьмемъ даже его оду «Осень во время осады Очакова», гдѣ самыя прекрасныя картины осени и зимы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Онѣ преисполнены самыхъ прозаическихъ обмолвокъ или блесковъ «облагороженной и украшенной природы»: послѣ щей и пива у него крестьянинъ, подобно какому-нибудь менестрелю, «поетъ блаженство своихъ дней»; отъ хладнаго дыханія зимы «цѣпенѣтъ взоръ природы, небесный Марсъ оставляетъ громы и ложится отдыхать въ туманы, сельскія Нимфы» (т. е. деревенскія дѣвки въ лаптяхъ, если не босикомъ) перестаютъ пѣть въ хороводахъ... Я ужъ не говорю о томъ, что въ этой одѣ нѣтъ ни единства мысли, ни единства ощущенія; что она не составляетъ ничего общаго, переполнена риторикой, богата дурными стихами, неточными выраженіями, на которыхъ безпрестанно спотыкается встревоженное чувство: эта общая и необходимая принадлежность, существенное качество каждаго стихотворенія Державина. И насъ хотятъ заставить читать его для услажденія себя поэзіей!.. Поэзія есть искусство, искусство,

изящная форма истинныхъ идей и вѣрныхъ (а не фальшивыхъ) ощущеній: поэтому часто одно слово, одно неточное выраженіе портитъ все поэтическое произведеніе, разрушая цѣлостъ впечатлѣнія. Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть, и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина, столь свѣтлой, ясной, прозрачной, о предѣленной, возвышенно-свободной, безъ напряженности, полной содержанія, и потому вызывающей изъ души читателя всѣ чувства, даже такія, которыхъ возможности онъ и не подозревалъ въ себѣ, заставляющей вглядываться и вдумываться въ природу, въ жизнь и во внутреннее, тайное святилище собственной души,—наконецъ, поэзіи столь гармонической и художественной. Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго Державинской поэзіей на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простой, слишкомъ кроткой и лишенной всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задумчивой поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенно духовное развитіе въ лонѣ Пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны сущности и значенія истинной поэзіи. И эта сила дѣтскихъ впечатлѣній имѣетъ свою причину въ богатствѣ и могуществѣ поэтическихъ элементовъ, какими одаренъ былъ отъ природы Державинъ. Родись этотъ человѣкъ въ благопріятное для поэзіи время,—можетъ быть, онъ былъ бы великимъ поэтомъ и вѣкамъ завѣщалъ бы свои могучія и полетистыя вдохновенія; но судьба велѣла ему быть первой ступенью рождающейся въ народѣ поэзіи,—и вотъ едва прошло двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, а его ужъ никто не читаетъ, и только безотчетно, на вѣру и по преданіямъ, восторгаются имъ... Повторяю: я поставилъ бы долгомъ и обязанностью всякому юношѣ не только прочесть—даже изучить Державина, какъ великій фактъ въ исторіи русской литературы, языка и эстетическаго образованія общества, но никому не возмусь совѣтовать читать Державина для эстетическаго наслажденія: я знаю напередъ, что мой соувѣтъ пропалъ бы втунѣ послѣ первой прочитанной оды или послѣ первыхъ стиховъ ея. Воля ваша, я также не умю представить женщину съ Державиннымъ въ рукахъ,

какъ Пушкинъ не умѣлъ ее представить себѣ съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ. Знаю, что со мной многие согласятся, но съ насмѣшливой улыбкой, которая будетъ не очень любезна въ отношеніи къ дамамъ; но, право, пора бы намъ оставить этотъ мусульманскій взглядъ на женщину, и въ справедливомъ смиреніи сознаться, что наши женщины едва ли не умѣе нашихъ мужчинъ, хоть эти господа и превосходятъ ихъ въ учености. Кто первый, вопреки школьнымъ предрасудкамъ, живымъ непосредственнымъ чувствомъ оцѣнилъ поэзію Жуковскаго?—женщины. Пока наши романтики подводили поэзію Пушкина подъ новую теорію и отстаивали ее отъ незаслуживавшихъ вниманія педантовъ-классиковъ,—женщины наши уже заучили наизусть стихи Пушкина. Мнѣніе, что женщина годна только рожать и няньчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать, да почитать легонькіе пустячки—это истинно киргизъ-кайсацкое мнѣніе! Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мужчиной въ дарахъ высшей духовной жизни—и если она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія, — этому причиной не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріальной силы мужчины, полуварварское, немного восточное устройство общества и сахарное, аркадское воспитаніе, которое дается женщинамъ... Но вѣкъ идетъ, идеи движутся, и варварство начинаетъ колебаться: женщина уже сознаетъ свои права человѣческія и блистательными подвигами доказываетъ гордому мужчине, что и она такъ же дочь неба, какъ и онъ сынъ неба... Кому неизвѣсны имена Бетины и Рахели, которыхъ глубокія натуры отъ всякаго прикосновенія къ нимъ жизни издавали изъ себя электрическія искры откровенія тайнъ духа? Кому неизвѣстно имя гениальной Джоржъ Зандъ? Недавно въ Англии вышла книга миссъ Джемсонъ—«Характеры Шекспировскихъ Женщинъ», изумившая ученую и философскую Германію силой и глубиной анализа сокровенной души женщины, вѣрнымъ и мощнымъ постиженіемъ величайшаго поэта въ мірѣ, вдохновеннымъ поэтическимъ и въ то же время полнымъ мысли и опредѣлительности изложеніемъ. Недавно вышла въ Германіи книга «Миеологія грековъ и римлянъ»—плодъ глубочайшаго изученія древности, книга столь же глубоко философская, сколько и высоко поэтическая; авторъ этой книги—женщина, Тинетта Гомбергъ... У насъ еще такъ недавно начали появляться истинно-ученые мужчины—слѣдовательно, намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ и Гомбергъ; но

и наша литература можетъ по справедливости гордиться многими женскими именами (если она ужъ гордится столь многими мужскими), изъ которыхъ особенно замѣчательны: графиня Сара Толстая и неизвѣстная дама, авторъ многихъ превосходныхъ повѣстей, подписывающаяся Зенеидой Р—вой. Итакъ, если женщины понимаютъ глубоко Шекспира и Гомера, то я, право, не вижу, почему бы онѣ не могли понимать Державина... А между тѣмъ онѣ точно его не понимаютъ и никогда не будутъ читать, особенно вида, что и мужчины давно уже отказались отъ этого удовольствія...

Б.—Я понимаю вашъ взглядъ на Державина, и каковъ бы онъ ни былъ въ самомъ дѣлѣ, но я увѣренъ, что во многомъ не могутъ не согласиться съ вами самые ожесточенные поклонники старины. Но послѣ такого взгляда на Державина, я уже боюсь предложить вамъ Фонвизина!

А.—Напрасно: этому писателю я не только всегда дамъ почетное мѣсто на полкѣ моего небогатаго русскими книгами шкафа, но и не откажусь подчасъ и перелистывать и перечестъ его, сколько для историческаго изученія, столько и для удовольствія. Въмѣстѣ съ Державинимъ Фонвизинъ есть полное выраженіе екатерининскаго времени. Смѣшно, когда хотятъ дѣлать изъ него поэта и комика; но какъ писатель, онъ безцѣненъ. Чтò бы вы ни читали въ немъ,—комедіи ли его, забавное ли и злое посланіе его къ Шумилову, письма ли изъ за границы, исповѣдь ли, вопросы ли—вездѣ видите умнаго и остраго человѣка, тонкаго наблюдателя, живую исторію своего времени. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, имѣя значеніе въ своей литературѣ, не совсѣмъ бы утратили его и въ переводѣ на иностранныхъ языкахъ. Что до его поэзіи, онъ невиненъ въ ней. Въ комедіяхъ его нѣтъ ничего идеальнаго, а слѣдовательно, и творческаго: характеры дураковъ въ нихъ—вѣрные и ловкіе списки съ карикатуры тогдашней дѣйствительности; характеры умныхъ и добродѣтельныхъ—риторическія сентенціи, образы безъ лицъ; юморъ его комедій довольно легокъ и мелокъ: онъ ищетъ больше смѣшнаго и карикатурнаго, чѣмъ комическаго и характернаго. Но при всемъ томъ «Недоросль» и «Бригадиръ», уже согнанные съ театра, никогда не будутъ изгнаны ни изъ исторіи русской литературы, ни изъ библиотекъ порядочныхъ людей. Не будучи комедіями въ художественномъ значеніи, онѣ—прекрасныя произведенія беллетристической литературы, драгоценныя лѣтописи общественной того времени. «Дворянскіе выборы» были осколкомъ съ комедій Фонвизина

и въ достоинствахъ, и недостаткахъ, но скальвать и изобрѣтать—двѣ вещи разныя; при томъ же все хорошо въ свое время,—и честь, и слава уму и таланту Фонвизина, что онъ угадалъ, что можно и что нужно было въ его время...

Б.—Вотъ мы съ вами и переговорили о цѣломъ періодѣ русской литературы. Конечно, надо согласиться, что немного потратимъ времени на прочтеніе всего, что произвелъ этотъ періодъ.

А.—Слѣдующій будетъ несравненно богаче; только необходимо надо строго опредѣлять степень этого богатства, относительную или безусловную цѣнность частныхъ, изъ которыхъ состоитъ его цѣнность. А то — чего добраго!—вообразимъ себя такими богачами, что, положась, конечно, на большое и уже прожитое богатство, и не увидимъ, какъ придется по міру итти.

Б.—Интересно мнѣ, что вы скажете о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, начавшихъ собою второй періодъ нашей литературы. Вѣроятно, ихъ еще можно читать и перечитывать?..

А.—Прежде всего надо замѣтить, что Карамзинъ не ровня Дмитріеву. Дмитріевъ написалъ очень небольшую книгу стиховъ, и надо, чтобы въ стихахъ такой книги было слишкомъ много поэзіи, чтобы ее читали въ наше время... Но ея не читаютъ уже лѣтъ двадцать, а въ наше время немногіе даже знакомы съ нею, и то не лично, а по слухамъ, по рекомендаціи учителей словесности и по литературнымъ адресъ-календарямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «исторіи русской литературы»... И Дмитріевъ въ самомъ дѣлѣ—примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я очень любилъ его въ дѣтствѣ, и отъ души благодаренъ ему за пользу и удовольствіе, которыя принесли мнѣ его стихотворенія въ мои дѣтскіе годы. Впрочемъ, басни и сказки Дмитріева и теперь еще могутъ доставлять дѣтямъ пользу и удовольствіе; если же будутъ для нихъ вредны, то развѣ со стороны своей негармонической и непозитивской версификаціи; но его оды и пѣсни теперь не годятся ни для дѣтей, ни для стариковъ—ихъ время давно прошло! А въ свое время онъ былъ прекрасенъ, распространяли въ обществѣ охоту къ чтенію, приучали публику къ благороднымъ наслажденіямъ ума, доставляли ей возвышенное удовольствіе. Но это все-таки не мѣшало Дмитріеву не быть поэтомъ, не имѣть ни фантазіи, ни чувства: онъ замѣнялись у него умомъ и ловкостью. Русская версификація въ стихахъ Дмитріева сдѣлала значительный шагъ впередъ: въ свое время они считались чрезвычайно гладкими и гармоническими. Вообще

стихи Дмитріева гораздо лучше стиховъ Карамзина. Дмитріева можно назвать сотрудникомъ и помощникомъ Карамзина въ дѣлѣ преобразованія русскаго языка и русскаго языка литературы: что Карамзинъ дѣлалъ въ отношеніи къ прозѣ, то Дмитріевъ дѣлалъ въ отношеніи къ стихотворству. Но проза тогда была важнѣе стиховъ, и потому заслуги Карамзина уничтожаютъ собою заслугу Дмитріева: между ними нѣтъ ни сравненія, ни параллели въ этомъ отношеніи. Карамзинъ первый родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику; съ него перваго должно полагать начало русской литературы, не какъ школьнаго, «ученаго» занятія, но какъ предмета живого интереса со стороны общества. Правда, этотъ живой интересъ былъ еще довольно апатиченъ, а ограниченное число читателей не могло назваться публикой; но что же и теперь у насъ за публика? а между тѣмъ теперешняя публика и огромна, и образована въ сравненіи съ той публикой; безъ той публики не было бы и теперешней. Поэтому дѣло Карамзина—великій подвигъ, вполне достойный того, чтобы наше время обезсмертило его монументомъ. Карамзинъ явился преобразователемъ языка и стилистики. Въ обществѣ бродили уже новыя идеи, для выраженія которыхъ не доставало въ русскомъ языкѣ ни словъ, ни оборотовъ. Карамзинъ улегитимировалъ своимъ талантомъ употребленіе вошедшихъ и входившихъ въ русскій языкъ словъ и ввелъ совершенно новыя не только иностранныя, но и русскія слова, какъ, напримеръ, «промышленность». Карамзина обвиняютъ въ растлѣніи чужестранными словами и оборотами, преимущественно галлицизмами, дѣвственности русскаго языка. Но эти люди забываютъ, что тогда не было никакого русскаго языка, и что латинославянская проза Ломоносова и Хераскова гораздо меньше была русскимъ языкомъ, чѣмъ проза не только Карамзина, но и самыхъ неловкихъ его подражателей, отчаянныхъ галломановъ. Карамзинъ началъ писать языкомъ общества, тѣмъ самымъ, которымъ всѣ говорили; но, разумѣется, идеализировавъ его, потому что письменный языкъ—искусственный, какъ бы ни былъ онъ естественъ, простъ, живъ и свободенъ. Карамзинъ явился въ самое время съ своей реформой: тогда всѣ чувствовали ея необходимость,—большинство безсознательно, избранники сознательно: доказательствомъ перваго служитъ общій восторгъ, съ какимъ были приняты первые опыты Карамзина; а доказательствомъ второго можетъ служить Макаровъ, современникъ Карамзина,

талантливый литераторъ, въ одно время съ Карамзинымъ и совершенно независимо отъ него писавшій такой же прекрасной прозой. Несмотря на то, что духъ времени былъ за Карамзина, знаменитому реформатору нужна была большая сила характера или большая расчётливость, чтобъ не смущаться толками и воплями литературныхъ старовѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, нужна была большая рѣшимость, чтобъ изъ міра натянутаго эпопеи, въ родѣ «Кадма и Гармонии», ниспуститься въ міръ любви и горестей какой-нибудь «Бѣдной Лизы», которая не имѣла чести быть даже простой дворянкой. Въ лицѣ Карамзина русская литература въ первый разъ сошла на землю съ ходуль, на которыя поставилъ ее Ломоносовъ. Конечно, въ «Бѣдной Лизѣ» и другихъ чувствительныхъ повѣстяхъ не было ни слѣда, ни признака обще-человѣческихъ интересовъ; но въ нихъ есть интересы просто человѣческіе—интересы сердца и души. Въ повѣстяхъ Карамзина русская публика въ первый разъ увидѣла на русскомъ языкѣ имена любви, дружбы, радости, разлуки, и пр., не какъ пустыя, отвлеченныя понятія и риторическія фигуры, но какъ слова, находящія себѣ отзывъ въ душѣ читателя. Такъ какъ это было въ первый разъ, всё эти чувства, нѣжныя до слабости, умѣренные до блѣдной безцвѣтности, сладкія до приторности, были приняты за глубокое проникновеніе въ духовную натуру человѣка. Карамзинъ засталъ XVIII вѣкъ на его исходѣ, и взялъ отъ него только пастушескую сладость чувствъ, мадригальную силу страстей. И хорошо, что это случилось такъ, а не иначе: если бы его сочиненія были выраженіемъ болѣе глубокаго содержанія или хоть какого-нибудь содержанія—они плодотворно дѣйствовали бы на немногія благодатныя натуры; масса не замѣтила бы ихъ, и Карамзинъ не создалъ бы публики, не приготовилъ бы возможность существованія русской литературы. Чувство и чувствительность—не одно и то же: можно быть чувствительнымъ, не имѣя чувства; но нельзя не быть чувствительнымъ, будучи человѣкомъ съ чувствомъ. Чувствительность ниже чувства, потому что она болѣе зависитъ отъ организации, тогда какъ чувство болѣе относится къ духу. Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, приторная есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры: такая чувствительность очень хорошо выражается словомъ «сентиментальность.» Однако жъ, будучи не совсѣмъ завиднымъ качествомъ, и сентиментальность лучше одеревѣлаго состоянія въ грубой корѣ животной естественности,—и потому въ массѣ

тогдашняго общества прежде всего должно было пробудить сентиментальность, какъ первый выходъ изъ одеревѣлости. Европейская сентиментальность, составлявшая одну изъ заднихъ сторонъ XVIII вѣка и привитая Карамзинымъ къ русской литературѣ, была смягчающимъ средствомъ для современнаго ему общества, мало знакомаго съ грамотой. Многие нападаютъ на жидкость содержанія въ «Письмахъ Русскаго Путешественника»: я такъ не вижу въ нихъ ровно никакого содержанія, и по тому самому уважаю ихъ. Если бы Карамзинъ сдѣлалъ изъ нихъ вѣрную картину нравственнаго состоянія Европы въ то время, а не знакомилъ бы съ одними внѣшностями европейской цивилизаци и дорожными случайностями,—его путешествіе почти ни на кого не подѣйствовало бы. Карамзинъ въ своихъ письмахъ вездѣ обнаруживаетъ симпатію къ реформѣ Петра и антипатію къ длиннородой старинѣ: чувство вѣрное, но мотивы его не довольно глубоки. Для Карамзина европеизмъ состоялъ въ однихъ удобствахъ образованной жизни; больше онъ ничего не предвидѣлъ въ этомъ величайшемъ вопросѣ, въ которомъ заключается вся судьба человѣчества. Но потому-то путешествіе Карамзина и было такъ понятно для публики, такъ восхитило ее и произвело такое сильное и такое благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей тогдашняго общества. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ должно смотрѣть на Карамзина. Едва ли кто больше его принесъ пользы русской литературѣ (замѣтьте: не поэзіи, не искусству, не наукѣ,—а литературѣ) и едва ли кто менѣе можетъ быть читаемъ въ наше время, какъ онъ. Державина нельзя читать, но должно изучать: о сочиненіяхъ Карамзина нельзя сказать и этого. Чуждыя всякаго содержанія, они не могутъ быть переведены ни на какой европейскій языкъ: чтó бышла въ нихъ Европа, изъ чего бы поняла она въ нихъ, что онъ—великій писатель?.. Чуждыя нашему времени по формѣ, т. е. по самому языку своему, составляющему торжество классной стилистики,—къмъ они будутъ читаться въ наше время, если не людьми, для которыхъ «Бѣдная Лиза» можетъ быть первой прочитанной ими повѣстью? Мѣжду тѣмъ безъ Карамзина исторія нашей литературы не имѣетъ смысла; имя его велико, заслуги безсмертны, но творенія его, какъ важныя и необходимыя только для современнаго ему эпохи, дошедъ до своей апогея, обвитыя лаврами побѣды, безмолвно и безтревожно покоятся теперь въ своей лучезарной славѣ...

Б.—Но вы говорите только о мелкихъ трудахъ Карамзина; а вѣдь онъ написалъ «Исторію Государства Россійскаго...»

А.— Не написалъ, а только хотѣлъ написать, но не успѣлъ кончить и предисловія. Государство Россійское началось съ творца его Петра Великаго, до появленія котораго оно было младенецъ, хотя и младенецъ—Алкидъ, душившій змѣя въ колыбели; но кто же писать исторію младенца! О младенцествѣ великаго человѣка упоминается, и то мимоходомъ, только въ предисловіи или введеніи въ его исторію. Содержаніе исторіи составляетъ таинственная психея народа, дающая чувствовать свое животворное присутствіе во внѣшнихъ событіяхъ; но событія сами по себѣ еще не составляютъ исторіи, какъ бы красно ни были они разсказаны. Педанты нападали на Карамзина за промахи противъ лѣтописей, за мелочныя ошибки въ фактахъ: нелѣпное обвиненіе! Умъ цѣпенѣтъ передъ огромностью подвига, совершеннаго Карамзинимъ: онъ писалъ исторію, онъ же и разрабатывалъ рѣшительно-нетронутые матеріалы для нея. Чтѣ было сдѣлано до него по части исторической критики документовъ? — Ничего. Шлецеръ и другіе были заняты преимущественно вопросомъ о происхожденіи Руси, который и теперь еще не рѣшенъ. Даже текстъ Нестора и теперь еще не восстановленъ и не очищенъ; чтѣ сдѣлалъ для него Шлецеръ, тѣмъ и теперь еще пробаваются наши «ученые». Итакъ, Карамзинъ работалъ за десятерыхъ, — и его примѣчанія къ «Исторіи Государства Россійскаго» едва ли еще не драгоценнѣе самаго текста... И при такомъ трудѣ нападать на мелкія фактическія ошибки! Не въ нихъ, а въ идеѣ все дѣло; и вотъ съ этой-то стороны еще никто и не взглянулъ на великое твореніе Карамзина. Правда, нѣкоторые очень основательно упрекали Карамзина, что онъ былъ незнакомъ съ идеями Гизо, Тьерри, Баранта и другихъ, послѣ него явившихся, историковъ; но я, право, не вижу никакого отношенія русской исторіи къ исторіи образованія европейскіхъ государствъ. У насъ даже написано по этимъ идеямъ начало «Исторіи Русскаго Народа»; но уже самое заглавіе этой исторіи или заглавіе начала этой исторіи показываетъ ея внутреннее достоинство, равно какъ и то, какъ далеко обогнала она въ идеяхъ исторію Карамзина: тамъ государство, которое только готовилось быть, но котораго еще не было; а тутъ народъ, который не сознавалъ еще своего существованія. Изъ баснословнаго періода Руси Карамзинъ сдѣлалъ эпическую поэму въ духѣ XVIII вѣка, и то, чего не достало бы на десять страницъ, растянулъ на томы. Уставши отъ безлюднаго описанія періода междоусобій и ужасовъ татарщины, онъ думалъ отдохнуть, принимаясь за 6-й томъ. «Отсель — говорить

Соч. Бѣлинскаго. Т. II.

онъ — исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной»; но кому, даже и прежде Карамзина, не только послѣ него, не было извѣстно, что слова «патріархальность» и «государственность» не одно и то же? Что же касается до насъ, живущихъ послѣ Карамзина, — мы читали на этотъ счетъ превосходное политическое сочиненіе подъячяго XVII вѣка, Кошихина, и потому уже не можемъ довольствоваться понятіемъ Карамзина о «государственности». Нечего уже говорить о томъ, что Карамзинъ невѣрно смотрѣлъ на Грознаго и на другія историческія лица. Но если наше время все это можетъ понимать вѣрнѣе Карамзина, этимъ оно обязано все-таки Карамзину же, потому что безъ его исторіи мы не имѣли бы никакихъ данныхъ для сужденій. До сихъ поръ ни одна попытка написать исторію Россіи не только не помрачила великаго творенія Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упомянутой при немъ... И мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть настоящей исторіи Россіи, пока исторія Карамзина не перестанетъ быть читаемой, а ее еще долго-долго будутъ читать... Что же касается до меня собственно, — я прочелъ уже ее, и даже не одинъ разъ; и потому теперь она не можетъ увеличить моей «библіотеки для чтенія» (не для справокъ), т. е. того, что я называю литературой и отвѣтомъ на вопросъ: «Да гдѣ же онъ? дайте ихъ!»

Б.— Я вамъ упомянулъ бы о Крыловѣ; но вѣдь вы и его читали...

А.— И никогда не перестану читать. Собраніе его басенъ есть капитальная книга русской литературы. Это нашъ единственный баснописецъ: по крайней мѣрѣ другихъ я не знаю, да и знать не хочу, чтѣ бы мнѣ ни говорили о Хемницерѣ и Дмитріевѣ... Достоинство басенъ Крылова безусловно и не зависитъ ни отъ времени, ни отъ моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будетъ умножаться годъ отъ году, въ безконечность. Мѣсто, которое онъ долженъ занимать между другими нашими поэтами, должно быть опредѣлено вопросомъ: какое мѣсто занимаетъ басня въ кругу прочихъ родовъ поэзіи? Рѣшеніе этого вопроса очень не трудно въ наше время...

Б.— Озеровъ...

А.— Очень примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я люблю его особенно за то, что онъ своими трагедіями такъ ясно и опредѣлительно рѣшилъ вопросъ о псевдо-классической драмѣ... Благодаря ему, теперь нечего и спорить объ этомъ предметѣ: не дѣлайте возраженій, а только попросите прочесть или посмотрѣть на театрѣ «Эдипа въ Аѣинахъ», «Фингала» или «Поликсену» (о «Донскомъ» уже никто не бу-

доть говорить—все равно, какъ о «Хоревъ»).... Родъ драмы, въ которомъ упражнялся Озеровъ, уже самъ по себѣ есть отрицаніе всякой поэзіи, натянутость, неестественность и скука... Но если трагедія Озерова будете разсматривать и относительно, — то и тогда увидите въ нихъ, конечно, большой успѣхъ, но только успѣхъ вкуса и языка, а не поэзіи, не искусства, и при томъ успѣхъ только сравнительно съ трагедіями Сумарокова и Княжнина. Въ трагедіяхъ Озерова нѣтъ глубокаго чувства, и вообще въ нихъ больше чувствительности, чѣмъ какого-нибудь чувства, а паеосъ замѣненъ или раздражительностью, или высокопарностью. Озеровъ по преимуществу принадлежатъ къ Карамзинской школѣ: онъ усвоилъ себѣ всѣ ея элементы—и расплывающуюся, слезливую раздражительность чувствительности, и искусственную красоту стилистики. Къ этому должно присовокупить еще риторическую восторженность, занятую имъ у его французскихъ образцовъ. Впрочемъ, Карамзинская школа, въ лицѣ Озерова, сдѣлала большой шагъ впередъ: въ чувствительности Озерова больше силы, упругости и жизни; это что-то среднее между чувствительностью и чувствомъ, какъ бы переходъ отъ чувствительности къ чувству. Вообще громкая слава и восторгъ современниковъ были справедливы, вполне заслуженной данью дарованіямъ Озерова, и исторія русской литературы всегда дастъ ему почетное мѣсто на своихъ страницахъ, хоть его никто уже и не читаетъ, и не будетъ читать, кромѣ людей, исторически изучающихъ литературу: для нихъ Озеровъ всегда останется интереснымъ явленіемъ.

Б.— Ваше мнѣніе объ Озеровѣ ново и оригинально,—и я думаю...

А.—Напротивъ, мое мнѣніе объ Озеровѣ и не ново, и не оригинально: всѣ такъ думать о немъ, но не всѣ такъ говорятъ. Въ нашей критикѣ, и особенно въ нашихъ учебникахъ, замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонство живымъ и мертвымъ, лицемерство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно,—а говорятъ другое. Иной господинъ ни разу не прочелъ, напримѣръ, Ломоносова и помнитъ изъ него развѣ знаменитую строфу: «науки юношей питаютъ», которую невольно заучилъ въ дѣтствѣ, а начнетъ писать о Ломоносовѣ — такъ и посыплются у него слова: «русскій Пиндаръ, высокое пареніе, торжественность, сила» и пр., и пр. Такъ повторяются у насъ до сихъ поръ пустыя фразы и о Державинѣ: «потокомъ Вагрина, сѣверный бардъ, пѣвецъ Фелицы, алмазы, яхонты, сапфиры» и т. п. Впрочемъ, если наша публика, вмѣсто критики, часто чи-

таетъ или похвальные слова, или плоскую брань,—въ этомъ отчасти она сама виновата: скажите хоть слово противъ «знаменитаго» писателя, котораго, впрочемъ, вы сами высоко цѣните,—точасъ: «Ахъ, какое неуваженіе! помилуйте; оно, конечно, правда, но какъ это можно, и къ чему это?..» У насъ ужъ такъ привыкли смотрѣть на критику: коли хвалить, такъ хвали; коли бранить, такъ только держись! Тутъ, поневолю, иной разъ припомнишь стихъ Крылова: «Да, спрашивай ты толку у звѣрей»... Главная причина этому—дѣтскость образованія; никто не хочетъ мыслить, а всѣ только хотять читать. Требуютъ, чтобъ критикъ не опредѣлялъ достоинство писателя, а расхвалилъ или разбранилъ его, и если статья состоитъ не изъ однихъ похвалъ, если авторъ не превозносится въ ней безусловно, говорятъ: «разругали»... Многимъ вы никакъ не растолкуете, что отъ противоположности сужденій объ авторѣ авторъ не дѣлается другимъ, все остается тѣмъ же, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; но что только изъ противоположности сужденій возможенъ выводъ дравильнаго и истиннаго сужденія объ авторѣ. Современники смотрятъ на автора такъ—потомки иначе: это еще не всегда значить, чтобъ они противорѣчили другъ другу; но часто значить только, что современники видѣли и цѣнили въ авторѣ одну сторону, исключительно удовлетворяющую требованіямъ ихъ времени; а потомки, исполнивныя новыхъ потребностей, сообразно съ духомъ ихъ времени, холодны и равнодушны къ сторонѣ автора, восхищавшей его современниковъ. Но эта холодность, это равнодушіе нисколько не уничтожаютъ заслугъ автора и его историческаго достоинства: его не будутъ читать, но всегда будутъ чтить его имя, какъ представителя эпохи, какъ лицо историческое. На чтѣ жъ тутъ сердиться и чѣмъ обижаться? Дѣтство и дѣтство—больше ничего! А, право, пора бы уже перестать играть въ литературу, пора бы смотрѣть на нее посерьезнѣе... Конечно, тогда многіе «безсмертные» совсѣмъ умрутъ, великіе сдѣлаются только знаменитыми или замѣчательными, знаменитые—ничтожными: много сокровищъ обратится въ хламъ; но зато истинно прекрасное вступить въ свои права, а пересыпанье изъ пустого въ порожнее риторическими фразами и общими мѣстами—занятіе, конечно, безвредное и невинное, но пустое и пошлое—замѣнится сужденіемъ и мышленіемъ... Но для этого необходима терпимость къ мнѣніямъ, необходимъ просторъ для убѣжденій. Всякій судить, какъ можетъ и какъ умѣетъ; ошибка—не преступленіе, и несправедливое мнѣніе—не обида автору.

Дѣло въ томъ, чтобъ мнѣніе было искренно и независимо отъ внѣшнихъ расчетовъ, касалось не лицъ, а только ихъ сочиненій. Грустно подумать, что все, мною теперь сказанное, старо только въ книгахъ, а на дѣлѣ очень и очень ново, такъ что долго еще будетъ повторяться съ разными вариациями. Правда, у насъ всё, и говорящіе, и пишущіе, повторяютъ это, но какъ общія мѣста, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу,—и только коснитесь авторитета умершаго автора—шумъ и толки: «да что! да какъ! да помилуйте!»; а о живомъ и не заикайтесь... Можетъ быть, онъ и самъ не увидитъ ничего оскорбительнаго для себя въ нашемъ отзывѣ; но у него есть толпа почитателей, а толпа—всегда толпа: она не говоритъ, а кричитъ, не доказываетъ, а вопиетъ...

Б.—Все это правда; но я думаю, что тутъ надо винить не публику, а критиковъ, которые или не могутъ, или не смѣютъ «свое сужденіе имѣть» и отдѣляются повтореніемъ фразъ, уже около ста лѣтъ всѣмъ надобѣдающимъ... Но вѣдь мы съ вами говоримъ, а не пишемъ, такъ почему же вамъ не сказать, а мнѣ не послушать искреннаго и—каково бы оно ни было—своего, а не чужого мнѣнія, напримѣръ, о Жуковскомъ и Батюшковѣ?...

А.—Вы не напрасно соединили эти два имени. Почти въ одно время явились они, какъ двѣ яркія звѣзды, на горизонтѣ нашей литературы, и дружно совершали по немъ свое, полное тихаго свѣта, шествіе, пока горестная судьба не остановила одну изъ нихъ на полу-дорогѣ и не велѣла другой продолжать уже одинокій путь по новымъ и чуждымъ для него пространствамъ, при ослѣпительномъ свѣтѣ вновь взшедшаго солнца... Жуковский и Батюшковъ—оба поэта и оба прозаики: оба они двинули впередъ и версификацію, и прозу русскую. Проза ихъ богаче содержаніемъ прозы Карамзина, а оттого кажется лучше и по формѣ своей, которая въ сущности не болѣе, какъ усовершенствованная стилистика Карамзина, чуждая своеобразнаго, національнаго колорита, и болѣе искусственная и щеголеватая, чѣмъ живая и сросшаяся съ своимъ содержаніемъ, какъ, напримѣръ, проза Пушкина и другихъ даровитыхъ писателей послѣдняго времени. Ученики побѣдили учителя: проза Жуковского и Батюшкова единодушно была признана «образцовой», и всѣ силились подражать ей... Въ наше время уже никому не придетъ въ голову потратить столько труда, хлопотъ, времени, искусства и прекрасной прозы на повѣсть въ родѣ «Марьиной Рощи», или «Предславы и Добрыни», и если бы кто написалъ ихъ въ наше время, ни-

кто бы не сталъ читать... Это оттого, что въ наше время не дорожатъ однимъ языкомъ, а требуютъ «слога», разумѣя подъ этимъ словомъ живую, органическую ответственность формы съ содержаніемъ, и, наоборотъ, умѣнье выразить мысль тѣмъ словомъ, тѣмъ оборотомъ, какіе требуются сущностью самой мысли, для которой всякое другое слово и другой оборотъ были бы неопредѣленны и неясны. Тогда «стилика» годилась не для однихъ этюдовъ, но считалась искусствомъ, а этюды были не исключительнымъ упражненіемъ учениковъ, но и дѣломъ мастеровъ... Это очень естественно: чтобъ выучиться писать, надо сперва овладѣть формой; грамматика всегда предшествуетъ логикѣ. Наша литература была до Пушкина ученицей, особенно въ прозѣ: вотъ причина исключительнаго владычества стилистики, убитой Пушкинымъ и уступившей свое мѣсто «слогу». Со стороны поэзіи заслуги Жуковского и Батюшкова были несравненно выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ со стороны прозы. Но здѣсь оба поэта совершенно расходятся и въ направленіи, и въ сущности, и въ результатахъ своей поэтической дѣятельности: Жуковского нельзя назвать «поэтомъ» въ смыслѣ свободной, творческой натуры, которая въ разнообразныхъ и роскошныхъ художественныхъ созданіяхъ исчерпываетъ самобытную, ей собственно среднюю и принадлежащую сферу міросозерцанія. Оригинальныхъ произведеній Жуковского немного, да и тѣ нейдутъ ни въ какое сравненіе съ его же собственными переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Между его оригинальными произведеніями есть небольшія (величина въ лирическихъ произведеніяхъ часто есть признакъ отсутствія поэзіи и присутствія риторики, отсутствія мысли и присутствія разсужденій), проникнутыя чувствомъ, плѣняющія мелодіей звуковъ, красотой стиховъ, звучностью и яркостью языка, но чуждыя художественной формы. Самое чувство ихъ однообразно-уныло и нерѣдко переходитъ на чувствительность. Что же касается до его большихъ лирическихъ произведеній, какъ-то: многочисленныхъ посланій, «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣвца на Кремлѣ», «Пѣсни Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей», «Отчета о лунѣ», «Двѣнадцати снящихъ дѣвъ», «Вадима» и пр.,—ихъ можно считать образцами изящной риторики и стихотворнаго краснорѣчія... Въ нихъ чувство пробуждается рѣдко—именно, когда поэтъ изъ чуждой ему сферы торжественной поэзіи входитъ въ свой элементъ и сладкими стихами говоритъ о красѣ-дѣвицѣ, тоску-

щей надъ гробомъ милаго, гдѣ для нея и зелень ярче, и цвѣты ароматнѣе, и небо свѣтлѣе... Если бъ я достоверно зналъ, что «Эолова Арфа», «Ахиллъ» и «Теонъ и Эскинъ»—не переводы, а оригинальные произведенія, я сказалъ бы, что у Жуковскаго есть три превосходныя оригинальныя пьесы; но все-таки не назвалъ бы ихъ произведеніями поэта въ томъ значеніи, о которомъ сейчасъ говорилъ, потому что три пьесы, каковы бы онѣ ни были, еще не могутъ составить собою значительнаго цикла поэтической дѣятельности. Оригинальныя произведенія Жуковскаго представляютъ собой великій фактъ и въ исторіи нашей литературы, и въ исторіи эстетическаго и нравственнаго развитія нашего общества; ихъ вліяніе на литературу и публику было безмѣрно велико и безмѣрно благодѣтельно. Въ нихъ, еще въ первый разъ, русскіе стихи явились не только благозвучными и поэтическими по отдѣлкѣ, но и съ содержаніемъ. Они шли изъ сердца и къ сердцу: они говорили не о яркомъ блескѣ иллюминацій, не о громѣ побѣды, а о тайнствахъ сердца, о тайнствахъ внутренняго міра души... Они исполнены были тихой грусти, кроткой меланхоли,—а это элементы, безъ которыхъ нѣтъ поэзіи. Правда, въ стихахъ Жуковскаго то, что бы должно оставаться только элементомъ, было, напротивъ, и альфой, и омегой его поэзіи, но таково было требованіе времени, таковъ былъ ходъ историческаго развитія нашей литературы: Жуковскій, въ этомъ случаѣ, думая служить искусству, служилъ обществу, развивая его эстетическое и нравственное чувства и приготавливая его къ пріятію истинной поэзіи. Державина тогда превозносили; но стихотворенія его не были настольной книгой у молодого человѣка и не прятались подъ изголовье красавицы. Стихи Карамзина и Дмитріева удовлетворяли не всѣхъ, и ими восхищались только записные любители литературы, а прочіе превозносили ихъ болѣе изъ приличія. Отъ торжественныхъ одъ у публики уже заложило уши, и она сдѣлалась глуха для нихъ. Всѣ ждали чего-то новаго, а между тѣмъ къ воспріятію истинной поэзіи, въ смыслѣ искусства, еще далеко не были готовы. Тогда явился Жуковскій съ своими унылыми и задумчивыми стихотвореніями, которыя всѣ сдѣлали свое дѣло, принесли свою пользу. Кто теперь будетъ читать или, читая, восхищаться такими пьесами, какъ «Надъ прозрачными водами» или «Мой другъ, хранитель ангель мой»? А тогда!.. Да, я еще самъ помню, что такое они были для меня, послѣ стиховъ Державина и его подражателей...

Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, чтобы вы меня не поняли ложно и не приняли моихъ словъ за униженіе Державина въ пользу Жуковскаго. По элементамъ поэзіи и національности, Державинъ—колоссъ передъ оригинальными произведеніями Жуковскаго, а между тѣмъ дѣйствию произведеній Жуковскаго на душу читателя всегда, а въ то время особенно, было сильнѣе, дѣйствительнѣе и благотворнѣе. Причина не въ томъ, что стихи Жуковскаго, какъ стихи, гораздо лучше стиховъ Державина: это преимущество времени, не таланта; нѣтъ, перевѣсъ на сторонѣ стиховъ Жуковскаго заключается въ ихъ содержаніи. Въ самомъ дѣлѣ, одна какая-нибудь картина Вадима, сидящаго съ кievской княжной въ пещерѣ, во время бури, стоить тысячи торжественныхъ одъ въ родѣ «На взятіе Измаила»... Въ поэзіи Державина нерѣдко просвѣчиваютъ чисто русскіе, чисто національные элементы: одно уже это ставитъ его, какъ поэта, несравненно выше Жуковскаго, я и стараюсь особенно указать вамъ на безусловное, не на художественное, а болѣе на историческое достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго, какъ на главную причину важнаго и сильнаго вліянія даже тѣхъ изъ нихъ, которыя слабы въ поэтическомъ отношеніи и теперь совсѣмъ забыты...

Б.—Но вѣдь вы же сами приписываете нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, наприм., «Эоловой Арфѣ», «Ахиллу», «Теону и Эскину», безотносительное поэтическое достоинство?..

А.—И однако жъ все-таки не почитаю ихъ оригинальными пьесами, но отношу къ разряду переводныхъ, точно такъ же, какъ у Пушкина и переводныя пьесы отношу къ оригинальнымъ... Въ этомъ-то и достоинство, и важность, и великая заслуга Жуковскаго. До него наша поэзія лишена была всякаго содержанія, потому что наша юная, только что зарождавшаяся гражданственность не могла собственной самодѣятельностью національнаго духа выработать какое-либо обще-человѣческое содержаніе для поэзіи: элементы нашей поэзіи мы должны были взять въ Европѣ и передать ихъ на свою почву. Этотъ великій подвигъ совершенъ Жуковскимъ. Въ его натурѣ есть какая-то родственность съ музами Германии и Альбіона,—и ему, при такомъ высокомъ талантѣ, легко было въ превосходныхъ переводахъ усвоить намъ многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ пѣсень. Мы еще вѣдѣтствъ, не имѣя опредѣленнаго понятія о томъ, что переводъ, что оригинальное произведеніе, заучиваемъ ихъ, какъ сочиненія Жуковскаго. Это сродняетъ насъ съ нѣмецкой и англійской поэзіей, и мы потомъ

входимъ въ ихъ святилище уже не какъ профаны, но какъ уже рожденные посвященными... Оттого-то въ Россіи такъ рано сдѣлались возможными и переводы съ этихъ языковъ, и изученіе этихъ литературъ въ ихъ собственныхъ звукахъ; тогда какъ, напримеръ, для французовъ и теперь еще закрыто початую тайну святилище особенно германской поэзіи. Черезъ это же мы пришли въ состояніе усвоить себѣ германское созерцаніе искусства, германскую критику, германское мышленіе. И все это сдѣлать Жуковский одними своими переводами! Онъ ввелъ къ намъ романтизмъ, безъ элементовъ котораго въ наше время невозможна никакая поэзія. Пушкинъ при первомъ своемъ появленіи былъ оглашенъ романтикомъ. Поборники новизны называли его такъ въ похвалу, старовѣры—въ порицаніе; но ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали въ Жуковскомъ представителя истиннаго романтизма. Причина очевидна: романтизмъ полагали въ формѣ, а не въ содержаніи. Правда, романтическое содержаніе не можетъ укладываться въ опредѣленные по самому объему и соразмѣрныя формы древней поэзіи; оно требуетъ простора и часто, такъ сказать, нарушаетъ въ свою пользу права формы. Но не въ этомъ сущность романтизма.—Романтизмъ это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣроваій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ немолчаемо раздаются вопросы о мірѣ вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обаятеленъ этотъ фантастическій, запертый въ самомъ себѣ міръ; средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравновѣсило ихъ: помирило его и съ исторіей, и съ практической дѣятельностью. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, вглубь себя, чтобъ пытаться блаженствомъ страданія, делѣять и поддерживать пламя, которое должно пограть его!... Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди не-

далекіе и не глубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами; они толкуютъ и понимаютъ себя и все внѣ ихъ находящееся задомъ напередъ и вверху ногами. По горе и тому, кто, увлеченный одной внѣшностью, дѣлается и самъ внѣшнимъ человѣкомъ; нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все, что хотите, но онъ никогда—«не человѣкъ», и вы никогда ему не вѣрится, не будете его другомъ, не откроете ему никакого внутренняго человѣческаго чувства. боясь опрофанировать это чувство... Итакъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній,—крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашимъ и уловляетъ насъ; чтобъ избавиться отъ его ложныхъ и нечистыхъ обаяній, прежде всего нужно развить въ себѣ романтическіе элементы. Пусть они возобладаютъ надъ нашимъ духомъ, возбуждѣтъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравновѣсятся въ свое время съ другой стороной нашего духа, зовущей ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности; что же до натуръ одностороннихъ, исключительныхъ или слабыхъ—имъ вездѣ грозитъ равная опасность—и во внутреннемъ, и во внѣшнемъ мірѣ. Итакъ, развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей человѣчности. И вотъ великая заслуга Жуковского! Трепетъ обмягнетъ душу при мысли о томъ, изъ какого ограниченнаго и пустаго міра поэзіи въ какой безконечный и полный міръ ввелъ онъ нашу литературу; какимъ содержаніемъ обогатилъ и оплодотворилъ онъ ее посредствомъ своихъ переводовъ!... Трагедіи Озерова—и «Орлеанская Дѣва» Шиллера; анакреонтическія стихотворенія Державина, чувствительныя пѣсни и романсы Карамзина, Дмитріева, Капниста, Нелединскаго-Малецкаго—и «Пѣсня Миньоны», «Голосъ съ того свѣта», «Утѣшенія въ слезахъ», «Горная дорога», «Мечты», «Элизіумъ», «Элегія на кончину королевы виртембергской», «Сельское кладбище», «Три путника», «Теонъ и Эсхинъ», «Старый рыцарь» и проч.; торжественныя оды—и такія баллады, какъ «Рыцарь Тогенбургъ», «Ивиновы журавли», «Лѣсной царь», «Кассан-

дра», «Графъ Габсбургскій», «Узникъ», «Золова арфа», «Ахиллъ», «Торжество побѣдителей», «Жалобы Цереры», «Кубокъ», «Замокъ Смальгольмъ»!... А тамъ еще остаются переводы: «Шильонскій Узникъ», «Пери и Ангелъ», сельскія стихотворенія, «Унди-на» — эта благоуханная, мелодическая и фантастическая повѣсть сердца, это оригинально-переводное твореніе Жуковскаго, лучше всего поясняетъ, почему его не хотѣтъ называть переводчикомъ, а смотреть на него, какъ на самостоятельнаго поэта. Дѣйствительно, Жуковскаго нельзя назвать собственно переводчикомъ: въ выборѣ пьесъ для перевода онъ руководствовался не однимъ безотчетнымъ влеченіемъ, но какъ будто началомъ; онъ вездѣ искалъ своего и, находя, переводилъ; всѣ переводы его носить на себѣ какой-то общій отпечатокъ, всѣ они образуютъ собой какой-то особенный міръ поэзіи — поэзіи Жуковскаго. Самыя оригинальныя произведенія какъ будто переводы, а переводы — какъ будто оригинальныя произведенія. Онъ не случайно перевелъ «Орлеанскую Дѣву», а не «Донъ Карлоса», не «Валленштейна», не «Вильгельма Телля»: историческая сфера — не его сфера; ему родственнѣе этотъ міръ чудесъ внутренняго духа, ему болѣе по душѣ вдохновенная таинственнымъ дубомъ героиня... Да, велика, неизмѣримо велика заслуга Жуковскаго русской литературѣ, русскому обществу! Это не временная, не относительная заслуга: многіе или, лучше сказать, большая часть его переводовъ, будутъ вѣчными памятниками его огромнаго таланта, неуваждаемыми пѣвцами русской литературы. Поколѣніе отъ поколѣнія будетъ воспитываться ими на служеніе духу жизни... Я не умѣю ничего лучше представить себѣ его переводовъ: «Торжество побѣдителей» и «Жалобы Цереры»; если бѣ Жуковскій перевелъ только ихъ — и тогда бы онъ составилъ себѣ имя въ нашей литературѣ. Если между его переводами есть слабыя — причина въ неудачномъ выборѣ, а не въ недостаткѣ таланта. Таковы: «Королева Уака», «Долина», отрывки изъ «Камозенса» и т. п. Но и его неудачныя пьесы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, однѣ уже сдѣлали свое дѣло, другія еще будутъ его дѣлать: ихъ содержаніе для неразвитаго еще эстетическаго вкуса всегда будетъ замѣнять недостатокъ формы. Объ образцовыхъ переводахъ его я уже все сказалъ, что хотѣлъ сказать; о полномъ же циклѣ его поэзіи заключаю свое сужденіе стихами Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Б.—Я, право, не вижу, почему бы ваше сужденіе о Жуковскомъ могло кому-нибудь показаться рѣзкимъ или оскорбительно несправедливымъ... Развѣ потому, что оно нисколько не похоже на то, что толковали о Жуковскомъ наши аристархи, особенно «ученые»... Миѣ теперь особенно интересно услышать ваше мнѣніе о Батюшковѣ...

А.—Батюшковъ болѣе поэтъ, чѣмъ Жуковскій; Батюшковъ былъ одаренъ отъ природы художественными силами. Въ стихѣ его есть упругость и пластика; о гармоніи нечего и говорить: до Пушкина у насъ не было поэта съ стихомъ столь гармоническимъ. Батюшковъ сочувствовалъ древнему міру; въ натурѣ его были элементы эллинскаго духа, а между тѣмъ онъ прошелъ почти незамѣченнымъ явленіемъ, тогда какъ Жуковскаго знала наизусть вся Россія: причина — недостатокъ, если не отсутствіе содержанія въ поэзіи Батюшкова. Родиной его музы должна была быть Эллада, а посредникомъ между его музой и гениемъ Эллады — Германия; и между тѣмъ талантъ Батюшкова развился на бесплодной для искусства почвѣ французской литературы XVIII вѣка: онъ не почиталъ для себя униженіемъ переводить и подражать даже какому-нибудь сладенькому Парни. Итальянская поэзія тоже не могла быть ему особенно полезной, и скорѣй была вредна. Одно изъ лучшихъ его произведеній — «Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи» — внушено ему дикимъ гениемъ мрачнаго сѣвера; антологическія стихотворенія — эти драгоцѣнные брильянты въ его поэтическомъ вѣнцѣ, подарены ему гениемъ родной ему Эллады. Все прочее занимаетъ у него середину между скандинавской элегіей и антологическими стихотвореніями, и потому все это какъ-то нерѣшительно, болѣе сверкаетъ превосходными частностями, красотой пластически-художественной формы, но не дѣлкимъ, которое, по недостатку содержанія, не могло являться въ художественной замкнутости и окончности.

Батюшковъ явился въ такое время нашей литературы, когда ни у кого не было и предчувствія о томъ, что такое искусство со стороны формы. Поэтому онъ заботился болѣе о гладкости и правильности того, что называли тогда «слогомъ», и мало заботился о виртуозности своего художественнаго рѣзца, такъ что его пластическіе стихи были бессознательнымъ результатомъ его художественной природы, — и вотъ почему въ его стихотвореніяхъ такъ много неточныхъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, а иногда онъ не чуждъ и растянутости, и риторики. Батюшковъ самъ чувствовалъ недостатокъ въ содержаніи для своей поэзіи,

и потому переходилъ изъ крайности въ крайность: отъ свѣтлаго, поэтическаго эпикуреизма къ какому-то строгому и прозаическому мистицизму. Поэзія его всегда нерѣшительна, всегда что-то хочетъ сказать и какъ будто не находитъ словъ. Впрочемъ, чтобъ сдѣлать вѣрную и полную оцѣнку Батюшкову, надо много говорить, надо безпрестанно цитировать его стихи. Батюшковъ не принадлежитъ къ числу гениальныхъ творческихъ натуръ; но талантъ его до того великъ что, не будь его поэзія лишена почти всего содержанія, родился онъ не передъ Пушкинымъ, а послѣ него, — онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ, котораго имя было бы извѣстно не въ одной Россіи.

Б.—Да чтѣ же вы разумѣете подѣ словомъ «содержаніе», которое служитъ основаніемъ всѣхъ вашихъ сужденій о поэзіи и поэтахъ?

А.—Я не берусь вамъ опредѣлить философски, чтѣ такое «содержаніе» въ жизни, въ исторіи, въ искусствѣ, въ наукѣ; но охарактеризую его вамъ общими признаками и объясню примѣрами, взятыми изъ сферы искусства. Содержаніе въ искусствѣ не всегда то, чтѣ можно съ перваго взгляда выговорить и опредѣлить; оно не есть воззрѣніе или опредѣленный взглядъ на жизнь, не начало или система какихъ-либо вѣрованій и убѣжденій, родъ философской школы или политической котеріи; содержаніе есть нѣчто высшее, изъ чего вытекаютъ всѣ вѣрованія, убѣжденія и начала; содержаніе есть міросозерцаніе поэта, его личное ощущение собственнаго пребыванія въ лоѣ міра и присутствіе міра во внутреннемъ святилищѣ его духа. Когда вы читаете поэта безъ содержанія, но обладающаго большимъ талантомъ, вы чувствуете, что васъ что-то растревожило, возбудило въ васъ стремленіе къ чему-то, повергло васъ въ какое-то неопредѣленное состояніе, но не удовлетворило, не наполнило вичѣмъ; здѣсь самое наслажденіе — только раздраженіе, а не удовлетвореніе. Напротивъ, когда вы читаете поэтическія произведенія, проникнутыя глубокимъ содержаніемъ, вы чувствуете, что стремитесь къ чему-нибудь опредѣленному, наслаждаетесь чѣмъ-нибудь положительнымъ, что вы пріяли въ себя новую силу, что вашего существованія прибавилось, что вы чѣмъ-то преисполнились. Тогда вы страдаете страданіемъ вашего поэта, блаженствуете его блаженствомъ, потому что въ его страданіи или его блаженствѣ узнаете обще-человѣческую скорбь или радость, душу вѣка, интересъ времени. Вашъ поэтъ покоряетъ васъ, заставляетъ видѣть все въ томъ колоритѣ, въ какомъ

самъ все видитъ. Такое влияніе производятъ на душу читателя великіе поэты, каковы, напр., Байронъ, Шиллеръ, Гете. Ихъ нельзя читать всѣхъ вдругъ, но каждый изъ нихъ поочередно овладѣваетъ цѣлою частью вашей жизни и дѣлаетъ васъ на то время байронистомъ, шиллеристомъ, гетистомъ. У насъ вообще содержаніе понижаютъ только внѣшнимъ образомъ, какъ «сюжетъ» сочиненія, не подозрѣвая, что содержаніе есть душа, жизнь и сюжетъ этого сюжета. И потому, если дѣло идетъ особенно о романахъ или повѣсти, то смотрятъ только на полноту происшествій, на сложность завязки и искусство развязки. Съ этой точки зрѣнія «Эвелина де-Вальероль» Кукольника, конечно, будетъ романовъ съ содержаніемъ, потому что и въ цѣлый день не перескажешь всѣхъ «приключеній», обрѣтающихся въ этой сказкѣ; а «Старосвѣтскіе Помѣщики» Гоголя, гдѣ очень просто рассказано, какъ жилъ старикъ со старушкой, какъ сперва умерла старушка, а потомъ умеръ старикъ съ тоски по ней, и гдѣ нѣтъ ни происшествій, ни завязки, ни развязки, — будетъ повѣстью безъ всякаго содержанія..

Б.—А! теперь я понимаю, отчего вы мало находите содержанія у такихъ изъ нашихъ писателей, которые общимъ мнѣніемъ признавы великими... Кстати: эпоха литературы, на которой мы остановились, была ознаменована союзами знаменитостей, поэтическими и литературными триумвиратами.

А.—Которые теперь, за давностью, забыты, такъ чтѣ историкамъ нашего времени надо дѣлать новыя... И я первый попытаюсь на это, присоединивъ къ именамъ Жуковскаго и Батюшкова имя Гнѣдича. Этотъ человѣкъ у насъ доселѣ не понятъ и не оцѣненъ, по недостатку въ нашемъ обществѣ ученаго образованія. Переводъ «Иліады» — эпоха въ нашей литературѣ, и придетъ время, когда «Иліада» Гнѣдича будетъ настольной книгой всякаго образованнаго человѣка. Это время недалеко, потому что, благодаря просвѣщенному, истинно-европейскому стремленію нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго изученіе древнихъ языковъ непременнымъ условіемъ гимназическаго и университетскаго курса, — образованность и невѣжество скоро перестанутъ быть синонимами, и истинная ученость сдѣлается основой истинной образованности... Безъ историческаго созерцанія жизни древнихъ нельзя понимать и ихъ искусства; вотъ почему «Иліада» никогда не можетъ быть доступна толпѣ. Безъ созерцанія греческаго искусства, никакого искусства нельзя понимать, — и потому нечего распространяться

о томъ, какъ великъ подвигъ Гнѣдича, какое безконечное вліяніе имѣеть и будетъ имѣть онъ на русскую литературу. Духъ Гнѣдича былъ родственъ съ гениемъ эллинской поэзіи; самъ собой, вопреки своему развитію и духу времени, онъ прозрѣлъ въ глубокую сущность греческаго искусства. Переводъ «Иліады», если сравнить съ подлинникомъ, есть не болѣе, какъ

... разыгранный „Фрейшицъ“
Перстами робкихъ ученицъ,—

но все же «Фрейшицъ», а не собственная фантазія, выдаваемая за «Фрейшица»:—а это великое дѣло! Никакое колоссальное твореніе искусства не можетъ быть переведено на другой языкъ такъ, чтобъ, читая переводъ,—вы не имѣли нужды читать подлинникъ; напротивъ, не читавъ творенія въ подлинникъ, нельзя имѣть точнаго о немъ понятія, какъ бы ни былъ превосходенъ переводъ. Къ «Иліадѣ» особенно относится эта горькая истина: только греческій языкъ могъ выразить такое греческое содержаніе, и на всѣхъ другихъ языкахъ «Иліада»—засушенное тропическое растеніе, хотъ и сохранившее по возможности и блескъ своихъ красокъ, и ароматическій запахъ. Нашъ Гнѣдичъ умѣлъ схватить въ своемъ переводѣ отраженіе красокъ и аромата подлинника, умѣлъ уловить колоритъ греческаго созерцанія и сдѣлать его фономъ картины своего перевода. Переводъ Гнѣдича—копія съ древней статуи, сдѣланная даровитѣмъ художникомъ нашего времени. А это великій подвигъ, безсмертная заслуга! Русскій языкъ одинъ изъ счастливейшихъ языковъ, по своей способности передавать произведенія древности. Невѣжды смѣются надъ славянскими словами и оборотами въ переводѣ Гнѣдича; но это именно и составляетъ одно изъ его существеннѣйшихъ достоинствъ. Всякій коренной, самобытный языкъ въ періодъ младенчества народа, въ созерцаніи котораго жизнь еще не распалась на поэзію и прозу, но и самая проза жизни опозтезирована,—такой языкъ въ своемъ началѣ бываетъ полонъ словъ и оборотовъ, дышущихъ какой-то младенческой простотой и высокой поэзіей; современемъ эти слова и обороты замѣняются другими, болѣе прозаическими, а старья остаются богатымъ сокровищемъ для разумнаго употребленія, и наоборотъ, если ихъ некстати употребляютъ. Такъ, у насъ остались древнія поэтическія слова: «ланы, очи, уста, перся, рамена, храмъ, храмина, прахъ» и т. п., замѣнившіяся прозаическими словами: «щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порогъ». Конечно, нѣтъ ничего смѣшнѣе, пошлѣе и надутѣе,

какъ употребленіе педантами и безвкусными ришотворцами старинныхъ словъ тамъ, гдѣ это не требуется сущностью дѣла, напримѣръ, въ переводѣ Тассова «Освобожденнаго Іерусалима» и т. ц. Но въ переводѣ «Иліады» эти слова, подъ перомъ вдохновеннаго переводчика, исполненнаго поэтического такта,—истинное и безцѣнное сокровище! Замѣните выраженія: «ему покорила съ дилейно-раменная Гера Богиня» и «ослабился Зевсъ-громовержецъ» выраженіями: «его послушалась жена»; «разсмѣялся Зевсъ»,—тогда изъ высокой поэзіи выйдетъ пошлая проза...

Б.—Однако мы уже такъ далеко зашли съ вами, что, кажется, и не доберемся до Пушкина...

А.—Напротивъ, мы уже добрались до него...

Б.—Какъ? Такъ неужели Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Жуковский, Батюшковъ, Гнѣдичъ—и всѣ тутъ?

А.—А кто же еще, думали бы вы? Неужели Николевъ, Бобровъ, Долгорукій, Хвостовъ, Столоповъ, Подшиваловъ, Никольскій, Глинка, Шаховскій, Воейковъ, Измаиловъ, Шаликовъ, Пушкинъ (В.), Катенинъ, Пнинъ, Буринскій, Шатровъ, Горчаковъ, Бунина, Крюковской, Лобановъ (Ө.), Федоровъ (Б. М.), Кокоскинъ, Ильинъ, Ивановъ, и пр.?... Пора бы уже и перестать беспокоить ихъ почтенныя и заслуженныя имена нашимъ журнальнымъ критикамъ и обозрѣвателямъ, какъ оставила въ покоѣ забывшая о нихъ публика... Сверхъ того не все, что касается до литературы, входитъ въ исторію литературы: многое поступаетъ въ вѣдомство статистики литературы, которая занимается всѣми книгами и всѣми писателями безъ изъятія, подводя ихъ подъ числа и итоги, иногда очень интересные и поучительные... Первый опытъ такой статистики русской литературы составилъ Гречъ, подъ названіемъ: «Опыта Краткой Исторіи Русской Литературы», впрочемъ, довольно плохой даже и для статистики...

Б.—Но нѣкоторые изъ нихъ...

А.—Были люди съ дарованіемъ, хотите вы сказать? Правда; но ихъ дарованія такъ сильны, что не могли не быть замѣчены въ свое время, и такъ слабы, что забылись еще прежде, чѣмъ кончили они свое поприще. Такія дарованія—случайности, а не дѣйствительныя явленія. Дѣйствительно только то, что рождается изъ важныхъ причинъ и производитъ важныя слѣдствія. Если изучать всѣ случайности, помнить ихъ и говорить о нихъ—не станетъ вѣку человѣческаго, некогда будетъ занята чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Сверхъ того написать мимоходомъ, между службой и картами

двѣ-три пѣсни, журнальную статейку, каку-нибудь сказку, которыя бы обратили на автора минутное вниманіе толпы, еще не значить быть поэтомъ или даже литераторомъ...

Б. — Итакъ, перейдемъ къ Пушкину.

А. — И поговоримъ о немъ какъ можно меньше, потому что сказать о немъ всего не успѣшь и въ цѣлую жизнь. Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе, и какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...

Батюшковъ уже свершилъ свое поприще, несчастно прерванное; Жуковский хоть еще и далеко не свершилъ своего поприща, но результаты его поэтической дѣятельности уже пустили глубоко свои корни въ почву восприимчиваго и плодовитаго русскаго духа, — когда ребенокъ Пушкинъ начиналъ знакомиться съ русской литературой. Жадно читалъ онъ все, что засталъ тогда написаннымъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. И вотъ онъ дѣлается усерднымъ и, надо сказать, часто неловкимъ ученикомъ предшествовавшихъ ему корифеевъ нашей литературы и плохимъ ихъ подражателемъ. Стихъ его не былъ лучше даже стиха его дяди, В. Пушкина; онъ пишетъ посланіе «къ красавицѣ, нюхающей табакъ», и жалѣетъ въ немъ, зачѣмъ онъ не табакъ... Усердно печатаетъ онъ дѣтскія фантазіи въ «Россійскомъ Музеумѣ», издававшемся въ 1815 году. Прочтите лицейскія стихотворенія Пушкина — и въ лучшихъ изъ нихъ вы увидите только хорошаго подражателя. Въ первомъ томѣ изданныхъ имъ самимъ стихотвореній вы уже не находите ничего дурного, напротивъ, видите много хорошаго, но въ пьесахъ: «Лицинію», «Пѣвецъ», «Амуръ и Гиеней», «Ш***ву», «Торжество Вакха», «Разлука», «Дельвигу», «Жуковскому», «Русалка», «Сцены Т***му», «В***му», «Война», «Къ Овидію», писанныхъ отъ 1815 до 1822, вы еще видите не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей. Все исчисленныя мною стихотворенія перемѣшаны съ такими, въ которыхъ Пушкинъ является уже Пушкинымъ, въ которыхъ мы видимъ поэзію, не имѣющую ничего общаго съ прежней, бывшей до Пушкина, — поэзію, явившуюся вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ проявленій, подобно Аоніи-Палладѣ,

вдругъ и во всеоружіи родившейся изъ головы Зевса... Въ отдѣлѣ стихотвореній, означенныхъ 1823 годомъ, вы уже не встрѣчаете ничего не-Пушкинскаго, ничего навѣяннаго Пушкину его учителями. Правда, въ поэмахъ его — «Русланъ и Людмила», «Кавказскій Пльбникъ», видно сильное влияние, но уже другихъ учителей: — Пушкинъ навсегда расквитался съ русской литературой и сталъ ея учителемъ... Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкинымъ въ поэзіи, литературѣ, версификаціи и языкѣ русскомъ. Между стихомъ Пушкина и стихомъ Батюшкова больше разстоянія, чѣмъ между стихомъ Батюшкова и стихомъ Державина. Достоинство Пушкинскаго стиха состоитъ не въ одной легкости — легкость одно изъ второстепенныхъ качествъ его; нѣтъ, достоинство этого стиха заключается въ его художественности, въ этой органической живой соответственности между содержаніемъ и формой, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи стихъ Пушкина можно сравнить съ красотою человѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслью: огните ихъ оживляющее ихъ чувство и мысль — они останутся только красивыми, но ужъ не божеественно-прекрасными глазами. Теперь многіе пишутъ стихи и гладкіе, и гармоническіе, и легкіе; но Пушкинскій стихъ напомнилъ намъ только муза Лермонтова... Поэзія Пушкина полна, насквозь проникнута содержаніемъ, какъ граненый хрусталь лучомъ солнечнымъ: у Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышло бы изъ жизни и было написано вслѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чайникъ, что авось-де это будетъ недурно... Это обстоятельство рѣзкой чертой отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ. Художническая добросовѣстность Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра своей только выношенныя, вырѣвншія поэтическія фантазіи, которыя сами рвали наружу. Этимъ онъ совершенно избѣжалъ риторики, декламации и общихъ мѣстъ: ихъ слѣды замѣтны только развѣ въ его ученическихъ произведеніяхъ, о которыхъ я говорилъ. Слѣдствіемъ глубоко-истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ строго-художественная форма. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего посторонняго и лишняго, свободно движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство, всякое ощущеніе, такъ вѣ-

ренъ у него и всякій образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, ничего недоконченнаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго. Опредѣленность есть свойство великихъ поэтовъ, и Пушкинъ вполне обладалъ этимъ свойствомъ. Ограниченные люди ставили его поэзіи въ вину, что она все оземляетъ и овеществляетъ, — обвиненіе, которое обнаруживаетъ рѣшительное отсутствіе эстетическаго чувства, самое грубое недоразумѣніе поэзіи! Поэтъ — соперникъ творящей природѣ; подобно ей, онъ стремится безплотныхъ духовъ жизни, рѣющихъ въ безпредѣльныхъ пространствахъ, уловить въ прекрасные и полные органически-идеальной жизни образы, воплотить небесное въ земное и земное просвѣтлить небеснымъ... Поэтъ не терпитъ отвлеченныхъ представлений; твоя, онъ мыслить образами, а всякій образъ только тогда и прекрасенъ, когда опредѣленъ и вполне доступенъ созерцанію.

Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо. Справедливо сказалъ Гоголь, что «въ Пушкинѣ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, гибкость и сила нашего языка.» Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ. Многообъемлемость и многосторонность также принадлежатъ къ числу качествъ, которыя сростли съ поэзіей Пушкина. Грусть у него смѣняется шуткой, эпиграммой, тяжелая скорбь неожиданно разрѣшается освѣжающимъ душу юморомъ. Его нельзя назвать ни поэтомъ грусти, ни поэтомъ веселья, ни трагикомъ, ни комикомъ исключительно: онъ все... Самое простое ощущеніе звучитъ у него всѣми струнами своими и потому чуждо монотонности; это всегда полный аккордъ... Всего чаще ощущеніе у Пушкина — диссонансъ, разрѣшающійся въ гармонию, и всего рѣже — простая мелодія... Трудно было бы опредѣлить общее направленіе поэзіи Пушкина; но можно сказать утвердительно, что имя романтика навязано на него не совсѣмъ впопадъ, такъ же, какъ невпопадъ отнято оно у Жуковскаго. Характеръ чисто романтической поэзіи всегда болѣе или менѣе односторонній и исключительный. Поэзія Пушкина — самый разнообразный міръ, гдѣ примирены самыя разнообразные и противорѣчащія элементы, гдѣ простая и вмѣстѣ роскошная форма спокойно и равновѣсно овладѣла своимъ многосложнымъ содержаніемъ... Наконецъ, Пушкинъ — вполне національный поэтъ, заключившій въ духъ своемъ всѣ національные элементы. Это видно не только изъ тѣхъ произведеній, гдѣ чисто русское содер-

жаніе выражалъ онъ въ чисто-народной формѣ, и гдѣ не имѣлъ онъ себѣ соперника; но еще болѣе изъ тѣхъ произведеній, которыя ни по содержанію, ни по формѣ, кажется, не могутъ имѣть ничего русскаго. Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики національности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ, врѣзавшихся въ моей памяти: «Истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда националенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами.» Мнѣ кажется, что кромѣ грусти, какъ основного мотива Пушкинской поэзіи, и бодрого, мощнаго выхода изъ нея не въ какое-нибудь тепленькое утѣшеньице, а въ ощущеніе собственной силы, какъ самой характеристической черты ея, — національность ея состоитъ еще во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней подвижности, въ отсутствіи одолюющей страстности. У Пушкина диссонансъ и драма всегда внутри, а снаружи все спокойно, какъ будто ничего не случилось, такъ что грубая, невосприимчивая или неразвитая натура не можетъ тутъ видѣть ни силы, ни борьбы, ни величія... Замѣйте, что герои Пушкина никогда не лишаютъ себя жизни, по силѣ трагической развязки, не остаются жить... Пушкинъ въ этой чертѣ бываетъ страшно великъ... Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и такъ национально, такъ русски проявившейся... Ни одинъ поэтъ не имѣлъ на русскую литературу такого многосторонняго, сильнаго и плодотворнаго вліянія. Пушкинъ убилъ на Руси незаконное владычество французскаго псевдо-классицизма, расширилъ источники нашей поэзіи, обратилъ ее къ национальнымъ элементамъ жизни, показалъ безчисленные новыя формы, сдружилъ ее впервые съ русской жизнью и русской современностью, обогатилъ идеями, пересоздалъ языкъ до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотѣли писать.

В.—Но что вы скажете о Пушкинѣ въ сравненіи съ европейскими поэтами?

А.—Онъ относится къ нимъ, какъ Россія къ Европѣ, а европейскіе поэты къ нему — какъ Европа къ Россіи. Пушкинъ обладалъ міровой творческой силой; по формѣ онъ — соперникъ всякому поэту въ мірѣ; но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ, выразившихъ собой моментъ всемірно-исто-

рическаго развитія челоѣчества. И это нисколько не идетъ къ униженію великаго гения Пушкина; повторяю, что поэту приваждаетъ форма, а содержаніе — исторія и дѣйствительности его народа. Россія доселѣ жила виѣшней силой; національное сознаніе пробудилось въ ней не дальше, какъ съ великаго 1812 года... Какому-нибудь Байрону довольно было исторіи своего отечества, чтобъ имѣть готовое содержаніе для своей поэзіи; а Пушкину еще оставалась цѣлая Европа, т. е. цѣлое челоѣчество. Слова: папа, католицизмъ, феодализмъ, вассалъ, реформація, религиозная война, всемірная торговля, и пр., и пр.—не могли въ слухѣ Пушкина раздаться такъ же, какъ въ слухѣ Байрона: что для одного было предметомъ любознательности, то для другого было личнымъ интересомъ, возбуждавшимъ все его страсти, все чувства... Самое образованіе европейскихъ поэтовъ съ дѣтства питають ихъ «поэтическимъ содержаніемъ»: чего не зналъ Гёте, какой ученостью обладалъ Шиллеръ! Байронъ въ подлинникѣ читалъ греческихъ и латинскихъ писателей! Въ Европѣ все такъ чудно устроено,—одно не мѣшаетъ другому, напр., свѣтъ—наукѣ, а наука—свѣту; у насъ же объ этомъ свѣтъ Пушкинъ говорилъ съ такимъ отчаяніемъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!..

Но здѣсь не должно упускать изъ виду важнаго обстоятельства: смерть застигла Пушкина въ порѣ полнаго развитія необъятныхъ силъ его творческаго духа, въ ту самую минуту, когда онъ ужъ начиналъ уходить отъ волнующей юную и пылкую натуру виѣшности и погружаться въ бездонную глубину своего внутренняго я, когда онъ только что начиналъ писать настоящимъ образомъ...

Б.—Однако нашъ разговоръ грозитъ быть страшно длиннымъ, если вы хотите говорить о поэтахъ пушкинской школы...

А.—Если только поэтому, а не почему-нибудь другому, то онъ будетъ очень коротокъ. Время—великій критикъ: его крылья проѣввають все дѣла челоѣческа, оставляя на току немного зеренъ и разсѣвая по воздуху много шелухи... У насъ же, надо замѣтить, время особенно быстро летитъ: мы, люди новаго поколѣнія, едва перешедшіе за роковую черту 30-ти лѣтъ, отдѣляющую юность отъ мужества, мы, заучившіе наизусть первые стихи Пушкина, мы, едва успѣвшіе слѣдовать, такъ сказать, по пятамъ за его быстрымъ поэтическимъ бѣгомъ,—мы давно уже оплакали его безвременную кончину, а на школу его смотримъ уже какъ на «дѣла давно минувшихъ дней,

преданья старины глубокой», любимъ ее только по отношенію къ собственному нашему развитію, только по воспоминанію о прекрасномъ времени нашей жизни, когда всякій новый журналъ, всякая новая книжка журнала, альманахъ, какой-нибудь сборъ «мечтаній и звуковъ» были для насъ праздникомъ, тотчасъ врѣзывались въ памяти, возбуждали живые восторги, шумные споры... И, если хотите, повятно, что мы въ то блаженное время давали Пушкину сподвижниковъ и товарищей, строили триумvirаты и цѣлыя школы; но повятно также и то, что теперь, при имени Пушкина, мы не знаемъ, кого вспомнить, кого назвать...

Б.—Какъ! столько именъ, столько славъ...

А.—Но въдъ въ то время и Олинъ, авторъ «Корсара» и многихъ романтическихъ элегій, издатель безчисленнаго множества программъ несостоявшихся журналовъ и газетъ, и М. Дмитріевъ, сочинитель цѣлой книги стиховъ, и Райчъ, авторъ десятка плаксивыхъ стихотвореній, и Трилунный, переводчикъ и подражатель Байрона, и Ѳ. Н. Глинка, изобрѣтатель благоухающей нравственностью поэзіи, и много еще другихъ—все это были имена и славъ, да еще какія!..

Б.—Но я разумѣю не ихъ, а Баратынскаго, Козлова, Давыдова (Дениса), Дельвига, Подолинскаго, Языкова. Помните, бывало, говаривали: Пушкинъ, Баратынский, Языковъ?

А.—Да, т. е. триумvirаты... И точно, названные вами писатели недаромъ считались даровитыми. Въ нихъ выразился характеръ эпохи, теперь уже миновавшей; они завоевали себѣ мѣсто въ исторіи русской литературы. Я не люблю поэмъ Баратынскаго: въ нихъ больше ума, чѣмъ фантазіи; но между его лирическими произведеніями есть очень замѣчательныя. Мнѣ особенно нравится въ нихъ этотъ характеръ вдумчивости въ жизнь, который свидѣтельствуетъ о присутствіи мысли. Элегія Баратынскаго «На смерть Гёте»—превосходна. Козловъ замѣчателенъ особенно удачными переводами изъ Мура; но переводы его изъ Байрона все слабы. Есть нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ и между его собственными. У него много души; жаль только, что чувство его часто походить на чувствительность. Поэмы его вообще слабы; изъ нихъ «Чернецъ» замѣчателенъ по эффекту, который онъ произвелъ на публику и который напомнилъ объ эффектѣ «Вѣдной Лизы» Карамзина. Элегіи Давыдова часто дышутъ истинной поэзіей, и ихъ всегда можно перечестъ съ удовольствіемъ, несмотря на ихъ однообразность. Вообще въ поэзіи Давыдова есть какая-то достолюбезная оригинальность, свой

собственный характеръ. Имя Дельвига мнѣ любезно, какъ друга дѣтства Пушкина. Русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ онѣ удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни. Въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но незамѣтно главнаго—греческаго созерцанія жизни. Подлинскій былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ: въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполнению... Стихи Языкова блестятъ всею роскошью внѣшней поэзіи, — и если есть внѣшняя поэзія, то Языковъ—необыкновенно даровитый поэтъ. Онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ: его поэзія была самымъ сильнымъ противоядіемъ пошлому морализму и приторной элегической слезливости. Смѣлыми и рѣзкими словами и оборотами своими Языковъ много способствовалъ расторженію пуританскихъ оковъ, лежавшихъ на языкѣ и фразеологіи. Правда, его новыя слова и фразы почти всегда изысканы, неточны, а нерѣдко и грѣшатъ противъ вкуса; но они всею понравились, а потому и сдѣлали свое дѣло... Стихъ Языкова громокъ, звученъ, ярокъ; но въ немъ это—чисто внѣшнія достоинства, безъ всякаго отношенія къ содержанію. Да и чтѣ составляетъ содержаніе его поэзіи? или, лучше сказать, есть ли въ ней какое нибудь содержаніе? Поэзія, полная содержаніемъ, всегда развивается, идетъ впередъ; поэзія, чуждая всякаго содержанія, всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ, поетъ одно и то же, однимъ и тѣмъ же голосомъ. Вначалѣ она можетъ возбуждать фуроръ; но когда къ ней привыкнуть, ея уже не читаютъ, а только безусловно хвалятъ... Проходитъ пылъ, остается дымъ и чадъ; поэтъ начинаетъ писать вялые, холодные и вообще плохіе стихи, которыхъ уже никто не почитаетъ стоящими даже порицаній... А мнѣ странно, что вы не упомянули о Хомяковѣ: хотя онъ по таланту и гораздо ниже Языкова, но послѣ Языкова какъ-то невольно вспоминаешь Хомякова. Это не безъ причины: между ними много общаго, именно — внѣшняя красота стиха, независящая отъ смысла пѣсыи, и однообразіе въ манерѣ и предметахъ пѣснопѣній. Въ самомъ дѣлѣ, Языковъ все пѣлъ студентскіе пиры и студентскую удалъ; Хомяковъ символически поетъ все о чемъ-то высокомъ и прекрасномъ; содержаніе пѣсенъ Языкова неподвижно; содержаніе пѣсенъ Хомякова также неподвижно, потому что это всегда одна и та же отвлеченная мысль, одни и тѣ

же громкія слова; оба поэта часто обращаются въ своихъ стихахъ къ Россіи,—и ни у того, ни у другого не сорвалось съ пера ни одного русскаго слова, ни одного русскаго выраженія, на которое отозвалась бы русская душа или въ которомъ отозвалась бы русская душа. Не правда ли, все это очень сходно? Но между тѣмъ тутъ есть и несходство: Языковъ кончаетъ не такъ, какъ началъ,—онъ утратилъ даже свой бойкій, звонкій и разгульный стихъ; Хомяковъ неизмѣненъ: онъ попрежнему владѣетъ стихомъ своимъ... Причина этой разности та, что для стиховъ Языкова—ваковы бы ни были они—нуженъ былъ хоть пылъ молодости, если не вдохновеніе; для стиховъ же Хомякова этого не было нужно...

Б.—Но я не понимаю, что же вы разумѣете подъ школой Пушкина...

А.—Собственно ея и не было. Пушкинъ только развязалъ руки тогдашней молодежи на гладкій, бойкій стихъ, настроилъ ее на элегическій тонъ, вмѣсто торжественнаго, да ввелъ въ моду поэмы, вмѣсто балладъ; тайна же его поэзіи и по содержанію, и по формѣ для всѣхъ оставалась тайной. Въ его поэзіи всѣ видѣли одну внѣшнюю, поверхностную сторону, а во внутрь ея и не заглядывали...

Б.—Но въ чемъ же великое влияніе Пушкина на русскую литературу, если школа, имъ созданная, такъ скоро исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда?..

А.—Въ томъ именно, что, благодаря Пушкину, мы скоро опѣнили эту школу по достоинству... Вліяніе Пушкина было не на одну минуту; оно окончится только развѣ со смертью русскаго языка. Сверхъ того странно было бы измѣрять достоинство поэта рожденной имъ школой. Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, создалъ ли какую школу, на примѣръ, Байронъ: мы хотимъ знать только Байрона и судить о немъ по немъ самому, а не по его школѣ, если бѣ она и была. Не Пушкина виновать, что вмѣстѣ съ нимъ не явилось сильныхъ талантовъ. При томъ же вліяніе великаго поэта замѣтно на другихъ поэтахъ не въ томъ, что его поэзія отражается въ нихъ, а въ томъ, что она возбуждаетъ въ нихъ собственные ихъ силы: такъ, солнечный лучъ, озаривъ землю, не сообщаетъ ей своей силы, а только возбуждаетъ заключенную въ ней силу... У кого есть талантъ, и кто способенъ донять поэзію Пушкина, принять въ себя ея содержаніе,—тотъ, конечно, будетъ писать неравненно лучше, нежели какъ бы онъ писалъ, не зная Пушкина. А многіе ли понимаютъ Пушкина?.. повѣрьте мнѣ, надо быть выбрану изъ десяти тысячъ, чтобъ понимать Пушкина! Вѣдь это талантъ своего рода, и талантъ большой! Вотъ, на примѣръ,

Веневитиновъ: хотѣ и нельзя указать явнаго вліянія Пушкина на его поэзію, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ Пушкину обязанъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Веневитиновъ самъ собой составилъ бы школу, если бѣ судьба не пресѣкла безвременнаго его прекрасной жизни, обѣщавшей такое богатое развитіе. Въ его стихахъ просвѣчивается дѣйствительно-идеальное, а не мечтательно-идеальное направленіе; въ нихъ видно содержаніе, которое заключало въ себѣ самодѣятельную силу развитія; но форма его поэтическихъ произведеній, даже самый характеръ ихъ, не общали въ Веневитиновѣ поэта, — и я увѣренъ, что онъ скоро оставилъ бы поэзію для философскихъ созерцаній. На этомъ поприщѣ многого можно было ожидать отъ него. Онъ возбудилъ къ себѣ сильное участіе, даже энтузіазмъ молодыхъ людей обоего пола своими произведеніями и въ стихахъ, и въ прозѣ: это участіе, этотъ энтузіазмъ были пророческіе... Говоря о поэтахъ того времени, нельзя не упомянуть о Полежаевѣ, какъ поучительномъ примѣрѣ необузданной силы безъ содержанія, — таланта безъ образованія, — вдохновенія безъ вкуса. Эта дикая натура пала жертвой собственной силы, разъ не такъ направленной, — пала жертвой собственного огня, не нашедшаго для себя настоящей пищи...

Б.—А Грибоѣдовъ?

А.—Онъ самъ по себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіей, для которой едва ли гдѣ могъ бытъ образецъ, не говоря уже о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ—все оригинально въ «Горѣ отъ Ума». Содержаніе этой комедіи взято изъ русской жизни; паѳосъ ея—негодование на дѣйствительность, запечатлѣнную печатью старины. Вѣрность характеровъ въ ней часто побѣждается сатирическими элементами. Полнотѣ ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще невольнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо вооружаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности—къ «китайскому незнанью иноземцевъ». Не понявъ, что пустота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумнаго содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшныя бритые подбородки, на фраки съ хвостомъ назадъ, съ выемкой впереди, и съ восторгомъ говорить о величавой одеждѣ долгополой старинны... Но это показываетъ только незрѣлость, молодость таланта Грибоѣдова: «Горѣ отъ Ума», несмотря на всѣ свои не-

достатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества. Грибоѣдовъ еще не былъ въ состояніи спокойно владѣть такими исполинскими силами. Если бы онъ успѣлъ написать другую комедію, она далеко осталась бы за собой «Горѣ отъ Ума». Это видно изъ самаго «Горѣ отъ Ума»: въ немъ такъ много речательствъ за огромное поэтическое развитіе... Какая убійственная сила сарказма, какая ѣдкость ироніи, какой паѳосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ, такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ; какіе типическіе характеры; какой языкъ, какой стихъ—энергическій, сжатый, молніеносный, чисто русский! Удивительно ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы и разнеслись между образованными людьми по всѣмъ концамъ земли русской! Удивительно ли, что «Горѣ отъ Ума» еще въ рукописи было выучено наизусть цѣлой Россіей!.. Грибоѣдовъ наводитъ мнѣ на душу грустную мысль о трагической судьбѣ русскихъ поэтовъ... Батюшковъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ поэтической дѣятельности... хуже, чѣмъ умеръ; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ погибли безвременно...

...иль вся наша

И жизнь не что, какъ сонъ пустой.

Насмѣшка рока надъ землею?..

Б.—Прерываю ваше поэтическое раздумье прозаическимъ вопросомъ: говоря о поэтахъ до-Пушкинской эпохи, вы забыли Мерзлякова, котораго русскія пѣсни, впрочемъ, принадлежатъ къ позднѣйшему времени.

А.—Да много ли его русскихъ пѣсень-то? «Среди долины ровныя» — не народная, и даже не простонародная, а развѣ сентиментально-мѣщанская пѣсня. «Чернобровый, черноглазый» и «Не личочка кудрявая» — прекрасныя и выдержанныя пѣсни; всѣ другія — съ проблесками національности, но и съ «чувствительными» противъ нея обмолвками. Въ поэзіи Мерзлякова есть чувство, но нѣтъ мысли. Теорія его — французско-классическая; слѣдовательно, объ ней можно и не говорить. Переводы его изъ древнихъ не изящны: въ нихъ не вѣетъ жизнью эллинскаго духа. Мерзляковъ смотрѣлъ на древнихъ сквозь Лагарповскія очки. Онъ переводилъ идилліи г-жи Дезульеръ и ужасными виршами пересказалъ на книжномъ русскомъ языкѣ времянъ Хераскова «Освобожденный Иерусалимъ» Гасса.

Б.—Къ кому же мы теперь перейдемъ отъ Пушкина и Грибоѣдова?

А.—Къ повѣсти и роману. Пресытившись стихами, мы захотѣли прозы; а примѣръ Вальтеръ-Скотта былъ очень соблазнительнъ... Марлинскій первый началъ писать русскія повѣсти. Онѣ были для своего времени то-

же, что повѣсти Карамзина для той эпохи; разница между ними только та, что одні романтическія, другія классическія, въ простомъ смыслѣ этихъ словъ. «Юрій Милославскій» былъ первымъ русскимъ историческимъ романомъ. Онъ явился очень во-время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго. Вотъ причина его необыкновеннаго успѣха. Теперь онъ—препрятное и преползное чтеніе для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ включительно и для простаго народа. Жаль, что онъ не изданъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и не продается копѣекъ по 20 серебромъ; онъ много бы могъ принести пользы. Я не буду исчислять всѣхъ повѣстей и романовъ, всѣхъ нувеллистовъ и романистовъ: это былъ бы бесполезный трудъ и скучный разговоръ. Романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забыть ихъ родоначальникъ—Нарѣжный. Въ 1804 году издалъ онъ отчаянную романтическую трагедію «Дмитрій Самозванецъ», которая была сколкомъ съ «Разбойниковъ» Шиллера; потомъ печаталъ повѣсти и романы—блѣдые, безцвѣтные, манерные, во вкусѣ Жанлисъ. Въ 1824 г. онъ издалъ «Бурсака», а въ 1825—«Два Ивана», романы, запечатлѣнные талантомъ, оригинальностью, комизмомъ, вѣрностью дѣйствительности. Ихъ обвиняли тогда въ грубой простонародности, но главный ихъ недостатокъ состоялъ въ бѣдности внутренняго содержанія. Онъ еще написалъ что-то въ родѣ «русскаго Жилблаза», который былъ почисте всѣхъ Выжигиныхъ, хотя и имѣлъ несчастье подать поводъ къ появленію этихъ литературныхъ бродягъ и вырождковъ... Лучшій романистъ Пушкинскаго періода литературы нашей, безъ сомнѣнія,—Лажечниковъ. «Новикъ» его слишкомъ полонъ, такъ сказать, обремененъ внутреннимъ обиліемъ: видно, что онъ—первое произведение автора; но въ немъ много теплоты, одушевленія, много прекрасныхъ частностей. «Ледяной домъ» есть лучшее произведение Лажечникова по содержанію, по одушевленію, которымъ онъ спокойно проникнуть, по характерамъ лицъ, по превосходнымъ частностямъ и полнотѣ цѣлаго. Въ «Басурманѣ» Лажечниковъ перенесъ въ чуждую ему сферу жизни, которая всѣхъ менѣе можетъ дать содержаніе для романа. Несмотря на то, недостаточный въ цѣломъ, «Басурманъ» не чудно превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстъ; къ лучшимъ изъ нихъ принадлежатъ тѣ, гдѣ является грозное лицо Іоанна III, дѣла настоящаго Грознаго; также сцена трагической смерти нѣмца-лѣка я, замученнаго татарами... Жаль, что Лажечниковъ мало пишетъ: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ вліяніе особенно силь-

но на эстетическое и нравственное развитіе современнаго имъ общества. Что касается до повѣсти—она со времени появленія Марлинскаго до Гоголя играла роль ученицы, и только въ отрывкѣ изъ романа Пушкина «Арапъ Петра Великаго» на минуту явилась мастеромъ, въ смыслѣ нѣмецкаго мастера или итальянскаго маэстро. Съ Гоголя начался русскій романъ и русская повѣсть, какъ съ Пушкина началась истинно-русская поэзія... Гоголь внесъ въ нашу литературу новые элементы, породилъ множество подражателей, навелъ общество на истинное созерцаніе романа, какимъ онъ долженъ быть: съ Гоголя начинается новый періодъ русской литературы, русской поэзіи.

Б.—Воля ваша, а мнѣ кажется, что вы увлекаетесь и видите въ Гоголѣ далеко больше того, что въ немъ есть. Что говорить—талантъ, и талантъ замѣчательный, удивительное искусство вѣрно списывать съ натуры; но—согласитесь сами—вѣдь дѣйствительная и высокая сторона въ искусствѣ есть идеалы, а что за идеальныя лица—какой-нибудь взятчикъ городничій, мѣщанка Поплелкина, какой-нибудь Иванъ Ивановичъ или Иванъ Никифоровичъ?..

А.—Вы очень вѣрно выразили мнѣніе толпы о Гоголѣ, и, по моему мнѣнію, толпа совершенно права съ своей точки зрѣнія...

Б.—Какъ хотите, но я охотно готовъ быть представителемъ толпы въ этомъ случаѣ. Смѣяться и смѣяться, смѣшить и смѣшить—это, право, совсѣмъ не то, что умилять сердца, возвышать душу...

А.—Совершенная правда. Смѣшить—дѣло весельчаковъ и забавниковъ, а смѣяться—дѣло толпы. Чѣмъ грубѣе и необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе расположенъ смѣяться всякой плоскости, хохотать всякому вздору. Ничего нѣтъ легче, какъ разсмѣшить его. Онъ не понимаетъ, что можно плакать и рыдать, когда сердце хочетъ выскочить изъ груди отъ полноты блаженства и радости, и что можно хохотать до безумія, когда сердце сдвлено тоской или разрывается отчаяніемъ. Ступайте въ русскій театръ, когда тамъ даютъ «Гамлета»,—и вы услышите сверху (а иногда и внизу) самый веселый, самый добродушный смѣхъ, когда Гамлетъ, заколовъ Полонія, на вопросъ матери: «кого ты убилъ?» отвѣчаетъ «мышь»... Помните ли вы еще разговоръ Гамлета съ Полоніемъ, съ актерами и съ Офеліей: мнѣ становилось страшно отъ этихъ словъ ужасной ироніи глубоко оскорбленной и тяжело страдающей души датскаго принца; а другіе если не дремали, то смѣялись... Я хочу сказать этимъ совсѣмъ не то, что Шекспиръ и Гоголь—одно и то же, или что «Гамлетъ» Шекспира и «Миргородъ» Гоголя—одно и

то же,—нѣтъ, я говорю только, что смѣхъ смѣху—рознь... Если бы изъ «Тараса Бульбы» сдѣлать драму,—я увѣренъ, что въ страшной сценѣ казни, когда старый казакъ на вопль сына: «слышишь ли, батьку?» отвѣчаетъ: «Слышу, сынку!» многіе отъ души расхохотались бы... И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли иному благовоспитанному, милому и образованному чиновнику, который привыкъ называть отца уже не то, чтобы «тятенькой», но даже «папенькой», не смѣшно ли ему слышать это грубое, хохлацкое «батьку» и «сынку»!.. Надо сказать правду: у насъ вообще смѣяться не умѣютъ и всего менѣе понимаютъ «комическое». Его обыкновенно полагаютъ въ фаресѣ, въ карикатурѣ, въ преувеличеніи, въ изображеніи низкихъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Я говорю это не въ осужденіе нашему обществу. Постигненіе комическаго—вершина эстетическаго образованія. Шиллеръ, великій Шиллеръ признается, что въ первой порѣ своей юности, при началѣ знакомства съ Шекспиромъ, его возмущала эта холодность, безстрастіе, дозволявшія Шекспиру шутить въ самыхъ высокихъ, патетическихъ мѣстахъ и разрушать явленіемъ шутовъ впечатлѣнія самыхъ трогательныхъ сценъ въ «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Макбетѣ» и т. д., останавливать ощущеніе тамъ, гдѣ оно желало бы безостановочно стремиться впередъ, или хладнокровно отрывать его отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ бы оно такъ охотно остановилось и успокоилось. *) Идеальное трагическое открывается юному чувству непосредственно и сразу; идеальное комическое дается только развитому и образованному чувству человека, знающаго жизнь не по однимъ восторженнымъ мечтаніямъ и не по слышкѣ. На такого человѣка комическое часто производитъ обратное дѣйствіе: возбуждаетъ въ немъ не веселый смѣхъ, а одно скорбное чувство. Онъ улыбается, но въ его улыбкѣ столько меланхоліи...

Комизмъ еще не составляетъ основного элемента всѣхъ сочиненій Гоголя. Онъ разлитъ преимущественно въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Это комизмъ веселый, улыбка юноши, привѣтствующаго прекрасный Божій міръ. Тутъ все свѣтло, все блестятъ радостью и счастьемъ; мрачные духи жизни не смущаютъ тяжелыми предчувствіями юнаго сердца, трепещущаго полнотою жизни. Здѣсь поэтъ какъ бы самъ любитъ созданными имъ оригиналами. Однакожь эти оригиналы не его выдумка, они смѣшны не по его прихоти; поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И пото-

*) См. его „Abhandlung über naive und sentimentalische Richtung“.

му всякое лицо говоритъ и дѣйствуетъ у него въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подъ влияніемъ котораго оно находится. И ни одно изъ нихъ не проговаривается: поэтъ математически вѣренъ дѣйствительности и часто рисуетъ комическія черты, безъ всякой претензіи смѣшнить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту дѣйствительности. Смѣхъ толпы для него бываетъ оскорбительнъ въ такихъ случаяхъ; онъ смѣется тамъ, гдѣ надо удивляться тонкой чертѣ дѣйствительности, вѣрно и зорко подмѣченной, удачно схваченной. Въ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ «Арабескахъ», Гоголь отъ веселаго комизма переходитъ къ «юмору», который у него состоитъ въ противоположности созерцанія истинной жизни, противоположности идеала жизни—съ дѣйствительностью жизни. И потому его юморъ смѣшнить ужъ только простаковъ или дѣтей; люди, заглянувшіе вглубь жизни, смотрятъ на его картины съ грустнымъ раздумьемъ, съ тяжелой тоской... Изъ-за этихъ чудовищныхъ и безобразныхъ лицъ, имъ видятся другіе благообразные лики; эта грязная дѣйствительность наводитъ ихъ на созерцаніе идеальной дѣйствительности, и то, что есть, яснѣе представляетъ имъ то, что бы должно быть... Въ «Миргородѣ» этотъ юморъ особенно проникаетъ собой насквозь дивную повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; оканчивая ее, вы отъ души восклицаете съ авторомъ. «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» точно, какъ будто выходя изъ дома умалишенныхъ, гдѣ съ горькой улыбкой смотрѣли вы на глушости несчастныхъ больныхъ... Въ этомъ смыслѣ комедія Гоголя «Ревизоръ» стоитъ всякой трагедіи. Что же касается до искусства Гоголя вѣрно списывать съ природы—это изъ тѣхъ безсмысленно пошлыхъ выражений, которыя оскорбляютъ своей неаппетитностью здравый смыслъ. Подобная похвала—оскорбленіе. Гоголь творитъ вѣрно природѣ; списываютъ³ съ природы не живописцы, а маляры, и ихъ списки—чѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ безжизненнѣе для всякаго, кому неизвѣстенъ подлинникъ. Вѣрность натурѣ въ твореніяхъ Гоголя вытекаетъ изъ его великой творческой силы, знаменуетъ въ немъ глубокое проникновеніе въ сущность жизни, вѣрный тактъ, всеобъемлющее чувство дѣйствительности. И это ужъ многіе чувствуютъ, хотя еще и слишкомъ немногіе сознаютъ. Теперь всѣ стараются писать вѣрно натурѣ, всѣ сдѣлались юмористами: такъ во всегда влияніе гениальнаго человѣка! Новый Колумбъ, онъ открываетъ неизвѣстную часть міра, и открываетъ ее для удовлетворенія своего безпокойно рвущагося въ безконечность духа; а ловкіе антрепренеры

стремятся по слѣдамъ его толпой, въ надеждѣ разбогатѣть чужимъ добромъ!..

Б.—И вотъ мы приблизились къ самому интересному для насъ предмету—къ современной намъ литературѣ. О настоящемъ всегда говорится больше, чѣмъ объ отдаленномъ: малѣйшія подробности имѣютъ интересъ; самое маленькое дарованіе имѣетъ цѣну...

А.—И однако жъ я всего менѣе намѣренъ распространяться о современной литературѣ, во-первыхъ, для того, чтобъ не наговорить много о пустякахъ, а во-вторыхъ, чтобъ не раздразнить гусей... Правда, у насъ и теперь не безъ дарованій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; скажу болѣе: въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляютъ иногда въ одинъ день, зато они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день. Теперь очень трудно стало прослѣдить за челоуѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ, во всѣхъ родахъ, что дѣйствительно надо что-нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изящномъ, съ которыми трудно отъ чего-нибудь разсѣяться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь ужъ всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что приснится ему во снѣ, а то, что есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много общаесть въ будущемъ. Но современная литература много теряетъ отъ того, что у ней нѣтъ головы; даже яркіе таланты поставлены въ какое-то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатаетъ; Лермонтова уже нѣтъ, --

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что любилъ, въ томъ нашель
Гибель жизни своей...

А какое пыльное развитіе общаесть этотъ богатый дарами природы, этотъ мощный и глубокой духъ!.. Публика встрѣтила его, какъ представителя новаго періода литературы, хотя и видѣла еще одни опыты его... Предчувствія общества не обманчивы: гласъ Божій—гласъ народа!..

В.—А вѣдь результатъ нашего разговора рѣшительно въ мою пользу. Вы спрашивали меня съ насмѣшкой: «Да гдѣ жъ онъ? да-

вайте ихъ!»—и сами не только насчитали множество именъ знаменитыхъ и великихъ, но и нашли въ нашей литературѣ внутреннюю жизнь, историческое движеніе, гдѣ послѣдующее выходитъ изъ предыдущаго...

А.—Въ самомъ дѣлѣ? Посмотримте-ка, сколько знаменитыхъ и великихъ именъ насчитали мы... Ломоносовъ—какъ великій характеръ (качество, не обогащающее нашей литературы), какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, имѣющихъ теперь историческое достоинство; Фонвизинъ, какъ умный писатель, котораго небольшая книга имѣетъ для насъ значеніе «мемуаровъ», передавшихъ намъ духъ и характеръ русскаго XVIII вѣка; Державинъ, Карамзинъ, Дмитриевъ, Озеровъ, какъ лица, имѣющія большее или меньшее значеніе въ исторіи русской литературы, русскаго общественнаго образованія,—авторитеты, съ которыми мы должны знакомиться въ школѣ, и которыхъ ужъ не можемъ читать, вышедши изъ школы въ свѣтъ;—авторы, которыхъ имена для насъ священны, но которыхъ значеніе—наша семейная тайна, неразрѣшимая для иностранцевъ хотя бы иностранцы и могли прочесть ихъ на своихъ языкахъ... Итакъ, вотъ уже шесть именъ... Далѣе: Крыловъ, гениальный писатель національныхъ басенъ этой поэзіи здраваго разсудка... Жуковский, внесшій въ нашу литературу и въ нашу жизнь романтическіе элементы и усвоившій намъ нѣсколько превосходныхъ произведеній нѣмецкой и англійской словесности, которыя тамъ читаются въ подлинникѣ... Батюшковъ замѣчательный талантъ, неопредѣленно и блѣдно развившійся по недостатку содержанія; поэзія его поэтому не можетъ быть перенесена на почву чуждаго слова, не подвергаясь опасности завянуть и выдохнуться... Гнѣдичъ, превосходный переводчикъ «Илиады»,—совершитель подвига важнаго и великаго только для насъ... Пушкинъ и Гоголь,—вотъ поэты, о которыхъ нельзя сказать: «я ужъ читалъ», но которыхъ чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ болѣе приобретаешь; вотъ истинное, капитальное сокровище нашей литературы... Если Пушкинъ найдетъ достойныхъ переводчиковъ, то не можетъ не обратить на себя изумленнаго вниманія Европы; но все-таки онъ и не можетъ быть тамъ оцѣненъ по достоинству; этому всегда помѣшаесть объемъ и глубина содержанія его поэзіи, далеко не могущія состязаться съ объемомъ и глубиной содержанія, какимъ проникнута поэзія великихъ представителей европейскаго искусства... Иностранецъ, коротко ознакомившійся съ Россіей и ея языкомъ, не можетъ не признать въ Пушкинѣ, какъ въ художникѣ, мировой творческой силы, которой нечего бояться чьего

бы то ни было соперничества; многія лирическія стихотворенія, выражающія субъективную Пушкина, еще болѣе утверждают его въ этомъ убѣжденіи; но тѣ творенія Пушкина, въ которыхъ онъ выходилъ на историческую почву жизни, и которыхъ величіе и колоссальность необходимо зависятъ отъ содержанія, покажутъ ему, что Пушкинъ, слишкомъ рано родившись для Россіи, слишкомъ рано и умеръ для нея... Общественные интересы современной Европы развились изъ почвы тысячелѣтняго всемірно-историческаго развитія и могутъ возбуждаться только такимъ поэтическимъ содержаніемъ, которое оплодотворяетъ собою вѣкъ, творитъ новую исторію, и какимъ проникнуты творенія Шекспира, Байрона, Шиллера и Гёте... Сказанное о Пушкинѣ можно примѣнить и къ Гоголю... Теперь кто же остается?—Грибоѣдовъ, написавшій одну комедію, да Лермонтовъ, написавшій одинъ романъ въ прозѣ, небольшую книжку стихотвореній. Изъ прежней школы—Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ—вотъ и всё... Вы говорите, что я напелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность: правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляютъ общества, а нѣсколько идей, прибрѣтенныхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература; наша литература безъ публики, потому что наша публика что-то загадочное: одинъ читалъ Пушкина, другой въ восторгѣ отъ Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій Тимошеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и «Гамлету», и водевилямъ Коровкина, и «Парашѣ» Полевого... И не думайте, чтобы это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества,—нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ... Историческій ходъ свой наша литература свершила въ самой же себѣ: ея настоящей публикой былъ самъ пишущій классъ, и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе или менѣе разумный отзывъ во всей массѣ грамотнаго общества... Но будемъ смотрѣть на литературу просто, какъ на постоянный предметъ

Соч. Бѣлинскаго. Т. II.

занятія публики, слѣдовательно, какъ на непрерывный рядъ литературныхъ новостей; что жъ это за литература! Да займите вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на чтеніе посвятите время между обѣдомъ и кофе,—и тогда не на одинъ день останетесь вы безъ чтенія. Въ журналахъ все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре порядочныя повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ полдюжины, включая сюда и ученые—вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, поневолѣ восклицаете, протяжно зѣвая: «Да гдѣ жъ онѣ?—давайте ихъ!»... Любопытно было бы сдѣлать хоть одинъ перечень литературныхъ явленій за пѣлый годъ...

Но это мы сдѣлаемъ уже сами, тѣмъ болѣе, что это такъ не трудно сдѣлать: Библиографическая Хроника «Отечественныхъ Записокъ», не пропускающая ни одной новой книги, изданной въ Россіи, даетъ намъ всѣ нужные для такого дѣла матеріалы. Если прерванный нами разговоръ сколько-нибудь заинтересовалъ васъ, читатели, то и наша приписка къ нему не должна миновать вашего вниманія: можетъ быть, въ этомъ годичномъ обзорѣ найдете вы кое-какія поясненія и дополненія къ длинному разговору; по крайней мѣрѣ встрѣтите имена, не упомянутыя тамъ, но извѣстныя давно или недавно и играющія первыя роли въ современной русской литературѣ...

Начнемъ съ журналовъ. Въ журналахъ теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная, и переводная. Въ нихъ помѣщаются теперь повѣсти, которыя недавно издавались оособо, частяхъ въ двухъ, въ трехъ и четырехъ; въ нихъ пѣлькомъ печатаются романы, которыхъ каждая глава стоитъ иной повѣсти недавняго времени; въ нихъ печатаются драмы, историческія книги, и т. д. Ко всему этому надо прибавить, что наши журналы изъ всѣхъ силъ стремятся къ многосторонности и всеобъемлемости—не во взглядѣ, о которомъ, правду сказать, немногіе изъ нихъ думаютъ,—а въ разнообразіи входящихъ въ ихъ составъ предметовъ: тутъ и политика, и исторія, и философія и критика, и библиографія, и сельское хозяйство, и извѣстная словесность—чего хочешь, того просишь. Многіе не видятъ во всемъ этомъ добра и толкуютъ обо всемъ этомъ вкось и вкривъ,—а ларчикъ просто открывался! Человѣкъ съ дарованіемъ переводить драму Шекспира; напечатать ему свой переводъ не на что, наудачу пуститься нельзя, потому что, каковъ бы ни былъ переводъ, все-таки

Иногда надѣяться, чтобъ его разошлось болѣе двухъ десятковъ экземпляровъ, и то развѣ года въ два... Что жъ тутъ остается дѣлать? — Напечатать въ журналѣ. Это и прекрасно: тѣ, которые могутъ судить о Шекспирѣ и оцѣнить переводъ, прочтутъ, можетъ быть, еще нечитанную ими драму великаго творца; а тѣ, которые никакихъ другихъ драматическихъ красотъ, кромѣ «репертуарныхъ», не смыслятъ, — тѣ будутъ вознаграждены какой-нибудь большой сказкой, въ той же книжкѣ журнала напечатанной... Въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года было помѣщено цѣлое большое историческое сочиненіе «Альбигойцы», которое было всѣми прочтено съ жадностью и произвело общій восторгъ; будь же оно издано отдѣльно, его никто бы не прочелъ, о немъ никто бы не узналъ, переводчикъ напрасно потратилъ бы трудъ и время, а издатель деньги... Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно для объясненія, почему журналистика поглотила всю литературу. Это не прихоть, не произволь, даже не расчетъ со стороны журналистовъ: причина дѣла въ необходимости, въ самой дѣйствительности... Что журналистъ хочетъ объять своимъ журналомъ всѣ области литературы и науки, удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества — отъ стиховъ до статей о свекловичномъ сахарѣ и удобреніи полей разными средствами, — здѣсь тоже очень простая причина: онъ хочетъ, чтобъ его журналъ читала публика... У насъ еще не можетъ быть специальныхъ журналовъ, намъ пожалуйте всего за однѣ и тѣ же деньги; мы хотимъ не мнѣнія, не руководительнаго начала, не предмета для ученія или размысленія, — мы хотимъ чтенія, какъ средства отъ скуки, потому что однѣ карты да карты, сплетни да сплетни, — оно, конечно, хорошо, да вѣдь прискучить же... Семейство выпишываетъ журналъ, — журналистъ долженъ угодить всѣмъ членамъ, этого, семейства; отецъ-старикъ читаетъ, напримѣръ, перечень событій въ отечествѣ и статьи по части сельскаго хозяйства; мать — повѣсти и модныя извѣстія; сынъ — критику и разборы книгъ; дочь — стихи, повѣсти и модныя извѣстія; смѣсь — всѣ. Не угодите одному, останутся недовольны всѣ! За границей сущность журнала состоитъ въ его мнѣніи, и потому тамъ журналисту нечего бояться соперничества, не къ чему хвататься за множество такихъ предметовъ: у него есть мнѣніе — есть и подписчики, потому что, кто раздѣляетъ его доктрину, тотъ будетъ читать его журналъ, слѣдовательно, ему не помѣшаютъ, его не заслоняютъ, не задавятъ другіе журналы, хотя бы у нихъ были десятки тысячъ подписчиковъ. Тамъ гибнетъ только

бездѣльность, безхарактерность, безсиліе и бездарность. Толстога нашихъ журналовъ тоже не расчетъ, а необходимость. И въ городѣ скучно жить — о деревнѣ нечего и говорить: вы получаете книжку журнала столяр полновѣсеную, что предвидите цѣлую недѣлю чтенія — не счастье ли, не блаженство ли это?.. Иные же слабы глазами или не привыкли читать скоро — имъ на цѣлый мѣсяцъ занятіе; шутка ли это?... Топіе содержаніемъ и талантомъ журналы истощаютъ послѣднее свое остроуміе на насмѣшки надъ толстыми журналами, а толстые журналы рѣдко даже замѣчаютъ топикъ... Все это въ порядкѣ вещей, и все это русская литература!...

Приступая къ журналамъ, начнемъ со старѣйшаго изъ нихъ — съ «Сына Отечества». Онъ кончился нынѣшній годъ сорокъ третьимъ номеромъ, вмѣсто пятидесяти-второго... Въ этой 43 книжкѣ особенно примѣчательна статья о первомъ томѣ «Русской Бесѣды»: рассказывается строкахъ въ трехъ содержаніе каждой пьесы, потомъ дѣлается большая выписка изъ пьесы, а изъ всего этого выводится подразумеваемое слѣдствіе, что пьеса очень хороша... Какой наивный способъ критиковать книги и наполнять журналъ... Странное дѣло! мы всѣми силами старались слѣдить за «Сыномъ Отечества»: получимъ, бывало, отсталую книжку — тотчасъ же читать — и ничего не прочтемъ... Публика въ отношеніи къ «Сыну Отечества» была за одно съ нами, съ той только разницей, что даже и не разрывала его... А кажется, чего въ немъ нѣтъ — и политика, и сокращенные романы, и экстракты изъ повѣстей, а въ смѣси всегда бездна остроумія — ничто не помогло! Съ будущаго года «Сынъ Отечества» снова возрождается, юнѣть... Вѣднѣй старецъ! найдетъ ли онъ, наконецъ, для своихъ изсохшихъ, желтѣющихъ костей мертвую и живую воду — не знаемъ; но обыкновенной, прѣсной воды въ немъ много... Не далѣе, какъ передъ началомъ прошлаго года, грозная афиша возвѣстила, что баронъ Брамбеусъ, по врожденному его великодушью, не помня зла, рѣшается протянуть свою высокородную руку падшему врагу, чтобъ поднять его. И дѣйствительно, баронъ руку-то протянулъ, но врага-то не поднялъ — у старика, видно, отнялись ноги или, можетъ быть, у барона ослабли руки?.. Оставимъ же ихъ, пожелаемъ имъ добраго здравія и укрѣпленія силъ, и обратимся къ «Библиотекѣ для Чтенія», которая должна непосредственно слѣдовать за «Сыномъ Отечества».

«Библиотека для Чтенія» съ 1839 года какъ будто пошатнулась — начала отпадать, чего съ ней прежде не бывало; начала

печатать статьи объ искусствѣ, которыхъ смыслъ остается доселѣ тайной для публики и здраваго смысла. Въ девяти книжкахъ тянулся романъ Кукольника «Эвелина де Вальероль»; получая слѣдующую книжку, публика забывала, что прочла въ предшествовавшей: это было очень удобно придумано для доставленія публикѣ пріятнаго и занимательнаго чтенія. Въ пятой книжкѣ вдругъ явился экстрактъ изъ романа Тика «Витторія Акворомбона», вполнѣ переведеннаго и напечатаннаго въ третьей и четвертой книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ»... Отдѣлы «Литературной Лѣтописи» и «Смѣси» въ «Библиотекѣ для Чтенія» были—особенно первое—по два, по три листочка, увеличиваясь только въ послѣднихъ книжкахъ стараго и первыхъ книжкахъ новаго года, какъ это воспослѣдовало и теперь. Но умный человекъ и на одной страницкѣ найдется, что сказать! «Библиотека для Чтенія»... была очень находчива въ этомъ отношеніи... Четвертая книжка ея вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пустилась разсуждать о Гомерѣ, гекзаметрѣ, о томъ, какъ должно перевести Гомера... Не довольствуясь разсужденіями, она—такая добрая!—не оставила почитать, — разумѣется, тѣхъ, кто захочетъ учиться у ней,—самымъ дѣломъ и представила или, какъ выражается С. Н. Глинка, «предъявила» образчики своихъ трудовъ по части сочиненія настоящихъ, самыхъ лучшихъ гекзаметровъ; но приступила къ этому очень тонко и ловко: она объявила, что критика—вздоръ, шарлатанство, ибо-де критика есть не что иное, какъ личное мнѣніе, «ничтожная, беспослѣдственная, частная болтовня»... *Avis aux lecteurs!* Что касается до насъ,—мы очень рады этому «извѣстію»: оно объяснило намъ, что такое критика въ «Библиотекѣ для Чтенія». Изъ снисхожденія въ требованіямъ педантовъ, вдругъ пускается она къ ученому критику, говоря: «Я объявляю, что напрягу всѣ силы, чтобы, елико возможно, быть важнымъ и не смѣяться. Скучайте! Мнѣ до этого дѣла нѣтъ.» И что же! Невозможно лучше и честнѣе сдержать даннаго слова: статья вышла скучная, прескучная... «Библиотека для Чтенія» пустилась разсуждать объ отношеніи музыки къ гекзаметру и гекзаметра къ музыкѣ, и обнаружила по обоимъ этимъ предметамъ столько природнаго знанія, что, читая статью ея, такъ и приговариваешь къ каждому слову: «Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ; замѣчанія такія... видно, что наукамъ учили.» Результатомъ всѣхъ этихъ тоническихъ и метрическихъ разглагольствованій на восемнадцати страницахъ былъ знаменитый стихъ: «По берегу Невы Маша ходила бѣлой бо-

сой ногой, собирая ягоды, и отморозила себѣ носъ...» Послѣ этого стиха о «Библиотекѣ для Чтенія» скорѣе можно сказать, что она не выдумаетъ пороку, нежели, что она не сочинитъ стиху...

За диссертаціей слѣдуетъ разборъ дряннаго опыта перевода «Одиссеи», а въ разборѣ развитіе слѣдующихъ двухъ великихъ идей: № 1. «Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердномъ коверканьи «Илиады» во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой карикатуры ея размѣру, ея гармоніи, цвѣту, физиономіи, духу, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ русскихъ съ формой и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности.» № 2. «Древніе подъ простотой (*simplicitas*) разумѣли просто народностей, и Гомеръ объясняется, какъ кумъ Емельянь у казака Луганскаго... Въ смѣси XI книжки помѣщены неоспоримыя доказательства, что древніе раскрашивали красками свои статуи, и что классическіе города были—изящный Китай! Подлинно, мандаринскій взглядъ на искусство...

Впрочемъ, можетъ быть, все это и шутка: «Библиотека для Чтенія» большая охотница шутить,—это всѣмъ извѣстно. Прочтите, напр., въ третьей книжкѣ ея похвалы графинѣ Растопчиной, Зенеидѣ Р... и Кукольнику, и отгадайте, что это—похвала или насмѣшка... Но, говоря о трехъ послѣднихъ частяхъ сочиненій Пушкина,—мы въ этомъ увѣрены—«Библиотека для Чтенія» не шутитъ: по ея мнѣнію, Пушкинъ—писатель старой школы: онъ употребляетъ сей и оный... Впрочемъ, это дѣло личного вкуса и личного самолюбія, полагающаго войну противъ с ихъ и оныхъ великимъ подвигомъ; но въ XII книжкѣ, на 55 страницѣ «Лит. Лѣтописи», находится превосходный образчикъ учености «Библиотеки для Чтенія», гдѣ доказывается, что все на свѣтѣ дымъ, въ томъ числѣ и всемірный законъ постепенности... Впрочемъ, направленіе и духъ «Библиотеки для Чтенія» такъ извѣстны всѣмъ и каждому, что о нихъ новаго ничего нельзя сказать, кромѣ того развѣ, что одно и то же надѣдаетъ, мысли безъ содержанія становятся пусты, старыя шутки приторны... Справедливость требуетъ замѣтить, что прошлогодняя «Библиотека для Чтенія» не чужда и хорошихъ статей, особенно переводныхъ; жаль только, что къ нимъ нельзя имѣть вѣры, не зная, за что ихъ должно принимать—за дѣло или за шутку. Къ числу шутковъ, и довольно плоскихъ, принадлежитъ статья о Франклинѣ.—Критика въ «Библиотекѣ для Чтенія» всегда пуста, всегда наполнена выписками изъ сухихъ сочи-

женій, преимущественно подвергающихся ея разсмотрѣнію. Но критика на книгу отца Іакина о Китаѣ представляет собой блестящее исключеніе изъ общаго правила этого журнала: статья живая, энергическая, умная, хотя и не чуждая парадоксовъ. Странный журналъ эта «Библиотека для Чтенія»: о Китаѣ судить по-европейски, а о европейской искусствѣ—по-китайски! Подлинно, кому на что дастъ Богъ дарованіе!..

Къ отдѣлу русской и иностранной поэзіи въ «Библиотеку для Чтенія» мы будемъ обращаться ниже, говоря вообще о произведеніяхъ беллетристики въ прошломъ году; а теперь перейдемъ къ другимъ журналамъ.

«Современникъ» прошлаго года попрежнему былъ вѣренъ своему плану и направленію, и попрежнему былъ богатъ хорошими оригинальными статьями и хорошими переводами произведеній скандинавской поэзіи. Особенно интересна и важна въ немъ неоконченная статья «Нибелунги». Окончаніе этой превосходной статьи будетъ помѣщено, вѣроятно, въ «Современникъ» нынѣшняго 1842 года.

Въ «Москвитяинѣ» было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, которыя намъ особенно пріятно исчислить здѣсь всѣ: «Споръ», стихотвореніе Лермонтова; «Послѣдніе стихи лорда Байрона» К. Павловой; «Сцены къ Ревизору» и «Письмо о первомъ представленіи «Ревизора» Гоголя; «Обозрѣніе Гегелевой логики» Рѣдкина; «Нѣсколько словъ о римской исторіи» Лунина; «О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита» Крюкова; «Нѣсколько словъ о сценическомъ искусствѣ» Крюкова; разборъ «Чтеній о русскомъ языкѣ Греча» Шевырева. Интересны нѣкоторые матеріалы для исторіи русской литературы, напримѣръ, «Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ» (изъ записокъ Дмитріева) и пр.; нѣкоторые матеріалы для исторіи Россіи, какъ, напримѣръ, «Послѣдній претендентъ мѣстничества, князь Козлскій», «Письмо Н. И. Панина о поимкѣ Пугачева» и пр. Замѣчательныхъ повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ, въ «Москвитяинѣ» не было.

«Русскій Вѣстникъ», хотя и новый журналъ, однако новаго ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что опаздывалъ выходомъ книжекъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ двѣнадцати книжекъ, появился въ прошломъ году только въ числѣ десяти, что, конечно, для него ново, потому что онъ дѣлаетъ это еще въ первый разъ. Наполнялся же онъ статьями specialнаго содержанія, сухими и не журнальными. Пускался

«Русскій Вѣстникъ» и въ философію,— правда, не часто, всего, кажется, только одинъ разъ, но зато съ большимъ успѣхомъ. Любопытные сами могутъ справиться объ этомъ въ курьезной статьѣ: «Европа, Россія и Петръ Великій»; въ особенности рекомендуемъ мѣсто отъ 104 до 107 страници, гдѣ очень ясно и ново разсуждается о паденіи человѣка, о фетишизмѣ, о философской (!!) религіи китаецевъ, о буддизмѣ, браминизмѣ, магахъ, египтянахъ, скандинавахъ, кельтахъ, магометанахъ и другихъ предметахъ, не менѣ близкихъ къ Россіи и исторіи Петра Великаго. Эту интересную статью можно раздѣлить на три части: первую занимаетъ философія—взглядъ и нѣчто—двадцать двѣ страници (95—116); вторая посвящена собственно Россіи и занимаетъ восемь страници (125—133); третья посвящена Петру Великому и занимаетъ собой меньше одной страници (134). Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, что было хорошаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» по части изящной словесности; а теперь укажемъ только на ученныя и критическія статьи, больше или меньше интересные; ихъ очень немного: оригинальная статья «Завоеваніе Азова въ 1696 году» Н. Полевого, переводная статья «Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи 1689 г.» (Де ла Нёвилла); разборъ Н. Полевого первой тетради «Исторіи Петра Великаго» соч. Ламбина; разборъ «Ласовки», «Исповѣди доктора Ястребцова». Этого довольно на десять книгъ—чего же больше!.. Ко всему этому надо прибавить, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не замѣтно ничего преимущественнаго вліянія, которое могло бы дать этому изданію характеръ, направленіе, образъ мыслей: имена Полевого, Кукольника и Греча украсили только его программу, а не листы; впрочемъ, два первые сдѣлали хоть что-нибудь въ качествѣ соудниковъ, если не редакторовъ; но третій ничего не сдѣлалъ и въ этомъ качествѣ, ибо одна или двѣ безцвѣтныя статьи ничего не значатъ въ годовомъ изданіи журнала. Какъ тутъ не вспомнить гениальнаго выраженія одной статьи въ Пушкинскомъ «Современникѣ» 1836 года объ участіи Греча въ «Библиотеку для Чтенія»: «Имя Греча было выставлено только для формы: по крайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Гречъ давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предприняемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилаго человѣка приглашаютъ въ посаженные отцы на всѣ свадьбы»... («Современникъ» т. 1, стр. 195.)

За исключеніемъ «Отечественныхъ Записокъ», хвалить или осуждать которыя—не

наше дѣло, вотъ и всѣ наши журналы. Газетъ у насъ еще меньше—всего двѣ, т. е. газетъ, издаваемыхъ не отъ правительства и посвященныхъ преимущественно литературѣ: «Сѣверная Пчела» и «Литературная Газета».

«Сѣверная Пчела» издается и Богъ знаетъ сколько лѣтъ, что-то очень давно: но странное дѣло!—она такъ всегда вѣрна себѣ, такъ неизмѣнива ни къ лучшему, ни къ худшему, что первый номеръ перваго года ея существованія и послѣдній номеръ только что кончившагося вчера 1841 года—такъ похожи одинъ на другой и по содержанию, и по тону, и по взгляду, или по отсутствію всякаго взгляда на предметы, что можно подумать, будто оба эти листка напечатаны въ одинъ и тотъ же день. Поэтому мы безошибочно можемъ привести о ней сужденіе изъ упомянутой выше статьи «О движеніи журнальной литературы», которую Пушкинъ напечаталъ въ первой книжкѣ своего «Современника» на 1836 годъ, и съ которой, слѣдственно, онъ былъ совершенно согласенъ. Вотъ что сказалъ Пушкинъ или его «Современникъ»: «Сѣверная Пчела» заключала въ себѣ officialныя извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполняла свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ «Сѣверной Пчелѣ» скрывались остроу пера разные незнакомые, скрывавшіеся подъ разными буквами, безъ сомнѣнія люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удалства. Они нападали развѣ на самаго уже беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неприятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя грѣхъ такой оговоркой: «впрочемъ, желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога», или: «хорошая книга требуетъ хорошаго изданія», и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ

столицѣ, о помадѣ и пр. Впрочемъ, отъ «Сѣверной Пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша; ея дѣло было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ» (стр.—202—204)... Для полноты вѣрной характеристики «Сѣверной Пчелы» мы должны прибавить, что ея участіе въ литературѣ болѣе и болѣе принимаетъ характеръ статистическій, особенно въ концѣ стараго и началѣ новаго гола: она судитъ исключительно только о числѣ подписчиковъ на журналы, о цѣнахъ журналовъ, о томъ, шибко ли идетъ книга, или залежалась... Что же касается до политическихъ извѣстій—эта самая неинтересная часть «Сѣверной Пчелы», потому что политическія извѣстія всегда новѣе, свѣжѣе, полнѣе и интереснѣе въ «Санкт-петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Инвалидѣ», которые постоянно днемъ или двумя днями раньше «Сѣверной Пчелы» сообщаютъ политическія новости, такъ что «Сѣверной Пчелѣ» остается лишь весьма легкій и пріятный трудъ—перепечатывать эти новости въ столбцы свои... Кстати: есть поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году «Русскій Инвалидъ» значительно расширитъ свои предѣлы и дастъ обширное мѣсто статьямъ литературнымъ, фельетону, библиографіи; самый форматъ его увеличится, можетъ быть, въ первую, можетъ быть, во вторую половину года.

«Литературная Газета» была вѣрна своей литературной политикѣ: объ этомъ знаетъ «Сѣверная Пчела», т. е. ея ученые издатели и добросовѣстные, даровитые сотрудники. Особенно замѣчательны были въ прошломъ году фельетонные разборы «Литературной Газеты» оперъ «Асколдовой Могилы» и «Тоски по родинѣ», нѣкоторыя рецензии и другія газетныя статьи; съ нынѣшняго года «Литературная Газета» значительно усилить свой интересъ для публики, болѣе держась чисто газетной сферы; выходя же въ недѣлю только одинъ разъ, не листкомъ, а тетрадюю, она, нисколько не теряя въ свѣжести извѣстій, приобретаетъ возможность представлять своимъ читателямъ довольно большія повѣсти, рассказы, даже водевили и небольшія драмы.

Теперь сдѣлаемъ краткое обзорѣе всего, сколько-нибудь примѣчательнаго, что появилось въ продолженіе прошлаго года по части изящной литературы, какъ оригинальнаго, такъ и переводнаго, какъ отдѣльно изданнаго, такъ и помѣщеннаго въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто занимаютъ три тома посмертныхъ сочиненій Пушкина, между ко-

торыми много такихъ, которыя публика прочла въ первый разъ. Въ этихъ же трехъ томахъ помѣщено нѣсколько стихотвореній, пропущенныхъ въ первыхъ восьми томахъ и нѣсколько собранныхъ, по смерти Пушкина, журналами, преимущественно «Отечественными Записками». Особенной благодарности издатели заслуживаютъ за помѣщеніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина: это важный фактъ для русской литературы и исторіи развитія поэтической дѣятельности Пушкина. Иные говорятъ, что не должно было печатать того, чего не хотѣлъ печатать самъ Пушкинъ при жизни своей:—странное мнѣніе! Пушкинъ не могъ и не долженъ былъ печатать всего: не его дѣло было выставять себя гениемъ и великимъ человѣкомъ, котораго каждая строка интересна и важна для современниковъ и потомства; это было дѣло другихъ, когда смерть измѣнила отношенія поэта къ публикѣ и публики къ поэту, а это дѣло выполнили издатели его сочиненій. Небольшое число стихотвореній, не вошедшее въ послѣдніе три тома, и семь пропущенныхъ прозаическихъ статей издатели хотятъ собрать въ особой книжкѣ и безденежно выдать купившимъ три послѣдніе тома сочиненій Пушкина.—Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было напечатано девять стихотвореній Лермонтова: «Есть рѣчи», «Завѣщаніе», «Оправданіе», «Родина», «Послѣднее Новоселье», «Кинжалъ», «Плѣнный Рыцарь», «Парусъ» и «Желанье»; одно («Споръ») помѣщено въ «Москвитянинѣ», два—во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» напечатано нѣсколько пьесъ Кольцова, изъ которыхъ «Что ты спишь, мужичокъ», «Расчетъ съ жизнью», «Много есть у меня» и въ особенности «Ночь» принадлежатъ къ капитальнымъ произведеніямъ русской поэзіи. Какъ жаль, что стихотворенія Кольцова (разумѣется, строго избранныя) до сихъ поръ не изданы! Поэтическое дарованіе Кольцова признано всѣми безусловно; многіе изъ талантливыхъ нашихъ музыкантовъ кладутъ его пѣни на музыку; итакъ, его читаютъ и поютъ, его хвалятъ, но не многіе знаютъ степень и важность его дарованія, какъ капитальнаго, а не временнаго, которое занимаетъ современность и умираетъ вмѣстѣ съ лицомъ... Кольцовъ принадлежитъ къ числу такихъ художниковъ, которые не могутъ претендовать на всеобъемлемость и многосторонность выражаемой ихъ творчествомъ жизни, но которые, избравъ себѣ одну сторону жизни, исчерпываютъ ее глубоко и мощно, какъ, напримеръ, Орасъ Верне въ изображеніи военныхъ сценъ. Если бы стихотворенія Коль-

цова были изданы—въ этомъ всѣ убѣдились бы и скоро, и единодушно. Теперь же нѣтъ общаго впечатлѣнія въ пользу его поэзіи, потому что какъ можно требовать, чтобъ каждый помнилъ, гдѣ и когда было помѣщено то или другое стихотвореніе?—Вѣроятно, читатели «Отечественныхъ Записокъ» обратили вниманіе на стихотворенія Огарева, отличающіяся особенной внутренней меланхолической музыкальностью; всѣ эти пьесы почерпнуты изъ столь глубокаго, хотя и тихаго чувства, что часто, не обнаруживая въ себѣ прямой и опредѣленной мысли, онѣ погружаютъ душу именно въ невыразимое ощущеніе того чувства, котораго сами онѣ только какъ бы невольные отзвѣты, выброшенные переполнившимся волненіемъ. Прошлый годъ былъ ознаменованъ появленіемъ новаго дарованія, подающаго въ будущемъ большія надежды: мы говоримъ о Майковѣ, котораго стихотворенія являлись, впрочемъ, рѣдко означенныя полнымъ именемъ автора, въ «Библиотекѣ для Чтенія».—Изъ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ особенно замѣчательны: «Пустыня», «Сомнѣніе» (№ 2); въ «Отечественныхъ Запискахъ»—«Вакханка» и «Искусство» (№№ 10 и 11). Лучшія стихотворенія Майкова въ антологическомъ родѣ. Въ нихъ столько эллинскаго и пластическаго въ содержаніи и формѣ, столько полноты и жизни, что нельзя въ авторѣ не признать положительно поэтическаго таланта. Конечно, не всѣ его стихотворенія равнаго достоинства; есть между ними и не совсѣмъ удачныя, но зато многія не оставляютъ ничего желать; лучшее изъ нихъ «Сонъ», напечатанный въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ, и цитованное въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» о «Римскихъ Элегіяхъ Гете». Стихотворенія Майкова не-антологическія болѣею частью отличаются прекрасными стихами и поэтическими частностями, но ихъ содержаніе почти всегда неопредѣленно и отзывается какой-то юношеской незрѣлостью. Въ нынѣшнемъ году Майковъ издаетъ свои стихотворенія; мы поговоримъ о нихъ, когда они выйдутъ въ свѣтъ.—Въ прошломъ году вышла первая часть стихотвореній графини Растопчиной, уже извѣстныхъ публикѣ и оцѣненныхъ ею по достоинству. Стихотворенія Козлова напечатаны третимъ изданіемъ. «Поэтическое Опыты» Елизаветы Кульманъ вышли вторымъ изданіемъ. Третье изданіе «Сказаній Русскаго Народа» и первая часть русскихъ народныхъ сказокъ, изданныхъ Сахаровымъ, дополняютъ собой обній итогъ прошлогодней поэзіи. Изъ капитальныхъ произведеній русской поэзіи появились вторымъ изданіемъ: «Ревизоръ» (съ новыми

сценами и письмомъ автора о первомъ представленіи его комедіи) и «Герой Нашего Времени». Новаго по части романа и драмы ничего не являлось. Впрочемъ, къ романамъ сколько-нибудь замѣчательнымъ принадлежатъ: «Эвелина де-Вальероль», помѣщенный въ девяти книжкахъ «Библиотеки для Чтенія», да «Византійскія Легенды» и вышедшій вторымъ изданіемъ «Аббадонна». «Эвелина де-Вальероль» Кукольника читается легко и весело, потому что въ ней много вишняго интереса, бездна эффектовъ, толпа лицъ, изъ которыхъ лицо Гаръ-Пиона даже похоже на характеръ. Героя въ романѣ нѣтъ ни одного, а героевъ много; виденъ умъ и изученіе, но мало фантази. Однимъ словомъ, «Эвелина де-Вальероль» примѣчательный *tour de force* таланта, который не такъ слабъ, чтобъ ограничиваться бездѣлками, доставляющими фельетонную извѣстность, и не такъ силенъ, чтобъ создать что-нибудь выходящее за черту посредственности. Сколько ни написалъ Кукольникъ драмъ, и русскіихъ, и итальянскихъ, всё онъ не что иное, какъ «этюды», которые могутъ имѣть свои относительныя достоинства, но которые читать очень скучно. Повѣстями наша литература была гораздо богаче. Лучшая повѣсть прошлаго года безъ всякаго сомнѣнія—«Аптекарьша» графа В. А. Соллогуба, напечатанная во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». И не мудрено: графъ Соллогубъ—писатель съ замѣчательнымъ дарованіемъ, а «Аптекарьша» рѣшительно выше всего, что онъ написалъ. Давно уже мы не читали по-русски ничего столь прекраснаго по глубоко-гуманному содержанию, тонкому чувству такта, по мастерству формы. простирающемуся до какой-то художественной полноты. Это третье прекрасное произведеніе графа Соллогуба, послѣ «Исторіи двухъ калошъ» и отрывка изъ «Тарангаса», и мы видимъ особенное доказательство таланта автора въ большей зрѣлости его которая такъ очевидна въ послѣднемъ его, произведеніи. Содержаніе «Аптекарьши» очень просто, такъ что для людей безъ эстетическаго чувства она можетъ показаться повѣстью, лишенной высокаго содержанія, простымъ рассказомъ о простомъ случаѣ; но въ этомъ-то все и достоинство ея. Прочитавъ повѣсть, вы чувствуете, что внутри ея совершалась трагедія, тогда какъ снаружи все было спокойно. Курляндскій юноша, баронъ Фиренгеймъ,—«природа котораго была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая», какъ выражается авторъ,—живя въ Дерптѣ, на квартирѣ профессора, заинтересовался слегка его хорошенькой дочкой, которая съ своей

стороны глубоко полюбила его. Превосходно изображена авторомъ борьба въ душѣ барона между приятнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него милая дѣвушка, и оскорбительнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на него проза окружающей ея дѣйствительности. Это понятно: розовое личико пятнадцатилѣтней дѣвочки, съ большими темносиними глазами, длинными шелковистыми рѣсницами, дѣтской задумчивой головкой—не совсѣмъ вяжется съ кухонными хлопотами, салынными свѣчами и изношеннымъ салопомъ. Только навсегда уѣзжая изъ Дерпта, баронъ понялъ, какъ любила его бѣдная Шарлотта. Долго не видались они. Баронъ началъ хлопотать о служебной карьерѣ и, говоря словами самого автора, — «Аннѣ съ короной онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному—съ чувствомъ глубокаго почтенія»... Потомъ онъ встрѣчаетъ ее въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ женой бѣднаго нѣмца-аптекаря, старается соблазнить ее; но ему не удается и, пристыженный благородствомъ аптекаря, безкорыстной любовью его и чистымъ уваженіемъ къ женѣ, уѣзжаетъ изъ городка. Приѣхавъ опять, черезъ годъ времени, въ городишко, онъ узнаетъ, что Шарлотта умерла отъ чахотки... Не знаемъ, долго ли онъ грустилъ, или скоро ли опять утѣшился: знаемъ только, что повѣсть графа Соллогуба оставляетъ въ душѣ глубоко-грустное впечатлѣніе... О рассказѣ нечего и говорить: это само мастерство; характеры всё до одного прекрасно очерчены, вѣрно выдержаны. Герой—одно изъ тѣхъ типическихъ и часто встрѣчающихся лицъ, которымъ природа не отказала въ чувствѣ и способности понимать многое, но которыхъ она въ то же время надѣлила большимъ избыткомъ ничтожности и пустоты въ характерѣ. Отецъ Шарлотты—типъ нѣмецкаго гелерта, и какъ хорошъ онъ, когда выкатываетъ студенческой ватагѣ весь скудный свой погребъ и съ сверкающими отъ восторга глазами смотритъ на ихъ ученый разгулъ, или когда онъ отъ души восхищается мастерской раной, отъ которой могъ умереть его любимецъ. Но въ повѣсти есть еще лицо, о которомъ мы не говорили: это уѣздный франтъ, въ венгеркѣ съ вистами,—лицо въ высшей степени типическое, мастерски очерченное...

Панаевъ напечаталъ въ прошломъ году двѣ повѣсти: «Онагръ» («Отеч. Зап.» № 5) и «Барыня» (въ первомъ томѣ «Русской Бесѣды»), принадлежащія къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ прошлогодней литературы. «Барыня» особенно хороша: въ ней столько характеристическаго. вѣрнаго, ловко и мѣт-

ко скваченнаго. Впрочемъ, каждая новая повѣсть Панаева бываетъ лучше предшествовавшей, въ чемъ читатели напи особенно могутъ убѣдиться по «Атеону». Это добрый знакъ: развитіе и движеніе впередъ есть несомнѣнное доказательство истиннаго дарованія...

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» обратили на себя вниманіе избраннѣйшей части публики двѣ повѣсти А. Н. (псевдонимъ): «Звѣзда» (№ 3) и «Цвѣтокъ» (№ 9). Онѣ отличаются особеннымъ, самостоятельнымъ характеромъ и обнаруживаютъ въ авторѣ даръ творчества, который, при условіи развитія, можетъ обѣщать много въ будущемъ. «Звѣзда» особенно хороша по какому-то грустному и злобному колориту, разлитому по фону картины. Къ особенностямъ обѣихъ повѣстей принадлежитъ какая-то вкрадчивая, завлекающая вниманіе читателя вѣрность въ малѣйшихъ подробностяхъ изображаемой дѣйствительности и необыкновенное умѣнье завязать цѣлую драму на самыхъ, повидимому, обыкновенныхъ, всеневныхъ случайностяхъ. Разсказъ столько же простой, сколько увлекающій и поэтической. А. Н. написалъ уже не одну прекрасную повѣсть; въ «Телескопѣ» 1836 г. были напечатаны его «Катенька Пылаева» и «Антонина»; въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 и 1839 гг.—«Однѣ сутки изъ жизни холостяка» и «Флейта»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г.—«Недоумѣніе». Общій недостатокъ почти всѣхъ его повѣстей состоитъ въ томъ, что женскіе характеры изображаются въ нихъ типически, искусно, вѣрно, а мужскіе большей частью—блѣдно и безцвѣтно.

Въ «Библиотекѣ для Чтенія» была только одна оригинальная повѣсть, но зато прекрасная: мы говоримъ о «Теофаніи Аббад-жіо» (№№ 1 и 2), г-жи Ганъ, обыкновенно подписывающейся Зенеидою Р-вою. Ганъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ талантамъ современной литературы. Въ ея повѣстяхъ замѣтенъ недостатокъ такта дѣйствительности, умѣнья схватывать и изображать съ ощутительной точностью и опредѣленностью самыя обыкновенныя явленія ежечелности. Но этотъ недостатокъ вознаграждается внутреннимъ содержаніемъ, присутствіемъ живыхъ, общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человека и женщины въ особенности, полной чувства, электрически сообщающаго душѣ читателя. Поэтому часто въ повѣстяхъ Ганъ внѣшнее содержаніе, завязка и развязка бываютъ не совсемъ правдоподобны и естественны, какъ, напримѣръ, въ повѣсти «Идеалъ», гдѣ женщина, одаренная глубокимъ чувствомъ, увлекается поэтомъ, который оказывается него-

длемъ, и потомъ удивляется, какъ можно быть такимъ «небеснымъ» въ своихъ сочиненіяхъ и «земнымъ» въ своей жизни: тутъ что нибудь да не такъ—или героиня повѣсти не довольно имѣла эстетическаго такта, чтобъ не очароваться пустыми фразами, или поэтъ не былъ негодай. Очевидно, что сюжетъ для Ганъ имѣетъ значеніе опернаго либретто, на которое она потомъ пишетъ музыку своихъ ощущеній и мыслей. И въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія у ней иногда возвышаются до паэоса. «Теофанія Аббад-жіо»—лучшая изъ повѣстей Ганъ...

Кукольникъ въ прошломъ году написалъ много повѣстей, о которыхъ нельзя судить вѣрно, не раздѣливъ ихъ на три разряда: на повѣсти, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни времени Петра Великаго;—на повѣсти, которыхъ содержаніе заимствовано изъ другихъ эпохъ русской жизни, и, наконецъ,—на повѣсти, которыхъ содержаніемъ служить жизнь чуждыхъ намъ странъ, особенно Италіи. Первые всѣ очень интересны; вторыя—посредственны; третьи—изъ рукъ вонъ плохи... И потому поговоримъ о первыхъ. Это собственно не повѣсти, а разсказы о старинѣ, въ основаніе которыхъ Кукольникъ всегда беретъ какой-нибудь извѣстный историческій анекдотъ. Но надо знать, что онъ умѣетъ сдѣлать изъ этого анекдота, съ какимъ искусствомъ онъ разскажетъ его, свяжетъ частный бытъ съ исторіей, а исторію—съ частнымъ бытомъ; сколько у него тутъ комическаго, а иногда и истинно-высокаго, особенно въ тѣхъ, сценахъ, гдѣ является у него Петръ Великій; сколько оригинальныхъ характеровъ и какая яркая картина борьбы нововведеній съ старинной дикостью нравовъ! Не думайте, чтобъ Кукольникъ дѣлалъ изъ приверженцевъ старины карикатуры и чудища: нѣтъ, это иногда вѣрныя слуги великаго царя, люди честные и благородные; но не думайте, чтобъ Кукольникъ изображалъ ихъ на манеръ героевъ нашихъ патріотическихъ драмъ, т. е. людьми, которые говорятъ нравственными сентенціями и дѣйствуютъ какъ машины: нѣтъ, это лица дѣйствительныя, исполненныя комизма и въ то же время трогаящія своимъ благородствомъ въ грубыхъ формахъ. Таковъ, напримѣръ, Иванъ Михайловичъ, олонецкій прокуроръ... Жаль, что Кукольникъ не издаетъ своихъ разсказовъ отдѣльно: ихъ не мало, и книжка вышла бы пріятельская. Вотъ перечень этихъ разсказовъ: «Новый Годъ» и «Авдотья Петровна Лихончиха», «Прокуроръ», «Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ», «Иванъ Ивановичъ»—лучшая въ этомъ родѣ повѣсть Кукольника, занимающая собой первый выпускъ «Сказки за сказкою». Кстати замѣ-

тимъ, что и «Капустинъ», помѣщенный въ «Утренней Зарѣ» на нынѣшній годъ, принадлежитъ къ числу такихъ же рассказовъ Кукольника.

Но мы заговорились, — и потому сбѣшимъ въ общемъ перечнѣ поименовать другія, заслуживающія большаго или меньшаго вниманія, повѣсти, разсѣяныя въ періодическихъ изданіяхъ. «Еще изъ записокъ одного молодого человѣка» Искандера («Отеч. Зап.» № 8); первый отрывокъ изъ этихъ записокъ, полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія и заинтересовавшихъ общее вниманіе, былъ помѣщенъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года (№ 12); о второмъ можно сказать, что онъ еще лучше перваго; «Куликъ», повѣсть Гребенки, въ «Утренней Зарѣ» на 1841 г., и его же «Записки Студента» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 2); «Южный Берегъ Финляндіи», повѣсть князя Одоевскаго, въ «Утренней Зарѣ»; «Левъ», разсказъ графа Соллогуба, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 4); «Институтка», романъ въ письмахъ, С. А. Закревской — новой талантливой писательницы, вышедшей на литературное поприще («Отеч. Зап.» № 12); «Мичманъ Поцѣлуевъ» В. И. Даля, во второмъ томѣ «Русской Бесѣды». — Баронъ Брамбеусъ въ послѣдней книжкѣ «Библиотеки для Чтенія» вдругъ разразился, послѣ долгаго молчанія, началомъ большой повѣсти «Идеальная Красавица, или Дѣва чудная». Въ этомъ началѣ нѣтъ никакого содержанія, а есть одни разсужденія о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ, — разсужденія мѣстами умныя, но большей частью скучныя, прескучныя...

Отдѣльно вышли уже извѣстныя публикѣ повѣсти графа Соллогуба, подъ названіемъ «На Сонъ Грядущій», — заглавіе, совершенно не соотвѣтствующее эффекту интереснаго сборника...

Теперь — о переводахъ. Можно сказать утвердительно, что у насъ въ настоящее время больше всего переводятъ Шекспира, хоть и нельзя сказать, чтобъ его больше всего читали. Здѣсь первое мѣсто должно занимать смѣлое и благородное предпріятіе Кетчера — перевести прозой всего Шекспира. Кетчеръ напечаталъ пять пьесъ, другіе послѣдуютъ безостановочно. Журналы уже отдали полную справедливость важности предпріятія Кетчера и достоинству его перевода; а возможность продолжать предпріятіе доказываетъ, что на Руси есть люди, которые читаютъ не однѣ сказки и умѣютъ понимать не однѣ «репертуарныя» пьесы... Въ № «Отечественныхъ Записокъ» помѣщенъ превосходный переводъ «Двѣнадцатой ночи» Кронеберга; въ «Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ» —

замѣчательный по своему поэтическому достоинству переводъ Каткова «Ромео и Юлія»; въ «Библиотеку для Чтенія» — «Сонъ въ Ивановскую Ночь», какъ-то странно переведенный; въ «Репертуаръ Русскаго Театра» — «Кориоланъ» — въ четырехъ (?) дѣйствіяхъ, прозой (№ 4), и «Отелло», переведенный весьма посредственно и вяло, стихами (№ 9). Лучшіе переводные романы тоже въ журналахъ: «Викторія Аккоромбона» Лудвига Тика, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№№ 3 и 4); «экстрактъ изъ того же романа въ «Библиотеку для Чтенія» (№ 5); «Оливеръ Твистъ», романъ Диккенса, въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№№ 9 и 10); «Олентъ Камеронъ», въ «Библиотеку для Чтенія» (№№ 8, 9 и 10). Этотъ романъ приписывается Вальтеру-Скотту. Герой его — Карлъ П, представленный здѣсь совершенно наоборотъ тому, какъ представленъ онъ въ романѣ Вальтера-Скотта «Вудстокъ». Впрочемъ, романъ, чей бы онъ ни былъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Отдѣльно вышедшіе переводы: напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года переводъ превосходнаго романа Купера «Путеводитель въ пустынь или Озеро-Море»; прекрасный переводъ съ подлинника, стихами, поэмъ Тегнера «Фритиофъ Грота, это былъ истинный подарокъ русской литературѣ; переводъ «Клавиво» драмы Гёте, Струговщикова.

Вотъ вся наша изящная и беллетристическая литература: мы не пропустили ничего сколько-нибудь примѣчательнаго, и забыли только о вещахъ, которыя не стоить того, чтобъ ихъ помнить... Самое утѣшительное и отрадное явленіе послѣдняго времени есть безъ сомнѣнія движеніе въ ученой и учебной литературѣ Россіи. Вотъ перечень всего примѣчательнаго по этой части. «Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ» Михайловскаго-Данилевскаго; «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», современное сочиненіе Григорія Кошихина; «Энциклопедія Законодѣднія» профессора Неволина; «Основанія Уголовнаго Судопроизводства» профессора Баршева; «Уральскій Хребетъ въ физическо-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ» профессора Щуровскаго; «Китай, его жители, нравы и проч.» отца Іакинфа; «Картинная Галлерей», изданная А. Плюшаромъ; «Путешествіе по Сѣвернымъ Берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю» и прибавленіе къ этому путешествію фонъ-Врангеля; «О большихъ военныхъ дѣйствіяхъ» генерала Окунева; «Лекціи Статистики» Рославскаго; «Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка» (вторая часть) Бутурлина; «Руководство къ По-

знаніи Средней Исторіи» Смарагдава; «Древняя Исторія» профессора Лоренца; первый томъ ученаго альманаха «Юридическія Записки», издаваемаго профессоромъ Рѣдкинымъ.

Всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, кромѣ періодическихъ изданій, брошюръ и отдѣльно отпечатанныхъ журнальныхъ статей, вышло въ прошломъ году около четырехсотъ; изъ нихъ по части изящной литературы, оригинальныхъ и переводныхъ новыхъ и вновь изданныхъ, выше насчитали мы всего шестнадцать; все остальное въ журналахъ; — ученыхъ сочиненій тоже шестнадцать; итого всего тридцать двѣ... Что же такое остальные 368 книгъ? — «Пынь Кіу-Тонгъ», романъ Зотова; «Деньги», комическая поэма; «Разгулье купеческихъ сынковъ»; «Мечтатель», романъ Воскресенскаго; «Веселый порошокъ», Васильева; «Дочь разбойника»; «Сорокъ лѣтъ пьяной жизни»; «Жизнь Вильяма Шекспира», соч. Славина; «Козель бунтовщикъ»; «Гулянье подъ Новинскимъ» и проч., и проч. Право, тутъ спросишь невольно: «Да гдѣ жъ онѣ? — Давайте ихъ!..»

Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги.
И все зачѣмъ? — чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ не надобно читать!..

Однако жъ есть и своя утѣшительная сторона въ прозаическомъ и повѣствовательномъ направленіи нашей литературы: значить, оно сближается съ обществомъ, съ дѣйствительностью, хочетъ быть сознаниемъ общества, его выраженіемъ. Замѣтите, что теперь безъ хорошихъ оригинальныхъ повѣстей журналъ погибъ въ понятіи публики, которая хочетъ видѣть себя, свою дѣйствительность въ литературѣ, и потому холодно принимаетъ произведенія, въ которыхъ изображается чуждый ей міръ. Стихотворенія теперь читаются меньше, и потому общее вниманіе могутъ обращать на себя только замѣчательные таланты: это тоже добрый знакъ! Вообще много хорошихъ элементовъ, много добрыхъ признаковъ; только все это какъ-то нерѣшительно, безцвѣтно, въ какомъ-то хаосѣ. На аренѣ литературы еще слышны старыя голоса, ликующая старая пѣсни и имѣющие своихъ слушателей: вмѣстѣ съ новыми голосами они образуютъ довольно нескладный и дикій концертъ. Особенно любопытное зрѣлище представляетъ наша ученая литература: съ одной стороны, нѣкоторые журналы вопіютъ противъ просвѣщенія и Европы, съ другой — выходятъ книги Неволдина, Баршева, Рѣдкина, Лоренца...

Мы видимъ, что русская земля богата талантами: какова бы ни была наша литература, но она — огромное явленіе для какихъ-нибудь ста лѣтъ; въ ней есть имена, озаренныя ореоломъ гения, въ ней есть яркіе таланты; но первыя не стали ровненъ съ самими собой, а вторые часто, обнаруживъ много силъ, мало сдѣлали. Съ другой стороны, въ публикѣ, безъ которой никогда не можетъ быть истинной, дѣйствительной литературы, — въ публикѣ господствуетъ хаосъ мнѣній, пестрота вкуса, способность обольщаться возгласами спекулянтовъ и ничтожными явленіями. Какая всему этому причина? Отвѣчать не трудно: съ одной стороны, недостатокъ внутреннихъ интересовъ въ обществѣ, съ другой — недостатокъ солиднаго, прочнаго, основаннаго на наукѣ образованія. Посмотрите, что иногда проповѣдуютъ наши журналы: если повѣрить имъ, то нужно только выучиться грамотѣ, чтобъ все понимать и обо всемъ судить, особенно о поэзіи. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ всякій судить легко и важно о Шекспирѣ, котораго онъ не читалъ даже въ переводахъ, а видѣлъ только на русской сценѣ, — о Байронѣ, Гетѣ, Шиллерѣ, даже Гомерѣ. У насъ какъ будто никто и не понимаетъ, что безъ ученія, глубокаго и напряженнаго, безъ научно-образнаго развитія эстетическаго чувства, нельзя понимать поэзіи; что непосредственное чувство безъ размышленія и вниканія ни къ чему не ведетъ, кромѣ личныхъ предубѣжденій въ пользу или не въ пользу того или другого поэта, того или другого поэтическаго произведенія. Какъ у насъ читаютъ? Взялъ драму Шекспира — прочелъ, зѣвая, десятокъ страницъ, — не нравится, и бросилъ; но это бы еще ничего, а худо то, что вотъ уже готово и мнѣніе въ родѣ слѣдующаго: «эта драма плоха, слѣдственно, о Шекспирѣ у насъ только кричать, а толку-то въ немъ мало.» Конечно, нѣтъ ничего легче и даже пріятнѣе, какъ оправдать свою ограниченность, невѣжество и необразованность тѣмъ, что Шекспиръ никуда не годится... У насъ хотятъ читать только глазами, а не умомъ; чтеніе, требующее усилія мыслительной способности, почитается пустымъ, губящимъ золотое время, занятіемъ. У насъ играютъ въ поэзію, въ литературу, въ науку, какъ въ мячикъ. У насъ думаютъ, что и философія можетъ быть такимъ же легкимъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени, какъ чтеніе газетнаго фельетона: прочелъ и понял все, а не понялъ — темно и глупо написано... Богъ судья людямъ, рассѣивающимъ въ обществѣ такія невѣжественныя понятія!.. Посмотрите, что и какъ у насъ

пишутъ о Гегелѣ люди, не имѣющіе о немъ никакого понятія... Переведутъ глупую, невѣжественную статью какого-нибудь пре-зираемаго въ Германіи за свое невѣжество и недобросовѣстность мистика, и рѣшатъ, что Гегель—чудовище! А добродушная безграмотность, видя въ восхищеніи, что ей тутъ все по плечу, все понятно, восклицаетъ: «вонъ каковъ этотъ Гегель, а у насъ его прославляютъ!»... Причитавшись къ такимъ мнѣніямъ, прислушавшись къ такимъ толкамъ, всякій порядочный человѣкъ позво-ляетъ себѣ не знать, что пишется въ на-шихъ журналахъ и книгахъ, — что дѣлает-ся въ нашей литературѣ...

Вся надежда на будущее. Наука у насъ видимо принимается; публичное образованіе развивается на твердыхъ началахъ, и незамѣтно, невидимо подрастаетъ новая пу-блика, съ пресвѣщеннымъ мнѣніемъ, съ обра-зованнымъ вкусомъ, съ разумными тре-бованиями. Что-то тогда будутъ дѣлать многіе наши «заслуженные и опытные ли-тераторы», когда эта вдругъ выросшая пу-блика скажетъ имъ: «подите прочь съ сво-ими смѣшными притязаніями; я не знаю васъ!» — «Да мы написали... мы издали... наши сочиненія разошлись... наши книги шли бойко»... — «Да гдѣ жъ онѣ?—Давайте ихъ!»...

Стихотворенія Аполлона Майкова.

Санктпетербургъ, 1841 г.

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорблен-ное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія,—какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнить ли оно то, утрата чего была для васъ утратой какъ будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастья — это другой вопросъ, и только будущее можетъ рѣшить его: насто-ящее можетъ лишь гадать о томъ на осно-ваніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изыщно напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и представляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта Майкова,—мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе непод-дѣльное, замѣчательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя даро-ванія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ,—теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звуч-ный отголосокъ внутренней думы;—теперь,

когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертво-приношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы шутокъ мастеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойныя вопли самолюбивой посред-ственности, или неприличныя клятвы тор-гашей и спекулянтовъ...

Наша литература, несмотря на свою мо-лодость и незрѣлость, уже свершила нѣ-сколько фазовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и на-блюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣй-ствователей нѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія си-лы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много обѣщавшихъ, и такъ мало вы-полнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!.. И все то благо, все добро! Благодаря этому обогащенію, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы, и приходитъ въ неистов-ный восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ—съ адомъ... Точно также теперь только развѣ необразованная, невоспитанная посредствен-ность рѣшится «призывать вдохновеніе на высь чела, вѣчнаго звѣздой»; выдумать «грудь, которая высоко взметалась беспред-метной любовью», или отпускать другія по-добныя стихотворныя вычурья. А прежде—и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключе-

ніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава Марлинскому, Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ и навсегда избавили нашу публику отъ склонности къ изысканной дичи въ мысляхъ и выраженіи! Ихъ образъ дѣйствования и усилія для этой цѣли были совершенно обратные и отрицательные; но зато результаты вышли теперь и прямые, и положительные. Въ этомъ случаѣ намъ мало нужды даже до намбрений и мотивовъ; результаты все выкупаютъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданъ для самихъ дѣйствователей... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностью имени Полевого, который стремился къ той же цѣли, и при томъ еще двумя, совершенно различными путями: бессознательно — философско-историческими статьями, критиками и повѣстями; и сознательно — превосходными пародіями на стихи нѣкоторыхъ дикихъ поэтовъ, которые помѣшалъ онъ въ своемъ «Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы», — этомъ лучшимъ произведеніи всей его литературной дѣятельности... Да, заслуги этихъ людей, вольныхъ и невольныхъ, сознательныхъ и бессознательныхъ, поставили, такъ сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ гении. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозой, не подвергаясь опасности быть замѣченной со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себя похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ еще до сихъ поръ и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобы худы, да и не то, чтобы очень хороши, ужъ невозможно приобрести ни малѣйшей извѣстности. Время рюмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на мѣсто того или другого требуются глубокія чувства и идеи, выраженные въ художественной формѣ, съ рюмами или безъ рюмовъ — все равно. Для успѣха въ поэзіи теперь мало одного таланта — нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной жизни; —

оракула, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; — врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи, высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ Майкова, — значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собой раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, не имѣющіе между собой ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ-называемой антологической поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзіи Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте». Теорія антологической поэзіи имѣетъ такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній Майкова, что мы въ упомянутой статьѣ написали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его дивно-поэтическую, роскошно-художественную пьесу «Сонъ» (Когда ложится тѣнь прозрачными клубами), не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ «Одескомъ Альманахѣ» на 1840 годъ, — и мы, при разборѣ этого «Альманаха», еще задолго до статьи о «Римскихъ Элегіяхъ», выписали въ нашемъ журналѣ это стихотвореніе, скромно подписанное буквой М. И безъ подписи знаменитаго или по крайней мѣрѣ знакомаго имени оно поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и по-

томъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ.

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, пѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ тайнства изящнаго творчества. Какая мягкая, вѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобы признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышетъ живой идеей.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что мѣръ ея есть мѣръ пустой и ложный,
И блѣдный вымысль—красота!
Пусть вѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сирень опасныхъ, вѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ вѣтъ наяда;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящій молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Фетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полночь тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дая
Съ такой любовью пріемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольню симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь, и не вѣришь ты!

Остановимся на этомъ стихотвореніи и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанію—это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, и изъ-за поэтического полного жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующей слову мысли.... Стихъ: «Что мѣръ ея есть мѣръ пустой и ложный»—

прозаиченъ; «и блѣдный вымысль—красота»—неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, «низводящимъ изъ длани потокъ разящей молніи» не вѣрно и въ отношеніи къ языку, и въ отношеніи къ поэзіи; «Лунный ликъ такъ же сокровенъ» ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; «И ты невольню симъ явленьямъ даруешь жизни красоты»—выражено слабо и неопредѣленно. Послѣдніе два стиха въ пьесѣ прекрасны, но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самой пьесой настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснить, почему неодушевленные явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примирить чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытъ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеса была превосходнымъ произведеніемъ искусства! такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У берега сонныхъ волъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говорю; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольню съ устъ твоихъ разнѣрные октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Искусство.

Срѣзаль я себѣ тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣтъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ блѣдой.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночи легу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзаль
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно высказанное въ немъ явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностью отѣлки. Что же до содержанія—оно здѣсь представляетъ собой основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звуочной октавой, гармоническимъ гекзаметромъ—и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинается съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формой, краской, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина.

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Мои ми играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ разбѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой рѣмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль Иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи пьесы Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ главу эстетики,—и эстетикъ не усомнитса перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ

вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльных лицъ: въ лицѣ древнихъ эллиновъ природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человечества. И въ этомъ отношеніи муза Майкова родственна, по своему происхожденію, древле-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно опущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безыскусственно-изящныхъ пѣсней. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, если бѣ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много общающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать *не-лицейскія* стихотворенія, и въ которую жизнь едва ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,—Майковъ изученіемъ изящной древне-классической поэзіи завоевалъ плодотворную почву для своихъ вдохновеній. И зато—посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы.. Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека, и—какъ мы увидимъ ниже—иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ расчетъ его молодость (а ея въ этомъ случаѣ нельзя не брать въ расчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семь дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной
осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью
сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схро-
ронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ея камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому, чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго се-

держанія языкъ,—вы ощутите душой и безконечную красоту, и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намбренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пѣсу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущение, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намбреніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему и не чуждо древнее міросозерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или что и человѣкъ нашего времени въ эллинской эпохѣ своей жизни можетъ становиться грекомъ, такъ что самый взыскательный афинянинъ, современникъ Алкивиада, не назвалъ бы его обэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительной роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойной, самообладающей и цѣломудренной, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ «Вакханкѣ». Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и—

Доридь.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?..

Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты,
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:

Благоговѣние такъ хладно предъ святыней!
Я не его ищу. Явись дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца золотого.
Сорви съ своей груди рукой своей перловой
Ты розу блѣдную, желанный дай просторъ
Горящимъ персамъ. Пусть непринужденный
взоръ

Забудеть все любви приманки!.. Другъ мой
нѣжный!

Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато, и жемчугъ

Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...

Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ мила и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пѣса не только не понравится, но и возбудитъ все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навыворотъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на

что напали они съ остервенѣніемъ,—знайте, что это превосходно; что восхваляли они съ неистовствомъ—знайте, что это пошло или мертво. Лицемерные моралисты въ высшей степени обладаютъ этой выворотной вѣрностью сужденія.. Что же до ихъ строгости—она понятна: Шиллеръ въ одной изъ своихъ ксеній сказалъ, что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее... Кто имѣетъ счастье быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,—для тѣхъ стихотвореніе «Доридь», при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное — право собственности не позволяютъ намъ выписать изъ книги Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній — особенно «Гезиода» и «Вакха», тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пѣсень, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія, характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя
флейты

Рошъ покровителю Пану и свѣтлomu Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и

Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Вни-
мали

Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчань-
емъ

Пѣсни тревожить и вѣтеръ заснуть между ли-
стьевъ

Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты зву-
комъ,

Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сѣльвановъ и

Кончили пѣвецъ и помчался на огненныхъ
фавновъ.

Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Вѣдныи лѣсовъ покровитель напрасно старался

припомнить

Чудные звуки, и ихъ воскреситъ своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели зем-
ныя...

Горькій безумецъ! Ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскреситъ на землѣ? *Посмотри: улы-*

баясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы
и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзи:

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ листвъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И забудками головки не вѣчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,

И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стек-
ль;

Не плющъ и не цвѣты вѣются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится равнымъ снѣ-
гомъ.

А ты, мой другъ, все такъ: рѣзва, мила...
Люблю,

Какъ разгорѣвшись и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, страхаешь кудри свѣжны,
Хочешь и меня цѣлуешь звонко, вѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо,
другой климатъ, но тонъ поэзіи, но созерца-
нiе, составляющее ея фонъ, все тѣ же,
дышущiе сладостью и нѣгой свѣтлаго неба
Эллады!..

Однако жъ тотъ не понялъ бы насъ, кто
захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ
стихотворенiяхъ Майкова полное выраженiе
древней поэзіи или полное выраженiе эле-
ментовъ жизни древнихъ классическаго ду-
ха. Гармоническое единство съ природой,
проникнутое разумностью и изяществомъ,
еще далеко не составляетъ исключитель-
наго элемента древняго міросозерцанiя.
Жизнь древнихъ выражается не въ одной
идилліи или застольной пѣснѣ, но и въ тра-
гедіи, которая составляла одинъ изъ основ-
ныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со
стороны идилліи и пѣсни жизнь грековъ
была наивно-прелестна, очаровательно-гра-
ціозна, мила и любезна, то со стороны тра-
гедіи она была благородна, доблестна и воз-
вышенна. Первая сторона жизни заставля-
етъ любить жизнь; вторая сторона—застав-
ляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки
это понимали,—и трагедіа была послѣднимъ,
самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ
цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагическій элементъ
преобладаетъ уже и въ самой «Иліадѣ»,—
этой прародительницѣ всѣхъ трагедій гре-
ческихъ, въ послѣдствіи явившихся. Что же
разумѣлъ грекъ подъ «трагическимъ»?—Не
печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе про-
тиворѣчащихъ условій жизни или вслѣд-
ствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся на-
встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ,
не могъ быть героемъ греческой трагедіи.
Трагическое грековъ заключалось или въ
борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли
со страстями, или въ борьбѣ разумнаго,
двигательнаго начала съ общественнымъ
мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда бы-
ла гибель героя, которой онъ въ случаѣ
побѣды запечатлѣвалъ торжество божествен-
ной идеи надъ массами и которой, въ слу-
чаѣ паденiя героя, божественная истина
запечатлѣвала свое торжество надъ огра-
ниченностью человѣческой личности. Въ
обоихъ случаяхъ источникъ борьбы былъ
внутренній и заключался въ духовной на-

турѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть
только великій человѣкъ, созданный дѣй-
ствовать на аренѣ исторіи, предназначенный
осуществить собой какое-либо нравственное
начало, быть представителемъ какой-либо
идеи. Такъ, въ «Антигонѣ» Софокла героя-
ми являются: Антигона, какъ поборница
закона родственности, веледушно жертвую-
щая своей жизнью для выполнения того,
что она считала своимъ долгомъ, и невы-
полненіе чего унизило бы ее въ собствен-
ныхъ глазахъ и было бы ей горше смер-
ти,—и Креонъ, какъ представитель непре-
клонной власти закона въ гражданскомъ об-
ществѣ. И потому вся трагедіа эта есть не
что иное, какъ трагическая ошибка двухъ
равно разумныхъ и великихъ, но на этотъ
разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли,
подобно воинамъ, храбро сражавшимся за
правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ
гибели; но, благословляя падшихъ, мы уже
не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели
героевъ не случайность, но добровольное
самопожертвованіе. Антигона могла бы легко
спастись отъ гибели, оставивъ свое ве-
ликодушное намѣреніе похоронить убитаго
брата; но тогда она не была бы великой
женщиной, не была бы героиней, и не бы-
ло бы трагедіи. Вотъ почему трагедіа есть
высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ воз-
вышаетъ нашу душу ея окровавленный ки-
жалъ, ея усталый трупамъ благороднѣй-
шихъ жертвъ помость... Герой есть высочай-
шее и благороднѣйшее явленіе духа мі-
ровой жизни; его личность есть апогеоза
человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣ-
ковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди,
какъ бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигант-
скихъ образахъ; герой возбуждаетъ все уди-
вленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣ-
чества; образъ его поддерживаетъ въ чело-
вѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое,
истинное и доблестное живи, во мракѣ еже-
дневности и случайности поддерживаетъ вѣч-
ный свѣтъ разума... Но почему же герой
есть герой? что дѣлаетъ человѣка героемъ?
—Неизмѣнная возможность трагической ги-
бели, этотъ паеосъ къ идеѣ, простирающій-
ся до веледушной готовности смертью за-
печатлѣть ея торжество, принести ей въ
жертву то, что дается на землѣ только
разъ и никогда не возвращается, и чего,
слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе—жизнь, и
иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ,
въ виду милаго, ласкающаго призрака сча-
стья... Итакъ, возможность трагическаго за-
ключается въ условіяхъ ограниченности на-
шей личности, которой бытіе отдѣляется отъ
небытія едва замѣтной и слабой нитью, ве-
лосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенiя
вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огор-

часть и ужасаетъ эта невозвратность однажды утраченного счастья, однажды полученной жизни, однажды приобрѣтеннаго друга или милой сердца; но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлой жизнью—и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?.. О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурной игрой мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и копѣчныхъ помысловъ... Трагическое, это—Божья гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своей высокой душой—и, умѣя наслаждаться жизнью, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать, гдѣ и когда велитъ судьба,—вотъ что было для грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силъ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробъ—мирно спи!
Жизнью пользуйся—живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнуть своей великой душой трагическую сторону жизни, въ противности съ свѣтлой ея стороной.—и глубоко, мощно, со всей роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ—«Торжество Побѣдителей», такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколькохъ добрыхъ жизнь поблекла!
Сколькохъ низкихъ рокъ шадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунъ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляя же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!.. Вспоминая Аякса, убившаго себя въ гнѣвъ за коварное похищеніе Одиссеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оиліидъ, говорить:

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой пафосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ стихахъ:

О, Ахиллъ! о, мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)

Соч. Бѣлинскаго. Т. II.

Быстрый міра посѣтитель;
Жребій лучший взялъ ты въ немъ.
Жить съ людьми племень дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Диомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробъ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явися кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣ эллинизма и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе, повидимому, и совершенно противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утolenъе;
Добрый Вакховъ даръ вино:
И веселость, и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни мать Нюбею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струю виноградною
Вмѣтъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, что у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента «трагическаго» въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природой, въ духѣ древнихъ. Но придетъ время—и, можетъ быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка,

народовъ и человѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, если бъ эти строки могли послужить хоть косвенной причиной къ ускоренію этого времени... Майковъ вполнѣ владѣеть орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это—великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! Стихъ въ поэзіи—то же, что слогъ въ прозѣ, а слогъ—это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ и художественномъ, но еще и въ движеніи, въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта, а движеніе и развитіе состоитъ въ непрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не въ хронологической послѣдовательности. Батюшковъ—поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его пьесами годъ и число, обозначающіе время ихъ сочиненія...

Но мы отделились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ «наивнаго» и «природнаго», такъ чуждъ элементъ «трагическаго» въ древней поэзіи. Разъ Майковъ былъ близокъ къ нему по содержанію, избранному имъ для самой большой своей пьесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хоть, можетъ быть, и думалъ вполнѣ его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ «Олинеъ и Эсфирь» (римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства). Мысль поэмы—контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ шестьдесятъ страницъ, которыя въ чтеніи легко могутъ показаться шестьюстами страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянута въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше намѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ поправившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдуемымъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразить они... А между тѣмъ сколько элементовъ «трагическаго» съ обѣихъ сторонъ могло бъ и должно бъ было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей трагедіи; но зато римская исторія есть непрерывная трагедія, — зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неисчерпаемый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ

этомъ отношеніи едва ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіей римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паеость къ гражданской свободѣ, къ ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждого гражданина отдѣльно, гражданская доблесть въ цвѣтущія времена великой республики и гордая, стоическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбѣ вслѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ и счастливая для менѣ великихъ, но болѣе во-время явившихся — вотъ гдѣ элементы «трагическаго» въ исторіи Рима, великой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Граховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ —этихъ колоссальныхъ ликовъ, сияющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени!.. Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы—сколько стоической жизнью и трагической смертью, столько же и тоской по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олинеъ Майкова только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ—образъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ, напр., пиршественная пѣсня римлянъ-язычниковъ.

Вообще, когда Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ какъ будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его «Венера Медицейская», содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самого ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ Венеры Медицейской, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственной красотой—

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бранный

И это гордое чело,
Венчанное красой Изиды (?),
 И стройный станъ, и шелкъ мудрей:
 И Римъ нарекъ ее Кипридой!
 И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ будто изысканная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли—видѣть простую копію, портретъ въ вдохновенномъ созданіи свободного творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны; есть между ними даже оскорбляюще тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ на-
 примѣръ:

На грудь высокую пустите
 Змѣистый лононовъ разливъ.

Что такое: «пустить на грудь змѣистый разливъ лононовъ?» Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи Бенедиктова, но очень душно въ стихотвореніи Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
 Величья храмы раздробилъ.

Что такое «молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья?» Неужели это поэзія, не риторика?..

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія съ болѣе или менѣе антологическими отгѣнками: «Радосте», «Измѣна», «XXXIII», «Жизнь», «Прощаніе съ деревней», «Заря», «Горы», «Мраморный Фавнъ». Что до послѣдняго стихотворенія,—оно было бы лучше, если бъ не было растянута приставкой и кончилось 25-мъ стихомъ, или—можетъ быть, и еще лучше—13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній Майкова и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ мы желали бы найти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но—увы!—мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія, при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное—риторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ «Чудномъ Вѣкѣ» поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра Великаго, которая возсіяла—

... въ странѣ загроможденной
 Цѣпами горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
 Средь блажь и тундръ; въ той хранимъ
 священной,
 Гдѣ льды горятъ какъ въ хранимъ чудесъ...

Не риторика ли это?.. Въ концѣ пьесы авторъ заставляеть Петра «выливать вѣнецъ на голову Россіи, саардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ», а громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу», забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, qui est la fenêtré par laquelle la Russie regarde en Europe, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N. V., превосходитъ по стихамъ, но мысль—приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка—изысканна... Прекрасны послѣдніе шесть стиховъ стихотворенія «Воспоминаніе»; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и особенно этого начала:

Когда ты въ пучины былого
 Окунешься думой...

«Еврейская Пѣснь» отличается прекрасными звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Пѣса «Монастырь», откровенно названа авторомъ «введеніемъ къ ненаписанной поэмѣ». Она начинается непоэтическими стихами:

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
 Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзные оковы...

Затѣмъ слѣдуетъ риторика, изрѣдка прерываемая стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Колонны гордыя, какъ бы утомлены
 На мощныхъ раменахъ держатъ обломки
 сводовъ,

Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ—печатать, но читать безъ напряженія и утомленія подобныя стихи?—

Все тлѣние и прахъ!

Здѣсь, за оградой, въ окованныхъ стѣнахъ,
 Гулъ міра умолкалъ передъ образомъ Распята,
 Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятыя;
 Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли,
 И въ мирной келии, отъ суеты вдали,
 Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
 Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
 Но вѣреть ли онъ былъ, монашескій покровъ?
 Всегда ль, въ полнотномъ молчаніи дубровъ,
 Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
 Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
 Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на вѣномъ.

Чугунномъ помостъ блестятельнымъ ковромъ,
 Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
 Сидявшая къ окну, отшельница младая,
 Смотри на небеса, летѣла въ горній мѣръ,
 На дою вѣчности, въ подоблачный эфиръ,
 Гдѣ ангелы поютъ божественныя гимны,
 Откуда бѣдную зовутъ гостеприимно?

Каковъ періодъ: не угодно ли прочесть вамъ его, не перевода духа или не скрывъ смысла?.. И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое «окованныя стѣны», «одежда мертвая» (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать — «одежда мертвыхъ», да мѣра стиха не позволила), «вѣрнѣ ли монашескій обѣтъ» (кому и чему вѣрнѣ)? Что такое «весенніе часы и мечтательныя безсонницы»?..

Теперь обращаемся ко всемъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательныя стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенныя?—

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо,
 голубой,
 На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ
 земной,
 И уху робкому мечтались не молитвы,
 А цитры тихій звонъ, иль кликъ опасной
 битвы,

И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
 Тумана ясныя красавицы глаза,
 По блѣдному лицу жемчужиной блистала,
 И юная глава въ волненьи упала
 На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
 Волною падала по мрамору груди,
 И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
 И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?..

Пьеса, означенная № XIV, принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ пьесахъ: «Воробьевы Горы», «Два Гроба», «Истинное Благо», «Мститель» (скандинавская баллада), и «Кладбище» — мы рѣшительно не узнаемъ Майкова, — и подпишите подъ ними: Щетининъ, Кропоткинъ, Гогниевъ, Романовичъ — никто бы не удивился... «Воробьевы Горы» написаны точно какъ будто Венедиктовымъ; въ нихъ есть: «кровель море разливное» (жаль, что не разливанное!), въ нихъ есть стихи: «И до-полюсныя воды у моихъ восплещутъ пятъ», въ нихъ «крадется пламени змѣя»; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ «Двухъ Гробахъ» собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о носилкахъ Карла XII и о вѣнцѣ Наполеона, будто бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

Взманивъ къ себѣ на грудь увѣчаннаго
 змія (?),
 Въ объятіяхъ его замучила Россія,
 И гробомъ стала...

Вы ли это, Майковъ?..

Въ «Двухъ Моряхъ» воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сири) моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: «Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли»(?), «По немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ среброскатый, станица волнѣ не рагуеть во вѣкъ»(?). — Стихотвореніе «В. А. С...» замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этудь. — Въ маленькой поэмѣ «Лафетъ» много ума, есть недурные стихи, но нѣсколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ «рефлектированномъ» произведеніи, не все высчитали, что есть въ немъ: въ немъ есть изысканныя выраженія: «мѣръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія Горы — гордыя врата Европы». — «Молитва Бедуина» была бы очень хороша, если бъ въ ней нѣкоторыя стихи не были такъ тяжелы. — «Горный Ключъ» принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ Майкова, если бъ въ немъ рѣчи не были названы «рѣзвыми нитями земли». Очень недурна пьеска «Кто онъ?» — Къ хорошимъ можно причислить еще: «Призывъ», «Безвѣтріе», «Мысль поэта», «Пѣвцу», «Жизнь», «Мысль», «Заря» и «Е. П. М.».

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что неприятно встрѣтить въ печати и что бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что пьесы, въ родѣ «Воробьевыхъ Горъ» и «Кладбища», написаны Майковымъ давно уже, и мила ему, можетъ быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музы; но мы судимъ о нихъ, какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту — и да приметъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ же радушіемъ и той любовью, съ какими мы даемъ его! — совѣтуемъ беречься изысканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собой ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стоитъ низвергнуть истуканъ, еуже самой слѣбленный (обыкновенно изъ весенняго снѣгу — это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потупленными очами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь великіе поэты, которыхъ слава продолжалась не долѣе трехъ лѣтъ... по крайней мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, ко-

торый такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и изысканными выраженіями, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ Майкова стихъ — просто Пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ—истинный, глубокий и при томъ опытный, искушенный художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однако жъ и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до сихъ поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою.

Пьесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной подвижности поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова пьеса LV, которой не выписываемъ, потому что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая пьеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный свѣтлый
Тревожная—весны младыя грозы, [день;
Тамъ—солнца лучь, и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

На эту пьеску не нужно комментаріевъ; кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости грезъ, тотъ будетъ—«царства дивнаго всеисильный властелинъ»... Но перлы неантологическихъ стихотвореній Майкова это—«Ангель и Демонъ» и «Раздумье». Вотъ первое:

Подъемяютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;

Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жъ уступить
Въ пылы рожденныхъ человѣкъ:
Вънечь ли вѣчныхъ пальмъ онъ купить,
Иль чашу временную вѣгъ?
Господень ангель тихъ и ясенъ:
Его живить смиренья лучъ;
Но пышный (?) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и въразила это необъятное содержаніе: чего-то недостаетъ, что-то не договорено; эпитетъ «пышный» неудовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже «гордый» больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. Зато «Раздумье»—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ оно поражаетъ содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларь
Ведеть спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!..
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Везъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба,
А здѣсь рука его на жертвенникъ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртой обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
И втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятежномъ
И, крылья распустивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многого надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрывать отъ участи, столь полной обаятельнаго счастья, и питать въ молодой груди желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запыхаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

РѢчь о критикѣ.

Произнесенная въ собраніи С.-Петербургскаго университета, 25-го марта 1842 года, экстра-ординарнымъ профессоромъ А. Никитенко. Спб. 1842.

1.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подлежитъ критикѣ, даже сама критика. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе; но оно дѣйствуетъ такъ не въ смыслѣ и въ духъ прошедшаго вѣка, который, почти до конца своего, умѣлъ только разрушать, не умѣя созидать; напротивъ, наше время алчетъ убѣжденій, томится голодомъ истины. Оно готово принять всякую живую мысль, предлониться передъ всякимъ живымъ явленіемъ; но оно не спѣшитъ имъ навстрѣчу, а спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ безъ страсти и увлеченія. Боясь разочарованія, оно боится и очаровываться на-скоро. Какъ будто враждебно смотритъ нашъ, закаленный въ буряхъ ученій и событій, вѣкъ на все новое, которое претендуетъ замѣнить ему неудовлетворяющее его старое; но эта враждебность есть въ сущности только благоразумная осторожность, плодъ тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и восхищается какъ будто холодно; но эта холодность у него не въ сердцѣ, а только въ манерѣ; она—признакъ не старости, а возмужалости. Скажемъ болѣе: эта холодность есть сосредоточенность внутренняго восторга, плодъ самообладанія, умѣющаго видѣть всему настоящее мѣсто и настоящія границы, равно презирающаго и искусственную, на живую нитку смѣтанную золотую середину—этого идола посредственности, и фанатическое увлеченіе крайностями, этой болѣзни одностороннихъ умовъ. И это покажетъ намъ очень естественнымъ, когда вспомнимъ, что послѣдняя половина прошедшаго и еще некончившаяся половина настоящаго вѣка могутъ многие изъ своихъ дней назвать вѣками: такъ много въ продолженіе ихъ было испытано и пережито человѣчествомъ. Юноша на все бросается горячо и опрометчиво: ему ничего не стоитъ пасть на колѣни, воздѣть руки горѣ и обоготворить то, къ чему черезъ минуту онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искушенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія, и если что выдержитъ его строгое, холодное изслѣдованіе, то уже не на-мигъ овладѣетъ его любовью и уваженіемъ. Возмужалый человекъ доволенъ чувствомъ, и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе; онъ

дорожитъ имъ для него самого, и скорѣе постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все любитъ для восторга, и восторгъ давить и рветъ грудь ему, если онъ не сообщитъ его другимъ. На нашъ вѣкъ много нападокъ, и весьма справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то нерѣшимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ страстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ перехода, вѣкъ, котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошедшаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная, куда двинуться. Все это правда; но въ то же время правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнить и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль паладина среднихъ вѣковъ, жить мечтами и ломать копыя за невѣдомую красоту, или, подобно донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульциней, за неимѣніемъ въ наличности красоты, дѣйствительно существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженные времена той фантастической эпохи челоуѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣты на всѣ его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Миръ возмужалъ: ему нуженъ не пестрый калейдоскопъ воображенія, а микроскопъ и телескопъ разума, сближающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. Дѣйствительность—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить вытекать Нигеръ изъ облаковъ или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуютъ жизнью изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка открытъ песчаную пустыню, дѣйствительно существующую, болѣе важное приобрѣтеніе, чѣмъ вѣрить существованію Эльдорадо, котораго не видали ничьи смертныя очи. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи, дѣйствительно существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ

Эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ заблужденій, ребяческихъ погрешекъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ лжей. Если бы ложь предстала передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины и съ улыбкой манила его въ свои роскошныя объятія, а истина—въ видѣ страшнаго остова смерти, летящаго на гигантскомъ конѣ съ косою въ рукахъ — онъ отвергся бы, съ презрѣніемъ и ненавистью, отъ обольстительнаго призрака, и бросился бы въ мертвыя объятія остова... Ему лучше ощутить себя въ дѣйствительныхъ объятіяхъ страшной смерти духа, чѣмъ схватить въ свои руки призракъ, долженствующій исчезнуть при первомъ къ нему прикосновеніи... И это со-всѣмъ не скептицизмъ; это, напротивъ, обожествленіе истины, которая можетъ быть страшна только для ограниченности индивидуальнаго человѣка, а сама въ себѣ есть вѣчная красота и вѣчное блаженство. Скептицизмъ отчаивается въ истинѣ и не ищетъ ея; нашъ вѣкъ — весь вопросъ, весь стремленіе, весь исканіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится лжи, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину.

И однако жъ человѣкъ всегда стремился къ познанію истины, слѣдовательно всегда мыслить, изслѣдовалъ, повѣрялъ. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно: оно всегда находилось подъ влияніемъ его непосредственнаго созерцанія или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освобождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ея полнотою новой жизни. Такъ, въ Греціи сначала всѣ явленія дѣйствительности, фантастически представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастическими же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ влияніемъ фантазіи и чувства. И эта фантастическая дѣйствительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фантастическіе средніе вѣка философія была чѣмъ-то въ родѣ кабалистики, химія — алхиміей, астрономія — астрологіей, исторія — романомъ, географія — волшебной сказкой. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазіи принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одинъ и самъ по себѣ онъ долженъ страшиться собственной силы, ко-

торая увлекла бы его къ исключительности и односторонности. И потому въ XIX вѣкѣ разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіей; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ влияніемъ. И теперь разумъ во всемъ ищетъ самого себя и только то признаетъ дѣйствительнымъ, въ чемъ находитъ самого себя. Этимъ наше время рѣзко отличилось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всѣмъ воспреобладалъ: для него уже ничто не есть болѣе само себѣ цѣль, но все должно отъ него получать утвержденіе своей самостоятельности и дѣйствительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему, приводящіе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія, средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы сказали, что разумъ тогда только признаетъ извѣстную истину, ученіе или явленіе дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого ему только одинъ путь и одно средство — разведеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собой данную истину или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобы опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобы оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только таяя явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего и объявляетъ ихъ только эмпирически существующими, но не дѣйствительными. Этого процессъ и называется «критикой». Многіе подъ критикой разумѣютъ или оужденіе разсматриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худого: — самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосредственнаго чувства или индивидуальнаго убѣжденія: судъ принадлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя обще-человѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: «мнѣ нравится, мнѣ не нравится» могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кушаньяхъ, винахъ, рысакахъ, гончихъ собакъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о влияніяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности, — тамъ всякое я, которое судитъ самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ или мнѣніи, напоминаетъ собой несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который съ бумаж-

ной короной на головѣ величаво и благоуспѣшно править своимъ воображаемымъ народомъ, казнить и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо никто ему не мѣшаетъ въ этомъ невинномъ занятіи. Критиковать—значитъ искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и чрезъ которые оно могло быть, и опредѣлять степень живого, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ какъ бываютъ явленія, вполне выражающія общее въ частномъ, идеалъ—въ конечной, и бываютъ явленія, только въ извѣстной степени выражающія это единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія, только претендующія на это единство, въ самомъ же дѣлѣ совершенно чуждыя ему; слѣдовательно, и критика не только безусловно хулить или только похваливаетъ и побраниваетъ, но иногда ограничивается одной похвалой. У насъ, на Руси, особенно критика получила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать—для многихъ значить ругать, а критика одно и то же съ ругательной статьей. Мало того: критикой называютъ и сатиру, и пасквиль, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикой называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику—все равно, что правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карой, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ея имя и употребляется больше только въ отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ греческаго слова, означающаго «судить»; слѣдовательно, въ обширномъ значеніи, критика есть то же, что «сужденіе». Поэтому есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ наукъ, исторіи, нравственности, и пр. Лютеръ, напримѣръ, былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ—критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соотвѣтственна тѣмъ явленіямъ, о которыхъ судитъ: поэтому она есть сознание дѣйствительности. Такъ, напримѣръ, что такое Буало, Баттё, Лагарпъ? Отчетливое сознание того, что непосредственно (какъ явленіе, какъ дѣйствительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнея, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени. То и другое—равно сознание эпохи; но критика есть сознание философское, а искусство—сознание непосредственное. Содержаніе того и другого—одно и то же; разница только въ формѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заклю-

чается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслящее и судящее, слѣдовательно, критикующее время. Въ критикѣ нашего времени болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что такое само искусство нашего времени?—Сужденіе, анализъ общества, слѣдовательно, критика. Мыслительный элементъ теперь слился даже съ художественнымъ,—и для нашего времени мертвое художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія или дионимбъ восторга, если оно не есть вопросъ или отвѣтъ на вопросъ. Удивляться ли послѣ этого, что критика есть самовластная царица современнаго уместивнаго міра? Теперь вопросъ о томъ, что скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важенъ самаго великаго произведенія. Что бы и какъ бы ни сказали о немъ,—повѣрьте, это прочтется прежде всего, возбудитъ страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться—мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулъ бы, кто сказалъ бы, что такое-то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ наслажденіи, не изслѣдовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства—мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ массахъ.

Въ Россіи пока еще существуетъ только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придаетъ ей еще болѣе интересъ и болѣе важную роль. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще только въ искусствѣ и литературѣ, а слѣдовательно, въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интеллектуальное сознаніе нашего общества. Поэтому нисколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ, официально избранный быть органомъ годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи критику. Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе современнаго и болѣе близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнью и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ, отправляемыхъ въдобавокъ на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколькихъ сотъ, присутствующихъ на торжественномъ

собрании. Не менѣе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бывають люди, умѣющіе соединить интересъ предмета и основательность, глубокость взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Этимъ умѣнемъ вполне обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи Никитенко, какъ и все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и отличаются особенной красотой выраженія. Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ Никитенко во всемъ, что составляетъ основаніе или частности его идей; но каждый, даже и не соглашаясь съ ними вполне, прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, вызывающими на размышленіе, поражающими умъ. Парадоксъ или явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мыслями. Опровергають то, что считаютъ ложью; спорять о томъ, что обѣ стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважають. Опровергающій мнѣніе считаетъ себя безусловно правымъ; спорящій старается быть правымъ, но почитаетъ побѣду столько же возможной и для противной стороны, какъ и для самого себя. Судъ побѣды предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія) достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и краснорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ, — и какъ случаю поговорить о дѣлѣ. Сверхъ того предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу, — истинное наслажденіе.

Съ первыхъ же строкъ «Рѣчи» поражаютъ читателя и блескъ ея изложенія, и ея живые мотивы, такъ сказать, животрепещущіе интересомъ современности. Ораторъ разсматриваетъ крикиву только въ отношеніи къ искусству и опредѣляетъ ее «судомъ разума надъ творчествомъ».

„Но (говоритъ онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшей, первоначальной властью міра, совершительницей жизни и судьей ея? Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій! То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силой, воздвигающей вещи?... И какъ заглянуть въ нѣдра вулкана или въ лицо солнцу, чтобъ спросить у нихъ: „За чѣмъ эти непріязненные тревоги веществъ, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія, за чѣмъ это сіяніе?“

или сказать имъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“. Суетны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другого отаыва, кромѣ жизни или смерти.

„И точно, есть творчество, неподвластное суду и приговору разума человѣческаго! Это творчество природы. У нея нѣтъ раззорѣчащаго смысла въ требованіи и рѣшеніи; нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что есть, то и должно быть, и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развита, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка все свое, все имъ подобающее; ничѣмъ другимъ и ничѣмъ большимъ они уже не могутъ быть. Цвѣтокъ раскинулся во всемъ блескѣ роскошной красоты или неожиданно поникъ юношескимъ вѣяніемъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ сѣвера — законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силы — и нѣтъ другого приговора событію, какъ „оно свершилось“.

Съ этимъ нельзя вполне согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: духъ или разумъ, произведннй природу, выше природы, слѣдовательно, можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобы произнести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: «вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе», но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи, что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ быть не можетъ. «Что значатъ блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родитъ только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силой, воздвигающей вещи?..» Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа — что же она такое, если не самыя эти блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія, воплотившіяся въ живые образы, — изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ дѣйствительности?.. Понятія родятъ не тѣни — тѣни родитъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзаетъ состязаться съ силой, имъ же самимъ рожденной? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышащей матеріи? Если бы разумъ, судя о природѣ, т. е. приводя для себя въ сознаніе его же собственные законы, ея выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то могло бы быть иначе, — онъ этимъ пришелъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой, отреся бы отъ самого себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ собой. Природа есть нѣчто мертвое, несуществующее само для себя: только духъ человѣческой знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты, что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческой знаетъ все это и блаженствуетъ въ своемъ знаніи. Зеркало отражаетъ въ себѣ стояще противъ него

предметы, но не видятъ ихъ, и для него все равно отражать ихъ, или нѣтъ; важность и неважность такого вопроса существуетъ только для человѣка. Умри на землѣ человечество—и земли больше не будетъ, хоть бы она и осталась такой или еще и лучшей, чѣмъ была при человечествѣ: ея не будетъ, потому что некому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобъ духъ, или разумъ, только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растеній зелены? имъ слѣдовало бы быть голубыми; зачѣмъ дубъ высокъ, а розанъ низокъ? и т. п. Онъ знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны; онъ не претендуетъ измѣнять ихъ; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ же, онъ измѣняетъ климаты, осушаетъ болота и тундры, утучняетъ песчанья степи, и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течь водѣ тамъ, гдѣ ея не было, и каналами соединяетъ развѣединенныя природой моря, озера и рѣки; цвѣтокъ, взлелѣянный имъ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка дико-растущаго; вода и вѣтеръ покорно работаютъ на его машинахъ, мелютъ и пилятъ; пары съ быстротой молніи носятъ его по сушѣ и по морю; обезоруженные громы минуютъ его жилища и зданія; онъ побѣдилъ и время, и пространство; онъ—царь природы, повелѣвающій ея въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственныхъ законовъ. Совѣмъ иное видитъ ораторъ въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Съ этимъ опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ, дѣло можетъ быть понято и такъ, и иначе, смотря по тому, съ какой стороны на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведение природы, на какой бы ступени ея ни стояло оно, совершенно въ отношеніи къ самому себѣ, тогда какъ произведенія искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что теряетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низшую степень искусства въ отношеніи къ природѣ: это значитъ, что искусство развивается свободно, а природа неподвижно заключена въ математическіе законы своего существованія. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому животныя чужды заблужденій, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человѣкъ. При томъ же переходящее въ созданныхъ искусства есть ошибка не творящаго духа художника, а времени, въ которое онъ дѣйствовалъ. То, что мы отвергаемъ въ такихъ произведеніяхъ, отвергаемъ не какъ

ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее нѣкогда истиннымъ; слѣдовательно, отвергаемъ форму не за форму, а за ея содержаніе. Сознательное творчество не можетъ не быть выше бессознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божія, то развѣ не она же является и въ дѣйствіяхъ разумной воли человѣка, и развѣ человѣкъ творитъ великое отъ себя и собой, а не Богомъ и черезъ Бога?.. Только въ неразумныхъ дѣйствіяхъ своей воли личностно-человѣческая является самостоятельной и отпавшей отъ божественнаго источника, въ которомъ ея жизнь и сила: но тогда-то она и является ничтожной, случайной, безсильной и униженной.

«Творчество человѣческое есть только безпрерывно повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества—идею полноты и совершенства жизни», говоритъ ораторъ. Опредѣленіе справедливое, но, смѣемъ думать, не совсѣмъ полное и удовлетворительное. Во-первыхъ, идеи «полноты и совершенства жизни» не должны быть смѣшиваемы съ идеей «изящества» и «красоты», особенно если эта «полнота и совершенство жизни» не опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ. Во-вторыхъ, изящество и красота еще не все въ искусствѣ. Мы сами были нѣкогда жаркими послѣдователями идеи красоты, какъ не только одинаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства, и красота для красоты, самоцѣльность искусства, бываетъ всегда первымъ моментомъ этого процесса. Миновавъ этотъ моментъ—значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ—значитъ односторонне понять искусство. Все живое движется и развивается; понятіе объ искусствѣ не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная. Заключая въ себѣ много сторонъ, оно требуетъ развитія во времени каждой изъ нихъ прежде, чѣмъ дастся въ своей полнотѣ и цѣлостности. Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейти къ высшей, не значитъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно истинно, а совсѣмъ не потому, что оно наше. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣ истиннымъ, онъ уже не долженъ назвать его своимъ: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію и будетъ называть «своимъ» ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; они заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно, и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказав-

шись отъ одного убѣжденія въ пользу другого, забывая, что это другое есть истина, и что истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ расчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло...

Что красота есть необходимое условіе искусства, что безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства—это аксіома. Но съ одной красотой искусство еще не далеко уйдетъ, особенно въ наше время. Красота есть необходимое условіе всякаго чувственного проявленія идеи. Это мы видимъ въ природѣ, въ которой все прекрасно, исключая только тѣ уродливыя явленія, которыя сама природа оставила недоконченными и спрятала ихъ во мракѣ земли и воды (моллюски, черви, инфузоріи, и т. п.). Но намъ мало красоты эмпирической дѣйствительности: любуясь ею, мы все-таки требуемъ другой красоты и отказываемъ въ названіи искусства самому точному копированію природы, самой удачной поддѣлкѣ подъ ея произведенія. Мы называемъ это ремесломъ. Какая же та красота, которой жаждетъ нашъ духъ, неудовлетворяющийся красотой природы, и которой мы требуемъ отъ искусства? Красота міра идеальнаго, міра безплотнаго, міра разума, гдѣ отъ вѣка заключены всѣ прототипы живыхъ образовъ, откуда исходитъ все реально-существенное. Слѣдовательно, красота есть дщерь разума, какъ Афродита—дщерь Зевеса. Но у грековъ, несмотря на это подчиненіе красоты разуму, красота болѣе, чѣмъ у какого-нибудь другого народа, имѣла самостоятельное, абсолютное значеніе. Они все созерцали подъ преобладающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ было искусство, но преимуществу имѣвшее цѣлью красоту—вааніе. Впрочемъ, и сами греки отдѣляли красоту отъ другихъ сторонъ бытія и обожествили ее только въ идеальномъ образѣ Афродиты. Красота Зевеса есть красота царственнаго величія міродержавнаго разума; красота другихъ боговъ также выражаетъ и еще какую-нибудь идею, кромѣ красоты. Что же касается до ихъ поэзіи, въ ея прекрасныхъ образахъ выражалось цѣлое содержаніе эллинской жизни, куда входила и религія, и нравственность, и наука, и мудрость, и исторія, и политика, и общественность. Красота безусловная, абсолютная, красота какъ красота, выражалась только въ Афродитѣ, которую вполне могло выражать только вааніе. Слѣдовательно, даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобы цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Содержаніе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически рѣшаемый.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви; ее могла выразить только живопись, но ужъ никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно, она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово «средство» не должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму проявленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты. И тотъ бы жестоко обманулся, кто думалъ бы видѣть въ представительствѣ новѣйшаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основавшихъ себѣ свой собственный фантастическій міръ среди современной имъ дѣйствительности. Вальтеръ-Скоттъ своими романами рѣшилъ задачу связи исторической жизни съ частной. Онъ—живописецъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыя онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной, домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, не написавшій не только ни одного романа—даже ни одной повѣсти, съ признательностью ученика называетъ Вальтеръ-Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка—значило гениально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гёте—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гёте, вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой природы и аскетическаго образа возрѣнія на міръ, Гёте еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, для себя: не требуя ничего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дані духу времени: его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные во-

просы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго челоѣка нашего времени; его «Прометей» дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности, Куперъ болѣе другихъ держится въ чисто-художественной сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выработала изъ себя элементовъ для современной поэзіи. Впрочемъ, какъ живой челоѣкъ, а не птица, поющая для себя, Куперъ взялъ возможно полную дань съ жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе «Шпіона» составляетъ борьба его отечества за независимость; въ «Американскихъ Пуританахъ», въ «Эвѣ Эффингемъ» и другихъ романахъ онъ касается разныхъ сторонъ невыформировавшейся гражданственности страны будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, не имѣющій ничего общаго съ исторической и философической дѣятельностью современности, если она вообразить, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смунать ея таинственныхъ ясновидѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ, для подтвержденія этой истины, современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жаненъ, Сю, де-Виньи—конечно, не громадные таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все же это люди замѣчательно-даровитые. И что же?—они не успѣли еще и состарѣться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинной славой, не прибавляя къ ея увядающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка; а другіе стали во Франціи то же самое, что у насъ теперь иные нравоописательные и нравственно-сатирические сочинители:—горе-богатыри, модели для карикатуръ, мишень для насмѣшекъ критики. Отчего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались?—Оттого, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь: талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали, что пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушной искренностью—результатомъ безсозна-

тельности и мелкости ихъ натуръ—выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія—за мудрость, и гордились тѣмъ, что это прекрасное общество нашло въ нихъ достойныхъ выразителей. Послѣ нихъ явились другіе даровитые люди—Сулѣ, Бернаръ и пр. Но что же?—читая повѣсть, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ геніевъ, вы удивляетесь необыкновенному таланту разсказа, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изложенія; читаете ее съ наслажденіемъ, и—забываете завтра же, какъ кушанье, о которомъ помнить только тогда, когда ѣдятъ его.—Отчего это?—Оттого, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрины, ни началъ; оттого, что они пишутъ для того только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только внѣшними узами, а не духовнымъ родствомъ, основаннымъ на общности къ идеѣ вѣка и общества. Общество въ свою очередь смотритъ на нихъ, какъ на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ, не любя, не ненавидя, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ скоро они наскучатъ ему и какъ скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокусъ-покусами. Не такое зрѣлище представляетъ собой гениальная женщина, избѣстная подъ именемъ Жоржъ-Занда. Это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать, какъ челоѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ. И—что еще болѣе доказываетъ истину нашего убѣжденія—всѣ такіе таланты замѣчательны еще и какъ характеры нравственные, энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіей къ челоѣчеству, любовью къ истинѣ. И это очень естественно: только птица поетъ оттого, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть «птицы»: они счастливы, если имъ поется; они выше челоѣчества, выше

своихъ страждущихъ братій, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опозитизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности... Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія, и что искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія...

Переходя собственно къ критикѣ, какъ къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на личную, аналитическую и философскую, или по преимуществу художественную.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлять на два рода—искреннюю и пристрастную. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная ни о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все выводятъ изъ себя, опираясь на собственныя воззрѣнія и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ человѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душой,—въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но смѣшанные со множествомъ парадоксовъ, давно остывшихъ основаній, давно забытыхъ заблужденій (ибо человѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Такіе критики иногда встрѣчаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ фельетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализированнымъ чрезъ невѣдѣніе дарованіямъ. Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ, еще и человѣкъ ограниченный,—то берите его скорѣе въ фельетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятъ со стороны грамматики и опечатокъ, и, ради всего святаго, упражняйте ихъ больше въ объявленія о табачныхъ и кондитерскихъ лавочкахъ, о ножовщикахъ и водоочистительныхъ машинахъ. Это литературная тля, о которой не стоить и говорить... Разсуждая о личной критикѣ, ораторъ разумѣетъ

исключительно лично-пристрастную критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ общими чертами,—чему причиной, разумѣется, официальный характеръ торжества, подавшаго поводъ въ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критики, отличающейся вдругъ и невѣжествомъ, и ограниченностью, мы называли тлею, то витязей пристрастно-личной критики можно назвать саранчой литературной. Здѣсь чѣмъ умѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества; его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикой, увѣряя ее, что умъ «надуваетъ» человѣчество; что добродѣтель есть полезный предрасудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, «надувшій» грековъ своимъ мнимымъ демономъ; прославляя имъ посредственность и наглою ложью унижая истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ злѣбъ и глупости своихъ враговъ и т. п. Впрочемъ, такимъ критикамъ и такой критикѣ, вѣрно, будутъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ Никитенко.

Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣлитъ на аналитическую и философскую, или по преимуществу художественную.

„Не такова, мм. гг., истинная критика, органъ бюстительнаго разума, приводящаго въ гармонію человѣческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, проносящая судъ торжественный и всенародный надъ дѣломъ, предвозвѣстница приговора потомства, драгоцѣнная награда дарованія, кара неліцепріятная бездарности, стражъ народнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитической, она изслѣдуетъ стихіи, изъ которыхъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта, и условия ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его генія, направленія, взгляда на вещи; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему писателя, степень принимаемаго имъ участія въ движеніяхъ современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматриваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, которыми авторъ дѣйствуетъ для достиженія своей цѣли и изъясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, завітная мысль его созданія, что принадлежитъ въ ней его свободному художническому воззрѣнію на вещи и что принадлежитъ набыту случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, какія изъ этихъ понятій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, и какія должно при-

лагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи—въ творчествѣ умственномъ...

„Аналитическая критика однако жъ не удивляетъ еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ, что такое самое твореніе. „Вы, возражать мнѣ, видите его предъ собой раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ—чего жъ болѣе?“—Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное—это отношеніе къ идеѣ красоты. Видѣ оно для нея и существуетъ, всѣ творческія операціи, которыя аналитической критикой такъ хорошо намъ раскрыты, именно для нея и предприняты. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшаетъ.

„Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вѣщами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войти въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, если бы оно не соединялось также узами съ тѣмъ, что выше вещей—съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неизгладимую фizioномію? Одно становится заслугой въ наукѣ, потому что его направляетъ идея истины; другое приобретаетъ значеніе въ искусствѣ, потому что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается, наконецъ, къ идеѣ изящнаго и становится вполне художественной... Критика—наперсница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, которымъ она принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и достолавно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы—искусство и духъ общественный,—опираются на ея мудрость и правоту: одно ввѣряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе—славу, другой—честь и достоинство своихъ чувствованій.“

Нельзя не согласиться въ сущности со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, критика аналитическая, какъ называютъ ее ораторы, или историческая, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство или, еще скорѣе, оплодотворить критику. Каждое произведеніе искусства непременно должно разсматриваться въ отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности и въ отношеніяхъ художника къ обществу: разсмотрѣніе его жизни, характера и т. п. также могутъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ кри-

тики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стоитъ исторической критики; ибо, если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью,—оно все еще можетъ имѣть хотя одностороннее, относительное достоинство; но если, при живыхъ современныхъ интересахъ, оно не ознаменовано печатью творчества и свободнаго вдохновенія, то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности, и самая жизненность его интересовъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ бессмысленна и нелѣпа. Изъ этого прямо выходитъ, что не для чего и раздѣлять критику, на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать за ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слагается дѣйствительность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетической, и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ односторонняя, а слѣдовательно, и ложна. Критика должна быть одна, и разносторонность взглядовъ должна выхлѣбать у нея изъ одного общаго источника, изъ одной системы, изъ одного созерцанія искусства. Это и будетъ критикой нашего времени, въ которомъ многосложность элементовъ ведетъ не къ дробности и частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до слова «аналитическій»,—оно происходитъ отъ слова «анализъ», означающаго разборъ, разложеніе, которые составляютъ свойство всякой критики, какая бы ни была она, историческая или художественная.

Насъ спросятъ: какимъ образомъ въ одной и той же критикѣ могутъ органически слиться два различныя воззрѣнія, историческое и художественное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ въ одно и то же время свободно слѣдовалъ своему вдохновенію и служилъ духу современности, не смѣя выйти изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма легко рѣшить и теоретически, и исторически. Каждый человѣкъ, а слѣдовательно, и поэтъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вліяніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которой живетъ окружающее его общество. Отъ этого онъ дѣлается французомъ, нѣмцемъ, русскимъ, и т. д.; отъ этого онъ, родившись, напримѣръ, въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло—жечь на кострахъ людей, думающихъ такъ, какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религиозно убѣжденъ, что никого не должно жечь и рѣзать, что дѣло общества не мстить наказаніемъ за

проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что удовлетворится и оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но человѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлыя шесть вѣковъ, въ продолженіе которыхъ развивалось въ своихъ моментахъ его понятіе объ истинности, и въ каждомъ изъ этихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ моментомъ развитія обще-человѣческой истины; а этотъ-то моментъ и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающей страстью (паэосомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отчего европейскіе живописцы среднихъ вѣковъ писали все мадонны да святыхъ?—Оттого, что религіозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ возстановленію религіозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. «Но, — скажутъ намъ:—если нельзя выйти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духъ своего времени, а слѣдовательно, нечего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ.»—Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія—въ обществахъ, которыхъ понятія диаметрально противоположны ихъ дѣйствительности, которыхъ учать въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигіозности, распадѣнія, разединенія, индивидуальности и—ея необходимаго слѣдствія—эгоизма: къ несчастью, слишкомъ рѣзкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми преданіями, которымъ болѣе не вѣрятъ, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукой, выработавшимся изъ историческихъ движеній,—при такомъ состояніи обществъ иногда самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одиногими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются жрецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ, видно, должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другія — и это, увы! часто лучшія — убѣгаютъ во внутрь себя, съ отчаяніемъ махнувъ рукой на эту оскорбляющую чув-

ство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ вмѣстѣ съ другими искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себя начало, доктрину, правило жизни, наконецъ, догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который, извольте видѣть, не стоитъ ихъ страданій и ихъ радостей; засѣвъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь расцвѣченныя стекла, они поютъ какъ птицы... Боже мой! человѣкъ дѣлается птицей! Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ возрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Что же изъ этого должно было выйти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ гениевъ, маленькихъ великихъ людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумятъ, пошумятъ, да и замолкнутъ, скончавшись вмадь еще прежде своей смерти, часто во цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собой проявится во внѣ. Когда человѣкъ сильно потрясенъ страстью, исключительно занятъ одной мыслью,—все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторяется у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ видѣніяхъ своихъ повторяющимъ святая думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтельно или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого. Человѣчество дошло,

налопецъ, до такихъ убѣжденій, которыхъ нечестные люди, уже изъ собственныхъ видѣнь, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не повѣрило бы, ибо въ нихъ самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идеи...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику и разсмотрѣвъ «Рѣчь», подавшую поводъ къ этой статьѣ, — сдѣлаемъ историческое обзорѣніе русской критики отъ начала ея до нашего времени.

II.

Обозрѣть историческій ходъ и развитіе русской критики — значитъ обзорѣть, въ общихъ чертахъ, исторію русской литературы, ибо, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, содержаніе критики, какъ сужденія, есть то же самое, что и содержаніе литературы, какъ судимаго; вся разница въ формѣ. Художникъ и литераторъ выражаютъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ непосредственно, самими твореніями своими; критикъ выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ чрезъ посредство мысли сознательно. Въ этомъ случаѣ искусство и литература идутъ объ руку съ критикой и оказываютъ взаимное дѣйствіе другъ на друга. Если новый геній открываетъ міру новую сферу въ искусствѣ и оставляетъ за собой господствующую критику, нанося ей тѣмъ смертельный ударъ, то, въ свою очередь, и движеніе мысли, совершающееся въ критикѣ, приготовляетъ новое искусство, опережая и убивая старое. Такое явленіе было въ Германіи, гдѣ литературный переворотъ совершился не чрезъ великаго поэта, а чрезъ умнаго, энергическаго критика — Лессинга. Такъ-называемая романтическая школа или юная литература Франціи водрузила свои побѣдоносныя знамена на завоеванной ею у псевдоклассицизма почвѣ едва ли не болѣе при помощи критики, чѣмъ собственными усиліями. Жаненъ, нѣкогда столь даровитый, а теперь столь пустой фельетонный крикунъ, горячо сражался противъ мертвой литературы имперіи еще прежде, чѣмъ написалъ своей романъ «Мертвый оселъ и гильотинированная женщина». И этотъ союзъ искусства съ критикой со дня на день становится тѣснѣе и неразрывнѣе. Оттого теперь искусство становится мысленіемъ въ образахъ, а критика — искусствомъ.

Русская литература была не плодомъ развитія національнаго духа, а плодомъ реформы. Хотя Петръ Великій ничего не писалъ и не издавалъ, подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не менѣе онъ такъ же творецъ

русской литературы, какъ и творецъ русской цивилизаціи, русскаго просвѣщенія, русскаго величія и славы — словомъ, творецъ новой Россіи. Написать исторію русской литературы, не сказавъ ни слова о Петрѣ Великомъ, — это все равно, что написать о происхожденіи міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ міра. Русь до Петра кипѣла дикими и нестройными силами: его всемогущее «да будетъ!» водворило порядокъ и гармонию въ этомъ хаосѣ, дало боровшимся въ немъ элементамъ опредѣленную форму и указало имъ цѣль. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, слѣдовательно и черезъ него. Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, еслибъ могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совѣтъ не то, что жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сферѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а постороннимъ посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожъ, это можетъ не нравиться только раскольникамъ и старовѣрамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въглубъ явленій, это-то самое и свидѣтельствуеть о колоссальности генія творца новой Россіи. Правда, можно много отсраго и забавнаго наговорить, напримѣръ, о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромтомъ, превращенныхъ въ подобіе цесарскихъ и прусскихъ солдатъ, съ выбритыми бородами, съ пучками на загыляхъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVII вѣка, — объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ заучивали на память нѣмецкую военную терминологию, мудреные нѣмецкіе чины и званія; сверхъ того нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но зато битва подъ Лѣснымъ заставляетъ разумниковъ призадуматься, смѣшаться, прикусить язычокъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у генія своя логика, свой здравый смыслъ, свое ясновидѣніе дѣйствительности, которые чѣмъ менѣе подходятъ подъ сужденія толпы, тѣмъ истиннѣе и дѣйствительнѣе. Реформа, повидимому, чисто внѣшняя, повидимому, состоявшая только въ формахъ, могла назваться странной не только для русскихъ, бывшихъ ея жертвой, но и для тогдашней Европы; теорія и практика, умозрѣніе и опытъ — все, повидимому, было противъ нея. Несчастное нарвское дѣло походило на по-

рывъ урагана, слувшій со стола карточный домикъ; оно всѣхъ убѣждало въ невозможности улучшеній,—всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но поць Лѣснымъ обстоятельства перемѣняются, и для непріятели настаеъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разыгралась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литератъ, которымъ нечего было выражать собой; о заведенныхъ имъ типографіяхъ, которымъ нечего было печатать; о вышнихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще негдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи Наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ; словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между тѣмъ это и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей, безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени ни стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ являться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не въ состояніи были сдѣлать шагу? А теперь мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо слѣдить за успѣхами въ Европѣ наукъ, искусствъ и промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведенія того и другого и третьяго, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся въ иностранцахъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такіе случаи уже кажутся теперь исключеніями изъ общаго правила.

Не менѣе дѣльнаго, умнаго и остраго можно наговорить (да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребностей общества, а изъ слѣпотаго подражанія иностраннымъ литературамъ. И чего бы въ самомъ дѣлѣ можно было ожидать отъ этого сколка, списка, отъ этой копии съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертваго, бездушнаго, слѣпотаго подражанія и передразниванія чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между тѣмъ мы гордимся именами (конечно, еще не многими) національныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ—Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... А между тѣмъ наша литература имѣла на общество великое и благотѣльное вліаніе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣчественнаго образованія...

Странное дѣло! какъ же такіа живыя слѣдствія могли выйти изъ такой мертвой, чисто внѣшней, отвлеченно-формальной реформы? Здѣсь въ томъ-то и дѣло, что только близорукие, ограниченные люди, да развѣ еще раскольники и старовѣры, поборники ложно-понимаемой народности и дикаго невѣжества, могутъ видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріальнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности,—онъ началъ реформу прежде всего съ себя самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого себя отдать подъ уголовный судъ, если бъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣстницу чиновначалія, былъ солдатомъ, юнгой, и съ такой страстью подчинялся повиновенію, съ какой въ его возрастъ предаются обаянію властвованія. Счастью Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣсто, слѣдовавшее достоинѣйшему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшимъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора и забываютъ колоссально-нравственный и религиозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А наоосъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Если Петръ былъ только необыкновенно умный человекъ, только политическій, а не религиозно-нравственный дѣйствительный реформаторъ, не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религиозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинской гениальностью,—вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность... Но объ этомъ можно было бы написать пѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношеніе къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямого содержанія. Обращаемся къ русской литературѣ, чтобы отъ нея перейти къ русской критикѣ.

Русская литература началась так же, как и русская цивилизация—подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизации, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самобытности и національности, и каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, несмотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только родъ поэзіи, и при томъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящія таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протею. Безъ нихъ не было бы и его, или по крайней мѣрѣ онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости царованія, а въ незрѣлости общества, еще не могшаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника. Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы, напримѣръ, Батюшкова; но, какъ художникъ, Батюшковъ несравненно выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимало поэзію не иначе, какъ торжественной одой на какой бы то ни было случай—на побѣду или просто на иллюминацію, и которое было увѣрено, что поэзія «сладостна и пріятна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое впоследствии господствовало въ русской поэзіи подъ неопредѣленнымъ именемъ элегическаго тона, и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже по этому самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, душевнаго и сердечнаго начала, и оно у него часто проторгалось, но какъ бы противъ его воли, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора, стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ его время языкъ русскій былъ крайне необработанный, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыя заковалъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ, виртуозности стиха никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усѣченія прилагательныхъ, коверканіе словъ, какофонія реченій были зако-

нены самой питкой того времени подъ именемъ «питическихъ вольностей». И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметомъ наслажденія для общества, которое какъ бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ питикъ, по которымъ когда-то училось въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но неужели и въ самомъ дѣлѣ значить унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагоприятное для развитія время? Не думаемъ! И неужели можно унижить великаго человѣка, поставивъ его въ историческую зависимость отъ времени, отъ которой не освобождался ни одинъ гений съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!.. Державинъ—великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ—только для своего времени; а для нашего—едва ли онъ какой-нибудь поэтъ, потому что для насъ мертвы и идеальные мотивы, и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина, да и не его, конечно. И мы не винимъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми.—Жуковский внесъ въ русскую поэзію именно тотъ самый элементъ, котораго не доставало поэзіи Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженнаго въ самомъ себѣ,—вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковского, составляющій и ея непобѣдимую прелесть, и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковский диаметрально противоположенъ Державину,—и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковского суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чуждой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковский—поэтъ не одной своей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ, приготавливающихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но не знающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковского, еще ученика въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзіи; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главной причиной этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣ-

ковъ уже не могла безусловно нравиться юному поколѣнію XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась извѣстной самой Франціи; въ Россіи она могла плѣнять только немногихъ юношей, знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державинымъ его передѣлка одной Шиллеровой пьесы (вѣроятно, съ французскаго перевода или подражанія), названная имъ «Арфой»; не знаемъ также и времени передѣлки извѣстной пьесы Гёте Дмитриевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода или подражанія), названной имъ «Размышленіемъ по случаю грома», — знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патриарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература сдѣлала естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе жизненному источнику питанія — къ нѣмецкой поэзіи. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологу Лира во время бури и отрывокъ изъ «Оссіана»; но о Шекспирѣ, несмотря на то, знали черезъ французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Поупъ, Адиссонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковский первый перевелъ своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ нѣсколько (впрочемъ, очень мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духъ свою «Эоловую арфу», чѣмъ вѣрно передалъ романтическій характеръ англійской поэзіи. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы, — Жуковский далъ большую прочность и дѣйствительность этому знакомству своими переводами изъ Вальтеръ-Скотта, Байрона, Мура, Соути и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обаятельная сила и богатство содержанія, заимствованныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ, поставили его на высокую чреду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Минваны, но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Державинимъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитриевъ, которымъ такъ много обязанъ русскій языкъ и русская версифи-

кація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно новый для нея элементъ: античную художественность, которой, кромѣ его, были чужды всѣ наши поэты — до Пушкина. Душа Батюшкова была по преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перевелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ о живописи. Преобладающій пафосъ его поэзіи — артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ: но эта жажда часто растворяется у него кроткой меланхолей, легкой и свѣтлой грустью. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостью, фантазмъ — радужными образами фантази; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ будто въ граціозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія примиреніемъ дѣйствительнаго, но односторонняго направленія Державина съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковскаго. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ, глубокъ и многостороненъ, или потому, что онъ слишкомъ увлекался вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинской и, кажется, не зналъ греческой поэзіи. По той или другой причинѣ или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзіи вообще бѣдно; самый языкъ обилуетъ усѣченіями и вольностями, а художественность часто борется съ риторикой. Батюшкову дѣйствительно недоставало гениальности, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія своей эпохи. Несчастная болѣзнь парализовала его талантъ и дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзіи взошло ея великое свѣтило, которое не могло бы не имѣть на него сильнаго и благодѣтельнаго вліянія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была поверженіемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзіи. Да, Пушкинъ — первый, даже и по времени, поэтъ русский: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиленіемъ, или стремленіемъ, — въ немъ явилось какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская

натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ национально-русскій поэтъ. Пареніе, возвышенность, сила,—все, что у Державина вспыхиваетъ по временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсной водой риторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, влажность (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ сухости качествѣ), а не преобладаетъ надъ ней: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ уныніемъ—болѣзнью слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душой въ протяжной и разгульной русской пѣснѣ. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не пѣлый аккордъ,—то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ бываетъ въ самой дѣйствительности: вспомните сонъ Татьяны, балладу «Женихъ». Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзіи Пушкина: душа Пушкина была такъ крѣпка и здорова, что не могла подчиниться этому болѣзненному направленію. А между тѣмъ хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковскаго на Пушкина (ибо почва и сфера поэзіи послѣдняго слишкомъ дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго, туманнаго и неопредѣленнаго), однако жъ нельзя отринуть, чтобы Жуковский не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда онъ самъ называетъ его «наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣрнейшей музы». Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по преимуществу артистическая натура; слѣдовательно, Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но что такое стихи Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзіи передъ стихомъ, пластикой и виртуозностью поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности: но какая же безконечная разниа въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзіи! Ужъ нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда национальности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская. Все, что прежде поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ

не имѣлъ; всѣмъ, что обладало прежними поэтами,—всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ ни значитъ, чтобы до него не было поэтовъ, и при томъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выразились постепенныя усилія русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова,—изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественной и самобытной, стремленіе изъ книжной сдѣлаться живой, общественной, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и, можетъ быть, его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ, охолодившее къ нему общество, которое дотолъ безусловно обожало его. Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все было чистый огонь поэзіи. Къ чему ни прикасался онъ—всему давалъ поэтическіе образы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучилъ старинныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ; онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Книжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковскаго и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина,—и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ пьесъ, которыя онъ потомъ передалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что его не узнаешь. Какой тонкій художественный тактъ въ знаніи того, что можно оставить безъ перемѣны, что надо переправить и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! Удивительно ли, что этотъ человекъ какъ будто перестроилъ

вновь и языкъ, и версификацію, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзиннымъ и Дмитриевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ! Стихъ Пушкина—это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго. Искусство какъ искусство, поэзія какъ поэзія на Руси—это дѣло Пушкина. Безъ него не было бы у насъ поэзіи; и это потому, что онъ былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ быть, въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ. И вотъ почему—повторяемъ—отъ него ведемъ мы русскую поэзію и называемъ его первымъ, даже по времени, русскимъ поэтомъ...

Такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и русской литературы: ея исторія, по нашему мнѣнію, есть исторія ея усилій отъ искусственности и подражательности перейти къ естественности и самобытности, изъ книжной сдѣлается живой и общественной. Это продолжается и теперь, но уже въ другой сферѣ—въ сферѣ «возведенія въ перлъ сознанія прозы жизни». И скоро наступитъ время, когда совсѣмъ рѣшится эта задача и кончится эта работа. Уже и теперь замѣтно новое требованіе отъ искусства,—требованіе разумнаго содержанія, которое соответствовало бы историческому духу современности. И уже явился, было, на Руси новый великій поэтъ, въ первыхъ, еще юныхъ и незрѣлыхъ произведеніяхъ котораго проглядывали полнота и богатство глубокаго содержанія, при художественности формы, достойной преемника Пушкина; но преждевременная смерть внезапно рушила надежды, которымъ не было конца и мѣры...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ въ особенности, прибавимъ мы, удѣлъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и литературы, и такъ многіе могутъ теперь думать объ этомъ предметѣ. Въ этомъ случаѣ мы дали нашимъ читателямъ фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики. Дай Богъ, чтобъ это была сторона свѣтлая! Что же до темной,—ея грустной картинной мы заключимъ нашу статью... Теперь же перескажемъ, какъ думали современники о фазисахъ русской литературы, которые мы слегка означили. Это будетъ исторіей русской критики.

Исторія русской критики та же, что и исторія русской поэзіи и литературы: постепенное стремленіе изъ эха господствующихъ въ Европѣ мнѣній перейти въ самобытный взглядъ на искусство. Поэтому русская критика также носить въ себѣ эле-

менты всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и русская поэзія. Прежде, а отчасти и теперь, это, съ одной стороны, можно ставить ей въ недостатокъ; но со временемъ изъ этого недостатка выйдутъ великія слѣдствія. Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одной изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошлое эклектическое) единство. Можетъ быть, и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, доселѣ исключительно являвшагося только въ западной Европѣ. На этомъ условіи, на обѣщаніи этой великой будущности наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ смиренной, ни слишкомъ незавидной... На томъ же основаніи не будемъ отчаиваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и является то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиной въ рукѣ, то неистовой вакханкой юной французской литературы, съ восторженной рѣчью, блуждающими взорами, бѣшенными движеніями; не будемъ отчаиваться, видя ее въ разноцвѣтной мантии, спитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся, что въ ней есть жизнь и движеніе, что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстоится... Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова; нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмужать, окрѣпнуть и получить собственную, оригинальную физиономію...

Сначала у насъ самовластно царилъ критика французская. Украшенное подражаніе природѣ: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ французовъ XVIII вѣка нашей критикой; отъ себя прибавила она къ нему своего собственнаго—искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стихъ и «питическія вольности». Все это дѣлалось во имя господина Буало, который весьма бы удивился, если бѣ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ, и у насъ были люди, болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь начнемъ съ начала.

Первый свѣтскій поэтъ на Руси былъ Кантемиръ—сатирикъ. Какъ литература искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другого какого-либо рода поэзи, кромѣ сатиры. Причина этого сверхъ того заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба внѣшняго, формально принимаемаго европеизма съ роднымъ, вѣками взлѣбляемымъ, азиатскимъ варварствомъ не могла не вызвать сатиры. Вслѣдствіе этого сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайно, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно полезно. Оттого оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же можно объяснить, почему Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо больший успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ—человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова. Направленіе первого было болѣе ученое и книжное, а второго—болѣе жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть «россійскимъ господиномъ Вольтеромъ», писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему «Димитрію Самозванцу» и въ стдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ—издавалъ «Трудолюбивую Пчелу»... О чемъ не писало, т. е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человѣка! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи—истинное наслажденіе: столько въ нихъ добродушнаго, наивнаго, вѣщаго духомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и забавны, сколько свучны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ей полемическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно-самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Это самое рѣшительно почиталъ себя «россійскимъ господиномъ Вольтеромъ», и кромѣ себя и господина Вольтера никого не хотѣлъ знать, ничьего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ и, получая лестные отвѣты со стороны фернейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе увѣрялся въ своемъ гени и своей всеобъемлемости.

Годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, несмотря на то, что совре-

менники ими восхищались. Однако жъ, никакъ нельзя презирать и судомъ современниковъ, обязанныхъ сочиненіямъ Сумарокова своей грамотностью и—что особенно важно—своей склонностью къ благородному наслажденію чтеніемъ и театромъ. Слѣдовательно, поэтическія сочиненія Сумарокова, и не будучи читаемы, должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы и образованія русскаго общества. Что же касается до собственно литературныхъ статей Сумарокова, онѣ чрезвычайно интересны и для нашего времени, какъ живой отголосокъ давно прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, но порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный.—Сумароковъ все-таки былъ человѣкъ умный и при томъ высокообразованный въ духѣ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много фактовъ о состояніи общества и духѣ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судья не только искусства и литературы, но и мнѣній и нравовъ современнаго ему общества. Поэтому, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойти первого (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненій, гдѣ онъ является критикомъ и полемическимъ мыслителемъ. И мы увѣрены, что послѣ нашихъ указаній многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненіями Сумарокова и пожалѣютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и искаженіями смысла, безъ примѣчаній, и что теперь некому издать всѣхъ сочиненій Сумарокова какъ слѣдуетъ, а главное—съ необходимыми поясненіями и примѣчаніями. Вообще надо замѣтить, что компактнаго дешеваго изданія старинныхъ русскихъ писателей, игравшихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, кото ымъ необходимо знать основательно исторію отечественной литературы и родного языка. Въ царствованіе Екатерины было много пишущаго народа, и однако немногіе пользовались огромной извѣстностью,—знакъ, что въ нихъ было нѣчто, соотвѣтствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть въкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важнѣе человѣка, и самыя заблуде-

нія ея всегда представляют любопытный и поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть бесплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка возстановить славу корифеевъ ихъ юности на счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они слятся соблазнить новое поколѣніе умершей поэзіей прошедшаго; но въ то же время можно уважать имена труженниковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ и способствовали къ произведенію того, что называется «публикой», и безъ чего невозможна никакая литература. Такимъ образомъ желательно было бы видѣть изданіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое, не только Ломоносова (старинныя и неопрятныя, при томъ и не совѣтъ полныя изданія котораго составляютъ теперь библиографическую рѣдкость) или Державина (Смирдинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ бесполезно, ибо въ немъ пьесы расположены по родамъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонвизина (который изданъ Салаевымъ довольно толково, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Каятемира, и Тредьяковскаго, Поповскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Богдановича, Княжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина, Иванова, Макарова и другихъ; еще желательнѣе, чтобъ все это было издано съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издають своихъ старинныхъ писателей французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя при полемическомъ тонѣ характеризуютъ общество его времени. Первое мѣсто между такими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ «Димитрію Самозванцу». Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ называвшейся у насъ встарину «слезной комедіи», что называлась въ Европѣ мелодрамой. Извѣстно, что мелодрамы были въ страшномъ гоненіи въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретики искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими наслажденія, а не по цѣнѣ Буало. Сумароковъ въ свою очередь не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ, «Евгенія», переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что еще болѣе возстановило противъ нея ревниваго ко всякому чу-

жому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы высказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Похваставшись письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свою филиппику слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія «Евгеніи»:

„Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой худо воспитанный и нечистосердечный графъ вѣдъ Лондона распалился красотой дочери нѣкоего небогатаго дворянина и велѣлъ своему слугѣ себя съ ней обвѣнчать; она обрѣзала, а онъ возвратился въ Лондонъ и, помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается на это сочетаніе; первая его супруга пріѣхала въ его домъ: свѣдала, что сожитель ея съ другой бракомъ сочетавается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ, отецъ сердится: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ: наконецъ, сажитель ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ и, вдругъ переимѣнивъ свою систему, опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтрѣ еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію.“

Изъ самаго этого изложенія видно, что пьеса «Евгенія» самая моральная: повѣса раскаивается и бракомъ заглаживаетъ свой проступокъ; но нашъ критикъ никакъ не хочетъ простить ему рукоплесканій московской публики и упорствуетъ видѣть въ немъ злодѣя.

Онъ даже ругнулъ порядкомъ и актрису за то, что она слишкомъ хорошо играла роль Евгеніи. Такіе критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: «Неужели Москва больше повѣритъ подъячему, нежели Вольтеру и мнѣ» и «А ежели ни Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣритъ не захочетъ» и пр. показываютъ достаточно, какъ думалъ Сумароковъ о самомъ себѣ. Въ выходкахъ его самолюбія есть какая-то наивность и достолюбезность: это не столько наглое самохвалство, сколько теплая вѣра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи особенно забавна его статья «Отвѣтъ на критику», которая начинается такъ: «Не надлежало бы мнѣ отвѣтствовать на сочиненную противъ меня г. Т. критику; ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашель; однако надо его потѣшить и что-нибудь на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его такъ много уничтожаю, что ужъ и отвѣчать не хочу.» Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на

эту критику, хорошо характеризующих вообще критику того времени.

„Не дивлюсь, говорить онъ (авторъ критики), что поступка нашего автора безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ бленіемъ сердца“. О какомъ онъ говоритъ бленіи сердца, того я не понимаю, въ прочемъ сія новомодная критика очень преславна!

„Не думаетъ ли онъ,—говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоитъ, и что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ дѣи спустилъ своевольную въ лихости свою музу?“—Думаю...

„И хотя оды свойство, говорить онъ, по мнѣнію автору, что она

Валетаетъ къ небесамъ, свергаетъ во адъ, И мчась въ быстротѣ во всѣ края вселенны, Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны.

(Вторая изъ двухъ моихъ эпистолъ).

Однако *de сіе* не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стороны, какъ угорьбой кошкѣ“. Я какъ угорьблая кошка не суюсь, а подлому изъясненію, какъ угорьбой кошкѣ, кромѣ его сочиненія ни въ какой критикѣ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами:

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать, Искусство, чтобъ свой слогъ неправо предлагать,

Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно И рѣчи бы текли свободно и согласно

(Изъ второй изъ двухъ моихъ эпистолъ.)

Я не знаю, къ кому сіи стихи, ко мнѣ или къ нему, больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поютъ птички

Со синички,

Хвостикомъ машутъ и лисички.

Плюнь на скуку,

Морску суку,

Держись черней и знай штуку,

кажется мнѣ не лутче моихъ сочиненій.“

Изъ послѣдняго возраженія ясно видно, что г. Т., написавшій на Сумарокова такую грозную критику, есть не кто иной, какъ профессоръ эловкенціи, а паче всего хитроостей шитическихъ, бессмертный Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

„Этотъ, эта, это, вмѣсто сей, сія, сіе, почитаю я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова не чужестранныя и не простонародныя: да я жъ кладу (употребляю) ихъ очень рѣдко.

Братіевъ, вмѣсто *братій*. есть вольность же, такъ же *слабствіевъ*, и прочее: а *братіевъ* есть и весьма вольность малая; ибо хотя *братій*, и правильная, нежели *братіевъ*; однако вмѣсто *братіевъ* сокращенно *братіевъ* еще употребительныя, нежели *братій*: згьло, згьло *братіевъ* я згьль въ *угодность* его *положилъ* много. А я употребленію съ такимъ же слѣдую раченіемъ, какъ и правламъ: правильныя слова дѣлаютъ чистоту, а употребительныя слова изъ склада грубость выгоняютъ, напримѣръ: Я люблю сего, а ты любишь другаго—есть правильно, но грубо. Я люблю згова, а ты другаго.—Отъ употребленія и изгнанія трехъ словъ *го* и *заго* слышится пріятнае. Вотъ для чего я это дѣлаю, а не отъ незнанія, какъ гнѣваясь на меня г. Т. говорить изволить.

Кладеть въ порокъ, что я пишу *опять* за *наки*; но прилично ли положить въ ротъ двѣциѣ

семнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *наки*, а *опять* слово совершенно употребительное, и ежели не писать *опять* за *наки*, такъ и *который*, *которая*, *которое* надобно отставить и вмѣсто того употреблять къ превеликому себѣ посмѣшеству не употребительныя нынѣ слова *иже*, *яже*, *еже*, которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и очень будутъ дурны не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ.“

Особенно замѣчательны въ этой антикритикѣ Сумарокова слѣдующія слова объ авторѣ критики, т. е. Тредіаковскомъ: «Меня онъ пуще всѣхъ не любитъ за нѣкоторыя въ одной моей эпистолѣ стихи и за комедію, которые онъ беретъ на свой счетъ. Пускай его беретъ, а я въ томъ, что не къ нему это сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотя бъ то и о немъ было; однако я не говорю, что то о немъ писалъ, можетъ быть, о немъ, а можетъ быть, и не о немъ.» Здѣсь дѣло идетъ о комедіи «Тресотиниусъ», въ которой подъ именемъ педанта Тресотиниуса дѣйствительно выведенъ Тредіаковскій и въ которой, какъ во всѣхъ комедіяхъ Сумарокова, нѣтъ ни нравовъ времени, ни характеровъ, ни комизма, ни остроумія, ни правдоподобія, ни здраваго смысла. Естественно, что Тредіаковскій особенно попалъ на комедію, въ которой увидѣлъ пасквиль на себя.

„Жестоко злобясь и браня меня, говорить онъ, что *Тресотиниусъ* мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиниуса находить онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга; или онъ думаетъ, что у нихъ такой же русской незнающей педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиниуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ по характеру своему взятъ изъ Терентьева „Евнуха“, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо Гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ дацкомъ подлинникѣ онъ не Брамарбасомъ называется.

Хоревъ, говорить онъ, взятъ весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а наипаче изъ Расиновой „Федры“. Это неправда; а что есть въ ней подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, что я укравать не имѣлъ намѣренія; для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ, въ лутчія свои трагедіи взятъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію*... стиховъ, въ *Федру*... стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставить невозможно.

„Гамлетъ“ мой, говорить онъ, не знаю отъ кого услышавъ, переведенъ съ французской прозы Аглинской Шекспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончанія третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣна паданія, на Шекспинову трагедію едва, едва походить.“

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искусства и литературы того времени: взятъ цѣликомъ идею, сюжетъ чужого сочиненія, перевести цѣлыя мѣста изъ него, — это не считалось похищеніемъ и не умаляло цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: французы нещадно обворовывали грековъ, римлянъ, англичанъ и испанцевъ, и изъ этого воровства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться, и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы, составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобъ писать стихи, особенно съ приемами, нужно, если не таланта, то способности по крайней мѣрѣ; чтобъ выдумать сюжетъ поэмы или драмы, нужно было только знать въ подлинникъ или переводѣ произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй—это значило: «сочинять». Даже подражать рабски отечественнымъ писателямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое поэтому онъ и не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духъ своего времени; и будь у него немного побольше вкуса, немного поменьше самолюбія, да владѣй онъ русскимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владѣлъ имъ Ломоносовъ,—то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы въ отношеніи къ тому времени дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьезнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова «О пребываніи въ Москвѣ Монбрана» есть пренаивно выраженное мнѣніе о «заимствованіяхъ». Кто этотъ Монбранъ—не знаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ, какъ образованный французъ, хорошо былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своей болтовней о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами «о бездѣльствахъ Вольтера и маркиза Даржинса и о невѣжествѣ послѣдняго».

„А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говорить Сумароковъ), думая искоренить мое къ Вольтеру и къ Даржинсу почтеніе. А не сбивъ меня съ своей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что Вольтеръ окраживаетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыхалъ. А подражаніе ни которому стихо-

творцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій Вольтера, Расина и Корнелія не таясь заимствовалъ, что изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ Вольтера трагедій съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ Вольтера, котораго трагедіи по достоинству ихъ похвалу себѣ у всей Европы заслужили.“

«Мнѣніе о сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ» есть настоящая критическая статья, кажется, написанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духъ того времени, какъ то показывается и ея заглавіе къ ней:

„Разныя обстоятельства отвратили меня вѣчно отъ театра. Легче было мнѣ расстаться съ Талією, нежели съ прелюбезною моею Мельпоменю; но я нынѣ и о ней рѣдко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила: а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по разлученіи вспоминати мучительно. Но кто отъ мучительнаго сновидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву.“

Затѣмъ Сумароковъ начинаетъ съ «Цинны» Корнелія, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувства и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то де стихъ «преславенъ», а такой-то «скарденъ», что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто «преизящно», а такое-то «гнусно и подло». Сумароковъ, какъ русскій человекъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находить хорошимъ, а другое дурнымъ,—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ переменчивы времена! Хвала особенно четыре стиха изъ «Федры» Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: «Едино сіе явленіе соплело бы вѣчныя Расину лавры, если бъ онъ и ничего болѣе не писалъ!» Разбирая Вольтерова «Брута», критикъ говоритъ: «Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ вашъ назначали (слѣдуетъ выписка семи стиховъ). Брутъ перервалъ Аратову рѣчь по-Вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музы самихъ. Сіе явленіе не одну забаву приноситъ и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе второго дѣйствія вы отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, родъ искусства авторскаго, дабы любопытство зрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было.» Далѣе онъ нашелъ такія красоты въ «Брутѣ», что говорить: «Восхищеніе и пораженіе симъ явле-

ніемъ моего сердца препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовать похвалою французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и, можетъ быть, и моему совмѣстнику, которому я еще больше долженъ, нежели Расинову.» Мнѣніе о «Заирѣ» Вольтера такъ добродушно оригинально или, можетъ быть, такъ ловко и хитро выражено, что его нельзя не выписать вполнѣ:

„Первое явленіе прекрасно, вкуса щегольскова. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Второго дѣйствія первое явленіе хорошо, а паче многократно христіанамъ. Второе явленіе хорошо. Третье явленіе писано весьма хорошо и христіанамъ крайне жалостно. Не плакали во время явленія одни только невѣжи и деисты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣдніе были и тронуты свиданіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія трагедія весьма хороша, но я по нещастію окруженъ былъ беззаконниками, когорые во все время кошувствовали, и ради того вступаяція въ очи мои слезы не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиня драму, авторъ о томъ имѣлъ пощеченіе, дабы христіанскій законъ утвердити въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, сихъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго благопочитанія, которые не примлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія драма съ прямымъ успѣхомъ передъ деистами представлена будетъ, такъ и драма „Магометъ“ въ Константинополь поправится. Брутъ когда-нибудь можетъ войти больше въ моду въ Парижѣ; ибо изъ монархіи республики дѣлаются. А „Заира“ никогда изъ моды не выдетъ; христіанскій законъ не исчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчившагося Бога. Вы здѣлали великое по общему христіанскому мнѣнію дѣло, проповѣдывая и утверждая христіанство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго богопочитанія и уже зараженныхъ людей еще заражаете. Ежели бы вы были деистъ, такъ бы я въ вѣчномъ остался невѣденіи, ради чего вы сію трагедію сочинили. А зная, что вы христіанинъ, вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу по христіанству вѣрность.“

Послѣ одного стиха въ «Альзирѣ» критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ всплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самой Мельпоменой, критику не понравилось то, что Альзира, въ предыдущихъ дѣйствіяхъ «ругавшаяся европейскому о чести разсудку», тутъ говорить о томъ въ другомъ совсѣмъ духѣ. «Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры, и Замира божественны.» Критика заключается разборомъ «Меропы», и послѣднія строки его могутъ служить и resumé, и характеристикой всей критики:

„Нечего отличати: все прекрасно въ сей трагедіи, по сіе время: придемъ къ четвертому явленію третьяго дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, я чувствую, но словами изобразити не могу. Остатокъ дѣйствія прекрасенъ. Четвертое дѣйствіе все весьма прекрасно.

Второе явленіе несравненно. Четвертое явленіе пятаго дѣйствія несравненно, и все дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинна и Аталія кажется мнѣ должны уступить первенство Меропѣ и Федрѣ. Сія двѣ трагедіи будутъ вѣчною честію своимъ авторамъ и Мельпоменѣ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ и всему роду человѣческому.“

Точно подписи учителя на тетрадахъ школьниковъ: не дурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень хорошо, отлично хорошо, прекрасно, превосходно!... Но это-то и называлось тогда критикой, и, право, Сумароковъ ничѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

Переводъ съ французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца апрѣля 1755 года, стран. 114 и слѣд., напечатаннаго въ Парижѣ. «Синавъ и Труворъ» Россійская трагедія, сочиненная стихами господиномъ Сумароковымъ—есть не что иное, какъ разборъ «Синава и Трувора», напечатанный въ Парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ и, можетъ быть, имъ же и написанный.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, напримеръ: «Межь льдистыми горами!» межъ льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь.» Замѣчаніе его на два перныя стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

„Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда.

Градовъ ограда сказать не можно. Можно молвить селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ ограждаетъ! Я не знаю сверхъ того, что за ограда войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа городовъ, а градъ градовъ, а не градовъ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа городъ имѣетъ званіе города, а градъ—грады, а не града и не грады.“

Все это отчасти и справедливо, но самъ Сумароковъ въ своихъ стихахъ даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова «Разсмотрѣніе оды Ломоносова». Въ ней нѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого присутіа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, такимъ образомъ: «Строфы прекраснѣйшія: (слѣдуютъ римскія цифры для означенія оды и обыкновенныя цифры для означенія строфы); строфы прекрасныя: (цифры); строфы весьма хорошія: (цифры); строфы хорошія: (цифры); строфы изрядныя: (цифры);

строфы, по моему мнѣнію, требующія большаго исправленія: (цифры); строфы, о которыхъ я ничего не говорю: (цифры).»

Но этимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ «нѣкоторыя строфы»; она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, попеременно, надъ одной стоитъ «его», а надъ другой—«моя». Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

„Мнѣ уже прискучили слышати всегдашнія о Ломоносовѣ и о себѣ (т. е. обо мнѣ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служить не можетъ; да сіе же объясненіе значить галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ нѣжность и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приносятъ. Можетъ ли лирическій авторъ составить честь имени своему громомъ! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ быти нѣжкою Сильвіею и Амариллою, воздыхающими у Тасса и Гварніа! Во стихахъ Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется; а я имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Ево достоинство въ одахъ не громкость. А что жь? объ етомъ долго говорить, и я прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторые къ чести ево строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія! О преимуществѣ себѣ я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенныя гадки; а есть-ли и Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ етомъ тужить не стану: желалъ бы я только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ прочемъ я свои строфы распоряжалъ, какъ распоряжали Мальгербъ и Руссо (Жанъ Батистъ) и всѣ нынѣшніе лирики; а Ломоносовъ егово не наблюдалъ; ибо наблюденіе сего, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобильныя рифмы, разношеніе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толикаго стоятъ затрудненія, колику приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной надписи Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія, а онъ никого не училъ и никого не выучилъ; ибо Ломоносова честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и ево и мои стихи увидятъ и судить насъ будутъ, или паче пьесма наши; но потомки могутъ или должны будутъ подумать, что и я по сей ему надгробной надписи былъ ево ученикъ; а я стихи писалъ еще тогда, когда Ломоносова и имена не слыхала публика. Онъ же въ Германіи писати началъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него не только наставленія, но ниже зная его по слуху. Ломоносовъ меня нѣсколькими лѣтами былъ по старѣе, но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я, не троякая ни мало чести сево стихотворца, предуведомляю потомковъ, которые и Ломоносова меня не скоро увидятъ: а особливо ради того, что и языкъ нашъ и поэзія наша исчезаютъ; а зараза цѣлительства весь російскій Парнасъ невѣжественно охватила: а я истребленія оному предвидѣти не могу, жальѣя, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что впрочемъ до Ломоносова надлежитъ, такъ я, похваляя ево,

думаю только о живности его духа, виднаго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычитать оды свои, а во прочія поэзіи не вдавался.*“

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей «О правописаніи» онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову съ профессорскимъ тономъ какого-то неоспоримаго преимущества передъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *e* вмѣсто *i*, достоинъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что «сіе нововведенное правильно не имѣетъ основанія ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи, а единственно на произволѣніи Ломоносова и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семь правилъ, что Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила, да и утверждать того академіи не можно; ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется.» Далѣе Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ, напри- мѣръ, лѣта, вмѣсто лѣта; градѣвъ, вмѣсто градовъ, и что «многіе, не размышляя, такковыя его ошибки приняли украшеніемъ піитическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что Ломоносову яко провинціальному уроженцу простительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, и отъ поселянъ; но прочимъ, которые рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ.»—«Но (прибавляетъ онъ), дабы не подумали, что я о происхожденіи Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благодарство, но Музы на Парнасъ возводятъ, ибо благодарство есть послѣднее качество нашава достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, которые другова достоинства не имѣютъ.»—Изъ отвѣта Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы *o* буквой *ф* видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьезные объясненія: «Эта-де литера стоитъ подпершия, слѣдовательно, бодрѣе.»—«Отвѣтъ издѣвоченъ, но не важенъ», замѣчаетъ Сумароковъ. Говора о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не переменяя ее на *i*, Сумароковъ прибавляетъ: «Ломоносовъ годъ пѣлый мнѣ въ семь противурѣчилъ, и признавъ по разысканію точныя обстоятельства, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ

жаромъ, но не успѣлъ письмененно со мною въ ономъ согласиться, или по частнымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка кающихся распрямъ, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ онъ покритиковалъ у меня, не зная за что, нарѣчіе днесъ, и не напедъ другога къ тому реченія, зачалъ употреблять вмѣсто нынѣ, нынѣ, но нынѣ не знаменуетъ той краткой точности, а нынѣ не можно вмѣсто нынѣ писать; ибо ѣ претворяти въ ъ писатели вольности не имѣють, хотя они и стихотворцы, ибо и имъ дозволяется нѣчто, а не все, да и то что рѣчи нимаю не обезображиваетъ. Да и на что нынѣ; ибо нынѣ ево то же изображаетъ, какъ и нынѣ: а краткость одного слога не стоитъ труда искуснаго риемотворца.»—Дѣйствительно, Ломоносова нынѣ вмѣсто нынѣ, такъ же нелѣпно, какъ и Сумарокова *мя* и *тя*, вмѣсто меня и тебя. Вообще, говоря о другихъ, Сумароковъ нерѣдко бываетъ и основателенъ, и справедливъ: такъ, напримѣръ, жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительные примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе «февраль» вмѣсто «феврарь», «пролубъ» вмѣсто «прорубъ». Но зато видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчитъ самому себѣ; такъ, напримѣръ, съ одной стороны, требуя, чтобы, для сохраненія коренного происхожденія словъ, писать *приятный* вмѣсто *приятный*, съ другой стороны, не хочетъ, чтобы предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ коренную свою букву з, и вооружается противъ этого со всѣмъ комизмомъ своей запальчивости. «Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скаредство, каково мы нынѣ дожили! Возтокъ, источникъ, превозходительство! Конечно паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпница могла быть воспріята!»

Замѣчательно, какъ фактъ того времени, что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на малороссіянь, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто «во вѣки вѣковъ», писали и пѣли «во вики виговъ», вмѣсто «Тебѣ Господи»,— «Теби Госноды», и т. п. «Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюся противъ ученыхъ Малороссіянь; нѣтъ: дай Боже, чтобы не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Теофана имѣли! Есть нѣчто во краснорѣчій художова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!»

Замѣчательна выходка Сумарокова противъ перевода Тредиаковскаго Ролленевой Исторіи: «Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми насъ невѣжи обогащаютъ!

Вредно ободряли вралей похвалами, чтобы они больше ввали; ибо-де, не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; но враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторія неопѣннаго Роллина, въ переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, нѣкоторое ему познаніе, къ малому просвѣщенію безъ другихъ знаній, и ко прогнанію скуки; а языкъ нашъ какъ морская заражаетъ язва.»

Вообще эта статья такъ и дышетъ своею современностью и личностію Сумарокова: въ ней онъ и его время какъ бы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ нами. Кому тутъ не достаётся, кто не задѣвается! И писатели, и женщины, и подъячіе!.. «Женщины наши (говоритъ критикъ) по большей части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ ни попало, напримѣръ: матушка мая галубушка пожалуй атпишка мне душа мая гдѣ ты купила вчерашней градитуръ, а иногда и гарнитуръ.»—Противъ безграмотности подъячихъ, по длиннотѣ филиппики, и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ «крапивномъ зельи», объ этомъ «хамовомъ поколѣніи» (какъ онъ называлъ подъячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рѣкой, затоплявшей береги свои.

Статья «О стопосложеніи» изобилуетъ комически смѣшными выходками Сумарокова противъ Ломоносова.

Статья «О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка» можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы: она доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разливѣ. Сумароковъ смѣется надъ словами: «фрукты, сервизъ, антишамбера, камера, сюртукъ, супъ, гувернанта, аманта, дама, ваетъ, агутъ (возыр), роа (король), мокероваться, эложъ (похвала), принцъ, бурса, тоалетъ, пансивъ (задумчивъ), корреспонденція, кухмистръ, томъ, эдиція, жени (т. е. геній; подъ жени Сумароковъ понималъ остроуміе), бонсанъ (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ р а з с у ж д е н і е), эдюкація, манификъ, деликатно, пессія.» Однако жъ, если многія изъ этихъ словъ ввелись изъ употребленія, зато многія и остались; геній языка умнѣ писателей и знаетъ, что принять и что исключить. Вѣроятно, были употребительны и такіа фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: «Я въ дикстракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я а ку сюръ противъ риваля моего буду реванжироваться.»

Какъ о чертѣ смѣшнаго и добродушнаго наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя

не упомянуть о его вызовѣ проѣздить за границей два года и потомъ описать свое путешествие. «Какое мое перо (говоритъ онъ), о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвату соплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердились. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю.» За два года и четыре мѣсяца онъ просилъ у правительства, кромѣ своего жалованья, 12,000 рублей, «которыя деньги по изданіи моего путешествія возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6,000 экземпляровъ, продаваясь по три рубля, 18,000 рублей, а потомъ она въ всегдѣшнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ.»— «Если бѣ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стало Россіи, ежели бы она и 300,000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибыльъ изъ того только одна честь имени моему.»

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперь странно видѣть въ печати. Есѣ онѣ оканчиваются одинаково, въ родѣ этого:

О, лютый Періандръ!.. невинность исчезаетъ:

Вручаюсь тебѣ... Пастухъ на все дерзаетъ.
Не споритъ Туллія, гоня упрямство прочь,
И въ изступленіи препровождаетъ ночь,
Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ спора,

Доколь не взопла на паствѣ къ нимъ аврора...

И, несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ или неприличнымъ; а, напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эклога такой ужъ родъ поэзіи, который, по сущности своей, требовалъ такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эклоги «прекрасному російскаго народа женскому полу», и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эклоги, какъ рода поэзіи:

„Я вамъ, прекрасныя, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эклоги наполнены излишно любовію, такъ должно знати, что недостаточная (не полная) любовь не была бы матеріею поэзіи: сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія ни обрядовъ, къ оному принадлежащихъ: едина нѣжность только препровождается жаромъ и вѣрностью была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ, о ябедничествѣ безаазорно во всякихъ бесѣдахъ; неужели такіе разговоры благородныя рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не

о постоянной говорится любви. Въ еклогахъ моихъ возвѣщается нѣжность и вѣрность, а не алопристойное сластолюбіе, и нѣтъ такихъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любовь, имущая едино стастолюбіе во основаніи: презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывать слабыхъ женщинъ; подвержены нѣкоторому доношенію и женщины, въ обманъ давшіяся: презрѣнно неблагородное сластолюбіе; но любовныя нѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтенны будутъ. Любовь источникъ и основаніе всякаго дыханія: а въ добавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи; такъ можно ли сочиняти еклоги, естли пить ужаснется глупыхъ предвареній и невкусныхъ кривотолкованій. А вы, прекрасныя, помните только то, что неблагопристойная любовь и неостоянство стыдны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя эклоги и основанныя на нѣжности, подпертой честностію и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтенныя правосудія; но колико изъ него происходитъ ябедъ и крючкотвореній, а слѣдовательно угнѣсеній и погибели роду человѣческому. И что почтенныя, еклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ и пишемыя хорошимъ складомъ, или тяжбыя ябедничковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скарденнымъ?“

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и вникните въ мысль этого предисловія: она была мыслью вѣка. Дезульеры, Геснеры и Флоріаны писали свои эклоги и идилліи именно по этой теоріи. Они изображали дѣйствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невинности, не понимая того, что состояніе невинности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австраліи. Этимъ-то мнимо-невиннымъ людямъ придавали они сладенькія чувствованія своего времени, и были вполне увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Меналки, Титыры, Коридоны, Аглаи, Хлои, Амарилы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда какъ это просто общія риторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполне достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ для своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судить обо всемъ—о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзіи, о стѣпенительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бесѣдахъ, чтеніи романовъ, и проч., и проч. Часто у него попадаются мысли хотя не глубокія, но здравыя и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подъячихъ: Боже мой,

гдѣ и какъ ни пыталъ, ни позорилъ ихъ этотъ неутомимый боецъ! Говоря о подъячихъ, Сумароковъ становится и желченъ, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отродью (говоря его выраженіемъ) была живой струной его души; и кто же не согласится, что источникъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу: дидактическое направленіе въ поэзіи самобытной есть признакъ антипоэтического характера народа; но въ поэзіи подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была въ своемъ началѣ поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, социальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самаго искусства: ибо общество потому только и приняло за нее, что увидѣло въ ней поученіе, дѣйствительно полезное для него. Когда дидактическая поэзія истощила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась реакція, заговорили о поэзіи, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой себѣ, а между тѣмъ привычка къ чтенію, къ занятію поэзіей, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзіи воспѣвать геройскіе подвиги и побѣды, не увольняя ея отъ обязанности поучать; потомъ стали позволять ей между прочимъ быть выразительницей прихотей фантазіи и, наконецъ, ради граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнное вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь. Ужъ послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само себѣ цѣль, что поэзія внѣ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особой и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности и исключительности, а слѣдовательно, и до нелѣпости. Теперь критикъ предстоить новая задача—примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, служеніемъ истинѣ.

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Несмотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженной, для многихъ было весьма по-

лезно и поучительно въ тотъ зараженный спѣсью барства вѣкъ читать, напримѣръ, такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу,
 Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
 Дворяне безъ меня свой долгъ довольно
 знаютъ,

Но многіе одно дворянство вспоминаютъ,
 Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ
 дамъ

Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
 На то ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
 А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
 Какое барина различье съ мужикомъ?

И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
 И если нѣ ясная умъ барскій мужикова,
 Такъ и различія не вижу никакова.
 Мужикъ и пьетъ и ѣсть, родился и умретъ,
 Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
 И благородіе свое не рѣдко славить,
 Что цѣлый полкъ людей на карту онъ по-
 ставить.

Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
 Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку
 продать?

Въ числѣ эпистолъ мы находимъ и слѣдующія: «Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель», «Къ неправеднымъ судіямъ», «О русскомъ языкѣ», «О стихотворствѣ» (передѣлка «L'Art Poétique» Буало) и «Наставленіе хотящимъ быти писателями». Во всемъ этомъ виденъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчательнъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и его эпохи. Если бъ кто вздумалъ написать историческій романъ или историческую повѣсть изъ тѣхъ временъ,—изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что такое историческій романъ, какъ не исторія общества въ извѣстную эпоху? Да; предметъ историческаго романа—общество. Постепенность развитія идей въ обществѣ представляетъ собой картину въ высшей степени интересную. На само искусство нельзя смотрѣть только въ сферѣ самаго искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть иногда вѣренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература—плодъ реформы Петра Великаго, какъ наша цивилизація. Начавшись формами безъ жизни, они постепенно стремились къ жизни и самобытности, и достигли, наконецъ, того и другого чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса,—что и заставляло насъ говорить о немъ подробнѣе.

III.

Статья наша о «Критикѣ» должна оставить пріятный ея историческій путь и

снова возвратиться къ настоящему, характеристикой котораго и заключится она. Мы и не хотѣли давать ей характеръ историческій; иначе должны были бы написать много статей прежде, нежели добрались бы до настоящаго періода русской литературы. Въ предыдущей статьѣ мы желали только намекнуть на то, какъ, по нашему мнѣнію, должно было бы слѣдить русскую критику въ ея историческомъ развитіи, — заранѣе отказываясь написать полную ея исторію въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Доселѣ еще не только не было никакой попытки — начертать исторію русской литературы со стороны ея вліянія на мнѣніе общества, т. е. со стороны критики, въ обширномъ значеніи этого слова, но даже не было и попытокъ сдѣлать хоть какія-нибудь указанія на матеріалы, необходимые для подобнаго труда. А между тѣмъ этотъ трудъ только слегка можетъ казаться легкимъ, въ сущности же онъ весьма сложенъ, кропотливъ и тяжелъ. Нужно не только перечестъ вполнѣ нѣкоторыхъ писателей, но и рыться въ старыхъ и новыхъ журналахъ. При томъ же мы задали бы себѣ слишкомъ обширный вопросъ, если бъ взяли критику въ ея общемъ значеніи. Для насъ важны не только тѣ русскіе писатели, которые посвящали свои труды или теоріи изящнаго, или собственно — критикѣ изящныхъ произведеній, или отрывочно, тамъ и сямъ, въ своихъ твореніяхъ выговаривали свои понятія объ изящномъ и о критикѣ; но и тѣ писатели, которые своими нравственными мнѣніями выражали духъ времени или давали ему новое направление. Въ этомъ отношеніи какъ важенъ для насъ, напирѣвъ, Фонвизинъ съ его «Недорослемъ» и «Бригадиромъ», въ которыхъ въ лицѣ глупцовъ и чудаковъ высказано понятіе того времени объ отрицательной сторонѣ современнаго общества, а въ лицѣ резонеровъ и добродѣтельныхъ людей высказанъ, такъ сказать, идеалъ, къ которому должно было стремиться общество, высказаны начала, на основаніи которыхъ мыслили и дѣйствовали лучшіе люди той эпохи! А исповѣдь Фонвизина, его мелкія сатирическія статьи, его вопросы, и проч.? Оцѣнка всего этого была бы полной оцѣнкой всего Фонвизина, который замѣчательнѣе со всѣмъ не какъ поэтъ (ибо поэтомъ онъ не былъ), а какъ умный, мыслящій человекъ своего времени, даровитый писатель съ критическимъ направлениемъ. «Словарь Россійскихъ Писателей» Новикова — богатый фактъ собственно-литературной критики того времени: его тоже нельзя миновать въ историческомъ обзорѣ русской критики. Тутъ же долженъ занять свое мѣсто и Макаровъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей и

критиковъ того времени. Съ именемъ Карамзина соединяется понятіе о цѣломъ періодѣ русской литературы, стало быть, отъ девяти-десятихъ годовъ прошлаго столѣтія до двадцатыхъ настоящаго. Тридцать пять лѣтъ такой блестящей литературной дѣятельности и около сорока лѣтъ такого сильнаго вліянія на русскую литературу, а черезъ нее и на русское общество! И вліяніе не только литературное, но и, можно сказать, всеобщее! Все это должно вновь перечитать, пересмотрѣть, а на все это нужно время и время. Кригическая дѣятельность Мерзлякова, князя Вяземскаго, Каченовскаго и другихъ, характеристика многихъ журналовъ, изъ которыхъ иныхъ теперь и имена не извѣстны публикѣ, — также должны войти въ этотъ обзоръ и, слѣдственно, также должны быть пересмотрѣны. Война карамзинистовъ съ пишквистами; прологъ къ войнѣ романтизма съ классицизмомъ, заключающій въ себѣ пренія, возбужденныя нѣмцами, англійскими балладами Жуковскаго; далѣе война поборниковъ классицизма и вмѣстѣ народности съ поборниками классицизма чисто подражательнаго и чуждаго всякой народности (въ этой войнѣ замѣчательны имена Катенина, Жандра и отчасти Грибоѣдова); наконецъ, война классицизма и романтизма — сколько для всего этого нужно пересмотрѣть книгъ, особенно журналовъ! Появленіе каждаго гения бываетъ чѣмъ-то нарушающимъ обыкновенный порядокъ вещей, съ непривычки кажется чѣмъ-то незаконнымъ и возбуждаетъ вражду и оппозицію со стороны людей, проникнутыхъ духомъ господствующаго порядка вещей. Въ пользу гения возстаетъ юное поколѣніе, и завязывается битва, конномъ которой всегда бываетъ торжество гения. И вотъ окончена битва, — и видъ дѣла измѣняется: гений признанъ величайшимъ и непогрѣшимѣйшимъ авторитетомъ; противъ него враждуютъ развѣ только хриплые голоса немногихъ уцѣлѣвшихъ развалинъ стараго времени. Но время идетъ, новыя идеи вторгаются, и такъ какъ не было и никогда не будетъ гения, который бы все сказалъ, все рѣшилъ, на все далъ отвѣтъ, исчерпалъ бы всѣ стороны бытія, такъ что уничтожилъ бы возможность явленія другихъ гениевъ, а слѣдственно, и возможность дальнѣйшаго развитія народа или человечества: то и гений, послѣ столькихъ усилій и битвъ сдѣлавшійся властителемъ думъ своего времени, является, наконецъ, представителемъ уже минувшей эпохи, не удовлетворяющимъ новаго времени. Противъ него воздвигается оппозиція, часто несправедливая и ослѣпленная въ своей крайности; за него стоитъ все, что не двинулось по-

слѣ него впередъ—и опять битва! Но проходить годы, новое беретъ свое, мирно царить надъ настоящимъ и воздастъ должное прошедшему. Все это было и въ русской литературѣ, хотя она и существуетъ еще только сто лѣтъ, если начоломъ ея взять 1739 годъ, когда Ломоносовъ написалъ первую свою оду—«На взятіе Хотина» (сатиры Кантемира были въ первый разъ изданы въ 1762 году). Такъ литературная дѣятельность Карамзина, явившаяся оппозиціей схоластическому направленію русской литературы, данному Ломоносовымъ, возстановила противъ себя славянофиловъ и пуристовъ русскаго языка. Время и разумъ рѣшили дѣло въ пользу реформы Карамзина, и Карамзинъ сдѣлался патриархомъ русской литературы; подъ страхомъ анаемы и отлученія отъ литературнаго православія, не позволялось усомниться ни въ одной строкѣ, ни въ одной буквѣ его сочиненій. Но оппозиція шишковистовъ была ничто въ сравненіи съ той, которая ожидала Карамзина уже по смерти его. Такъ-называемый романтизмъ развязалъ умы, вывелъ ихъ изъ узкой и избитой колеи преданія, авторитета и общихъ риторическихъ мѣстъ, изъ которыхъ прежде сплетались вѣнки славы прославленнымъ писателямъ; новыя идеи вторгались отвсюду; литературные и умственные перевороты въ Европѣ, начавшей, по низверженіи Наполеона, новую жизнь, отозвались и въ нашей литературѣ. Тогда возстали противъ Карамзина.. Но прошло и это время: теперь всѣ понимаютъ, что не Карамзинъ виноватъ, если его поклонники приписали ему больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ, видѣли въ немъ что-то большее, нежели то, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣмѣ; что вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и что не его была вина, если онъ рано родился и образовался подъ влияніемъ литературныхъ идей прошлаго вѣка; теперь у Карамзина нѣтъ ни ослѣпленныхъ друзей, ни ожесточенныхъ враговъ—теперь для него настало потомство, безпристрастное, спокойное, уважающее славное имя, цѣнящее его заслуги, давшее ему почетное мѣсто въ исторіи литературы и общественности. Явился Пушкинъ,—и встрѣча, сдѣланная ему, была уже совѣмъ не то, что встрѣча Карамзину: восторгъ и негодование, любовь и ненависть были тутъ значительно глубже и сильнѣе. Одни только что не клядис именемъ Пушкина; другіе, слыша его, только что не зажимали съ благочестивымъ ужасомъ уши своихъ. Битвы были ожесточенныя и упорныя, а вопросъ еще и теперь не рѣшенъ! Уже нѣсколько поколѣній произнесли судъ свой надъ Пушкинымъ, а

потомство для Пушкина все еще не настало... Элементы нашей эпохи такъ много-сложны и спутаны, вопросы такъ глубоко-жизненны, что много надо пережить, пере-чувствовать и перемыслить, чтобы рѣшать ихъ; это дѣло времени и жизни—безъ нихъ люди ничего не сдѣлаютъ. Еще не рѣшился вопросъ о Пушкинѣ, и уже сколько новыхъ вопросовъ возникло, и возникло не изъ книгъ, какъ они возникали прежде, а изъ живыхъ явленій!.. И развѣ эти непрерывныя толки и споры въ обществѣ о «Мертвыхъ Душахъ», эти восторженные похвалы и ожесточенныя брани въ журналахъ, возбуждаемыя новымъ твореніемъ Гоголя,—развѣ это не живое явленіе, и развѣ это не вопросъ, столько же литературный, сколько и общественный?.. Мало того: развѣ весь этотъ шумъ и всѣ эти крики—не результатъ столкновения старыхъ началъ съ новыми; развѣ они—не битва двухъ эпохъ?.. Все, что является и успѣваетъ съ перваго разу, встрѣчаемое и провожаемое безусловной похвалой, все это не можетъ быть важнымъ и великимъ фактомъ: важно и велико только то, что раздѣляетъ мнѣнія и голоса людей, что мужаетъ и растетъ въ борьбѣ, что утверждается живой побѣдой надъ живымъ сопротивленіемъ. Полагать причиной этого сопротивленія одну зависть къ успѣху и къ генію—значило бы слишкомъ ограниченно смотрѣть на дѣло: то сшибка духовъ времени, то борьба старыхъ началъ съ новыми! Человѣкъ только до извѣстнаго возраста своей жизни обладаетъ способностью умственного движенія впередъ; развѣ утвердившись въ извѣстномъ образѣ мыслей, по достиженіи извѣстнаго возраста, онъ дѣлается слѣпъ и глухъ для всякой новой истины и видитъ въ ней ложь и нечестье. Только сильныя духомъ могутъ отрываться отъ ученій, въ которыхъ возросли и укрѣпились; но и для нихъ это движеніе сопряжено бываетъ съ тяжелымъ трудомъ, съ потрясеніемъ всего нравственнаго существованія ихъ. Пѣлое общество видѣло высочайшій идеалъ поэзіи въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, съ малолѣтства заучивало наизусть стихи ихъ, восторгъ свой къ этимъ поэтамъ довело до обожанія, уваженіе—до пѣтического благоговѣнія,—и вдругъ этому-то обществу говорятъ, что ихъ поэты—не поэты, а только изящныя риторы, что въ образцовыхъ ихъ трагедіяхъ нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни людей, ни игры страстей и чувствъ, ни глубокихъ идей, словомъ, никакой дѣйствительности, и что, наконецъ, идеалъ великаго драматурга осуществился въ Шекспирѣ, котораго оно, это общество, привыкло считать пьянымъ дикаремъ, вдохновеннымъ не-

вѣждой!.. Повѣрить на слово общество не могло, понять—еще менѣе; слѣдовательно, оставалось сознаться, что или оно всю жизнь свою обманывалось, или что оно не въ силахъ понять то, въ чемъ его увѣряютъ. Но это выше природы человѣческой; большей части людей легче понять непонятное ему, чѣмъ сознаться въ своей неспособности понимать. Однако жъ между молодыми людьми, которыхъ духъ новой жизни засталъ еще свѣжими, свободными и способными къ его принятію, являются смѣлые поборники новыхъ идей. И вотъ завязывается борьба; время идетъ, старые раны выбываютъ изъ рядовъ, молодые прибываютъ, и лѣвая сторона является правой, а въ центрѣ остается двусмысленная изгарь двухъ мнѣній, люди полумѣръ, люди ни то, ни се... И потомъ опять такая же исторія,—и изъ этихъ-то исторій составляется исторія развитія человѣчества, народовъ и общества.

Такую задачу въ отношеніи къ русской литературѣ со стороны критики мы хотѣли, было, предположить себѣ, начавъ писать статью о критикѣ; но такая статья могла бы слишкомъ далеко завлечь насъ. Однако жъ мы рѣшились приготовить на этотъ предметъ особую статью и перенести ее изъ отдѣла критики въ отдѣлъ наукъ. Тутъ будетъ цѣлая исторія русской литературы, обзорънная съ новой ея стороны, на которую еще никто не обращалъ вниманія—со стороны развитія литературныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началъ. Статья эта будетъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» на 1843 годъ. Мы не будемъ въ ней повторять уже сказаннаго въ статьяхъ о «Критикѣ», и начнемъ прямо съ того, что непосредственно должно слѣдовать за Сумароковымъ, взглядомъ на котораго мы кончили нашу вторую статью о критикѣ. Теперь же возвратимся на предметъ болѣе близкій къ содержанию рѣчи Никитенко, подавшей поводъ къ этимъ тремъ статьямъ. Въ первой статьѣ мы говорили, что такое критика вообще, и чѣмъ она должна быть въ наше время. Здѣсь поговоримъ о томъ, какова бываетъ иногда критика. Не знаемъ, увидятъ ли читатели въ нашихъ словахъ характеристику современной русской критики; но во всякомъ случаѣ мы никого не назовемъ, ни на кого не укажемъ: пусть дѣло говорить само за себя, пусть другіе ищутъ въ нашихъ словахъ, кому кого угодно, а мы будемъ говорить вообще, ни къ кому не относя, ни къ кому не примѣняя... Предметомъ нашихъ разсужденій будетъ уклоненіе критики отъ идеала критики...

Читатели «Отечественныхъ Записокъ» не могли не замѣтить, что критика этого журнала рѣзко отличается отъ критики всѣхъ другихъ журналовъ—своими началами, и своимъ характеромъ, и даже самымъ языкомъ. Враги «Отечественныхъ Записокъ» ставили и ставятъ имъ это въ величайшій недостатокъ; другіе же находятъ это большимъ достоинствомъ. Намъ скажутъ: никто въ собственномъ дѣлѣ судьей быть не можетъ, и только публика имѣетъ право приговора въ пользу достоинства критики журнала... Согласны; но развѣ мы хвалимъ собственную критику?—Отнюдь нѣтъ; мы только говоримъ, что она—особенная критика въ современной русской литературѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ критикой другихъ современныхъ журналовъ. А это такъ же можно почестъ порицаніемъ, какъ и похвалой. Гдѣ жъ тутъ самохвальство? Тутъ только фактъ, въ вѣрности котораго согласны и друзья, и враги наши.

Критика можетъ раздѣляться на разные роды, по ея отношеніямъ къ самой себѣ; но не то теперь въ виду у насъ. По отношенію же критики къ лицамъ, занимающимся ею, прежде всего должно раздѣлить ее на критику искреннюю, добросовѣстную, критику по убѣжденію, по началу, и на критику по расчету, критику торговую. Последняя всегда ложна, потому что если бы она иногда и находила для себя выгоднымъ обмолвиться истиной,—эта истина все-таки не относилась бы къ высокимъ предметамъ человѣческаго сознанія, а ограничивалась бы только, и то не всегда, умнымъ взглядомъ на нѣкоторыя стороны практическихъ предметовъ, въ то же время парализуя себя всякими неправдами, всякой ложью и всяческими противорѣчіями. Въ злоудожную душу не видятъ премудрости! Что касается до критики искренней, критики по убѣжденію,—ее не всегда можно принимать за одно съ критикой истинной: убѣжденіе и истина—не одно и то же: это два отдѣльные и самостоятельныя начала, которыя могутъ быть сильны только во взаимномъ проникновеніи, но которыя часто являются каждое самимъ по себѣ, и потому каждое безсильнымъ и бесплоднымъ. Хотя въ наше время примѣры религіознаго фанатизма и рѣдки, однако и въ наше время могутъ существовать люди, которые отъ души убѣждены, что аутодафѣ—вещь необходимая для спасенія душъ. Такое убѣжденіе можетъ быть и сильно, и глубоко, и безкорыстно; но тѣмъ не менѣе оно ложно. При томъ же въ дѣлѣ убѣжденій должно обращать вниманіе на источникъ убѣжденія. Иногда случается такъ: какой-нибудь господинъ найдетъ и безопаснымъ,

и выгоднымъ для себя поддерживать извѣстную мысль, которая при томъ ни для кого не новость. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что выдаетъ эту мысль за великое открытіе, за неслыханную новость; подводитъ подъ нее всѣ факты, и которые нейдутъ подъ нее,—онъ ихъ гнетъ, колотитъ, уродуетъ; вырабатываетъ себѣ странный и дикій языкъ, вопить о своемъ безкорыстїи, патриотизмѣ, о своей пламенной любви къ народности. Надъ нимъ начинаютъ смѣяться, доказываютъ ему, что мысль его и не нова, и одностороння, что гораздо прежде его было много охотниковъ выѣзжать на ней; что языкъ его, вмѣсто народности, отзывается цинизмомъ, тономъ извозчиковъ и замашками Кутейкина (дѣйствующее лицо въ «Недоросль» Фонвизина); что патриотизмъ его пока еще одно хвастовство, ибо патриотизмъ, чей бы то ни былъ, доказывается не словами, а дѣлами, что тило патриота дается гражданину народомъ и исторїей, а не самозванствомъ; что народность его—не таинственная психа народной жизни, а грязь съ торговой площади... Все это, разумеется, раздражаетъ господина сочинителя; самолюбїе его оскорбляется, желанїе оправдаться возбуждаетъ въ немъ потребность самому убѣдиться въ собственныхъ убѣжденїяхъ. Эту потребность, возбужденную жаждой вещественныхъ выгодъ и оскорбленнымъ самолюбїемъ, онъ принимаетъ въ себѣ за убѣжденїе и оканчиваетъ тѣмъ, что дѣйствительно дѣлается фанатическимъ послѣдователемъ неудачу и по расчету выбраннаго ученїя, и на немъ оправдывается французская пословица: *à force de forger on devient forgeron*. И вотъ онъ глубже и глубже тонетъ въ тинѣ своихъ дикихъ убѣжденїй; неудача раздражаетъ его энергїю, энергїя его переходитъ въ фанатизмъ; —и горе было бы людямъ, если бъ онъ имѣлъ возможность проявлять свое убѣжденїе не однимъ гусинымъ перомъ... Но перо его не страшно; сначала оно можетъ озадачить толпу, которая всегда отступаетъ передъ силой какой бы то ни было — силой убѣжденїя или фанатизма—все равно. Но это не надолго: толпа не всегда чутка на ложь и истину съ перваго раза; когда же пройдетъ ее первое изумленїе, она, иногда молча и бессознательно, рѣшитъ дѣло лучше всякаго ученаго и философа. Дѣло тутъ въ томъ, что надъ обществомъ имѣютъ прочную власть только идеи, а не слова; свойство же и существенное отличїе идеи отъ всего, что не есть идея, состоитъ въ томъ, что она движется, идетъ впередъ, — словомъ, развивается; а нашъ «патріотъ» твердитъ все одно и то же, одними и тѣми же словами; высказавшись весь въ первой статьѣ своей,

онъ въ тысячѣ слѣдующихъ за ней только повторяетъ собственные зады свои... Сверхъ того, не имѣя никакого внутренняго созерцанїя, изъ котораго выходила бы его система, ничего не зная основательно, не опираясь на современную науку, лишенный всякаго инстинкта истины и всякаго такта выраженїя, — онъ владаетъ въ нелѣпости, до которыхъ, впрочемъ, доходитъ послѣдовательно, логически, ибо онѣ лежатъ въ самомъ основанїи его нелѣпаго ученїя. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что образованность высшихъ и среднихъ классовъ общества—мишура, что національная мудрость хранится въ черни, что дѣти даже людей высшаго общества должны учиться отечественному языку въ избахъ мужиковъ, у ростовскихъ огородниковъ и рыбныхъ торговковъ... Съ публикой онъ объясняется языкомъ гостинодворскихъ сидѣльцевъ, почитая это и оригинальнымъ, и национальнымъ... Онъ набираетъ себѣ извѣстное число прозелитовъ—бездарныхъ людей, которые, за рѣшительной неспособностью выдумать что-нибудь свое, готовы повѣрить на слово всякому, у кого горло широко, и которыхъ тѣмъ мучить демонъ кропанья стиховъ и прозы. Сюда же присоединяются старыя писаки, которые и въ свое время только смѣшили публику своимъ авторствомъ, своими мадригалами, трагедїями, романами, дѣтскими правоучительными книжонками и азбуками. «Патріотъ» радъ ихъ даровымъ статьямъ, ихъ бездарному досужеству, ихъ готовности вторить его голосу: онъ одобряетъ ихъ, хвалитъ, ссылается на ихъ дикія и неслыханныя имена въ статьяхъ своихъ: какъ такой-то (имя рекъ) сказалъ, этакой-то выразился, см. стр. такую-то... Бѣдняки, рыцари печальнаго образа, радехонки, что имъ есть куда сбрасывать все, чѣмъ удастся имъ разрѣшиться,—пишутъ съ плеча статью за статьей, хвалятъ старину и другъ друга, бранятъ все новое и даровитое, гений называютъ злодѣйствомъ, талантъ — развратомъ, а выбранныя изъ дѣтскихъ прописей сентенціи—чистѣйшей нравственностью. Тутъ являются свои гении, свои таланты по преимуществу, обыкновенно человекъ пятокъ: эти всегда впереди, остальные за ними... Но, увы! ничто не поможетъ нашему «критику»: надъ его журналомъ и его статьями уже не смѣются даже, вовсе забывая о ихъ существованїи... «Критикъ» прибѣгаетъ къ послѣдному средству: прежде онъ только и дѣлалъ, что стрѣлялъ холодными зарядами по журналу, котораго мнѣнїя и успѣхъ въ публикѣ не давали ему спокойно заснуть и изъ котораго онъ сдѣлалъ себѣ какую-то мишень, не догадываясь въ своей слѣпотѣ и ограниченности, что

онъ этимъ еще болѣе возвышаетъ чужой журналъ; теперь онъ самъ пишетъ огромныя письма къ самому себѣ (разумѣется, подъ вымышленнымъ именемъ), разбираетъ въ нихъ собственный журналъ и собственные статьи, удивляется собственному краснорѣчію, глубокости своихъ идей, благоговѣть передъ своимъ гениемъ, своей ученостью и торжествуетъ мнимыя побѣды надъ враждебными журналами и враждебными мнѣніями... Но, увы!—и это не помогаетъ: письма остаются не разрѣзанными и не прочитанными, а о самомъ журналѣ пропадаетъ и слухъ... Туда ему и дорога!..

Есть еще одного рода убѣжденіе, сходное съ тѣмъ, которое мы описали, но различающееся отъ него какой-то наивной добросовѣстностью: это убѣжденіе посредственности, убѣжденіе въ томъ, что она—талантъ, и что ей только по зависти не отдають должной справедливости. Чтобъ доказать міру несправедливость враговъ своихъ, наивная посредственность рѣшается иногда—издавать журналъ. Это особенно часто бываетъ въ Германіи, гдѣ такъ много филистеровъ и такъ много пишущихъ гофратовъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ мы недавно прочли объ одномъ изъ такихъ господъ слѣдующее. Добрякъ принялся издавать журналъ. «Меня, говорилъ онъ своимъ знакомымъ, ругали—теперь я буду ругать.» А его совсѣмъ и не ругали; просто о немъ молчали—это-то было ему всего досаднѣе. Правда, когда-то было кой-гдѣ замѣчено, что его поэмы и романы плохи; но какъ вся эта дрянь была имъ написана давно, то о немъ уже и забыли. Впрочемъ, онъ вкушалъ и сладость печатной похвалы: филистерскіе журналы объявили его пріятнымъ и моральнымъ писателемъ и особенно остались довольны его слогомъ, дѣйствительно столь же гладкимъ, сколь и безмысленнымъ; только одинъ изъ рьяныхъ молодыхъ критиковъ, съ юношеской опрометчивостью, напалъ и на филистерскіе журналы, и на сочинителя. Съ тѣхъ поръ столько прошло времени, что рьяный крикунъ забылъ и сочинителя-гофрата, и многія изъ собственныхъ журнальныхъ статей. Каково же было его удивленіе, когда въ новомъ журналѣ онъ увидѣлъ выписки изъ своихъ старыхъ статей, выписки съ разными примѣчаніями, которыя еще были одобренны солидными остроумцами! Онъ прочелъ и выписки изъ своихъ статей, и остроумныя противъ нихъ выходки—и добродушно посмѣялся надъ тѣми и другими... А издатель неугомонно продолжалъ ратовать противъ всего талантливаго, хвали посредственность и самого себя, пока не угомонилъ своего журнала (ибо самъ былъ едва ли не

единственнымъ своимъ подписчикомъ и читателемъ).. Въ Германіи такое явленіе—не диковинка, а потому надъ нимъ даже и не смѣялись; оно прошло само собой, подобно мыльному пузырю, лопнувшему на воздухѣ. Но можно поручиться, что этимъ не кончатся затѣи добряка; самолюбіе посредственныхъ писаекъ неугомонно: лопнулъ свой журналъ, а чужіе не примутъ его статей,—тогда остаются брошюры. И такъ—до могилы! А все отъ наивнаго убѣжденія въ своемъ талантѣ и въ зависти къ нему враговъ...

Вообще объ ограниченныхъ людяхъ съ убѣжденіями можно составить пѣлую книгу, которая была бы интереснымъ психологическимъ сочиненіемъ. Главное различіе между даровитыми и умными людьми съ убѣжденіями состоитъ въ томъ, что убѣжденія первыхъ выходятъ изъ истины, а убѣжденія вторыхъ—изъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія. Человѣкъ съ умомъ всегда подверженъ сомнѣніямъ, которыя часто охлаждають и ослабляютъ жаръ и энергію его убѣжденій; люди посредственные свято вѣруютъ во всякій вздоръ, потому только, что этотъ вздоръ вышелъ изъ ихъ головы. Чужаки эти часто не подозреваютъ, что и вздоръ-то, поддерживаемый ими, не ихъ, а навѣянъ на нихъ другими, которые имѣютъ свои виды на вздоръ извѣстнаго рода и на добродушное усердіе простаковъ, готовыхъ отъ души ратовать за чужое мнѣніе, за которое ловко умѣли заставить ихъ уцѣпиться, какъ будто за ихъ собственное. Такъ иной патриотъ, нажившій втихомолку разными «патріотическими» средствами «индѣекъ малую толику», приберетъ себѣ журнальнаго работника, да изъ-за его джюаго въ работѣ плеча обдѣлываетъ по маленьку свои дѣлишки, взявъ на себя только трудъ говорить отъ времени до времени, что онъ готовъ умереть за свое родное, и что онъ съ головы до ногъ—«патріотъ». А простакъ работаетъ, какъ вошь, изъ одного безкорыстнаго стремленія обобщить свои идеи о томъ, что гдѣ много просвѣщенія, тамъ все гниетъ, и что нравы праотцевъ лучше всякой заморской мудрости. Однако жъ этотъ простакъ бываетъ иногда не очень добръ и часто обнаруживаетъ придиричивую взыскательность, —это съ нимъ случается всякій разъ, когда задѣнутъ его авторское самолюбіе или его педантическій догматизмъ. Во всемъ остальномъ это добрѣйшій человѣкъ; похвалите его, согласитесь съ нимъ въ его мнѣніяхъ,—онъ произведетъ васъ въ геніи. Это ему такъ легко, ибо у него нѣтъ никакихъ началъ: его мыслью управляютъ слова, а не мысли словами. Слова же его—это образецъ пухлага безмыслия, изысканныхъ фразъ. Если онъ давно пишетъ (особенно, если еще

чему-нибудь учился, знаетъ языки и много читалъ), онъ набиваетъ руку и приобретаетъ способность много и скоро писать обо всемъ, и при томъ такъ, что въ его писаніи есть какая-то оригинальность, какой-то блескъ выраженія. Но это оригинальность искусственная, это блескъ фольги. Прочтете — и не помните, что и о чемъ вы прочли. Особенно поражаетъ васъ въ его слогъ искусство перефразирования: одна и та же мысль, и при томъ простая и пустая, какъ, напр., то, что деревянные столы дѣлаются изъ дерева, одна и та же мысль тянется у него длинной вереницей предложений, періодовъ, троповъ, фигуръ; онъ переворачиваетъ ее съ боку на бокъ, плодитъ ее на цѣлыхъ страницахъ и пересыпаетъ многоточіями. Все у него такъ кудряво, во всемъ такое изобиліе эпитетовъ, амплификацій, что неопытный читатель дивится этой живописности, этой рельефности, этимъ разноцвѣтнымъ и блестящимъ перебивамъ слога, — и его очарованіе только тогда исчезнетъ, когда онъ задастъ себѣ вопросъ о содержаніи бойко и затѣйливо написанной статьи: ибо вмѣсто всякаго содержанія онъ замѣчаетъ, къ удивленію своему, только одно пухлое самолюбіе и однѣ пухлыя слова и фразы. Это особенно часто является на Западѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Западъ началъ гнить; у насъ, на Руси, гдѣ еще писательство не обратилось въ привычку, такія явленія пока еще едва ли возможны.

Вообще убѣжденія людей посредственныхъ, невѣжественныхъ и ограниченныхъ представляютъ собой картину столько же смѣшную, сколько и жалкую. Они почти всегда оканчиваютъ рѣшительнымъ неуспѣхомъ и совершеннымъ отчаяніемъ. Не такое зрѣлище представляютъ собой люди ловкіе, но безъ всякихъ убѣжденій, критики не по призванію, а по нуждѣ или по расчету. Этимъ большей частью хорошо везетъ, особенно, если они умѣютъ во-время остановиться, кстати замолчать. Но здѣсь-то они обыкновенно и попадаются въ сѣти своего чернаго демона. Привычка управлять мнѣніемъ довѣряющей имъ части публики такъ вкореняется въ нихъ, что дѣлается равносильной страстью жадѣ пріобрѣтенія. Это ихъ заставляетъ всю жизнь повторять одно и то же, т. е. кричать о своихъ заслугахъ, о своей народности, о зависти, невѣжествѣ, злобѣ и безталантности своихъ враговъ, о своей готовности умереть за истину (на бумагѣ), о томъ, что кто не писалъ самъ романа, тотъ не имѣетъ права судить о чужихъ романахъ... Какъ это не надоѣсть имъ самимъ! Тактика ихъ очень проста и (до поры, до времени) очень вѣрна; они лстятъ публикѣ, величая ее «почтеннѣйшей и милостивой го-

сударыней» (въ харчевняхъ такая галантерейность обращенія, говорятъ, въ большомъ ходу), и главное — хвалить себя безъ стыда и совѣсти. Одну и ту же книгу они и разбраняютъ и расхваляютъ, и потомъ опять разбраняютъ и расхваляютъ, смотря по тому, что найдутъ въ книгѣ... Если ихъ уличать въ противорѣчій, они ссылаются или на сотрудника, котораго, будто бы, не считаютъ себя въ правѣ стѣснять въ убѣжденіяхъ, или говорятъ, что ихъ листокъ даетъ мѣсто всемъ мнѣніямъ, не отвѣчая ни за одно. При томъ же они очень хорошо знаютъ, что журнальные листы живутъ одинъ день и завтра забываются: такъ гдѣ же публикѣ помнить всѣ противорѣчія и всѣ продѣлки его издателей! До убѣжденій, до началъ имъ нѣтъ дѣла: они знаютъ — будетъ день, будетъ и хлѣбъ. И потому у нихъ что день, то новыя убѣжденія. Въ одномъ только вѣрны они себѣ — во враждѣ ко всякому успѣху, въ которомъ они не участники — и къ материальному, и къ умственному. Талантовъ они не любятъ по инстинкту, ибо сами богаты только звонкими ходячими талантами. Все это опять обыкновенное явленіе на Западѣ, гдѣ ежедневная журналистика сосредоточила въ себѣ всѣ интересы современной жизни. Тамъ даже бываютъ такіе газетѣры, которые, прочтя въ другомъ журналѣ что-нибудь о литературныхъ плутняхъ, сейчасъ же пишутъ возраженія и нападаютъ на дурной обычай употреблять личности. Успѣхъ книги они обыкновенно измѣряютъ ея расходомъ; нападая на другой журналъ, всегда считаютъ по пальцамъ его подписчиковъ. Если имъ нѣкогда удалось поддѣть публику какими-нибудь шарлатанскими сочиненіями, то они такъ и колятъ глаза людямъ, которые ничего не издали отдѣльно, лишая ихъ за это права писать въ журналахъ. Имъ нужды нѣтъ, что ихъ книги давно уже забыты: они тѣмъ громче кричатъ о своихъ заслугахъ, зная, что не всякій читатель захочетъ справляться насчетъ достоинства ихъ писаній. Но какъ же, спросятъ насъ, они такъ долго могутъ держаться? Очень просто: люди смѣтливые, они во-время затѣяли изданіе, въ которомъ была нужда; прежде, чѣмъ публика ихъ разгадала, изданіе ихъ получило ходъ, а соперниковъ не явилось, потому что за границей основаніе новаго изданія очень трудно, въ денежномъ отношеніи.

Это промышленники мелкіе. Ихъ критика — фельдетонная, мелочная; она состоитъ больше въ объявленіи о новыхъ книгахъ съ приличными возгласами. Но бываютъ промышленники en grand, промышленники оптовые. Этимъ для успѣха нужна не одна ловкость и изворотливость, но и умъ, и способность, если не талантъ. Мелкая изворот-

ливость имъ нужна только для зазыва публики въ ихъ олимпійскій циркъ съ великолѣпными представленіями на лошадяхъ и съ фейерверками; но тутъ имъ можетъ помочь какая-нибудь пріятельская газета, которая закричитъ: «кто не подпишется, тотъ не любитъ отечественной литературы». Но вотъ великое дѣло совершенно съ успѣхомъ: тысячи подписчиковъ жаждутъ читать новый журналъ—неслыханное чудо, невиданное ливо въ мірѣ журналистики. Любопытно знать, какъ и чѣмъ оправдаетъ новый журналъ возбужденныя имъ безмѣрныя ожиданія въ публикѣ, какъ и чѣмъ упрочитъ онъ свое существованіе на будущее время. Разумѣется, критикой, которая есть душа всякаго журнала. Въ чемъ же будетъ состоять направленіе новой критики, какой будетъ ея отличительный характеръ?—Нашъ журналистъ человекъ умный: онъ знаетъ, что надо блеснуть новизной, надо быть оригинальнымъ, надо озадачить. И вотъ онъ полагаетъ въ основу своей критики скептицизмъ и насмѣшку. На что же устремлены его скептицизмъ и насмѣшка?—На все, о чемъ ни говорить онъ, на все, чѣмъ ни великъ міръ науки, мысли, искусства. Онъ понимаетъ, что скептицизмъ—самая лучшая удочка для уловленія толпы. Простодушная, она обыкновенно удивляется тому, кто, много зная (т. е. обо многомъ говоря съ увѣренностью), ничему не вѣритъ и все считаетъ за вздоръ. Насмѣшка ее забавляетъ, не давая ей труда мыслить и вникать въ сущность дѣла. Толпа при томъ самолюбива; она низко кланяется гению, таланту, всякому роду нравственнаго превосходства; но отъ этихъ поклоновъ тайно страдаетъ ея самолюбіе: ей непріятно думать, что надъ ней такъ высоко стоятъ нѣсколько выскочекъ, что эти выскочки высшей природы, что они—аристократы человечества, а она, бѣдная толпа, представляетъ собой простой народъ plebs. Надо подслужиться ей, надо польстить ей тайной думѣ, которой она не смѣетъ высказать, надо говорить ей, что все хорошо только издали, что славны бубны за горами, что все великое велико только условно. И вотъ—въ новомъ журналѣ является біографія за біографіей, но совѣтъ не въ родѣ Плутарховыхъ «жизнеописаній великихъ мужей». Простодушный и возвышенный грекъ видѣлъ въ своихъ великихъ мужахъ проявленіе на землѣ божественнаго начала, торжество и славу божественскаго духа, красоту и утѣшеніе человечества. Онъ не скрывалъ отъ читателя темныхъ сторонъ своихъ героевъ, ибо зналъ, что безъ этихъ сторонъ они были бы не людьми, а призраками; онъ отыскивалъ силу въ слабости, разумъ—въ ограниченности, добродѣтель—въ борьбѣ со страстями,—

такъ, какъ все это является въ самой дѣйствительности и какъ, слѣдственно, иначе являться не можетъ. Нашъ біографъ отправился отъ противоположной точки возрѣнія: онъ отыскивалъ эгоизмъ въ самопожертвованіи, заблужденіе—въ истинѣ, глупость и тщеславіе—въ добродѣтели. Великіе люди у него явились и завистниками, и интриганамъ, и пролазами, и эгоистамъ, и невѣждами, и негодяями; онъ искусно умѣлъ отбѣнить ихъ этими качествами такъ, что изъ-за этихъ качествъ не видно стало великихъ людей. Когда же сами факты слишкомъ противорѣчили его уже черезчуръ субъективнымъ возрѣніямъ на великое въ мірѣ, онъ—смѣло ломалъ дѣйствительность фактовъ, выворачивалъ ихъ наизнанку или, опираясь на свою мнимую ученость, выдумывалъ небывалые факты или отрицалъ дѣйствительность извѣстныхъ и доказанныхъ, ссылаясь на какія-нибудь небывалыя новыя сочиненія. И вотъ толпа обрадовалась, что ей все по плечу, что она нисколько не хуже, нисколько не ниже своихъ бывшихъ идоловъ, которые велики, только благодаря прихоти ваятелей, давшихъ имъ колоссальныя размѣры. Славный журналъ! толпа читаетъ и не нахвалится!.. Но не однимъ этимъ ее тѣшатъ. Ей доказываютъ, что наука—вздоръ, изобрѣтеніе педантовъ, что разумъ, которымъ гордится человечество, есть не что иное, какъ обманщикъ человечества, который жодить ее за носъ; что система выдумана школярами, чтобы затемнить истину, что можно все знать, ничему не учась и только читая журналъ, въ которомъ проповѣдуются такія удобоприложимыя къ жизни начала; что философы—шарлатаны, что самъ Сократъ былъ тонкій плутъ, морочившій аэинянъ своимъ демономъ, и пр. «Эге, ге!—говорила толпа, лукаво посвистывая,—такъ вотъ оно какъ! ай-да молодець! славно, ну!». Но толпа не можетъ жить безъ гениевъ: отсутствіе гениевъ такъ же оскорбляетъ ея самолюбіе, какъ и ихъ превосходство передъ ней. Ловкій критикъ-скептикъ понимаетъ это. И вотъ онъ дѣлаетъ своихъ гениевъ, выдавая патенты на гениальность своимъ клеветамъ, разной посредственности. Это ему и легко, и весело: онъ ихъ и жалуется, и разжальваетъ по своей волѣ, а они его трепещутъ, шипутъ по его заказамъ, работаютъ съ плеча,—и романамъ, повѣстямъ, драмамъ конца нѣтъ... Толпѣ любы эти гени, съ которыми она можетъ обходиться за панибрата, которые велики, знамениты, славны, и въ то же время скромны и никого не могутъ оскорбить своимъ превосходствомъ; которые сочиняютъ славно, а зазнаваться не смѣютъ, вѣдая, что съ ними церемониться не будутъ, какъ съ тѣми деревянными божками, которымъ

буряты кланяются и приносят жертвы во время ведра, и которых они же нещадно сбьют во время ненастья. Все истинно великое, истинно даровитое критикъ хвалитъ только по отношеніямъ, когда отъ этого есть польза его журналу; но и тутъ онъ хвалитъ такъ двусмысленно, что не разберешь, шутитъ онъ или говоритъ серьезно, бранитъ или хвалитъ. Тѣ же таланты, которые гордо презираютъ и его браню, и его лестью, онъ неослабно преслѣдуетъ и намеками, и явной бранью. Ему это такъ легко, онъ такъ смѣлъ и рѣшителенъ... Разбирая книгу, онъ выдастъ собственное сочиненіе за выписку изъ разбираемой книги и скажетъ: «смотрите, какъ глупо!» Онъ же къ этому мастеръ смѣшить толпу,—а кто хочотъ, тотъ побѣжденъ; тому некогда ни подумать, ни навести справки. Все это для критика-скептика очень хорошо: журналъ его цвѣтетъ, имя его пользуется извѣстностью, благосостояніе утверждено. Но высшая точка успѣха часто бываетъ опасна; кому нельзя итти выше, тотъ часто летитъ внизъ... Толпа—предатель, толпа не умираетъ, какъ человѣкъ; ея выбылые ряды безпрестанно замѣняются новыми, свѣжими лицами, которыя требуютъ новаго и находятъ пошлымъ повтореніе стараго. Нашъ же журналистъ-скептикъ поневолѣ долженъ ограничиться повтореніемъ одного и того же, ибо только одна истина неизстощима въ своемъ развитіи и, пребывая самой собой, одной и той же, всегда является въ своемъ развитіи новой и оригинальной. И благо скептическому критику, если онъ сумѣетъ остановиться во-время, и будетъ забыть, не напоминая о себѣ! изъ всѣхъ родовъ забвенія самый унизительный для человѣка тотъ, когда онъ еще твердитъ о себѣ, а о немъ уже забыли. Не помогутъ тогда ему никакіе фокусы-покусы, и его журналъ падетъ, какъ ни вспрыскивай его мертвой и живой водой позднихъ преобразованій и улучшеній, какъ ни призывай себѣ на помощь и на поддержку неопытныхъ спекулянтовъ...

Скептицизмъ—слово великое и слово пошлое, смотря по тому, какъ его понимаютъ. Скептицизмъ никогда не бываетъ самъ себѣ цѣлью, и не въ немъ удовлетвореніе стре-

мленій и порываній духа, жаждущаго знанія! Глупцы и люди ограниченные всему вѣрятъ, потому что не могутъ ничего изслѣдовать. Люди глубокіе — скептики по натурѣ; но скептицизмъ такихъ людей есть признакъ души, жаждущей знанія, а не холоднаго отрицанія. Чѣмъ больше любитъ человѣкъ истину, тѣмъ внимательнѣе ее изслѣдуетъ, тѣмъ осторожнѣе ее принимаетъ. Онъ вѣритъ въ достоинство истины, вѣритъ въ непреложность ея существованія; но онъ не вѣритъ на слово людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ истины, ибо знаетъ, что человѣкъ и истина—не одно и то же; но онъ не вѣритъ безусловно и самому себѣ, ибо знаетъ, что его, какъ человѣка, можетъ обманывать и привычка, и непосредственность, и чувство, и его собственный умъ. Скептицизмъ такихъ людей не отрицаетъ истины, а отрицаетъ только то, что можетъ быть примѣшано людьми къ истинѣ ложнаго и ограниченаго. Во времена переходныя, во времена гніенія и разложенія устарѣвшихъ стихій общества, когда для людей бываетъ одно прошедшее, уже отжившее свою жизнь, и еще не вставшее будущее, а настоящаго нѣтъ,—въ такія времена скептицизмъ овладѣваетъ всѣми умами, дѣлается болѣзью эпохи. Истинный скептицизмъ есть неудовлетворяемое стремленіе къ истинѣ, а слѣдовательно—болѣзнь, какъ голодь и жажда, ненормальное состояніе, средство, а не цѣль. Только умы мелкіе, души ничтожныя щеголяютъ скептицизмомъ, какъ моднымъ платьемъ, хвалятся имъ, какъ заслугой. Только маленькіе великіе люди, фокусники и потѣшники празднои толпы, только они сомнѣваются во всемъ легко и весело, забавляясь, а не страдая... И что за заслуга—надъ всѣмъ смѣяться и все бранить—и науку, и разумъ, и искусство? Это значить не быть умнымъ и великимъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ понятій снова къ русской критикѣ, мы вмѣстѣ съ красно-рѣчивымъ профессоромъ, подавшимъ намъ своей прекрасной рѣчью поводъ ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, желаемъ ей, т. е. русской критикѣ, «больше любви къ искусству и больше уваженія къ самой себѣ!»

Душенька, древняя повесть, И. Богдановича.
Спб. 1841 г.

«Душенька» имѣла въ свое время успѣхъ чрезвычайный, едва ли еще не высшій, чѣмъ трагедіи Сумарокова, комедіи Фонвизина, оды Державина, «Россиада» Хераскова. Пастушеская свирѣль Богдановича очаровала слухъ современниковъ сильнѣе трубъ и литавръ эпическихъ поэмъ и торжественныхъ одъ: миртовый вѣнокъ его былъ обольстительнѣе лавровыхъ вѣнковъ нашихъ Гомеровъ и Пиндаровъ того времени. До появленія въ свѣтъ «Руслана и Людмилы» наша литература не представляетъ ничего похожаго на такой блестящій триумфъ, если исключить успѣхъ «Бѣдной Лизы» Карамзина. Всѣ поэтическія знаменитости пустились писать надписи къ портрету счастливаго пѣвца «Душеньки», а когда онъ умеръ, — эпитафіи на гробѣ.

Одинъ Дмитріевъ, въ свое время поэтическая знаменитость первой величины, написалъ три такія эпитафіи. Батюшковъ воспѣлъ Богдановича въ своемъ прекрасномъ посланіи къ Жуковскому «Мои Пенаты», вмѣстѣ съ другими знаменитостями русской литературы. Карамзинъ написалъ разборъ «Душеньки», въ которомъ сидился доказать, что Богдановичъ побѣдилъ Лафонтена, забывъ, что сказка Лафонтена если писана и прозой, то прозой изящной, на языкѣ уже установившемся, безъ усѣченій, и насильственныхъ удареній, что у Лафонтена есть и наивность, и остроуміе, и грація, столь сродственныхъ французскому гению.

Что же такое въ самомъ-то дѣлѣ эта преславенная, это пресловутая «Душенька»?

Да ничего, ровно ничего: сказка, написанная тяжелыми стихами, съ усѣченными прилагательными, натянутыми удареніями, часто съ полубогатыми и бѣдными приемами, — сказка, лишенная всякой поэзіи, совершенно чуждая игривости, граціи, остроумія. Правда, авторъ ея претендовалъ на поэзію, и на грацію, и на остроумную наивность или наивное остроуміе; но все это у него поддѣльно, тяжело, грубо, часто безвкусно

и плоско. Выпишемъ для примѣра хоть то мѣсто, гдѣ Душенька, съ свѣтильникомъ въ рукѣ и съ мечомъ подъ полой, увидѣла спящаго Амура:

Увидя Душенька *прекрасно* божество,
На мѣсто аспіда, котораго боялась,
Видѣние сіе почла за колдовство,
Иль сонъ, или *призракъ*, и долго изумлялась,
И видя, наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ,
Едва не кинула лампы и кинжала.

И, позабывъ тогда свою *приличную* стать,
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будто бь никогда его не обнимала.
Но удовольствіемъ *жаждущимъ* очей
Остановлялась тутъ стремительность *любовна*,

И Душенька тогда, недвижна и *безсловна*,
Считала ночь сію *пріятнѣе* всѣхъ ночей.
Она не разъ себя въ семь днівъ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что только зрѣть

могла,
Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красотѣ *заранѣ* не видала,
Почто о богѣ семь въ незначіи была,
И дерзостно его за змѣя почитала.

Вслѣдъ дождь царска дочь,
Въ сію *пріятную* ночь
Для свободу взгляду,
Приблизилась, потомъ приближила лампаду,
Потомъ печальной бѣдой,

При семь движеніи, и робкомъ, и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукою

Небрежно надъ бездромъ лампаду наклонила,
И, *масла* часть проливъ *оттолкъ*,

Ожогомъ бедра Амура разбудила.
Почувствовавъ *жестокую* боль,
Онъ вдругъ *вадрогнулъ*, вскричалъ, про-
снулся,

И, боль свою забывъ, *отъ свѣта ужаснулся*;
Увидѣлъ Душеньку, увидѣлъ также мечъ,
Который *изъ-подъ* плеча

Къ ногамъ тогда *скользнулся*;
Увидѣлъ онъ вины,
Или *признаки* винъ *зломышленной* жены;
И тщечно тутъ желала

Сказать *несчастья* всѣ сначала,
Какія *въ вытравку* сказать ему могла.
Слова въ устахъ останавлились:
И свѣтъ, и мечъ *въ винахъ* уликою являлись,
И Душенька тогда, *упадши*, обмерла.

Свирѣчь «сомѣла», — и по дѣломъ ей! Мы нарочно не поскупились на выписку: пусть читатели сами судятъ по этому отрывку, какого труда и поту стоитъ прочесть поэму, писанную такими милыми стихами и пре-

исполненную такой легкой, очаровательной и граціозной поэзіи.

«Душенька» Богдановича ведет свое начало отъ высокаго эллинскаго міеа о сочетаніи души съ любовью, т. е. о проникновеніи духовнымъ началомъ естественнаго влеченія половъ: на этотъ разъ изъ чистаго и глубокаго источника вытекала мутная лужица воробью по колѣно. Конечно, нельзя винить Богдановича за то, что ему не могла и въ голову войти подобная мысль: объ этихъ премудростяхъ и въ самой Германіи очень незадолго до его времени начали догадываться; не винимъ его также за отсутствіе художественнаго такта, пластичности и наивной граціозности древнихъ: онъ не былъ ни художникомъ, ни поэтомъ, ни даже особенно талантливымъ стихотворцемъ, да въ его время о художественности и пластичизмѣ древнихъ и сами нѣмцы только что начали догадываться, а вся остальная Европа жила въ идеѣ остроумія; но вѣдь остроуміе должно же быть остроумно, а не плоско; шалость должна же быть игрива, граціозна, чтобъ не оскорблять эстетическаго вкуса...

Почему же «Душенька» Богдановича имѣла такой блестящій успѣхъ?—Мы первые согласны въ томъ, что всякій блестящій успѣхъ всегда основывается если не на достоинствѣ, то на какой-нибудь основательной причинѣ; и мы убѣждены, что успѣхъ «Душеньки» былъ вполнѣ заслуженный, такъ же, какъ и успѣхъ «Вѣдной Лизы». Это очень легко объяснить. Громкія оды и тяжелыя поэмы всѣхъ оглушали и удивляли, но никого не улаждали,—и потому всѣ мечтали о какой-то «легкой поэзіи», вѣроятно, разумѣя подъ ней салонную французскую беллетристику. И вотъ является человекъ, который для своего времени пишетъ просто и легко, даже забавно и игриво, силится ввести въ поэзію комическій элементъ, высокое смѣшать съ смѣшнымъ, какъ это есть въ самой дѣйствительности, риторикѣ поддѣльнаго эмфазы замѣнить риторикой оддѣльной наивности и остроумія, какимъ наградила его скупая природа. Естественно, что все приходитъ въ восторгъ отъ такой невидали и небывальщины: должно было приглядѣться къ ней (а для этого нужно было время и время), чтобы увидѣть ея незначительность и пустоту. И приглядѣвшись, но тогда еще наши литературные авторитеты сокрушались медленно: ихъ и не читали, а все-таки хвалили по преданію и лѣнливой привычкѣ. И вотъ Батюшковъ, поэтъ съ большимъ дарованіемъ и съ художественнымъ тактомъ, безсознательно преклоняясь передъ всемогущей тогда силой преданія, воспѣлъ Богдановича, какъ лю-

бимца музъ и грацій, съ которыми у пѣвца «Душеньки» не было ничего общаго. Вѣдь Дмитріевъ говорилъ же о Херасковѣ:

Пускай отъ зависти сердца зоиловъ ноютъ,
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ шитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Воейковъ (во время оно тоже литературная и поэтическая знаменитость) провозглашалъ:

Херасковъ—нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни
брани,
Россіи торжество, паденіе Казани...

А теперь?—Увы!—*Sic transit gloria mundi!* Успѣху «Душеньки» много способствовалъ и ея вольный, шаловливый тонъ, столь противоположный чопорности литературныхъ приличій того времени. Этому же обстоятельству много обязаны были своимъ успѣхомъ и сказки Дмитріева «Причудница» и «Модная Жена», которыя, впрочемъ, по литературному достоинству гораздо выше «Душеньки». Однако жъ поэма Богдановича—все-таки замѣчательное произведеніе, какъ фактъ исторіи русской литературы: она была шагомъ впередъ и для литературы, и для литературнаго образованія нашего общества. Кто занимается русской литературой, какъ предметомъ изученія, а не одного удовольствія, тому—еще болѣе записному литератору—стыдно не прочесть «Душеньки» Богдановича. Но безотнositельныхъ достоинствъ она не имѣетъ никакихъ, и въ наше время нѣтъ ни малѣйшей возможности читать ее для удовольствія.

А между тѣмъ «Душенька» до сихъ поръ все печатается новыми изданіями; мелкіе книжные торговцы сдѣлали ее постояннымъ средствомъ для своихъ спекуляцій. И это очень понятно. У насъ есть особый классъ читателей: это люди, только что начинающие читать, вмѣстѣ съ перемѣной національнаго сермяжнаго кафтана на что-то среднее между купеческимъ длиннополымъ скюрткомъ и фризовой шинелью. Обыкновенно они начинаютъ съ «Милорда Англинскаго» и «Потеряннаго Рая» (неистовымъ образомъ переведеннаго прозой съ какого-то риторическаго французскаго перевода), «Письмовника» Курганова, «Душеньки» и басенъ Хемницера,—этими же книгами и оканчиваютъ, всю жизнь перечитывая усладительныя для ихъ грубаго и необразованнаго вкуса творенія. Потому-то эти книги и издаются почти ежегодно нашими смѣтливими книжными торговцами.

Новое изданіе «Душеньки» очень скромно и ужасно безвкусно. Корректурa неистово. Приложеній нѣтъ никакихъ.

Герой Нашего Времени. Соч. М. Лермонтова. Изданіе второе. Спб. 1841. Двѣ части.

Давно ли мы привѣтствовали первое изданіе «Героя Нашего Времени» большой критической статьей и, полные гордыхъ, величавыхъ и сладостныхъ надеждъ; со всѣмъ жаромъ убѣжденія, основаннаго на сознаніи, указывали русской публикѣ на Лермонтова, какъ на великаго поэта въ будущемъ, смотрѣли на него, какъ на преемника Пушкина въ настоящемъ!.. И вотъ проходитъ не болѣе года,—мы встрѣчаемъ новое изданіе «Героя Нашего Времени» горькими слезами о невозвратимой утратѣ, которую понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ Лермонтова!.. Несмотря на общее, единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго,—наши восторженные похвалы и радостные привѣты новому свѣтлу поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными. Слава ихъ благоразумію, такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!.. Въ сознаніи великой, невознагради-мой утраты, въ полнотѣ ѣдкаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ сомнѣнія, и охотно сознаться, что говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели настоящаго Лермонтова,—видѣли Алкида, въ колыбели удущающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасной палицей лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ, еще недостаточно для упроченія колоссальной славы, и болѣе значительно какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно выходящій изъ круга обыкновеннаго. Первые лирическія пьесы «Русланъ и Людмила» и «Кавказскій плѣнникъ» не могли еще составить славы Пушкина, какъ великаго мірового поэта; но въ нихъ уже видѣлся будущій создатель «Цыганъ», «Онѣгина», «Бориса Годунова», «Моцарта и Сальери», «Скупого Рыцаря», «Русалки», «Каменнаго Гостя» и другихъ великихъ поэмъ... Толпа судить и дѣлаетъ свои приговоры заднимъ числомъ; она говоритъ, когда уже не боится проговориться. Толпа идетъ ощупью и о твердости встрѣченнаго ею предмета судить по силѣ толчка, съ которымъ наткнулась на него. Оставляя за толпой право видѣть вещи не иначе, какъ оборачиваясь назадъ, не будемъ отнимать права у людей заглядывать впередъ и—по настоящему предсказы-

вать о будущемъ... Всякому свое: толпѣ кричать, людямъ мыслить... Пусть же кричитъ она, а мы снова повторимъ: новая великая утрата осиротила бѣдную русскую литературу!

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатью какой-то особености; они не походили ни на что, являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина. Трудно было выразить словомъ, что въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отблескъ истиннаго и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все—и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно прекрасную форму, какъ теплая кровь одушевляетъ молодой организмъ и яркимъ, свѣжимъ румянцемъ проступаетъ на ланитахъ юной красоты; тутъ была и какая-то мощь, горделиво владѣвшая собой и свободно подчинявшая идеѣ своенравные порывы свои; тутъ была и эта оригинальность, которая въ просторѣ и естественности открываетъ собой новые, дотогдѣ не виданные міры, и которая есть достояніе однихъ гениевъ; тутъ было много чего-то столь индивидуальнаго, столь тѣсно соединеннаго съ личностью творца,—много такого, что мы не можемъ иначе охарактеризовать, какъ назвавши «Лермонтовскимъ элементомъ»... Какой избытокъ силы, какое разнообразіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ!.. Какое сильное сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ-подъ пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды и въ то же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами, съ которыхъ сорваны они рукой невидимой... Тутъ, кажется, присутствуешь духомъ таинству мысли, рождающейся изъ ощущенія, какъ рождается бабочка изъ некрасивой личинки... Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы; все на мѣстѣ, все необходимо, потому что все перечувствовано прежде, чѣмъ сказано, видѣно прежде, чѣмъ положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибочныхъ образовъ, натянутого восторга: все свободно, безъ усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ, излилось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній покорены единству мысли; волненіе и борьба противоположныхъ элементовъ послушно сливаются въ одну гармонию, какъ разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ въ оркестрѣ, послушныхъ волшебному жезлу капельмейстера... Но главное—все это блещетъ своими, незаимствованными красками, все дышитъ самобытной и творческой мыслью, все образуетъ новый, дотогдѣ невиданный міръ... Только дикіе невѣжды, черствые педанты, которые за буквой не

видятъ мысли и случайную вѣдливость всегда принимаютъ за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи букварей и фоліантовъ могли бы находить въ самобытныхъ вдохновенияхъ Лермонтова подражанія не только Пушкину и Жуковскому, но и Бенедиктову или Якубовичу.

Повторяемъ: небольшая книжка стихотвореній Лермонтова, конечно, не есть колоссальный монументъ поэтической славы; но она есть живое, говорящее прорицаніе великой поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробныя аккорды, но аккорды, взятые рукой юнаго Бетховена... Просвѣщенный иностранецъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ ихъ малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силѣ русской фантазіи, даровитости русской натуры... Нѣкоторыя изъ нихъ законно могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи... «Герой Нашего Времени» обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого великаго поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этого романъ былъ книгой, вполне оправдывавшей свое названіе! Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ Его Печоринъ—какъ современное лицо—Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются—можетъ быть, и не безъ основанія—на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни русскаго общества; но Лермонтовъ въ своемъ «Герое» умѣлъ и изъ этой бесплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтические міры. «Бѣла» и «Тамань» въ особенности могутъ считаться одними изъ драгоценнѣйшихъ жемчужинъ русской поэзіи, а въ нихъ еще остается сколько дивныхъ подробностей и картицъ, въ которыхъ съ такой отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимовича! «Княжна Мери» менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и, такъ сказать, нерѣдко въ нихъ путался: но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый живо-трепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... Но, увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія и—исчезнуть во всей красѣ своей...

Прекрасное погубило въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!
Губителемъ неслышимымъ и незримымъ,
Во всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожить,
Приюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ.
Гнетомы всѣ единой грозной силой,
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ:
„было!“

Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что называется «слогомъ». Слогъ отнюдь не есть простое умѣнье писать грамматически правильно, гладко и складно,—умѣнье, которое часто дается и безталантности. Подъ «слогомъ» мы разумѣемъ непосредственное, данное природой умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь сжато, высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формой и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловіе Лермонтова ко второму изданію «Героя Нашего Времени» можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что значитъ «имѣть слогъ». Какая точность и опредѣленность въ каждомъ словѣ; какъ на мѣстѣ и какъ незамѣнимо другимъ каждое слово! Какая сжатость, краткость и вмѣстѣ съ тѣмъ многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное авторомъ, понимаешь еще и то, чего онъ не хотѣлъ говорить, опасаясь быть многорѣчивымъ. Какъ образны и оригинальны его фразы: каждая изъ нихъ годится быть эпиграфомъ къ большому сочиненію. Конечно, это «слогъ», или мы не знаемъ, что такое «слогъ»...

Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Найдется пьесъ десятокъ первыхъ его опытовъ, кромѣ большой его помы—«Демонъ»; пьесъ пять новыхъ, которыя подарилъ онъ редактору «Отечественныхъ Записокъ» передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ... Наслѣдіе не огромное, но драгоценное! «Отечественныя Записки» почтутъ священнымъ долгомъ скоро подѣлиться ими съ своими читателями. Лермонтовъ немного написалъ—безконечно меньше того, сколько позволилъ ему его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣній бытія, самый родъ жизни—отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устраиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться вглубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетой жизни, созданія зрѣлыя;

онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогию, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собой связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовской тетралогіи, начинающейся «Послѣднимъ изъ Могилянъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ Пустынь» и «Пионерами» и оканчивающейся «Степями».. какъ вдругъ—

Младой цѣвецъ
Нашель безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увяль на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!

Нельзя безъ печальнаго содроганія сердца читать этихъ строкъ, которыми оканчивается, въ 63 № «Одесскаго Вѣстника», статья Андреевскаго «Пятигорскъ»: «15 юлія, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время между горами Машукой и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное сюда бездыханное тѣло поэта»..

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурная любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни не земной,
Вы, сны поэзіи святой?
Быть можетъ, онъ для блага міра
Иль хотъ для славы былъ рожденъ;
Его умокнувшая лира
Гремуцій непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую гайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домычтся гласъ временъ—
Благословенія племень!

Русская исторія для первоначальнаго чтенія.
Соч. Николая Полевого. Часть четвертая. Спб.
1841.

Эта книжка—продолженіе прекраснаго труда, которому давно была бы пора кончиться... Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ читателей, особенно «не нашего прихода», покажется страннымъ, что «Отечественныя Записки» хвалятъ книгу, написанную Полевымъ. «При сей вѣрной оказіи» просимъ этихъ господъ замѣтить однажды навсегда, что «Отечествен-

ныя Записки» чужды низкой вражды къ лицу, мимо его произведеній, что онѣ всегда преслѣдовали и всегда будутъ преслѣдовать произведенія тѣхъ людей, отъ которыхъ, по ихъ природной бездарности, соединенной съ ограниченностью понятій, нельзя ожидать ничего хорошаго, по той самой простой причинѣ,— что въ наше время чудесъ не бываетъ, и ворона никогда не запоетъ соловьемъ. Правда, и подобнымъ головамъ случается иногда обмолвиться умнымъ словомъ; правда, и Тредьяковскому какъ-то разъ удалось написать эти прекрасные стихи:

Вонми, о небо! и реку
Земля да слышитъ усть глаголы,
Какъ дождь я словомъ потеку,
И свидуть, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

Но въ продолженіи и въ окончаніи этихъ стиховъ, достойныхъ Державина, опять таки сказала почтенный профессоръ эловенци. а паче всего хитростей піитическихъ, Василий Кирилловичъ Тредьяковский, изобрѣтатель гексаметра, который можетъ соперничать только развѣ съ октавами одного позднѣйшаго изобрѣтателя въ томъ же родѣ. Умныя обмолвки «профессоровъ эловенци, а паче всего хитростей піитическихъ», напоминаютъ прекрасную эпиграмму Баратынскаго:

Глупцы не чужды вдохновенья;
Имъ также пылкія мгновенія
Оно, какъ геніямъ, дарить:
Слегая съ неба, всѣ растеня
Равно весна животворить.
Что жъ это сходство знаменуетъ?
Что имъ глупецъ приобрѣтеть?
Его капустою раздуетъ,
А лавромъ онъ не расцвѣтетъ.

И потому есть имена, которыя никогда не встрѣтятся въ «Отечественныхъ Запискахъ» похвалы своимъ произведеніямъ.

Но не къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Полевого. Мы поставляемъ себѣ за особенное удовольствіе и за честь признавать въ Полевомъ человѣка необыкновенно умнаго и даровитаго, литератора дѣятельнаго, оказавшаго, въ качествѣ журналиста, важныя услуги русской литературѣ и русскому образованію. Мы только не видимъ въ немъ генія, какимъ ему иногда угодно было признавать себя въ порывахъ свойственнаго человѣческой слабости самолюбія. Уважая многія изъ его произведеній, какъ имѣющія неоспоримое достоинство для своего времени, мы не видимъ въ нихъ твореній не только вѣчныхъ, но даже и долговѣчныхъ. И что жъ тутъ унижительнаго или обиднаго для Полевого? Всякому свое: одинъ творить для вѣковъ и человечества, но, доступный только немногимъ избраннымъ, не служить сильнымъ рычагомъ для движенія общества; другой пишетъ для эпохи и сливаетъ свое имя

съ исторіей этой эпохи. Послѣдній еще скорѣе получаетъ свою награду, чѣмъ первый: часто, теряя въ потомствѣ первобытное свое значеніе, онъ тѣмъ выше въ глазахъ современниковъ. Развѣ это не дестно и не славно? Развѣ для этого не должно, какъ говоритъ Гамлетъ, «быть избраннымъ изъ десяти тысячъ»?... Но, повторяемъ: отдавать должно — не значить приписывать излишнее, и заслуга не защищаетъ отъ порицаній въ ошибкахъ. Полевой оказалъ великую заслугу литературѣ своимъ «Телеграфомъ», и мы умѣемъ быть благодарны за нее, но не до такой же степени, чтобы не видѣть, что съ «Телеграфомъ» кончилось время его журнальной дѣятельности, и что если его имя воскресило на минуту «Сынъ Отечества», то его же редакция и снова умирала этотъ несчастный журналъ. Всему свое время: жизнь угасаетъ и въ народахъ, не только въ отдѣльных людяхъ; съ лѣтами угасаетъ и геній, не только дарованіе, какъ бы оно ни было сильно: Шеллингъ—живой примѣръ. Въ свое время литературные и эстетическіе взгляды и мнѣнія Полевого были и новы, и вѣрны, давая литературѣ и жизнь, и направленіе; а теперь нисколько не удивительно, что онъ заднимъ числомъ судить о Пушкинѣ, Гоголѣ и Лермонтовѣ. И должно ли быть намъ равнодушными къ подобнымъ сужденіямъ, особенно, когда ихъ источникъ, кромѣ отсталости и устарѣлости, заключался еще и въ недовольствѣ собой, въ журнальныхъ расчетахъ, въ раздражительности самолюбія? Полевой оказалъ важную услугу, поставивъ «Гамлета» на русскую сцену; но это все-таки не мѣшаетъ намъ видѣть въ его переводѣ довольно жалкую пародію на великое созданіе Шекспира, хотя, можетъ быть, этому обстоятельству и обязана пьеса своимъ успѣхомъ въ толпѣ. Поэтому мы убѣждены, что никто изъ людей умныхъ и благонамѣренныхъ не увидитъ пристрастія въ нашихъ постоянно одинаковыхъ отзывахъ о жалкомъ драматическомъ поприщѣ Полевого. Конечно, многія изъ его драматическихъ пьесъ несравненно выше всѣхъ произведеній нашихъ доморощенныхъ водевилстовъ, отъ Ленскаго до Коровкина влючительно; но что же изъ этого? Развѣ это слава—написать романъ, который будетъ выше всѣхъ романовъ Зотова и Воскресенскаго? Нѣтъ, если это и слава, то не для Полевого: мы цѣнимъ его выше, и отъ души совѣтуемъ ему перестать состязаться съ театральными писателями и побѣждать ихъ... Иное, удивляя бесмысленную чернь, недостойно вниманія порядочнаго человѣка; есть вѣнцы, унижающіе голову, на которую надѣты: вѣдь и вѣнокъ изъ калуфера и мяты тоже вѣнокъ, но какіе люди могутъ дорожить имъ и добиваться его?...

Полевой можетъ еще и теперь сдѣлать много полезнаго и истинно-прекраснаго; лучшее доказательство четвертый томъ его «Русской Исторіи для Первоначальнаго чтенія». Когда выйдетъ послѣдній томъ этой «Исторіи», мы поговоримъ о ней по-подробнѣе; теперь скажемъ только, что еще въ первый разъ читали по-русски такъ дѣльно, умно и съ такими талантомъ написанную русскую исторію для дѣтей—отъ смерти царя Алексѣя Михайловича до восшествія на престолъ Екатерины Великой. Особенно хорошо изображено въ этой книжкѣ время отъ смерти Петра Великаго. Это не сборъ фактовъ, давно всѣмъ извѣстныхъ; это не фразы, изъ которыхъ читатель узнаетъ, что всегда и все было чудо какъ хорошо, и не понимаетъ, чѣмъ же Петръ Великій выше Анны Иоанновны, Екатерина Великая—Елисаветы Петровны, Потемкинъ—выше Бирона, а Державинъ—выше Сумарокова. У Полевого есть взглядъ, есть мысль, есть убѣжденія; оттого рассказъ его живъ, одушевленъ, увлекателенъ, а событія запечатлѣваются въ памяти читателя. Правда, съ иными взглядами Полевого можно и не согласиться, но самый ошибочный взглядъ лучше отсутствія всякаго взгляда. Намъ кажется, что онъ не совсемъ понялъ Миниха и былъ пристрастенъ не въ его пользу; кромѣ этого мы не замѣтили ничего такого, чѣмъ бы можно было упрекнуть книжку Полевого.

Непостижимая. Владиміра Филимонова. Спб. 1841. Пять частей. (Отрывки).

Въ произведеніяхъ литературы идея является двояко. Въ однихъ она уходитъ внутрь формы и оттуда проступаетъ во всѣхъ оконечностяхъ формы, согрѣваетъ и просвѣтляетъ собой форму: эта идея жизненная, творческая, возникающая не черезъ разсудокъ, но непосредственно,—не сама собой, но вмѣстѣ съ формой; это созданія изящныя, художественныя. Другая идея рождается въ головѣ автора независимо отъ формы—форма сочиняется имъ особо и потомъ прилаживается къ идеѣ. Изъ этого выходитъ, что сочиненіе, умное по идеѣ (т. е. по намѣренію автора), не заслуживаетъ никакого вниманія по формѣ. Причина очевидна: свѣтлый взглядъ на жизнь, глубокое чувство могутъ быть достояніемъ многихъ, но способность выражать въ поэтическихъ формахъ свои взгляды на жизнь, свое глубокое чувство—достояніе немногихъ избранныхъ. Можно быть поэтомъ въ душѣ, въ чувствѣ, въ жизни, даже въ политической и гражданской дѣятельности—и не быть поэтомъ въ искусствѣ и литературѣ. Кто понимаетъ поэзію, тотъ уже одаренъ

поэтической душой; но этого еще мало, чтоб самому быть поэтомъ: для этого нужно быть одареннымъ отъ природы творческой фантазіей, которая одна составляетъ исключительное достояніе поэта, отличающее его отъ непозтовъ.

Описаніе относится къ поэзіи точно такъ же, какъ морозъ къ жару или вода къ вину: поэзія не описываетъ предмета, а показываетъ его. Возьмите письма Вертера, читайте ихъ отъ перваго до послѣдняго,—и вы почувствуете, какъ съ каждымъ изъ нихъ ускоряется біеніе пульса у жертвы несчастной любви, какъ глубже и глубже входитъ страсть въ тайники его духовной жизни и овладѣваетъ ими. Вертеръ пишетъ къ своему другу не объ одной своей страсти, но и о своихъ занятіяхъ, о Гомерѣ, о своихъ воззрѣніяхъ на жизнь; ибо смѣшно было бы видѣть человѣка, который, отдавшись весь и исключительно своей страсти, только и думаетъ, только и пишетъ, что о ней; гораздо естественнѣе можно предполагать, что часто ему самому хочется забыть о ней, и что часто, какъ больному, ему самому не хочется слышать своихъ стоновъ и терзать ими другихъ. Но о чемъ бы ни говорилъ Вертеръ, хотъ бы о ландшафтѣ, котораго видъ во время прогулки на минуту позабавилъ его,—ведѣ и во всемъ видите вы болѣзненное состояніе его духа вслѣдствіе несчастной страсти. Въ томъ-то и высочайшее искусство поэта, чтобъ, не говоря о предметѣ, говорить о немъ. Всего болѣе заслуживаютъ сожалѣнія люди, которые дѣлаютъ какое-то занятіе, какую-то работу изъ своего чувства, называютъ его по имени, носятъ на рукахъ и всѣмъ показываютъ, какъ мать показываетъ своего ребенка. «Я влюбленъ, я люблю,—ахъ!» и пр., восклицаетъ герой плохого романа и варьируетъ общими мѣстами на бѣдную тему, а читатель пусть себѣ зѣваетъ, сколько хочетъ,—автору и дѣла нѣтъ. Нѣтъ, читатель не хочетъ, чтобъ съ нимъ обращались какъ съ дитатей и все ему разбалтывали и объясняли: напротивъ, ему хочется самому все понять, все разгадать, все оцѣнить, а отъ автора требуетъ онъ только поэтическихъ фактовъ.

Небольшой разговоръ между литераторомъ и не-
литераторомъ о дѣлѣ, не совсемъ литературномъ.

Н. (входя къ *М.*) Скажите, пожалуйста, это по вашей части: что такое означаетъ вотъ это стихотвореніе (показывая книжку журналу) къ «Безыменному Критику».

М. Во-первыхъ, это совсемъ не по моей части...

Н. Какъ не по вашей? вы занимаетесь литературою, вы сами литераторъ...

М. Потому-то это стихотвореніе и не по моей части... Впрочемъ, такъ какъ теперь въ русскую литературу вошло много нелитературныхъ элементовъ, то иногда принужденъ бываю читать и такое, чего сохрани Богъ написать...

Н. Не о томъ дѣло. Скажите, что это такое? къ какому безыменному критику?

М. Само собою разумѣется, къ критику, котораго никто не знаетъ...

Н. Нѣтъ, развѣ къ такому, который не подписываетъ своего имени подъ своими критиками?...

М. И который, поэтомъ, никому неизвѣстенъ?...

Н. Ну, Богъ знаетъ! Тутъ къ нему адресуются въ такомъ тонѣ, какъ будто его имя можетъ сейчасъ же сказать каждый грамотный человѣкъ... Прочтите...

М. Я читалъ уже...

Н. Что за бѣда! Такъ слушайте:

Нѣтъ! твой подвигъ не похвалень!
Онъ Россіи не привѣтъ!
Карамзинъ тобой ужалень,
Ломоносовъ—не поэтъ!

Кто это, кто?

М. То есть, кто тотъ, который ужалилъ Карамзина?—Не знаю.

Н. Разумѣется, не ужалилъ, а писалъ противъ Карамзина?

М. О, очень многіе! Во-первыхъ, славянофилы, доказывавшіе, что Карамзинъ испортилъ русскій языкъ, что онъ не знаетъ русскаго языка, что онъ пишетъ не по-русски, и прочее; потомъ, Каченовскій, написавшій, между незначительными придирками, и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на «Исторію Государства Россійскаго»; потомъ г. Арцыбашевъ, между нѣсколькими дѣльными замѣчаніями, написавшій и множество мелочныхъ замѣчаній на исторію Карамзина, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ», г. Погодина, и возбудившихъ негодованіе (не совсемъ, впрочемъ, основательное и справедливое) во многихъ литераторахъ, особенно же въ г. Полевомъ; потомъ г. Полевой, передъ выходомъ своей и до сихъ поръ еще неконченной «Исторіи Русскаго Народа», начавшій нападать на «Исторію Государства Россійскаго»...

Н. Ну, а Ломоносова-то кто называлъ не поэтомъ?

М. Многіе и очень многіе; но изъ всѣхъ ихъ, конечно, всѣхъ замѣчательнѣе Пушкинъ. Вотъ слова его о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I мъ и Екатериною II-ю, онъ одинъ является самостоятельнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше

сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ семь университетъ профессоръ поэзіи и эловенци не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, какъ исправный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій... Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, написанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное, и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ.» (Соч. Пушкина, т. XI, стр. 21—22)... Вся статья Пушкина о Ломоносовѣ состоитъ въ доказательствахъ, что Ломоносовъ былъ великій человекъ и великій ученый, но не поэтъ и даже не ораторъ.

Н. Ну, а вотъ дальше-то о комъ идти рѣчь?

Кто ни честенъ, кто ни славенъ,
Ни радѣлъ странѣ родной,
И Жуковский, и Державинъ
Дерзкой тронуты рукой!

М. Стихи плохи до того, что трудно понять ихъ смыслъ. Кажется, надо понимать такъ, что дерзкою рукою «безыменнаго критика» тронуты всѣ люди славные, оказавшіе услуги литературѣ.

Н. Именно такъ! Кто же это?

М. Да никто. Очевидно, что это такъ—риторическое украшеніе, невинная и благонамѣренная гипербола.

Н. Но кто же оскорблялъ Жуковского и Державина?

М. Писали о нихъ многіе, но кто оскорблялъ—трудно сказать, потому что въ стихахъ не прописано: какъ, какимъ образомъ оскорблялъ. Въ стихотвореніяхъ, приближающихся къ роду юридическихъ сочиненій, надо быть какъ можно отчетливѣе; къ нимъ не мѣшаетъ даже прилагать *pièces justificatives*...

Н. Но дальше, дальше!

Ты всю Русь лишилъ дѣяній,
Какъ младенца до Петра,
Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра!

Это на кого?

М. На Ломоносова и на многихъ старинныхъ нашихъ писателей, которые, и въ стихахъ и въ прозѣ, говорили, что Петръ былъ полубогомъ Россіи, что до Петра Русь была покрыта тьмою, но Петръ, явившись, сказалъ: «да будетъ свѣтъ!—и бысть!»... Долго справляться, а фактовъ нашлось бы много. Впрочемъ, и теперь русскіе раздѣляютъ этотъ восторгъ къ Петру нашихъ старинныхъ писателей. Что же касается до двухъ послѣднихъ стиховъ:

Обнаживъ бытописаній
Славы, силы и добра,—

то, за отсутствіемъ смысла въ нихъ, я не могу дать отвѣта. Дальше читать нечего—ибо въ этихъ трехъ куплетахъ высказаны главные пункты дѣла; въ остальныхъ содержится распространеніе и поясненіе этихъ трехъ главныхъ пунктовъ и приговоръ за преступленіе. А преступленіе, надо сказать, было бы великое, если бъ все стихотвореніе не было чистымъ поэтическимъ вымысломъ.

Н. Но какая же причина этого вымысла?

М. Самая простая: авторъ боленъ страстью къ стихоманіи, а талантомъ, какъ видно изъ этихъ же стиховъ, не богатъ: стало быть, онъ похвалъ себя не слышалъ, а горькой правды отъ именныхъ и безыменныхъ критиковъ слышался вдоволь. Поэтому естественно, что ему не правится все, что мыслить и разсуждаетъ. Видя, что правду можно говорить и о знаменитыхъ писателяхъ, не только что о дрянныхъ писакахъ, онъ съ горя и закричалъ; «слово и дѣло!», давъ своему восклицанію такой оборотъ:

О!... когда народной славы
И избранниковъ его (?)
Насмѣяться каждый въ правѣ—
Окрылитъ ли честь кого?...

Н. А и въ самомъ дѣлѣ: кто захочетъ трудиться, видя, что и труды великихъ иногда цѣнятся и вкось, и вкривь?

М. Кто?—каждый, кто родится съ призваніемъ на великое. И какой великій дѣйствователь останавливался отъ мысли, что его не оцѣнятъ и оскорбятъ? Вспомните, что говорили и писали о Пушкинѣ, какими бранями встрѣчалось каждое его произведеніе! И однако жъ это его не остановило: онъ отвѣчалъ на ругательства новыми произведеніями. Это исторія каждаго замѣчательнаго, не только великаго человекъ. Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то было на умъ у нашего поэта: онъ хлопоталъ не о великихъ... Впрочемъ, Богъ знаетъ, о чемъ онъ хлопоталъ! Если спросить его, думаю, онъ самъ не найдетъ ничего сказать.

Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ Соч. Владимира Строева. Двѣ части. Спб. 1841—1842.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать интересно о предметѣ всѣмъ извѣстномъ, старомъ и избитомъ; но въ то же время нѣтъ и ничего легче этого. Причина трудности, кромѣ неспособности со стороны автора, заключается чаще всего въ томъ, что хотѣть быть новыми во что бы ни стало, ищутъ предметовъ паразитическихъ, важныхъ и,

пренебрегая фактами, пускаются въ философскія воззрѣнія и поэтическя описанія. Это общій недостатокъ девяносто-девяти изо ста путешествій. Почти всё они бываютъ удивительно глубокомысленны, бываютъ удивительно живописны и—невыносимо скучны. Все хорошо въ нихъ, а зѣваетъ; все ново, а между тѣмъ извѣстные и дешевые «guides» въ 16-ю и 32-ю долю листа, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, такъ и толпятся въ вашей памяти. Вы хотите познакомиться съ характеромъ народа въ его домашнемъ быту, у себя дома, такъ сказать,—а васъ душатъ скучными описаніями памятниковъ и зданій, щедро разсыпая архитектурные термины. Если у васъ станетъ терпѣнія прочесть такую книгу,—вы обыкновенно говорите, протяжно зѣвая: «стоило ли вѣзть такъ далеко, чтобъ написать книгу, которую всякій можетъ составить и не выѣзжая изъ своего захолустья, не только изъ предѣловъ родины?» Чтобъ путешествие было интересно, надо только смотрѣть на вещи просто и, не гоняясь за поразительнымъ, передавать вѣрно, какое впечатлѣніе произвели на автора самыя обыкновенныя и всендневныя предметы. Само собой разумѣется, что всякая страна имѣетъ свое значеніе, свою физиономію и свою всендневность. Въ Англіи, кромѣ парламентовъ, важны фабрики, купеческія конторы и рабочій классъ народа; въ Германіи всего важнѣе университеты; но во Франціи—прежде всего улицы, кафѣ, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, чтобъ видѣть, уши, чтобъ слышать, и разумъ, чтобъ понимать видимое и слышимое, тотъ сейчасъ пойметъ, гдѣ на чтѣ должно обратить особенное вниманіе, и съ которой стороны должно взглянуть на предметъ, общій многимъ странамъ. Газеты издаются во всей Европѣ, такъ же, какъ и театры есть во всей Европѣ; но вездѣ они или наслажденіе, или удобство жизни, а во Франціи—необходимость, насущный хлѣбъ, какъ въ старой Испаніи—бой съ быками и ауто-да-фе еретиковъ. Литература составляетъ важную сторону жизни cadaго европейскаго народа; но въ Германіи она тѣсно связана съ наукой; въ Англіи она—просто литература; въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ—обнародованіе богословскихъ мнѣній разныхъ сектъ; а во Франціи литература—сама жизнь, по преимуществу народная, и тѣмъ менѣе общечеловѣческая. Опера въ Парижѣ или наслажденіе немногихъ, или тщеславіе пѣлаго народа; а въ Италіи—это цѣлая жизнь, какъ во Франціи литература и журналистика. Итакъ, оставьте въ сторонѣ и длину, и вышину, и размѣры, и формы Notre Dame, Лувра, Тюльери, Пале-Рояля и пр., а лучше, если ужъ заговорили о нихъ, расскажите

намъ, какимъ образомъ возникли эти зданія изъ исторической жизни народа, и какими обстоятельствами, невозможными у всякаго другаго народа, сопровождалось ихъ построеніе; какъ смотритъ на нихъ народъ, какихъ событій въ жизни были они театромъ или свидѣтелями. Не пересчитывайте число улицъ, не знайте насъ съ ихъ названіями: все это и мелко, и ничтожно, и трудно для памяти; а лучше скажите намъ, какъ толпится по нимъ живое народонаселеніе города: идетъ ли оно важно, размѣреннымъ шагомъ, съ скучной и апатической физиономіей, или суетится, веселое, беззаботное, полное жизни и интереса. Словомъ, такъ покажите намъ народъ на улицѣ, чтобъ мы тотчасъ же узнали, каковъ онъ и у себя въ домѣ, а въ домѣ покажите намъ его такъ, чтобъ мы могли догадаться, каковъ онъ въ театрѣ. Стѣны ничего не значатъ: важны только люди...

Для наблюдательнаго путешественника очень легко схватить характеристическія черты страны, потому что характеръ страны прежде всего овладѣваетъ имъ самимъ, какъ прилипчивая болѣзнь. Въ Парижѣ вамъ не посидится дома, хоть бы вы были мизантропъ или подагрикъ: вамъ захочется бѣгать съ утра до ночи по кафѣ, улицамъ, бульварамъ, театрамъ. Тамъ всего легче излѣчиваться отъ русской хандры или апатіи и англійскаго сплина. Тамъ поневолѣ вы сдѣлаетесь говорливы, почувствуете охоту до вѣстей и новостей. Тамъ вы будете даже любезнымъ, хотя бы вы были семинаристъ, квакеръ или степной житель. Въ Италіи (вообще) вы сдѣлаетесь обожателемъ прекрасной природы, хотя бы отъ роду не видѣли въ природѣ ничего другаго, кромѣ полей, которыя производятъ хлѣбъ, и навозу, которымъ удобряются поля, сдѣлаетесь меломаномъ, хотя бы уши ваши неспособны были отличить романса Глинки отъ пѣсни Шуберта или уличной шарманки отъ скрипки Оле-Буля. Въ Римѣ же вы непременно сдѣлаетесь антикваріемъ и особенно комментаторомъ. Вся сущность науки тамъ въ комментаріяхъ. Понять Данте, какъ поэта,—будетъ для васъ постороннимъ дѣломъ: вся ваша забава, вся дѣятельность и трудолюбіе устремятся на то, чтобъ на каждый стихъ Данте быть въ состояніи прочесть наизусть тысячу комментаріевъ. А Данте читать—извѣстное дѣло—все равно, что купаться въ Адриатическомъ морѣ. Избави васъ Богъ поддаваться этой страсти къ комментаріямъ, этому прилипчивому мязму: иначе вы воротитесь домой съ огромнымъ запасомъ пустыхъ комментаріевъ, но безъ живой души и здраваго смысла, сдѣлаетесь страшнымъ педантомъ, заклятымъ врагомъ животворной идеи, иступленнымъ обожателемъ мертвой

буквы, жаднымъ лакомкой до пергаментной гнили и фоліантовой пыли... О, берегитесь, берегитесь! Иначе что за смѣшную роль будете вы играть, какъ лукаво будутъ улыбаться, слушая, какъ вы въ высокопарныхъ фразахъ, прерываемыхъ точками, какъ будто отъ одышки, будете производить въ гени и Вальтеръ-Скотты какого-нибудь посредственнаго итальянскаго романиста или ксати и некстати обращаться къ классической почвѣ и голубому небу Италиі.

Часто путешественники вредятъ себѣ и своимъ книгамъ дурной замашкой видѣть въ той или другой странѣ не то, что въ ней есть, но то, что они заранѣе, еще у себя дома, рѣшили въ ней видѣть, вслѣдствіе одностороннихъ убѣжденій, закоренѣлыхъ предразсудковъ или какихъ-нибудь виѣшнихъ цѣлей и корыстныхъ расчетовъ. Нѣтъ ничего хуже кривыхъ и косыхъ взглядовъ; нѣтъ ничего несноснѣе искаженныхъ фактовъ. А факты можно искажать и не выдумывая лжи. Иностранецъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ праздничный день, можетъ встрѣтить на улицахъ много пьяныхъ мужиковъ, — и если онъ будетъ выходить изъ своей квартиры только по праздникамъ, и при томъ вечеромъ, то безъ всякой лжи будетъ въ правѣ написать, что на петербургскихъ улицахъ ему попадалось много пьянаго народу изъ черни; но будетъ ли онъ правъ, если напишетъ, что, когда ни выйти въ Петербургъ на улицу, всегда встрѣтишь множество пьяныхъ «джентльменовъ»? Во всѣхъ большихъ городахъ есть большіе пороки, и кто хочетъ искать въ нихъ только одной этой стороны, тотъ всегда найдетъ ее. Поэтому нѣтъ ничего легче, какъ оклеветать или превознести страну: не нужно выдумывать фактовъ, стоитъ только обратить вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые подтверждаютъ заранѣе составленное мнѣніе, закрывая глаза на тѣ, которые противорѣчатъ этому мнѣнію. Такимъ образомъ, никого не обманывая вымышленной ложью, можно увѣрить, что французы — народъ суровый, тяжелый, расчетливый, корыстный; а англичане — народъ живой, легкій, увлекающійся, симпатичный и даже — чего добраго — гуманный!.. При этомъ случаѣ очень удобно можно доказать, что вездѣ и все худо, что Европа гниетъ, что желѣзныя дороги ведутъ въ адъ, и тому подобныя странности. Но эти странности, — чтобъ не назвать ихъ иначе, — бывають еще смѣшнѣе, когда путешественникъ худо играетъ принятую на себя по расчетамъ роль, когда въ немъ неволью проглядываетъ подобоострастное удивленіе къ предметамъ, въ отношеніи къ которымъ онъ силится высказать притворное равнодушіе. Такъ иной, говоря съ презрѣніемъ о Беранже, Жоржъ Зандъ, Викторъ Гюго, — вдругъ падаетъ на

колѣни передъ какимъ-нибудь Ламартиномъ, какимъ-нибудь Альфредомъ де-Виньи, какимъ-нибудь господиномъ де-Бальзакомъ. Такіе путешественники въ обоихъ случаяхъ обнаруживаютъ дикость нравовъ, не смягченныхъ цивилизаціей и образованіемъ.

Путешествія пишутся иногда въ формѣ ежедневныхъ записокъ, — и тогда центромъ описаній дѣлается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно интересна и увлекательна. Разумѣется, для этого прежде всего нужно, чтобъ личность путешественника не только не оскорбляла своимъ цинизмомъ, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханнымъ впечатлѣніемъ своей непосредственности. Но каково же будетъ это «благоуханное впечатлѣніе», если путешественникъ рассказываетъ вамъ, какъ и что покупалъ онъ на площади!.. Такая простонародная, площадная и циническая смена не можетъ быть пріятна даже и тогда, когда дѣло идетъ о дырявомъ плащѣ; но каково же, когда вопросъ заключается въ сапогахъ или въ чемъ-нибудь еще болѣе домашнемъ?.. Что за удовольствіе для читателя узнать, что нашъ путешественникъ такъ чуждъ чувства изящнаго, что приходитъ въ изступленіе при видѣ прекрасныхъ, но безпозеленыхъ вещей, которыми любить окружать себя образованное чувство даже и въ житейскихъ мелочахъ, и на которыя даже бѣдный, но эстетически настроенный человѣкъ нашего времени охотно удѣляетъ часть своихъ средствъ, какъ на необходимости? Нашъ вѣкъ не любитъ чопорной изысканности въ формахъ, но онъ еще далѣе отъ цинической неопрятности въ наружности. Есть люди, которые въ халатѣ умѣють быть пристойными; но есть люди, которые и во фракѣ оскорбляютъ чувство приличія. Авторъ можетъ показаться своимъ читателямъ и въ халатѣ; но подобныя фамиллярности съ его стороны не должны впадать въ цинизмъ. Записки путешественника не только могутъ, должны быть просты; но всему есть границы, полагаемыя чувствомъ и смысломъ, и отрывистыя отмѣтки, подобныя слѣдующимъ: «ѣли, легли спать; — вчера пошли, было, въ дешевый кабакъ обѣдать — на дорогѣ застигъ проливной дождь, — писали съ женой письма», напомнили бы собой записки прославленнаго Гоголемъ титулярнаго совѣтника Поприщина...

Иногда путешествія пишутся въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ. Авторъ сперва описываетъ зданія, потомъ промышленность, нравы народа, и такъ далѣе, посвящая каждую главу на особый предметъ, о которомъ онъ уже не имѣетъ нужды говорить въ другихъ главахъ своей книги. Эта форма имѣетъ свою выгоду и свою хорошую сторону, представляя читателю рядъ

отдѣльныхъ и цѣлыхъ картинъ. Если она теряетъ въ калейдоскопической живости описанія, зато дѣлаетъ безопаснѣе личность автора отъ неприятнаго впечатлѣнія на читателя. Строевъ очень хорошо поступилъ, избравъ эту форму, хотя къ описанію Парижа отрывочныя записки и всего лучше идутъ. Строевъ болѣе или менѣе, но почти вездѣ, избѣгъ исчисленныхъ нами недостатковъ, которые въ особенности вредятъ книгамъ путешествій. Правда, найдется въ его книгѣ нѣсколько ничего незначащихъ выраженій въ родѣ «Сѣверной Пальмиры», подъ которой, не знаемъ почему, ему угодно разумѣть нашъ Петербургъ. Конечно, Петербургъ—городъ великолѣпный и необыкновенно красивый, но это совсѣмъ не причина называть его ни Пальмирой, ни Вавилономъ, ни другимъ древнимъ, чуть-чуть не допотопнымъ городомъ, о которомъ мы не можемъ себѣ сдѣлать никакого представленія. Вообще обыкновеніе называть новое старыми именами: Наполеона — Цезаремъ, Барклая—Фабіемъ, Кутузова—сѣвернымъ Сципиономъ (для отличія отъ южнаго), прилично только для новыхъ изданій исторіи Кайданова, и развѣ еще литературщикамъ, подвизающимся въ заднихъ рядахъ фельетонной литературы. Можно еще упрекнуть Строева за разсужденія, хотъ ихъ у него—славу Богу—и немного. Такъ, напримѣръ, онъ могъ бы, безъ всякаго ущерба, но съ явной выгодой для своей книги, уволить насъ отъ своихъ взглядовъ на современную французскую литературу, ограничиваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно вѣримъ, что Строеву, какъ бывшему фельетонисту и автору давно забытыхъ (по счастью для него) «Сценъ Петербургской Жизни», Бальзакъ кажется великимъ романистомъ. Бальзакъ—дѣйствительно колоссъ передъ всѣми нашими бальзачниками, которые съ такимъ подробнымъ анализомъ расчлѣняются въ описаніи будуара, наряда, движеній и сердецъ своихъ графинь, княгинь и княженъ. Одно уже то, что Бальзакъ всегда шелъ своей дорогой и не только никому не подражалъ, но родилъ тысячи плохихъ подражателей, доказываетъ, что Бальзакъ—человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Онъ—большой мастеръ разсказывать, и если бъ не расплывался въ водяномъ и растянутаго многословія, которое онъ выдаетъ за тонкій анализъ платья, комнатъ, душъ, сердецъ, страстей и чувствъ—плодъ будто бы глубокой наблюдательности; если бъ онъ не выдумывалъ графинь и маркизъ, какія существуютъ только въ его воображеніи, прикованномъ къ прихожимъ салоновъ, а описывалъ болѣе доступную и болѣе знакомую ему дѣйствительность,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ писателей вто-

рого или третьяго разряда, не былъ бы теперь забытъ и осмѣянъ въ Парижѣ, не выписался бы такъ скоро и не издавалъ бы плохихъ статейъ подъ фирмой плохого „Revue parisienne“. Также мы охотно вѣримъ, что Строеву не можетъ слишкомъ нравиться г-жа Д'Юдеванъ: у всякаго свой вкусъ. И потому не будемъ спорить съ Строевымъ, а скажемъ просто, что его книга о Парижѣ чрезвычайно любопытна по содержанію, богата фактами, хорошо написана, живо изложена,—и вообще такъ интересна, что трудно отъ нея оторваться.

Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Поэма Н. Гоголя. Москва. 1842.

Есть два способа выговаривать новыя истины. Одинъ—уклончивый, какъ будто непротиворѣчающій общему мнѣнію, больше намекающій, чѣмъ утверждающій; истина въ немъ доступна избраннымъ и замаскирована для толпы скромными выраженіями: «если смѣешь такъ думать, если позволено такъ выразиться, если не ошибаемся» и т. п. Другой способъ выговаривать истину—прямой и рѣзкій; въ немъ человѣкъ является провозвѣстникомъ истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкія оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкуетъ въ свою пользу, и въ которыхъ видно низкое желаніе служить и нашимъ, и вашимъ. «Кто не за меня, тотъ противъ меня»—вотъ девизъ людей, которые любятъ выговаривать истину прямо и смѣло, заботясь только объ истинѣ, а не о томъ, что скажутъ о нихъ самихъ... Такъ какъ цѣль критики есть истина же, то и критика бываетъ двухъ родовъ: уклончивая и прямая. Является великій талантъ, котораго толпа еще не въ состояніи признать великимъ, потому что имя его не притвердилось ей,—и вотъ уклончивая критика, въ осторожнѣйшихъ выраженіяхъ, докладываетъ «почтеннѣйшей публикѣ», что явилось-де замѣчательное дарованіе, которое, конечно, не то, что высокіе гении А, Б и В, уже утвержденные общественнымъ мнѣніемъ, но которое, не равняясь съ ними, все-таки имѣетъ свои права на общее вниманіе; мимоходомъ намекаетъ она, что хотя-де и не подтвержено никакому сомнѣнію геніальное значеніе А, Б и В, но что-де и въ нихъ не можетъ не быть своихъ недостатковъ, потому-де, что «и въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя пятна»; мимоходомъ приводитъ она мѣста изъ новаго автора и, ничего не говоря о немъ самомъ, равно какъ и не опредѣляя положительно достоинства приводимыхъ мѣстъ, тѣмъ не менѣе говорить о нихъ восторженно, такъ что задняя

мысль этой уклончивой критики нѣкоторымъ, весьма не многимъ, даетъ знать, что новый авторъ выше всѣхъ гениальныхъ А, Б и В, а толпа охотно соглашается съ ней, уклончивой критикой, что новый авторъ, и затѣмъ можетъ быть, и не безъ дарованія, и затѣмъ забываетъ и новаго автора, и уклончивую критику, чтобъ снова обратиться къ гениальнымъ именамъ, которыя она, добродушная толпа, затвердила уже наизусть. Не знаемъ, до какой степени полезна такая критика. Согласны, что, можетъ быть, только она и бываетъ полезна; но какъ природы своей никто перемѣнитъ не въ состояніи, то, признаемся, мы не можемъ побѣдить нашего отвращенія къ уклончивой критикѣ, какъ и ко всему уклончивому, ко всему, въ чемъ мелкое самолюбіе не хочетъ отстать отъ другихъ въ уразумѣніи истины и въ то же время боясь оскорбить множество мелкихъ самолюбій, обнаруживъ, что знаетъ больше ихъ, а потому и ограничивается скромной и благонамѣренной службой и нашимъ, и вашимъ... Не такова критика прямая и смѣлая: замѣтивъ въ первомъ произведеніи молодого автора исполнскія силы, пока еще не сформировавшіяся и не для всѣхъ примѣтныя, она, упоенная восторгомъ великаго явленія, прямо объявляетъ его Алкидомъ въ колыхели, который дѣтскими руками мощно дуть завистливыя мелкія дарованьица, пристрастныхъ или ограниченныхъ и недально-видныхъ критиковъ... Тогда на бѣдную «прямую» критику сыплется насмѣшки и со стороны литературной братіи, и со стороны публики. Но эти насмѣшки и шутки чужды всякаго спокойствія и всякой добродушной веселости; напротивъ, онѣ отзываются какимъ-то безпокойствомъ и тревогой безсилія, исполнены вражды и ненависти. И не мудрено: «прямая критика» не удовольствовалась объявленіемъ, что новый авторъ общается великаго автора; нѣтъ, она при этомъ удобномъ случаѣ выразилась съ свойственной ей откровенностью, что гениальные А, Б и В съ компаніей никогда не были даже и замѣчательно-талантливыми господами; что ихъ слава основалась на незрелости общественнаго мнѣнія и держится его дѣтливой неподвижностью, привычкой и другими чисто внѣшними причинами; что одинъ изъ нихъ, всбравшись на ходули ложныхъ, натянутыхъ чувствъ и надутыхъ пустозвонныхъ фразъ, оклеветалъ дѣйствительность ребяческими выдумками; другой ударился въ противоположную крайность и грязью съ грязи мазалъ свои грубыя картины, приправляя ихъ провинціальнымъ юморомъ; и такъ третьяго, четвертаго и пятаго... Вотъ тутъ-то и начинается борьба старыхъ мнѣній съ новыми, предразсудковъ, страстей и

пристрастій—съ истиной (борьба, въ которой всего болѣе достается «прямой критикѣ» и о которой всего менѣе хочетъ знать «прямая критика»)... Врагами новаго таланта являются даже и умные люди, которые уже столько прожили на бѣломъ свѣтѣ и такъ утвердились въ извѣстномъ образѣ мыслей, что ужъ въ новомъ свѣтѣ истины поневолѣ видятъ только помраченіе истины; если же изъ нихъ найдется хоть одинъ такой, который въ свое время и самъ понималъ больше другихъ, былъ поборникомъ новой истины, теперь уже ставшей старой, — то спрашиваемъ, какова же должна быть его немощная вражда противъ новаго таланта, въ которомъ онъ чувствуетъ что-то, но котораго понять не можетъ? И если у этого *ci-devant* умнаго и шедшаго впереди съ вышшими взглядами, а теперь отсталого отъ времени человѣка, если у него характеръ слабый, ничтожный и завистливый, а самолюбіе мелкое и раздражительное, то спрашиваемъ, какое жалкое зрѣлище должна представлять его отчаянно-безсильная борьба съ новымъ талантомъ?... Что же сказать о тѣхъ «господахъ-сочинителяхъ», которые, благодаря своей ловкости и смѣтливости, замѣняющихъ у людей ограниченныхъ и бездарныхъ умъ и талантъ, пошлыми, въ камердинерскомъ вкусѣ островами надъ французскимъ языкомъ, балами и модами, лорнетками, кудцами фраками, прической *à la russe*, усами, бородами и т. п., успѣли во-время подтирить себѣ извѣстность нравственно-сатирическихъ и нравственно-описательныхъ талантовъ? Правда, новый талантъ ничего имъ не сдѣлалъ, ничего о нихъ не сказалъ, никогда съ ними не знался ни лично, ни литературно, какъ съ людьми, съ которыми у него общаго ничего нѣтъ и быть не можетъ; но зато онъ показалъ, что такое истинный юморъ и непрощаемая невѣжествомъ и порокомъ истиннаго иронія, и какъ должно дѣйствовать въ пользу общественной нравственности, не резонерствуя о нравственности, но только «возводя въ перлъ созданія» типическія явленія дѣйствительности; а это развѣ не то же самое, что убить наповаль нашихъ нравственно-сатирическихъ сочинителей, даже и не принимая на себя труда знать о ихъ незамыслительномъ существованіи? И вотъ они, эти господа нравственно-сатирическіе и другихъ родовъ сочинители, прославившіеся не одними романами, но и въ качествѣ грамотѣевъ и исправныхъ корректоровъ, прибѣгаютъ, для униженія страшнаго имъ таланта, ко всевозможнымъ свойственнымъ имъ уловкамъ: сперва не признаютъ въ немъ никакого таланта и видятъ рѣшительную бездарность; но сознавая, къ своему ужасу, что слава таланта все растетъ и растетъ, все

идеть и идетъ своей дорогою и не замѣчаетъ раздающагося вокругъ него лая, они начинаютъ милостиво замѣчать въ немъ талантъ, изъявляя сожалѣнiе, что онъ дозволяетъ себѣ сбиваться съ пути, увлекаться непомѣрными похвалами прiятелей (изъ которыхъ со многими онъ даже и не знакомъ совсѣмъ), которые видятъ въ немъ и Богъ знаетъ что, тогда какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ имѣетъ талантъ только вѣрно и забавно списывать съ натуры; далѣе, «при сей вѣрной оказiи», доказываютъ, что онъ даже и языку-то не знаетъ, въ подтвержденiе чего указываютъ на мелкiе промахи противъ грамматики Греча, на типографскiя ошибки, или осуждая со всѣмъ негодованiемъ, свойственнымъ «угнетенной невинности», сильными, оскорбляющими приличiе выраженiя, въ родѣ слова вонять, котораго по ихъ увѣренiю, не скажетъ въ ихъ обществѣ и порядочный лакей... Большинство публики, съ своей стороны оскорбленное сколько похвалами «прямой критики» новому таланту, къ которому оно еще не привыкло и котораго потому еще не могло понять, столько же—или еще больше—ея откровенными выходками противъ гениальныхъ А, Б и В, къ которымъ оно давно привыкло, и которыхъ хотя уже и не читаетъ, но по привычкѣ и преданiю все еще считаетъ гениями,—это большинство публики вдвойнѣ не благоволятъ къ новому таланту. Господа нравственно-сатирическiе сочинители хорошо понимаютъ это и еще лучше пользуются этимъ: они по-времени перестаютъ говорить о себѣ и о своихъ безсмертныхъ сочиненiяхъ и являющахся жаркими поклонниками чужой славы, прежде, т. е. когда она была въ ходу, ими ненавидимой и оскорбляемой, а теперь, т. е. когда она скоростижно скончалась, будто бы дорогой и священной для нихъ... И вотъ они кричатъ о духѣ партiй, который заставляетъ иной «толстый журналъ» хвалить писателя, неумѣющаго писать по-русски, и пристрастно унижать истинныя дарованiя.. Но вотъ слава гениальныхъ господъ А, Б и В, наконецъ, забывается, благодаря времени и рѣзкой откровенности «прямой критики»; новый талантъ дѣлается авторитетомъ: его оригинальныя и самобытныя созданiя, полныя мысли, сияющiя художественной красотой, вѣющiя духомъ новой, прекрасной жизни, проникаютъ въ сознание общества, производятъ новую школу въ искусствѣ и литературѣ, такъ что сами нравственно-сатирическiе сочинители, волей или неволей, принуждены перестроить на новый ладъ свои притупившiя перья и передразнивать форму недоступныхъ имъ по содержанию творенiй гения; общественное мнѣнiе круто поворачивается въ пользу великаго поэта,—и вопию-

щамъ партiя отсталыхъ посредственностей теряется, не знаетъ, что дѣлать, грозитъ ругательными статьями и не смѣетъ выполнить угрозы, боясь конечнаго для себя позора... Не знаемъ, какую роль во всемъ этомъ играла «прямая критика» и на сколько содѣйствовала она этому процессу общественнаго сознанiя; но знаемъ, что тѣ же люди, которые изъ порицателей великаго поэта сдѣлались жалкими его поклонниками, не любятъ вспоминать, что такой-то критикъ, еще при первомъ появленiи поэта, не боясь итти противъ общественнаго мнѣнiя не боясь раздражить гусей, равно презирая и насмѣшки, и ненависть, смѣло и рѣзко сказалъ о немъ то, что теперь говоритъ о немъ большинство и они сами, эти безпаметные люди... Знаемъ также, что, явись опять новое, свѣжее дарованiе, первыми своими созданiями обещающее великую будущность,—«прямая критика» также честно разыграетъ свою роль, и ту же игру повторять въ отношенiи къ ней и къ поэту и завистливая посредственность, и тугая, медленная въ процессахъ своего сознанiя толпа... Но знаемъ при этомъ еще и то, что «прямота», какъ и все истинное и великое, должна быть сама себѣ цѣлью и въ самой себѣ находить свое удовлетворенiе и свою лучшую награду...

Все это—такъ, взглядъ, разсужденiя; теперь скажемъ слова два о нѣкоторыхъ фактахъ, подавшихъ намъ поводъ къ этимъ разсужденiямъ и имѣющихъ близкое отношенiе къ автору книги, заглавiе которой выставлено въ началѣ этой статьи. Не углубляясь далеко въ прошедшее нашей литературы, не упоминая о многихъ предсказанiяхъ «прямой критики», сдѣланныхъ давно и теперь сбывшихся, скажемъ просто, что изъ нынѣ существующихъ журналовъ только на долю «Отечественныхъ Записокъ» выпала роль «прямой критики». Давно ли было то время, когда статья о Марлинскомъ возбудила противъ насъ столько криковъ, столько неприязненности, какъ со стороны литературной братiи, такъ и со стороны большинства читающей публики?—И что же? смѣшно и жалко видѣть, какъ съ голосу «Отечественныхъ Записокъ», словами и выраженiями (не новы, да, благо, ужъ готовы!) преслѣдуютъ теперь блѣдный призракъ падшей славы этого блестящаго фразера—Богъ знаетъ изъ какихъ щелей понаползшие въ современную литературу критиканы, Богъ-вѣдаетъ какiе журналы и какiя газеты! Большинство публики не только не думаетъ сердиться, но тѣже въ свою очередь повторяетъ вычитываемыя имъ о Марлинскомъ фразы! Давно ли многiе не могли намъ простить, что мы видѣли великаго поэта въ Лермон-

товѣ? Давно ли писали о насъ, что мы превозносимъ его пристрастно, какъ постоянного вкладчика въ нашъ журналъ?—И что же! Мало того, что участіе и устремленныя на поэта полныя изумленія и ожиданія очи цѣлаго общества, при жизни его, и потомъ общая скорбь образованной и необразованной части читающей публики, при вѣсти о его безвременной кончинѣ, вполне оправдали наши прямые и рѣзкіе приговоры о его талантѣ,—мало того: Лермонтова принуждены были хвалить даже тѣ люди, которыхъ не только критикъ, но и существованія онъ не подозрѣвалъ, и которые гораздо лучше и приличнѣе могли бы почтить его талантъ своей враждой, чѣмъ признаніемъ... Но эти нападки на нашъ журналъ за Марлинскаго и Лермонтова ничто въ сравненіи съ нападками за Гоголя... Изъ существующихъ теперь журналовъ «Отечественныя Записки» первыя и одиѣ сказали, и постоянно, со дня своего появленія до настоящей минуты, говорятъ, что такое Гоголь въ русской литературѣ... Какъ на величайшую нелѣпость со стороны нашего журнала, какъ на самое темное и позорное пятно на немъ, указывали разные критиканы, сочинители и литературщики на наше мнѣніе о Гоголѣ... Если бы мы имѣли несчастье увидѣть генія и великаго писателя въ какомъ-нибудь писакѣ средней руки, предметѣ общихъ насмѣшекъ и образкѣ бездарности,—и тогда бы не находили этого столь смѣшнымъ, нелѣпымъ, оскорбительнымъ, какъ мысль о томъ, что Гоголь—великій талантъ, гениальный поэтъ и первый писатель современной Россіи... За сравненіе его съ Пушкинымъ на насъ нападали люди, всѣми силами старавшіеся бросать грязью своихъ литературныхъ воззрѣній въ страдальческую тѣнь перваго великаго поэта Руси... Они прикидывались, что ихъ оскорбляла одна мысль видѣть имя Гоголя подѣ имени Пушкина; они притворялись глухими, когда имъ говорили, что самъ Пушкинъ первый понялъ и оцѣнилъ талантъ Гоголя, и что оба поэта были въ отношеніяхъ, напоминавшихъ собой отношенія Гёте и Шиллера. Изъ всѣхъ немногихъ высоко-превозносимыхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» поэтовъ только одинъ Лермонтовъ находился съ ихъ издателемъ въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ и почти исключительно одному ему отдавалъ свои произведенія; такъ какъ этого нельзя было поставить въ упрекъ ни издателю, ни его журналу,—то вздумали увѣрять, что немногимъ (sic!) успѣхомъ своимъ «Отечественныя Записки» обязаны Лермонтову. Это увѣреніе воспослѣдовало послѣ многихъ другихъ увѣреній въ томъ, что «Отечественныя Записки» никогда не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть никакого

успѣха... Судя по такому постоянству въ мнѣніи объ успѣхѣ «Отечественныхъ Записокъ», можно думать, что эти люди скоро убѣдятся въ слѣдующей истинѣ: если стихотворенія такого поэта, какъ Лермонтовъ, не могли не придать собою бѣльшаго блеска журналу, то еще не было на Руси (да и нигдѣ) примѣра, чтобы какой-нибудь журналъ держался чѣмъ бы то ни было стихотвореніями... При этомъ, можетъ быть, вспомнятъ они, что «Московский Вѣстникъ», въ которомъ Пушкинъ исключительно печаталъ свои стихотворенія, не имѣлъ никакого успѣха, ни большого, ни малаго, потому что въ немъ, кромѣ стиховъ Пушкина, ничего интереснаго для публики не было... Издатель «Отечественныхъ Записокъ» всегда сохранилъ, какъ лучшее достояніе своей жизни, признательную память о Пушкинѣ, который удостоивалъ его больше, чѣмъ простаго знакомства; но признаетъ себя обязаннымъ отречься отъ высокой чести быть пріятелемъ или, какъ обыкновенно говорится, «другомъ» Пушкина: если онъ высоко ставитъ поэтическій геній Пушкина, такъ это по причинамъ чисто литературнымъ... Въ его журналѣ читатели не разъ встрѣчали восторженные похвалы Крылову и Жуковскому:—и это опять по причинамъ чисто литературнымъ, хотя издатель и пользуется честью знакомства съ обоими лауреатами нашей литературы, и хотя послѣдній удостоилъ его журналъ помѣщеніемъ въ немъ нѣсколькихъ пьесъ своихъ... Въ «Отечественныхъ Запискахъ» читатели не разъ встрѣчали также восторженные похвалы Балтшкову и особенно Грибоѣдову; но этихъ двухъ поэтовъ издатель «Отечественныхъ Записокъ» даже никогда и не видывалъ.. Что касается до Гоголя, издатель «Отечественныхъ Записокъ» дѣйствительно имѣлъ честь быть знакомъ съ нимъ; но не больше какъ знакомъ,—и въ то время какъ «Отечественныя Записки» своими отзывами о Гоголѣ возбуждали къ себѣ ненависть и навлекали на себя осужденія разныхъ критикановъ,—Гоголь жилъ въ Италіи, а возвращаясь на родину, жилъ преимущественно въ Москвѣ, и ни одной строки его еще не было въ нашемъ журналѣ... Что же заговорять наши критические рыцари печальнаго образа, если когда-нибудь увидятъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсть Гоголя?... О, тогда они завопятъ: «видите ли, все хвалятъ своихъ...»

Мы не безъ умысла разговорились по поводу поэмы Гоголя, о такихъ не прямо литературныхъ предметахъ. Что дѣлать! наша литература еще такъ молода, общественное мнѣніе такъ еще не твердо, что намъ должно говорить о многомъ, о чемъ уже давно не говорится въ иностранныхъ лите-

ратурахъ и о чемъ, есть надежда, скоро совсѣмъ перестануть говорить и въ нашей литературѣ... Журналъ издается не для извѣстнаго круга, а для всѣхъ: «Отечественныя Записки» имѣютъ такой обширный кругъ читателей, въ которомъ нельзя никакъ предполагать единства въ мнѣнii. При томъ же иногородная публика, которая издалека смотритъ на Петербургъ, какъ на центръ лигерагурной дѣятельности въ Россii, не можетъ иногда не приходиться въ смущенiе отъ противорѣчащихъ журнальныхъ толковъ, не зная, кому вѣрить, кому не вѣрить; и потому должно давать ей ключъ къ истинѣ не одними словами, но и фактами. Чего добраго!—можетъ быть, скоро ей начнутъ превозносить Гоголя тѣ же самые люди, которые носили насъ за похвалы ему, и которые теперь, потерявшись отъ неслыханнаго успѣха «Мертвыхъ Душъ», подобно утопающему, хватаются даже за соломинку для своего спасенiя отъ потопленiя въ волнахъ Леты и увѣряютъ, что «Кузьма Петровичъ Мирошевъ» выше «Мертвыхъ Душъ»... Чего добраго!—можетъ быть, скоро эти люди будутъ упрекать насъ въ невѣжествѣ, безвкуси и пристрастii, если бы намъ когда-нибудь случилось какое-нибудь новое произведенiе Гоголя найти неудовлетворительнымъ... Времена перемѣчивы... При томъ же есть люди, которые думаютъ, что то и хорошо, что въ ходу...

Но пока для насъ еще существуетъ достоинство, что всѣ знаютъ, кто первый оцѣнилъ на Руси Гоголя... Мы знаемъ, что если бѣ гдѣ и случилось публикѣ встрѣтить болѣе или менѣе подходящее къ истинѣ сужденiе о Гоголѣ, особенно въ тонѣ и духѣ «Отечественныхъ Записокъ», публика будетъ знать источникъ, откуда вытекло это сужденiе, и не приметъ его за новость... Теперь всѣ стали умны, даже люди, которые родились неумны, и каждый сумѣетъ поставить яйцо на столъ...

Послѣ появленiя «Мертвыхъ Душъ» много найдется литературныхъ Колумбовъ, которымъ легко будетъ открыть новый великiй талантъ въ русской литературѣ, новаго великаго писателя русскаго—Гоголя...

Но не такъ-то легко было открыть его, когда онъ былъ еще дѣйствительно новымъ. Правда, Гоголь при первомъ появленiи своемъ встрѣтилъ жаркихъ поклонниковъ своему таланту: но ихъ число было слишкомъ мало. Вообще ни одинъ поэтъ на Руси не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшiе наизусть его творенiя; къ его таланту никто не былъ равнодушенъ: его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая

причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокой юморъ, его безконечную иронию, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Впрочемъ, мы коснулись такого предмета, котораго нельзя объяснить въ рецензii. Скоро будемъ мы имѣть случай поговорить подробно о всей поэтической дѣятельности Гоголя, какъ объ одномъ цѣломъ, и обозрѣть всѣ его творенiя въ ихъ постепенномъ развитii. Теперь же ограничимся выраженiемъ въ общихъ чертахъ своего мнѣнiя о достоинствѣ «Мертвыхъ Душъ»—этого великаго произведенiя.

Нашей литературѣ, вслѣдствiе ея искусственнаго начала и неестественнаго развитiя, суждено представлять изъ себя зрѣлище отрывочныхъ и самыхъ противорѣчащихъ явленiй. Мы уже не разъ говорили, что не вѣримъ существованiю русской литературы, какъ выраженiю народнаго сознанiя въ словѣ, исторически развившагося; но видимъ въ ней прекрасное начало великаго будущаго, рядъ отрывочныхъ проблесковъ, яркихъ какъ молнiя, широкихъ и размашистыхъ, какъ русская душа, но не болѣе, какъ проблесковъ. Все остальное, изъ чего слагается вседневная дѣятельность нашей литературы имѣетъ мало или совсѣмъ неимѣетъ отношенiя къ этимъ проблескамъ кромѣ развѣ того, какое отношенiе имѣетъ тѣнь къ свѣту и мракъ къ блеску. Гоголь началъ свое поприще еще при Пушкинѣ и съ смертью его замолкъ, казалось, навсегда. Послѣ «Ревизора» онъ не печаталъ ничего до половины текущаго года. Въ этотъ промежутокъ его молчанiя, столь печаливаго друзей русской литературы и столь радовавшаго литературщиковъ, успѣла взойти и погаснуть на горизонтѣ русской поэзii яркая звѣзда таланта Лермонтова. Послѣ «Героя Нашего Времени», только въ журналахъ (читатели знаютъ, въ какихъ) и альманахѣ Смирдина явилось нѣсколько повѣстей, болѣе или менѣе замѣтательныхъ; но ни въ журналахъ, ни отдѣльно не явилось ничего капитальнаго, ничего такого, что составляетъ вѣчное приобрѣтенiе литературы и, какъ лучи солнечныя въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознанiе, въ одно и то же время возбуждая и любовь, и восторженныя похвалы, и ожесточенныя порицанiя, полное удовлетворенiе и совершенное недовольство, но во всякомъ случаѣ общее вниманiе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое унынiе овладѣло литературой; торжество посредственности было полное; видя, что никто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и

повѣстью, и театромъ; она выпустила длинную фалангу уродовъ и недоносковъ, то передразнивая Марлинскаго въ призракахъ, то шарлатана французской исторіей и литовскими преданіями, растягивая ихъ на длинные томы скучныхъ розсказней; то перебиваясь старой ветошью мнимо патріотическихъ и мнимо-народныхъ сценъ пресловутой старины; то выдавая намъ за народность грязь простонародья, за патріотизмъ—сало и галушки, а за юморъ и остроуміе—карикатуры нигдѣ небывалыхъ идиотовъ, которые, по волѣ сочинителя, то глупы, то умны, то опять глупы; то пародируя Шекспира и перелагая его драмы на русскіе нравы; то переводя на русскій языкъ и русскую сцену мусоръ и щебень съ задняго двора нѣмецкой драматической литературы... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, притворной народности, —вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстной, нервистой, кровной любовью къ плодovitому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполнению, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностяхъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое... Въ «Мертвыхъ Душахъ» авторъ сдѣлалъ такой великій шагъ, что все, доселѣ имъ написанное, кажется слабымъ и блѣднымъ въ сравненіи съ ними... Величайшимъ успѣхомъ и шагомъ впередъ считаемъ мы со стороны автора то, что въ «Мертвыхъ душахъ» вездѣ ощущаемо и, такъ сказать, осязаемо проступаетъ его субъективность. Здѣсь мы разувѣемъ не ту субъективность, которая, по своей ограниченности, или односторонности искажаетъ объективную дѣйствительность изображаемыхъ предметовъ; но ту глубокую, всеобъемлющую и гуманную субъективность, которая въ художникѣ обнаруживаетъ человѣка съ горячимъ сердцемъ, симпатичной душой и духовно-личной самостью,—ту субъективность, которая не допускаетъ его съ апатическимъ равнодушіемъ быть чуждымъ міру, имъ рисуемому, но заставляетъ его проводить черезъ свою душу живу явленія вѣшняго міра, а черезъ то и въ нихъ вдыхать душу живу... Это преобладаніе субъективности, проникая и одушевляя собой всю поэму Гоголя, доходитъ до высокаго лирическаго пафоса и освѣжительными

волнами охватываетъ душу читателя даже въ отступленіяхъ, какъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о завидной долѣ писателя, «который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратіямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы;» или тамъ, гдѣ говоритъ онъ о грустной судьбѣ «писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкой силой неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи;» или тамъ еще, гдѣ онъ, по случаю встрѣчи Чичикова съ плѣвившей его блондинкой, говоритъ, что «вездѣ, гдѣ бы ни было въ жизни, среди ли чертовыхъ, шероховато-бѣдныхъ, неопрятно плѣснѣющихъ, низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленіе, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь; вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ вдругъ неожиданно промчится мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской тѣлѣги,—и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хоть давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ...» Такихъ мѣстъ въ поэмѣ много—всѣхъ не выписать. Но этотъ пафосъ субъективности поэта проявляется не въ однихъ такихъ высоко-лирическихъ отступленіяхъ: онъ проявляется безпрестанно, даже и среди разсказа о самыхъ прозаическихъ предметахъ, какъ, напримѣръ, объ извѣстной дорожкѣ, проторенной забубеннымъ русскимъ народомъ... Его же музыку чуетъ внимательный слухъ читателя и въ восклицаніяхъ, подобныхъ слѣдующему: «Эхъ, русскій народецъ не любить умирать своею смертью!»...

Столь же важный шагъ впередъ со стороны таланта Гоголя видимъ мы и въ томъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» онъ совершаетъ

но отрѣшился отъ малороссійскаго элемента и сталъ русскимъ національнымъ поэтомъ во всемъ пространствѣ этого слова. При каждомъ словѣ его поэмы читатель можетъ говорить:

Здѣсь русский духъ, здѣсь Русью пахнетъ! Этотъ русский духъ ощущается и въ юморѣ, и въ ироніи, и въ выраженіи автора, и въ размашистой силѣ чувствъ, и въ лиризмѣ отступленій, и въ паэосѣ всей поэмы, и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ, отъ Чичикова до Селифана и «подлеца чубарова» включительно,—въ Петрушкѣ, носившемъ съ собой свой особенный воздухъ, и въ будочникѣ, который, зри фонарномъ свѣтѣ, въ просонкахъ, казнилъ на ногтѣ звѣря и снова заснулъ. Знаемъ, что чопорное чувство многихъ читателей оскорбится въ печати тѣмъ, что такъ субъективно свойственно ему въ жизни, и назоветъ сальностями выходки въ родѣ казненнаго на ногтѣ звѣря; но это значитъ не понять поэмы, основанной на паэосѣ дѣйствительности, какъ она есть. Изображайте мѣщанско-филистерскую жизнь нѣмцевъ, и вы принуждены будете упоминать (въ похвалу или насмѣшку) о педантизмѣ ихъ опрятности; касаясь же жизни русскаго простонародья, не отличающагося, какъ извѣстно, излишней чистоплотностью, значило бы пропустить одну изъ характеристическихъ чертъ ея, если бѣ не замѣтить, что не только въ деревняхъ днемъ, сидя у воротъ, бабы усердно занимаются казненіемъ звѣрей у ребятишекъ, изъясняя имъ этимъ свою нѣжность и заботливость, но и въ столицахъ извозчики на биржахъ и работники на улицахъ нерѣдко оказываютъ другъ другу подобную услугу, единственно изъ безкорыстной любви къ такому занятію... Мы знаемъ напередъ, что наши сочинители и критиканы не пропустятъ воспользоваться расположеніемъ многихъ читателей къ чопорности и ихъ склонностью находить въ себѣ образованность большого свѣта, выказывая при этомъ собственное знаніе приличій высшего общества. Нападая на автора «Мертвыхъ Душъ» за сальности его поэмы, они съ сокрушеннымъ сердцемъ воскликнуть, что и порядочный лакей не станетъ выражаться, какъ у Гоголя благонамѣренные и почтенные чиновники...

Но мимо ихъ, этихъ столь посвященныхъ въ тайнава высшего общества критикановъ и сочинителей, пусть ихъ хлопочутъ о томъ, чего не смыслятъ, и стоять за то, чего не видали, и что не хотятъ ихъ знать...

«Мертвыя Души» прочтутся всѣми, но понравятся, разумѣется, не всѣмъ. Въ числѣ многихъ причинъ есть и та, что «Мертвыя Души» не соответствуютъ понятію толпы о романѣ, какъ о сказкѣ, гдѣ дѣйствующія

лица полюбили, разлучились, а потомъ женились и стали богаты и счастливы. Поэмой Гоголя могутъ вполне насладиться только тѣ, кому доступны мысль и художественное выполненіе созданія, кому важно содержаніе, а не «сюжетъ»; для восхищенія всѣхъ прочихъ остаются только мѣста и частности. Сверхъ того, какъ всякое глубокое созданіе, «Мертвыя Души» не раскрываются вполне съ перваго чтенія даже для людей мыслящихъ: читая ихъ во второй разъ, точно читаешь новое, никогда невиданное произведеніе. «Мертвыя Души» требуютъ изученія. Къ тому же еще должно повторить, что юморъ доступенъ только глубокому и сильно развитому духу. Толпа не понимаетъ и не любить его. У насъ всякій писака такъ и тарашится рисовать бѣшенныя страсти и сильные характеры, списывая ихъ, разумѣется, съ себя и своихъ знакомыхъ. Онъ считаетъ для себя униженіемъ снизойти до комическаго и ненавидитъ его по инстинкту, какъ мышъ кошку. «Комическое» и «юморъ» большинство понимаетъ у насъ какъ шутовское, какъ карикатуру,—и мы увѣрены, что многіе не шутя, съ лукавой и довольной улыбкой отъ своей проникаемости, будутъ говорить и писать, что Гоголь въ шутку назвалъ свой романъ поэмой... Именно такъ! Вѣдь Гоголь большой острякъ и шутникъ, и что за веселый человекъ, Боже мой! Самъ безпрестанно хохочетъ и другихъ смѣшитъ!.. Именно такъ, вы угадали, умные люди...

Что касается до насъ, то, не считая себя въ правѣ говорить печатно о личномъ характерѣ живаго писателя, мы скажемъ только, что не въ шутку назвалъ Гоголь свой романъ «поэмой», и что не комическую поэму разумѣетъ онъ подъ ней. Это намъ сказалъ не авторъ, а его книга. Мы не видимъ въ ней ничего шуточного и смѣшного; ни въ одномъ словѣ автора не замѣтили мы намѣренія смѣшить читателя; все серьезно, покойно, истинно и глубоко... Не забудьте, что книга эта есть только экспозиція, введеніе въ поэму, что авторъ обѣщаетъ еще двѣ такія же большія книги, въ которыхъ мы снова встрѣтимся съ Чичиковымъ и увидимъ новыя лица, въ которыхъ Русь выразится съ другой своей стороны... Нельзя ошибочнѣе смотрѣть на «Мертвыя Души» и грубѣе понимать ихъ, какъ видя въ нихъ сатиру. Но объ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе; а теперь пусть скажетъ что-нибудь самъ авторъ:

...И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонныя смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородачымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; нѣшеходъ въ протертыхъ

лаптяхъ, плетущіся за 800 верстѣ; городишки, выстроенныя живьемъ, съ деревянными лавченками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой; рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядная и по ту сторону, и по другую; помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи“; зеленяя, желтая и свѣжо-разрытая черныя полосы, мелькающія по степямъ; затянута вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоромъ дѣрзкія ея дива, вѣчанныя дѣрзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, выросшими въ утесахъ, картинныя деревья и плющи, выросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотришь на громаздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозъ набросенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плочаши и несмѣтными миллионами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозъ нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебрянныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора! Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ухахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вытуютъ около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу обѣсило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и объѣмъла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатѣе, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшной силой отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“

„... И какой же русскій не любитъ быстрой вѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“ его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ—и самъ летишь, и все летишь: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороннымъ крикомъ, летитъ вся дорога невѣсть куда въ пропадающую даль—и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканіи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головой, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка! птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у

бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любила шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулася на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а на-скоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ; спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вотъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ...

„Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымомъ дымитесь подъ тобой дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается назади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводнящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрыгли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, — и мчится вся вдохновленная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты, дай отвѣтъ! Не даешь отвѣта! Чуднымъ звономъ заливаются колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь, посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

Грустно думать, что этотъ высокій лирическій паеосъ, эти гремящія, поющіе диеорамбы блаженствующаго въ себѣ національнаго самосознанія, достойные великаго русскаго поэта, будутъ далеко не для всѣхъ доступны, что добродушное невѣжество отъ души станетъ хотѣть отъ того, отчего у другого волосы встанутъ на головѣ при священномъ трепетѣ... А между тѣмъ это такъ и иначе быть не можетъ. Высокая вдохновенная поэма пойдетъ для большинства за «преуморительную штуку». Найдутся также и патриоты, о которыхъ Гоголь говоритъ на 468-й страницѣ своей поэмы, и которые, съ свойственной имъ пронизательностью, увидятъ въ «Мертвыхъ Душахъ» злую сатиру, слѣдствіе холодности и нелюбви къ родному, къ отечественному,—они, которымъ такъ тепло въ нажитыхъ ими потихоньку домахъ и домикахъ, а можетъ быть, и деревенькахъ,—плодахъ благонамѣренной и усердной службы... Пожалуй, еще закричатъ и о личностяхъ... Впрочемъ, это и хорошо съ одной стороны: это будетъ лучшей критической оцѣнкой поэмы... Что касается до насъ, мы, напротивъ, упрекнули бы автора скорѣе въ излишество непокореннаго спокойно-разумному созерцанію чувства, мѣстами слишкомъ

юношески увлекающагося, нежели въ недостаткѣ любви и горячности къ родному и отечественному... Мы говоримъ о нѣкоторыхъ,—къ счастью, немногихъ, хотя, къ несчастію, и рѣзкихъ,—мѣстахъ, гдѣ авторъ слишкомъ легко судить и національности чуждыхъ племенъ, и не слишкомъ скромно предается мечтамъ о превосходствѣ славянскаго племени надъ ними. Мы думаемъ, что лучше оставлять всякому свое и, сознавая собственное достоинство. умѣть уважать достоинство и въ другихъ... Объ этомъ много можно сказать, какъ о и многомъ другомъ,—что мы и сдѣлаемъ скоро въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

Всякая литература подвержена своимъ законамъ—это уже общее правило. Литературы заднихъ рядовъ, предводимыя Кузмичевыми и разными иными знаменитостями въ томъ же родѣ, также имѣютъ свои законы, свои условія; но эти условія, кажется, въ томъ только и состоятъ, что въ нихъ заключается чистое отрицаніе самыхъ простыхъ законовъ, общихъ всѣмъ литературамъ, выражающимъ сколько-нибудь разумное содержаніе. Такъ хоть бы это условіе: есть въ году время, время жаровъ и зноя, когда едва ли не всякій нѣсколько сокращаетъ свою обыкновенную дѣятельность, когда даже умственные силы теряютъ много своей энергіи и когда самыя требованія на произведенія высшей, умственной дѣятельности по необходимости должны быть умѣреннѣе, ограниченнѣе, въ эту пору и литература, не истощаясь совершенно, впрочемъ, также уменьшаетъ свою производительность и какъ бы отдыхаетъ, собирая силы для новыхъ трудовъ, для будущей дѣятельности:—это можетъ случиться не только въ нашей, но и во всякой другой, болѣе солидной литературѣ. Но попробуйте наблюдать—не только вооруженными, но и простыми глазами—надъ этими безвременными литературами, которыхъ достоинство измѣряется только вѣсомъ и количествомъ, и вы увидите совсѣмъ противное явленіе: онѣ какъ будто существуютъ внѣ законовъ пространства и времени; условія климата и атмосферы для нихъ совершенно не имѣютъ значенія; въ то время какъ для васъ наступаетъ пора отдыха, у нихъ начинается работа самая живая, самая дѣятельная: работаютъ головы, руки, перья,—больше всего перья, а отъ нихъ не отстаютъ и типографскіе станки. Тутъ не только печатается и издается изъ тѣмы въ свѣтъ «новое», но перепечатывается или ужъ, по крайней мѣрѣ, получаетъ новую обертку и все старое: такимъ образомъ первое изданіе вдругъ, по волшебному манію,

становится вторымъ; пѣсенникъ дѣлается собраніемъ пѣсенъ; большое изданіе—маленькимъ, карманнымъ, для удобнѣйшаго употребленія и проч., и проч.; всѣхъ приемовъ и увертокъ этой литературы не перескажешь. И что это бываетъ за работа, особенно если ужъ «Макарьевская» то не далеко! По русской пословицѣ—тяпъ да ляпъ, и вышелъ корабль! Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Всѣ мало-мальски сложные инструменты въ такомъ случаѣ, чтобъ не мѣшали, отлагаются въ сторону: топоръ, обухъ и долото—вогъ всѣ орудія производителей макарьевской литературы. Имъ некогда, они спѣшать,—такъ до чистоты ли тутъ? Лишь было бы что продать къ великому дню, да выручить хоть свои-то: ужъ за большими не гонятся. Дадимъ имъ дорогу, этимъ скороспѣлымъ издѣліямъ книжной мануфактуры: теперь именно то время, когда они кучами валяютъ на макарьевскую, спѣша захватить себѣ тамъ мѣстечко рядомъ съ желѣзомъ и кожей. Намъ не нужно долго задерживать ихъ и всматриваться въ ихъ физиономію: лица все знакомыя, да при томъ есть и вещи, и даже лица, которые стоятъ только назвать по имени, чтобъ въ одномъ словѣ рассказать вамъ ихъ прошедшую и будущую исторію. Итакъ, начнемъ же нашъ осмотръ.

Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. Москва. 1842.

Мы ничего не хотѣли, было, говорить объ этой странной брошюрѣ: но насъ побудили къ этому слѣдующія въ ней строки:

„Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши; но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что касается до мнѣнія петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ, исключая, можетъ быть, „Отечественныхъ Записокъ“, которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ не говоримъ; развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности!..“

Хоть мы и не имѣемъ никакихъ причинъ особенно горячиться за всѣ петербургскіе журналы, но все-таки долгъ справедливости требуетъ замѣтить автору брошюры, что кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простирается не только на Петербургъ, но и на Москву, и на всѣ провинціи Россіи, куда выписываются они тысячами, и что, наоборотъ, кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ не простирается даже и на Москву, ибо ни найти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что-нибудь рѣшительно невозможно. Это фактъ, противъ котораго не устоитъ никакое умозрѣніе—ни нѣмецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило насъ говорить о томъ, о чемъ легко можно было бы умолчать, а снисходительное выключение «Отечественныхъ Записокъ» изъ опалы, подъ которую подпали у строгаго автора петербургскіе журналы. Пожалуй—чего добраго!— найдутся люди, которые заключатъ изъ этого, что «Отечественныя Записки» раздѣляютъ мнѣніе автора брошюры о Гоголѣ и о «Мертвыхъ Душахъ»: вотъ этого-то мы никакъ не хотѣли бы, и желаніе отклонить отъ себя незаслуженную честь участвовать въ ультра-умозрительныхъ московскихъ воззрѣніяхъ на просто-понимаемое нами дѣло побудило насъ взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголѣ и его твореніяхъ такъ оригинальны, такъ отважны, что едва ли кто-нибудь осмѣлился бы раздѣлить съ нимъ славу ихъ изобрѣтенія. Итакъ, спѣшимъ объясниться.

„Предъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи,—сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами“.

Вотъ что прежде всего видитъ авторъ брошюры въ «Мертвыхъ Душахъ»! Дѣло, видите ли, такого рода: перенесенный изъ Греціи на Западъ, древній эпосъ мелѣлъ постепенно и, наконецъ, совсѣмъ высохъ, низойдя до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти... Но Гоголь спасъ древній эпосъ—и міръ имѣетъ теперь новую «Илиаду», т. е. «Мертвыя Души», и новаго Гомера, т. е. Гоголя!.. Бѣдный Гоголь!

Не поздоровится отъ такихъ похвалъ!..

Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно стоящее, независимо отъ исторіи; онъ, можетъ быть, и у насъ, и мы его имѣемъ—въ «Мертвыхъ Душахъ»!.. Итакъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а связался до романа!.. Поздравляемъ философское умозрѣніе, плохо знающее фактическую исторію!.. Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса! Ужъ и современное-то человѣчество не есть ли искаженная Греція?.. Именно такъ!..

Но, увы! какъ ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаическіе петербуржцы, все-таки остаемся при своихъ историческихъ убѣжденіяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же похожъ на Гомера, а «Мертвыя Души» на «Илиаду», какъ сѣрое петербургское небо и сосновыя рощи петербургскихъ окрестностей на свѣтлое небо и лавровыя рощи Эллады. Далѣе, мы думаемъ,

что Гоголь вышелъ совсѣмъ не изъ Гомера и не состоитъ съ нимъ ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ,—думаемъ, что онъ вышелъ изъ Вальтеръ-Скотта, изъ того Вальтеръ-Скотта, который могъ явиться самъ собой, независимо отъ Гоголя, но безъ котораго Гоголь никакъ не могъ бы явиться. Во французской повѣсти мы видимъ не крайнее униженіе древняго эпоса, а просто—французскую повѣсть, выраженіе, зеркало французской жизни. Мы даже не видимъ ничего особенно позорнаго и въ нѣмецкихъ повѣстяхъ, часто отражающихъ въ себѣ не сферу дѣйствительной жизни, а химеры фантазіи, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филистерствомъ. Что выражаетъ собой духъ всемірно-исторической націи, то не можетъ быть вздоромъ, и та философія, которая называетъ вздоромъ подобныя вещи, сама вздоръ, хотя бъ она была и абсолютная....

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смекнулъ, что онъ уже слишкомъ занесся, и послѣдшилъ замѣтить, что «Мертвыя души» не одно и то же съ «Илиадой», ибо-де «само содержаніе кладетъ здѣсь разницу»; но тутъ же, въ выноску, замѣчаетъ: «Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ». На это мы можемъ отвѣчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій ходъ ни приняло оно, вмѣсто юмористическаго,—все-таки «Илиада» будетъ сама по себѣ, а «Мертвыя Души» будутъ сами по себѣ. «Илиада» выразила собой содержаніе положительное, дѣйствительное, общее, мировое и всемірно-историческое, слѣдовательно, вѣчное и неумирающее; «Мертвыя Души», равно какъ и всякая другая поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому что еще негдѣ его взять, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Авторъ брошюры видитъ у Гоголя «эпическое созерцаніе, древнее, истинное, то же, какое у Гомера»: это показываетъ, что онъ совершенно не понялъ паяса «Мертвыхъ Душъ» и, обольстившись умозрѣніями собственнаго изобрѣтенія, навязалъ поэмѣ Гоголя значеніе, котораго въ ней вовсе нѣтъ. Напрасно онъ не выкинулъ въ эти глубокознаменательныя слова Гоголя: «И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы.» («Мертвыя Души»). Въ этихъ немногихъ словахъ высказано все значеніе, все содержаніе поэмы, и намекнуто, почему она названа «поэмой». Въ смыслѣ поэмы, «Мертвыя Души» диаметрально противоположны «Илиадѣ». Въ «Илиадѣ»

жизнь возведена на апофеозу: въ «Мертвыхъ Душахъ» она разлагается и отрицается; паеосъ «Илиады» есть блаженное упоеніе, проистекающее отъ созерцанія дивно-божественнаго зрѣлища: паеосъ «Мертвыхъ Душъ» есть юморъ, созерцающій жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы. Что же касается до эпическаго спокойствія,—оно совсѣмъ не исключительное качество поэмы Гоголя: это—общее родовое качество эпоса. Романы Вальтеръ-Скотта и Купера поэтому также отличаются эпическимъ спокойствіемъ.

Нельзя безъ улыбки читать 9-й страницы брошюры, гдѣ авторъ заставляетъ Ахилла новой «Илиады», плутоватаго Чичикова, сливаться съ субстанціальной стихіей русской жизни въ чемъ бы вы думали?—въ любви къ скорой ѣздѣ!.. Итакъ, любовь къ скорой почтовой ѣздѣ—вотъ субстанція русскаго народа!.. Если такъ, то, конечно, почему жъ бы Чичикову и не быть Ахилломъ русской «Илиады», Собакевичу—Аяксомъ неистовымъ (особенно во время обѣда), Манилову—Александромъ, Парисомъ, Плюшкину—Несторомъ, Селифану—Автомедономъ, полиціимейстеру, отцу и благодѣтелю города—Агамемнономъ, а квартальному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакированныхъ ботфортахъ—Гермесомъ?..

Въ сравненіяхъ, разбѣянныхъ по поэмъ Гоголя, авторъ брошюры особенно видитъ сродство его съ Гомеромъ. Но это сродство существуетъ также и между Пушкинымъ и Гомеромъ,—что можно фактически доказать ссылками на «Евгенія Овѣгина» и другія поэмы Пушкина... Думаемъ, что съ этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полнотѣ жизни, въ которой изображаетъ Гоголь свои лица, и которая дѣйствительно удивительна, авторъ брошюры не точно выразился, сказавъ, будто «Гоголь не лишаетъ лицо, отмѣченное мелкостью, нязостью, ни одного человѣческаго движенія»: надо было сказать—иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человѣческихъ движеній, или что-нибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, что и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичъ не лишены ни одного человѣческаго чувства и потому ничѣмъ не хуже любого великаго человѣка. Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смотрѣть съ участіемъ на глупую и сентиментальную размазю Манилова, когда тотъ идіотски мечтаетъ о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на бельведерѣ, съ котораго видна Москва, какъ они съ нимъ пріѣзжаютъ въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, обворожаютъ всѣхъ пріятностью обращенія, и какъ само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генера-

лами... Признаемся, мы читали это со смѣхомъ и безъ всякаго участія къ личности Манилова, можетъ быть, потому именно, что не имѣемъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода «мечтательными» личностями.

Далѣе, авторъ брошюры доказываетъ, что такой полноты созданія, какова у Гоголя, не встрѣтить ни у кого, кромѣ какъ у Гомера и Шекспира. «Да,—говоритъ онъ:—только Гомеръ. Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этой тайной искусства.»—А Пушкинъ?.. Да куда ужъ тутъ Пушкину, когда Гоголь заставилъ (впрочемъ, безъ всякаго съ своей стороны желанія—мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существованіи Сервантеса, Данте, Гёте, Шиллера, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Беранже, Жоржъ Занда! Всѣ они—пасъ передъ Гоголемъ!.. Куда имъ до него! Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—больше никого мы не хотимъ знать, что ни говори себѣ «неблагонамѣренные» люди!.. Однако жъ авторъ брошюры позволяетъ Гомеру и Шекспиру стоять подлѣ Гоголя только по «акту созданія», а по поддержанію онъ ставитъ ихъ выше его. «Въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира, ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ.» Какіе счастливы эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ не далъ имъ дожить до такого счастья!.. «Мы,—говоритъ авторъ брошюры:—далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту творчества они ниже Гоголя.» Но, говоря далѣе, авторъ брошюры жестоко проговаривается, самъ того не замѣчая, и даетъ намъ прекрасное средство его же орудіемъ слугъ построенные имъ карточные домики фантазерскихъ умозрѣній:

„Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ, (продолжаетъ авторъ брошюры): поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни; другой создастъ великаго человѣка, взявши большее содержаніе, но только помѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайной творчества“.

Во-первыхъ, разсуждая о дѣлѣ творчества, нечего и говорить о поэтахъ, не обладающихъ тайной творчества, и заставляютъ ихъ намѣчать общими чертами идеалы великихъ людей; надо великаго поэта противопоставлять великому же поэту. Въ такомъ случаѣ мы, не обинуясь, скажемъ, что слегка намѣченный идеалъ великаго человѣка будетъ болѣе великимъ созданіемъ, нежели во всей полнотѣ и во всей свободѣ жизни воспроизведенный цвѣтокъ. Двѣ стороны соста-

влияють великаго поэта: естественный талантъ и духъ или содержаніе. Это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только содержаніе дѣлаетъ поэта мировымъ: — высшая точка, zenithъ поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ словомъ высшее его явленіе, мы думали воспользоваться для этого эпитетомъ «мирового»; но скоро, увидѣвъ, что черезъ это смѣшиваются два различныхъ представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Мировой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не мировымъ поэтомъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ; но если вы хотите знать, что такое «мировой» поэтъ, возьмите Байрона хоть въ прозаическомъ французскомъ переводѣ и прочтите изъ него, что вамъ прежде попадется на глаза. Если вы не падете въ трепетъ передъ колоссальностью идей этого страшнаго ученика Руссо, этого глубокаго субъективнаго духа, этого потомка мнѣческихъ титановъ, громоздившихъ горы на горы и осаждавшихъ Зевеса на его неприступномъ Олимпѣ, — тогда не понять вамъ, что такое «мировой» поэтъ. Прочтите «Фауста» и «Прометея» Гёте, прочтите трепещущія пафосомъ любви ко всему человѣческому созданію Шиллера, — и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, идущихъ во главѣ всемірно-историческаго движенія дѣлаго человѣчества, поставили вы ниже великаго русскаго поэта. Что же касается до вашего сравненія художественно созданнаго цвѣтка съ легко наброшеннымъ идеаломъ великаго человѣка, мы уважемъ вамъ на примѣръ не изъ столь великой сферы. «Воаринъ Орша» Лермонтова — произведеніе не только слегка начертанное, но даже дѣтское, гдѣ большей частью ложны и нравы, и костюмы, но просимъ васъ указать намъ на что-нибудь и побольше цвѣтка, что могло бы сравниться съ этимъ гениальнымъ очеркомъ. Отчего это? — оттого, что въ дѣтскомъ созданіи Лермонтова вѣтъ духъ, передъ которымъ потускнѣетъ не одно художественное произведеніе — цвѣтокъ ли то, или цѣлый цвѣтникъ...

„Итакъ (продолжаетъ авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняютъ неполно, но чтобы не писать длинной статьи) надѣмся мы пояснить наши слова: *въ отношеніи къ акту творчества*. Но Воже насъ сохрани, чтобы миниатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя: мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ той же тайной, какой обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они...“
„Итакъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту

созданій, какъ у Гоголя; только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великой, одной и той же тайной искусства“.

Положимъ даже, что все это и такъ, но вотъ вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему именно тутъ радоваться?.. Во-первыхъ, еще совсѣмъ не доказанная истина, совсѣмъ не аксіома, что Гоголь, по акту творчества, выше хоть, на примѣръ, Пушкина и позволяетъ стоять подлѣ себя только Гомеру и Шекспиру, — и мы очень жалѣемъ, что авторъ брошюры не взялъ на себя труда доказать это, а ограничился нѣсколькими фразами, въ родѣ оракульскихъ. Во-вторыхъ, акта творчества еще мало для поэта, чтобъ имя его стало на ряду съ именами Гомера и Шекспира... Все это ужасно сбивается на риторичку и фразы, все это такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. Занятіе, конечно, невинное, но и ни къ чему не ведущее, кромѣ профанаци именно того, что составляетъ предметъ дѣтскаго удивленія. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣтъ въ созданіяхъ Гоголя этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что бы стало съ любимымъ созданіемъ Гоголя, если бѣ оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Что интереснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ немъ для француза, нѣмца или англичанина? Гдѣ же права Гоголя стоятъ на ряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ? — Знаете ли, что мы сказали бы на ушко вѣзмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гёте или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ и проч. Вальтеромъ-Скоттомъ тоже шутить нечего: этотъ человѣкъ далъ историческое и социальное направленіе новѣйшему европейскому искусству.

И однако жъ мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его «Мертвыя Души» — великимъ произведеніемъ. Но въ первомъ случаѣ мы разумѣемъ естественный талантъ, по которому Гоголь, какъ и Пушкинъ, дѣйствительно напоминаютъ собой величайшія имена всѣхъ литературъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не дивиться его умѣнью оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическіе образы, — его орлиному взгляду, которымъ онъ проникаетъ въ глубину тѣхъ тонкихъ и для простаго взгляда недоступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣбная ограниченность видитъ мелочи и пустяки, не подозрѣвая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ вертится — увы! — цѣлая сфера жизни. Но Гоголь — великій русскій поэтъ, не болѣе; «Мертвыя Души» его — тоже только для Россіи и въ Россіи могутъ имѣть безконечно

великое значеніе. Такова пока судьба всѣхъ русскихъ поэтовъ; такова судьба и Пушкина. Никто не можетъ быть выше вѣка и страны; никакой поэтъ не усвоить себѣ содержанія, неприготовленнаго и невыработаннаго исторіей. Немногое, слишкомъ немногое изъ произведеній Пушкина можетъ быть передано на иностранныя языки, не утративъ съ формою своего субстанціального достоинства; но изъ Гоголя—едва ли что-нибудь можетъ быть передано. И однако жъ мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ социальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ объектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданія поэта нашего времени. Повторяемъ: чѣмъ выше достоинство Гоголя, какъ поэта, тѣмъ важнѣе его значеніе для русскаго общества, и тѣмъ менѣе можетъ онъ имѣть какое-либо значеніе внѣ Россіи. Но это-то самое и составляетъ его важность, его глубокое значеніе и его—скажемъ смѣло—колоссальное величіе для насъ, русскихъ. Тутъ нечего и упоминать о Гомерѣ и Шекспирѣ, нечего и путать чужихъ въ свои семейныя тайны. «Мертвыя Души» стоятъ «Иліады», но только для Россіи: для всѣхъ же другихъ странъ ихъ значеніе мертво и непоятно.

Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрять, чтобъ русскій умъ, русскій языкъ могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность на святой Руси, и свое русское, хотя бы и отличное высокою даровитостью, презиралось за то только, что оно русское. Время это, слава Богу, прошло, и теперь настало другое, когда намъ уже ни по чѣмъ и Гомеры, и Шекспіры, и Байроны, потому что мы успѣли уже позавестись своими,—мы чужихъ становимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ маршировать и справа и слѣва, и взадъ и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусяному перу и тряпичной бумагѣ. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческія фразы...

Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредеть ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта—тотчасъ ее на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта—аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники... А тамъ что?—Кому суждено возмужать, тотъ потихоньку забудетъ о томъ, о чѣмъ такъ громко говорилъ прежде, или будетъ самъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ грѣхомъ юности... Но есть люди, которые

или навѣкъ остаются дѣтьми, или навѣкъ остаются юношами: ихъ убѣжденіе не слабѣетъ; они продолжаютъ высказывать его съ прежнимъ простодушіемъ, и новыя фантазіи, подобныя прежнимъ, тянутся у нихъ до гроба длинной вереницей, какъ мечты у Манилова по отъѣздѣ Чичикова...

Сочиненія Платона. Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи Карповымъ. Часть II-я. Спб. 1842.

Во второй части «Сочиненій Платона» также еще нѣтъ самого Платона, какъ не было и въ первой: герой той и другой части—великій учитель Платона, Сократъ. Но въ этой части Сократъ является уже съ другой, болѣе интересной для всѣхъ, нежели для немногихъ, стороны своей. Въ первыхъ трехъ разговорахъ мы видѣли только диалектика Сократа, который обезоруживалъ хитросплетенную ложь софистовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ—диалектикой, но который не высказывалъ своихъ убѣжденій и идей, довольствуясь тѣмъ, что изобличалъ пустоту и ничтожество софистическаго лжемудрованія. Въ слѣдующихъ же пяти разговорахъ—«Хармидъ», «Эвтифронъ», «Менонъ», «Апологии Сократа» и «Критонъ», изъ которыхъ состоитъ эта вторая часть, мы видимъ мыслителя и мудреца Сократа, знакомимся съ его высокой мудростью, исполненной глубочайшаго нравственнаго и жизненнаго содержанія. Эта мудрость всѣмъ доступна и всякому понятна, кто только жаждетъ мудрости: ибо Сократъ, какъ истинный грекъ, есть мудрецъ, а не философъ. Между этими двумя словами большая разница. Мудрецовъ могла производить только древность, гдѣ всѣ стихіи жизни были слиты въ органическое цѣлое и единое, гдѣ жрецъ, ученый, художникъ, купецъ, воинъ прежде всего былъ человекомъ и гражданиномъ; гдѣ гуманическое начало развивалось въ человѣкѣ прежде всего; гдѣ воспитаніе было столько же развитіемъ тѣла, сколько и духа, на томъ основаніи, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать и здоровая душа; гдѣ мыслить значило вѣровать и вѣровать значило мыслить; гдѣ имѣть нравственное убѣжденіе значило быть всегда готовымъ умереть за него; гдѣ наука и искусство не отдѣлялись отъ жизни и образъ мыслей отъ образа жизни; гдѣ гражданинъ былъ участникомъ и въ правленіи, и въ жречествѣ; гдѣ воинъ въ мирное время учился мудрости и наслаждался искусствомъ, а ученый, артистъ и ораторъ во время войны сражались за отечество и умирали за него; гдѣ праздники были столько же религиоз-

ными, столько эстетическими, общественными, государственными и национальными... Греція въ особенности была такой страной въ древности, и только она могла произвести такого мудреца, какъ Сократъ, который поучалъ мудрости, бесѣдуя съ народомъ на площадяхъ, въ собраніяхъ, въ торжествахъ, въ темницахъ,—вездѣ, гдѣ могъ сойтись и встрѣтиться съ человѣкомъ.. Наше время—не мудрецовъ, а философовъ, не людей, а книжниковъ, ученыхъ... Это потому, что многосторонніе и безконечно разнообразныя, въ сравненіи съ древностью, элементы новой жизни до сихъ поръ еще въ броженіи, до сихъ поръ еще не примирились и не слились въ единое и цѣлое. Въ наше время всѣ—или штатскіе, или военные, или мѣщане, купцы, художники, ученые, земледѣльцы, все, чтѣ угодно,—только не «люди»: титло «человѣка» священно и велико только на словахъ да въ книгахъ, а въ жизни о немъ никто не заботится, никто не спрашиваетъ... Въ юности мы учимся вѣсѣмъ наукамъ, исключая той, которая научаетъ какъ-либо быть человѣкомъ. Званіе такое-то можетъ въ наше время избавлять отъ обязанности знать что-нибудь внѣ его сферъ; званіе ученаго, напримѣръ, позволяетъ быть трусомъ, блѣднѣть и прятаться при звукѣ оружія. Но всего грустнѣе, что не только званіе, но даже всемірная слава философа у насъ не только избавляетъ отъ обязанности считать себя въ какихъ бы то ни было кровныхъ связяхъ съ обществомъ и народомъ, но еще какъ бы поставляетъ въ обязанность считать для себя за честь быть выше общества и современности... Оттого-то въ наше время иной философъ, пока на кафедрѣ,—Промеѣеи, рѣшительный Промеѣеи: слушаешь и дивишься, какъ одинъ человѣкъ можетъ вмѣстѣ въ себѣ столько мудрости, столько знанія!.. Но придите въ домъ къ этому Промеѣеу: Боже мой, какое превращеніе! Филистеръ, мѣщанинъ, человѣкъ, котораго вся поэзія жизни ограничена какой-нибудь кухаркой-женой, трубкой кнастера и кружкой пива... На кафедрѣ—ему, кажется, только и бесѣдовать бы что съ богами; а въ жизни это одинъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ бюргеръ-клуба... На кафедрѣ это герой истины, готовый защищать ее логическими построениями противъ всей вселенной; а въ жизни—это человѣкъ, хорошо вытвердившій правило «мое дѣло сторона», и живущій въ ладу со всякой дѣйствительностью, равно счастливый при всякихъ обстоятельствахъ. Удивительно ли, что философія въ наше время производитъ только школьныя партіи, и что жизнь такъ же не хочетъ ее знать, какъ и она не хочетъ знать жизнь?.. А художникъ нашего времени?.. Онъ живетъ

въ прошедшемъ, поетъ, какъ птица, и, подобно птицѣ, перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, ища мѣстечка, гдѣ бы ему было лучше... Не такова была древность—эта великая школа людей и мужей, гдѣ самыя женщины были героинями своихъ обязанностей и, будучи женами и матерями, умѣли быть и гражданками; гдѣ художники и ученые были не птицами и не педантами, а таинниками, хранителями Промеѣева огня национальной жизни... Тамъ слово было дѣломъ, и дѣло было словомъ, мысль—фактомъ, и фактъ—мыслью. Зато въ Греціи, напримѣръ, Гомера знали не одни ученые, а цѣлый народъ; Пиндару и Кориннѣ рукоплескала вся Эллада на олимпійскихъ играхъ; Геродотъ на тѣхъ же олимпійскихъ играхъ (а не въ собраніи общества любителей словесности) читалъ элинамъ исторію славной борьбы ихъ съ Азіей, а юноша Фукидидъ плакалъ, слушая вѣщаго старца... Софокль, обвиненный неблагодарными дѣтьми въ помѣшательствѣ ума, передъ лицомъ всего народа выигрываетъ процессъ, прочтя судѣнному отрывокъ изъ своего «Эдипа»... А между тѣмъ греки не знали великаго искусства книгопечатанія, которымъ мы столько гордимся, забывая, что у насъ большая часть и знающихъ-то грамотѣ читаютъ только преіесъ-куранты да объявленія о продажахъ и подрядахъ...

Вѣрить и не знать—это еще значить что-нибудь для человѣка; но знать и не вѣрить—это ровно ничего не значить. Сознательная вѣра и религиозное знаніе—вотъ источникъ живой дѣятельности, безъ котораго жизнь хуже смерти. А между тѣмъ сколько людей въ наше время безъ памяти рады, что они—скептики, и что они вѣрятъ только въ то, что чѣмъ больше въ карманѣ денегъ, тѣмъ веселѣе быть скептикомъ!.. Только въ такое несчастное время могутъ существовать люди, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобы тѣшить праздную толпу, кувыркаясь передъ ней на канатѣ, въ нарядѣ паяца, въ колпакѣ съ бубенчиками, и которые готовы доказывать, для ея потѣхи, что Сократъ былъ умный плутъ, который морочилъ аѣвнянъ своимъ демономъ, внутренно смѣясь надъ ними, какъ будто бы Сократъ былъ забавникъ-журналистъ или шутъ... Эти «скептики», по себѣ самимъ судяще о великихъ людяхъ, эти потѣшники толпы, съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ, готовы доказывать, что Сократъ и чашу-то съ пикутой выпилъ изъ желанія плутовать и тѣшиться... Для низкихъ натуръ ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ мстить за свое ничтожество, бросая грязью своихъ воззрѣній въ святое и великое жизни... А бессмысленная толпа, дикая невѣжественная чернь за то-то и удивляется этимъ гае-

рамъ, принимая ихъ наглость и дерзость за знаніе и умъ...

Кстати о Сократѣ и о чашѣ съ цикутой, которая прекратила дни мудреца и праведника: въ разговорѣ «Критонъ» Платонъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ въ темницѣ съ ученикомъ его, Критономъ. Критонъ уговариваетъ Сократа бѣжать; Сократъ доказываетъ ему, что не можетъ этого сдѣлать, не отрехшись отъ своего собственнаго ученія и не запятнавъ безчестіемъ всей своей жизни. Такъ мыслить и чувствовалъ Сократъ—этотъ тонкій плутъ, этотъ ловкій «надувало», тѣпившійся надъ легковѣриемъ афинянъ!... И какъ его мышленіе было его вѣрой,—онъ мученической смертью утвердилъ справедливости своего религіознаго сознанія. Изучать доктрину Сократа, изложенную въ бесѣдахъ, преніяхъ, какъ самъ онъ излагалъ ее,—значить не только просвѣщать свой разумъ свѣтомъ истины, прибрѣтать божественную способность дѣлаться жрецомъ истины, готовымъ все приносить въ жертву ей и прежде всего—самого себя.

Вотъ почему, нисколько не увлекаясь и не преувеличивая дѣла, но видя его совершенно такимъ, каково оно есть дѣйствительно, мы смѣло можемъ сказать, что Карповъ, если онъ кончитъ изданіе своего перевода, совершить подвигъ столько же гражданскій, сколько и ученый. Это великая заслуга передъ обществомъ, это безцѣнный подарокъ его настоящему и будущему. Изученіе классической древности въ новѣйшей Европѣ положено краеугольнымъ камнемъ публичнаго воспитанія юношества,—и въ этомъ видна глубокая мудрость. Есть люди, которые кричатъ: «зачѣмъ намъ нѣтъ спасенія безъ грековъ и римлянъ? зачѣмъ непременно изучать греческій и латинскій, а не санскритскій, или не арабскій языкъ, если ужъ безъ древнихъ языковъ нельзя обойтись?»—Затѣмъ, милостивые государи, что связь новѣйшей Европы съ Индией и Аравіей гораздо отдаленнѣе, нежели съ Греціей и Римомъ. То родство въ двадцатомъ колѣнѣ, а это родство близкое, кровное. Изученіе классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелѣтнія оковы съ ума человѣческаго, способствовало освобожденію отъ инквизиціи и тому подобныхъ човѣколюбивыхъ и кроткихъ мѣръ къ спасенію душъ. Законодательство римское замѣнило въ новѣйшей Европѣ феодальную тиранію правомъ, на разумъ основанномъ. Древняя Греція и Римъ—страны духа, впервые освободившагося отъ деспотическаго владычества природы, представитель котораго—Азія. Тамъ, на этой классической почвѣ, развились сѣмена гуманности, гражданской доблести, мышленія и творчества, тамъ начало всякой разумной

общественности, тамъ всё ея первообразы и иделы. Правда, тамъ общество, освободивъ човѣка отъ природы, слишкомъ и покорило его себѣ. Зато средніе вѣка ужъ слишкомъ освободили его отъ общества и впади въ другую крайность. Теперь настаетъ время примиренія этихъ двухъ крайностей, во имя среднихъ вѣковъ и древняго міра; слѣдовательно, Греція и Римъ и теперь еще живутъ и дѣйствуютъ въ насъ, къ нашему благу и нашему преуспѣянію въ осуществленіи на дѣлѣ идеальной истины, которая одна только истинна, ибо всякая эмпирическая истина—ложь.

Переводъ Карпова именно такой, какого только нужно желать въ наше время: вѣрный и точный до буквальности, носящій на себѣ отпечатокъ того языка, съ котораго онъ сдѣланъ; но отъ того русскій языкъ въ немъ нисколько не изнасилованъ и не лишенъ своей естественности. Переводъ изящный болѣе обогатилъ бы нашу литературу, чѣмъ познакомилъ бы насъ съ Платономъ. Такой переводъ, можетъ быть, важенъ для насъ только послѣ перевода Карпова; но и тогда мы читали бы его *texte en regard* съ переводомъ Карпова, имѣя послѣдній подъ рукою, такъ сказать, для повѣрки перваго. Честь и слава човѣку, скромно, въ тиши кабинета, наединѣ, совершающему свой трудъ, который былъ бы истиннымъ подвигомъ для цѣлаго ученаго общества! Неужели этотъ трудъ не поддержится публикой?—Страшно и подумать объ этомъ...

Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома. Спб. 1842.

Въ литературномъ отношеніи нельзя было блистательнѣе заключиться старому году и начаться новому, какъ выходомъ сочиненій Гоголя. Дай Богъ, чтобы это было счастливымъ предзнаменованіемъ для новаго года—чтобы мы увидѣли въ теченіе его не однѣ тетрадки и выпуски съ картинками, не однѣ сказки, досузей посредственностью изготовляемые во множествѣ по заказу литературныхъ антрепренеровъ...

Намъ нѣтъ никакой нужды говорить о томъ, что содержатъ въ себѣ эти четыре тома: публика уже знаетъ это сама—четыре тома уже прочтены ею по крайней мѣрѣ въ обѣихъ напихъ столицахъ, если еще не успѣли они проникнуть въ глушь провинцій.

Итакъ, исторія «Мертвыхъ Душъ» готова повториться: публика читаетъ журналы въ хлопотахъ, особенно тѣ, которымъ такъ не по сердцу произведенія Гоголя... ихъ успѣхъ, хотѣли мы сказать. «Сѣверная Пчела» уже подала голосъ, но она хвалитъ Гоголя (№

18): «Мы думаемъ, — говоритъ она, — что для Гоголя вовсе не будетъ униженіемъ, когда мы его поставимъ на одну доску съ Польде-Кокомъ и Пиго-Лебрёномъ, писателями талантливыми, но не имѣвшими претензій на поэзію и философію.» Увы! мы, съ своей стороны, не можемъ поставить автора этихъ строкъ на одну доску ни съ Польде-Кокомъ, ни съ Пиго-Лебрёномъ, — именно потому, что они писатели талантливые и не имѣвшие притязанія на поэзію и философію... А «Сѣверная Пчела» — надо отдать ей въ этомъ честь, — не имѣя притязаній ни на талантъ, ни на поэзію, сильно претендуетъ на философію, особенно когда хлопочетъ объ участи нечитаемыхъ ею, по ея словамъ, «Отечественныхъ Записокъ»: вотъ и теперь она трунить, сколько хватаетъ ея остроумія, какъ надъ образцомъ нелѣпости и безсмыслія, надъ этимъ стихомъ Гёте изъ второй второй части его «Фауста»:

In deinem Nichts hoff' ich das All zu finden.

Ну, ужъ, конечно, если эта газета можетъ въ «Фаустѣ» Гёте находить безсмыслицы и нелѣпости, то что для нея произведенія Гоголя, что его поэзія и философія: довольно съ него и того, если эта газета поставитъ его на одну доску съ Польде-Кокомъ и Пиго-Лебрёномъ... Жаль, что Гоголь никогда не узнаетъ объ этомъ «производствѣ», и потому не будетъ имѣть возможности поблагодарить «Сѣверную Пчелу»... свойственнымъ ему образомъ...

Но пора отвернуться хоть на время отъ шумнаго рынка этой литературы: наше вниманіе зоветъ теперь къ себѣ то, что составляетъ въ настоящую минуту гордость и честь русской литературы — четыре тома сочиненій Гоголя...

«Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки», которыми началось поэтическое поприще Гоголя, и которые теперь въ третій разъ выходятъ въ свѣтъ, оставлены авторомъ безъ всякихъ измѣненій. Такъ и должно было быть: рожденія легкой, свѣтлой, юношеской фантазіи, веселія пѣсни на пиру еще неизвѣданной жизни, они не могли подвергнуться измѣненіямъ поэта, который уже давно смотритъ на жизнь взоромъ глубокимъ, пронзительнымъ и грустно-важнымъ. Для самого поэта эти образы, свѣтлые, какъ майская ночь его Малороссіи, радостные, какъ звучный смѣхъ его Оксаны, шаловливые, какъ затѣи неутомонныхъ парубковъ, товарищей удалого Левко, сладостно-задумчивые, какъ свѣтлокая панночка-утопленница, добродушно насмѣшливые, какъ вѣчно веселая юность, всѣ эти образы навсегда остались милы поэту, какъ первый поцѣлуй любви, какъ шипучая пѣна впервые осушеннаго

бокала, какъ память о волшебныхъ дняхъ безпечно блаженнаго младенчества... Онъ самъ говоритъ въ предисловіи: «Всю первую часть сдѣлало бы исключить вовсе: это первоначальные ученические опыты, недостойные строгачаго вниманія читателя; но при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодого вдохновенія, и мнѣ стало жалко исключить изъ памяти первыя игры невозвратной юности. Снисходительный читатель можетъ пропустить весь первый томъ и начать чтеніе со второго.» Такъ говоритъ поэтъ, — и онъ имѣетъ полное право протестировать свою строгость къ самому себѣ за предѣлы умѣренности и справедливости; но публика тоже права, не соглашаясь съ нимъ. Всякій періодъ жизни человѣческой прекрасенъ и долженъ имѣть свои пѣсни и своихъ пѣвцовъ: «Вечера на Хуторѣ» есть одна изъ такихъ вѣчно звучныхъ пѣсней юности, которыхъ цѣль и назначеніе — вновь возвращать на волшебное мгновеніе самой старости невозвратно улетѣвшую юность...

Во второй части, заключающей въ себѣ «Миргородъ», подверглись значительнымъ измѣненіямъ повѣсти «Тарасъ Бульба» и «Вій». Первая вълѣдствіе этихъ измѣненій сдѣлалась вдвое обширнѣе и безконечно прекраснѣе. Поэтъ чувствовалъ, что въ первомъ изданіи «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, пѣвецъ Бульбы не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. Онъ исчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель улавляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... Особенно замѣчательны подробности битвы малоросіянъ съ поляками подъ городомъ Дубно и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной полькѣ. Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ. Впрочемъ, сужденіе объ этомъ — смѣло можемъ сказать — великомъ созданіи завело бы насъ далеко, чего не позволяеть намъ ни мѣсто, ни время, и потому пока отлагаемъ его. Повѣсть «Вій» черезъ измѣненія сдѣлалась много лучше противъ прежняго, но и теперь она болѣе блеститъ удивительными подробностями, чѣмъ своей цѣлостью. Недостатки ея значительно сгладились, но цѣлаго попрежнему нѣтъ. «Старосвѣтскіе Помѣщики» и «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»

остались совершенно безъ измѣненій: очевидно, эти два превосходныя произведенія такъ хорошо вырѣли въ душѣ, что могли сразу явиться во всей опредѣленности своей идеи, во всей полнотѣ своей художественной жизни.

Къ такимъ же зрѣло-художественнымъ и отчетливо концепированнымъ произведеніямъ принадлежатъ и «Невскій Проспектъ», которымъ начинается третья часть; только эта повѣсть, по своему содержанію, далеко глубже и выше тѣхъ двухъ. «Носъ» — это въ арабескъ, небрежно набросанный карандашомъ великаго мастера, значительно и къ лучшему измѣненъ въ своей развязкѣ. О «Портретѣ» и «Римѣ» публикѣ извѣстно наше мнѣніе, за которое одинъ журналъ недавно объявилъ насъ — «ругателями Гоголя»!... Такова толпа: ей или хвили до надсады груди, или унижай до послѣдней крайности; но не смѣй хвалить за одно и порицать за другое въ одно и то же время... Мнѣніе наше о «Портретѣ» и «Римѣ» остается то же, несмотря ни на чьи крики и клеветы, — и мы подробно разовьемъ это мнѣніе въ общаго нами большой статьѣ о сочиненіяхъ Гоголя. «Коляска» — мастерской юмористической очеркъ, въ которомъ больше поэтической жизни и истины, чѣмъ во многихъ пудахъ романовъ многихъ нашихъ романистовъ, — и «Записки сумасшедшаго» — одно изъ глубочайшихъ произведеній Гоголя, также остались безъ перемѣнъ. «Шинель» есть новое произведеніе, отличающееся глубиной идеи и чувства, зрѣлости художественнаго рѣзца.

Въ четвертомъ томѣ очень много новаго, и мы особенно рады, что изъ него даже петербургская публика познакомится съ новой комедіей (впрочемъ, еще прежде «Ревизора» написанной) Гоголя — «Женитьба, совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ». Здѣсь, въ Петербургѣ, она давалась на сценѣ; но тамъ мы не узнали ея, ибо нѣтъ ничего общаго между тѣмъ, что видѣли мы на сценѣ и что читаемъ теперь въ книгѣ... Никого не обижая, ни на кого не жалуясь, мы кстати замѣтимъ здѣсь, что еще не пришло время у насъ для національнаго театра. Большая часть актеровъ нашихъ смотритъ на сценическое искусство, какъ на обязанность говорить то, чего не чувствуетъ... Это напоминаетъ намъ слова Гоголя въ его письмѣ о представленіи «Ревизора»: «Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать — значитъ просто нести болтовню. Лгать — значитъ говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно говорить только одну истину, и здѣсьто заключается именно все комическое дѣло.» Точно также, прибавимъ мы отъ себя, больша

шая часть нашихъ актеровъ не хочетъ понять, что искренность и наивность суть первыя условія сценическаго искусства и комизма, и что поэтому смѣшить публику должно естественнымъ воспроизведеніемъ характера, созданнаго поэтомъ, а не утрированіемъ характера; ибо, какъ въ самой дѣйствительности, никто не станетъ выставлять на видъ рѣзкія странности своего характера, чтобъ смѣшить ими другихъ, но каждый тѣмъ и смѣшонъ, что и не подозреваетъ своей смѣшной стороны, такъ и въ сценическомъ искусствѣ, — этомъ зеркалѣ дѣйствительности — актеръ долженъ забыть, что онъ играетъ смѣшную роль, и помнить только, что онъ представляетъ характеръ, изъ природы и дѣйствительности взятый. Конечно, смѣхъ публики есть награда комическому актеру, но онъ долженъ возбуждать этотъ смѣхъ естественнымъ выполненіемъ представляемаго имъ характера, а не явнымъ желаніемъ, во что бы то ни стало, возбуждать смѣхъ — не рѣзкими движеніями, не уродливымъ костюмомъ... Кстати о костюмахъ: вотъ что говоритъ Гоголь, въ своемъ письмѣ, о выполненіи роли Бобчинскаго и Добчинскаго: «Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хоть я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, какъ-нибудь вынесутъ ихъ и не такъ обкарикатурятъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже передъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два челоуѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенскіе, съ прилично приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклокоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками, а не сценѣ оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо.»

«Игроки — цѣлая комедія, по концепціи и выполненію вполнѣ достойная имени своего автора. Сцены «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ» — живыя картины разныхъ словесъ и сферъ русскаго общества. Но выше ихъ «Театральный Развѣздъ» послѣ перваго представленія комедіи: въ этой пьесѣ, поражающей мастерствомъ изложенія, Гоголь является столько же мыслителемъ-эстетикомъ, глубоко постигающимъ законы искусства, которому онъ служитъ съ такой славой, сколько поэтомъ и социальнымъ писателемъ. Эта пьеса есть какъ бы журнальная статья въ поэтически-драматической формѣ, — дѣло,

возможное для одного Гоголя! Въ пьесѣ этой содержится глубоко сознанныя теорія общественной комедии и удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы или, лучше сказать, на всѣ нападки, возбужденныя «Ревизоромъ» и другими произведеніями автора. Разобрать это превосходное произведеніе нельзя, не дѣлая изъ него выписокъ, а дѣлать изъ него выписки тоже нельзя, по двумъ причинамъ: по невозможности выбора прекраснаго изъ равно прекраснаго, и еще потому, что вся пьеса проникнута такимъ единствомъ мысли, развитой и изложенной такъ логически и послѣдовательно (несмотря на поэтически-драматическую форму), что надобно было бы переписать ее всю отъ начала до конца...

Божественная Комедія. Данте Алигьери. „Адъ“. Съ очерками Флаксмана и итальянскимъ текстомъ. Переводъ съ итальянскаго Ф. Фанъ-Дима. Спб.

Вотъ трудъ и предпріятіе, которыхъ нельзя не одобрить, особенно если выполняются хорошо. Данте—это Гомеръ не одной Италіи, но и всей католической Европы среднихъ вѣковъ. Поэтому не должно удивляться ни тому, что Беатриче, героиня поэмы, есть не что иное, какъ аллегорическій образъ богословія, ни тому, что языческій поэтъ Виргилій сопровождаетъ въ христіанско-языческомъ аду христіанскаго поэта. Данте особенно не посчастливилось на Руси: его никто не переводилъ, и о немъ всѣхъ меньше толковали у насъ, тогда какъ это одинъ изъ величайшихъ поэтовъ міра. Фанъ-Димъ заслуживаетъ величайшую благодарность за прекрасное и благое намѣреніе познакомить въ прозаическомъ переводѣ русскую публику съ совершенно незнакомымъ ей поэтомъ. Мы находимъ достойнымъ похвалы и мысль переводчика—переводить Данте не стихами (для чего требовался бы огромный поэтический талантъ), а прозой, гдѣ главное достоинство—буквальная близость и вѣрность, безъ насилія русскому языку и безъ ущерба плавности и правильности слога. При такомъ переводѣ и подлинникъ *texte en regard*—дѣло очень и очень не лишнее.

Тысяча и Одна Ночь, арабскія сказки. Спб. 1839 и 1842. Части 6, 7, 8, 9 и 10.

Арабскія сказки суть полнѣйшее выраженіе національнаго духа и обществённости важнѣйшаго изъ магометанскихъ народовъ, нѣкогда игравшаго въ мірѣ такую великую роль. Созданія пламенной фантазіи, отрѣшившейся отъ всѣхъ прочихъ способностей души, онѣ отличаются сплетеніемъ и переплетеніемъ частей и эпизодовъ, образующихъ собой какое-то уродливое цѣлое, — узорчатой пестротой своей фантастической ткани и рѣзкой яркостью своихъ восточныхъ красокъ; онѣ невольно поражаютъ этимъ бессмысленнымъ, произвольнымъ искаженіемъ дѣйствительности, или, лучше сказать, этой дѣйствительностью, построенной на воздухѣ, лишенной всѣхъ подпоръ возможности, вопреки здравому смыслу. Это-то самое и придаетъ имъ колоритъ оригинальности, составляющій главную ихъ прелесть.

Всѣ восточные народы—страстные охотники до разсказовъ, и такъ какъ восточная жизнь лишена всякаго движенія и разнообразія, они хотятъ, чтобъ эти разсказы были исполнены чудесъ и небывалыхъ приключеній, которыя составляли бы собой контрастъ съ ихъ однообразной, скучной дѣйствительностью. И какъ понятно, что, несмотря на всю нелѣпность вымысла, эти сказки слушаются бритыми, правобѣрными головами съ самымъ добродушнымъ убѣжденіемъ въ непреложной истинѣ каждой черты ихъ! Это не глупость, а младенческое состояніе ума, погруженнаго въ вѣчную дремоту. Вотъ почему для дѣтей чтеніе «Арабскихъ Сказокъ» доставляетъ столько наслажденія: человѣкъ-дитя въ Европѣ сочувствуетъ народу-дитяти въ простодушныхъ откровеніяхъ его фантазіи. Человѣкъ взрослый не можетъ читать залпомъ этихъ сказокъ! ему наскучить одно и то же — и чудесныя красавицы, и разумные принцы, и повторенія однѣхъ и тѣхъ же рѣчей, въ которыхъ ровно ничего нѣтъ. Но такъ какъ и между взрослыми много дѣтей, то «Арабскія Сказки» всегда будутъ имѣть у себя обширный кругъ читателей и почитателей.

III. ЖУРНАЛЬНАЯ ВСЯЧИНА.

Педантъ.

(Литературный типъ).

Всѣмъ ученымъ и образованнымъ людямъ вѣдомо, что словесность, т. е. литература, должна имѣть цѣлью—поучать, услаждая. Покойный Мерзляковъ, великій знатокъ и учитель по части изящнаго, даже перевелъ (и прекрасно), кажется, изъ Таасса, чудесные стишки на этотъ счетъ:

Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
Несетъ фіалъ, сладкими упитавъ по краямъ;
Счастливецъ оболещенъ, пьетъ горькое цѣ-
ленье;

Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль—дѣло хорошее, спору нѣтъ, но и скучное, горькое—противъ чего опять никто спорить не будетъ; слѣдовательно, надо же ее подслащать, разсыпая, чтобъ она достигала своей цѣли, т. е. исправляла нравы, дѣлала дурака умнымъ, пьяницу трезвымъ, взяточника и казнокрада—безкорыстнымъ, бездарнаго писаку отучала отъ пера, ябедника и клеветника отъ ложныхъ доносовъ...

Далѣе, всей просвѣщенной Европѣ извѣстно, что «идеалъ» есть не что иное, какъ собраніе въ одну фигуру разныхъ чертъ, разбросанныхъ въ природѣ и дѣйствительности—а отсюда не сама дѣйствительность въ возможности. Творчества тутъ не нужно: хотите изобразить красавицу—приглядывайтесь ко всѣмъ красавицамъ, которыхъ имѣете случай видѣть: у одной срисуйте носъ, у другой глаза, у третьей губы и т. д.—такимъ образомъ вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти опредѣленія—«литературы» и «идеала»—чрезвычайно основательными и вѣрно имъ безусловно. Особенно хороши они тѣмъ, что, во-первыхъ, избавляютъ автора отъ необходимости имѣть талантъ и фантазію, а во-вторыхъ, уничтожаютъ воз-

можность писать такіа изображенія, въ которыхъ всякій, кто бы ни былъ, могъ узнать себя и вслѣдствіе этого жаловаться на личности...

Само собой разумѣется, что этотъ взглядъ на «литературу» и «идеалы» особенно удобенъ для «типовъ» въ родѣ тѣхъ, которые теперь извѣстны подъ именемъ «Нашихъ». Гоголь сказалъ великую правду, что «у насъ если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассессорѣ, то всѣ коллежскіе ассессоры, отъ Риги до Камчатки, непременно примутъ на свой счетъ.» Поэтому я нахожу гораздо приличнѣе и удобнѣе изображать такіе типы, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые были бы очень смѣшны: чрезъ это авторъ достигнетъ двухъ цѣлей разомъ—доставитъ удовольствіе своимъ читателямъ и никого не обидитъ.

Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сдѣлать очеркъ одного изъ такихъ педантовъ, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ, но которые могутъ существовать въ праздномъ воображеніи человѣка, подобно мнѣ имѣющаго свободное время для «бумагомаранія. Если мой педантъ не разсмѣшитъ васъ и не доставитъ вамъ удовольствія—это обнаружить только мое неумѣнье и безталантность. Я нарочно взялъ предметъ для типа изъ такой сферы, которая у насъ не представляетъ собой ни сословія, ни касты. Всѣ эти мои оговорки проистекаютъ изъ рокового предчувствія, что мой типъ, вмѣсто улыбки, возбудитъ въ васъ зѣвоту; вмѣсто того, чтобъ разсмѣшить, усыпитъ васъ; ибо, признаюсь вамъ, я не слишкомъ-то полагаюсь на свой талантъ по части типовъ... «Такъ зачѣмъ же беретесь?» скажете вы. Во-первыхъ, хочется попробовать; «авось-либо»—великое слово для русскаго человѣка, который многое дѣлаетъ на «авось»; потомъ, неотвѣчивыя просьбы приятелей: «вы-де знаете педантовъ и можете ихъ изобразить; теперь-де типы въ модѣ, «наши» въ ходу; да кто вамъ сказать, что

вы не можете? вы—человѣкъ съ дарованіемъ»... Чтѣ будешь дѣлать! Вы не знаете, чтѣ это за народъ—мой пріятели! Какъ пристануть—непремѣнно уговорятъ; станутъ вамъ доказывать, что—вы человѣкъ съ дарованіемъ—право, сочините романъ, хотя бы всю жизнь занимались математикой или сельскимъ хозяйствомъ... Ну, чтѣ ни будетъ—начинаю я, для успокоенія крѣпко бюща гося сердца, прошу васъ еще замѣтить, что это не типъ собственно, а скорѣе очеркъ или проектъ для типа...

Не воображайте себѣ моего педанта человѣкомъ старымъ, сѣдымъ, беззубымъ, добрымъ и глупымъ, обожателемъ Хераскова, поклонникомъ Сумарокова, послѣдователемъ философіи Баумейстера, піитики Аполлоса и риторики Толмачева: то педантъ добраго стараго времени, педантъ покойникъ, —миръ праху его! Нѣтъ, я хочу вырѣзать вамъ силуэтъ педанта новѣйшихъ временъ, педанта романтика, который такъ молодъ, что еще и не родился на свѣтъ; такъ вамъ знакомъ, что вы не повѣрите мнѣ, что его можно было найти и на дувѣ, не только на землѣ. Но если ужъ болтать, то надо болтать обстоятельно, дѣлая видъ, что говоришь правду: въ этомъ-то и все смѣшное моего типа... Мой педантъ—сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Не претендуя на богатство, онъ претендуетъ на знатность рода. Зовутъ моего педанта: Лѣодоръ Ипполитовичъ Картофелинъ. Росту онъ весьма небольшого; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четверугольное и похужее на фоліантъ. Если бѣ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственные неудачи увѣрить свѣтъ въ своей гениальности, мой педантъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное *in-quarto*. Глаза у него сѣрые, а волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка съ довольно длинной косичкой. Не помню, когда онъ родился; знаю, что въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда всѣ журналы наши превратились въ толки о классицизмѣ и романтизмѣ, Картофелинъ воспитывался въ единственномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрусѣвшимъ нѣмцомъ—назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ нѣмцы—гофраты). Картофелинъ обнаруживалъ блестящія способности и былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, особенно по части россійской словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведение соответствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикой рѣчи и стихи, въ низшихъ классахъ—сочиненія

своихъ учителей, а въ высшихъ—собственного издѣлія. Онъ первый подбилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую недѣлю по рукамъ мальчиковъ ходила чисто и аккуратно переписанная рукой Картофелина тетрадка, подъ названіемъ «Сѣверная Флора, № такой-то». Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или Безбрежина, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика и смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Лѣодора Безбрежина: онъ объявилъ себя монополистомъ этихъ двухъ отдѣловъ. Гофратъ чуть не плакалъ отъ умиленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего пансіона: послѣ каждого новаго романтическаго стихотворенія онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и нѣжно цѣловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на гениа; а учитель словесности, учившійся нѣкогда по Бургію и, слѣдовательно, классикъ поневолѣ, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелинъ, сей внукъ (увы, не послѣдній!) Василія Кирилловича Тредьяковскаго, пріѣхалъ въ одну изъ столицъ нашихъ,—положимъ, въ Москву. Не помню, чтѣ онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ «россійской словесности»... Да, я непремѣнно хочу сдѣлать моего педанта учителемъ словесности: знаменитый дѣдъ всѣхъ педантовъ, Василій Кирилловичъ Тредьяковский, былъ «профессоръ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ»; одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педанта учителемъ «россійской словесности»; сверхъ того я убѣжденъ отъ всей души, что никакое званіе такъ не идетъ къ педанту, какъ званіе учителя «россійской словесности». Да, эта «россійская словесность» преимущественно сподручна для шарлатановъ и педантовъ: въ ней можно класть, чтѣ угодно, и оттуда можно вынимать какія угодно теории, безъ опасенія заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ всякій учитель словесности былъ педантъ—смѣшно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педантъ непремѣнно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

Но мой педантъ не ограничился однимъ учительствомъ: онъ, какъ и слѣдовало ожидать, пустился въ литературу. Всѣ альманахи и журналы были наполнены его стихами. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей,—но эти мысли отзывались чѣмъ-то напряженнымъ, изысканнымъ и дикимъ, такъ что снутри походили на совершенную без-

смыслицу—но только бессмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно глубокими и возвышенными. Хотя толпа болѣе видит снаружи, чѣмъ внутри, однако она не читала стиховъ Картофелина, и осталась при одномъ уваженіи къ нимъ. Въ то время одинъ ловкій промышленникъ основалъ журналъ, который, по его плану, долженъ былъ отличаться добросовѣстностью, ученостью и безкорыстіемъ. Последняя статья касалась исключительно однихъ сотрудниковъ; издатель же имѣлъ о ней свое понятіе, которое не почиталъ нужнымъ объяснять во всеуслышаніе. Хитрый антрепренеръ тотчасъ смекнулъ, что за птица Картофелинъ. Онъ понялъ, что этотъ чернильный витязь готовъ трудиться до кроваваго поту изъ одной «славы», изъ одного удовольствія каждый день пересчитывать, сколько новыхъ строкъ прибавилось у него къ числу уже написанныхъ: чистое и благородное удовольствіе всѣхъ педантовъ! О, педантъ похожъ въ этомъ отношеніи на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитываетъ, сколько рублей и копѣекъ прибыло у него съ утра... Журналисты не ошибся; Картофелинъ оказался для него золотымъ человѣкомъ: онъ взвалилъ на себя всю работу, а разживу предоставилъ хозяину, который, впрочемъ, почелъ нужнымъ, изъ приличія, увѣрить его, что небольшія выгоды отъ журнала онъ употребляетъ на изданіе полезныхъ книгъ и вспомоствованіе бѣднымъ людямъ, а самъ питается безкорыстной любовью къ наукѣ и высокимъ мыслями. Добродушный педантъ повѣрилъ: онъ былъ столько же безкорыстенъ, честенъ и довѣрчивъ, сколько и опрометчивъ... И это нисколько не удивительно: ограниченность такъ часто соединяется съ добродушной честностью—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не раздражаютъ, умышленно или неумышленно, ея мелкаго самолюбія...

Но вотъ что многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ: прозаическими статьями своими Картофелинъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ человѣкъ со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ,—и я долженъ сознаться, что такое мнѣніе о Картофелинѣ было только преувеличено, но въ основаніи не совсѣмъ несправедливо. Мой педантъ—извольте видѣть—дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелко-самолюбивъ, но не бездаренъ; послѣднія достоинства онъ, въ качествѣ педанта, долженъ приобрѣсти впоследствии, когда мелкое самолюбіе его, въ союзѣ съ лѣтами, задавить въ немъ то немногое, что дала ему природа. При томъ же обстоятельства времени много способствовали Картофелину прослыть даже геніемъ—по крайней мѣрѣ въ кругу своихъ пріятелей и

товарищей по пансіону—сотрудниковъ рукописной «Сѣверной Флоры»: педанты прежнихъ временъ тащились по избитой колѣѣ Баттѣ и Лагарповъ, а мой Картофелинъ принялся за нѣмечину. Малый онъ былъ работающій, прилежный; память у него была здорова; нѣмецкому языку онъ былъ выученъ еще въ дѣтствѣ. Я увѣренъ, что, по инстинкту, онъ выбралъ бы своими героями Клопштока и Николая, но слава Гете и Шиллера тогда была уже во всемъ своемъ колоссальномъ величій, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми:—такъ ему, знаете, при готовыхъ понятіяхъ, чужимъ умомъ и при фразистомъ языкѣ не трудно было показаться не тѣмъ, что онъ есть... При томъ же въ молодости всякій человѣкъ живѣе, а слѣдственно, и умнѣе, чѣмъ въ старости, и по инстинкту отстаиваетъ новое противъ стараго... Впрочемъ, и тогда уже многіе замѣчали въ слогѣ Картофелина что-то пухлое, дряблое, какую-то искусственную простоту и натанутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковымъ корнемъ и сытой... И эти люди не ошиблись, какъ увидимъ ниже.

Вотъ поѣхалъ мой педантъ за границу—вы думаете въ Германію?—Я самъ то же думалъ сперва, но моя фантазія велитъ мнѣ послать его въ страну филологовъ и комментаторовъ, гдѣ на каждый стихъ великаго поэта написано по сту тысячъ томовъ объясненій и примѣчаній. Не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ пѣлыя семь лѣтъ, но знаю, что присылалъ оттуда предіки стихотворенія.

Наконецъ, мой Картофелинъ возвращается въ любезное отечество... Боже мой, какъ онъ переѣмился! Поѣхалъ молодымъ литераторомъ, котораго настоящую пѣну немногіе понимали, а воротился педантомъ, котораго значеніе уже всѣмъ ясно... Сѣмена принесли плоды, и натура сказалась... Начнемъ съ того, что онъ пріѣхалъ съ брюшкомъ,—доказательство, что онъ страдалъ о судьбѣ человечества въ своихъ стишкахъ... Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая, въ баснѣ Езопа, хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться съ нему. Общество педантъ сталъ принимать за свое училище, салонъ—за аудиторию, свѣтскихъ людей—за школьниковъ: говоритъ все свысока, словно лекцію читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно, и если кто заговоритъ, хотя бы на противоположномъ концѣ залы, онъ посмотритъ на того, какъ Юпитеръ олимпійскій—съ гнѣвомъ и помяваніемъ бровей... Любимый рассказъ его о

томъ, какъ онъ ходилъ въ Парижъ на поклоненіе къ великому романисту. Въ Германіи педантъ былъ проздомъ; но она ему не понравилась. «Нѣмцы—говорилъ онъ—раздружились въ своей отвлеченности съ жизнью; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума... Я былъ въ Берлинѣ, — и мой бѣдный черепъ трещалъ отъ мудрыхъ вещей, которыя слышалъ я въ тамошнемъ университетѣ... Нѣмцы забыли великаго Бахмана и предпочитаютъ ему сухого, отвлеченнаго, схоластическаго Гегеля, этого Андрамелеха новѣйшей философіи... Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ фистулу, какъ будто отъ изнурительной полноты ощущеній въ пустой груди, какъ будто бы отъ изнеможенія вслѣдствіе частой декламации *ex-officio*. Въ школу онъ приноситъ съ собой графинъ сахарной воды, которой запиваетъ почти каждую свою фразу... И вотъ, въ порывѣ моего «типическаго» вдохновенія, мнѣ кажется, что я вижу его на учительскомъ стулѣ, воссѣдающаго съ приличной важною, слышу его чахоточный голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды: «Милостивые государи! я былъ тамъ и тамъ, а вы не были; но это ничего! послѣ того, чтѣ я расскажу вамъ о тѣхъ странахъ,—вамъ покажется, что вы сами тамъ были... Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнью—они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ... Нѣмцы не любятъ букву... а я, господа, я—признаюсь—люблю букву... Вотъ я, было, вздумалъ прочесть эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы... Литературы педантъ, конечно, не оставилъ; но его дѣятельность уже измѣнилась: о нѣмцахъ и нѣмецкомъ онъ уже—ни слова... Слогъ его сталъ дикъ до послѣдней степени... Желая поднятъ до седьмого неба повѣсти своего пріятели, онъ говорить, что его пріятели выдвинулъ всѣ ящики въ многосложномъ бюро чловѣческаго сердца... Начиная восхищаться родиной, онъ дѣлаетъ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: «что, если бы наша Волга, забравъ съ собой Оку и Каму, да соединившись съ Леной, Енисеемъ, Обью и Двипромъ, взлѣзла на Альпы, да оттуда—уууу! на всѣ концы Европы; куда бы дѣвались всѣ эти французишки, нѣмчура?»... Не правда ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говорить: «а что, тетя, коли бъ нашъ чалый меринъ-то

сдѣлался бурой коровой—вѣдь мама молочка еще бы дала мнѣ?»... Вы смѣетесь, читатели? моя выходка вамъ кажется фарсомъ, плоской шуткой? Смѣйтесь, а я стою на томъ, что педантъ еще и не то въ состояніи написать. Вѣдь я васъ предупредилъ, что пишу выдумку, игру моею досужей фантазіи, а не списываю рабски съ дѣйствительности; такъ не мѣшайте же мнѣ выдумывать. Итакъ, я увѣренъ, что мой педантъ слова не скажетъ въ простотѣ—все съ ужимкой: напри- мѣръ, вмѣсто того, чтобъ сказать, что Петербургъ построенъ на ровномъ мѣстѣ, онъ скажетъ, что ровная гладь подкатилась подъ огромныя дома града Петрова... и пр., и пр.

Воротившись изъ-за границы, мой педантъ перемѣнился и въ другомъ отношеніи: бывало, онъ вздыхалъ въ стипонкахъ о лушѣ и дѣвѣ, горевалъ о какой-то разрозненной съ нимъ волнѣ; а теперь очень прозаически, но зато выгодно и тепло пристроился и зажилъ филистеромъ. Ужъ не знаю, отъ этого ли, или отъ долговременнаго пребыванія за границей, только мой педантъ, воротившись, сдѣлался ужаснымъ витяземъ желтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сѣу разъ, что онъ даже дома ходитъ въ желтыхъ перчаткахъ; при выходѣ всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, онъ, бывало, такъ и кричить: «*place aux dames!*» Съ особенной ревностью писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждой фразой слѣдовало по крайней мѣрѣ три точки... Это такъ понравилось педанту, что онъ безъ точекъ послѣ каждой своей фразы ужъ ничего не могъ писать.

Много прошло времени, многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, а мой педантъ не долженъ измѣняться: любовь его къ буквѣ должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращеніе ко всему живому и разумному—также. Слова «идея» онъ не долженъ слышать безъ ужаса и безъ точекъ... По моему мнѣнію, онъ даже долженъ сдѣлаться лицемѣрнымъ моралистомъ и ханжей, потому что, всегда думая давать тонъ и направленіе времени, онъ всегда былъ и всегда долженъ быть рабомъ времени и выдавать за новость то, чтѣ уже давно сказано другими, болѣе его смѣтливими людьми. И такъ, мой педантъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно-моральное и на-повалъ бранить все, въ чемъ есть жизнь, душа, талантъ... Онъ безпристрастенъ и, закуривъ глаза, колотитъ направо и налево, и чужихъ, и своихъ, если послѣдніе, будучи ему чужими по таланту, бьютъ своими по отношеніямъ... Да, онъ вѣренъ своему правилу...

Несмотря на то, что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно добрымъ и честнымъ человѣкомъ, — нѣтъ существа, болѣе его способнаго быть злымъ и низкимъ. Дѣло въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбие: хвалите его марапане, дорожите его критическими отзывами, — онъ добръ, веселъ, любезенъ по-своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что только въ его возможности; но бѣда ваша, если вы не сумѣете или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе, и талантливѣе его, что у него самолюбие съѣло небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природой... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое — берегитесь его!... Рецензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты... Тогда вы у него — кондотьеры, бандиты... Да, педантъ все простить вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды — быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его «позывовъ» есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ.

И, несмотря на все это, еще многое бы можно было поразсказать о педантѣ; но не все же вдругъ, надо что-нибудь поберечь и на будущее время. При томъ же я еще не знаю, понравится ли вамъ, читатели, то, что я написалъ. Если же понравится, то ждите отъ меня типъ литературнаго циника: это человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ дома и деревни; — человѣкъ, который, вѣкъ своей занимаясь исключительно перекупкой и перепродажей мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ — и ученый, и литераторъ; — человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулянтъ, увѣрилъ всѣхъ, что онъ — идеаль честности, безкорыстія и добросовѣстности; — человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопытныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ цинической короткостью: «надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности;» человѣкъ, который если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; — человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ бездѣлкой, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ — словесную благодарность, а себѣ — деньги... Да мало ли еще можно написать такихъ типовъ? А газетѣры, журналисты, фельетонисты, романисты, нувеллисты, водевиллисты и другіе «исты»?.. Вотъ гдѣ заключаются неисчерпаемыя сокровища для «Нашихъ».

Петръ Бульдоговъ.

Литературный разговоръ подслушанный въ книжной лавкѣ.

Какихъ ни вымышляй дружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться:
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Державинъ.

«А? это вы? насилу-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ! Здоровы ли? что новаго?»... Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ съ книжкой «Библиотеки для Чтенія» въ рукахъ, привѣтствовалъ другого, только что вошедшаго въ лавку, съ живостью бросившись къ нему навстрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мной, — должно быть, о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что онъ и улыбался, и смѣялся; по временамъ изъ устъ его слетали неопредѣленные восклицанія. Онъ даже заговаривалъ со мной о погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя-тремя фразами о погодѣ — значитъ иногда нажать пріятеля и «моншера»), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ «да» и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодого человѣка при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьей. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который показался мнѣ столь интереснымъ, что я пожелалъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описание наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такой живостью своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и добродушія; знакомый же его отличался отъ него какой-то холодной важностью въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господина А., а другаго — господиномъ Б.

А. Что новаго? — Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасаюсь имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ «Библиотеку для Чтенія»?

Б. Ахъ, да! — статью о «Мертвыхъ Душахъ». Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужъ можно сказать: писано желчью...

А. Да, правда...

Б. Жаненъ! Рѣшительный Жаненъ!

А. Ну, ужъ вотъ этого то я и не скажу. Жанень—болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нынче совсѣмъ не то, что болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что болталъ нынче; но Жанень все-таки болтунъ остроумный, и при другомъ обществѣ онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жанень, и теперь его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хотъ и совершенно внѣшними, и отличается тономъ порядочныхъ людей. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онѣ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурного тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: «Такіе періоды настоящіе свинтусы!» Истинное остроуміе, хотъ бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобы возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ своей манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ! да вѣдь дѣло-то въ успѣхѣ, и *bien rire qui rira le dernier!* Осуждать такое остроуміе могутъ многіе съ большей основательностью; а острить такъ сами едва ли могли бы, если бъ и хотѣли.

А. По крайней мѣрѣ нужна для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу—всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и граница. Одно и то же надѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи невозможно, и какъ скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого себя, то перестанутъ и смѣяться, начнутъ зѣвать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ «Библиотеки для Чтенія»?

А. Нисколько. Когда она не увлекается пристрастіемъ, а главное, острить надъ тѣмъ, что дѣйствительно ей подъ силу, и о чемъ серьезно не стоитъ сказать и двухъ словъ,—ея рецензіи бывають очень забавны. Такъ, напримѣръ, нельзя было не улыбнуться, читая въ «Библиотецѣ для Чтенія» разборъ иди, лучше сказать, надгробную рѣчь надъ

прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то Бочарова. Но когда такое же остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которое почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важно само по себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но, что ни говорите, а въ статьѣ о «Мертвыхъ Душахъ» много ѣдкости...

А. Прибавьте—безсильной для предмета, слишкомъ высоко въ отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площаднаго писаки съ поэмой Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ «поэмами» разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень плоскимъ. Разберите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что это такое?—Послушайте: «Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія...» Пока довольно; остановимся на «пыхтѣніи» рецензента. «Пыхчу» есть настоящае время глагола «пыхтѣть», который значить то же, что «тяжело дышать». Но послѣднее выраженіе употребляется въ отношеніи къ людямъ, а первое—въ отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите ли явное незнаніе русскаго языка?... Если же слово «пыхтѣть» и употребляется въ отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и желчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п.... Итакъ, что же хорошаго въ рецензії, которая почти началась словомъ «пыхчу»?—Но будемъ слѣдить далѣе за «пыхтѣніемъ» аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочиненіе «поэмой»,—и вотъ онъ заставляеть своихъ читателей, «свидѣтелей его бѣшеннаго восторгу», спрашивать у него, пыхтящаго рецензенту, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозой поэмы не признаеть «поэмой». Все это дѣйствительно очень забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящей рецензіей. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшеннаго восторгу, оттого, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣру, а можетъ и отъ смѣшной претензіи пыхтящаго рецензенту преобразовать языку, который чуждъ ему, и котораго духу онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придиорокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его пыхтящаго рецензенту знаетъ употребленіе родительнаго падежу и не хочетъ слѣдовать его нелѣ-

пой ореографіи. «Поэтъ (восклицаетъ или «пыхтитъ» рецензентъ), поэтъ — существо всемірное; онъ выше времени, пространствъ и грамматики!» Можетъ быть, это восклицаніе или это «пыхтѣніе» и очень остроумно, а главное, очень ново и оригинально; но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи «Библиотеки для Чтенія»: не она ли вотъ уже ровно девятый годъ ежемѣсячно смѣется надъ грамматикой и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ встаетъ подвернувшуюся ей подъ руку, чтобъ было чѣмъ пшвырнуть въ страшнаго для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо большимъ успѣхомъ, пшвырять ея Гречъ въ распорядителя «Библиотеки для Чтенія». И вотъ для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ рецензентъ спѣшитъ употребить слово «запаховъ», какъ онъ употребляетъ слово «мозги», «мечтъ» и т. п. Въ выраженіи Гоголя: «покажѣтъ слуги управлялись и возились», онъ подчеркиваетъ слово «возились», давая тѣмъ знать, что оно почему-то, будто бы, не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензенту, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ «свидѣтелямъ его бѣшеннаго восторгу». Впрочемъ, всѣхъ его подчеркиваній не перечтешь; они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ—послушайте: «Во всѣхъ словенскихъ языкахъ, какіе я знаю, носъ имѣетъ въ родительномъ падежѣ носа, а шумъ, вѣтеръ и дымъ имѣютъ шуму, вѣтру, дыму.» Скажите, Бога ради, что это такое: шутка, мистификація или просто—«пыхтѣнье»? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ склоняются въ родительномъ падежѣ слова: носъ, шумъ, вѣтеръ и дымъ; но, какъ природный русскій, знаю достоверно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *a*, и *y*, а когда которое именно, на это вѣтъ постоянного правила, но это слышитъ ухо природнаго русскаго, слышитъ—и никогда не обманывается. Всякій русскій скажетъ, какъ у Гоголя: «Волосъ, вылѣзшій изъ носу», и ни одинъ русскій не скажетъ: «Волосъ, вылѣзшій изъ носа. Точно такъ же должно говорить порывы вѣтра, а не порывы вѣтру. Итакъ, знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ горя, вздумалъ перекраивать русскій языкъ на свой ладъ и, не зная его, принялся учить ему русскихъ!..»

Б. Однако жъ согласитесь, что языкъ у

Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь, а вы за это согласитесь, что не рецензенту же «Библиотеки для Чтенія» упрекать его въ этомъ. Я далеку отъ того, чтобъ ставить Гоголю въ заслугу правильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей. Но у Гоголя есть нѣчто такое, что заставляетъ не замѣчать небрежности его языка,—есть слогъ. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тѣсно бы хотѣли вы придумать другое слово или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть слогъ, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать такъ же не дѣло «Библиотеки для Чтенія», какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и въ особенности полонизмовъ.

Б. Это совершенная правда: Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ—помните?.. Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія обвиненія всѣ выдуманы, но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставить, что тѣмъ болѣе дивнисься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что же и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?..

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога, но и противъ дурнаго тона сочиненія, такъ нестати названнаго «поэмой»; противъ странной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Коккомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ половину; потому что, какъ хочеть «Библиотека для Чтенія», а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому повторю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ «поэма» въ приложеніи къ «Мертвымъ

Душамъ», это происходитъ отъ того, что онъ не понимаетъ значенія слова «поэма». Какъ видно изъ его намековъ, поэма непременно должна воспѣвать народъ въ лицѣ его героевъ. Можетъ быть, «Мертвыя Души» и названы поэмой въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними въ этомъ отношеніи можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальные части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи.

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму въ началѣ и срединѣ рецензіи... Что касается до меня лично, я пока готовъ принять слово «поэма», въ отношеніи къ «Мертвымъ Душамъ», за равнозначительное слову «твореніе». Въ этомъ значеніи всякое произведеніе поэзіи есть поэма—и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словъ «поэма», стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень наивно силится бросить на автора не совсѣмъ прохладную тѣнь неуваженія, будто бы къ русскому обществу, котораго репутация такъ дорога сердцу рецензенту, незнающаго русскаго языка и русской грамматики... Иначе, какъ же вы поймете «тонкіе» намеки рецензенту на то, что авторъ «Мертвыхъ Душъ» будто бы «при каждомъ неблаговидномъ случаѣ наводитъ рѣчь на русскихъ». Какой же этотъ неблаговидный случай?—Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкой и Селифаномъ, людьми Чичикова, «зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями». Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло,—вотъ «Мертвыя Души»—я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что нужно было ему для этой цѣли. Выслушайте.

„Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаваться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что не пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ.“

Итакъ, очевидно, что авторъ, со свойственнымъ ему юморомъ, и при томъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ рус-

скихъ перель другими народами, особенно, напр., передъ нѣмцами, которые отчаянно болны чинованіемъ, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ-третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападенію на чинованію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями. Судите же послѣ этого, изъ какого свѣтлаго источника вытекло негодованіе незнающаго по-русски рецензента,—негодованіе, которымъ такъ преисполнены эти его строки:

„Помируйте! вскрикиваетъ почтеннѣйшій (гостинодворскій эпитетъ!) читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего почтеннѣйшаго носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *воздуховъ* (острота) и грамматическая ошибка!): что въ это, съ вашимъ поэтомъ, *при каждомъ неблаговидномъ случаѣ, наводите рѣчь на русскихъ!* Въ чемъ и за что вы *безпрерывно ихъ обвиняете?* Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно *закрывать носъ и глаза* рукой. Если порядочные русскіе неохотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиной этого долженъ быть распространеннѣйшій между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый народный порокъ, не всеобщая спѣсь, не безразсудная гордость. *Надъ чѣмъ вы тутъ насмѣиваетесь? Куда наводите свои эграммы* (не по-русски!). Страсть зазнаваться... *Да чтобъ, по случаю Петрушки, упрекать цѣлый народъ съ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаваться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ повыше—это рецензентомъ выключено, а глаголъ „зазнаваться“ повороченъ на глаголъ „зазнаваться“!...), *надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго чело-вѣка и только понапрасну, изъ гордости, не узнаетъ въ немъ себя равнаго!* Но это неправда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я (!!) этого не люблю и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе...“

Итакъ, скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о томъ ли, то ли говоритъ онъ, на что возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не «пыхтѣнье»: это что-то въ родѣ придирокъ извѣстнаго рода.

Б. Оно такъ; я не скажу, чтобъ это было хорошо; но зато какъ зло, какъ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ своего дѣла. Но объ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а насчетъ дурного тона, салныхъ картинъ, грязныхъ изображеній—что вы скажете насчетъ всего этого? Право, «Мертвыя Души» какъ будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однако жъ ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ

нихъ дурного тона, плоскостей и сальности. Авторитетъ большого свѣта въ этомъ случаѣ безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ «Мертвыхъ Душъ» я узнаю того же опытнаго мастера отбывать неприятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще задолго до появленія бонтонно-«пыхтящей» рецензії. И хотя эти другіе ратовали съ той же цѣлью и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому что, въ красотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шутя считаютъ неприличнымъ то, что въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличнымъ. Но нашъ рецензентъ очень хорошо понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ русскаго общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большого свѣта, онъ не пропуститъ случая попробовать ухватиться за эту чувствительную струну.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество...

А. Нисколько. Франція въ отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однако жъ и тамъ центръ свѣтскости и высшего тона находится въ Парижѣ, и именно въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сенъ-Жерменскомъ Предмѣстіи и въ новой мѣщанской аристократіи, придворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нецѣло было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма обыкновенной и правдивой фразѣ, что истинный хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя «большимъ свѣтомъ» и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а слѣдовательно, и дурного тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ «большимъ свѣтомъ», который для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышать они, переходить у нихъ въ карикатуру: развязность и свобода высшего общества—въ наглость, приличіе—въ чопорность, вѣжливость—въ церемонность,

любезность—въ гостинодворскій тонъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мной, что между ними нѣрѣдко встрѣчаются прекрасныя исключенія: въ иныхъ домахъ вы не найдете того, что называется «высшимъ свѣтомъ», но найдете благородный тонъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ «высшемъ свѣтѣ». Въ нихъ есть свое, оттого они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большого свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ цѣломъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что дома, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежатъ къ тому, что называется «средними кругами»: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже и низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, собираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но что же плоскаго и грязнаго находить рецензентъ у Гоголя?—Портреты Петрушки и Селифана, запахи (говоря его не-русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно неприятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что же бы сказалъ онъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... «Грязь на грязи!» восклицаетъ «почтеннѣйшій» чистоплотный рецензентъ...

Б. Однако жъ вы, вѣрно, не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящной эту грязь, «возведенную въ перлъ созданія», нахожу ее въ милліонъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина быта, дома и двора Коробочки—въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣствуетъ о гениальномъ взмахѣ творческой кисти, потому что каждая черта запечатлѣна типической вѣрностью дѣйствительности и живо, осязательно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Хорошо же этотъ міръ! Поздравляю съ такой жизнью!

А. Не взывайте—чѣмъ богаты, тѣмъ и правды! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, чего бы не было въ дѣйствительности; она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, чтѣ и значить «возводить въ перлъ созданія». Всякая другая поэзія—пустое фантазерство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэтического произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но неужели же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова, и тому подобныхъ героев и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія, есть; и авторъ совсѣмъ не думалъ своими «Мертвыми Душами» утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ извѣстную сферу жизни, дѣйствительно существующую—вотъ и все. Упрекать его за это—все равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонвизина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя), озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ, равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузоріи, какъ будто въ природѣ нѣтъ твореній болѣе благородныхъ? Сверхъ того надо еще сказать, что, находя лица, изображенныя Гоголемъ, особенно безразветвенными и глупыми, довольно ребячески преувеличиваютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невѣжественности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра Великаго прошло только 116, а не 300 лѣтъ. Неужели въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы, только въ другомъ платѣ: во Франціи и въ Англіи они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на свободныхъ парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественной искрой въ душѣ вездѣ рѣдки, — и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя въ правѣ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ «свинтусь, скотоводъ, подлець, оетюкъ, чортъ знаетъ, нагадитъ», и тому подобныя—такія слова видѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать или самому говорить каждый день не странно?.. Но авторъ «Мертвыхъ Душъ» нигдѣ не говоритъ самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка, а Ноздревъ—языкомъ «историческаго» человѣка, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картежныхъ продѣлокъ. Не заставить же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что же касается до слова «подлець», авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: воръ, разбойникъ, плутъ, взяточникъ, казнокрадъ, завистникъ, лжець, клеветникъ и т. п. И я, право, не понимаю, чтѣ непреличнаго въ словѣ подлець, и чѣмъ оно непристойнѣе, напримѣръ, словъ: предатель, низкопоклонникъ и проч. Дѣло не въ словѣ, а въ тонѣ, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говоритъ все въѣжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія выраженія, за которыя выводятъ подъ руки изъ собраній; а порядочный человѣкъ выражается рѣзко, называетъ вещи ихъ настоящими словами—вонъ воню, подлеца подлецомъ, и между тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона. Правда, Гоголь иногда касается такихъ сторонъ общественности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для слуха, и для взора; но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а «возводитъ въ перлъ созданія», какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, несмотря на свою силу, цѣпкость и глубину, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ тайной великаго таланта обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, приобрести себѣ большее число читателей? Гдѣ, укажите, рисуетъ онъ грязь для грязи, по страсти къ цинизму—замашка, довольно любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ невольно, такъ натянуто вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ—это

имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хотъ и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ подходящаго на Поль-де-Кока, по крайней мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это—баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, плоскоствѣхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русскаго грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блестя вѣдѣнія, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно поддѣрживать фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя «Фантастическія Путешествія», какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся, было, на нихъ сначала слишкомъ горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому,—то вамъ сдѣлать только перелистовать ихъ, чтобы передъ вами возникла дѣлая галерея картинъ, одна другой неумытлѣе, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе «запахи» должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати—со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки насчетъ критики «Библиотеки для Чтенія». Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобы не заставить васъ зажимать или, какъ выражается рецензія, «закрывать рукой» вашу «почтеннѣйшій» носъ; я только напомину вамъ бѣгло кой-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается чрезъ Этуу къ антиподамъ и попадаетъ прямо въ антраша танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ за это кусаетъ ее за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ.¹⁾ Что—хорошо?... А его чисто-плотные рассказы о «тихомъ, роскошномъ, пуховомъ тѣлцѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ»;²⁾ о «свѣтлой похотливой кожѣ, преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ, пухленькихъ грудей и плечъ»;³⁾ «о постели двухъ юныхъ любовниковъ, только что оставленной ими поутру въ живописномъ безпорядкѣ, «еще дышащей вулканической теплотой ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ любви»;⁴⁾ о душѣ пустытника, «забираю-

щейся за пестрые прозрачныя платочки его слушательницъ, чтобы играть съ ихъ бѣленькой грудью и шекотать ихъ подъ сердцемъ»;⁵⁾ о «блѣдой жирной ножкѣ мандаринши, на которой влюбленные насѣкомыя (т. е. блохи) утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ» и которыхъ мандаринша должна была «всякій вечеръ ловить у себя подъ рубашкою». ⁶⁾ Какъ вы думаете: вѣдь, право, недурно?... Да то ли еще есть у «почтеннѣйшаго» барона! Вспомните-ка его «Большой выходъ Сатаны», гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, обороченной вверхъ острымъ концомъ, и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ сдѣлаищѣ, вѣдѣдствіе оплеухи, данной ему сатаной... А тонъ выраженія барона? О, это верхъ свѣтскости! Напримѣръ: «Если есть счастье на свѣгѣ, то не индѣ, какъ въ шароварахъ»; ⁷⁾ или: «иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150,000 годового дохода»; ⁸⁾ или: если бѣ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе»; ⁹⁾ или: «Льстецы, видя только задъ души въ глазахъ сильныхъ людей, не разбираютъ и лобызаютъ все, что имъ ни выставишь...». ¹⁰⁾ Помните ли его статью «Юная Словесность», гдѣ юная словесность лѣзетъ къ нашему барону въ домъ, «шумитъ, безчинствуетъ, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность счастья»? ¹¹⁾ Баронъ объявляетъ читателямъ, что у него баронесса, «образующая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человечества», которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній «юной словесности», для чего и пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ.» Юная словесность «стрѣляетъ раскаленными ядрами по бастиону супружества;» потомъ «бусурманка (т. е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ.» Баронъ выхитить и кричить: «Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность!.. Ахъ, распутница!» Баронесса «срывается ночью съ постели;» «повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень,» а юная словесность, «вся запачканная кровью, пыхтитъ и качается въ своей грязной лужѣ» и проч. Право, хорошо! Что жъ не смѣетесь и не хохочете или по крайней мѣрѣ не пыхтите отъ восторгу?... Что жъ вы не восклицаете: «какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины?...» Что

5) „Новоселье“, ч. II, стр. 217—218.

6) Ibid., стр. 168.

7) „Новоселье“, ч. II, стр. 204.

8) „Библи. для Чтенія“, т. I, отд. I, стр. 97.

9) „Новоселье“, ч. II, стр. 146.

10) Ibid., стр. 148.

11) „Библи. для Чтенія“, т. III, отд. I, стр. 54—59.

1) „Фант. Пут. барона Брамбеуса“, стр. 307—309.

2) „Библи. для Чтенія“, 1834 г., т. I, стр. 4—5.

3) Ibid., стр. 61.

4) „Фант. Пут.“, стр. 199.

такое исторія, какъ наука?—«Жеманная и природная баба...» 1) Что такое историческій романъ?—«Плодъ соблазнительнаго предлюбдѣнія исторіи съ воображеніемъ...» 2) Что такое сочинитель «Мазепы» (плохого романа, теперь забытаго)?—«Навѣдникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ кинжаломъ...» 3) Теперь, не угодно ли полюбоваться философическими афоризмами столько же глубомысленнаго, сколько и эстетическаго, барона?—«Воздухъ есть сухая вода;» 4) «камень, гранитъ—тоже жидкость, но которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами.» 5) «Земная планета—атомъ приведеннаго въ броженіе телотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка...» 6) «Что такое я самъ?»—спрашиваетъ баронъ, —и тотчасъ удовлетворительно рѣшаютъ этотъ любопытный вопросъ: «Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до известной степени, вылитой по особенному образцу, заженной внутри искрой небеснаго огня...» 7) Не хотите ли образчика баронскаго слогу?—«Эта бѣдная Зенеида... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбежной погибелью, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и въ лицѣ погибели (?) хватающаяся за подмытые утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастья: уже смолола ея существованіе въ своей пасти, и брѣдила его (?) безъ всякой доски въ омутъ домашняго насилія...» 8) Хорошо!... Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ этихъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень любопытна, и если не пыхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ попыхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, что я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается «Фантастическими Путешествіями», «Новосельемъ» и тремя первыми томами «Библиотеки для Чтенія» за 1834 годъ... Слышите ли; только! Сколько же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать предлюбопытную исторію русской литературы..

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ пищу для споровъ и сред-

ство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора—пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась—не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не найдется человѣка, который расколдовалъ бы ей, что у нея подъ рукою есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха «Мертвыхъ Душъ» не останавитъ ей, пыхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязи и сальности, смѣло и храбро навязанымъ ею. Жалкія усилія, безсильные извороты. Этакъ можно объяснить развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь «Библиотеки для Чтенія», которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, а теперь такъ печальна! Баронъ давнѣе уже забытъ и тщетно пытался напомнить о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованіемъ о «Дѣвѣ Чудной» (публика отъ «Дѣвы» заснула, а о баронѣ не вспомнила); а «Библиотека» быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче, какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергіи пыхтящей рецензіи... Въ самомъ дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатать его половину, разманить имъ вниманіе публики, но, увы!—публика уже не та! Съ тѣхъ поръ какъ «Библиотека для Чтенія» успѣла ей наскучить этой мудростью, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который удивляетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя однѣми и тѣми же шуточками,—съ тѣхъ поръ публика прочла «Капитанскую Дочку» и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ «Ревизоромъ», заучила наизусть Лермонтова и много разъ перечла его «Героя Нашего Времени»... Какой шагъ впередъ! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Дѣвы Чудной» и назвала ее «дѣвой скучной»?.. Что дѣлать барону?—Тщетно «Библиотека для Чтенія» громко провозгласила Кукольника гениемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя, не опасныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни «Эвелины-де-Вальероль», ни

1) „Библи. для Чтенія“, т. II, отд. V, стр. 42.

2) Ibid., стр. 14.

3) Ibid., стр. 44.

4) Ibid., т. II, отд. I, стр. 145.

5) Ibid., стр. 146.

6) Ibid.

7) Ibid., стр. 146.

8) Ibid., стр. 161.

«Двухъ Призраковъ», ни «Альфа и Альдоны», а нарасхватъ раскупила «Мертвыя Души»—произведеніе писателя, о которомъ если «Библиотека для Чтенія» и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ пѣкогда публика забыла «Большой Выходъ Сатаны» и не прочла «Похожденіе Одной Ревижской Души», потому что сильно заинтересовалась какой-то повѣстью о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ... Пойди же, мы его!.. И вотъ является пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо «нечистоплотнымъ твореніемъ», глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ—плоскостью, благородное сознание поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ родной ему русской литературѣ—бредомъ насыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ, изношенномъ видѣ, умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придирамъ мелочной критики, подбирающей мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю это salto mortale критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ выдвѣскахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ не любопытный до многого, что дѣлается въ русской литературѣ); поэтому естественно онъ будетъ отвѣчать только новыми произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть..

Б. Я., впрочемъ, радъ этому разговору. Я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С*** и къ Л*** и буду съ ними спорить противъ «Библиотеки для Чтенія» за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что статья. Говорить можно все, а вотъ если бъ вы напечатали статью, гдѣ бы такъ же смѣло опровергали рецензію «Библиотеки для Чтенія», какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала «Мертвыя души» и Гоголя,—тогда другое дѣло! Однако жъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ «Библиотекой». Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднѣе, по крайней мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбой поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы,—и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ розы и виды... Но пора обѣдать. Прощайте!

Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души“.

Изъ множества статей, написанныхъ въ послѣднее время о «Мертвыхъ Душахъ» или по поводу «Мертвыхъ Душъ», особенно замѣчательны четыре. Ихъ нельзя не раздѣлять на двѣ половины, попарно. Каждая изъ двухъ статей въ парѣ составляетъ рѣзкій контрастъ; на каждую можно смотрѣть, какъ на крайнюю противоположность другой парѣ. О первой изъ нихъ мы упоминали въ предыдущей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», какъ о единственной хорошей статьѣ изъ всѣхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкѣ «Современника». Это статья умная и дѣльная сама по себѣ, безотносительно; но кто-то, вѣроятно, безъ всякаго умысла, а просто и невинно, сдѣлалъ рѣзче ея достоинство и выше ея цѣну, написавъ къ ней нѣчто въ родѣ антипода и назвавъ свое послѣднее писаніе критикой на «Мертвыя Души». Смыслъ этой «критики» находится въ обратномъ отношеніи къ смыслу статьи «Современника». Боже мой, сколько курьезнаго въ этой «критикѣ»! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неиспорченной русской природы, Ахилломъ новой «Иліады», на томъ основаніи, что онъ а) пріятельски разговариваетъ съ лошадьми, и б) напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т. е. всегда готовымъ мертвецки напиться, человѣкомъ... Поэтому можно судить и о прочемъ, чѣмъ такъ необыкновенно замѣчательна «критика», о коротой мы говоримъ.

Другую пару рѣзкихъ противоположностей составляетъ: статья въ «Библиотеку для Чтенія» и московская брошюрка «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Похожденія Чичикова (или Мертвыя Души)».—Статья «Библиотеки для Чтенія» была неудачнымъ усиленіемъ втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество. Всѣмъ извѣстно, что эта статья добилась совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней «Мертвыя Души» являются вторымъ твореніемъ послѣ «Иліады», а подлѣ Гоголя позволяется становиться только Гомеру и Шекспиру...

Но «Мертвыя Души» и безъ всякихъ претензій становиться на рядѣ съ «Иліадой» имѣютъ великое достоинство: оттого-то онѣ устояли не только противъ статьи «Библиотеки для Чтенія», но—что было гораздо

труднѣе—и противъ московской брошюры... Къ поэмѣ Гоголя, стало быть, нельзя при- мѣнить этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ;
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужь эти мнѣ друзья! друзья,
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Мы раздѣлили эти четыре статьи на двѣ пары, основываясь на противоположности ихъ до- стоинствъ и исходныхъ пунктовъ; теперь раздѣлимъ ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По послѣднему раздѣленію останутся только двѣ статьи, ибо статья «Современника» въ такомъ случаѣ будетъ безъ пары, какъ статья умная и дѣльная; статья «Библиотеки для Чтенія» тоже будетъ безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго успѣха явнаго таланта. Итакъ, остаются только двѣ статьи: та, въ которой Селифанъ торжественно признанъ представителемъ «не- испорченной русской нагуры», и московская брошюрка; объ онѣ много имѣютъ между со- бой общаго и родственнаго. Но объ этомъ послѣ, а сперва замѣтимъ мимоходомъ, что намъ много даютъ работы и бранныя, и хва- лобныя статьи о «Мертвыхъ Душахъ». Такъ какъ эти хвалебныя статьи больше оскорб- ляютъ людей безпристрастныхъ и благо- мыслящихъ, то ихъ-то мы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдовать преиму- щественно передъ бранными. Вслѣдствіе этого въ 8-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была высказана прямо и опредѣлительно горькая истина московской брошюры «Нѣ- сколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Рождение Чичикова или Мертвыя Души». Это крайне не понравилось автору ея, Константину Акса- кову, — и вотъ онъ въ 9-мъ № «Москвитя- нина» напечаталъ противъ насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, что будто бы мы умышленно исказили смыслъ его бро- шюры и приписали ему такія мнѣнія, кото- рыхъ онъ не можетъ признать своими. Стоитъ только перечестъ или нашу рецензію, или брошюру Константина Аксакова, чтобы убѣ- диться, что мы нисколько не переиначивали дѣла, но представили его такимъ, какъ оно есть, и что оттого именно оно и приняло нѣсколько комическій характеръ. Возраженіе автора брошюры также можетъ служить на- шимъ оправданіемъ, ибо въ немъ-то и пе- реиначено дѣло: авторъ брошюры, замѣтивъ неловкость своего положенія, прибѣгнувъ къ обыкновенной, но неловой литературной уверткѣ, — отперся отъ части своихъ мыслей и много наговорилъ о томъ, что, по его мнѣнію, могло служить ему оправданіемъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ суц- ность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся не ради Константина Аксакова, котораго ни брошюра,

ни возраженія не стоятъ большихъ хлопотъ; но ради важности предмета, подавшаго по- водъ къ тому и другому. Впрочемъ, если наше объясненіе будетъ полезно и для Кон- стантина Аксакова, мы будемъ этому очень рады, ибо не имѣемъ никакихъ причинъ не желать добра ни ему, ни кому другому.

Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое «Объясненіе» тѣмъ, что брошюра (имя рекъ) принадлежитъ ему, и что въ концѣ ея вы- ставлено его имя, которое, неизвѣстно по- чему, не упомянуто «Отеч. Записками». При- знаемъ справедливость претензій Констан- тина Аксакова, и чтобъ загладить нашу вину передъ нимъ касательно умолчанія его имени, будемъ въ этой статьѣ какъ можно чаще употреблять его. Впрочемъ, не желая оста- влять Константина Аксакова въ неизвѣстности о причинѣ умолчанія его имени въ рецензій, спѣшимъ объяснить, что мы не упомянули этого имени по чувству гуманной деликат- ности, будучи увѣрены, что имя человѣка и неудачная статья—не одно и то же, ибо и умный, порядочный человѣкъ можетъ напи- сать (и даже напечатать) плохую брошюру. По тому же самому чувству гуманной дели- катности мы не хотѣли (хотя бы и слѣдо- вало это сдѣлать по требованію истины) за- мѣтить въ нашей рецензій, что брошюра Кон- стантина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредствен- наго созерцанія, и что поэтому въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго задуманнаго слова, которыми ознаменовы- ваются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и что потому же въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчивость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость.

Главное обвиненіе Константина Аксакова противъ насъ состоитъ въ томъ, что будто бы мы заставили его называть «Мертвыя Души» «Илиадой», а Гоголя — Гомеромъ. Чтобъ отстранить отъ себя нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и дѣлаетъ изъ нея выписки: но все это нисколько не по- можетъ горю. Константинъ Аксаковъ дѣй- ствительно не называлъ «Мертвыхъ Душъ» «Илиадой», а Гоголя — Гомеромъ: такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ «Мертвыя Души» на одну доску съ «Илиа- дой», а Гоголя—на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что правда, то правда! Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслѣ, можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ Константинъ Аксаковъ какъ будто и забыть, и надо согласиться, что въ этомъ случаѣ память очень кстати измѣнила ему):

„Такъ глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя! Передъ нами

возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи,—сферы, давно унижаемой; древній эпосъ возстаетъ передъ нами*.

Это значитъ, ни больше, ни меньше, какъ то, что давно унижаемый эпосъ Гомера вновь воскрешенъ Гоголемъ, и что «Мертвыя Души» слѣдовательно—вторая «Иліада»!..

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять эти слова Константина Аксакова? Онъ жалуется, что мы, по обыкновенію журналистовъ, имѣющихъ въ виду уронить неприятное имъ произведеніе, вырвали мѣстами по нѣсколькѣ строкъ изъ его брошюры, прибавляя къ нимъ собственныя замѣчанія. Но неужели же мы должны были выписывать все? это значило бы украсить нашъ журналъ брошюрой Константина Аксакова, на что мы не имѣли ни права, ни охоты. Итакъ, мы выписали изъ брошюры только тѣ строки, въ которыхъ заключались ея основныя положенія. Такъ сдѣлаемъ мы и теперь. Послѣ выписанныхъ строкъ намъ надо было бы перепечатать теперь нѣсколько страницъ, но это было бы скучно и для насъ, и для читателей, и потому мы только перескажемъ содержаніе этихъ нѣсколькихъ страницъ, непосредственно слѣдующихъ за выписанными нами строками. Сперва авторъ брошюры характеризуетъ древній эпосъ тѣмъ, что этотъ эпосъ «основанъ былъ на глубокомъ простомъ созерцаніи и обнималъ собой цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій», что въ немъ все на своемъ мѣстѣ, всякій предметъ переносится въ него съ его правами, съ тайной его жизни, и т. п. Все это и не ново, но и во всемъ этомъ нѣтъ никакой опредѣленности... Потомъ авторъ брошюры говоритъ, что этотъ эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, мелѣлъ, «снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти.» «И вдругъ, среди этого времени, возникаетъ древній эпосъ съ своей глубиной и простымъ величіемъ—является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и все видящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе.»—«Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широко-объемлющій размѣръ.»

Теперь дѣло ясно: эпосъ есть что-то великое; онъ вполнѣ выразился въ созданіяхъ Гомера («Иліадъ» и «Одиссея»); но со времени Гомера до Гоголя (до 1842-го года по Р. Х.) все мелѣло и искажался: Гоголь же вновь воскресилъ его во всей его первобытной красотѣ и свѣжести..

Неужели и теперь Константинъ Аксаковъ отопрется отъ своихъ словъ, ясно написан-

ныхъ имъ сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состояніи духа такихъ вещей не говорятъ), и будетъ стараться дать имъ другое значеніе? Нѣтъ, улыбка на-лицо, и тутъ не помогутъ никакія увертки..

Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, точно мелѣлъ и искажался; но въ чемъ?—въ такъ-называемыхъ эпическихъ поэмахъ—въ «Энеидѣ», «Освобожденномъ Іерусалимѣ», «Потерянномъ Раѣ», «Мессіадѣ» и проч. *) Всѣ эти поэмы имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства, но какъ частности и отдѣльныя мѣста, а не въ цѣломъ; ибо онѣ не самобытныя созданія, которымъ бы современное содержаніе дало и современную форму, а подражанія, явившіяся вслѣдствіе школьно-эстетическаго преданія объ «Иліадѣ»,—преданія, гдѣ «Иліада» была смѣшана и отождествена съ родомъ поэзіи, къ которому она принадлежитъ. И этотъ древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего униженія въ «Гевріадахъ», «Россіадахъ», «Петріадахъ», «Александріадахъ», и другихъ «идахъ», «адахъ» и «ядахъ»; сюда же должно отнести и такія уродливыя произведенія, какъ «Телемакъ» Фенелона, «Гонзальвъ Кордуанскій» Флоріана, «Кадмъ и Гармонія» и «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи» Хераскова и проч. Если бъ Константинъ Аксаковъ это разумѣлъ подъ искаженіемъ на Западѣ древняго эпоса,—мы совершенно съ нимъ согласились бы, потому что это фактъ, историческій фактъ, противъ котораго нечего сказать. Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ принять за основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могъ не искажаться, будучи перенесенъ на Западъ, особенно въ новѣйшія времена. Древне-эллинскій эпосъ могъ существовать только для древнихъ эллиновъ, какъ выраженіе ихъ жизни, ихъ содержанія въ ихъ формѣ. Для міра же новаго его нечего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть своя жизнь, свое содержаніе и своя форма, слѣдовательно, и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра явился преимущественно въ романѣ, котораго главное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромѣ христіанскихъ и другихъ элементовъ новѣйшаго міра, составляетъ еще и проза жизни, вошедшая въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому эпосу. И потому романъ отнюдь не есть искаженіе древняго эпоса, но есть эпосъ новѣйшаго міра, исторически возникнувшій и развившійся изъ самой жизни и сдѣлавшійся ея зеркаломъ, какъ «Иліада» и «Одиссея» были зеркаломъ древней жизни. Константинъ Аксаковъ умолчалъ о романѣ, сказавъ только, и

*) Изъ этихъ поэмъ должно исключить „Divina Comedia“ Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духѣ католической Европѣ среднихъ вѣковъ.

то въ выноскѣ, что, конечно, и романъ, и повѣсть имѣютъ-де свое значеніе и свое мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но что предѣлы статьи его не позволяютъ ему распространиться о нихъ. Во-первыхъ, эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мѣлѣтъ, искажался, снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же свое значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ Константина Аксакова? И при томъ если говорить (особенно такія диковинки и такъ смѣло), то ужъ надо говорить все и при томъ опредѣленно, чтобъ не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего не говорить, или, говоря, не противорѣчить себѣ ни въ текстѣ, ни въ выноскахъ; или, наконецъ, проговорившись, умѣть смолчать. Въ противномъ случаѣ, это все равно, какъ если бъ кто-нибудь, сказавъ такъ: «Байронъ плохой поэтъ», а въ выноскѣ замѣтивъ: «впрочемъ, и Байронъ имѣетъ свое значеніе, но мнѣ теперь некогда о немъ распространяться»,—считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дѣло, а не пустяки. Константинъ Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюрѣ ни о Сервантесѣ, ни о Вальтеръ-Скоттѣ, ни о Куперѣ,—чѣмъ и даль право думать, что онъ и въ нихъ видитъ исказителей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!! Въ нашей рецензіи мы это замѣтили Константину Аксакову, сказавъ при этомъ, что Вальтеръ-Скоттъ есть истинный представитель современнаго эпоса, т. е. историческаго романа, что Вальтеръ-Скоттъ могъ явиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не было бы безъ Вальтеръ-Скотта; и наконецъ, если Гоголя можно сближать съ кѣмъ-нибудь, такъ ужъ, конечно, съ Вальтеръ-Скоттомъ, которому онъ, какъ и всѣ современные романисты, такъ много обязанъ, а не съ Гомеромъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Но Константинъ Аксаковъ въ своемъ «Объясненіи» промолчалъ объ этомъ:—изворотъ очень полезный для него, разумѣется, но по отношенію къ намъ не совсѣмъ добросовѣстный... И это-то самое заставляетъ насъ повторить, что Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ нисходитъ до романа), а Вальтеръ-Скотта просто ни за что не считаетъ (ибо не удостоиваетъ его и упоминаніемъ—вѣроятно, изъ опасенія унижить Гоголя какимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ незначашимъ писателемъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ). Какъ называются такія умозрѣнія—предоставляемъ рѣшить читателямъ...

Итакъ, романъ совершенно уничтоженъ Константиномъ Аксаковымъ; но современный эпосъ проявился не въ одномъ романѣ исключительно: въ новѣйшей поэзіи есть особый родъ эпоса, который не допускаетъ прозы жизни, который схватываетъ только поэтическіе, идеальные моменты жизни, и содержаніе котораго составляютъ глубочайшія міросозерцанія и нравственные вопросы современнаго человѣчества. Этотъ родъ эпоса одинъ удержалъ за собой имя «поэмы». Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина (въ особенности «Цыганы» и «Галубъ»), также Лермонтова «Демонъ», «Мицри» и «Бояринъ Орша». Если для Константина Аксакова поэмы Пушкина и Лермонтова не составляютъ факта, то какъ же не упомянулъ онъ ни слова о Байронѣ? Положимъ, что Байронъ, въ сравненіи съ Гоголемъ,—ничто, а Чичиковы, Маниловы и Селифаны имѣютъ болѣе всемірно-историческое значеніе, чѣмъ титаническія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, ничтожный въ сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ все-таки долженъ же имѣть хоть какое-нибудь свое значеніе и свое мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства?.. Почему же Константинъ Аксаковъ не удостоилъ упомянуть о Байронѣ, ну, хоть однимъ презрительнымъ словомъ, хоть для того, чтобы уничтожить его во имя «Мертвыхъ Душъ»? Неужели же, спросягъ насъ, Константинъ Аксаковъ, не шутя, и въ Байронѣ видитъ искаженіе эпоса?—Должно быть, такъ: ибо настоящій, истинный эпосъ послѣ Гомера явился только въ «Мертвыхъ Душахъ» — отвѣчаемъ мы... Да это (опять скажутъ намъ), это просто... нелѣпость, галиматья! . Помилуйте, какъ это можно (отвѣчаемъ мы): это умозрѣнія, спекулятивныя построенія, гегелевская философія—на замоскворѣцкій ладъ...

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но какое сходство?—такое, что тотъ и другой поэты; другого нѣтъ и быть не можетъ. Однако жъ такое сходство не только между Гомеромъ и французскимъ пѣсенникомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и русскимъ баснописцемъ Крыловымъ: всѣхъ ихъ дѣлаетъ сходными—творчество. Но думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло вновь сдѣлаться изъ взрослогаго человѣка ребенкомъ, а думать такъ—значитъ быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи празднаго воображенія выдавать за философскія истины...

Итакъ, повторяемъ: Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а «Мертвыя Души» — «Илиадою»; онъ только сказалъ, что,

во-первыхъ, «древній эпосъ быть унижаемъ на Западѣ», а мы прибавили (и имѣли на это право) отъ себя:—Сервантесомъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Куперомъ, Байрономъ;—и что, во-вторыхъ, «въ «Мертвыхъ Душахъ» древній эпосъ возстаетъ передъ нами»; а мы прибавили отъ себя (и имѣли на это право):—ergo «Мертвыя Души» то же самое въ новомъ мірѣ, что «Иліада» въ древнемъ, а Гоголь—то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что Гомеръ въ исторіи древняго искусства.

Спрашиваемъ всѣхъ и каждого: была ли какая-нибудь возможность вывести другое заключеніе изъ положеній Константина Аксакова? или: была ли какая-нибудь возможность не вывести изъ положеній Константина Аксакова того заключенія, какое мы вывели?—И мы ли виноваты, что заключеніе это насмѣшило весь читающій по-русски міръ?

Правда, Константинъ Аксаковъ далѣе въ своей брошюрѣ замѣчаетъ, что «само содержаніе кладетъ разницу между «Иліадой» и «Мертвыми Душами»; однако жъ эта оговорка у него не только не поясняетъ дѣла, а еще болѣе затемняетъ его, какъ противорѣчіе. Константинъ Аксакову явно хотѣлось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и какъ у него не было ни силъ, ни призванія сказать новой великой истины, то онъ и разсудилъ сказать великій... какъ бы это выразить?—ну, хоть парадоксъ... Удивительно ли, что, развивая и доказывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много такого, въ чемъ онъ самъ запутался и надъ чѣмъ другіе только добродушно посмѣялись?.. Въ своемъ «Объясненіи» онъ особенно намекаетъ на то, что «эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинное, то же, какое и у Гомера», и что «только у одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе». Хорошо; да гдѣ же доказательство этого? Да нигдѣ—доказательствъ никакихъ, кромѣ увѣреній Константина Аксакова:—бѣдное и ненадежное ручательство! «Поэма Гоголя (говоритъ онъ) представляетъ вамъ цѣлую форму жизни, цѣлый міръ, гдѣ, опять какъ у Гомера, свободно шумятъ и блестятъ воды, восходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ,—міръ, являющій намъ глубокое цѣлое, глубокое, внутри лежащее содержаніе общей жизни, связующій единымъ духомъ всѣ свои явленія.» Вотъ всѣ доказательства близкой родственности Гомеровскаго эпоса съ Гоголевскимъ; но, во-первыхъ, это столько же характеристика Гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтеръ-Скотта, съ той только разницей, что эпосъ Вальтеръ-Скотта именно заключаетъ въ себѣ «содержаніе общей жизни», тогда какъ у Гоголя эта «общая жизнь» является

только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая совершеннымъ отсутствіемъ общечеловѣческаго въ изображаемой имъ жизни. Противъ этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: какая общая жизнь въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ компанствѣ, занимающемъ своей пошлостью вниманіе читателя въ «Мертвыхъ Душахъ»? Гдѣ тутъ Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ? Тутъ просто Гоголь—и больше ничего.

Говоря, что у Гоголя эпическое созерцаніе чисто-древнее, истинное, Гомеровское, и что Гоголь все-таки совсѣмъ не Гомеръ, а «Мертвыя Души» нисколько не «Иліада», ибо-де само содержаніе уже кладетъ здѣсь разницу,—Константинъ Аксаковъ тотчасъ же прибавляетъ: «Кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»?»—Именно такъ: «кто знаетъ это?» повторяемъ и мы. Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его гениальныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а насчетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: кто знаетъ, впрочемъ, какъ, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»? И на повтореніе этого вопроса наводятъ насъ слѣдующія слова въ поэмѣ Гоголя: «Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почувются инныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ.» Да, эти слова творца «Мертвыхъ Душъ» заставили насъ часто и часто повторять въ тревожномъ раздумьѣ: «кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»?..» Именно, кто знаетъ?... Много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ; намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не осталась истинной трагедіей, а остальные двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сбѣдались комическими—по крайней мѣрѣ въ патетическихъ мѣстахъ... Впрочемъ, опять-таки—кто знаетъ?.. Но кто бы ни зналъ, вопросъ этотъ, заданный Константиномъ Аксаковымъ, явно показываетъ, что если онъ, Константинъ Аксаковъ, и видитъ въ первой части «Мертвыхъ Душъ» разницу съ «Иліадой», полагаемую уже самимъ со-

держаніемъ,—то все-таки крѣпко надѣется, что въ двухъ послѣднихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ» и эта разнѣца сама собой уничтожится, и что, ergo, «Мертвыя Души» — «Илиада», а Гоголь—Гомеръ. Послѣдняго онъ не сказалъ, но мы въ правѣ опять вывести это комическое заключеніе...

Главное доказательство мнимой родственности Гоголевскаго эпоса съ Гомеровскимъ состоитъ у Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, въ обиліи и сходствѣ этихъ сравненій у Гомера и у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ этомъ сходствѣ упоминаетъ и еще другая критика,—та самая, въ которой мы видимъ гораздо больше родственности и тождества съ брошюрой Константина Аксакова, нежели сколько между Гомеромъ и Гоголемъ; но въ той критикѣ находятъ сходство Гоголя, по отношенію къ сравненіямъ, не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Данте; а мы, съ своей стороны, беремся найти его съ добрымъ десяткомъ новѣйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкина можно выписать тысячу сравненій, такъ же напоминающихъ собой сравненія Гомера, какъ напоминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, которое побольше всѣхъ Гоголевскихъ сравненій напоминаетъ собой Гомеровскія:

Ни на челѣ высокою, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый.
Такъ точно дыякъ, въ приказѣ постыдлмй,
Спокойно зрнтъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не въдая ни жалости, ни гнѣва.

Здѣсь даже не одно внѣшнее (какъ у Гоголя), но и внутреннее сходство съ Гомеромъ, заключающееся въ наивной простотѣ, соединенной съ возвышенностью; однако изъ этого еще не выходитъ никакого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. Правда, «Борисъ Годуновъ» въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ «Мертвыя Души», напоминаетъ собой Гомера тономъ многихъ своихъ страницъ, тономъ наивно-простымъ и вмѣстѣ возвышеннымъ; но на это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенностью его поэтической природы или ея родственностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ для своей трагедіи эпохи гдѣ самые высокіе умы и сильные характеры мыслили и говорили простодушно или простодушно и возвышенно вмѣстѣ. Тутъ есть еще и другая причина: несмотря на свою драматическую форму, «Борисъ Годуновъ» Пушкина есть, въ сущности, эпическое произведеніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда имѣетъ большее или меньшее, ближайшее или отдаленнѣйшее сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ поэзіи. Но это сходство уничтожается въ «Мертвыхъ Душахъ»

уже тѣмъ, что онѣ проникнуты насковозъ юморомъ. Если Гомеръ сравниваетъ тѣснимаго въ битвѣ троянами Аякса съ осломъ,—онъ сравниваетъ его простодушно, безъ всякаго юмора, какъ сравнилъ бы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всѣхъ грековъ его времени, осель былъ животное почтенное и не возбуждалъ, какъ въ насъ, смѣха однимъ своимъ повлненіемъ или однимъ своимъ именемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе, напр., франтовъ, увивающихся около красавицъ, съ мухами, летящими на сахаръ, все насковозъ проникнуто юморомъ. Слѣдовательно, все сходство чисто внѣшнее, т. е. то, что и у Гомера есть сравненія, и у Гоголя есть сравненія; но такъ между Гомеромъ и Гоголемъ и еще можно найти большее сходство, именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвышенно-наивныя созданія на греческомъ языкѣ, а Гоголь пишетъ по-русски: извѣстно же всѣмъ, что греческій и русскій языкъ происходятъ отъ одного корня, кромѣ уже того, что всѣ языки въ мірѣ, несмотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ разума человѣческаго...

Не зная, какъ, впрочемъ, раскроется содержаніе «Мертвыхъ душъ» въ двухъ послѣднихъ частяхъ, мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ «поэмой» свое произведеніе, и пока видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насковозъ это произведеніе. Если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе «поэмой», содержаніе и герой которой есть субстанція русскаго народа,—то мы, не обвиняя, скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку: ибо, хотя эта «субстанція» глубока, и сильна, и громадн (что уже ярко проблематизуется и въ комическомъ опредѣленіи общественности, въ которомъ она пока проявляется и которое Гоголь такъ гениально схватываетъ и воспроизводитъ въ «Мертвыхъ Душахъ»), однако субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда оно есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только... Въ творествѣ великая для художника задача — выбирать предметъ и содержаніе для произведенія; этотъ предметъ и содержаніе всегда должны быть осозательно опредѣленны; иначе художественное произведеніе будетъ неполно, несовершенно, то, что французы называютъ *manqué*. И потому великая ошибка для художника писать поэму, которая, можетъ быть, возможна въ будущемъ.

Итакъ, чѣмъ болѣе рассматриваемъ дѣло Константина Аксакова, тѣмъ болѣе сходство между Гомеромъ и Гоголемъ становится...

как бы сказать? — забавнѣе и смѣшнѣе.. Смысль, содержаніе и форма «Мертвыхъ Душъ» есть «созерцаніе данной сферы жизни сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя слезы.» Въ этомъ и заключается трагическое значеніе комическаго произведенія Гоголя; это и выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то не могутъ понять ограниченные люди, которые видятъ въ «Мертвыхъ Душахъ» много смѣшного, уморительнаго, говоря ихъ простонароднымъ жаргономъ, но ужъ мѣстами черезчуръ переутрированного. Всякое выстраданное произведеніе великаго таланта имѣетъ глубокое значеніе, — и мы первые признаемъ «Мертвыя Души» Гоголя великимъ по самому себѣ произведеніемъ въ мірѣ искусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго общаго содержанія, но для насъ тѣмъ болѣе важнымъ и драгоценнымъ. Еще не было доселѣ болѣе важнаго для русской общественности произведенія, — и только одинъ Гоголь можетъ дать намъ другое, болѣе важное произведеніе, а дастъ ли въ самомъ дѣлѣ — «кто, впрочемъ, знаетъ», судя по нѣкоторымъ основнымъ началамъ воззрѣнія, которыя довольно непріятно промелькиваютъ въ «Мертвыхъ Душахъ» и относятся къ нимъ, какъ крапинки и пятнышки къ картинкѣ великаго мастера, — о чемъ мы поговоримъ въ свое время и подробно, и отчетливѣе...

Такимъ образомъ, если Константинъ Аксаковъ хочетъ оправдаться, а не отдѣлаться только отъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей, — онъ долженъ сказать и доказать: 1) Почему древній эпосъ снизошелъ (слѣдовательно, унизился) до романовъ, и считаетъ ли онъ Сервантеса, Вальтеръ-Скотта, Купера, Байрона искажителями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гоголемъ? Последняя недомолвка очень подозрительна: изъ нея видно, что Константинъ Аксаковъ самъ испугался своихъ смѣлыхъ положеній. — 2) Почему мы солгали на него, говоря что изъ его положеній прямо выводится то слѣдствіе, что «Мертвыя Души» — «Иліада», а Гоголь — Гомеръ нашего времени? — 3) Почему во французской повѣсти эпосъ дошелъ до своего крайняго униженія? Но Константинъ Аксаковъ рѣшился ничего больше не говорить объ этомъ послѣ своего ничего необъясниваго «Объясненія», и хорошо сдѣлалъ — больше ему ничего и не остается: онъ высказалъ уже всю свою мудрость. Зато намъ еще много осталось кое-чего сказать.

Какъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ народовъ, есть еще исторія человѣчества, — точно такъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ литературъ (греческой, латинской, фран-

цузской и пр.), есть еще исторія всемірной литературы, предметъ которой — развитіе человѣчества въ сферѣ искусства и литературы. Само собою разумѣется, что въ этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, что она должна предыдущимъ объяснять послѣдующее, ибо иначе она будетъ лѣтописью или перечнемъ фактовъ, а не исторіей. И потому, напримѣръ, романы шотландца XIX вѣка, Вальтеръ Скотта, непременно должны быть въ какой-нибудь связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно состоитъ въ томъ, что романы В.-Скотта суть необходимый моментъ дальнѣйшаго развитія эпоса, котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть поэмы индійскія, а послѣдующимъ моментомъ — поэмы Гомера. Въ исторіи нѣтъ скачковъ. Слѣдовательно, греческій эпосъ не низошелъ до романовъ, какъ мудрствуетъ Константинъ Аксаковъ, а развился въ романъ: ибо нелѣпо было бы предполагать въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ пробѣлъ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Гомера прыгнуть прямо къ Гоголю, который еще издобавокъ и нисколько не принадлежитъ ко всемірно-историческимъ поэтамъ... Вотъ почему мы основательно, а не наобумъ, исторически, а не фантастически думаемъ и убѣждены, что, напримѣръ, какой-нибудь Данте, въ дѣлѣ эпоса, побольше значить Гоголя, что тутъ имѣетъ свое значеніе и Аріостъ, и что не только Сервантесъ, Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, какъ художники по преимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (философскіе романы и повѣсти), Руссо («Новая Элоиза») имѣютъ несравненно и неизмѣримо вышшее значеніе во всемірно-исторической литературѣ, чѣмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искусства, и со стороны содержанія и искусства вмѣстѣ. Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Гомера или продолжалъ собой Гомера мимо всѣхъ прочихъ, и старинныхъ, и современныхъ, поэтовъ Европы, значить, вмѣсто похвалы, оскорблять его, значить выключать его изъ историческаго развитія, выставить челоуѣкомъ чуждымъ современности, чуждымъ знанія всего, что было до него... Что же касается до мысли о какой-то родственности Гоголевскаго эпоса съ Гомеровскимъ, — мы уже доказали, что эта мысль больше, чѣмъ неосновательна. При томъ же, если бъ и такъ было, надобно бъ было объяснить, въ чемъ тутъ заслуга со стороны Гоголя, тѣмъ болѣе, что авторъ брошюры говоритъ объ этомъ такимъ торжествующимъ тономъ, какъ будто ставитъ это въ величайшую заслугу Гоголю.

Теперь о крайнемъ искаженіи эпоса во французской повѣсти: это еще что за исто-

рія? Константинъ Аксаковъ видитъ во французской повѣсти — простой анекдотъ, родъ парады, гдѣ все дѣло въ сюжетѣ, т. е. въ сплетеніи и расплетеніи событія (fable): да вольно же ему видѣть это, когда этого нѣтъ во французской повѣсти, *) а есть совсѣмъ другое, именно: характеры, дивное, однимъ только французамъ сродное искусство разсказа, социальные и нравственные вопросы, воли и страданія современности!.. Если кто-нибудь зажмуритъ глаза и станетъ доказывать, что нѣтъ на свѣтѣ солнца и свѣта, — что ему на это скажутъ? — конечно, не другое чтó, какъ: «открой глаза»; но если онъ слѣпъ отъ природы, — тогда чтó ему скажутъ? — вотъ чтó: «ты правъ, для тебя точно нѣтъ на свѣтѣ ни солнца, ни свѣта...» А что, можетъ быть, Константинъ Аксаковъ не любитъ французскихъ повѣстей — его воля, да только публикѣ-то чтó за дѣло, чтó любить и чего не любить Константинъ Аксаковъ? Французскія повѣсти читаются всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ во всѣхъ пяти частяхъ земного шара; французская повѣсть есть плодъ французской литературы, а французская литература имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ своего «Объясненія» Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ въ скобкахъ, мимоходомъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ Зандъ не входитъ ни безусловно, ни условно, — и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все сказалъ; тогда какъ онъ этимъ сказалъ только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржъ Занда, или читалъ, да не понялъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о Жоржъ Зандѣ; скажемъ только, что Жоржъ Зандъ имѣетъ большое значеніе во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной французской, тогда какъ Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія во всемірно-исторической литературѣ и великъ только въ одной русской, что, слѣдовательно, имя Жоржъ Занда безусловно можетъ входить въ реестръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляетъ и приличіе, и здравый смыслъ... Въ послѣднемъ, кромѣ Константина Аксакова, никто въ мірѣ не усомнится, а насчетъ перваго можно представить сильныя доказательства...

Вдобавокъ къ вопросу о повѣсти, какъ крайнемъ униженіи эпоса, скажемъ, что если уже видѣть это униженіе въ повѣсти, то, конечно, скорѣе въ нѣмецкой, чѣмъ во фран-

цузской. Нѣмецкая повѣсть возникла и выросла на почвѣ отвлеченія, аскетизма, антиобщественности; она изображаетъ не общество, а отдѣльныя личности, которыхъ вся жизнь и вся повѣсть жизни состоитъ въ переливахъ внутреннихъ ощущеній, фантастическихъ и фантазерскихъ грезъ, и которыхъ все блаженство заключается не въ стремленіи къ идеалу дѣйствительной жизни и достиженіи его, а въ томъ, чтобъ любоваться собственной внутренней глубиной и пустой праздною жизнью ощущенія, вмѣсто дѣйствія. Но и нѣмецкая повѣсть, какъ мы это замѣтили уже и въ рецензій, даже какъ и уклоненіе отъ нормы, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе, объясняемое изъ національнаго духа нѣмцевъ.

Теперь о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Константинъ Аксаковъ говоритъ, будто мы взвели на него небывлицу, приписывая ему изобрѣтеніе равенства Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отрицается отъ изобрѣтенія этого удивительнаго равенства, но ставитъ намъ въ вину, что мы не замѣтили, въ какомъ отношеніи разумѣетъ онъ это равенство, а разумѣетъ онъ его, изволите видѣть, въ отношеніи къ акту творчества. Подлинно есть за чтó обвинять насъ: понимать Константина Аксакова такъ трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ себя не совсѣмъ понимаетъ. Брошюра его — это такая смѣсь несвязныхъ между собой... не мыслей, а скорѣе недомысловъ, что трудно разобрать, чтó онъ разумѣетъ тутъ, и какъ его понимать! Онъ говоритъ, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по акту творчества, и что въ отношеніи къ акту творчества только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь — величайшіе поэты; и въ то же время онъ, съ какой-то навивностью, увѣряетъ, что этимъ онъ нисколько не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, думая, вѣроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтеръ-Скотта, Куэра, Байрона, Шиллера, Гёте — большая честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, пріятельски объявшагося съ Гомеромъ и Шекспиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взяли, что Гоголь и по акту творчества родной братъ Гомеру и Шекспиру, и выше всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что вамъ стоило только выговорить эту, положимъ, изъ вѣжливости, — мысль, чтобъ ее всѣ, подобно вамъ, нашли непреложной и истинной? Гдѣ на это доказательства, гдѣ ваши доводы? Вамъ убѣжденіе? — да публикѣ-то какое дѣло до вашихъ убѣжденій?.. Употребивъ оговорку — «по отношенію къ акту творчества, а не содержанію», Константинъ Аксаковъ думаетъ, что онъ совер-

*) Исключая, разумѣется, плохихъ повѣстей, которыя есть у всѣхъ народовъ, а иногда бываютъ и у великихъ поэтовъ...

шенно оправдался и сдѣлалъ насъ кругомъ виноватыми. Какая милая наивность, какая буколическая невинность!.. Развивая свою мысль о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ (по отношенію къ акту творчества), Константинъ Аксаковъ говоритъ: «Мы далеки отъ того, чтобъ унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія они ниже Гоголя (sic!). Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создаетъ великаго человѣка: велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайной творчества?» Хорошо; но зачѣмъ брать ложныя сравненія, если не за тѣмъ, чтобы оправдать натяжками ложныя мысли?—Не лучше ли было бы сказать такъ, напримѣръ: «Поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ; другой, обладающій такой же полнотою, создастъ великаго человѣка: ничтожно будетъ дѣло перваго передъ дѣломъ второго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленій жизни, цвѣтокъ передъ великимъ человѣкомъ!» Какъ вы думаете объ этомъ, г. Константинъ Аксаковъ? Это не совсѣмъ выгодно для вашего идолопоклонства, зато ближе къ истинѣ—повѣрите намъ въ этомъ случаѣ на слово или спросите у здраваго смысла—онъ за насъ!.. Но положимъ, что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ только по акту творчества, а не по содержанію; но зачѣмъ же вы прибавляете эти слова: «Но Боже насъ сохрани, чтобъ миниатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя!»? Какой смыслъ этихъ словъ—не этотъ ли: по акту творчества, Гоголь выше всѣхъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ равенъ, а по содержанію онъ не уступаетъ имъ, ergo, съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту творчества?... Какъ вамъ угодно, а выходитъ такъ! Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ или вашихъ противорѣчій—все равно, вѣрнѣе... Гдѣ жь наши на васъ выдумки, жи и клеветы?..

Актъ творчества дѣйствительно—великая сила въ поэтѣ, какъ отвлеченная сообразительность въ математикѣ: противъ этого никто не споритъ и безъ ссылокъ на «Ueber die aesthetische Erziehung» Шиллера, которое Константинъ Аксаковъ совѣтуетъ

намъ прочесть хоть во французскомъ переводѣ, тонко намекая этимъ, что онъ знаетъ по-нѣмецки, какъ будто бы для всякаго другого это рѣшительная невозможность... Безъ акта творчества нѣтъ поэта—это аксіома; но въ наше время мѣриломъ величія поэтовъ принимается не актъ творчества, а идея, вообще... Многія стихотворенія Гейне такъ хороши, что ихъ можно принять за Гётевскія, но Гейне, несмотря на то, все-таки, пигмей передъ колоссальнымъ Гёте. Въ чемъ же ихъ разница?—Въ идеѣ, въ содержаніи... «Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка», по отношенію акта творчества, дѣйствительно не ниже Шекспировскаго «Гамлета», но, несмотря на то, въ сравненіи съ «Гамлетомъ» повѣсть Гоголя—абсолютное ничтожество, такъ, что даже есть что-то смѣшное въ какомъ бы то ни было сближеніи этихъ двухъ произведеній... Право, такъ, г. Константинъ Аксаковъ!.. Почти такъ же комически забавно и сближеніе «Мертвыхъ Душъ» съ «Илиадою»... Дѣйствительно, Гоголь обладаетъ удивительною полнотою въ актѣ творчества, и эта полнота дѣйствительно можетъ служить ручательствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія, и несмотря на то, все-таки могъ бы не сравняться ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни стать выше другихъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, если бѣ современная русская жизнь не могла дать ему необходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы именно въ томъ-то и видимъ великость и гениальность Гоголя, что онъ своимъ артистическимъ инстинктомъ вѣрнѣе дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ, великой, задачей—объективировать современную дѣятельность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣвать на досугъ то, до чего никому, кромѣ художниковъ и диллетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣятельность такой, какой она никогда не бывала. Впрочемъ, кто знаетъ, какъ еще раскроется содержаніе «Мертвыхъ Душъ»? Намъ общаются мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т. е. западные европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Да, кто знаетъ, впрочемъ... можетъ быть, судя по этимъ общаніямъ, Константинъ Аксаковъ и дождется скоро оправданія нѣкоторыхъ изъ своихъ фантазій... Тогда мы низко ему поклонимся и отъ души поздравимъ его.. Но до тѣхъ поръ повторяемъ: въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту гениальности.

Да, велика творческая сила фантазіи Гоголя мы въ этомъ согласны съ Константиномъ Аксаковымъ. Но почему она выше творческой силы фантазіи великихъ европейскихъ поэтовъ, — этого мы не понимаемъ. Мы даже имѣемъ дерзость думать, что не посредственность творчества у Гоголя имѣетъ свои границы, и что она иногда измѣняетъ ему, особенно тамъ, гдѣ въ немъ поэтъ сталкивается съ мыслителемъ, т. е. гдѣ дѣло преимущественно касается идей... Кстати, вѣдь эти идеи, кромѣ огромнаго таланта или, пожалуй, и гения, кромѣ естественной силы непосредственнаго творчества, требуютъ эрудиции, интеллектуальнаго развитія, основаннаго на неослабномъ преслѣдованіи быстро несущейся умственной жизни современнаго міра, — именно того, чѣмъ такъ сильны и велики, наприм., Байронъ, Шиллеръ, Гете, — эти идеи заклятые враги безвыходно замкнутой внутри себя жизни, враги умственнаго аскетизма, который заставляеть поэтовъ закрывать глаза на все въ мірѣ, кромѣ самихъ себя... Что непосредственность творчества нерѣдко измѣняетъ Гоголю, или что Гоголь нерѣдко измѣняетъ непосредственности творчества, это ясно доказывается его повѣстями (еще въ «Вечерахъ на Хуторѣ»), «Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала» и «Страшной Местью», изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ искусствѣ сдѣлало какія-то уродливыя произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ превосходныхъ частныхъ, касающихся до проникнутаго юморомъ изображенія дѣйствительности. Но особенно это ясно изъ вполне неудачной повѣсти «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ» еще въ 1835 г.; но, должно быть, чувствуя ея недостатки, Гоголь недавно переделалъ ее совсѣмъ. И что же вышло изъ этой переделки? Первая часть повѣсти, за немногими исключеніями, стала несравненно лучше, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи дѣйствительности (одна сцена квартальнаго, разсуждающаго о картинахъ Чарткова, сама по себѣ отдѣльно взятая, есть уже гениальный эскизъ); но вся остальная половина повѣсти невыносимо дурна и со стороны главной мысли, и со стороны подробностей. И что за мысль, напримѣръ: благонамѣренный, умный и благородный вельможа жаркій патриотъ, дѣятельный покровитель искусствъ и наукъ въ отечествѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается обскурантомъ, злодѣемъ, гонителемъ просвѣщенія — отчего же? Оттого, что взялъ денегъ займы у страшнаго ростовщика, у тайственнаго грека!.. Дѣло какъ будто бы въ томъ, что, займи этотъ вельможа у другого кого-нибудь, только бы не

у этого грека, онъ остался бы прежнимъ благороднымъ человѣкомъ. Итакъ, вотъ отъ какого фатализма зависитъ нравственность человѣка!.. Да помилуйте, такіа дѣтскія фантазмагоріи могли плѣнять и ужасать людей только въ невѣжественные средніе вѣка, а для насъ онѣ не занимательны и не страшны, просто — смѣшны и скучны... И потомъ, что за подробности: на аукціонѣ художникъ Б. нашелъ мѣсто и время разсказывать исторію страшнаго портрета, и его всѣ заслушались, а портретъ между тѣмъ пропалъ... Нѣтъ такое исполненіе повѣсти не сдѣлало бы особенной чести самому незначительному дарованію. А мысль повѣсти была бы прекрасна, если бы поэтъ понималъ ее въ современномъ духѣ: въ Чартковѣ онъ хотѣлъ изобразить даровитаго художника, погубившаго свой талантъ, а слѣдовательно, и самого себя, жадностью къ деньгамъ и обаяніемъ мелкой извѣстности. И выполненіе этой мысли должно было быть просто, безъ фантастическихъ затѣй, на почвѣ ежедневной дѣствительности; тогда Гоголь съ своимъ талантомъ создалъ бы нѣчто великое. Не нужно было бы приплетать тутъ и страшнаго портрета съ страшнотворящими живыми глазами (въ которомъ поэтъ, кажется, хотѣлъ выразить гибельныя слѣдствія копирования съ природы вмѣсто творческаго воспроизведенія природы, и выразилъ черезчуръ затѣйливо, холодно и сухо-аллегорически); не нужно было бы ни ростовщика, ни аукціона, ни многого, что поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно оттого, что отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство. Это же доказываетъ и недавно напечатанная въ «Москвитинѣ» статья «Римъ», въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ, и близорукіе взгляды на Римъ, и — что всего непостижимѣе въ Гоголѣ — есть фразы, напоминающія своей вычурной изысканностью языкъ Марлинскаго. Отчего это? — Думаемъ оттого, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнеть, а при одномъ актѣ творчества и гений, наконецъ, начинаетъ постепенно испускаться... Въ «Мертвыхъ Душахъ», гдѣ Гоголь снова очутился на русской, а не на европейской почвѣ, и въ дѣйствительной, а не въ фантастической сферѣ, въ «Мертвыхъ Душахъ» также есть по крайней мѣрѣ обмолвки противъ непосредственности творчества, и весьма важныя, хотя и весьма немногочисленныя: поэтъ весьма неосновательно заставляеть Чичикова расфантазироваться о бытѣ простаго русскаго народа, при разсматриваніи реестра скупленныхъ имъ

мертвыхъ душъ. Правда, это «фантазирование» есть одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: оно исполнено глубины мысли и силы чувства, безконечной поэзіи и вмѣстѣ поразительной дѣйствительности; но тѣмъ менѣе идетъ оно къ Чичикову, человѣку гениальному въ смыслѣ плута-пріобрѣтателя, но совершенно пустому и ничтожному во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь поэтъ явно отдалъ ему свои собственные благороднѣйшія и чистѣйшія слезы, незримыя и невѣдомыя міру, своей глубокой, исполненный грустной любовью юморъ, и заставилъ его высказаться то, что долженъ былъ выговорить отъ своего лица. Равнымъ образомъ также мало идутъ къ Чичикову и его размышленія о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ расписку: эти размышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; ихъ слѣдовало бы автору сказать отъ своего лица... Характеристика британца съ его сердцевѣднѣемъ и мудростью француза съ его недолюбопытнымъ словомъ и нѣмца съ его умно-худощавымъ словомъ также показываетъ только то, что авторъ не совсѣмъ хорошо знаетъ ни британцевъ, ни французовъ, ни нѣмцевъ, и что незнанію не поможетъ никакой актъ творчества. И между тѣмъ Гоголь все-таки обладаетъ удивительной силой непосредственнаго творчества (въ смыслѣ способности воспроизводить каждый предметъ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми его тончайшими особенностями); только эта сила у него имѣетъ свои границы и иногда измѣняетъ ему (чего такимъ образомъ, какъ у Гоголя, не случалось ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шиллеромъ, ни даже съ Пушкинымъ, и что очень часто и еще хуже случалось съ Гёте вслѣдствіе аскетическаго и анти-общественнаго духа этого поэта, съ которыми все-таки нельзя смѣть равнять Гоголя). Но эта удивительная сила непосредственнаго творчества, которая составляетъ пока еще главную силу и высочайшее достоинство Гоголя, и посредствомъ которой, подобно волшебнику-властелину царства духовъ, вызывающему послушныя на голосъ его заклинанія безплотныя тѣни,—онъ—неограниченный властелинъ царства призрачной дѣйствительности—самовластно вызываетъ передъ себя ея представителей, заставляя ихъ обнажать передъ нимъ такіе сокровенные изгибы ихъ натуръ, въ которыхъ они не сознались бы сами себѣ подъ страхомъ смертной казни,—эта-то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она, такъ сказать, отводитъ ему глаза отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кипитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять

вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» уже было замѣчено, что къ числу особенныхъ достоинствъ «Мертвыхъ Душъ» принадлежитъ болѣе ощутительное, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слѣдовательно, и рефлексіи. Надо желать, чтобы это преобладаніе рефлексіи постепенно въ немъ усиливалось, хотя бы насчетъ акта творчества, изъ котораго такъ хлопочетъ Константинъ Аксаковъ. Гегель, въ своей «Эстетикѣ», въ особенную заслугу поставляетъ Шиллеру преобладаніе въ его произведеніяхъ рефлектирующаго элемента, называя это преобладаніе выраженіемъ духа новѣйшаго времени. Совѣтуемъ Константину Аксакову прочесть это мѣсто въ подлинникѣ (мы вѣримъ его знанію нѣмецкаго языка) и поразмыслить о немъ. Безъ способности къ непосредственному творчеству нѣтъ и быть не можетъ поэта—кто жъ этого не знаетъ? но когда человѣка называютъ поэтомъ, то уже необходимо предполагаютъ въ немъ эту способность, даже не говоря о ней, и обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если же эта способность въ поэтѣ слишкомъ сильна, то о ней тогда только толкуютъ и кричатъ, когда не видятъ въ немъ глубокаго содержанія. Говоря о Шекспирѣ, было бы странно восторгаться его умнѣемъ все представлять съ поразительной вѣрностью и истиной, вмѣсто того чтобы удивляться значенію и смыслу, которые его творческій разумъ даетъ образамъ его фантазіи. Въ живописцѣ, конечно, великое достоинство—умнѣе свободно владѣть кистью и повелѣвать красками, но это умнѣе еще не составляетъ великаго живописца. Идея, содержаніе, творческій разумъ—вотъ мѣрило для великихъ художниковъ.

Константинъ Аксаковъ ставитъ въ великую заслугу Гоголю, что у него юморъ, выставляя субъектъ, не уничтожаетъ дѣйствительности: да что же бы это былъ за юморъ, если бы онъ уничтожалъ дѣйствительность? стоило ли бы тогда и говорить о немъ? Константинъ Аксаковъ говоритъ еще, что такого юмора онъ не нашелъ еще ни у кого, кромѣ Гоголя: вольно же было не поискать—авось либо и можно было найти. Не говоря уже о Шекспирѣ, напримѣръ, въ романѣ Сервантеса донъ Кихотъ и Санчо Пансо нисколько не искажены: это лица живыя, дѣйствительныя; но, Боже мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и спокойнаго, и ѣдкаго, въ изображеніи этихъ лицъ! Такихъ примѣровъ можно найти довольно. Что у Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составляетъ главную стихію его таланта,—это другое дѣло; противъ этого нельзя спорить.

Константинъ Аксаковъ нашелъ въ своей брошюрѣ, что Чичиковъ сливается съ субстанціей русскаго народа въ любви къ скорой ѣздѣ: мы надѣ этимъ посмѣялись въ нашей рецензій, и вотъ онъ опять упрекаетъ насъ въ искаженіи словъ его: онъ, видите, разумѣлъ не просто «скорую ѣзду», но ѣзду на телѣгѣ и на тройкѣ лошадей. Виноваты—просмотрѣли, въ чемъ дѣло; но все-таки субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ тройкѣ, ни въ телѣгѣ. Коляску четверней всѣ образованные русскіе лучше любятъ, чѣмъ тряскую телѣгу, на которой заставляють ѣздить только необходимость. Но желѣзную дорогу даже и необразованные русскіе, т. е. мужички православные, теперь рѣшительно предпочитаютъ завѣтной телѣгѣ и тройкѣ: доказательство можно каждый день видѣть на царскосельской дорогѣ. Иначе и быть не можетъ: свѣтъ побѣдитъ тьму, просвѣщеніе побѣдитъ невѣжество, образованность побѣдитъ дикость, а желѣзными дорогами будутъ побѣждены телѣги и тройки. Пожалуй, иной субстанцію русскаго народа запрячеть въ горшокъ со шами и кашей или, вмѣсто бѣлужины, запечеть ее въ кулебякѣ... Можно любить тяжелую, грубую, хотя и вкусную русскую кухню,—и однако жъ не въ ней ощущать себя въ лонѣ русской національности... Константинъ Аксаковъ отсылаетъ насъ къ страницамъ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ дѣйствительно съ энтузіазмомъ описана тройка съ телѣгой: страницы эти мы читали не разъ; но онъ намъ ничего не доказали, кромѣ ухарской, забубенной удалы и какой-то беззаботности простого русскаго народа въ дѣлѣ улучшеній... Ссылка на «Мертвыя Души» еще не доказательство; мы сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій талантъ Гоголя, но идолопоклонничать ни передъ кѣмъ не хотимъ: въ наше время идолопоклонство есть ребячество, г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами по ребяты:

Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!

Константинъ Аксаковъ опять доказываетъ, что въ Маниловѣ есть своя сторона жизни; да кто жъ въ этомъ сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что и въ свиньѣ, которая, роясь въ навозѣ на дворѣ Коробочки, съѣла мимоходомъ цыпленка, есть своя сторона жизни? Она ѣсть и пьетъ—стало быть, живетъ: такъ можно ли думать, что не живетъ Маниловъ, который не только ѣсть и пьетъ, но еще и курить табакъ, и не только курить табакъ, но еще и фантазируетъ...

Вообще видно, что, сбившись съ прямого пути названіемъ «поэмы», которое Гоголь далъ своему произведенію, Константинъ Аксаковъ готовъ находить прекрасными людьми

всѣхъ изображенныхъ въ ней героевъ... Это, по его мнѣнію, значить понимать юморъ Гоголя... Чтѣ бы онъ ни говорилъ, но изъ тону и изъ всего въ его брошюрѣ видно, что онъ въ «Мертвыхъ Душахъ» видитъ русскую «Иліаду». Это значить—понять поэму Гоголя совершенно навыворотъ. Всѣ эти Маниловы и подобные имъ забавны только въ книгѣ; въ дѣйствительности же избави Боже съ ними встрѣчаться,—а не встрѣчаться съ ними нельзя, потому что ихъ-таки довольно въ дѣйствительности, слѣдовательно, они—представители нѣкоторой ея части. Хороша же «Иліада», героизмъ которой—дѣйствительность, имѣющая такихъ представителей!.. «Иліаду» можетъ напомнить собой только такая поэма, содержаніемъ которой служить субстанціальная стихія національной жизни со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія, въ которой эта жизнь полагается, а не отрицается... Истинная критика «Мертвыхъ Душъ» должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствѣхъ Манилова, с неиспорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телѣгѣ: нѣтъ, истинная критика должна раскрыть пагосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчій общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще не открывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какаго опредѣленія. Потому критика должна войти въ основы и причины этихъ формъ, должна рѣшить множество, повидимому, простыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: Отчего прекрасную блондинку разобрали до слезъ, когда она даже не понимала, за что ее бранятъ? Отчего весь губернский городъ N. оказался и хорошо населеннымъ, и люднымъ, когда сплетни насчетъ Чичикова получили свое начало отъ живого участія «пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы» и «просто пріятной дамы»? Отчего наружность Чичикова показалась «благонамѣренной» губернатору и всѣмъ сановникамъ города N? Чтѣ значитъ слово «благонамѣренный» на чиновническомъ нарѣчій? Отчего авторъ поэмы необходимой принадлежностью длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бываютъ на всякихъ дорогахъ), но и сыכותъ, грязь, пючинки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожныхъ подлецовъ? Отчего Собакевичъ приписалъ Елизавету Воробья? Отчего прокурорскій кучеръ былъ малый опытный, потому что правилъ одной рукой, а другую, засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина? Отчего сольвыгодскіе угостили на пиру (а не въ лѣсу, при дорогѣ) устьсыольскихъ

на смерть, а сами от них понесли крѣпкую ссадку на бока, подь микитки, и все это назвали «попалить немного»?.. Много такихъ вопросовъ можно выставить. Знаемъ, что большинство почтеть ихъ мелочными. Тѣмъ-то и велико созданіе «Мертвые Души», что въ немъ вскрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе. Конечно, какой-нибудь Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень мелкое явленіе въ жизни; но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ потеряете охоту, да и мелкимъ его не найдете. Почему онъ такъ можетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни вотъ вопросъ!.. Гоголь гениально (пустяками и мелочами) пояснилъ тайну, отчего изъ Чичикова вышелъ такого рода «приобрѣтатель»: это-то и составляетъ его поэтическое величіе, а не мнимое сходство съ Гомерами и Шекспирами..

Константинъ Аксаковъ ставитъ намъ въ вину, что мы вовсе пропустили слѣдующія строки въ его брошюрѣ: «Такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ сказать о многомъ, развить многое и дать заранее полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. Но надѣмся, что они разрѣшатся сами собой.» Выписавъ эти строки, Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ: «Но у рецензента не было ни недоумѣній, ни вопросовъ: онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло.» Неправда, рѣшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: брошюра ваша возбудила въ рецензентѣ сильное недоумѣніе касательно того, чтѣ въ ней говорится, возбудила вопросъ, какъ въ наше время могутъ являться въ свѣтъ подобныя фантазмагорія празднаго воображенія и пустого философствованія; но онъ, рецензентъ, если не тотчасъ же, то очень скоро понялъ, въ чемъ дѣло, т. е. понялъ, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ... Итакъ, надежда Константина Аксакова совершенно сбылась: дѣло его брошюры объяснилось само собой... А что тѣсные предѣлы статьи его не позволили ему многое развить и заранее отвѣтить на вопросы (которые, видно, чуяло его сердце),— это уже не наша, а его вина: вольно же ему было избирать тѣсные предѣлы, вмѣсто обширныхъ...

Остальные пункты «Объясненія» Константина Аксакова состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Константинъ Аксаковъ могъ бы доказать ясно, что «Отечественныя Записки» жестоко ошибаются, думая, что пока еще русскій поэтъ не можетъ быть мировымъ по-

этомъ; но что онъ объ этомъ, конечно, съ петербургскими журналами говорить не будетъ; и что объ этомъ могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія, книги, но тоже, конечно, ужъ не для петербургскихъ журналовъ...

2. Возраженіе его, Константина Аксакова, не полно, однако пространнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ; кто же хочетъ узнать дѣло лучше, тотъ можетъ снова прочесть брошюру, которую онъ, Константинъ Аксаковъ, готовъ (храбрая готовность!) вновь повторить слово отъ слова. Затѣмъ онъ оставляетъ всѣ дальнѣйшія объясненія, не предполагаетъ, чтобъ «Отечественныя Записки» стали ему возражать (увы, не сбывшееся предположеніе!), и во всякомъ случаѣ отвѣчать болѣе не будетъ...

3. «Отечественныя Записки», несмотря на ихъ несогласія во мнѣніяхъ съ другими петербургскими журналами, въ сущности одно и то же съ ними...

Бѣдные петербургскіе журналы! погибли вы, погибли безвозвратно! Константинъ Аксаковъ такъ глубоко презираетъ васъ, что и говорить съ вами не хочетъ... Великій Боже! за чтѣ же такая страшная кара на петербургскіе журналы?.. Развѣ нельзя было опредѣлить менѣе тяжкаго наказанія!.. Но, позвольте: кто жъ онъ самъ, этотъ страшный, неумолимый Константинъ Аксаковъ, однимъ своимъ «да» и «нѣтъ» рѣшающій всѣ вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Неужели это тотъ самый Константинъ Аксаковъ, который въ разныхъ журналахъ, а въ числѣ ихъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», напечаталъ нѣсколько переводовъ нѣмецкихъ стихотвореній,—переводовъ, частью довольно порядочныхъ, частью весьма посредственныхъ, а частью и весьма плохихъ?.. Если такъ, то невольно спросишь: изъ какой же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи ли еще онъ?..

Что же до нежеланія Константина Аксакова возражать далѣе, оно очень понятно: это ему теперь было бы и трудно, да и негдѣ (развѣ въ брошюрахъ): ибо какой же московскій журналъ захочетъ далѣе принимать, какъ говорить русская пословица, въ чужомъ пиру похмѣлье?..

Что же, наконецъ, до тождества «Отечественныхъ Записокъ» съ другими петербургскими журналами,—Константинъ Аксаковъ воленъ находить его. Можетъ быть, онъ это утверждаетъ и не съ досады, а по убѣжденію... Мы тоже, по глубокому убѣжденію, видимъ тождество между его брошюрой и знаменитой «критикой» по поводу «Мертвыхъ Душъ», въ которой Селифанъ сдѣланъ представителемъ неспорченной русской на- туры...

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

(Некрологъ).

Еще смерть, еще утрата—еще не стало одного примѣчательнаго чловѣка въ русской литературѣ и русскомъ обществѣ, которыя по справедливости могли гордиться имъ: извѣстный поэтъ русский, Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, скончался въ Воронежѣ прошлаго года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, на тридцать-третьемъ году отъ роду... Тяжела и горька была жизнь этого чловѣка, страшна была смерть его... Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ онъ медленно хилѣлъ и таялъ, проводя время въ лѣченіи, то оправляясь, то вновь и еще сильнѣе одолѣваясь тяжкимъ внутреннимъ недугомъ... Крѣпкая и сильная натура его могла бы еще преодолѣть болѣзнь тѣла, но семейныя огорченія, совершенное одиночество среди близкихъ ему, но непонимавшихъ его людей, потерянное время въ прошедшемъ и безнадежность въ будущемъ, горькія разочарованія въ томъ, что любилъ и за любовь къ нему встрѣтилъ вражду и ненависть, потрясли въ основаніи этотъ мощный благородный духъ... Пожираемый лютой чахоткой, одинокій и отчаянный, лишенный не только участія—даже пособій врачевныхъ (ибо ему не на что было покупать лѣкарства), Кольцовъ окончилъ страдальческую жизнь свою 19-го октября прошлаго года, въ три часа пополудни... Кто зналъ этого чловѣка лично и умѣлъ понимать и цѣнить его,—для тѣхъ неожиданное и уже позднее извѣстіе о смерти его было истиннымъ ударомъ..

Кольцовъ родился въ Воронежѣ 1809 года, октября 2-го дня. Его не совсѣмъ основательно называли поетомъ-самоучкой, смѣшивая съ простодушными, которые, въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучившись грамотѣ, сочли это за право кропать стихи. Кольцовъ зналъ грамоту съ малолѣтства; по инстинкту, онъ всегда стремился къ сближенію съ людьми, отличенными искрой Божіей,—и никогда не обманывался въ своемъ выборѣ. Рано пронудалась въ немъ страсть къ чтенію, и жадно читалъ онъ всякую книгу, какая только попадалась ему подъ руку. Дружба съ однимъ молодымъ чловѣкомъ, Серебрянскимъ, подобнымъ ему горемыкой, котораго также уже нѣтъ на свѣтѣ, имѣла сильное и рѣшительное вліяніе на внутреннюю жизнь Кольцова. Серебрянскій былъ чловѣкъ замѣчательный, съ душой, съ умомъ, съ рѣдкими дарованіями,—чему можетъ служить доказательствомъ статья его «Мысли о Музыкѣ». (Въ приложеніи къ «Стихотвореніямъ Кольцова».) Получивъ образованіе схоластическое, Серебрянскій взялъ отъ него только одни, хотя и скудныя, свѣдѣнія, и самъ довершилъ

свое воспитаніе чрезъ чтеніе и черезъ суровую школу нужды, бѣдности и тяжелаго опыта, въ борьбѣ съ которыми и палъ, сраженный преждевременной смертью... Потомъ судьба свела Кольцова съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не всегда бывають извѣстны обществу, но благоговѣйная память и таинственные слухи о которыхъ изъ тѣснаго кружка близкихъ имъ людей переходять иногда въ общество: мы говоримъ о Станкевичѣ... Черезъ него Кольцовъ вошелъ именно въ такой кругъ людей, котораго всегда жаждала душа его,—и единственными счастливыми эпохами въ его жизни были встрѣчи его съ этими людьми во время его побѣдокъ по торговымъ дѣламъ отца въ Москву и Петербургъ. Небольшая книжка изданныхъ въ свѣтъ его стихотвореній доставила ему честь личнаго знакомства съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, княземъ Вяземскимъ, княземъ Одоевскимъ и другими извѣстными литераторами,—и онъ былъ вѣрными ими радушно принятъ и облаканъ. Нѣкоторые изъявили ему свое участіе даже оказаніемъ помощи въ дѣлахъ его,—и въ этомъ случаѣ Кольцовъ особенно хранилъ признательную память къ князю Вяземскому. 1836—1840 годы были самые счастливые для его развитія: Кольцовъ тогда былъ необходимъ для дѣлъ отца своего, и потому часто бывалъ и долго жывалъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, прибрѣтая себѣ книги и на собственные средства и получая ихъ въ подарокъ отъ всѣхъ знакомыхъ ему литераторовъ. Но, несмотря на то, онъ всегда чувствовалъ, что его воспитаніе невозвратно заключило его въ ограниченный кругъ правственнаго существованія,—и его глубокой, смѣлой, ясный умъ, вѣрный тактъ дѣйствительности служили ему больше къ горестному сознанію этой истины, чѣмъ къ выходу изъ заколдованной черты, обведенной вокругъ него судьбой. И онъ глубоко страдалъ, видя, что многое для него мудро и непостижимо, потому только, что ново и непривычно. Съ раннихъ лѣтъ ринутый въ жизнь дѣйствительную, онъ коротко зналъ, глубоко понималъ ее,—и, судя по его практическому такту, его проницеской улыбкѣ, его осторожному разговору, многіе дивились, какъ онъ въ то же время могъ быть поетомъ... Есть люди, которые смотря на поэта, какъ на птицу въ кѣткѣ, и заговаривають съ нимъ для того только, чтобъ заставить его пѣть: такъ любители соловьевъ трутъ носикъ о ножикъ, чтобъ звуками этого тренія вызвать птицу на пѣніе... Зная хорошо дѣйствительную жизнь, участвуя, поневолѣ, въ ея дрязгахъ, Кольцовъ не загрязнилъ души своей этими дрязгами: его душа всегда оставалась чиста, возвышенна,

благородна, хотя ироническая улыбка никогда не сходила съ устъ его... Противорѣчіе между дѣйствительностью, въ которую бросила его судьба, и между внутренними потребностями души,—вотъ что всегда было причиной его страданій, и вотъ что, наконецъ, свело его въ раннюю могилу. Одаренный характеромъ сильнымъ, Кольцовъ умѣлъ терпѣть; но всякому терпѣнію бываетъ конецъ: онъ все могъ перенести, только не ядовитую ненависть тѣхъ, кого любилъ и отъ кого оторваться навсегда у него не было внѣшнихъ средствъ...

Какъ поэтъ, Кольцовъ былъ явленіемъ весьма примѣчательнымъ. Онъ обладалъ талантомъ сильнымъ, глубокимъ и энергичнымъ, и, несмотря на то, долженъ былъ оставаться въ довольно ограниченной сферѣ искусства—сферѣ поэзіи народной. Въ сво-

ихъ «Думахъ» онъ рвался къ другимъ высшимъ мірамъ жизни и мысли, но выражалъ ихъ всегда въ своей однообразной народной формѣ. Если же смотрѣть на стихотворенія Кольцова какъ на произведенія народной поэзіи, которая уже перешла черезъ себя и коснулась высшихъ сферъ жизни и мысли,—то они останутся навсегда однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій русской литературы и поэзіи. О нихъ нельзя судить порознь, но, собранныя вмѣстѣ, они представляютъ нѣчто цѣлое—самобытную и интересную въ самой ограниченности своей сферу творчества. Друзья покойнаго поэта, горячо любившіе его и какъ человѣка, желая достойно почтить его память, намѣрены издать въ скоромъ времени избранныя его стихотворенія, съ его портретомъ, fac-simile и біографіей.

Русскій театр въ Петербургѣ.

1.

У насъ мало вообще драматическихъ новостей; сценическая же—большая рѣдкость. Обыкновенно бываетъ такъ: приближается время бенефисовъ, и всѣ ждутъ новыхъ пьесъ. Каждый бенефициантъ даетъ одну, двѣ, иногда и три новыя пьесы; а какъ число бенефисовъ на театрахъ обѣихъ столицъ нашихъ довольно значительно въ продолженіе каждаго года, то и число новыхъ пьесъ очень значительно. Но, къ сожалѣнію, отъ этого никто не въ выигрышѣ—ни публика, ни драматическая литература, ни сцена, ни артисты, которые желаютъ для себя ролей, достойныхъ своего таланта. Обыкновенно эти новости—водевили, переведенные съ французскаго или «передѣланные изъ французскихъ», какъ пишется въ театральныхъ афишкахъ и въ «Репертуарѣ» Песочаго; на самомъ же дѣлѣ это не переведенные и не передѣланные, а развѣ насильно перешагнутые съ французской сцены на русскую. Мудрено ли послѣ этого, что они являются передъ русской публикой растрепанные, изорванные, съ тупыми остротами, плоскими шутками, плохими куплетами? Надѣньте на француза смурый кафтанъ, подпоящите его кушакомъ, обуйте въ онучи и лапти, подвяжите ему густую окладистую бороду и заставьте его даже браниться по-русски,—онъ все не будетъ русскимъ мужикомъ, а на зло себѣ и вамъ останется французомъ въ костюмѣ русскаго мужика, слѣдовательно, ни французомъ, ни русскимъ, а карикатурой того и другого, образомъ безъ лица. Вотъ такова-то характеристика и нашихъ переводныхъ и передѣлочныхъ водевилей! Въ чтеніи они не имѣютъ смысла, а на сценѣ вялы и безжизненны.

Но изъ множества бенефисныхъ пьесъ въ пяти усщительныхъ актахъ и пьесокъ не длиннѣе воробьиного носа, изъ всей этой массы тотчасъ забываемаго хлама почти каждый годъ получаетъ большой успѣхъ

одна пьеса—и на просторѣ, за неимѣніемъ даже неопасныхъ соперниковъ, шумить себѣ до слѣдующаго театральнаго года, пока новая пьеса такого же рода не столкнетъ ее въ Лету. Такъ, въ прошломъ году шумѣли «Дѣдушка Русскаго Флота», «Параша Сибирячка»; такъ недавно шумѣлъ «Синичкинъ» Ленскаго; такъ теперь шумятъ «Петербургскія Квартіры» Кони. Это обыкновенные водевили, взятые прямо изъ русской жизни. Даже самый плохой актеръ, играя роль въ такой пьесѣ, чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ и играетъ не только со смысломъ, но и съ жизнью; о талантливыхъ артистахъ нечего и говорить. Въ ходѣ пьесы всегда больше или меньше замѣтна общность. Публика живо заинтересована, потому что каждый изъ зрителей видитъ знакомое себѣ, совершенно понятное, видѣть тѣ лица, которыхъ сейчасъ только оставилъ, изъ которыхъ одни ему друзья, другіе—враги, однимъ онъ готовъ поклониться изъ своихъ креселъ, на другихъ хохотомъ вымещаетъ онъ свою досаду. Такого рода пьесы нельзя и не должно слишкомъ строго судить. Какъ бы ни были ихъ недостатки и какъ бы ни незначительно было ихъ поэтическое и даже просто литературное достоинство, на нихъ слѣдуетъ смотрѣть сквозь пальцы и, улыбаясь, похваливать. Что наша публика цѣнить ихъ слишкомъ высоко, что за какую-нибудь удачную (сравнительно съ другими) пьеску она готова вызвать автора хоть десять разъ съ ряду, на это тоже не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ строго. Всякое сильное возстаніе противъ этого можетъ показаться донкихотскимъ рагованіемъ противъ вѣтренныхъ мельницъ. И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли стараться увѣрить кого-нибудь, что «Мирошка и Филатка» глупость, а иная «мѣщанская» или «слезная комедія»—пошлость, если этого кто-нибудь отъ души восхищается «Филаткой и Мирошкой» и почитаетъ великимъ созданіемъ «слезно-мѣщанскую комедію съ пантомимными танцами»?.. Всякому свое—лишь бы восхищались чѣмъ-нибудь! А частые вызовы

«сочинителей» и актеровъ? Что жъ вамъ до нихъ? Кто любить пофривать—во здравіе! При томъ же большая часть кричитъ съ самымъ невиннымъ намбрениемъ, чтобы дать замѣтить свое присутствіе и показать тонкость своего эстетическаго вкуса. Кромѣ этихъ, дѣйствительно почтенныхъ господъ, есть и такіе, которые думаютъ, что если ужъ тратить деньги, такъ не даромъ, а для того, чтобы досмотрѣть все до конца и вдоволь накричаться. Если же вамъ это рѣшительно не нравится, ходите въ Михайловскій театръ, публика котораго гармонируетъ со сценой.

2.

Театръ! театръ! какимъ магическимъ словомъ былъ ты для меня во время оно! какимъ невыразимымъ очарованіемъ потрясалъ ты тогда всё струны души моей, и какіе дивные аккорды срывалъ ты съ нихъ!... Въ тебѣ я видѣлъ весь міръ, всю вселенную, со всѣмъ ихъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ, со всей ихъ заманчивой таинственностью! Что передъ тобой былъ для меня и вѣчно-голубой куполъ неба, съ своимъ свѣтзарнымъ солнцемъ, блѣдноликой луной и мириадами томно-блестящихъ звѣздъ,—и угрюмо-безмолвные лѣса, и зеленые рощи, и веселыя поля; и даже само море, съ своей тяжело-дышащей грудью, съ своимъ немолчнымъ говоромъ валовъ и грустнымъ ропотомъ волнъ, разбивающихся о неприступный берегъ?... Твои трапичныя облака, масляная солнце, луна и звѣзды, твой холстинныя деревья, твой деревянныя моря и рѣки больше пророчили жадному чувству моему, больше говорили томящейся ожиданьемъ чудесъ душѣ моей!.. Такъ сильно было твое на меня вліяніе, что даже и теперь, когда ты такъ обманулъ, такъ жестоко разочаровалъ меня, даже и теперь этотъ еще пустой, но уже ярко-освѣщенный амфитеатръ, и медленно собирающаяся въ него толпа, эти нескладные звуки настраиваемыхъ инструментовъ,—даже и теперь все это заставляетъ трепетать мое сердце какъ бы отъ предчувствія какого-то великаго таинства, какъ бы отъ ожиданія какого-то великаго чуда, сейчасъ готоваго совершиться передъ моими глазами... А тогда!.. Вотъ съ послѣднимъ ударомъ смычка быстро взвилась таинственная занавѣсъ, сквозь которую тѣтно рвался нетерпѣливый взоръ мой, чтобы скорѣе увидѣть открывающійся за нею волшебный міръ, гдѣ люди такъ не похожи на обыкновенныхъ людей, гдѣ они или такъ невыразимо добры, или такіе ужасные злодѣи, и гдѣ женщины такъ обаятельно, такъ неотразимо хороши, что, казалось, за одинъ взглядъ каждой изъ

нихъ отдашь бы тысячу жизней!.. Сердце бьется рѣдко и глухо, дыханіе замерло на устахъ,—и на волшебной сценѣ все такъ чудесно, такъ полно очарованія; молодое, неискушенное чувство такъ всѣмъ довольно, и, Боже мой! съ какой полнотой въ душѣ выходишь, бывало, изъ театра, сколько впечатлѣній выносишь изъ него!.. Но духъ движется, растетъ и мужаетъ, фантазія опережаетъ дѣйствительность: чувство горделиво оставляетъ за собой и опытъ, и разсудокъ, и возможность; въ душѣ возникаютъ неясныя идеалы, и духи лучшаго міра незримо, но слышимо летаютъ вокругъ васъ и манятъ за собою въ лучшую сторону, въ лучшій міръ... Такъ и мнѣ на театрѣ сталъ мечтаться другой театръ, на сценѣ—другая сцена, а изъ-за лицъ, къ которымъ уже приглядѣлись глаза мои, стали мерещиться другія лица, съ такимъ чуднымъ выраженіемъ, такъ непохожимъ на жильцовъ здѣшняго, дольнаго міра... Декорація какого-нибудь, совершенно невиннаго въ здоровомъ смыслѣ водевиля, представлявшаго комнату помѣщика или чиновника, превращалась въ глазахъ моихъ въ длинную галлерею, на концѣ которой рисовался въ полусумракѣ образъ какой-то страшной женщины съ прекраснымъ лицомъ, распущенными волосами и открытой грудью. Дико вращала она вокругъ себя расширенные внутреннимъ ужасомъ зрачки свои и, потирая обнаженной рукою другую руку, оледеняющимъ голосомъ шептала: «Прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я! одно, два! однако жъ кто могъ думать, что въ старикѣ такъ много крови!»... То была леди Макбетъ.... За нею вдали высился колоссальный образъ мужчины: въ рукѣ его былъ окровавленный кинжалъ, глаза его дико блуждали, а блѣдныя, посинѣлыя уста невятно лепетали: «Макбетъ зарѣзалъ соня, и впредь огни въ ужъ не спать Макбету!»... Въ пицаніи какой-нибудь водевильной примадонны, пѣвшей куплетъ съ плоскими островами и не всѣмъ благопрістойными эquivoками, слышался мнѣ умоляющій голосъ Дездемоны, ея глухія рыданія, ея предсмертныя вопли... Въ пошломъ объясненіи какого-нибудь мелодраматическаго любовника съ плѣвившей его чиновническое сердце «барышней» представлялась мнѣ ночная сцена въ саду Ромео съ Юліей, слышались ихъ гармоническія слова любви, столь полныя такого небеснаго значенія, и я самъ боялся весь улетучиться во вѣдохъ блаженствующей любви... То вдругъ и неожиданно являлся царственный старецъ и съ ревомъ бури, съ грохотомъ грома соединялъ страшныя слова отцовскаго проклятѣя благодарнымъ и жестокосердымъ дочерямъ... Чудесный міръ! въ немъ было мнѣ такъ

хорошо, такъ привольно: сердце билось такимъ двойнымъ бытіемъ; внутреннему взору видѣлись вереницы такихъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства, и мнѣ недоставало только другой груди, другой души — нѣжной и любящей, которой передать бы я мои дивныя видѣнія, и я живѣе чувствовала тоску одиночества, сильнее томилась жаждой любви и сочувствія... На сценѣ говорили, ходили, гдѣли; публика звала и хлопала, смѣялась и шикала, — а я, не глядя, глядѣлъ вдаль, окруженный своими магнетическими ясновидѣніями, и выходилъ изъ театра, не помня, что въ немъ дѣлалось, но довольный своими мечтами, своимъ тоскливымъ порываніемъ... Душа ждала совершенія чуда и дождалась... О, ежели жизнь моя продолжится еще на десять разъ во столько, сколько я уже прожилъ, — и тогда, даже въ минуту вѣчной разлуки съ нею, не забуду я этого невысокаго, блѣднаго чело-вѣка съ такимъ благороднымъ и прекраснымъ лицомъ, осѣненнымъ черными кудрями, *) котораго голосъ то лился прозрачными волнами сладостной мелодіи, вспоминая о своемъ великомъ отцѣ, то превращался въ львиное рычаніе, когда обвинялъ себя въ позорной слабости воли, то, подобясь бурѣ, гремѣлъ громами небесными (глаза, дотолѣ столь кроткіе и меланхолическіе, бросали изъ себя молніи, когда по открытіи ужасной тайны братоубійства онъ потрясалъ огромный амфитеатръ своимъ нечеловѣческимъ хохотомъ, а зрители сливались въ одну душу, и — то съ испуганнымъ взоромъ, затаивъ дыханіе, смотрѣли на страшнаго художника, то единодушными воплями тысячей восторженныхъ голосовъ, единодушнымъ плескомъ тысячей рукъ въ свою очередь заставляли дрожать своды зданія!... Увидѣлъ я и его — того чернаго мавра, того великаго ребенка, который, полюбивши, не умѣлъ назначить границъ своей любви, а, предавшись подозрѣнію, шелъ, не останавливаясь, до тѣхъ поръ, пока не палъ же жертвой, истребивъ проклятой рукой лучшей, благоуханнѣйшей прѣтвотъ, какой когда-либо прѣлъ подъ небомъ... О, и теперь еще возмущаютъ сонъ мой эти ужасныя, тихо сказанныя слова: «Что ты сдѣлала, безстыдная женщина! что ты сдѣлала?...» Какъ и тогда, вижу передъ собой этого гордый, низверженный грозой дубъ, когда колеблющимися шагами, съ блуждающимъ взоромъ то подходилъ онъ къ своей уже безотвѣтной жертвѣ, то бросался къ двери, за которой стучался страшный свидѣтель невинности его жертвы... Все это я видѣлъ на сценѣ того великаго города, въ нѣдрахъ котораго бьется пульсъ русской

жизни, гдѣ люди живутъ для жизни, и если, пробудившись отъ дремоты повседневнаго быта, предаются наслажденію, то предаются ему широко и вольно, со всей полнотою самозабвенія, — на сценѣ того маститаго, царственнаго города, гдѣ все великое находится своей отзвѣтъ въ душахъ и гдѣ самая толпа полна таинственной думы, какъ гдѣсь или море...

Я уже начиналъ, было, думать, что увидѣлъ въ театрѣ все, что можетъ театръ показать и чего можно отъ театра требовать; но всякому очарованію бываетъ конецъ, — моему былъ тоже... Я началъ замѣчать, что всегда вижу одно только лицо Шекспировской драмы, но ни другихъ лицъ, ни самой драмы не вижу, и что когда сходитъ со сцены главное лоцо, то все темнѣетъ, умираетъ и томится, становится такъ пошло, теряетъ всякій смыслъ... Скоро я увѣрился, что хотя бы силы главнаго актера равнялись силамъ древняго Атланта, все же ему одному не поддержать на своихъ плечахъ громаднаго зданія Шекспировской драмы, да и въ своихъ роляхъ не можетъ онъ быть одинаково вдохновенъ и одинаково хорошъ... Мнѣ стало и досадно и больно...

Но вотъ пришло время, почтенный читатель, когда я уже не досаую, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда, увидѣвъ въ длинной афишѣ нѣсколько новыхъ пьесъ и надъ ними роковую надпись: *въ первый разъ* — плу себѣ, какъ присяжный рецензентъ, въ храмъ искусства драматическаго, который для меня давно уже пересталъ быть храмомъ... Боже мой! какъ я перемѣнился!... Но эта метаморфоза — обшій удѣлъ всѣхъ людей: и вы, мой благо-склонный читатель, измѣнитесь, если еще ни измѣнились... Итакъ... Но прежде, чѣмъ кончите мою элегію въ прозѣ, я хочу попросить васъ объ одномъ: вы можете меня читать или не читать — какъ вамъ угодно, но, Бога ради, не смотрите съ ненавистью, какъ на челоуѣка злого и недоброжелательнаго, на того, кто въ лѣта суроваго опыта, обнажившаго передъ нимъ дѣйствительность, притирая глазъ отъ ѣдкаго дыма лопочущихся, подобно путихамъ, фантазій, — на все смотритъ мрачно, всему придаетъ какую-то важность и обо всемъ судитъ съ желчной злостью: можетъ быть, это происходитъ оттого, что нѣкогда его сердце билось однимъ безконечнымъ, а въ душѣ жили высокіе идеалы, а теперь его сердце полно одного безконечнаго страданія, а идеалы разлетѣлись при грозномъ свѣточѣ опыта, и онъ своимъ докучливымъ ворчаньемъ мститъ дѣйствительности за то, что она такъ жестоко обманула его...

*) Мочалова въ роли Гамлета.

Братья-враги или Мессинская невеста.

Трагедия въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Шиллера.

Не «Братья-Враги», а просто «Мессинская Невеста» Шиллера, и при томъ въ переводѣ Ротчева, нарочно для представления сокращенномъ. Эта лирическая трагедія есть попытка Шиллера воскресить древнюю греческую трагедію: вотъ для чего онъ основалъ свою «Мессинскую Невесту» на идеѣ предопредѣленія и неизбѣжнаго рока, и ввелъ въ нее хоръ. Хотя идея предопредѣленія и производитъ на душу неприятное, анти-поэтическое впечатлѣніе, какъ ржавая и скрипучая пружина,—однако трагедія Шиллера есть высокое произведеніе въ своемъ родѣ: пламенное, бурное, порывистое одушевленіе. Шиллеровскія пафосы, раздирающія душу трагическія положенія, превосходные стихи, волны лиризма, разливающагося широкимъ потокомъ—вотъ отличительныя качества «Мессинской Невесты». Мы никакъ не думали, чтобъ лирическая трагедія могла быть поставлена на сцену и производить съ нея какой-либо эффектъ; но теперь вполне убѣдились, что если бъ, даже только при умной, отчетливой, но не одушевленной, не проникнутой страстью игрѣ главныхъ лицъ, вся пьеса въ цѣломъ хорошо выполнялась,—то производила бы на зрителей еще болѣе сильное и потрясающее дѣйствіе, чѣмъ другія трагедіи Шиллера.

Христина, королева шведская.

Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскаго.

Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, или семейная ненависть.

Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ въ стихахъ, соч. П. Г. Ободовскаго.

Ободовскій перевелъ, передѣлалъ и сочинилъ драмъ около сотни. Разумѣется, на это потребно было не мало времени; но Ободовскій и подвизается на этомъ поприщѣ уже не малое время, лѣтъ десятка полтора по крайней мѣрѣ, сколько мы помнимъ. Несмотря на то, онъ началъ входить въ сильную извѣстность между бенефициантами, записной публикой Александринскаго театра и подписчиками «Репертуара» Песочнаго очень недавно, года два, не больше. Но это сбѣдилось не случайно. Чего добраго! можетъ быть, скоро Ободовскій попадетъ въ число ворищеесъ русской драматической литературы... Помните ли вы въ «Горѣ отъ Ума» простодушный отвѣтъ Скалозуба Фамусову, Соч. Бѣлинскаго. Т. II.

на похвалу послѣдняго за его хорошую службу?

Довольно счастливъ я въ товарищѣхъ моихъ.
Варяцки какъ разъ отараты; ихъ.
То старшихъ выключать никакъ.
Другіе, смотришь, перебиты.

Райня и неожиданныя горестныя утрата, которыя недавно повесла осирѣтѣлая русская литература въ лицѣ своихъ истинныхъ представителей, апатическое молчаніе, которое упорно хранить или слишкомъ рѣдко, какъ бы нехотя, прерываютъ оставшіеся даровитые люди,—все это выдвинуло впередъ такихъ сочинителей, которымъ безъ того вѣкъ бы свой пришлось ограничиться извѣстностью только между своими друзьями. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, даже плодотворный сочинитель Булгаринъ принужденъ ограничиться только комаринскъ жульничанскъ про свою проиндую «сочинительскую» славу; по толикихъ почтенныхъ и похвальныхъ трудахъ онъ, нашъ Несторъ-романистъ, тщетно хватился было за драму: коварная «Шкуна» потопила его,—и, сидя за плитой своего «Эконома»,

Онъ выкнетъ въ тишинѣ
Главою лавровою...

Sic transit... и пр. Но утѣшимся: былъ бы прудъ, рыба будетъ... Теперь на первомъ планѣ рисуется всеобъемлющій Кукольникъ; за нимъ, на почтительной дистанціи, блистаетъ вѣчно юный талантъ, Полевой; за нимъ, на третьемъ планѣ, съ приличной истинному таланту скромностью, раскланивается публикѣ за снисходительные вызовы—прилежное и усердное дарованіе Ободовскаго... Вообще талантъ Ободовскаго удивительно приличенъ, удобенъ и соотвѣтственъ настоящему положенію русской литературы: онъ не можетъ оскорбить своимъ превосходствомъ ничего самолюбія, хотя и дѣйствительно превосходить многихъ драматистовъ нашихъ... Драмы Ободовскаго, и переводныя, и передѣланныя, и оригинальныя, отличаются той общей имъ характеристической чертой, что онъ не то, чтобъ хорошъ, да и не то, чтобъ слишкомъ дурны (ибо на Александринскомъ театрѣ играютъ еще и худшія, а сочинители ихъ тѣмъ не менѣе награждаются вызовами), такъ себѣ—серѣдка на половинѣ... Счастливыи таланты! Враговъ нѣтъ, а славы много, и славы безъ терній, безъ огорченій...

Хотя «Христина» и передѣланная, а «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій» оригинальная драма Ободовскаго, но обѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ кровной родственности, и обѣ кажутся оригинальными произведеніями одного и того же сочинителя... Посмотримъ на нихъ поближе, и начнемъ съ первой,

т. е. «Христины». Дѣло давно уже извѣстное, что Ободовскій не совсѣмъ счастливъ въ выборѣ иностранныхъ пьесъ для своихъ переводовъ и передѣлокъ: и въ «Христинѣ» онъ не избѣжалъ этого несчастья, такъ давно и такъ постоянно его преслѣдующаго. Это пьеса вялая и сонная по дѣйствию, но тѣмъ усладительнѣйшая для нѣмецкихъ бюргеровъ, которыхъ жизнь прозябаетъ подъ девизомъ: «bete und arbeite», тѣмъ эффектильнѣйшая для чувствительныхъ добрыхъ нѣмецкихъ филлистовъ, которые и въ драмѣ любятъ созерцать безжизненность и вялость своего домашняго существованія. Видя эту драму на сценѣ, безъ помощи афиши даже и въ третьемъ актѣ не привыкнешь отличать одно лицо отъ другого,—чему, кромѣ отчаянной безхарактерности и безличности героевъ, много способствуетъ магнетическое и сонливое дѣйствіе, производимое драмой на зрителя.

Вотъ содержаніе новой передѣлки нашего неутомимаго передѣлывателя. Молодой графъ Штейнбергъ, шведъ и племянникъ шведскаго патриота, воспитанный въ Германіи и влюбившійся тамъ въ молодую графиню Спарре, теперь напереницу королевы Христины, возвращается на родину къ старому дядѣ; какимъ-то счастливымъ случаемъ онъ спасаетъ отъ потопленія королеву, которая, узнавъ своего избавителя, жалуетъ его въ камеръ-юнкеры своего двора, и хочетъ пожаловать еще и въ свои любовники. Первое званіе молодой человѣкъ принялъ, другого не принимаетъ ни подъ какимъ видомъ: онъ, дескать, мечтаетъ о той, которой имя во дворцѣ и произнестъ не смѣетъ. Христина при каждомъ удобномъ случаѣ открыто вѣшается ему на шею, клянется погубить «милую воровку его покоя», и — о, Боже! — узнаетъ въ соперницѣ свою любимицу. Но, давъ слово погубить, она хочетъ сдержатъ его и готова орослатъ чегу голубковъ въ рудники. Между тѣмъ у королевы былъ любовникъ, графъ де ла-Гарди, былъ и другой, возвышенный первымъ и погубившій его клеветой, маркизъ Сантино, хитрецъ, клеветникъ и поэтъ, чѣмъ особенно и илѣнилъ «покровительницу наукъ и искусствъ». Первый любовникъ свергнуть съ своего величія, второй также, потому что оказался обманщикомъ; молодой графъ не хочетъ быть даже мужемъ королевы, которая готова бы, пожалуй, и на это, — благо онъ, видите, происходитъ отъ старинной королевской крови. Что дѣлать? Христина вызываетъ цвейбрюккенскаго принца, за котораго хотѣла, было, выйти замужъ, да расчувствовалась о величій своей роли въ Европѣ и Швеціи и объявила его просто наследникомъ. Чувствовать — такъ ужъ чувствовать! Любовники прощены и обняты королевой. Сентиментально-величе-

ственные фразы въ бюргерскомъ вкусѣ — и драма кончается, не уступая въ заключеніи любой добродѣтельной драмѣ слезогонителя нѣмецкаго, Коцебу. Ни Христина драмы, ни Христина сцены, разумеется, не носить и тѣни сходства съ исторической Христиной.

«Царь Василій Иоанновичъ Шуйскій» есть явное подражаніе «Скопину Шуйскому» Кукольника. Подлинно, вещи познаются и оцѣняются по сравненію: «Скопинъ Шуйскій» самъ по себѣ есть не больше, какъ довольно сносное произведеніе человѣка не безъ дарованія; но въ сравненіи съ «Царемъ Василіемъ Иоанновичемъ Шуйскимъ» это просто — Шекспировское произведеніе. Зато, съ своей стороны, «Царь Василій Иоанновичъ Шуйскій» есть довольно несносное произведеніе человѣка работающаго: но въ сравненіи, напримѣръ, съ «Александромъ Македонскимъ» Маркова — это великое, колоссальное произведеніе... Вездѣ безконечная лѣстница твореній — и въ русской литературѣ!.. Пять дѣйствій и еще прологъ — страшно! Словно тяжелый сонъ послѣ сытнаго ужина представляютъ намъ эти пять дѣйствій и одинъ прологъ, да еще два водевилля послѣ нихъ... И врагу лютому нельзя пожелать такого сна... Снилось намъ, будто какой-то молодой человѣкъ, въ военномъ костюмѣ древней Руси, говорилъ что-то свысока, размахивая руками и потомъ подписалъ сдачу Кексгольма. «Это прологъ кончился», сказали намъ, когда мы проснулись отъ рукоплесканій восторженной публики. И вотъ снова тяжелый сонъ смежилъ своими «свинцовыми перстами» усталыя наши вѣжды, и снилось намъ, что царемъ Василіемъ Иоанновичемъ Шуйскимъ овладѣлъ братъ его, Дмитрій, которымъ владѣетъ жена его, Екатерина, урожденная Малюта Скуратова; что Василій Иоанновичъ изъ историческаго Шуйскаго, хитраго, пронырливаго интригана, превратился въ слабого, добраго старика, который все охаетъ, говоря, что людямъ вѣрить нельзя. Дмитрій дѣйствуетъ изъ-за жены, которая чуть не бьетъ его на сценѣ при публикѣ Александринскаго театра; однако онъ ловко, вопреки природной тупости, единственно изъ угожденія сочинителю, успѣшно поселяетъ недовѣрчивость къ Скопину въ душѣ безхарактернаго Василя. Скопинъ въ опалѣ. Василій съ горя идетъ бѣсѣдовать съ тѣнями предковъ на гробахъ; Скопинъ, по тому же побужденію, очутился тамъ прежде (то-то молодья-то ноги!) и засталъ тамъ бояръ, которыхъ Прокошій Ляпуновъ уговариваетъ, свергнувъ Василя, объявить царемъ Скопина Шуйскаго... Скопинъ, слышалось намъ сквозь сонъ, понесъ такую заоблачную рацею, что Ляпуновъ, не зная, что и дѣлать, заткнулъ себѣ уши;

вдругъ входитъ царь, обнимаетъ Скопина за вѣрность, страшаетъ бояръ, но изъ презрѣнія къ нимъ не хочетъ ихъ ни казнить, ни вѣшать; а Ляпунова называетъ только горячей головой, которая изъ любви къ родинѣ готова напроказить и Богъ знаетъ что... Какой добрый этотъ Василій Иоанновичъ Шуйскій! Какъ жаль, что онъ таковъ не въ исторіи, а только во снѣ... или въ драмѣ Ободовскаго!... Потомъ или прежде этого, не помнимъ хорошенько,—слылось намъ, что за кулисами шумъ и крики, что Екатерина на сценѣ съ 14-ти-лѣтнимъ сыномъ своимъ Георгіемъ, который очень любитъ Скопина и котораго Скопинъ тоже любитъ. Входитъ какой-то нѣмецъ; Екатерина даетъ ему денегъ и велитъ мѣтить въ «черное сердце»; нѣмецъ выбѣжалъ; за кулисами выстрѣлъ: затѣмъ вбѣгаетъ на сцену мужиковъ пять-шесть съ длинными ножами и ружьями—хотятъ убить отродѣ Малюты Скуратова, Екатерину съ сыномъ, но не подходятъ къ ней близко: они знаютъ, что сейчасъ долженъ войти царь и спасти ихъ жертвы, вотъ они издалека машутъ ножами и руками, а Екатерина кричитъ (прикинулась, что и вправду боится); входитъ Василій, мужики попадали наземъ; Екатерина съ сыномъ—къ ногамъ царя; занавѣсъ опускается, публика хлопаетъ...

Потомъ слылось намъ, что у Дмитрія Шуйскаго пиръ, на которомъ онъ напился до того, что еле на ногахъ держался. Входитъ Скопинъ; Екатерина подноситъ ему кубокъ вина съ ядомъ; «въ винѣ ядъ», говоритъ Скопинъ въ видѣ моральной сентенціи, а Екатерина испугалась, что онъ угадалъ ея злое намѣреніе: эффектъ! Скопинъ отпиваетъ половину, а Екатерина уходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, не заглянувши въ кубокъ. Входитъ Георгій; Скопинъ проситъ выпить его за свое здоровье; Георгій пьетъ. Гости разошлись; эффектная сцена смерти Георгія, кривлянія и завыванія Екатерины; занавѣсъ опускается—мы опять проснулись отъ рукоплесканій...

Когда мы снова погрузились въ нашъ магнетическій сонъ, то думали увидѣть на сценѣ трупъ Скопина, выставленный для вящаго эффекта, какъ вдругъ ничего не бывало—покойникъ идетъ себѣ здоровехонекъ на площадь, а на площади Василій и народъ, т. е. человѣкъ съ десятокъ мужиковъ и бабъ. Царь назначаетъ Скопина воеводой надъ войскомъ противъ Сигизмунда и называетъ Скопина «Отцомъ Отечества»: видно, это римское обыкновеніе было также и въ русскихъ нравахъ... Еще прежде этого слылось намъ, что одинъ бояринъ, укоряя другого въ злоязычьи, сказалъ два послѣднія стиха сатирика Милонова:

Для остраго слова
Готовъ онъ уязвить и матеръ, и отца

Не шутите Милоновымъ: хотъ онъ родился въ 1792, а умеръ въ 1821 году, но его стихи знали наизусть еще при царѣ Василіи Иоанновичѣ Шуйскомъ... Вотъ когда царь и Скопинъ все переговорили, послѣдній, видя, что больше уже нечего дѣлать, началъ кончатся. Для большаго эффекта вбѣжала Екатерина и въ риторическомъ бреду мелодраматическаго отчаянія разболтала тайну своего преступленія. Василій бросаетъ скипетръ и самъ упадаетъ на полъ... Когда мы проснулись отъ рукоплесканій и вызывовъ публики, восторженной этимъ изящнымъ произведеніемъ, занавѣсъ былъ уже опущенъ...

Ифигенія въ Авлидѣ.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. соч. Расина, переводъ М. Лобанова.

Какая знаменитая трагедія—эта «Ифигенія!» Какое великое имя—этотъ Расинъ! Герои, цари, жрецы, полководцы, наперсники, наперсницы, вѣстники, александрійскіе стихи, важная выstupка, пѣвучая декламация—все это чудо, прелесть, очарованіе! И если мы во всемъ этомъ не видимъ природы, смысла, точки, страстей, чувствъ, мысли, поэзіи—виноватъ не Расинъ, а нашъ современный вкусъ, развращенный, обитый съ истинаго пути поэтами новаго времени, которые увидѣли высочайшій идеалъ искусства въ пьяномъ дикарѣ Шекспирѣ. И Буало былъ правъ, говоря Расину: «пиши—я ручаюсь за потомство!» Почему же Буало могъ знать, что вкусъ потомства такъ исказится, сбѣдается до того нечѣпнымъ, что потребуетъ отъ поэзіи истины, вдохновенія, чувства, идеи, дѣйствительности? Почему же могъ знать Расинъ, что Буало ошибется, думая, что «потомство» вѣчно будетъ ходить въ мудреныхъ парикахъ, въ фижахъ, въ штыхъ кафтаняхъ, въ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками!—Мы, съ своей стороны, тоже не виноваты, что вѣкъ маркизовъ-меценатовъ давно прошелъ, и что, не губя своей репутаціи честнаго человѣка, нельзя уже надѣть ничьей ливреи, чтобы сподобиться блаженства сѣсть на нижнемъ концѣ стола знатнаго барина, и за это писать его жѣнѣ матрагалы, а ему поздравительныя стихи въ высокаторжественный день именинъ его.—Итакъ, всѣ правы—и Расинъ, который писалъ такія прекрасныя трагедіи, и Буало, который такъ громко хвалитъ ихъ, и Лобановъ, который такъ мило переводитъ ихъ, и мы, которые такъ протяжно зѣваемъ отъ нихъ и такъ крѣпко спимъ послѣ нихъ.

Въ предыдущей книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» мы, по поводу изданной Поляковымъ «Физиологіи Влюбленнаго», удивлялись похвальному самолюбию русскаго человека, который ни въ чемъ не хочетъ уступить ни нѣмцу, ни французу, и который сейчасъ же, съ топоромъ и скобелюю, не только сдѣлаетъ то же, что другіе дѣлаютъ посредствомъ машинъ, но еще и норовитъ выдать свое издѣліе за нѣмецкое или французское. Одинъ изъ бенефициантовъ Александринскаго театра, узнавъ (изъ «Репертуара» Песочкаго), что на французскомъ театрѣ Расинъ снова въ странномъ ходу, не задумался нисколько воскресить на сценѣ Александринскаго театра изящные переводы Лобанова и поставилъ въ свой бенефисъ «Ифигенію въ Авлидѣ». Онъ даже прискалъ для этого и свою, доморощенную mademoiselle Rachel, которая къ парижской относится такъ же, какъ переводные стихи Лобанова къ оригинальнымъ стихамъ Расина,—стихамъ звучнымъ, плавнымъ, гармоническимъ, писаннымъ языкомъ свѣтскимъ, безъ усѣчений, безъ «питическихъ вольностей», безъ «сихъ» и «онихъ», безъ «токовъ слезныхъ» и безъ стиховъ, въ родѣ слѣдующихъ:

Куда, родитель мой, стремительно спѣшишь?
Ужель отрадныхъ дочь объятій ты лишишь?

Вообще постановка или возстановка подобныхъ допотопныхъ рѣдкостей очень забавна, заставляя однихъ хвалить ихъ зѣвая, другихъ—принимать ихъ за водевилы и за оперы, гдѣ все сплосъ поютъ, но жаль, что она положительно вредна, даже губительна для молодыхъ спеническихъ артистовъ, ибо портитъ ихъ дикцію и жестикуляцію, пручая ихъ и говорить, и двигаться не по-человѣчески. Отъ классическихъ пьесъ пострадало уже на Руси не одно замѣчательное дарованіе, и только немногіе могучіе таланты, воспитанные на классическихъ трагедіяхъ, могли освободиться, и то не безъ утраты силъ, отъ манерности и бездушной однообразности въ игрѣ. Впрочемъ, это нисколько не относится къ превосходному таланту Александринскаго театра—Толченову 1-му, который, въ роли Агамемнона, былъ, по своему обыкновенію, неподражаемо хорошъ. Будъ у насъ такихъ талантовъ съ дюжиною—и Расинъ, Корнель Вольтеръ воскресли бы на Руси еще лучше, чѣмъ въ Парижѣ!

Школа женщинъ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Мольера, переводъ П. И. Хмѣльницкаго.

Критика на «Школу женщинъ».

Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Мольера, перев. съ французскаго Г. Н. П.

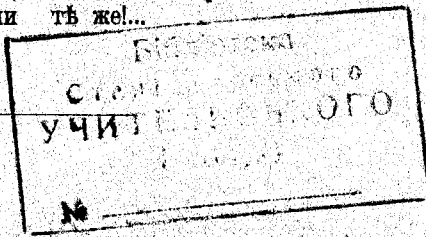
Вотъ что касается до возобновленія Мольера на топшей сценѣ русскаго театра,—это другое дѣло! Уже, конечно, смотрѣть комедію Мольера—болѣе умное и благородное занятіе, нежели отхлопывать себѣ руки и кричать безъ умолку при грубыхъ двусмысленностяхъ самодѣльныхъ, передѣльныхъ и переводныхъ водевилей, или при патетическихъ сценахъ топорной работы самодѣльныхъ и передѣльныхъ драмъ... Правда, Мольеръ, какъ сатирической живописецъ правое чуждаго намъ общества и далекой отъ насъ эпохи, можетъ существовать для насъ только какъ фактъ исторіи новоевропейской литературы, на сценѣ же не имѣетъ для насъ никакого значенія, никакого смысла; но, повторяемъ, лучше же что-нибудь дѣльное въ какомъ бы то ни было отношеніи, чѣмъ рѣшительно бездѣльное во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Мольеръ былъ человѣкъ съ огромнымъ талантомъ; но, при сужденіи о немъ, надо знать, въ чемъ заключался этотъ талантъ, въ чемъ его значеніе, и гдѣ его границы и мѣсто. Французы безъ дальнихъ околичностей говорятъ и пишутъ: «Шекспиръ и Мольеръ! Мольеръ и Шекспиръ!», какъ будто это два родные брата, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ ихъ родство самое дальнее. Мольеръ не былъ то, что называется «художникомъ»; его комедіи—не произведенія строгаго искусства; въ нихъ нѣтъ никакихъ неумирающихъ, вѣчныхъ красотъ; но имя Мольера тѣмъ не менѣе велико и почтенно, а его комедіи любезны и дороги для патристическаго чувства французомъ. И если француз не правъ въ томъ, что не по достоинству превозноситъ Мольера и держатъ, въ слѣпотѣ національной гордости и эстетической ограниченности, ставить его наравнѣ съ тѣмъ, кто такъ же не имѣетъ себѣ равнаго между поэтами, какъ нашъ Петръ между царями—съ Шекспиромъ, то все-таки французы правы съ своей любви, въ своей признательной памяти къ Мольеру, неохладенныхъ ни общественнымъ измѣненіемъ, ни успѣхами новой своей литературы. Да, они правы, забывъ Корнеля и Расина, и помня Мольера. Мольеръ былъ воспитателемъ французскаго общества въ самый интересный моментъ его развитія, когда оно, при Людовикѣ XIV, окончательно разставшись съ грубыми формами среднихъ вѣковъ, начало новую жизнь—жизнь ума, анализа,

критики. Комедии Мольера—сатиры въ драматической формѣ,—сатиры, въ которыхъ рѣзкое, остроумное перо его предавало на публичный позоръ невѣжество, глупость и подлость. И потому въ его комедіяхъ нечего искать творческой концепціи, глубоководныхъ характеровъ; потому въ нихъ мало дѣйствія, ходъ неестественъ, а развязка похожа на обыкновенные *coups de théâtre*; потому же въ нихъ являются такъ однообразно и благородные отцы, и резонеры, любовники, вездѣ и всегда какъ двѣ капли воды похожіе одинъ на другого. Дѣйствующія лица комедій Мольера—олицетворенные пороки и добродѣтели, а самыя комедіи—варіаціи на извѣстныя нравственныя темы. Но въ чемъ посредственность бываетъ просто отвратительна, въ томъ самомъ гений часто находитъ для себя удобныя средства для выполненія благихъ цѣлей: комедіи Мольера, несмотря на недостатки, обусловливаемые самой сущностью ихъ, какъ драматическихъ сатиръ, не суть холодныя аллегоріи, но живыя беллетристическія произведенія, нерѣдко блестящія искрами поэтическаго вдохновенія. Онѣ имѣли сильное вліяніе на современниковъ, слѣдовательно, имѣютъ историческое значеніе. Человѣкъ, который могъ страшно поразить передъ лицомъ лицемѣрнаго общества ядовитую гидру ханжества,—великій человѣкъ! Творецъ «Тартюфа» не можетъ быть забытъ! Прибавьте къ этому поэтическое богатство разговорнаго французскаго языка, которымъ преисполнены комедіи Мольера; вспомните, что многіе выраженія и стихи изъ комедій Мольера обратились въ пословицы,—и вы поймете признательный энтузіазмъ французовъ къ Мольеру. Присвокупите къ этому еще его поэтическую судьбу, его благородный характеръ. Но опять-таки вѣчныхъ, безотносительныхъ и безусловныхъ красотъ въ комедіяхъ Мольера нѣтъ. Его поэзія принадлежитъ не къ чисто-художественной сферѣ; онъ былъ поэтъ социальный въ духъ своего времени,—а его время, надо сказать, было крайне неблагопріятно для поэзіи, которая, помня свое божественное происхожденіе, не любитъ ливреи. Комедіи Мольера если еще и могутъ даваться теперь, то не иначе, какъ для публики самой образованной, которая приходила бы въ театръ смотрѣть не просто комедію, но историческую комедію, приходила бы видѣть воскресшимъ передъ своими глазами давно умершее общество, съ его вѣрваніями, нравственными началами, съ его пороками

и добродѣтелями, словомъ,—со всѣми особенностями его существованія—отъ образа мыслей до костюма. Но у насъ, что прикажете у насъ дѣлать Мольеру? Развѣ смѣшить праздную толпу?..

Что мы сказали вообще о недостаткахъ рода комедій Мольера, то особенно выразилось въ «Школѣ Женщинъ». Вся завязка основана на томъ, что одинъ человѣкъ носить два имени, и потому невольно дѣлается повѣреннымъ юноши, который знаетъ его только подъ однимъ именемъ и который влюбленъ въ его невѣсту. Дѣйствіе происходитъ на улицѣ, и при томъ ночью. Развязка дѣлается чрезъ то, что называлось у древнихъ *deus ex machina*. Гдѣ жъ тутъ комедія, гдѣ тутъ характеры? И, несмотря на то, тутъ много комическаго, много вѣрнаго въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Цѣль комедіи самая человѣческая—доказать, что сердца женщины нельзя привязать къ себѣ тиранствомъ, и что любовь—лучшій учитель женщины. Какое благородное вліяніе должны были имѣть на общество такія комедіи, если ихъ писалъ такой человѣкъ, какъ Мольеръ!... О вы, обожаемые мною самородные доморожденные русскіе драматурги! читая Мольера, потрудитесь отдѣлать въ немъ отъ всего прочаго его, общее, идеальное значеніе и, оставя безъ вниманія все, принадлежащее странѣ и времени, постарайтесь подражать ему въ томъ, что равно присуще всѣмъ странамъ и всякому времени!... Тогда, можетъ быть, вы перестанете ставить на сцену такія пьесы, въ которыхъ нѣтъ никакой страны, никакого времени, никакой цѣли и никакого... смысла; въ которыхъ изображается не то, что есть или что можетъ быть, но то, чего и нѣтъ, и не было, и никогда быть не можетъ!...

«Критика на «Школу Женщинъ» есть не что иное, какъ литературный споръ о «Школѣ Женщинъ», завязавшійся въ салонѣ. Это—пьеса, явно написанная на случай,—пьеса, которая въ свое время могла имѣть важное значеніе, но теперь, кромѣ книжнаго и историческаго, никакого значенія имѣть не можетъ, особенно на сценѣ. Богъ знаетъ, для чего ее дали! Въ этомъ разговорѣ особенно замѣчательно, что за-живо задѣтое самолюбіе завистниковъ, глупцовъ, невѣждъ и негодяевъ особенно нападало на комедію Мольера за дурной тонъ и неприличныя слова и выраженія... Люди всегда одни и тѣ же!...

Оглавление II-го тома.

I. Критическія статьи.

	СТР.	СТР.	
Двѣ статьи о Лермонтовѣ: I. Герой нашего времени. Соч. Лермонтова. Спб. 1840. Двѣ части	5	Непостижимая. Владимира Филимонова. Спб. 1841. Пять частей. (Отрывки).	568
II. Стихотворенія М. Лермонтова. Санктпетербургъ, 1840.	85	Небольшой разговоръ между литераторомъ и нелитераторомъ о дѣлѣ, не совсѣмъ литературномъ	569
Пушкинъ и Лермонтовъ. Библиографическія и журнальныя извѣстія	143	Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. Соч. Владимира Строева. Двѣ части. Спб. 1841—1842.	572
Русская народная поэзія. Древнія русскія стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ и вторично изданныя. Москва. 1818. Древнія русскія стихотворенія, служащія дополненіемъ къ Киршею Данилову. Собр. М. Сухановымъ. Спб. 1840. Сказанія русскаго народа, собр. И. Сахаровымъ. Т. I. Кн. 1, 2, 3 и 4. Изданіе третье. Спб. 1841. Русскія народныя сказки. Часть I. Спб. 1841.	151	Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души. Повесть Н. Гоголя. Москва. 1842.	578
Идея искусства	333	Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. Москва. 1842.	594
Общее значеніе слова литература	351	Сочиненія Платона. Переведенныя съ греческаго и объясненныя профессоромъ Санктпетербургской Духовной Академіи Карповымъ. Часть II-я. Спб. 1842.	602
Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе	389	Сочиненія Николая Гоголя, Четыре тома. Спб. 1842.	606
Русская литература въ 1841 году	395	Божественная Комедія. Данте Алигьери. „Адъ“. Съ очерками Флаксмана и итальянскимъ текстомъ. Переводъ съ итальянскаго Ф. Фанъ-Дима. Спб.	611
Стихотворенія Аполлона Майкова. Санктпетербургъ, 1841 г.	409	Тысяча и Одна Ночь, арабскія сказки. Спб. 1839 и 1842. Часть 6, 7, 8, 9 и 10.	612
Рѣчь о критикѣ. Пріизнесенная въ собраніи С.-Петербургскаго университета, 25-го марта 1842 года, экстра-ординарнымъ профессоромъ А. Никитенко. Спб. 1842	491		

II. Библиографія.

Душенька, древняя повѣсть, И. Богдановича. Спб. 1841 г.	557
Герой Нашего Времени. Соч. М. Лермонтова. Изданіе второе. Спб. 1841. Двѣ части	561
Русская исторія для первоначальнаго чтенія. Соч. Николая Полевого. Часть четвертая. Спб. 1841.	565

III. Журнальная всячина.

Педантъ	613
Литературный разговоръ, подслушанный въ книжной лавкѣ	622
Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя души“.	638
Алексѣй Васильевичъ Нольцовъ (неврологъ).	663

IV. Т е а т р ь.

Русскій театр въ Петербургъ	667	Веленіе въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ въ стихахъ, соч. П. Г. Ободовскаго	—
Братья-враги или Меоиниона нѣвѣста. Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Шиллера	673	Ионгенія въ Авлидѣ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Расина, переводъ М. Лобанова	678
Христина, королева шведская. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, переложенная съ нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ	—	Школа женщинъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Мольера, переводъ П. И. Хмѣльницкаго	680
Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій или семейная ненависть. Драматическое предста-		Критика на „Школу женщинъ“. Комедія въ одномъ дѣйствіи соч. Мольера, перев. съ французскаго Г. Н. П.	—

